

**Жизнеописания Отечественных
подвижников благочестия 18 и 19 веков
Сентябрь**

Архимандрит Авраамий, настоятель Алатырского Троицкого монастыря

(Память 1 сентября)

Архимандрит Авраамий, в мире – Александр Михайлович Михайлов, бывший настоятель Троицкого монастыря. Родился в 1805 году; отец его был из канцелярских служителей. В самом раннем возрасте Ал. М. остался сиротой после своих благочестивых, добродетельных родителей. Все семейство его было жизни честной и примерной. Старшая сестра его Анна Михайловна была замужем за винокуром Елисеевым. Они жили на заводе близ Алатыря в лесу за р. Сурою. Она была крестною матерью своего брата и взяла его на свое попечение. В этом то лесу он провел младенческие свои годы и так привык и полюбил его, что первым удовольствием его было гулять одному в лесу и слушать пение птичек. Любовь к лесу продолжалась у о. Авраамия до самой старости. Бывши архимандритом, он всякий год ездил в принадлежащий монастырю лес, где была караулка, на день или на два, чтобы там насладиться тишиной и созерцанием природы. Он считал проведенные там часы лучшими в своей жизни. Сестра его рассказывала, что маленький брат ее часто уходил в лес молиться Богу, воображая, что там под открытым небом Бог лучше его слышит. Лес в то время был дремучий, и в нем скрывалась шайка разбойников. Случилось, что разбойники забрались на завод и обокрали его; в числе вещей унесли часики, которые малютке подарила его покойная мать. Он очень горевал об них и придумывал, как бы достать их. Лес ему не страшен, воров он не боится, вот и отправлялся он искать похитителей. Набрел на них, когда они обедали, и стал упрашивать, чтобы отдали ему его милые часики. Малютка собою был прекрасен. Ангельское выражение лица тронуло атамана. Он взял его, посадил на колени, обнял, поцеловал и спросил: «нет ли у вас (на заводе) пороху»? – «Как не быть? Есть»! – «Ну, так поди же, принеси нам, и мы отдадим тебе часы». Дитя обрадовалось, побежало

домой и начало просить пороку, хваля разбойников, что они такие добрые и ласковые. За эту проделку его много побранили и наказали тем, что несколько времени не пускали в лес. Воспитанный сестрою в строгих нравственных правилах и наслушавшись от нее о жизни святых, будущий подвижник, которому тогда было не более семи лет, вздумал однажды удалиться в лес и остаться там; но, отыскивая удобное для себя место, он вспомнил, что у него не было свечей, которые, как он видел, сестра его всегда зажигала пред образом, когда молилась; а потому он возвратился домой, где опять его пожурили. – Сестра его вскоре умерла, и он был взят в Симбирск, другими сестрами и старшим братом. Тут жизнь его изменилась. Ему пришлось бывать в светском обществе, ходить в гимназию, учиться танцевать, петь; приходилось иногда играть в карты с барышнями и своими сверстниками. Но строгие нравственные правила, в коих был воспитан, никогда не забывались. Прилежание его и успехи в науках ставили в пример для других. Благообразная наружность, скромность, кротость и деликатность привлекли к нему внимание всех и когда, напр., раз в гимназии было объявлено, что будет петь гимназист Михайлов, то все симбирское общество съехалось, преимущественно, чтоб послушать его.

По окончании курса в гимназии, Александр Михайлов перешел в Казанский университет при попечителе Магницком. Учился отлично, но еще более преуспевал в благочестии. Живя у профессора, он пользовался его библиотекой, богатою книгами религиозного содержания. Творения св. Димитрия Ростовского более других имели на него влияние и внушили ему оставить мир и искать вечного блага. У Александра Михайловича был товарищ одинаковых с ним наклонностей; оба они были в высшем классе и жили вместе у одного и того же профессора. Оба юноши пылали ревностью ко спасению и придумали бросить все, воспользоваться вакантным временем, идти в Саровскую пустынь и в ней остаться навсегда. Путь их лежал через Алатырь. Они пришли в него (30 июня 1823 года) утром и прошли прямо в церковь монастырскую, где слепой старец топил печь и пел ирмосы. Это так восхитило Александра Михайлова,

что он сказал: здесь живут ангелы! В это время архимандрит монастыря был маститый старей Авраамий первый устроивший монастырь. Он был из Сарова, друг преп. Серафима, и все правила саровские были им введены в монастырь. Он приласкал странников, позволил им отдохнуть несколько дней, и Александру Михайлову так тут понравилось, что он решился остаться в этом монастыре, а товарищ его отправился в Саров. Архимандрит Авраамий приказал сшить пришельцу из черной толстой крашенины кафтанчик. Из грубой кожи сапоги и поместил его к благочестивому, но строгому старцу просфорнику. И вот деликатный, нежный юноша, Александр Михайлов, преобразился в послушника Александра. Он совершенно был покорен воле своего наставника; соблюдал строгий пост; не пропускал ни одной церковной службы. Послушание, кротость, смирение были отличительными качествами его души. Раз пришел к нему нищий и просил стареньких сапогов, а ему только-что сшили новые. Он тотчас пошел к своему старцу просить благословения отдать бедному старые сапоги. Угрюмый старец, зная склонность своего послушника все раздать, сказал в насмешку: «ты бы отдал новые»! Александр поклонился до земли и с радостью исполнил тотчас его позволение, не подозревая насмешки, за что получил после строгий выговор. Но, несмотря на свою строгость, старец очень любил своего послушника и, замечая, что он худеет и бледнеет от строгого воздержания, иногда давал ему мягкую просфору, приговаривая: «на-ко, полакомься: ведь ты еще не привык к нашей суровой жизни!» Много потерпел насмешек и неприятностей послушник Александр от монастырской братии, которые большею частью были мордва и простолюдины. Они смеялись над его невинностью, над его стыдливостью. Грубость их иногда выходила из пределов. И могло ли быть иначе? Юноша чистой девственной жизни, с пламенной душой, с сердцем нежным и полным любви даже ко врагам своим, мог ли без искушений и соблазнов пройти поприще послушнической жизни? Видимые и невидимые враги нападали на него, но он святой молитвою и под покровом Богородицы всегда выходил победителем. Было время, что он хотел удалиться и, если бы не убеждения одной

благочестивой старицы, жившей против монастыря, которая была для него попечительною матерью, то он ушел бы в Саров. Много и других искушений потерпел Александр Михайлов. Из Казани профессора писали к нему самые убедительные письма, уговаривая его возвратиться и не лишать их такого достойного ученика, которым они дорожили и который всегда радовал их своими успехами, – представляли ему, что он по окончании курса успеет поступить в монастырь, если не раздумает; писали даже к архимандриту, прося его содействия; приезжала к нему сестра и со слезами умоляла его от лица всех родных возвратиться в университет; но ничто не поколебало его твердого намерения служить Богу. Видя его кротость и незлобие, архимандрит взял его к себе и до конца жизни с ним не расставался, так что и скончался на его руках. Когда архимандрит сделался очень слаб и ослеп, то на его место был прислан из Казани его племянник Арсений. Последний тоже оценил и полюбил кроткого юношу Александра Михайловича. Так протекло почти 10 лет его послушничества. Ожидая посещения преосвященного Анатолия его поставили чтецом. Преосвященный обратил на него внимание и после обедни призвал к себе и спросил, желает ли он принять монашество? И как тот изъявил готовность, то приказал его представить, и через два месяца послушник Александр был пострижен, и по желанию старца Авраамия, бывшего архимандрита, дали ему имя Авраамий. Старец был очень рад и предрек своему юному соименнику, что он будет современным архимандритом Троицкого монастыря. Вскоре по пострижении, Авраамия рукоположили в диакона 25-го декабря 1833 г., а в 26 числа в иеромонаха. Такое быстрое повышение возбудило ревность монахов, в особенности же казначея – Мельхиседека. И как последний был уж стар и слаб, то вскоре стал просить об увольнении от казначейской должности. Архимандрит Арсений собрал на совет всех старцев в церковь для выбора другого казначея. Когда началось совещание, вошел в церковь Авраамий, Мельхиседек, не любивший его, с насмешкою указал на него и сказал: вот идет, – кого еще лучше»? Архимандрит очень обрадовался этому указанию и назначил его. Испуганный

такую внезапностью, Авраамий упал к ногам архимандрита и умолял избавить его от этой должности; но, несмотря на просьбы, его и утвердили. И он как настоятель много потрудился для вверенной ему обители. И жизнь его частная келейная была достойна подражания. Никто более не знал его, как бедные и несчастные: одни получали от него помощь, другие советы и утешение. Его кротость, снисходительность, ласковое обращение привлекли к нему всех. Отовсюду из дальних деревень шли к архимандриту Авраамию, как к родному отцу, – сообщить свое горе или недоумение, и он всех принимал как братию. Самая наружность его была привлекательна: он был небольшого роста, тонок станом, голос был тих и гармоничен, походка тихая. Нежное лицо, обрамленное седыми волосами, выражало смирение и добродушие. Все существо его, кажется, дышало девственной чистотой. При совершении богослужения и особенно литургии он был величествен, во всех чертах его изображалось благоговение и сознание, что он совершает таинство и приносит жертву. Один офицер, молодой человек, приехавший из Казани, увидав службу о. Авраамия, говорил, что вид архимандрита и его служение возбуждает душу к молитве и с тех пор всегда ходил в Троицкий монастырь. Когда архимандрит сам не участвовал в службе, то занимал место чтеца – читал шестопсалмие и каноны. Жизнь его была прекрасна и кончина блаженная! Должно быть, он заранее ее предвидел. Посещая в последний раз своих друзей, он как бы приготавливал их к скорой разлуке: все разговоры его были направлены к будущей жизни. «По немощи нашей, говорил он, горька нам временная разлука; но подумайте, как сладостно соединение в вечности. Что такое горе, болезни? Все это мы оставим здесь за собою, а там любящим Бога радости не будет конца»!

С первого же дня своей болезни 31-го августа он начал распоряжаться касательно смерти. Сначала затрудняло его то, что казначей иеромонах Таисий, духовник и друг его, несколько месяцев лежал больной в постели, и все это время архимандрит сам исполнял его должность. Но Господь показал милость. Слабый, чуть живой старец, услышав о болезни архимандрита,

встал и прибрел к нему и во все время болезни не отлучался от него. Архимандрит начал тем, что приобщился и соборовался, потом все дела свои сдал казначею, приказал приготовить себе облачение, сам пересмотрел его, приказал уложить на стол в гостиной и затворить ее сам заказ себе гроб и приказал столяру, что как скоро он услышать удар колокола несвоевременно, нес бы его в монастырь (так и было: еще не успел в другой раз ударить колокол, извещавший о кончине архимандрита, как гроб уже несли в обитель), сам продиктовал рапорт к владыке о своей смерти и телеграмму, зная, что слабому о. Паисию все это будет затруднительно; и точно, едва достало сил у о. Паисия, чтобы совершить его погребение. Окончив все это, архимандрит дозволил допускать к себе всех посетителей, как это ни было ему трудно. С глубокою скорбью все стремились к нему, чтоб насладиться в последний раз его лицезрением, принять благословение и услышать слово утешения. Все выходили от него, обливаясь слезами: все упали духом и ждали тяжкого события. За час пред смертью больной приказал созвать братию монастырскую и послушников, всех благословил; со всеми простился и, отпустя их, приказал читать себе отходную. Его посадили в кресла. После отходной он приказал читать акафист Спасителю, попросил подать икону – благословение его родителей, помолился и приложился к ней и, склоня голову к духовному отцу своему, который стоял подле, поддерживая его, тихо скончался¹.

Инокиня Маргарита (Марфа)

(Память 1 сентября)

В конце XVIII -столетия, около 1780 года переселилась в Кирсанов с своим семейством, из города Саранска, Пензенской губернии, некая вдова, дворянского рода, Мелания Гавриловна Апарина. Это была мать Марфы Петровны Апаринной, старицы-подвижницы, первоначальницы женского монастыря в городе Кирсанове. В семействе вдовы Апаринной, кроме девицы Марфы, были еще два брата Иван и Сергей и сестра Пелагия. Братья скоро определены на службу. Марфа старшая из сестер, рано обнаружила стремление к иноческой, подвижнической жизни. С малых лет, по общему преданию и свидетельству ее брата, она перестала, есть скоромную пищу, а впоследствии не употребляла даже рыбы и постного масла. Еще более замечательное рассказывают об ее молитвенных подвигах в детстве. Еще дитятей, находясь под присмотром няни, Марфа часто среди ночи вставала с своей постели и начинала молиться пред иконами. И когда няня, а затем мать, узнавшие это, начинали бранить малютку за это вставание с постели, Марфа со слезами рассказывала, что ночью «светлый юноша» являлся ей и побуждал молиться. К этим ранним подвигам поста и молитвы Марфа возбуждала и сверстниц своих, живших по соседству девочек одинаково с нею возраста. Выходя из дому, она собирала около себя подруг и, вместо игр, которых чуждалась, рассказывала им как умела, слышанное ею: о царствии небесном, о венцах за пощение и молитву, и проч.

С дальнейшим возрастом росла в Марфе и любовь к постнической, подвижнической жизни. Не раз со слезами умоляла она мать свою отпустить ее в монастырь, но тщетно. «Ходи в церковь, молись Богу: тот же будет монастырь для тебя»; так отвечала мать на просьбы дочери. И девица-подвижница жила в родном семействе, ничем по внешности не отличаясь от прочих членов его, кроме того, что носила черное платье и по временам, с позволения матери, ходила в ту или другую обитель. «Вела себя она, говорил ее брат, с отличною

кротостью и богоугодно, пользуясь всеобщей любовью не только в семействе, но и от других людей». Одушевленная такою Любовью и кротостью нрава, Марфа-труженица, часто, тайно от матери и от родных, исполняла работы слуг; мало того, если случалось, что кто-либо из слуг разобьет какую-нибудь посуду, и домашние начинают, бывало, разыскивать, кто это сделал, то, бывало, Марфа скажет: «простите, это сделала я», и тем избавит людей от наказания. За это слуги питали к ней особенную любовь и служили ей с особенною готовностью не из страха, а из признательности. Не меньшую любовь и уважение постепенно приобрела Марфа и вне своего семейства, в городе. «Она так была счастлива, по выражению ее брата, что очень многие постоянно ходили к ней за советами, либо с просьбою утешения в скорби». И она обладала в высшей степени даром совета и утешения. Несколько человек, по ее совету и подражанию ее жизни, отреклись от мира, постриглись в разных монастырях и после приходили к ней с изъявлением благодарности. «Так помню я, говорил брат, одну бедную вдову, с двумя малолетними детьми, обратившуюся к сестре за советом. По наставлению ее, эта вдова, хотя не постриглась, но стала вести жизнь духовную, и сыновья ее дворовые люди по возрасту быв уволены по ходатайству Марфы, от помещика, постриглись в Саровской пустыни». Путешествуя по монастырским сборам, они часто заезжали к Марфе и благодарили ее за попечение о них. «Когда и мне бывало огорчение, рассказывал о себе брат, я всегда обращался к покойной сестре-утешительнице». «Братец, не огорчайтесь, говорила она мне, Бог вас помилует и сохранит и Божия Матерь не оставит без защиты и помилования». «И я отходил от нее с спокойным духом и не раз получал непредвиденный оборот в тяжелых обстоятельствах моих». Глубоко уважая Марфу, многие из приходящих давали ей деньги, и она тотчас же раздавала их бедным. К этой благотворительности она убеждала и домашних своих, всегда прибавляя: «милосердный Бог по милостыням от грехов избавляет, она сама испрашивала из разных церквей к себе на дом ризы с икон, священные одежды и разную утварь, чистила их, шила одежды на престол и для

священнослужителей, и в этой работе находила для себя особенное утешение. В свободное же от время, особенно по вечерам, он читала для домашних жития святых и беседовала о разных спасительных предметах. Так жила блаженная Марфа при жизни матери! И это жизнь ее внешняя. О молитвах же ее и трудах, втайне ею совершаемых, по свидетельству брата, не знали домашние, да и никто из людей: это открылось уже при святой кончине.

По смерти матери, поприще подвижнической и благочестивой жизни для блаженной Марфы сделалось еще обширнее. Она удержалась от своего намерения скрыться в обители, потому что нашла уже ее в собственном своем доме, где незаметно для себя, по мановению предизбравшего ее Божественного Промысла. Сделалось наставницею других, искавших спасения, содеваемого в безмолвии. И первее всего, родная сестра ее, Пелагея, давно уже решилась подражать ее высокому труженичеству и разделять навсегда с нею жизнь отшельницы. Затем вокруг сестер-отшельниц скоро собралось достаточное семейство девиц, искавших уединения, трудов и молитвы, а главное – желавших неразлучно жить с блаженною Марфою, наслаждаться ее духовными советами и наставлениями. Таким образом, скоро по смерти матери, у Марфы и Пелагеи составила маленькая обитель (или богадельня) из жен и девиц тружениц: все они подклонились под руководство и покровительство матери Марфы, жили и водились ее духом, научаясь подражать высокому образу ее жизни. Это – зачаток впоследствии обширного рассадника дев-подвижниц, зачаток ныне многочисленной Тихвино-Богородской обители. Совмещающей в себе около 200 сестер. Благочестивая наставница Марфа, руководящая и одушевляющая это семейство произвольных тружениц, полюбила их, своих питомцев, как детей. Утешалась их желанием подражать в подвигах поста и молитвы, и вот причина, заставившая Марфу отложить навсегда свое намерение заключиться в обители.

Впрочем, кроткая и любвеобильная Марфа не приняла на себя должность постоянной надзирательницы и настоятельницы этого собравшегося к ней семейства девственников. Должность эту

она передала своей сестре Пелагеи, а сама постоянно предпринимала благочестивые странствования по святым местам и славящимся своею духовною жизнью обителям, изучая в них высокие образцы христианского подвижничества. Не раз бывши в Тихвине, она возымела особенное христианское усердие к чудотворной иконе Божией Матери – Тихвинской. Как свидетельство веры и усердия к иконе Божией матери – Тихвинской, от времен Марфы, по смерти брата ее Ивана, осталась в обители маленькая икона Тихвинской Богородицы, медная, оправленная в золотой ободочек, усыпанный камнями. Икона эта приобретена Иваном Апариным по желанию сестры Марфы. Последней было видение во сне об этой иконе, с повелением, выменять ее в Кирсанове же, на рынке, на другой же день после видения. И точно, брат ее приобрел икону, нашедши ее в предуказанном месте и во всю жизнь не разлучался с нею. Это записано в дневнике Ивана Апарина, под 1783 годом; то же сказание выбито на другой стороне иконы. Марфа благословила этою иконою общество своих питомцев, а сама продолжала странствовать. По преданию, в одно из путешествий к Киевским святыням, она приняла там тайно пострижение с именем Маргариты. Затем. В свободное от далеких странствий время, Марфа попеременно жила то в Кирсанове. Близ своих питомцев. то в Тамбове, в доме своего брата Сергея.

Между тем, телесные силы подвижницы сильно истощились. Марфа чувствовала этот постепенный упадок сил и потому первее всего позаботилась о дорогом для ее сердца рассадник Кирсановской обители, – семействе питомиц-подвижниц, живших ее жизнью. Чтобы насажденное ею сожительство после ее смерти не рассеялось, она призвала одну из ближайших и любимых учениц своих Татиану Пахомову (впоследствии настоятельницу Кирсановской обители) и заклиная ее именем Божиим принять общество сестер под свое руководство. На родную сестру свою Пелагею она не имела крепкой надежды, так как последняя слаба была здоровьем. Долго Татиана отказывалась от труда попечительницы общества, доколе высокое уважение к последнему завещанию старицы не

восторжествовало над нею. Вместе с тем, чтобы сохранить характер настоящей женской обители маленькому общежитию (о чем она не раз предсказывала сестрам, что «в Кирсанове будет монастырь»), она завещала питомцам в точности соблюдать правила устава общежительной Саровской пустыни, каковой устав свято выполняется в Кирсановской обители.

Это было пред последним отъездом Марфы из Кирсаново в Тамбов и незадолго пред переселением из сей жизни. Старица предчувствовала свою кончину; она непременно желала умереть в Тамбове, о чем не раз говорила и прежде, почему и настоящий отъезд ее имел для нее особенное значение: она собиралась теперь в Тамбов с какою-то особенною торжественною таинственностью. В последний раз она собрала к себе сподвижниц и так беседовала с ними: «Не плачьте, сестры! Когда будет у вас монастырь, то и я. По воле Божией, буду жить с вами. Если не телом, то духом. Умоляю вас, не оставляйте правил послушания и любите друг друга. Почитайте вашу начальницу, как мать, и помогайте ей молитвами и трудами. В трудах будьте терпеливы и призывайте на помощь Пресвятую Богородицу. Она ваша покровительница». По прибытии в Тамбов, около Успенского поста, Марфа, по наступлении этого поста, говела и приобщалась Св. Таин. Затем, она вызвала из Кирсанова любимейшую ученицу свою Татиану и вскоре так заболела, что окружившие ее сестры (Тамбовского Вознесенского монастыря) ни на минуту не отходили от нее. Читая постоянно молитву Архангельского приветствия: «Богородице Дево, радуйся, благодатная...» и пр. Больная еще раз приобщилась Св. Таин и постепенно, тихо приближалась к могиле. Минуты кончины блаженной старицы Господу угодно было ознаменовать особенным чудным знамением, которое видела неотлучно сидевшая при ней сестра (Мавра), читавшая над умирающей молитву ангельского приветствия и передала потом свое видение всем. По сказанию сестры, пред самую кончиною Марфы, какое-то чудное облако осенило умирающую и виден был лик Спасителя, благословляющего ее десницею, другую же руку держащую горе. Затем сестра узрела несказанной красоты юношу, который подавал прекрасную ветвь

в руку умирающей. Тогда великою радостью воссияло лицо старицы, и она испустила дух. То было 1 сентября 1800 года.

Сколь была велика подвижница Марфа, это особенно сделалось ясным для всех после ее кончины. Брат ее Иван подробно записал все следовавшие за ее кончиною и самое погребение, свидетельствуясь Богом в истине своих показаний. Прежде всего, на теле почившей увидели «железные вериги», чего, по замечанию брата, никто не знал из домашних, и на груди «железный крест». Вериги заперты были замком, от которого не нашли ключа. Еще при кончине старицы эти вериги замечены были на ней одною, сидевшей при ней сестрою; но больная заклинала сестру не говорить никому об виденном и положить себя в землю в веригах, что и было исполнено. Другая особенность, замеченная по кончине: прибывшие из Тамбовского Вознесенского монастыря сестры одели почившую в схимонашеское одеяние, сказав недоумевающим: «так должно». «Тут только мы, домашние (по словам брата), узнали, что сестра пострижена была тайно и только тщательно скрывала от всех знаки этого пострижения».

Едва не весь город собрался, без повесток, на похороны почившей Марфы. Священники разных церквей. Тоже без зова, приходили с своими причтами. Чтобы отслужить панихиду по умершей. Тело почившей было отпето в церкви Вознесенского девичьего монастыря, а похоронено на кладбище Воздвижения Креста Господня, при деревянной церкви, по левую сторону алтаря. Старица при жизни сама указала это место: на этом месте она завещала похоронить себя, потому что здесь же похоронен был высокоуважаемый ею, ее духовный отец, г. Тамбова, Архангельской церкви, иерей о. Гавриил. Теперь вполне объяснилось и желание покойной Марфы умереть в Тамбове, где она пребывала только по временам, а не в Кирсанове, где она жила постоянно, где покоился прах ее матери.

На кладбище г. Тамбова (Воздвижения Креста Господня) ее могила – проста и скромна по своему внешнему виду. Вместо памятника, ее покрывает простой известковый камень, от времени вросший в землю и покрытый мхом. Но вот уже 100 лет

дорожка к этой могиле не зарастает: православные поодиночке или целыми семьями, посещая кладбище, считают священным долгом пройти к этой могиле и помолиться на ней. Часто жители города густою толпою окружают эту могилу: на ней совершаются моления, служатся панихиды, и – что еще замечательнее – многие из христиан отламывают куски от могильного камня, придавая этому камню некоторую целебную силу².

Раба Божия Татиана

(Память 2 сентября)

От времени до времени оказываются то в одном, то в другом углу святой Руси великой скромные подвижники, осуществившие высокие нравственные требования, у которых многому должны поучиться забывающие все для самих себя. Слабая женщина почти сорок лет своей жизни употребляла на непрерывное самоотверженное служение Богу и ближнему. Как велика была ее вера и как глубока ее любовь, давшая ей такую энергию и настойчивость в деле, не приносившем лично ей ничего, кроме лишений! Ее скромные труды дают ей место среди истинно хороших людей, работающих на разных поприщах служения общественного.

В октябре 1888 года, в селе Берновичах Поречского уезда, Смоленской губернии погребена была в склепе в церкви известная от Петербурга до Смоленска, от Риги до Харькова и Гельсингфорса – ревнительница благосостояния святых Божиих церквей и благотворительных учреждений на пользу бедствующей и страждущей меньшей братии – вдова священника упомянутого села Татиана Ивановна Сафронова. С 1851 года, среди всяких лишений и неизбежных огорчений, наперекор всем препятствиям, небоязненно и бодро, неутомимо и самоотверженно доходя до крайних пределов бескорыстия и самоотречения, занималась она, большей частью, малыми приношениями, собиранием средств на построение каменного храма в селе Берновичах, вместо деревянного, ветхого, построенного еще во время царя Алексея Михайловича, и на устройство богадельни для бедствующих своих соотечественниц. И неутомимая труженица достигла перед своею смертью намеченной ею цели! Устроена епархиальная богадельня ее имени; освящена церковь, построенная на собранные ею средства, и на обеспечение в будущем благосостояния сей церкви положено ею, Сафроновой, до 20,000 рублей.

Скончалась она в мире с Богом и людьми – 74 лет, 2-го сентября 1888 года в Петергофе. Из Петергофа, по истечении

сорокоустного поминовения ее в Петербурге, Московском кремле, Петергоф, Смоленск, Поречье, Берновичах, Радом и Лесне, – тело ее перевезено в Берновичи, куда оно прибыло 22 октября в день празднования Казанской иконы Божией Матери, пред которою когда-то целыми днями, до крайнего изнеможения, молилась она, выступая на избранный ею крестный путь собирания средств на построение церкви и богадельни для бедных. Многочисленные толпы благодарного простого народа: мужчин, женщин и детей, сопровождали тело ее от железнодорожной станции Ярцево через уездный город Духовщину до села Берновичи, на расстоянии 45 верст, в течение двух дней. Погребальное шествие сопровождалось панихидами по усопшей. В дни прихода в Берновичи с телом храмоздательницы Татианы 22-го числа и положения тела ее в склепе 25-го октября Берновичская новая просторная церковь положительно не могла вместить всего того количества деревенских жителей, которые собрались на отдание последних почестей телу великой труженицы для царствия Божия, мысли о котором, под влиянием чтения Евангелия и Жития святых, вдохновили ее на подвиг, утешали ее и ободряли в течение 37 лет – ровно половины ее подвижнической самоотверженной жизни³.

Отец Петр, священник Иерусалимской слободы под Угличем

(Память 3 сентября)

Родиною о. Петра был погост Якимовский, Угличского уезда, Ярославской губернии. В 1782 году у дьячка того погоста Алексея Васильева родился сын Петр; на него, как на старшего, обращено было полное внимание по обучению грамоте. В том же селе дед его о. Василий Петров был священником, и также принимал немалое участие в обучении внука и преподавал ему первые уроки христианского благочестия. В низших классах и в духовной семинарии юному Петру

Священник отец Петр

пришлось вынести много нужды и горя; но благочестивый дед, при каждом прибытии юноши на родину, поддерживал его своими советами, и невзгоды семинарской жизни и недостатки бедности не сломили его духа. Петр Томаницкий успешно переходил из класса в класс и обогащался познаниями. В последние годы семинарского ученья многосемейность и бедность его родителей вынудили молодого человека содержаться на свой счет и уже без пособия родительского достигнуть окончания курса наук. Средством к его содержанию послужило умение петь. Еще в первых классах семинарии Томаницкий взят был в хор певчих; изучивши ноту и имея приятный голос (бас), он стал регентом второго архиерейского хора и надзирателем над малолетними певчими. Руководя других, юноша и сам по необходимости должен был являть в себе опыты жизни кроткой и уживчивой; события этого времени крепко отпечатались в памяти молодого семинариста, так что он во всю свою многолетнюю и многотрудную жизнь не переставал говорить. Что он и всегда на правом клиросе певчий, а на левом – регент.

По окончании курса наук Петру Томаницкому, при его благозвучном голосе, предлагалось дьяконское место; но это не состоялось. Вскоре открылось священническое место при церкви Иерусалимской слободы, близ города Углича, – и Томаницкий 5 апреля 1807 года посвящен был в иерея к означенной церкви. Получив себе место поступлением в дом, отец Петр нашел там многое не по своему образу мыслей: в домашней жизни бедность, в приходских жителях – жестокость нравов, в составе служащего причта распущенность, злорадство и склонность к

кляузам, и начал свое служение согласовывать с своими душевными стремлениями. Первые три года священнической деятельности прошли спокойно; они были употреблены на чтение божественных книг и частое совершение богослужения. Такая исполнительность по службе и безупречная священническая деятельность не понравилась членам причта. Они замечали прибавку труда, но не видели увеличения своих причтовых доходов, ни особой заботливости с ним судебное дело, желая перемещения его в другой приход, или же и совершенного удаления его от должности. Духовное правление было близко, всего в одной с половиною версте, в городе Угличе. Члены причта начали подавать прошение за прошением; отца Петра, как обвиняемого, вызывали к допросу. Обвинения, изложенные в прошениях, явно были несправедливы и вымышлены; стоило только проверить их на месте. Но подсудимый, неопытный в делах судебных, не принял никаких мер к оправданию, рассчитывая на свою правоту; а духовное правление, не разобравши дела дознанием на месте, присудило его к трехдневному заключению в своем холодном чулане. К узнику не допускали никого. Приходские люди не навестили своего пастыря в злострадании, а, может быть, и не знали о случившемся. Жаловаться на обиду епархиальному начальству он не решился. Ему было известно, что в составе духовного правления находились лица родственные членам его слободского причта, которые дело то, в случае апелляции, могли представить в невыгодном свете пред судом епархиальным. По миновании трехдневного ареста, узник-страдалец вновь начал обычную службу при своей церкви, не сказавши ни слова членам причта; при виде такого незлобия собрата, вражда его сослуживцев не только не утихла, а еще более усилилась и начала действовать сообща, заговором, не разбирая ни каких средств. Однажды вечером отец Петр, по исправлении приходской требы, шел домой со своим причтом: спутники неожиданно напали на него и жестоко избили. При высоком росте и крепком телосложении, в годах своего зрелого мужества, этот человек мог дать сильный отпор врагам, напавшим на него с такой зверскою лютостью, но не решился воздать злом за зло.

Обиженный так нагло, разбойнически, молодой священник в другой раз перенес оскорбление и жалобы не учинил; но домашние его стали замечать в нем с того времени особенную задумчивость, начавшую часто с ним приключаться. Горько было ему видеть в причетниках такую ожесточенную злобу, – правда и добро для них не существовали.

Наступавший 1812 год принес отцу Петру новое испытание. Однажды отец Петр совершал Божественную литургию в своей приходской церкви, как вдруг между молящимися поселянами пронесся слух, что Наполеон входит в Углич. В храме сделалось смятение, шумные крики ужаса прекратили богослужение; народ побежал из церкви, служители храма Божия перепугались и хотели уйти вместе с народом; с иереем священнодействовавшим сделалась страшная перемена. Сильный ли испуг подействовал на отца Петра, или нервное потрясение произвело в нем минутное омрачение рассудка; только этот случай сделался роковым и решительно подействовал на всю остальную жизнь его. Отец Петр сделался тогда грозно иступленным, готовым разить его окружавших. Злобные члены причта воспользовались таким событием, насильно разоблачили священника, с оскорблениями, биениями и бранью привели домой, и приковали на цепь.

В расстройстве чувств, избитый, опозоренный прикованием к стене, отец Петр явился глубоко-потрясенным и, в полном смысле слова, душевно больным. Родные отвезли его в Ярославскую больницу для излечения от болезни умопомешательства. Находясь в больнице, вдали от злобной среды, окружавшей его на месте служебной деятельности, он скоро успокоился, выздоровел и, вернувшись домой, вновь проходил свое служение весь 1813 год. Исправление им священнических обязанностей также было безупречное и обнаруживало в нем еще более твердую решимость отрешиться от всего земного.

Злоба врагов снова восстала против иерея Божия в изобретениях лукавства. Диакон Димитрий Марков однажды позвал отца Петра в гости с заявленным желанием выпросить прощения в нанесенных ему ранее оскорблениях и, в

доказательство мира, просил его выпить поднесенного напитка, который смешан был с ядовитым зельем. Угощаемый сказал хозяину: «сперва тебе надобно выпить». От такого приглашения диакон побледнел, смешался и не знал, что делать. Тогда отец Петр взял стакан, перекрестился и, тихо говоря: *еще и что смертно испиют, не вредит их* (Марк. 16,18), выпил. Он не умер, но тогда же сделалось с ним дурно. С этого дня семейные заметили в отце Петре разительную перемену; последовало с ним болезненное состояние. По временам являлись в нем припадки тревожного помешательства ума; он забывался, бил себя, убегал из дома, в чем попало, нередко наводил ужас на окружающих его. После неоднократного повторения таких припадков, больной начал предчувствовать сознательно их приближение и тогда лично приказывал жене своей приковать себя в своем доме. «Оксинья! Прикуй меня.»

Тревожные движения духа повторялись нередко. В начале 1814 года родные вновь отправляли отца Петра в Ярославль и поместили в доме умалишенных; но суровое обращение с больными людей служащих до крайности удивило родственников привезенного священника. По просьбе их, больной был скоро отсюда отпущен; духовное же начальство, признавая его помешанным, 15-го февраля 1814 года уволило его от должности и отобрало от него священническую грамоту.

С этого времени он избрал для себя путь юродства и шел им постоянно и мужественно все последующие годы своей жизни. Пред массой народа он покрывал себя мнимым расстройством своих душевных способностей, говорил иногда многое, как бы вне ума. И не приложимое к существующему порядку дел; но и в мыслях своих, и в действиях силою своей веры всегда держался Христова духа и направления.

Первые годы жизни отца Петра, по возвращении из Ярославской больницы умалишенных, особенно соделались чудными и знаменательными по явному обнаружению на нем действия особенного Божественного промысления. Родные сего страдальца держали его прикованным на цепи, и народ боялся его, как безумного; но Господь даровал ему благодатный дар прозрения тайн будущего и сердец человеческих, но вместе с

таковым даром усугубил его материальную бедность. В скоро приключившемся, после того времени, пожаре сгорела вся слобода, и домик больного священника сгорел в числе первых.

Однажды жена отца Петра собралась идти в Углич; прикованный к стене страдалец не хотел ее отпустить и прикровенно открыл для нее тайну будущего. «Оксинья не ходи; жарко будет». Но жена его не дала себе труда вдуматься в сказанные ей слова и пошла в город, бросивши мужу ключ от одного какого-то чулана. Спустя не много времени пришла к отцу Петру соседка посидеть на завалинке его дома и пожалеть о его тяжелом положении: тогда он сказал пришедшей уже без иносказаний: «Феодосья! Поди домой. У тебя горит». В доме ее действительно загорелось, и выгорело все село; домик отца Петра истреблен был пожаром в числе первых строений, так что с ключом, оставленным ушедшею хозяйкою дома, выбрана была только малая часть их имущества. Самая жизнь человека Божия сохранена была от опасности, благодаря сердоболию немногих христолюбцев, которые успели прийти во время, отковали узника и вывели его из загоревшегося здания. Погорельцу-узнику было свыше открыто, в утешение его скорбного духа, что новый домик для жительства его с семейством будет устроен на том же самом месте, – и муж, начавший путь юродства, открыл это обывателям – поселянам в своих, свойственных одним юродивым, причудливых формах. Лишь только потухли оставшиеся головни сгоревшего дома, юродивый сел на пепелище и никуда не хотел сойти. Ни просьбы родных, ни угрозы и насилия соседей, ни осенние ветры и дожди, ни частые морозы и непогоды поздней осени, – ни что не могло сжить его с занятого им места. Соседи жители сделали для него тут же шалаш и приковали его к этому жилищу; на нем же в скором времени, при пособии христолюбцев, выстроен был небольшой двухэтажный домик, в котором прозорливец и жил до своей смерти.

В другой раз, оставленный не прикованным, отец Петр ушел в город Углич и там, ходя по улицам, не раз говорил: «ух, как жарко будет». Многие из жителей города слышали слова, им сказанные, и не обратили на них внимания. Вскоре, однакож,

страшное пожарное бедствие опустошило город, в котором те самые улицы и выгорели, по которым проходил Петр юродивый.

Спустя немало после того времени, случилось отцу Петру отковаться; он ушел в Углич. Отец Петр увидел в городе частного полицейского пристава и обличить его в тайных беззакониях, бывших никому не известными; обличение до такой степени оказалось справедливо и полно, что обличенный пристав рассердился и, схватив обличителя, привел его в полицейское управление и так жестоко высек, что вся спина обличителя оказалась израненною. Правда, злого пристава наказали лишением должности; но и отца Петра снова засадили в дом умалишенных в городе Ярославле, как будто только для продолжения такого же жестокого самоуправления над ним, какое он испытал в Угличе от полицейского частного. По времени навестили его там родные; но когда он вышел в коридор проводить их и в прощальном разговоре сделал несколько шагов, сейчас же явился сторож, с криком и бранью начал бичевать заключенника, по чему попало, и немедленно втолкнул его в камору. Тогда отец и сестра, лично увидевшие жестокость обращения с душевно-больными, сжалились над страдальцем, обратились, куда следует, с прошением и взяли его к себе домой, хотя это доброе дело стоило им немалых хлопот и значительной траты времени. По прибытии на место жительства, родственники отца Петра однажды пригласили его в Рыбинск; там он, проходя улицу, гласно вслух всех обличил одного поставщика в тайных его злодеяниях. Новое истязание начало угрожать обличителю неправды; но добрые люди вступились за отца Петра, не дали в обиду, и он, возвращен был в дом родственника, на его поручительство. описанные два случая умудрили отца Петра; он оставил навсегда резкий тон обличения порока при столь ясно обнаружившейся его бесполезности. Вместе с тем он изменил и образ своих действий, начал являться тихим. Кротким; цепи, которыми его ковали, сделались ненужными. Он начал смотреть на людей, коснеющих во грехе, как на больных, или же как на детей, и мягкими мерами решился исправлять немощи и людские пороки. Он весь предался, по его выражению, исправлению детских дел и всех приходящих к нему

руководил в духовных нуждах и жизненных затруднениях, восполняя чужие недостатки и немощи духовные силою присущей ему благодати Христовой. Вражда против подвижника утихла. Прежние враги его приходили к нему за духовною помощью, вместе с другими, чуждыми посетителями и, наравне с ними, получали от него благодатные вразумления и утешения.

Массы народа, люди разных званий и состояний приходили к отцу Петру большею частью с житейскими заботами и скорбями, и редко с побуждениями благочестивыми; подвижник усиливался вводить их в служение Богу духовное и душу и сердце их доводить до осенения человеколюбивой Христовой благодати, лишь бы понемногу пробуждались они сами к нравственному самопознанию.

Священник отец Петр Томаницкий

Способом к сему служили в руках отца Петра разные вещицы: камешки, палочки, железки, досточки, которыми уставлен был весь стол пред ним, и разные работки над этими вещицами; он их точил, пилил, складывал, строил, ронял, и в работках с этими вещицами указывал внутреннее состояние души собеседника, или же выяснял имевший последовать исход его деятельности. При занятии такими работками, отец Петр бывал всегда в усиленных движениях духа и овладевал мыслью и чувством своих посетителей, которым понемногу становилось понятными значение и смысл его работок. Иногда же смысл загадочных его действий становился понятным впоследствии, и именно когда бывало это нужным. Случалось иногда, что отец Петр обращался сурово с некоторыми из посетителей, резко намекая на сокровенные деяния, и налагал послушание очень нелегкое; но никто не смел выразить и малейшего противоречия.

Нередко люди духовного звания, получившие образование, облеченные высоким саном посещали отца Петра, – и те, при всем образовании, находили слова и ответы его высоко-полезными и благотворными. Иногда высказывался он и довольно прямо, без загадочных выражений. И это допускал по особенно важным предметам, например: «Церкви не касайся», то есть не оскорбляй, не колебли ничего церковного. Бывало, говорил приходящим: «правды нет, так что шалите?» – «Надо живши, правду знать». Другим говорил, внушая необходимость служить Богу всяким делом и во всякое время: «молились бы Богу в своих должностях». Многим, беспечно живущим без мысли о будущем, отец Петр выражался: «где им это сделать? Где им это знать?» и в то же время себя, как мальчика и слугу, возбуждал работать над исправлением их детских дел: «работай, Петрушка, работай; помолись за них, Петруша, помолись за них». Иногда же он очень определенно указывал на очень немалое число руководимых им и прибавлял касательно себя самого: «и всем им покорный слуга».

Особенное для отца Петра удовольствие состояло в посещении храма божия, где он неопустительно бывал в каждый воскресный и праздничный день. Местом стояния его был клирос, где он пел вместе с причетниками; нередко пел он

духовные песни и дома, и тогда требовал от присутствующих глубокого молчания. Как верный сын Церкви, отец Петр свято исполнял все уставы и постановления церковные, особенно посты соблюдал весьма строго. «Без меня не бывает ни одной обедни», говорил о себе муж юродивый, но, держась наружных форм юродства, он не причащался святых Христовых Таин в продолжении не одного десятилетия. На вопросы знавших его, почему не причащается Святых Таин, он отвечал: «Я негоден, я недостойн»; другие спрашивали: почему не говеет? Отец Петр отвечал: «я всегда говею», и более ничего не говорил. Но действительно ли уклонялся он от причащения Святых Таин, это остается тайною. Есть свидетельства людей, достойных вероятия, которые утверждали, что отец Петр тайно, скрываясь от других, причащался ежегодно запасными Дарами. В присутствии преданных ему. В годы преклонные старец не скрывался, что живет верою в Господа Иисуса Христа и некогда прямо сказал: «я не знаю, где я живу, на небе или на земле; разве с Илиею пророком».

Среди этих духовных подвигов, в виду явных знамений действовавшей чрез него благодати Божией, непонятным казалось, почему он весьма долгое время как-бы намеренно уклонялся от явного в виду других приобщения Святых Таин. Это уклонение от причащения набрасывало как бы некую тень на всю его подвижническую жизнь, как будто он, лишенный права служить, по гордости не принимал приобщения от другого священника. На вопросы знавших его, почему он не причащается Святых Таин, подвижник отвечал: «я негоден, я недостойн». Другие спрашивали: почему он не говеет. Старец отвечал вышеприведенными словами: «я всегда говею» более ничего не говорил. По объяснению некоторых, чрез уклонение от причащения он внушал другим, с каким испытанием совести должно приступать к этому великому и пренебесному Таинству. Один весьма известный по глубокому духовному просвещению и странной судьбе, сперва духовный и даже священный инок, затем мирянин, но и в мире сохранивший до самой своей весьма назидательной кончины глубоко-благочестивое настроение, самый преданнейший почитатель о. Петра применял к нему в

объяснение столь непонятного его уклонения от великого Таинства, слова апостола Павла: *Молилбыхся бо сам аз отлучен быти от Христа по братии моей, сродницех моих по плоти* (Рим. 9,3). По сему объяснению, отец Петр, как духовный отец и руководитель весьма многих, самоотверженно подвергал себя лишению самого высшего, самого желанного блага, чтобы чрез этот подвиг самопожертвования испросить Господа помилование тем, кто недостойным причащением Его прогневляет. В особенности якобы он имел в виду духовных братьев, служителей алтаря, приступающих к великому Таинству иногда без надлежащего приготовления. Есть, впрочем, по сказанию жизнеописания, свидетельства людей, заслуживающих доверия, которые утверждали, что отец Петр ежегодно причащался запасных святых Даров тайно от других. Но вопрос стоит открытым, почему же он таился здесь, когда знал, что многих это приводит в недоумение и смущение, или, может быть, это лишение себя величайшего из даров Божиих, или сокрытие в исполнении важнейшего христианского долга входило в подвиг воспринятого им на себя юродства... Пред концом своей жизни, однакож, он явно исповедался, с великим благоговением причастился Святых Христовых Таин, после чего принял и помазание святым елеем.

В домашнем быту отец Петр проводил самую воздержанную жизнь, роскоши не терпел, носил простой белый халат, сшитый из холста; подрясник он надевал только в церкви и для принятия каких либо именитых посетителей, а рясы не имел никогда во всю жизнь. Жил он дома, как гость, не входя ни в какие домашние распоряжения. Пищу принимал, какую подавали ему домашние, и всегда был доволен, как бы ни была скудна его трапеза. Если его забывали, он никогда не напоминал о себе целые дни; когда подавали ему есть, он ел, после вставал, молился пред святыми иконами и благодарил за хлеб соль прежде жену свою Ксению Ивановну, а по смерти ее невестку, неотлучно при нем находившуюся.

Для уединенной молитвы отец Петр часто удалялся на берег реки Волги, не разбирая погоды; любил там быть подолгу, летом в одной рубашке длинной и белой, а зимой в трескучие морозы в

коротеньком тулупце. Нередко в сильный мороз, в одной рубашке, он долго работал у своего дома, с босыми ногами, и оставался невредимым. Каждый вечер, усердно помолившись Богу, он склонялся ко сну на самое жесткое ложе. Постелью его служил примосточек у русской печи в нижнем этаже дома, подле самой двери в холодные сени. Нередко дверь в сени отходила или оставалась недотворенною по недосмотру родных; в помещении таком становилось страшно холодно; но отец Петр не обращал на то внимания, как бы на дело стороннее. Бывало, в изголовье постели его накладывают дров; он не переложит ни одного полена, ляжет на них и заснет. Приходившие за советами приносили ему иногда несколько денег, иногда что-либо съестное, булку, крендельки и иногда вещи; отец Петр, если не успевали его родные отобрать принесенное, раздавал все то нищим, бедным людям из проходящих, а иногда бросал за окно, или жег и нередко ценные вещи. По внешнему виду своему, он был не только благообразен, но и мужественен; при высоком росте имел чело возвышенное, нос орлиный, взгляд пронизательный, волосы на голове и бrade серебристые; в белом одеянии своем он казался существом неземным. На веку своем много горя, лишений, несправедливых утеснений, тяжких обид привелось выстрадать отцу Петру, и все, с ним встречавшееся, он переносил безропотно. Всегда и всем был доволен благодушествовал в скорбях и лишениях, за все благодарил Господа. Ходить по знакомым он не любил. Но изредка, по настоятельным просьбам любящих его лиц, бывал в Угличе, Рыбинске, в Кашине, и всегда только в том доме, куда был приглашаем, и там принимал всех желавших с ним беседовать.

Материальные средства отца Петра к прожитию с семейством были самые скудные. По увольнении от должности приходского священника. Епархиальное попечительство о бедных духовного звания назначило ему денежное пособие по 8 руб. 70 к. в год, и на эти рубли приходилось содержаться мужу с женою и вдобавок с троими детьми. Большого пособия духовное попечительство дать не могло, потому что само было очень скудно своими средствами. К этому нищенскому содержанию служили добавочным подспорьем те мелкие приношения

посетителей копеечками, булочками. Которые со стороны домашних во время оказывались усмотренными и не были еще розданы руками отца Петра, относившегося к таким подаяниям с совершенным беспристрастием. При такой-то видимой всеми беспомощности, чудо благодати Божией воочию всех видимо совершилось над бедным, но праведным семейством сего человека Божия. Сын и две дочери отца Петра выросли, воспитались, пристроены, что в свое время не малым служило для всех удивлением. Когда сын отца Петра женился, то он еще при сватовстве девицы спрашивал, как зовут невесту и, узнав ее имя (Екатерина), сказал: «молитесь Богу; у нас праздник то Екатерины великомученицы». Принимая молодых, он приветствовал их, но тогда же сказал: «к году надо будет ставить свечи. Чирей-то больно велик; как-то будет перенести его?» Последние слова сказаны были им после некоторых действий. И действительно, к году ставили свечи на гроб сына. Невестка его осталась беременною; но впоследствии, занявшись с заботливою материнскою любовью своим ребенком, при виде строго-подвижнической жизни свекра, переносила крест своего вдовства, конечно, с большою горестью, но без особенно тяжелого или невыносимого горя. Месяца через три после смерти мужа ее, прозорливец напоминал ей: «другая то свеча не горит», чем давал ей понять, что ей предлежит до конца жизни путь одиночества и вдовства, что впоследствии оправдалось на самом деле. При свекре старце и свекрови она жила до холерного года еще более покойно, но свекровь ее в том году скончалась. Кончина ее предсказана была прозорливым старцем, и довольно своеобразно. В мае 1848 года, возвращаясь из Рыбинска с престарелою женою своею, отец Петр много раз пел дорожно: «со святыми упокой», чем несколько беспокоил свою спутницу. Недовольная таким пением, она проговорила старцу: «да кого ты отпеваешь?». «Да хоть-бы и тебя! Шей себе саван, как придешь, да зови попов; собороваться надо». На другой день по приезде Ксения Ивановна неожиданно заболела холерою, соборовалась, приобщилась Святых Христовых Таин, а первого июня ее действительно не стало в живых. По смерти ее,

невестке отца Петра еже одной пришлось принять на себя весь труд хождения за старцем до самой блаженной кончины его.

Народ называл отца Петра прозорливым, провидцем, любил посещать его и пользоваться его советами.

Своею искреннею правдивостью, своею сердечною откровенностью, отец Петр привлекал к себе даже врагов. Невозможно было, однажды послушавши облагодатствованных речей и советов старца, когда-либо забыть его. Нравственная сила его внушений, мощная по обилию обитавшей в нем благодати Духа, действовала неотразимо на приемлющих ее с верою и не забывалась до смерти. Стоило только раз или два посетить этого старца. И в душе посетителя рождалось неодолимое желание чаще видеть благолепное лицо прозорливца. Еще и еще поучаться краткими, но глубокими назидательными речами его.

Подвижник Югского монастыря иеромонах Адриан, строгий ревнитель благочестия и правды, именовал отца Петра святым по жизни и новым Иовом, по безропотному шествию путем злостраданий и крайнего убожества, и пред своею кончиною поручил ему свою заботу руководить многочисленную общину сестер, желавших создания особой для себя обители.

Этот, знаменитый по святости жизни инок-иеромонах Адриан, в сороковых годах прошедшего столетия подвизался в Адриановом монастыре Ярославской епархии, в семи верстах от города Пошехонья. Усиленная молитва, всегдашнее воздержание в пище и питии, кроткое и приветливое обращение с посетителями обители, глубокая мудрость предлагаемых советов привлекли к отцу Адриану множество посетителей всех возрастов и сословий. В числе их были благочестивые вдовицы и юные девы, стремившиеся к жизни богоугодной. Между ними чаще других являлась к нему некая благочестивая девица Матрона Ивановна Гулина и сама, наставляемая мудрым старцем, в свою очередь руководила других своих сверстниц

По указанию подвижника, они наняли себе общую квартиру, завели общий стол, вместе трудились, вели общее хозяйство; каждый день начинался у них молитвою. Нужно ли было начинать какую либо работу, Гулина ходила за благословением к

старцу, и начатое дело венчалось добрым успехом. Нужно ли было произвести какие либо улучшения в квартире или хозяйстве, община решалась на это не иначе, как по указанию старца. В феврале 1851 года, по распоряжению епархиального начальства, иеромонах Адриан переведен был в Югскую Дорофееву общежительную пустынь Рыбинского уезда той же Ярославской губернии. И община последовала за своим руководителем и, по указанию его, нашла себе новое место жительства в городе Мологе. Здесь, близ Воскресенской церкви в Заручье, сестры наняли себе большой деревянный флигель и в нем, с благословения старца, завели вновь общежитие по примеру пошехонского. В новом месте жительства. Как и в Пошехонье, распределены были все часы молитвы и дневных занятий общины по указанию отца Адриана. Но вот старец начал болеть и видимо готовился оставить этот многмятежный мир. Предкончиною его собрались старшие из сестер и, с глубокою скорбью в сердце, со слезами на глазах, спрашивали старца, что им делать? Кто станет ими руководить? Старец предложил им обратиться к отцу Петру Томаницкому. «Угличский старец, сказал он, будет лучшим, чем я грешный, наставником для вас и устроителем дел ваших; чрез него Господь явит вам Свою великую и богатую милость». После погребения иеромонаха Адриана, скончавшегося в 1853 году, та же старшая сестра Матрона Гулина, с некоторыми из сестер, явилась к отцу Петру и сказала о завещании отца Адриана. Услышавши о таком новом для него труде и множестве сестер, ищущих его руководства, новонареченный наставник, с некоторым как бы юродством, но далеко прозирая вперед, сказал сестрам: «о, хо, хо, какую груду камней оставил мне отец Адриан!» Сестры упали к ногам старца и слезно просили его покровительства. Тогда старец сказал: «будем каждый по силкам работать Господеви», и благословил общину переселиться в Углич. Одна из сестер, Марья Михайловна, более других смелая и решительная, впоследствии монахиня Митрофания и настоятельница Иверского женского монастыря в Нижегородской губернии, осмелилась просить благословения у старца на начало открытия своего собственного монастыря. «А давно бы пора», быстро отвечал старце, и вновь

умолкал. «Да где же, батюшка»? – Пойди. Река Волга широка и долга». Решено было отправить старших сестер водным путем по Волге приискывать пригодное для обители место. Поиски не увенчались успехом, о чем сестры, возвратившись, и сообщили старцу. «То-то девочка», сказал отец Петр, обратившись к будущей монахине Митрофании: «по своей дорожке пойдешь, так и в избу не войдешь». – «Батюшка ты наш», сказали сестры: – «ведь уже наскучила нам жизнь кочевая». – «Еще успеете, клобуки надеть», ответил старец и умолк.

В пятницу первой недели Великого поста, 7-го февраля 1858 года, явилась на совет к отцу Петру игуменья Антония, из рода дворян Мезенцовых, настоятельница Кашинского женского монастыря, и предлагала на его обсуждение свои монастырские дела. при ней случайно пришли посетить старца три сестры общины: Матрона Ивановна Гулина, Марья Дмитриевна Свитина и, известная нам, Марья Михайловна. Неожиданно для всех, старец обращается к игуменье с строгим видом и приказывает ей: «поезжай в Рыбину монастырь строить». Вечером 8-го февраля путница прибыла в Рыбинск. Девятого февраля, в воскресенье после литургии, узнали о приезде игуменьи многие из граждан и, в том числе, купец Андрей Иванович Миклютин, который пригласил ее к себе. За сим идет длинная история, столь знакомая на св. Руси, при построении храмов и обителей: по неким особенным указаниям отыскивается место, как нельзя более для монастыря удобное; внезапно являются более или менее крупные пожертвования, тщательно скрываемые от людской молвы ради угождения единому Господу; враг спасения воздвигает затруднения и препятствия, по видимому, неодолимые, но все эти препятствия как паутина рассеиваются: вначале – бывшие противники пред приемлемого во славу Божию дела, силою благодати Господней, обращаются в искреннейших его приверженцев и покровителей. Дело, начатое в 1858-м году, кончается тем, что в 1860-м году последовало высочайшее утверждение определения Святейшего Синода об устройении общежительного женского монастыря во имя Софии Премудрости Божией, а в том же году монастырь был заложен; в 1861 году назначены были настоятельница и казначея обители,

определены члены причта и освящен первый храм обители; в 1862 году с особенною торжественностью был освящен соборный ее храм, в 1865 году утвердился в обители полный иноческий чин, по образу других старейших обителей.

Старец, руководивший делом устроения, нередко удивлялся сам и другим давал уразумевать в этом деле пути особенного промысла Божия. «Чудные дела, чудные дела! какие переменочки случились», говорил отец Петр, мысленно взирая и удивляясь, как мирское и земное бытие людей поднимается к жизни церковно-благодатной, как дух Христов воздействовал в мирских людях и подвигнул их к устроению пристанища для подвижниц, отказавшихся от жизни мирской, от угождения плоти, и возлюбивших жизнь девственную, богоугодную. На своем языке своеобразном, старец выражал эту дивную перемену такими словам: «уголья то все равно, что в церквах. Что в кузнице раздувают».

Сестры приходили к старцу с детскою доверчивостью и за то никогда не были лишаемы его назидания. Для них он несколько сбрасывал с себя покров юродства, говорил с большею ясностью, чем с мирскими посетителями, и давал уразумевать им, что их посещения убогого жилища его не останутся тщетными или же бесплотными.

Раз между сестрами общины возникло разногласие, от разногласия – взаимное охлаждение и тайное желание выйти из общины. С потерю душевного спокойствия, с колеблющимися думами, пришли они на совет к прозорливцу, и он радушно говорит им: «пришли вы ко мне с делом, и от меня пойдете с делом. Похвально ваше дело; превосходно оно, как вино, и всем крайне годно. Хорошо добре вино, когда делаем одно; прекрасно оно, когда мыслим одно. Вот как в улье пчела, так бы и ваши дела». Затем старец долго беседовал с сестрами о предметах возвышенных и выяснил им, как необходимо для них отсечение собственной воли и благополезно всегдашнее довольство своим жребием. Сестры поняли, что тайная их решимость уйти из общины повредить делу их спасения и, взявши благословение старца, ушли от него с твердою решимостью всем остаться в общине, какова бы ни была судьба ее.

В другой раз одна обительница общины пришла к отцу Петру к вечеру дня с своими духовными сестрами еще задолго до открытия Софийского монастыря. Радушно встреченные старцем, принявши от него назидательный совет, они остались, по его приказанию, ночевать с ним. Пред ночным упокоением сестры встали на молитву. А он лежал, закрывши глаза, у печки на своем примосточке. Только одна из сестер (Александра Васильевна Салтыкова, а в иночестве монахиня Досифея), стоя на молитве, подумала: а что, батюшка-то может ли прозирать молитвенное настроение молящихся, подобно Сисою Великому? И только что так подумала, вдруг слышит, что отец Петр, как бы отвечая на те сокровенные мысли, внятно говорить: «Бог то все тот же, что и при Сисое Великом». Это так поразило сестру, что она, вставши с молитвы, упала к ногам старца с словами раскаяния и сказала: «простите, батюшка, ведь я в вас усомнилась»; а старец отвечал ей; «что ты, что ты? Поди, сядь; я ничего не знаю». Слова, сказанные отцом Петром, слышали и другие сестры, бывшие тогда уяснили себе это выражение прозорливца, и немало дивились его благодатному ведению.

По устройении главного в Рыбинском монастыре Софийского храма наступило время поднятия крестов на главы сооруженного здания. К означенному торжеству приглашен был и нарочно прибыл из Иерусалимской слободы и отец Петр. Когда подняты были кресты, старец проговорил: «кресты устоят; я их сам поднимал». Слова эти тогда сочтены были не имеющим особого значения говором старца юродивого и сохранились в памяти слышавших единственно по их странности. Но впоследствии оправдали их с замечательною точностью. Все в храме обветшало и переделано было вновь не более, как через пятнадцать лет времени, в кресты устояли и остались в том же виде, как устроены первоначально.

Строитель монастыря Андрей Иванович Миклютин, купивши для обустройства обители около шестнадцати десятин земли, отделил от нее более десятины в свою пользу и жил в построенном на том участке флигеле, сказывая всем, что эта земля его собственность, приобретенная им сверх пожертвованной для монастыря земли. Показавши прибывшему

старцу все монастырские здания, строитель вышел за ограду и показал гостю свою близ лежащую дача, говоря: «а это вот, батюшка, моя усадьбица». Старец, взглянув на усадьбу и на самого ее обитателя, проговорил: «пядию измерил еси... да ведь отымут». И слово старца исполнилось после его блаженной кончины. Сменилось по управлению обителью две настоятельницы: София и игуменья Серафима. При игуменье Евгении последовали от соседних владельцев заявления и жалоба, что монастырем будто бы занята часть земли, обители не принадлежащей. В устранение пререканий игуменья потребовала землемера для присутствования при обходе пограничных спорных линий. По обмерке земли оказалось, что дача Андрея Ивановича входит в число пятнадцати десятин с саженьями, принадлежащих монастырю. Землемером были затребованы документы на право владения земельным участком Миклютина, но никаких документов на землю ту не оказалось. Несмотря на это, Андрей Иванович хотел строить на даче той каменный дом. Тогда игуменья обратилась к преосвященному архиепископу Димитрию с прошением и ходатайством о дозволении строителю обители возвести каменное для себя здание на монастырской земле. Дозволение на такую постройку получено, но условное, на праве арендного владения замлею. Но строитель монастыря не согласился арендовать ту землю и устроил себе дом на земле частного владельца, и тоже не в дальнем расстоянии от монастыря; а бывшая усадьбица Миклютина, как предрек старец, поступила в монастырское владение.

Игуменья Евгения, высушивая рассказы об отце Петре, однажды передала следующее. Следуя к месту своего нового назначения в Рыбинск, мы с матушкой (покойной игуменью Серафимой) остановились в Угличе с намерением побывать у отца Петра, о котором многое слышали от Андрея Ивановича, бывши в Петербурге. О нашем назначении, а тем более о намерении посетить старца, он знать не мог. Но когда мы вошли к нему, он торопливо оделся в подрясник. Это нас несколько не удивило; но присутствовавшие в доме старца заметили это действие и после объяснили нам, что отец Петр дома почти ни

для кого не надевал подрясника. В домике старца стоял в то время посошок с крестиком наверху. При виде посошка кто-то из наших, указывая на матушку, сказал: благословите, батюшка, этим посошком нашу матушку, на что он к удивлению всех ответил: «она причастница». Удивляясь прозорливости старца, мы не смели более скрываться и сказали ему о своем назначении. Отец Петр беседовал с нами долго; но когда мы, спеша на пароход, стали со старцем прощаться, он проговорил, благословляя нас: «а я думал, вы у меня ночуете». Приехавши к пароходной пристани, узнали мы, что пароход уже ушел, и снова отправились к старцу, который, при виде нас, сказал: «я так и думал, что вы у меня ночуете».

При жизни Ксении Ивановны, супруги отца Петра, жила при них много лет в качестве прислуги крестьянка Авдотья Афанасьевна. Заметивши однажды намерение отца Петра жечь принесенные ему посетителями деньги, она поспешила остановить его, говоря: «что ты, батюшка, делаешь? Отдай-ка, отдай мне деньги». Отец Петр, как будто обиженный, с улыбкою в лице, проговорил: «на, на, жадная; умрешь, так по тебе и Святой-то Боже петь не будут». На это Афанасьевна с сердцем проговорила: «что я некрещенная что ли?» Однако же слова старца запечатлелись в сердце крестьянки. Знала она, что слова его сбываются с поразительною точностью, и немало боялась своей будущей кончины. Не потонуть бы в реке, не сгореть бы в огне, думала Афанасьева, и тем усерднее молилась Богу сохранить ее от такой смерти, равно как и всякого православного христианина. По смерти отца Петра, она поступила в Софийский монастырь, жила благочестиво и скончалась в первый день святые Пасхи, так что по ней, действительно, не пели «Трисвятого».

Священник села Михаило-Архангельского, по имени тоже Петр, часто бывал у старца и, возвращаясь от него домой, случайно наехал на камень; телега опрокинулась и придавила его собою, так что при всех усилиях не мог из под нее выбраться. Вскоре после того пришла к отцу Петру за советом одна женщина того же прихода; но старец не дав ей сказать ни одного слова, стал гнать ее вон: «поди, поди домой-то скорее,

там не гоже», и повторил то не один раз. Женщина подумала: видно дома что-нибудь вышло не ладно, бросилась бежать домой, на дороге наткнулась на опрокинутую телегу и услышала голос стонавшего человека. Поднявши телегу, она удивилась прозорливости пославшего ее старца и обрадовалась за избавление своего священника, к которому питала глубокое уважение.

Одни угличанин Аркадий Петров, делавший все по благословию отца Петра, был однажды в страшной опасности за свое судно, нагруженное товаром. Два больших судна, сорвавшись с якоря, гонимые ветром, угрожали гибелью его лодке. Но суда те, вблизи лодки Петрова, неожиданно сделали уклон в сторону и разбились о макшан. Приписывая избавление от опасности молитвенной помощи отца Петра, угличанин, возвратившись домой, явился благодарить старца за помощь и, не успевши переступить за порог дома, услышать от старца приветственные слова: не оставил и никогда не оставлю.

Угличская мещанка А. Жукова пришла однажды к отцу Петру с целью выведать, кто у нее таскал яйца. Старец встретил ее неожиданным вопросом: «а ты с яйцами то почто? Поди, я ваших делов не знаю». В другое время она пришла спросить о своем больном муже. Старец, не говоря ни слова, взял в руки рубанок, немедленно начал строгать доску и, несколько поработав, лег и сомкнул глаза, чем дал ей понять имеющую последовать скорую смерть ее мужа, что и исполнилось.

Угличский купец Дмитрий Ожегов по смерти братьев принужден был платить долги их. Благоразумные кредиторы сделали скидку известной части долга; но один из них потребовал полной уплаты долга и засадил должника в долговое отделение, где от горя и стыда он упал духом и страдал невыносимо. Один из его родственников, сочувствуя такой беспомощности положения, пошел к отцу Петру и просил его помолиться за узника. Старец сам бывал заключенником и опытно знал тяжесть тюремной жизни, но ничего не сказал просителю, а только велел ему побывать в тюрьме после вечерни. В назначенное время приходит он в тюрьму, видит заключенного веселым и спокойным, и слышит от него рассказ:

«Сейчас я только проснулся и видел чудный сон. Ко мне приходил батюшка отец Петр и как же он утешил меня»!

Пришла однажды к отцу Петру девица легкого поведения просить благословения выйти замуж. «Да у тебя, сказал старец, и так семь мужей». Девица заплакала и, упавши в ноги старцу, говорит: «благословите, батюшка, за одного из них». Но старец не заметил в ней решимости жить воздержано и сказал ей: «поди, больше я не знаю».

Один из священнослужителей Церкви, ревнуя о духовном просвещении России, в разговоре с прозорливым старцем, со слезами умолял его помочь молитвами скорее выпутаться русской мысли из темных направлений. Тогда старец Божий дал ему понять, что остановки Божьего дела быть не может, но и произвола человеческого нечем остановить. «Ничем не помочь, говорил он, надо молиться Богу, а все хорошо». И после того высказал, что во всем мире, только еще бессознательно с его стороны, идет обновительное для него движение духовное, как бы новое духовное творение; это выражал отец Петр в применении к нашей современности словами книга Бытия: *В начале сотвори Бог небо и землю. Земля же бе невидима и неустроена и тьма верху бездны; и Дух Божий ношашеся верху воды* (Быт. 1, 1–2). Всеоживляющий Божественный Дух, ниспосланный по обетованию Христову, привносит непрестанное обновление в человеческий мир и, незримо для человечества, разгоняет мрак заблуждений и уничтожает растление нравов, упраздняя ветхие формы жизни человеческих обществ, царств, народов, поколений. По взглядам отца Петра, в мире христианском, слишком изветшавшем то любодейными, разнообразными изменами Христу, то убийственной беспощадностью к грешным людям, имеет обновиться дух правый, воспитаться и возрасти живой и человеколюбивый дух Христов. И потому нередко взывал отец Петр за себя и весь мир земной: помилуй мя, Боже, и дух прав обнови во утробе моей.

Один Мологский мещанин Алексей Федоров, проживая в Рыбинске на фабрике купца Журавлева, еще при крепостной зависимости крестьян, задумал жениться на крепостной девушке, по имени Варвара, неизвестной его родителям, за

которую еще нужно было внести сто рублей выкупа, а родственники его, Федорова, советовали ему взять невесту другую. В раздумье, как поступить в столь важном для него деле, он пошел к отцу Петру на совет и благословение, но вместе с Федоровым увязался его товарищ по службе, конюх и уже человек женатый, и дорогою при своем строптивом и насмешливом характере говорил Федорову: «и я спрошу юродивого старца, благословить ли и мне жениться!» – «Так что же, спроси, ответил ему без размышления Федоров; вот и хорошо». Пришли они к отцу Петру, а у него в избе народу много; сам же старец лежал на печи. Но только вошли Федоров и конюх-спутник его в место жительства старца, как вдруг старец встал, сошел с печи и стал волноваться, терзать свое скудное рубище и высказывать недовольство в причтах со строгостью и трогательностью в словах. Находившиеся в избе напугались, увидевши старца взволнованным, и стали выходить вон. Сробел и товарищ Федорова, и тот вышел, и остался в комнате только он, Федоров. Тогда отец Петр вдруг пришел в себя и успокоился. На просьбу Федорова, благословить его жениться, прозорливый старец посмотрел на него и сказал: «Бог благословит, женись; Варвара будет жена хорошая». А старцу имя невесты Федорова не было сказано. Слово старца исполнилось. Федоров, несмотря на препятствия, женился на любимой своей невесте Варваре, только жил недолго; вдова же его не упала духом в приключившейся скорби, несла терпеливо крест вдовства и жила скромно в трудах по найму.

В 1865 году, за год до своей смерти, прозорливый старец, беседуя с монахиней Софийского монастыря Сергиею, предсказал ей будущую судьбу в следующих словах: «ну, что, большая голова, матушка, матушка! А каково-то матушке? Ведь я церковь то поставил деревянную не добре дорого, только десять лет строил, а теперь можно назвать и Феофанов (Богоявленный) монастырь. Я за перевозки то гривенник дал. А ты (и опять старец посмотрел на монахиню и сказал), ты в моем то и пребывай на покое, подле меня будешь жить». Слова эти остались в памяти у слышавшей их монахини. По смерти старца она не придавала им большого значения; но случившееся чрез

восемь лет событие живо напомнило Сергии данное ей предсказание. В 1874 году, по сношении с Ярославским епархиальным начальством, мать Сергия была вызвана митрополитом Исидором в новую Леушинскую женскую общину Новгородской губернии, в начальницы. Когда монахине Сергии, как начальнице, стали сдавать приходскую в том селении церковь, то в церковной кружке она увидела завернутый в бумажник гривенник, и тотчас же спросила у старосты: «что это за гривенник, и для чего он завернут в бумажку», и получила от него следующий ответ: «Пред освящением их церкви, крестьянка-сборщица из ближней деревни (Кергайской) Авдотья Назарова, бывши в Угличе, заходила к отцу Петру и просила его помолиться о благоуспешном устройении церковного их дела; тогда прозорливый старец благословил ее, послал с ней в церковь гривенник и велел хранить его в кружке». При взгляде на этот гривенник, Сергия живо припомнила бывшее ей предсказание почившего человека Божия, соединенное с поименованием гривенника, и подивилась дивному прозрению старца в тайны будущего. Что мог сохраниться чрез много лет ничтожный гривенник, данный случайно, и послужил напоминанием о предсказании, это не могло иначе совершиться, как по изволению вседействующей премудрости Божией. Вскоре после того и другая часть старцева изречения исполнилась с удивительною точностью. Сергия состояла настоятельницею недолго, с небольшим два года, и, при строптивом духе сестер, не желавших являть ей должного послушания, отказались от управления общиною и возвратились в свой любимый Софийский монастырь и, что ранее было совсем не понятно, стала жить подле отца Петра, который с 1866 года покоится телом своим в том же Рыбинском Софийском женском монастыре.

Но особенно дивное проявление прозорливости отца Петра представляет непрерывная нить руководственных советов старца, в свое время преподанных настоятельнице Кашинского Сретенского женского монастыря игуменьи Антонии. Приведем здесь рассказ о том самой настоятельнице. «Божиим попущением за грехи наши обыватели крестьяне начали

притеснять обитель нашу в пустоши, находящейся от Кашинского монастыря в двенадцати верстах; кортомного содержания в год, за 30 десят. 1621 сажень ее вместимости, они давали не более семнадцати рублей и при этом держали ту землю в небрежении, без должного удобрения, а лес почти весь истребили. Тогда я решилась просить благословения у батюшки отца Петра оставить ту пустошь за собою, чтобы завести на ней скотный двор и учредить свое собственное монастырское хозяйство. Батюшка несколько раз спрашивал: «далеко ли эта пустошь от Кашина», и затем начал про себя говорить что-то высокое и непонятное для моего разума. Говорил он и слова псалма 64-го: посетил еси землю, и упоил еси ю, умножил еси обогатити ю... Разбогатеют красныя пустыни, и радостью холми препояшутся. Одеаяся овни овчии, и удолия умножать пшеницу: воззовут, ибо воспоют». В бытность батюшки у меня, приемля благословение на обработку пустоши, я просила его благословить место. Старец охотно съездил и благословил, но благословение его было столь высоко и таинственно, что явилось недоступным моему разуму. Запомнила я только то из слов его, что место это будет свято и живущих на нем будет много святых. Скотный двор был выстроен, запашка заведена, – а батюшка начал говорить, что тут будет церковь во имя святых Петра и Онуфрии, и как то совсем неожиданно прислал икону святого Петра афонского и преподобного Сильвестра в благословение на начало и устройство пустынной церкви. И в то же время благословил ставить на земле той кирпичный завод. Началась выделка кирпича, который совершенно кстати понадобился и на постройку монастырского корпуса, а от построения церкви отказывалась я два года. Он же старец, напоминая о постройке, часто повторял мне выражения о Господе Боге: Всесильный, Всемогущий, Всеблагий, давая тем понять, что для Господа все возможно; но скудная вера моя препятствовала понимать ясно и светло обращенные ко мне слова старца, что и навело на меня многие испытания.

Раз старец, на первой неделе Великого поста, прислал наказ прибыть к нему и отправиться в Рыбинск на послушание – строить монастырь. Искони поставлено в обителях: неделю ту

посвящать исполнению христианского долга исповеди и принятия святых Христовых Таин; я же, тронувшись скорбью посланных сестер, явилась к призывавшему старцу, чтобы заявить о неисполнимости его поручения; но батюшка стал гневаться, встал пред иконами и грозно сказал, что все потеряю, если не исполню послушания. Не могу припомнить, какими словами он выразил гнев свой; только такой страх обуял меня, какого еще никогда я не испытывала. В страхе за свое спасение, при непослушании воле человека Божия, я решилась следовать в Рыбинск без ведома своего епархиального начальства, без видимости на отлучку из своего местопребывания; и куда же инокине-путнице прибыть в первый раз в незнакомом городе, как не в соборный храм Божий с молитвою о помощи себе Божией?... Из собора стали меня звать в дома именитых жителей; везде я заявляла волю пославшего меня старца и вскоре получила искомое в лице почетного гражданина Андрея Ивановича Миклютина в таких размерах, каких и в помышлении не имела. На построение монастыря предложены были и деньги, двадцать пять тысяч рублей, и вполне удобная для создания обители земля, и опытный строитель, и скорое начатие самого дела. Это был первый урок моему неверию в могущество Божие по молитвам и силе духа старца, властно действовавшего, тем более для меня замечательный, что старец, провожая меня в Рыбинск, так светло провидел будущее, что велел посмотреть и местечко для имеющей созидаться обители. Нежданно, нечаянно я выполнила и это приказание старца, видела и осмотрела место. Земля осмотренная находилась в руках инородного владельца, и Миклютин купил эту землю за две тысячи рублей; а потом другие лица охотно предлагали ему за нее до пяти тысяч рублей. За покупкой земли тотчас же возникло и дело о построении Рыбинского монастыря, – и обитель для дев и вдовиц милостью Божией в скором времени начата построением.

Был и другой чувствительный урок моему маловерию, когда старец послал меня к умирающей старушке, которая, не зная моего убожества, назначила меня душеприказчицей своего имени. Отказаться от поручения было невозможно, ибо дело то

велось по благословию старца. Она завещала Рыбинскому монастырю пять тысяч рублей билетами от неизвестного, много икон, священных книг и всякого движимого имущества и, кроме того, назначила получать оброки и отсылать их в Рыбинск. По малодушию моему я тяготилась выполнением этого дела, однако же, как умела, вела его несколько времени и после, с одной верной женщиной, препроводила все билеты более пяти тысяч к Андрею Ивановичу; но Миклютин ответил, что им принято вовсе не пять тысяч рублей, а восемь с приращением, оказавшимся в выросших процентах. Это был другой урок веры во всемогущество Божие и доверия к словам и благословию старца моего, который без Бога ничего не делал и потому всегда успевал в делах благочестия.

После таких уроков и еще не раз приходилось мне слышать напоминания от старца – строить церковь на пустоши нашей Кашинской обители, вследствие чего я решилась просить об устройстве церкви. За такое домогательство начали меня бранить и ближние, и дальние, и дела мои трактовать с небрежением, отчего я упала духом и скорбела. От старца не укрылось мое малодушие. Он начал меня посылать в Москву, но зачем? Этого не могла я понять, доколе не увидела на самом деле плодов послушания. «Побывай и прими благословение у митрополита», наказывал старец, и это принесло самые благие последствия. Владыка посадил меня и начал расспрашивать о монастыре; дошел разговор и до пустоши и желания создать на ней храм божий, – и он обещал свое ходатайство пред Синодом и написал мне письмо к нашему святому владыке Филофею. Наместник же Сергиевой лавры сочинил мне новое прошение, совершенно инаковое против моего прежнего, что и было высказано мною; но наместник заметил, что сыны века сего премудрее сынов света (Лук. 16, 8). Прежнее прошение мое написано было по благословию сына света. Но не имело успеха; вот батюшка и послал меня к премудрым века сего. И дело мое рассмотрено обстоятельно и приняло благоприятный исход в своем окончательном решении.

А между тем, до разрешения построения церкви последовало обстоятельство, навлекшее на меня поношение и

укоризны от всех знающих меня. Бут и цоколь церкви мною были произведены до получения начальственного о церкви разрешения единственно по благословию отца Петра и еще архимандрита Афонского Ксеновского монастыря Матфея. Когда шло дело о создании церкви, летом привезены были в Кашин архимандритом тем святые мощи святых Греческих. Узнавши о нашей скорби, он пожелал обнести их с молебствием вокруг места, назначенного для построения церкви, и отправился на монастырскую пустошь. Когда служили там молебные пения для сторонних богомольцев, архимандрит Матфей, без ведома моего, пошел искать место для церкви и избрал то самое, которое раньше избрано и благословлено старцем Петром Угличским, что необычайно поразило меня, а вместе и укрепило в вере, что церковь, желаемая к построению, предугазана угличским прозорливцем не случайно, а по благоизволению воли Божией. В виду двукратного указания одного и того же места для храма Божия, я согласилась на избрание места для святого престола; и лишь только архимандрит Матфей начал класть первые камни для бута и благословлять преднамеренное священное здание. С молитвою на Греческом языке. Вдруг последовало знамение: рой пчел прилетел на место, избранное для церкви. И покрыл его, и скоро отдался людям собрать себя и поставить подле места, избранного для церкви. При этом случае архимандрит предрек многое о месте сем, переданное переводчиком. Что отчасти уже и сбылось, а остальное в той же всеблагой воле Божией. В скором после того времени мною назначен был крестный ход из нашего Кашинского монастыря с принесенными святыми мощами архидиакона Стефана. Великомученика Феодора Тирона и великомученика Георгия для торжественного освящения в пустыни места, избранного для создания церкви, и лишь только стало совершаться обхождение того места с мощами Святых, новый рой пчел, опять неожиданно для всех, прилетел и покрыл собою место для церкви, ранее покрытое первым прилетевшим роем. Тогда я не усомнилась. По совершении водоосвящения, дозволить заложить бут преднамеренной церкви во имя святых Петра Афонского и Онуфрия Великого, и первый камень закладки здания положен

священною рукою Греческого архимандрита Матфея. Знамения сии были для тех присутствующих, которые малодушествовали и удивлялись, что по одним благословениям старческим, до разрешения святейшего Синода, заложена постройкой желаемая церковь. После они сами сознались, что просили знамения от господа, если дело это благоугодно Господу, и знамение для маловерных не умедлило воспоследовать. Того же лета на священном месте выкладен был цоколь всей церкви, за что мне предрекли подначальство и ссылку и посылали тайные жалобы святому Владыке нашему Филофею. Такие пререкания и жалобы расположили меня вести это дело лично от себя, без посредства сестер, чтобы ни одна из них не могла нести ответственности за мои действия. Прошла затем тревожная зима ожиданий, как на первой неделе Великого поста 1863 года получено из Святейшего Синода желаемое разрешение строить церковь. Это известие принесло мне величайшую радость, но не умедлило вызвать и новые думы и заботы о средствах для сооружения разрешенного к постройке храма Божия. Пожертвований не было, слухи о замедлении дела об устройстве храма охладили усердствующих; просить же в одолжение угличский старец не благословлял. Я вспомнила тога чудеса, явленные в устройении женской обители Рыбинской, и верою в Промысл Божий укрепляла себя в трудных обстоятельствах жизни, каковое упование и не постыдило меня. В день исповеди пришла ко мне неизвестная женщина и вручила мне значительную сумму на устройство храма билетами и расписками на шесть тысяч рублей. Правда, расписки были весьма сомнительны, да притом еще часть денег была отдана тою женщиною на сохранение одному священнику без всякой расписки, что наводило сомнение на возможность получения предложенных сумм. Мы в немалом раздумье, поехали к батюшке отцу Петру показать те бумаги; но старец похвалил их и заверил нас, что деньги по таким распискам получить можно, и тут же отдал все те расписки одному чиновнику, прибывшему принять его благословение. И для чиновника бумаги те казались сомнительными, но по вере в благословение прозорливого старца, он принял на себя труд взыскания и впоследствии получил все деньги сполна. На эти

суммы и им подобные и сооружен был пустынный храм святых Петра Афонского и Онуфрия Великого под названием «Кладбищенской церкви Кашинского Сретенского женского монастыря».

Во время производства церковных работ присовокупляет игуменья, также немало было дивных знамений в укрепление нашего упования. Так господь послал опытного надзирателя за работами в лице одного заштатного священника, который и смотрел за постройкой и совершал всенощные бдения в сооружаемом храме во все время производства работ. Не один раз замечено было, что голуби летали над церковью в виде венца; в другой раз виден был радужный луч над крестом сооруженного храма, что усмотрели ехавшие к церкви той из города Кашина. И все эти благодатные действия явлены были в виду слабых и немощных сестер обители за молитвы и благословение старца Угличского, который в Божием всеведении ясно провидел будущее и выполнил создание храма Божия необычными и, поистине, дивными средствами.

В жизни отца Петра было немало случаев, где он проявил себя целителем немощных. Вот несколько тому примеров.

У Мышкинского купца Чистова жил на мельнице приказчик Егор Столбов. Его разбил паралич, вследствие чего он остался без места, долго лечился, истратился, но не получил крепости сил. Знакомые присоветовали ему съездить в Углич в Иерусалимскому отцу Петру. Старец встретил его словами: «счастлив, счастлив», и велел ему сидеть. Прошло немного времени. Вдруг отец Петр приказывает ему отправить сейчас же лошадь в город. Больной удивленно посмотрел на старца, который настаивал на своем, говоря: «ничего, ничего, и сам дойдешь». Больной поверил словам старца и отпустил лошадь. Чрез несколько часов отец Петр приказал больному встать и идти в Углич, и он, сверх ожидания, встал и, хотя с некоторою поддержкою, дошел благополучно до города и вскоре выздоровел.

Угличский купец Иван Васильевич Истомин почти весь 1852 год страдал от лихорадки. Болезнь была упорная и не поддавалась никаким лекарствам. В крайности обратились к

отцу Петру; он велел больному выпить рюмку вина. Больной выпил и получил выздоровление.

Племянница Угличского гражданина Ал. Ив. Русинова девица Мария нечаянно заболела припадками нервного расстройства. Часто кричала, убегала, куда попало, наводила страх на знающих ее: в такой болезни она мучилась лет семь или восемь. Однажды припадки больной до такой степени усилились, что она лежала без памяти. Сжалившись над болящей, брат ее родной, имевший глубокую веру в старца, пошел к нему с просьбою о помощи. Старец сказал: «Марья не пропадет» и, давши палочку, прибавил: «напой больную чайком, а этой палочкой помешай налитую чашку. И больная будет здорова». Пришедши домой. Нашел он больную почти без чувств и, помешавши принесенною палочкою налитую чашку чаю, с большим принуждением заставил больную выпить предложенный чай. Больной тогда же сделалось легче; в скором времени избавилась она от болезни и стала совершенно здорова.

Родной племянник их Александр, бывши еще младенцем, сильно заболел его лечили в течение месяца но лекарства не помогали. Тогда дядя младенца, ранее позаботившийся о болящей сестре. Взял младенца на руки и, не говоря ни слова, понес его в Иерусалимскую слободу и просил старца помолиться о его здоровье, а ручку батюшкову положил ему на головку. Вскоре затем старец поднялся на верхний этаж дома; тогда принесший больного младенца посадил его на постель старцеву с полною верою, что от этого действия он выздоровеет. Так и случилось. В продолжение недели младенец без всяких лекарств стал совершенно здоров.

И многим другим больным заочно посылал отец Петр то кусочки дерева, то небольшие палочки с приказанием мешать ими в чашке, когда будут пить чай; и если больные имели надлежащую веру, вскоре же получали исцеление.

По устройении монастыря установилась для сестер правильная монастырская жизнь, и отцу Петру реже выпадали случаи принимать духовное участие в делах обители Рыбинской. Заметили это и сестры монастыря. Поэтому одна из них, при

посещении убого жилища старцева, однажды сказала ему за себя и за своих сестер за год до его смерти: «вы нас оставили». Прозорливец ответил на это с благодатным дерзновением: «не забуду, не оставлю», и завещал похоронить себя в новоустроенном Рыбинском Софийском монастыре.

Отец Петр благодатью Божией провидел даже самое место успокоения для своего тела. Вот что передавала многим лицам его невестка. Батюшка часто мне говорил: «в Рыбинском-то монастырьке, как идешь в собор то, на правой то руке, больно хорош попов то домик». Она не понимала его слов и возражала, что там никакого поповского домика нет и быть не может. Тогда юродивый старец отвечал: «полно врать; только поглядеть то в него придешь, так гривенку-то дашь». Такие слова старца юродивого принимались в свое время за бессмысленный говор юродства. Но событие оправдало эти слова в буквальной их точности. По блаженной кончине старца. На просьбу Рыбинских почетных граждан Миклютина и Баскакова о дозволении им перенести тело усопшего из слободы Иерусалимской в город Рыбинск, Ярославский архиепископ Нил указал место упокоения почившему в самых стенах монастырского собора, на правой руке от западных дверей, в особом, как бы нарочно для того приготовленном, притворе. Так и было поступлено. На правой стороне, при входе в соборный храм Софийского монастыря, действительно теперь домик (маленький отдельный притвор) упокоения иерея Петра; а приходящие читатели трудов и подвигов почившего обыкновенно дают по десяти (а иногда и более) копеек за совершение по нем заупокойной литии или же панихиды.

За год до своей смерти, отец Петр стал часто говорить: «пора уже домой». Руководимые его советами, искренно почитавшие своего наставника, жалели с ним расстаться; таковым говорил старец: «молитесь; немножко жития, и поприбудет свечками (молитвами) детскими». За полгода до кончины, левая рука старца и половина его организма поражены были параличным состоянием. Для него стало тягостью принимать посетителей; но число их, при первой вести о болезни старца и видимо угасавшей жизни, постоянно увеличивалось.

Все желали получить благословение человека Божия, наставление для жизни, а некоторые, питая в душе чувства благоволения и благодарности за духовную воспринятую помощь, желали быть при нем неотлучно, чтобы, если возможно, видеть его кончину. За несколько дней до смерти, старец, на вопрос одного близкого родственника о состоянии его здоровья, ответил: «плохо» и присовокупил: «приготовляй гроб». Для кого же? – спросил внук. «Да хоть бы и для меня», – ответил прозорливец. Слишком изнемогши силами, преутруженный подвигами жизни, старец исповедался, приобщился Святых Христовых Таин, принял таинство елеосвящения, но не пожелал врачебных пособий, и вновь изъявил желание быть погребенным в Рыбинском Софийском монастыре. При и последнем мирном и тихом вздохе, он сделал одно движение левою ногою, как бы переступил ею один шаг. Подвижник скончался 3 сентября 1866 года.

Скорбная весть о смерти подвижника быстро облетела город и все окрестности селения; люди всех званий и состояний спешили ко гробу воздать последний долг усопшему. Как велико было стечение народа, можно судить по тому, что пение панихид не умолкало в течение целых шести дней. Силы двухклирного местного причта оказались недостаточными для отправления непрерывного пения; каждый день являлись в помощь городские и сельские священники и совершали пение панихид по просьбе непрерывно сменявшихся пришельцев. Все присутствовавшие при гробе старца плакали о нем, как о самом близком родственнике, и считали утрату его для себя незаменимою. Особенно скорбели граждане города Углича, считавшие отца Петра своим сочленом, привыкшие к нему обращаться и в радости, и в горе, и в чрезвычайных обстоятельствах жизни за добрым советом, и неутешно плакали, когда слышали, что почитаемый ими старец отходит от них навеки в отдаленный город Рыбинск. Не замедлили прибыть сюда и бывшие строители Софийского монастыря: Рыбинские купцы Андрей И. Миклютин и Николай Фок. Баскаков: они явились, чтобы исполнить волю почившего, затем отправились в Ярославль, губернский и епархиальный город, ходатайствовать о

дозволения перенести тело усопшего и вновь прибыли в Углич, распорядиться отправлением тела к месту его вечного упокоения. Отпевание совершенно на шестой день по смерти, при участии двух архимандритов, игумена, соборного протоиерея и всего угличского монашеского и белого духовенства. В седьмой день, когда получено разрешение начальства на перенесение усопшего в Рыбинск, духовные власти посыпали тело перстью в знак предания его земле, причем не нашли никакого изменения в почившем, а только почувствовали ароматный холод, исходивший от тела. Гроб праведника заделан в нарочито-приготовленный ящик и во всем следовании до Рыбинска сопровождаем был духовным отцом, родственниками и многими из почитателей усопшего подвижника. В слободе Иерусалимской массы народа не дали впрячь лошадей для везения погребальной колесницы, а повезли на себе чрез все улицы города Углича при колокольном звоне. В предшествовании всего городского духовенства. От Углича до Рыбинска на всем пути выражалось почтение к старцу литиями при каждой сельской церкви. В монастырском Софийском соборе тогда собралось все Рыбинское городское духовенство и встретило гроб отца Петра с крестным ходом. Протоиерей Рыбинского собора Родион Путятин, известный проповедник, приветствовал усопшего своим задушевным словом, в котором высокими чертами обрисованы подвиги почившего и великий дар его прозорливости. Он говорил: «отец Петр был одарен прозорливою дальновидностью; он знал, что кому сказать; знал, когда пред кем ему молчать, когда и при ком ему говорить; и потому-то он и молчанием своим говорил поучение, и отказом своим давал вразумление. При такой прозорливой дальновидности, он всегда, можно сказать, днем и ночью, имел в мыслях одно, чтобы всякого приходящего чему-нибудь научить, чем-нибудь вразумить, как-нибудь и чем-нибудь утешить, упокоить. Оттого то он мало говорил, а больше молчал, слушая и обдумывая. Дальновидных людей на свете не мало; но те, далеко видящие, смотрят в даль для того, чтобы как-нибудь поскорее, прежде других себе что получить, себе приобрести, для себя чем воспользоваться, завладеть. А покойный отец Петр, забывая

себя и все, зорко всматривался во все, крепко вслушивался всегда для того только, чтобы другим что понужнее, пополезнее сказать, других повернее как вразумить, наставить, поскорее утешить, получше успокоить. Да! Своим забвением себя для других, своею небрежностью к себе ради ближних, – вот чем он. При своей дальновидности, всех к себе располагал, привлекал, верить в себя заставлял».

По совершении соборной панихиды, гроб праведника опущен в нарочито-приготовленный склеп в притворе Софийского храма, закрыть землю и церковным полом к великой радости сестре обители. Не говоря о жителях города Углича с его уездом, которые и до днесь посещают Софийский монастырь и долгом для себя поставляют помолиться над гробом своего духовного наставника, – многие богомольцы из других городов и селений, с верою в молитвенную за себя помощь почившего, притекают к его гробу и получают на себя благодатные знамения, а больные, с верою призывающие имя его, приемлют дар исцеления от недугов своих.

Их таких случаев благодатного исцеления от болезней при гробе подвижника, всем особенно известны два.

Князь Николай Васильевич Ухтомский в преклонных летах своих был болен водянкой. Когда болезнь его усилилась и со дня на день страшила его скорым приближением смерти, ночью. Во время сна неожиданно он видит явившегося ему отца Петра, который обещал ему выздоровление, если тот пообещается прийти к его гробу. Больной, едва переводя дыхание, на другой же день пришел в Софийский монастырь и помолился при гробе старца. Возвратившись домой, он почувствовал, что кожа на нем в некоторых местах лопнула. И из трещин ее заструилась вода. После того князь выздоровел и жил еще два года, не страдая прежнюю болезнью.

Лет двадцать тому назад была в Софийском монастыре одна богомолка странница и просила показать портрет погребенного в притворе храма отца Петра. Когда показали страннице той изображение старца, она, взглянув на него, затряслась всем телом и, залившись слезами, упала пред ним на колени. Затем, несколько успокоившись, вот что передала

она вслух всех бывших в храме Божиим: была я больна более десяти лет; болезнь мою не могли определить и врачи. У меня была страшная слабость во всем теле, и я невыносимо тосковала. Однажды, помолившись Богу, легла я в постель, заснула или нет, того не знаю, но вдруг поражаюсь видением: предо мною стоит старец, весь в белой одежде. И я не успела еще прийти в себя, как старец взял мою руку и успокоительно сказал мне: «не бойся, отныне ты здорова». Видение окончилось, но кто был старец, я не знала. Благодарная за ниспосланное исцеление от болезни, хожу я по городам и обителям иноческим два года; была в Киеве, Москве, у чудотворцев Соловецких и во многих других местах, по изображению такого, как этот старец, не находила. Теперь же труды мои окончились; я нашла того старца, которого так долго искала⁴.

Блаженные священник Петр и старец Василиск Угличские

Блаженный и прозорливый старец Василиск Макариевич Архангельский родился в 1790 г. 2 мая; в 1815 году начал подвиг юродства; в 1822 г. перешел на подвиги уединения. Потом подвизался 15 л. в монастырь и часовне и наконец с 1847 г. в кельи близ церкви Архангельской, в Бору, Угличского уезда, Ярославской епархии. Умер 8 марта 1863 года и погребен на кладбище за алтарем Архангельской, в Бору, церкви, Угличского уезда, Ярославской епархии, в 11-ти верстах от г. Углича; отсюда, а равно и по принадлежности его к Архангельскому приходу, происходит его прозвание.

Старецъ Василискъ

Так как кругом ограды кладбища устроены кельи лиц, посвятивших себя безбрачной жизни и ради частого посещения церкви Божией, то и старец Василиск в конце своей жизни имел пребывание в одной из келий, которая и изображена на карточке. Кругом кельи растет густой сосновый бор. Священно-служители живут в версте от Архангельского храма, бывшего до 1610 г. монастырским; монастырь мужской, бывший здесь разорен поляками, при чем убиты игумен Михаил и братия, могила коих находится на том же кладбище, где погребен и старец Василиск. Как старец Василиск, так и священ. Петр Алексеевич Томаницкий, оба блаженные прозорливцы, жившие один от другого в 13-ти верстах, нередко посещали друг друга. Однажды о. Петр⁵ пришел к старцу василиску, но последний не знал, чем его угостить; тогда о. Петр сказал: «а ты рыбки налови!» Василиск отвечал, что негде, так как река в версте расстояния, а рыбы нужно сейчас, между тем в существующем близ храма бывшем монастырском пруде рыба не ловится – не идет на удочку. Тогда о. Петр пошел с Ксенией Ивановной (которая ухаживала за старцем Василиском) на пруд, опустил руки в воду и вынул оттуда двух карасей; по словам Ксении Ивановны, рассказывавшей о сем, рыба сама приплыла в руки о. Петра. Рассказ этот был слышан от родственницы Ксении Ивановны; и теперь, когда удочкой ловить рыбу в этом монастырском пруду, то она не клюет, тогда как в другом, ближайшем к этому, пруду караси легко ловятся.

Иеросхимонах Иоанн Оптинский

(Память 4 сентября)

Иеросхимонах Иоанн, окончивший поприще своей земной жизни в маститой старости, 4 сентября 1849 года, в воскресенье, в четыре часа пополудни на 87 году от рождения, удостоясь пред кончиною, за семь часов, приобщиться Святых Таин Христовых – в напутствие вечной жизни, в совершенной памяти беседуя обычно о вечности, до последней минуты исхода своего от тела, родился 2 мая 1763 года, от православных родителей: Иоанна и Анны, по прозванию Малиновских, живших в экономической слободе Подновье, в пяти верстах от Нижнего Новгорода. Крещен был и святым миром помазан от православного священника. Но, по судьбам Божиим, оставшись по смерти родителей своих пяти лет – круглым сиротою, воспитывался и русской грамоте обучался у старообрядцев. Тогда то они вливали в юное сердце пагубное свое учение; а на семнадцатом году, по склонности своей к пустынноческому житию и по совету воспитателей, удалился в раскольные скиты, что были в Керженских лесах. Оттуда перешел в Римовские леса – в раскольный скит, называемый Высоковским, где и пострижен в монашество на 22 году от роду, с именем Исаакия. Потом продолжал он долгое время искать по разным раскольным скитам лучшей веры и церкви; но нигде и на одну минуту не находил в них душе своей спокойствия; по собственному его выражению, всегда чувствовал какой-то недостаток в рассуждении своей веры, – сердечное томление и скуку; а между раскольниками в скитах встречал лишь одни бесполезные споры и раздоры о различных их сектах и толках, нередко доходившие до исступления и драки. В крайнем недоумении и томительном размышлении о святости православной св. Церкви, Исаакий устремился путешествовать с 1790 года по православным общежительным монастырям и пустыням России; ходил и Саровскую обитель, в обителях выслушивал от благоразумных и опытных людей достоверные доказательства из Священного Писания о святости и

непорочности православной Церкви и по промыслу Божию, убежден был тогда совестью свою сознаться в своем заблуждении. Вскоре потом, чрез прилежное чтение св. Писания и смиренную молитву, благодать Божия открыла ему умные очи. А к немедленному удалению из раскольнического Высоковского скита весьма содействовало то, что господь строением своим попустил претерпеть незлобивому отцу Исаакию тяжкие побои от братии скита, за обнаружение в собрании их убеждения своего в православии. – Чрез три дня после тех побоев, оправившись несколько в силах, удалился он навсегда из того скита и раскола, и до самой кончины своей от тех побоев чувствовал болезни в голове, груди и ребрах.

Присоединившись к православной св. Церкви, монах Исаакий поступил в 1808 году в Единоверческий Корсунский монастырь Екатеринославской епархии, где и рукоположен в 1810 году 25 декабря в иеродиакона, а 26 того же месяца в иеромонаха преосвященным Платоном, архиепископом Екатеринославским. В 1820 г. переместился в православный Балаклавский монастырь той же епархии, в число духовенства Черноморского флота. В летнее время отправлен был для священнослужения на кораблях. В 1825 г. уволен от флотской службы, согласно прошению его, по старости лет, в Александровский монастырь Новгородской епархии. В 1828 г. в июне месяце, по воле Серафима, митрополита Новгородского и С.-Петербургского, послан был вместе с единоклубным своим сподвижником, иеромонахом Симеоном и с другими членами в Старорусскую духовную миссию для обращения из раскола военных поселян. По возвращении оттуда в 1829 г. отец Исаакий удостоился получить благословение и признательность митрополита Серафима и, будучи оставлен в числе братства Александро-Невской лавры находился, в киновии Лавры. Проживши там четыре года, смиренно просил митрополита Серафима уволить его, по старости лет и по внутреннему влечению от юности к уединению, в Козельскую Введенскую Оптину пустынь, чтобы окончить последние дни жизни своей в ее уединенном скиту.

По увольнении их Александро-Невской лавры, прибыл отец Исаакий на жительство в скит Оптиной пустыни в августе 1834 г. До принятия схимы исправлял в скитской церкви священнослужение. В 1836 году, по усердному его желанию, с благословения преосвященнейшего Николая, епископа Калужского, пострижен настоятелем Оптиной пустыни отцом игуменом Моисеем в схиму 1 октября, в скитской Предтечевской церкви с наречением имени Иоанн, на 74 году от рода, и при пострижении отдан в руководство смиренному и всеми уважаемому старцу иеросхимонаху Леониду-Льву.

Иеросхимонах Иоанн был духовником некоторых духовных лиц, а в отсутствие общего духовника, исповедовал некоторых и из братии Оптиной пустыни. Во все свободное время, остававшееся от молитвенного правила, упражнялся уединенно в чтении душеполезных книг, из коих выписывал доказательства к обличию раскольнических мудрований. В издании же составленных им книг удостоился милостивого покровительства Филарета, митрополита Московского. Также и Калужский преосвященнейший Николай обращал милостивое внимание свое на благочестивую ревность к православию старца, нередко присылал к нему на увещание закосневших старообрядцев и, даже отправлял его в заштатный город Сухиничи для обращения находящихся там в расколе жителей.

Пребывая в Оптином скиту, незлобивый старец, с самого прибытия своего, соблюдал крайнее нестяжание и смиренномудрие во всем: в кельи своей не только не имел денег или излишних одежд, но и необходимые келейные вещи употреблял самые малоценные. Потребные книги для прочтения брал из монастырской библиотеки, иногда у отца игумена и у братии; по прочтении же возвращал каждую книгу с приклеенным к оной листочком, на коем означал по своему замечанию достойные особенного внимания статьи в той книге. Таково было внимательное его чтение книг, с желанием душевной пользы ближнему! В благообразном лице его, украшенном сединами, выражалась утешительная радость – отпечаток внутреннего состояния души его. Тихое и миролюбивое его со всеми обращение заставляло всех уважать и любить его. Всегда он

был готов подать добрый совет братиям, требующим духовной помощи в борьбе со страстями. Но, во всяком случае беседа его была исполнена великого смиренномудрия с укорением себя; тихая и простая речь его с частым повторением любимой его поговорки: «эдакая права – да», имела особенную силу и успех к убеждению и утешению братии. Неоднократно в разговорах выражал он желание свое, чтобы Господь, по милосердию Своему, попустил ему потерпеть за сколько-нибудь времени пред смертью болезни, будучи уверен, что болезнями душа более возбуждается к приготовлению к смерти и чрез то облегчается участь ее в вечности. С 1848 года чаще стали посещать старца болезни, особенно стеснившие дыхание в груди. Пред последнею тяжкою его болезнью братия заметила, что он нередко выходит из кельи к скитскому кладбищу, останавливается там и сидит у могил. На вопрос некоторых братии: «что вы, батюшка, так часто стали ходить к могилкам?» смиренный старец тихо отвечал: «Да, вот, эдакая права, прошу отцов, чтобы приняли и меня в сообщество свое». Вскоре после того он заболел и не выходил уже из кельи своей до кончины; по желанию его, особорован и неоднократно приобщался святых Христовых Таин. Молитвенного правила своего не оставлял до самой смерти, которое вычитывал ему служивший при нем послушник. В день кончины, по причащении Святейших Тела и Крови Христовой, отец Иоанн почувствовал облегчение в болезни, с утешительным духом свободно разговаривал с бывшими при нем братиями, сказывал, им о кончине некоторых знаемых ему благочестивых и ревностных в православии архиереев и других мужей, также и о состоянии души в будущей жизни, как бы намекая им о близком разлучении своем. В таковой душеполезной беседе на минуту умолк и, восклонившись на одре, тихо почил сном непробудным до общего воскресения. На третий день 6 сентября, отец игумен Моисей совершил в скитской церкви соборне Божественную литургию и погребение. Монашествующая братия проводила утружденное подвигами тело искренно уважаемого ими старца в общее погребальное место в скиту.

Мир тебе, незабвенный старец! Неленостно ты потрудился в изыскании спасительной истины, а, обретши ее, принял и терпеливо нес благое и легкое иго Христово, оставив нам пример добродетелей: смиренномудрия и непритворной простоты с блаженною кротостью и незлобием, и уснул с покойною совестью, в надежде исполнения непреложного Иисусом Христом: «Приидите ко мнѣ всѣ труждающіися и обременѣннии, и азъ упокою вы» (Матф. 11,28)⁶.

Обновители Пророко-Ильинского Афонского скита иеросхимонах Аникита и схи-архимандрит Паисий (2-й)

(Память 6 сентября)

Кроме великой русской обители св. Великомученик Пантелеймона на св. Горе, Пророко-Ильинский скит является одною из наиболее видных Русских свято-горских обителей. Скит этот был основан великим русским аввою-старцем схи-архимандритом Паисием Величковским, и благоустроен иеросхимонахом Аникитою и схи-архимандритом Паисием 2-м, о коих и скажем несколько слов.

Иеромонах Аникита в миру – князь Сергей Александрович Ширинский-Шахматов. Он родился в 1783 году, в сельце Дернове, Вяземского уезда, Смоленской губернии. Родитель его, помещики той же губернии, отличались благочестивым образом жизни, поэтому и воспитание сыну дали совершенно правильное, основанное на религии и нравственности. Как падают семена на добрую почву и приносят плод сторицею, так умные слова и спасительные наставления отца западали в душу впечатлительного ребенка. Впечатлительность – признак большой способности; все дело в том, в какую сторону дается направление воспитаннику, к чему направляются его способности. Ясно, каковы были первые впечатления отрока Сергея, и понятно, почему с первых лет жизни, одаренный и способностями, и умом, Сергей возымел особенную любовь к Церкви и проявил чисто христианскую кротость нрава. На десятом году его жизни умер старик отец, умер в полном сознании того, что направление сыну им уже дано. Как и другим его детям, явившимся тоже достойными. Мальчику было 13 лет, когда его отдали в морской кадетский корпус. Здесь он учился блистательно и вышел одним из первых учеников.

Старец Паисий, архимандрит скита

св. Пророка Илии на Афоне

После окончания курса, юноша Сергей поступил в морскую службу: много приходилось ему совершать плаваний, не раз участвовать в сражениях и нередко получать чины и награды. Оставив службу в чине капитана, он поселился в Петербурге. Где не только занимал выдающиеся должности, но и лично был известен Государю Императору Александру Павловичу, ценившему в нем его способности вообще, а талант поэтический в частности. Все, как видно из сказанного, давало благородному по происхождению человеку полную возможность жить той беспечной и роскошной жизнью, какой живут многие. Но не так жил Сергей Александрович. Из громадного содержания, какое он получал (более 7 тысяч руб. в год), он проживал очень немного, все же прочее отдавал на дела благотворительные. К нему обращались за помощью все, кто в ней нуждался, и ни один нищий, сирый и убогий не возвращался от него не одаренным. Жизнь он вел, можно сказать, иноческую в миру: пищу употреблял только постную, и то однажды в день; пил только воду; спал не больше 5 часов в сутки; знакомств никаких не вел и жил отшельником; все свободное время посвящал молитве, чтению священных книг, благочестивым размышлениям. Нравственные качества его были недостижимо высоки: он ненавидел всякую неправду, возмущался одним внешним лоском людей, под которым нередко скрывается лицемерие и беззаконие... Мог ли такой человек долго оставаться среди мира? И Сергей Александрович серьезно задумался над вопросом о том, что необходимо оставить мир, уединиться в какой-либо иноческой обители и там найти то тихое пристанище, которого не даст мир. А так как это был уже не увлекающийся юноша, а окончательно сложившийся муж, то и исполнение задуманного не заставило себя долго ждать. В 1828 году он поступает в Юрьевский монастырь, находившийся в то время под управлением знаменитого архимандрита Фотия. Спустя два года, именно 25 марта 1830 года, он был пострижен уже в монашество с именем *Аникиты*, чрез пять дней (30 марта) рукоположен в иеродиакона, а еще чрез несколько дней (3 апреля) – в иеромонаха. Так высоко стоял он во мнении

духовного начальства! Так уверены были все в этом выдающемся человеке! Да и могло ли быть иначе? В Юрьевском монастыре отец Аникита явил собою пример великого благочестия и дивного подвижничества. Цня эти высокие качества в нем, зная его образование, духовное начальство желало сделать больше: возвести отца Аникиту в сан архимандрита и сделать его настоятелем какого либо монастыря. Но смиренный инок отказался от почестей: его тяготили даже и те почести, какими, по достоинству окружали его в монастыре.

Заветной мечтой отца Аникиты было посетить Иерусалим, поклониться Живоносному Гробу господню и другим святым местам, освященным жизнью и страданиями господя нашего Иисуса Христа. И уже в это время зародилось в душе его другое желание: посетить святую Афонскую гору а, быть может, и остаться на ней. Разрешение было получено, и 5 мая 1834 года отец Аникита оставил Юрьев и отправился в заграничное путешествие.

Благочестивый путешественник, хотя и имел прямую цель, но не мог оставить без поклонения и все святыни по пути. Вот почему он посетил все монастыри, оставаясь в каждом из них известное время. И замечательно, даже в путешествии, он всюду сеял доброе семя. Так, имел он две большие остановки: в Воронеже и в Одессе. В первом городе по просьбе приснопамятного архиепископа Антония, он составил подробное жизнеописание угодника Божия святителя Митрофана. В Одессе, где он оставался до прекращения отрывшейся в Константинополе моровой язвы и до разрешения выезда, отец Аникита, живя в Успенском монастыре (в 12 верстах от Одессы, – Большой Фонтан), своей жизнью дал назидательнейший пример и братии монастыря, и православным жителям г. Одессы. Последние являлись к нему, слушали его беседы и наставления и нередко приглашали его совершать богослужения в Одесских храмах.

Одессу оставил он 2 мая 1835 года. Обзорение достопримечательностей Константинополя отняли немного времени; 7 июня отец Аникита на парусном судне прибыл на

Афонскую гору. Случайно прибыл он в Греческий Ксиропотамский монастырь (вследствие сильного волнения сюда пристало судно), из которого скоро перешел в скит святого пророка Илии. Настоятелем здесь был в это время иеромонах Парфений. Он уступил отцу Аниките свою келью. В келье этой жил знаменитый старец Паисий Величковский и занимался переводом с греческого языка на славянский книг «Добролюбия» и «Исаака Сирина», и в этой же келье был помещен образованнейший инок отец Аникита.

Совершив в обители первую на Афоне литургию, отец Аникита поселился здесь и отсюда уже посещал все святогорские обители. Посещение это имело для отца Аникиты чрезвычайно важное значение. Оно еще больше укрепило его дух, еще больше укрепило его веру в те начала жизни, которые нашел он лучшими, ради которых оставил все, что щедро давала ему жизнь. Не ограничиваясь поклонением святыням и беседами с отшельниками, он в разных местах совершал литургии, большею частью на греческом языке. Неоднократно посещая русский монастырь святого Пантелеймона, он убедил игумена и братию построить у себя церковь во имя новопрославленного русского святителя Митрофана, причем сам же вручил им и денежную помощь.

В конце июля он выехал в Иерусалим. Вот он, наконец, у цели: пред ним тот священный град, о котором так много думал он, видеть который так жаждала душа его. Полный благоговения, со слезами пал он на землю и воздал молитвенное благодарение Тому, Кто помог ему осуществить дорогую мечту. В храме Воскресения, при Гробе Господнем, проводил он целые ночи, пламенно молясь и проливая горячие слезы. На голгофе и в храме Воскресения много раз удостаивался он приносить бескровную жертву. Посетил он и другие святые места Палестины, и счастливый, как получивший все, чего желал, вновь возвратился на афонскую гору, к ее пустынности и безмолвию, пробыв в Палестине более полугода, именно – с августа 1835 по апрель 1836 года.

Во время обратного путешествия на Афон, отец Аникита посетил остров Кипр, где был епископом праведный Лазарь, друг

Христов, а также остров Патмос, где жил и проповедовал святой Апостол и Евангелист Иоанн Богослов и где он писал святое Евангелие. На Афоне он остановился в Пантелеймоновском монастыре, где ожидал видеть уже строящуюся церковь во имя святителя Митрофана. Но увы! – его ждало разочарование. Происшедшие между русскими и греками недоразумения помешали делу, и отец Аникита решил построить таковой храм в скиту Ильинском. 11 мая, взяв с собою икону угодника Божия Митрофана⁷, привезенную им из России, он отправился из Пантелеймонова монастыря и прибыл в Ильинский скит. Настоятель скита и братия обрадовались тому, что знаменитый муж, совершенный в иноческих добродетелях, снова явился к ним, и приняли его с честью и любовью. Исполняя обет, данный при Гробе Господнем, отец Аникита отслужил в скиту беспрерывно сорок литургий, после чего, с соизволения игумена, и заложил церковь во имя святителя Митрофана. Священнодействие совершал греческий архимандрит Панкратий. 3 августа, поручив схимонаху Феодору строение церкви и передав ему значительную сумму, – жертву боголюбивых людей в России. – отец Аникита оставил скит: по воле начальства, он должен был занять должность настоятеля при русской посольской церкви в Афинах. Говорим, по воле начальства, ибо сам отец Аникита не только не стремился, но избегал жизни в большом и шумном городе, и видел главное счастье – окончить жизнь среди тишины и безмолвия Афона. И братии тяжело было расставаться с ним; но неповиновения воле начальства, как воле Божией, не мог допустить строгий подвижник и истинный раб Христов.

Неожиданное бедствие – моровая язва постигла обитель на другое лето по отбытии иеромонаха Аникиты. В числе жертв этой ужасной болезни был и схимонах Феодор, которому поручено было строение церкви во имя святителя Митрофана. Братии в скиту уменьшилось. Страх и трепет объяли всех. Находясь в таком безвыходном положении, все и единогласно решили поднять из монастыря Ксиропотама Животворящее Древо Креста Господня. В скиту совершенно было всенощное бдение, водоосвящение и лития. Церкви, монашеские кельи и все

пожитки иноков были окроплены святой водой. После этого, милостью Божией, моровая язва прекратилась.

Между тем скончался настоятель скита Парфений; на его место был поставлен новый – иеросхимонах Павел. Братия скита, почитавшие отца Аникиту за отца и покровителя, зная, каким глубоким уважением пользовался он и у греческого духовенства, и у русского посланника, убедительно призывали его к себе: он нужен был ей для устройства обители и для возведения заложенного храма. Как стремился отец Аникита на гору Афонскую, как любил он это тихое пристанище, видно из того, что, получив сказанное приглашение братии скита, он уже безотлагательно решил просить увольнения от занимаемой должности. Святейший Синод уважил его просьбу, и Ильинский скит уже радовался, ожидая своего благодетеля. Но Бог судил иначе: Он указал иной путь Своему избраннику.

Иеромонах Аникита давно уже страдал неизлечимой болезнью, сопровождавшеюся сильными кровохарканиями. В начале лета 1837 года болезнь усилилась. Отец Аникита слег в постель, а 7 июня, в праздник Сошествия Святого Духа, он мирно предал душу свою в руке Господни. Преставившемуся был 54-й год от рождения. Город Афины оплакал его кончину: добродетели благочестивого чужеземца нигде не могли скрыться от людей. Тело почившего было положено в Архангельском монастыре, находящемся недалеко от города, в церкви. Этим была оказана особая почесть дивному мужу, сиявшему добродетелями и строгой жизнью, достойной священнослужителя. Умирая, отец Аникита завещал, чтобы все его имущество, заключавшееся в иконах, книгах и ризнице было немедленно отправлено на Афон и передано Ильинскому скиту. А впоследствии, чтобы и останки его были перенесены туда же. Завещание было исполнено. Они положены были в храме во имя святителя Митрофана в нише правой стены, и заложены мраморною доскою, с золотой надписью, увековечивающею день его кончины. В 1875 году Афонскую гору посетил известный ревнитель православия и защитник монашества генерал Николай Васильевич Елагин, который в свое время был знаком с отцом Аникитою. Узнав, где положены останки блаженного мужа,

он высказал, что в Петербурге все считают отца Аникиту за святого, и что поэтому не следовало бы кости его закупоривать. Тотчас доска была снята, кости открыты. Все присутствовавшие ощутили чудное благоухание, и даже покровы, в коих были обернуты кости, издавали довольное время благоухание. С того времени останки блаженного Аникиты лежат открыто, составляя драгоценное сокровище Ильинского скита, для которого блаженный так много сделал.

Церковь во имя святителя Митрофана окончательно отстроена уже при настоятельстве иеросхимонаха Павла, на средства, оставленные отцом Аникитой. Это важнейшее событие, которым отмечено настоятельство Павла. В 1839 году совершилось печальное событие. Между братией скита произошли несогласия. Начальствующие греческого монастыря Пантократора, от которого скит зависел, воспользовались этим и, изгнав настоятеля Павла, отняли у скита многие весьма важные документы.

Начальствующие монастырем Пантократора, отобравши насильственно эти документы, лишили скит его сокровищ, существенная и историческая важность которых очевидна.

После иеросхимонаха Павла, управление скитом было поручено архимандриту Акакию (в схиме Антоний). Он уехал в Молдавию, отказавшись от должности, в которой не пробыл и года, но и его кратковременное управление есть чем отметить: именно при нем были привезены из Афин Зографским архимандритом Анатолием и иеродиаконом Парфением кости блаженной памяти иеромонаха Аникиты, согласно его завещанию, и положены в церкви святителя Митрофана, как сказано уже. Иеромонах Иоанникий явился преемником архимандрита Акакия. По слабости здоровья, он пробыл в должности очень недолго, и отправился на Дунай, на бывшие скитские рыбные ловли. Там прожил он да самой кончины († 1851 г.).

Архимандрит Серафим, из монастыря святого Павла, избранный братией, тоже недолго управлял обителью и уступил свое место схимонаху Илию, принявшему должность только по усиленной просьбе братии скита. Это был высокий образец

смирения. Сидя на настоящем месте, он неутешно плакал и говорил каждому, кто подходил к нему: «прости меня грешного, отче святой! Я чести сей недостойн, я не искал и не желаю!» На нем видно исполнились слова Господа: *Всяк возносяйся смирится, смиряяй же себя возвысится.* (Лук. 18, 14).

Это время не было цветущим временем для скита, и он пришел в большой упадок, пока господь не воздвиг его обновителя. Этот человек, поднявший продолжительный тяжелый труд на пользу скиту, и был архимандрит Паисий 2-й, называемый так в отличие от его великого соименника Паисия Величковского.

Отец Паисий родом болгарин. Он родился в 1796 году в городе Килии, Бессарабской области (ныне губернии) и воспитывался в городе Кишиневе, куда переселились родители его еще в то время, когда он находился в младенческом возрасте. С первых, можно сказать, лет жизни, он выказал уже себя особенно. Начала высокой нравственности проявились в нем еще почти в ребенке, и проявились совершенно оригинально. Сам он впоследствии рассказывал о себе следующее. В Кишиневе его отдали в школу учиться грамоте. Поучившись немного, явился он к родителям и решительно объявил им, что больше ходить в школу он не станет. Это, конечно, не могло удивить и даже родителей, знавших сына своего за послушного и благонравного отрока.

Почему не станешь ходить в школу? Спросили они.

– Потому, отвечал умудренный Богом отрок, что пример дурных товарищей может и меня развратить: они и нехорошо ругаются, и нехорошо поступают... Боюсь, чтобы Господь, вместе с ними и меня не наказал!

Так рано возлюбил он Господа и возлюбил не на словах только. Когда ему исполнилось 15 лет, он уже горел желанием посвятить всю свою жизнь на служение Богу.

И он стал просить родителей позволить ему поступить в монастырь. Ни убеждения отца, ни слезы матери не могли отклонить его от этого желания и заставить остаться в суетном мире. Согласие родителей было получено, и он поступил в монастырь Добрушу (Кишиневской епархии), в котором пробыл

недолго. Митрополит Гавриил, посетив этот монастырь, обратил внимание на юного и благоговейного послушника, полюбил его и велел игумену монастыря немедленно прислать его в митрополию, где и принял его в псаломщики домовый архиерейской церкви. Здесь митрополит с каждым днем все больше и больше убеждался в безошибочности сделанного выбора: примерная жизнь, усердие к послушанию, ревность к церкви больше и больше располагали митрополита в пользу молодого псаломщика, и последний уже на 17 году был пострижен в монашество и посвящен в иподиакона, с зачислением в архиерейский штат. В 1825 году епископ Димитрий, вступивший в управление епархией после смерти митрополита Гавриила, был вызван для присутствования в Святейший Синод, и отец Паисий, уже в сане иеродиакона, сопровождал его в Петербург. По возвращении же из столицы, в 1831 году, преосвященный Димитрий рукоположил отца Паисия во иеромонаха и назначил его ризничным своей Крестовой церкви. А потом поставил его и игуменом в Суручанский монастырь, с тем, однако, чтобы он оставался при архиерейском доме и нес прежнюю должность. Как владыка уважал отца Паисия, это видно из того, что возложил на него и обязанности духовника. Последняя обязанность не могла не тяготить отца Паисия, сознававшего себя еще слишком молодым для нее.

Вскоре иеромонах Паисий почувствовал непреодолимое желание посетить Палестину и другие святы места Востока. Уволиться из епархии было ему нелегко; но мог ли владыка противостоять столь похвальному желанию благочестивого монаха? И отец Паисий получил разрешение, посетил Иерусалим, поклонился Гробу Господню, побывал, на обратном пути, на Синайской горе, а в 1838 году прибыл на святую Афонскую гору. Это посещение святой Горы решило будущую судьбу отца Паисия. То уединение и безмолвие, которое так увлекало его, было найдено, и он возвращался домой, очевидно, лишь для того, чтобы вскоре, окончательно уволившись из епархии, вернуться на Афон, в это тихое пристанище, это надежное убежище иноков от мирской суеты и

соблазнов, под покров Владычицы нашей Пресвятой Богородицы.

Небольшой промежуток времени между возвращением в Россию и отбытием на Афонскую гору, отец Паисий прожил в Одессе, где Гаврил, архиепископ Херсонский и Таврический, пригласил его в крестовые иеромонахи. Жизнь в Одессе видимо стесняла подвижника, искавшего тишины, безмолвия, уединения. Его стесняли и городской шум, ежесекундно напоминавший мирскую суету, и непрерывные посещения светских лиц, из которых одни искали беседы, другие приглашали к себе в духовники, третьи просили прийти и исполнить требу, дозволенную иеромонаху. Но то, что стесняло отца Паисия, было спасительно для обращавшихся к нему. Многих своими беседами привел он к полному сознанию греховности, многих обратил на тот истинный путь, который потеряли они. Многих неверующих сделал верующими. Короче: и среди этой тяготившей его суеты жизни он сеял доброе семя, внося в греховный мир начала христианской нравственности.

В 1839 году мы видим отца Паисия снова на Афоне. Теперь он купил себе келью в Капсокалибе и поселился в ней вместе с соотечественником своим иеродиаконом. По имени тоже Паисием. Здесь жили они в любви, согласии и полном единомыслии. Питались трудами рук своих: первый занимался шитьем церковных облачений, второй – писанием икон. Все заработанное было у них общим, избыток уделялся бедным и странникам. Два года жили они, служа примером истинно-иноческой жизни не только для всех капсокалибских иноков, но и для окрестных келиотов. Отсюда-то и вызван был иеромонах Паисий на чреду служения Богу, Которому угодно было, чтобы избранник Его не одного себя приготовил Ему, но и души многих собратий.

По преданию, когда великий старец Паисий Величковский оставлял Афон он сказал оставшимся в Ильинском скиту: «со временем будет в скиту игуменом другой Паисий, и при нем скит устроится, возвеличится и прославится». Слова эти должны явиться дивно-пророческими для того, кто ознакомится с трудами на пользу скита Паисия 2-го, достопримечательнейшего

настоятеля, при котором скит и лучше устроился, и возвеличился, и прославился.

Когда смиренно сознавший себя меньшим из всех братий, неустанно плакавший о грехах своих и боявшийся почестей, препростой схимонах Илия не остался долго настоятелем, и вскоре со слезами стал упрашивать братию найти себе другого начальника и духовника, который нес бы бремя управления, просьбы его были так глубоко-искренны, так настоятельны. Что братии оставалось только подчиниться. И вот собрались все в церкви. Перечислили иеромонахов из славян, какие только были на Афоне и жили в скитах, кельях и калибах, и каких считали способными к управлению, и, по примеру святых Апостолов помолившись Богу – да укажет им избранного раба Своего в духовного отца и пастыря словесных овец, призвавши на помощь скорую Заступницу и благую Помощницу Пресвятую Богородицу и Угодника Божия святого пророка Илию, бросили жребий. И пал жребий на иеросхимонаха Паисия, проживавшего в Капсокалибе, в глубоком уединении и безмолвии. Это было в 1841 году, летом.

Посланы были два инока скита к отцу Паисию. Они убедительно просили его прийти в скит для отправления Божественной литургии. Старец согласился и пришел. С радостным чувством встретили его иноки, припали к ногам и, приняв благословение, ввели его внутрь скита, потом в церковь, и здесь объявили ему и общее желание братии иметь его у себя настоятелем, и то, что так указал им жребий. Но ни просьбы, ни указания жребия не поколебали старца: отец Паисий ни за что не хотел расстаться с пустынною келью, а тем более принять начальствование, о котором, по своему глубокому смирению, он не мог и думать. И отслужив Божественную литургию посетив трапезу, старец Паисий оставил скит.

Скитские иноки, собравшись вторично бросили жребий. И – о, чудо! – жребий снова падает на Паисия! Они снова решили послать к отцу Паисию, но на этот раз уже заручившись пригласительным письмом проэстосов греческого монастыря Пантократора, за печатью и подписью первого архимандрита. Посланные объявили отцу Паисию, что вторично жребий пал на

него и убедительно просили его не противиться воле Божией. Старец снова пришел, выслушал вечерню и утреню и до рассвета оставил скит, решительно отказавшись от управления.

Огорченные иноки прибегнули еще к одному средству. Настоятель болгарского Успенского скита иеросхимонах Никифор, давний знакомый отца Паисия и духовник его, пользовался на Афоне большим уважением и авторитетом. К нему-то и обратились иноки Ильинского скита, прося его повлиять на отца Паисия, как на его духовного сына. Иеросхимонах Никифор дал письмо к отцу Паисию. В этом письме он убеждал его не отвергать просьбы скитской братии, принять управление скитом, угрожая – в противном случае – тяжелой ответственностью перед Богом, Который Сам призывает его на служение. Убежденный доводами духовника, растроганный настойчивыми просьбами посланных и братий, смиренный Паисий согласился, сказав: *Буди воля Божия!*

Почему же отец Паисий так долго отказывался? Ясно, что в этих отказах уже крылся залог величайшего успеха в управлении скитом. Не всякому дано так понимать свои обязанности и выполнение долга, как понимал то и другое отец Паисий. Смиренный он боялся славы, почестей, власти. Но этого мало. Он понимал, что для исполнения обязанностей настоятеля обители и духовника братии, нужно много и нравственных, и физических сил. Пред умственным взором его носились образы наиболее прославившихся управителей. Боязнь не дать того, чего от него все ждут, не оправдать хоть малейшей части тех надежд, которые возлагают на него, также могла его останавливать.

Когда братия скита услышали, что иеромонах Паисий согласился, наконец, принять управление их обителью, радости их не было пределов. Они встретили его с почетом, объявили о его согласии монастырю Пантократора, и проэстосы этого монастыря поставили Паисия, по чиноположению Афонскому, настоятелем Ильинского скита.

Началась деятельная и трудолюбивая жизнь Паисия-настоятеля. Он прежде всего направил свои заботы к внешнему благоустройству скита. За продолжительное время, в которое ни

один настоятель не оставался долго, в которое происходили и печальные события, посланные скиту, как испытание, не могло не быть заметных упущений. И вот отец Паисий приступает к делу. Соборная церковь оштукатуривается снаружи и внутри. Затем, оштукатуривается церковь во имя святителя Митрофана; в ней настилается мраморный пол, устраивается иконостас, и с правой стороны престола поставляется икона святителя Митрофана писанная в Воронеже, для всегдашнего напоминания о первом ктиторе этой церкви – иеромонахе Аниките. Когда все было окончено, церковь святителя Митрофана была освящена приглашенным для того архиепископом Панкратием. Это было в ноябре 1842 года. На следующий год отец Паисий, с помощью Божией, построил новый корпус между церквами Благовещения и святителя Митрофана, в прямой линии, и подвел обе церкви и корпус под одну крышу. В здании было устроено 15 кельей.

Заботы настоятеля Паисия о внутреннем состоянии скита еще более выдавались. В этом отношении все внимание его было направлено на соблюдение порядка в отправлении церковных служб и на улучшение нравственности братии. С целью возвышения и укрепления нравственности братии отец Паисий старался, чтобы все церковные поучения касались только монашествующих, и чтобы, таким образом, постоянно и настойчиво пред иноками воспроизводились и правила строго-иноческой жизни, и образы истинных подвижников. Сам же и словом, и примером поучал братию отсечению собственной воли, благочинному прохождению иноческой жизни, постоянному страху Божию и памятованию о смертном часе. И как скоро появились плоды этих поучений и наставлений! Если в предшествующий период жизни скита некоторые иноки пустили хоть малейшие признаки жизни, удаленной от требования монашеских правил; если за этот период явились новые иноки, не успевшие еще окрепнуть и, так сказать, установиться нравственно; если иные не прошли еще всей суровой школы подвижничества, – то теперь все направилося и сгладилось. Мир, любовь, согласие царили между братией. Послушания проходились всеми и с полным усердием. Ничем не нарушимый порядок виден был во всем. И чем-же достигал всего этого отец

Паисий? Одни поучения и наставления не могли с равной силой влиять на всех. Нет: он многого достигал и своей возвышенно-нравственной личностью. Его кротость, незлобие, необычайное терпение, благодушие, с которым он переносил подчас и обиды, – все это действовало неотразимо даже на своевольных, приводя их к полному сознанию своей неправоты и наставляя на тот истинный путь, который неуклонно указывал добрый их пастырь.

В 1845 году скит этот был осчастливлен посещением Великого Князя Константина Николаевича. Его Высочество прибыл на святую Афонскую гору 15-го июля на пароходе и, посетивши несколько монастырей, 17-го июля приехал в скит святого пророка Илии. В воротах скита он был торжественно встречен настоятелем отцом Паисием и сослужащими ему иеромонахами, в полном облачении, со крестом и святою водою. При пении и колокольном звоне, в сопровождении всех монахов, облаченных в мантии, Великий Князь вошел в соборную церковь и прежде всего благоговейно поклонился части Древа Животворящего Креста Господня, части мощей святого апостола Андрея первозванного, а также и прочим частям мощей святых угодников Божиих и облобызал их. Во время поклонения Великого Князя и его спутников святыне, была произнесена ектенья о благоденствии всей Царской Фамилии. Его Высочество изволил ужинать и ночевать в скиту, а на другой день слушал Божественную литургию, во все продолжение которой стоял против местной иконы Спасителя и благоговейное для него место. После литургии он отправился для посещения других Афонских монастырей, а 19-го июля оставил Афонскую гору. Настоятель Ильинского скита, тотчас по отбытии Великого Князя желая сохранить навсегда память о столь радостном событии, распорядился в новом корпусе, воздвигнутом на месте прежнего, утвердить на каменном столбе мраморную доску с следующей надписью золочеными буквами: «На сем месте. В бывшем старом здании, Его императорское Величество Государь Великий Князь Константин Николаевич ночевал 17-го числа июля 1845 г.».

А событие было действительно радостное. Не говоря уже о том, что и вообще дорого для русского сердца посещение сына Государя и Брата Наследника Русского Престола, в частности посещение это имело для скита исключительное значение: с этого времени Ильинский скит получил большую известность и вызвал к себе большое расположение у Русских.

После отбытия знаменитого гостя, отец Паисий продолжал постройки. На деньги, собранные с Высочайшего разрешения в России, он в том же году возвел большой двухэтажный каменный корпус. В котором устроил: трапезу, пекарню, кухню, погреб, кладовую, две приемные для гостей (архондарики) и много монашеских келий. В следующем, 1846 году, корпус этот был совершенно окончен, и 21 ноября, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, братия скита и прибывшие на праздник из окрестных пустынь иноки, с молитвословиями вошли в первый раз в новую трапезу, радуясь и благодаря Бога.

В то же время с восточной и южной сторон скита была построена каменная ограда, а на открывшемся при этом свободном месте, за алтарем церкви святителя Митрофана, в 1847 году воздвигнут двухэтажный корпус, в котором устроены кельи, канцелярия и просфорня. Неусыпный труженик отец Паисий, твердо уповая на помощь Бога, Который не оставлял скит, решился перестроить и остальную его часть. С этой целью он разломал все старые кельи и приготовил место для новых построек. При этом отец Паисий являл собой замечательный пример труженика: он первый выносил с братией мусор, старый лес, кирпичи и камни за черту скита. Во время производства предварительных работ, из Российско-императорской миссии в Константинополе был получен сбор монаха Игнатия, сборщика Ильинского скита, прислано чрез Святейший Правительствующий Синод в сумме 13860 турецких пиастров (1108р. 80к.), что вместе с пожертвованиями поклонников составило сумму, достаточную для производства задуманных построек. Возблагодарив Бога, отец Паисий немедленно договорил мастеров и приступил к постройке большого двухэтажного корпуса, с западной стороны скита. Длина корпуса 19 сажень; посредине его – красивая колокольня, вышиной в 23

аршина. В верхнем этаже корпуса были помещены два архондарика и кельи, в нижнем – книжная и иконная лавка, а также разные хозяйственные помещения. Прошло семь лет ревностных забот настоятеля, и весь скит был перестроен. И что особенно важно, так это следующее: все было сделано без значительных расходов, без всяких определительных видов на будущее, с одним лишь твердым упованием на помощь Божию. Прибавлять ли к этому, что все эти многотрудные заботы не мешали отцу Паисию строго исполнять и обязанности, возложенные на него им самим? Он продолжал свои поучения, следил за внутренним распорядком и – в начальные годы своего управления – ежедневно приносил Богу бескровную жертву.

Как дивно сказывалось попечение Божие о ските, видно из следующего. В 1850 году скит был окончен постройками. Число иноков быстро умножилось: не проходило почти и дня, чтобы не являлся новый собрат. Не прошло и пяти лет, как в скиту снова не было уже места для поступающих... И в это-то время (1857 г.) получается уведомление от ктитора и благодетеля Ильинского скита московского потомственного гражданина Н.В. Лепешкина, что один усердный богомolec желает построить в скиту странноприимницу и больницу с церковью и кельями для прислуживающих и престарелых монахов. Неутомимый настоятель снова принимается за дело. Он заготовил необходимые материалы и, с помощью Божией, скоро воздвиг большой каменный двухэтажный корпус, в котором устроено две церкви: во имя святого Архистратига Михаила и святителя Николая, больничные палаты, кельи для служителей и престарелых и немощных монахов.

Редко можно встретить в одном человеке сочетание таких и стольких добродетелей, как это мы видим в отце Паисии. Чистота душевная, целомудренное сердце, искренняя и горячая вера, пламенная любовь к Богу, высокое благочестие, истинное подвижничество, детская простота и полное доверие к людям, светлый ум, любовь о Христе ко всем, а к братии своей в особенности, неусыпное трудолюбие, непрерывная молитва. В высшей степени нестяжательность, отсутствие честолюбия, непамятозлобие, в высокой степени воздержание в пище, – вот

те великие добродетели, которые, как венец света, украшали душу старца! И добродетели эти, как нельзя лучше, гармонировали даже с внешним его видом, отражающим в себе качества души, как зеркально-чистая поверхность воды отражает в себе глубину небес. Лицо его было мужественное и привлекательное, всегда светлое и радостное. Случалось, что при одном взгляде на этот светлый облик старца, скорбящий брат забывал и скорбь, и горе, и проникался душевным миром и спокойствием. А подтверждением всех указанных внутренних качеств отца Паисия служит вся его жизнь, все многочисленные факты тридцатилетнего управления скитом.

Отец Паисий, как упомянуто, в начальные годы своего управления совершал ежедневно Божественную литургию. Когда увеличилось число братий, между последними немало оказалось достойных степеней священнослужительских. Таких иноков старец производил в иеромонахи и иеродиаконы, назначал им проходить чреду Богослужения и с ними собором в воскресенье и праздничные дни совершал Божественную литургию. Кроме того, сам он по субботам совершал литургию в Благовещенской кладбищенской церкви, молясь о почивших братиях, благодетелях и вообще обо всех от века усопших православных христианах. На ряду с трудами духовными, отец Паисий нес и труды физические. Он всегда работал на огороде, копая землю и насаждая огородную зелень и носил камни для ограды виноградного сада. Нередко являлся он просто помощником повара и заменял собою служителей при кухне: чистил лук, картофель, бураки; рубил дрова, носил воду в поварню. Чаще же всего занимался он изготовлением церковных облачений и шитьем одежды для братий, для чего имел даже небольшую мастерскую. Во время этих занятий, он всегда имел перед собою открытую какую-нибудь назидательную книгу. Особенно любил он читать святого Исаака Сирина и Египетский Патерик. Молитвою был занят постоянно. Ежедневно успевал прочитывать всю Псалтырь, которую и знал наизусть. Положительно удивляемся: как могло хватить у него на все это и времени и сил? И современники удивлялись сему не меньше. Большая часть виноградников разведена при отце Паисии. При

нем же значительно увеличены огороды, по лесам проложены дорожки и тропинки.

Богатство внутреннего созерцания поглощало в нем убожество внешнее. Он носил одежду не только простую, но часто – в заплатах, так что видевшие его в первый раз не всегда признавали в нем и настоящего настоятеля. Однажды собирали виноград. Один из русских поклонников, нарезав полную корзину, передает ее отцу Паисию, а от него берет пустую и говорит: «дай мне, старик. Свою кошницу. А эту отнеси туда, где высыплют!» Старик взял. Вдруг поспешил к нему один из братьев, поклонился и сказал: «благословите мне, отче святой, понести кошницу!» тогда только гость узнал, к кому он обращался, пал к ногам старца и просил прощения. В другой раз раскапывали источник, желая найти больше воды. Отец Паисий копал землю и носил камни вместе с рабочими. В это время пришел в скит странник-нищий. Привратник повел его к месту работ и указал игумена. Видя отца Паисия в поношенном платье и работающим наравне со всеми странник счел за насмешку указание привратника, обиделся, но, не умея говорить по-русски. Ничего и не сказал, и пристал к рабочим. За работой он просил одного собрата показать ему, где игумен. Тот указал. И на этот раз грек не поверил: в монастырях греческих не такими видел он игуменов. И он оставался в недоумении до самого обеда. Даже в трапезе, видя отца Паисия сидящим на первом месте, он все еще не верил, думая, что на работах он видел только похожего старика. Но когда после трапезы подошел он к настоятелю просить милостыни и увидел под рясой тот самый ветхий подрясник, в котором отец Паисий был на работе, он крайне удивился смирению и простоте настоятеля, и в ошибке своей открылся братии.

Отец Паисий был щедр и милостив, но ему свойственна была замечательная осмотрительность во всем вообще, а в раздаче милостыни в особенности. Был такой случай. Один брат часто пользовался милостыней. Жил он вблизи Старо-Никитского монастыря. Однажды приходит он весь прозябший от холода: в одной рубахе и босой, под сильным дождем. Он просил отца Паисия дать ему подрясник и башмаки. Старец

понял обман, послал его в трапезу, а потом велел зайти к нему. Тем временем он приказал привратнику принести сумку просителя, и когда явился последний, то отец Паисий подал ему его же собственные вещи, которые были скрыты в сумке. Брат посрамился и просил прощения, которое. Конечно, и получил.

Кротостью отца Паисия смягчалась самая сильная дерзость людей. Прибыли однажды в Ильинский скит болгары Вожатый их, ходя по коридорам, заглянул в мастерскую, где отец Паисий шил какое-то церковное облачение. Увидя старика в изорванном подряснике и белом *подкапнике* (шерстяная шапочка, носимая под камилавкой) он принял его за простого портного-рабочего. «Можно ли видеть игумена?» спросил он. – «Вот уже время вечерни, ты увидишь его в церкви», отвечал старик. Поклонник заметил в углу палку. «Послушай, старик: подари мне эту палку!» – «Нельзя, это палка нашего игумена». – «Ты обманываешь меня, старик», дерзко отвечал простоватый или юродствовавший поклонник: «это твоя палка. И она мне очень нравится. С этими словами он взял палку и ушел, хвастаясь перед другими своим геройством. Но заметил это архондричий (присматривающий за поклонниками), отобрал жезл и отнес его в келью старца – отца Паисия. Когда *протокали* *То есть пробили в току* – деревянную доску, в которую бьют колотушкой, весьма искусно, с переливами в тоне, когда сзывают на молитву. к вечерне, и поклонник увидел отца Паисия. Идущего в церковь с тем самым жезлом, он узнал в нем игумена и, по выходе из церкви. поклонился ему просил прощения. Да и такие ли случаи бывали? Много раз афонские иноки-бедняки, приходившие за милостынею в скит, спрашивали самого старца: где живет игумен? И он с добродушной шуточкой отвечал им, что игумена нет дома, но что ему поручено дать милостыню, и он дает ее.

Такие высокие качества отца Паисия снискали ему всеобщую любовь на Афоне. Больше всего ценили в нем то, что его кроткое и доброе обращение не выделяло ни сильных, ни слабых. Ни богатых, ни бедных, – он ко всем и всегда был одинаков. И Пантократорские проэстосы доказали свое глубокое уважение к старцу тем, что порешили произвести его в сан архимандрита, не предупреждая о том старца. который. По

своему смирению, не принял бы этого почетного сана. В 1868 году, 6 августа, в праздник Преображения господня, отец Паисий был посвящен в этот сан.

Все, что он сделал, он сделал не принуждением, не насилием, не строгими взысканиями, а только любовью. Любовь к Богу, любовь к ближним были главным и единственно-мощным двигателем во всей продолжительной и неусыпной деятельности старца Паисия. И он был щедро вознагражден за эту любовь и людьми, и Богом. Нередко видел он над собой особенный промыслительный покров Божий, и ни у кого не зародится сомнение, что это был истинный избранник Бога. Смиренный, он никому не открывал тех знамений и откровений, которые имел он от Бога, но многие случаи из его жизни говорят о том с очевидной ясностью.

Незадолго до кончины своей отец Паисий в последний раз посетил монастырь святого Пантелеймона (Руссик). Вместе с братией разделил он празднование дня Ангела духовного их отца Иеронима. Собравшись на другой день, рано утром домой, он сказал: *простите! Уже больше очи мои не увидят Руссика!* Так и случилось.

По наущению вражью, нашелся среди иноков Ильинского скита враг отца Паисия. Он стал ему строить козни, противодействовал его начинаниям, не повиновался распоряжениям, нашел даже соучастников, с которыми замышлял вовсе удалить отца Паисия из обители. Что же отец Паисий? Скорбя о вверенной ему обители, устройению которой может мешать один человек, он обратился с пламенной молитвой к Богу, прося Его вразумить строптивого или наставить его самого, как должно ему поступить. Господь услышал молитвы праведника: видя нераскаянность возмущившегося инока, Он, Сердцеведец, поразил его скоропостижной смертью. Пришел отец Паисий. Он застал инока уже умирающим, но еще в живых. Напутствуя его в вечность, старец от всей души простил ему все, сделанное им, и усердно молился о нем Богу. Этот поразительный случай заставил содрогнуться всех соучастников умершего, и они поспешили испросить у старца прощение.

Однажды отец Паисий находился в большой скорби во время поста пред Рождеством Христовым. Со скорбью встретил он и самый праздник. Служа, в первый день, литургию собором, он взглянул во время входа на местную икону Богоматери с предвечным Младенцем и глубоко-молитвенным вздохом просил облегчить его страдание и дать ему терпение. И вдруг видит он Младенца, как-бы оживотворенного и радующегося детской радостью -играющего на руках Матери, обращенного к нему лицом и благословляющего... Видение это потрясло старца, и он вдруг ощутил в себе необыкновенную радость. Вся Божественная литургия прошла у него при обильных слезах и особом благодарении ко Господу. Скорбное состояние духа исчезло совершенно. Однажды отец Паисий посетил своих друзей. На вопрос их: отчего так долго не был у них? Старец отвечал: » пред этим временем у меня были большие скорби, я чувствовал нужду в советах, но не мог отлучиться из обители. Мне было очень тяжело, на меня напала боязнь. Пришедши в таком состоянии в церковь, я стал пред иконою Божией Матери и просил Ее о помощи. И услышал от Нее голос: *не бойся! Я ношу Носящего вся*. Это было за год до кончины отца Паисия. Не сомневаемся. Что это один из многих случаев его жизни, но он говорил об этом по своему смирению. Этот же рассказ рисует нам и новую черту в образе подвижника. «Я чувствовал большую нужду в советах"... Опытный, много-знающий отец Паисий сам мог подать всем советы и подавал их, но, по дивному смирению, он считал себя ничего не знающим и всегда готов был обратиться к другим, чтобы воспользоваться их советами, и в советах этих находил для себя и ободрение, и успокоение.

За год до посвящения отца Паисия в сан архимандрита, святую Гору посетил высокий гость -Великий Князь Алексей Александрович. Его Высочество 16 июня был и в Ильинском скиту. Встреча была такая же торжественная, как в свое время Великому Князю Константину Николаевичу. После продолжительной беседы с отцом Паисием, откушав чаю, Его Высочество отправился в дальнейший путь.

Но недолго Ильинский скит украшался своим настоятелем в новом его сане, недолго после этого братия утешалась и назидалась своим пастырем! Господу Богу угодно было возвестить неусыпного труженика и непрестанного к Нему молитвенника в уготованный для него вечный покой. С начала 1871 года отец Паисий стал испытывать неприятные ощущения при употреблении пищи аппетит больше и больше ослабевал, пока совершенно не потерялся. Последовало наступление общей слабости, до того усилившейся, что старец не мог провести в скиту даже храмового праздника и принимать гостей. Как это делал он прежде, и удалился для покоя в уединенную келью на виноградники. Общее болезненное состояние увеличивалось. Он вовсе уже не мог вкушать пищи, чтобы не вызывать рвоты, и ничего, кроме воды, не пил. Наконец, он не мог уже и воды пить. Наступила самая тяжкая болезнь (рак в груди), продолжавшаяся около двух месяцев. Над больным совершали таинство елеосвящения. Он изредка, насколько позволял особый характер болезни, приобщался Святых Таин. После литургии в воскресенье. 5-го сентября, он был приобщен Святых Таин, но уже лежал в постели и едва мог говорить. Явились братия для последнего прощания. Со слезами подходили они к одру умирающего и отходили от него. Вечером ему сделалось хуже, и духовник его настоятель болгарского Успенского скита иеросхимонах Никифор, предложил еще раз приобщиться Святых Таин. Послышался тихий ответ: «скоро. Скоро»! Его приобщили. Пред причастием старец читал молитву прерывающимся голосом: *Верую, Господи, и исповедую... Сподобим я, Господи, неосужденно причаститься... Помяни мя, Господи...* И старец почувствовал облегчение, но положение его было уже безнадежное. Тяжелые страдания продолжались до двух часов ночи. Он стонал, но и в этом стоне умирающего, почти уже лишившегося силы произносить слова, все еще слышалась молитва: *Господи Иисусе! Пресвятая Богородица!* Дыхание его становилось все труднее. И вот совершенно уже ослабевший старец собирает последние силы, подымает руки, как бы желая еще произнести слова молитвы, опускает их на грудь крестообразно, и слышится последний вздох, с которым

душа праведника отлетает в селения горняя. Навеки сомкнулись добрые глаза и уста, на лице застыла улыбка, говорившая о той неизреченной радости, с которой вечная душа оставила бренное тело... А в церкви в это время (6 сентября) шла утренняя, и оттуда доносилось пение: *Величит душа моя Господа...* Медленно прозвучал троекратный удар колокола... Тяжелой и для всех понятной вестью отозвался этот звон в душах молившихся братьев... Опустела церковь, и едва слышной походкой направились все в келью настоятеля, чтобы облобызать охладевшую десницу того, с кем все так сжились, кого так полюбили, в ком видели отца, наставника и друга...

Блаженного старца, тридцать лет мудро управлявшего скитом, не стало; остались его дела, остался в памяти всех его чудный образ. Остались в глубине души каждого его мудрые наставления. И чем больше проходит времени, тем ярче и ярче становится этот образ, тем ценнее и ценнее кажутся его дела, тем дороже и дороже его наставления⁸.

Великий Оптинский старец иеросхимонах Макарий

(Память 7 сентября)

Иеросхимонах Макарий, в мире губернский секретарь Михаил Николаевич Иванов, происходил из дворян Орловской губернии, Дмитровского уезда. Прадед его Иоанн, в монашестве Иосиф, был иноком Карачевского Николаевского Одрина монастыря и памятен своею строгою, постническою жизнью. Дед и бабка отца Макария также были люди благочестивые.

Родители отца Макария: коллежский ассесор Николай Михайлович Иванов и мать Елизавета Алексеевна, урожденная Емельянова, сверх родового поместья гг. Ивановых, Орловской губернии, Дмитровского уезда, сельца Щепятина, владели населенными имениями и в других губерниях и в том числе в Калужской: в окрестностях города Калуги, вблизи Лаврентьева монастыря, принадлежало им небольшое сельцо Железники, где они и жили. В этом самом сельце в 1788 году 20 ноября, родился у них сын и был наречен во св. крещении Михаилом, в честь св. Михаила, князя Тверского, коего память 22 ноября.

Оптинский старец иеросхимонах Макарий

Оптина пустынь. Введенский собор и Владимирский храм

Среди впечатлений приятных для зрения и отрадно-мирных для сердца видов сельской природы, имея перед глазами тихую иноческую обитель, из которой ежедневно доносился до слуха обитателей Железников звон колоколов, призывавший иноков к молитве, – возрастал будущий инок и молитвенник, еще тогда неведомый миру.

Настоятелем Лаврентьева монастыря в то время, когда близ него проживали родители Михаила, был отец архимандрит Феофан, муж благоговейный и обходительный. Находясь в близком духовном общении с ними он воспринимал у них от купели детей.

У Михаила, как у старшего в семействе, было еще три брата: Алексей, Павел, Петр и сестра Варвара. Но по свидетельству оставшейся в живых сверстницы его, – мать Михаила, женщина богобоязненная и смиренная, безотчетно любила особенно старшего сына, говоря в объяснение этого своим ближним: «сердце мое чувствует, что из этого ребенка

выйдет что-нибудь необыкновенное!» Но, и кроме сего, Михаил точно невольно привлекал к себе с раннего детства общее внимание своими свойствами: тихостью, кротостью и молчанием; он даже не участвовал в играх своих братьев и сверстников, не отходя от колен любимой матери, как бы в предчувствии, что им всем недолго остается пользоваться ее ласками. И точно, по расстроенному здоровью супруги своей, Николай Михайлович Иванов должен был оставить свой тихий сельский приют, переехать со всем семейством в Москву; старшему сыну Михаилу тогда было пять лет. Елизавета Алексеевна через три года скончалась от чахотки и погребена в Андроньевом монастыре. После сего Николай Михайлович Иванов с детьми своими: Михаилом, Алексеем и Петром в Дмитровский уезд в родовое имение свое – сельцо Щепятино.

В 1797 году Николай Михайлович Иванов переехал из деревни в г. Карачаев для совместного жительства с родною сестрою своею Дарьею Михайловною, муж которой Семен Феодорович Передельский служил тогда по выбору дворянства, членом Карачаевского уездного суда. Дети Николая Михайловича: Михаил, Алексей и Павел, вместе с двоюродным своим братом Алексеем, сыном Передельского, были тогда же помещены в городское приходское училище. Михаилу тогда было 9 лет. Здесь то начал и кончил свое школьное образование отрок Михаил, будущий духовный вождь и наставник.

Когда же Николай Михайлович в летнее время уезжал в свою деревню – сельцо Щепятино, дети, для того, чтобы не прерывать занятий, оставались в Карачеве на попечении своих ближайших родственников: Дарьи Михайловны Передельской и Авдотьи Ивановны Сандуловой. Около 1801 г., когда Передельские переехали в деревню, они взяли к себе домашнего учителя, для продолжения воспитания сына. Тогда и Михаил с своими двумя братьями переехал в дом своей родной тетки, где они и продолжали обучаться, вместе с ее сыном, чистописанию, грамматике и арифметике.

В деревне Михаил прожил не более года. В 1802 г. он поступил бухгалтером в Львовское уездное казначейство, в коем место казначея занимал тогда С.Я. Сандулов, родственник

Михаила, а места бухгалтерских помощников заняли родной брат Михаила Алексей и двоюродный также Алексей Передельский. Место бухгалтера было очень трудное, но 14-летний юноша проходил эту должность с редким усердием, точностью и исправностью, почему обратил на себя внимание губернского начальства. По случаю смерти начальника стола счетной экспедиции в казенной палате Цыпурина, Михаил Николаевич вызван был в Курске занять это место в 1805 году и в том же году получил первый классный чин.

Советник казенной палаты Николай Михайлович Ленивцев так полюбил даровитого и вместе скромного юношу, что предложил ему помещение в своем доме. От занятий должностных, любимых по чувству долга, он переходил к занятиям любимым по склонности – музыке и чтению. Любимым инструментом его была скрипка, на которой Михаил Николаевич играл хорошо. В чтении же, несмотря на свои молодые лета, он искал не одного приятного препровождения времени, а главным образом, приобретения новых познаний и разрешения на важнейшие вопросы ума и сердца.

В этих занятиях незаметно протекло три года службы Михаила Николаевича. В 1806 году 17 марта он лишился своего родителя: Николай Михайлович Иванов скончался, после продолжительной болезни, мирною христианскою кончиною с напутствием Св. Таинств и погребен близ приходской своей церкви в селе Турищеве. Между тем подросли и другие братья, а сестре минуло 13 лет. На семейном совете дружных между собою братьев было решено сестру от тетки, у которой она доселе воспитывалась, взять домой, имение не раздроблять, а принять его одному – Михаилу, с тем, чтобы, двух других братьев, Алексея и Павла, удовлетворить деньгами. Михаил Николаевич, нимало не колеблясь, принял это предложение братьев и в 1806 году вышел в отставку, получив в награду чин губернского секретаря.

Михаил Николаевич прожил в деревне два года; хозяйство шло очень плохо: ибо оно требовало бдительного личного присмотра, а иногда и взыскания за опущение, а Михаил Николаевич, по доброте своей, не мог и не хотел следовать

общепринятому порядку. Однажды, когда мужички, видя, что нет за ними настоящего присмотра, покрали большое количество гречи, он призвал их к себе и долго уговаривал, и вразумлял словами божественного Писания; а родные втихомолку смеялись над ним. Но к удивлению их, увещание кончилось тем, что виновные упали на колени, сознались чистосердечно, как было дело, и были прощены. Соседи скоро узнали о доброте молодого помещика и нередко присылали просить то разных хозяйственных вещей, то семян, – отказу никому не было. Братья, приехавши, начали, уговаривать Михаила Николаевича жениться и предлагали ему многих невест; но, по ближайшем рассмотрении свойств каждой, должны были сознаться, что ни одна из знакомых не обладает вполне теми свойствами, которые могли бы понравиться их брату. Когда же указали на одну соседку, которая действительно была девица скромная и добродетельная, Михаил сказал: «разве на этой жениться?» Братья обрадовались, не предупредив Михаила поехали с предложением к ее родителям, которые, будучи вовсе не приготовлены к этому, сказали: «благодарим за честь; но так скоро нельзя; надобно подумать, ближе познакомиться» и прочее, тому подобное. Услыша об этой неудаче своих братьев, Михаил Николаевич с радостью прибежал к сестрам, говоря: «слава Богу! Сказали: надо подумать; пусть думают. Я не мог отговориться, сделал послушание братьям, но теперь никто меня не уговорит».

Вскоре Михаил Николаевич поехал на Коренную ярмарку, купил себе книг преимущественно духовного содержания и, возвратясь домой, углубился в чтение их, питая душу сродною ей пищею; иногда же уходил в столярную, работал до усталости за верстаком, желая приучить таким образом юную плоть покоряться духу.

В 1810 году, 6 октября, поехал он для богомолья в Богородицкую Площанскую пустынь, отстоявшую от имения их, сельца Щепятина, в 40 верстах, – и уже более не возвращался. Здесь под руководством духовника он быстро преуспевал в подвигах иноческой жизни; изучил нотное церковное пение и устав; 16 ноября 1810 г. был включен в число послушников, 29

декабря пострижен в рясофор и назван Мелхиседеком и в 1814 г. ездил на богомолье в Киев; 7 марта 1815 г. был пострижен в мантию с именем Макария; 12 марта посвящен в иеродиакона, а в июне того же года в иеромонаха и назначен ризничным. Здесь он находился под духовным руководством ученика старца Паисия Величковского Афанасия, от которого и получил много переводов о. Паисия аскетических творений древних отцов иночества.

В 1818 году в Площанской пустыни переменился настоятель: место доброго и болезненного о. Павла, занял ученик старца Василия, строитель Белобережской пустыни иеромонах Серафим. Ему позволено было взять из сей пустыни в Площанскую около 10 человек братии для улучшения в оной церковного чина и порядка. О. Серафим переменял бывшее до него в Площанской пустыни столповое, или знаменное, пение на Киевское, заведенное в Белых берегах схимонахом Феодором, и установил большое благоустройство по монастырю и по трапезе. Отец Серафим, как человек духовной жизни, был добрым наставником и отцом для братии; в его время в пустыни собралось до 100 человек. Он вел жизнь трезвенную, в разговорах был приветлив, нравом кроток и тих; управлял Площанскую обителью до 1826 года. Эти благие перемены и введение большого во всех благонамеренных братиях, и в том числе и в о. Макарии. Сложив с себя, по слабости здоровья (августа 5 дня 1818 года) должность ризничного, о. Макария продолжал неутомимо трудиться в пользу обители, помогая в письмоводстве, то опытными советами, то личным трудом; по церкви помогал постоянно в пении и чтении и, как знаток церковного пения, принял деятельное участие при введении Киевского напева, находя его вполне соответственным настроению своего пустыннолюбивого духа. За эти труды, как и вообще за усердное прохождение возлагаемых на него послушаний, о. Макарий, по представлению нового настоятеля в 1819 году, 8 июня, во время посещения обители преосвященным епископом Ионою, был награжден набедренником и в то же время испросил у него дозволение сходить на поклонение Киевской святыне.

По рассказу оставшегося в живых спутника его о. Палладия старца-иеродиакона Оптиной пустыни, о. Макарий совершил и этот путь в оба конца пешком с посохом странника и в самой убогой одежде. В Киеве он пробыл 10 дней, был утешен приветливостью наместника Лавры архимандрита Антония, служил литургию в дальних пещерах; на обратном пути из Киева они зашли в Глинскую пустынь. Здесь о. Макарий познакомился и вошел в близкое духовное общение с одним из учеников настоятеля сей обители игумена Филарета, иеродиаконом Самуилом, который был делателем умной молитвы, проходящую под руководством своего старца, ученика Феодосиева (архимандрита Софрониевой пустыни).

В 1824 году о. Макарий ездил в Ростов на поклонение мощам св. Димитрия, Ростовского чудотворца; в эту же поездку он посетил в первый раз Оптину пустынь и новоустроенный при ней пустынный скит, который впоследствии приютил его в своих стенах и в свою очередь был обязан ему многим.

В 1825 году о. Макарий лишился своего старца схимонаха Афанасия, в котором имел живой образец всех христианских добродетелей.

В следующем 1826 году скончался и настоятель пустыни о. Серафим; на место его преосвященный Гавриил назначил в должность строителя Площанской пустыни своего эконома, взятого в эту должность из братства той же пустыни, иеромонаха Маркеллина; но и после назначения он более двух лет жил в Орле, правя экономскую должность, а пустыню управлял казначей иеромонах о. Анатолий. В том же году июня 10 дня о. Макарий назначен благочинным своей обители, а в следующем 1827 году января 30-го определен духовником Севского Троицкого девичьего монастыря. Это назначение было началом нового периода духовной деятельности старца, которая кончилась вместе с его многотрудною жизнью. С этого же времени начинается и его переписка, продолжавшаяся также до начала его предсмертной болезни.

В 1828 году настоятель Площанской пустыни о. Маркеллин был совершенно уволен в свою обитель для управления ею, с освобождением от должности эконома. В том же году прибыл в

Площанскую пустынь из Александро-Свирского монастыря уже известный нам старец духовной жизни иеросхимонах и, пожив здесь около полугода, перешел на постоянное жительство в новоустроенный при Оптиной пустыни скит. Сближение с этим опытным в духовной жизни наставником и окрепшим в борьбе с искушениями вождем иноков имело важное влияние на всю дальнейшую жизнь о. Макария.

В о. Леонид он нашел именно то, чего так долго алкала душа его – мужа духовного разума. О. Леонид не менее был рад встретить столь даровитого и так хорошо подготовленного инока, которого более считал своим спостником и духовным другом, и только уступая его нелицемерному смирению и постоянству, решился обращаться с ним, как с присным и возлюбленным о Господе сыном и учеником. По отбытии старца в Оптину пустынь, о. Макарий продолжал свое духовное общение с ним посредством переписки.

После о. Леонида прибыл в Площанскую пустынь из Глинской упомянутый выше старец о. Василий Кишкин и водворился на постоянное жительство в обители, по убеждению учеников своих, с намерением окончил здесь скитальческие дни свои: он получил желаемое, скончавшись мирною кончиною в ноябре месяце 1831 года. По званию благочинного, о. Макария усердно помогал о. строителю Маркеллину в управлении обителью, почти до самой предсмертной болезни его, которая началась в декабре 1831 года; большую же часть лета 1831 года о. Макарий провел в Севске, будучи назначен, по распоряжению преосвященного Никодима, членом комитета по перестройке Севского училищного корпуса. А по званию духовника Севского девичьего монастыря, – членом другого комитета по построению вокруг означенного монастыря каменной ограды. Он весьма скучал этим несродным его духу занятием, выражаясь в письмах к старцу, что «завязался комитетами».

В октябре того же года, преосвященный Никодим, епископ Орловский и Севский, отправляясь на чреду в Святейший Синод, вовсе неожиданно вызвал о. Макария в Орел и взял с собою в Петербург в должности казначея и эконома, в которой он и пробыл почти ровно год, до 21 октября 1832 года.

По пути из Орла в Петербург о. Макарий заехал в Оптиную пустынь (находящуюся в полуверсте от Большого Киевского тракта) на прощание и для совета с своим духовным наставником и другом.

На возвратном пути из Петербурга о. Макарий имел утешение проездом чрез Москву быть в Новоспасском монастыре у старца иеромонаха о. Филарета; его духовная беседа и глубокий разум, проникнутые силой и светом благодати, и его любовь – навсегда запечатлелись в сердечной памяти о. Макария. И опять виделся с о. Леонидом, у которого испросил благословение и согласие о. строителя Моисея на принятие его в скит, состоящий при Оптиной пустыни. О. Макарий подал прошение о сем о. строителю, прося дать оному ход, когда найдет сие удобным, а сам возвратился в Пловчанскую пустынь и, предавшись в волю Божию, спокойно ожидал, что речет о нем Господь.

В марте месяце 1833 года получил он уведомление от о. Леонида, что дело его пошло в ход.

Дело тянулось почти целый год. В 1834 году 14 января о. Макарий получил столь вожделенный для него указ о своем перемещении из Пловчанской в Оптиную пустынь; слезно простился с обителью, под сению коей прожил слезно простился с обителью, под сению коей прожил 23 года и 3 ½ месяца, и, воздав благодарение Царице Небесной, покрову Которой он вручал себя в этом деле, поспешил на соединение с любвеобильным старцем. 5-го февраля 1834 года о. Макарий прибыл в скит Оптиной пустыни и прожил здесь 26 лет, 7 месяцев и 2 дня. Причем до смерти о. Леонида был послушнейшим и преданнейшим учеником и сотрудником.

Отец Макарий 46-ти лет от роду прибыл на жительство в Оптиную пустынь и помещен в скиту, при строителе пустыни отце Моисее, впоследствии в сане архимандрита, управлявшем тою же обителью, и при брате его начальнике скита иеромонаха Антонии, впоследствии в сане игумена.

Многие имели его своим наставником и пользовались его духовными советами (мы видели, что еще с 1826 года он был назначен духовником Севского девичьего монастыря); а он,

смиряться и вменяя себя ни во что, бегал от славы человеческой, ища как особой чести и отличия быть «при ногу» другого старца, и, улучив желаемое, явил на деле черты истинного послушания; сперва он помогал лишь старцу в его обширной переписке с лицами, просившими у него духовных советов и назидания; с 1836 года круг деятельности его значительно расширился. В октябре месяце сего года о. Макарий был определен духовником обители, а по назначении начальника скита о. Антония настоятелем Малоярославецкого Николаевского монастыря, с 1 декабря 1839 года ему поручено управление скитом в звании скитона начальника. Умножившиеся труды не изменили нимало отношений о. Макария к старцу: слово *начальник* не слышалось в устах смиренного инока. Будучи исполнен веры и любви к старцу, он не делал ничего без спроса у него и, по смирению, он не делал ничего без спроса у него тайно и явно молитвам, советам и благословению своего отца, а потому Господь, призирающий на смиренных, и благословлял труды его.

Отец Макарий принял начальство над скитом когда он вступил уже в 18-е лето своего существования; постройка в нем была та самая, которая заведена первоначально, при основании в 1821 году. Старанием старца, в течение 20-ти последующих лет, при помощи благотворителей, которые, пользуясь наставлениями старца, не преувеличивая, можно сказать, считали за счастье для себя оказать свою любовь и усердие к нему и к месту его пребывания, чем могли, Скит не только был обеспечен в необходимом содержании, но и помогал настоятелю в содержании монастыря; ибо, по заведенному в начале основания скита правилу, все, что оставалось у скитона начальника, за расходами на содержание скитского братства, отдавалось в распоряжение настоятеля. Наконец, незадолго до кончины старца, он имел вовсе неожиданное утешение видеть то, о чем едва смел помышлять по своему смирению и твердому упованию на Промысл Божий: это обеспечение любимого им скита в его содержании и на будущее время.

В 1858 году усердием расположенных к старцу благотворителей построена, вместо обветшавшей, новая

деревянная братская трапеза с принадлежавшими к ней службами: достроены заложенные в 1857 году новые каменные св. ворота с каменной над ними колокольнею, а корпуса келий, по обеим сторонам ворот находящиеся, обложены кирпичом, оштукатурены и покрыты, так же как и трапеза, листовым железом, прочие корпуса покрыты частью тесом, частью черепицею.

В течение лета 1860 года, на восточной стороне скита заложен, в присутствии старца, новый деревянный корпус келий с мезонином, для помещения в оном скитской библиотеки (в пользу которой старец завещал свою келейную библиотеку избранных духовных книг и собрание портретов св. мужей, просиявших своими подвигами и учением); в том же году новые св. ворота и колокольня расписаны извне и изнутри священными изображениями, по выбору и мысли старца: это последний плод его постоянной заботливости о внешнем и внутреннем благолепии скита.

Скитская церковь, стоящая в середине остальных зданий, была предметом особенного попечения старца. Можно безошибочно сказать, что каждое украшение занимает в ней то, а не иное место, по особой мысли старца и его личному указанию: и потому-то она, с первого взгляда, так и привлекает соединением благолепия с простотою.

В последние годы жизни старца скитская церковь преобразилась совершенно и тоже – благодаря попечению его: весь иконостас вызолочен вновь; причем позлащены и колонны, его украшающие, а потолок и стены, как в алтаре, так и в церкви, расписаны вновь, по мысли старца. На это Господь, видимо благоволивший ко всем его начинаниям, послал, совершенно неожиданно, знающего и усердного исполнителя.

Ризница скитская трудами старца, который, как мы видели, и сам был некогда ризничным, приведена в отличное состояние.

Мы уже видели, что с юных лет о. Макарий обнаруживал глубокое сочувствие к природе: между прочим он любил цветы; но, отсекая и сию невинную склонность не стал даже заниматься цветниками, разведенными в скиту его предшественником, и обратил на них внимание лишь тогда, когда услышал, что

посетители скита упрекают его в упущении того, чего не считал недостойным своего внимания бывший начальник скита. Сначала старец увеличил небольшой цветник под окнами своей кельи. Но достаточно было любимому всеми старцу обнаружить эту невинную склонность, чтобы найти подражателей. Спустя несколько лет у окон каждой кельи появились небольшие цветники, а усердием одного из ближних учеников старца, все скитские дорожки покрылись шпалерою цветов, начиная с низкорастущей, но благоухающей резеды, до разноколерных красивых, но зато не имеющих никакого благоухания, георгин. Любителям цветоводства было чем полюбоваться, подойдя к кельи старца, так сказать, осыпанной цветами, и трудно было поверить, узнав, что все это дело усердия одного человека – неувядаемый плод послушания, и особенно любви к своему наставнику.

Внутренность скита еще основателем его, отцом Моисеем, обращена в плодовый сад. Усердием одного из ближних учеников старца сад этот не только поддержан, но приведен в наилучшее состояние. Произведения сего сада никогда не продавались и в урожайные годы, а скитская братия, почти до новых плодов, имела за своей скромной трапезой – «утешение» из плодов своего сада. Часть не идущих в прок раздавалась, по снятии, братии монастырской и приходящим, а также городские и сельские жители нередко и зимою приходили просить, для своих больных свежих и моченых яблок и когда было что дать, не получали отказа.

Состоящий при скиту *пчельник* также приумножен заботливостью одного из учеников старца; причем приложены все позднейшие усовершенствования по части пчеловодства, по системе Прокоповича.

Оберегая скитское безмолвие, старец имел особое попечение о сбережении окружающего скит со всех сторон леса.

Оптинский старец, будучи, как мы видели выше, столь много обязан старцу своим внешним благоустройством, его же по преимуществу заботливости обязан утверждением своего нынешнего штата. Это важное для скита, по своему внутреннему значению и последствиям, событие совершилось в 1857 году, по

благоволительному вниманию к покойному старцу высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Московского, при непосредственном его участии.

Сделавшись начальником скита, старец обратил особенное внимание на чтение, пение и вообще порядок церковной службы и, будучи сам знатоком церковного устава, проходя порядно должности канонарха и уставщика еще в Площанской обители, любя и зная твердо нотное церковное пение, – личным руководством, трудом и терпением постепенно ввел порядок и точность в отправлении церковных служб, плавное чтение без ложной чувствительности и тщеславия голосом; им же введена в скиту должность канонирха и пение «на подобны», которое отсюда перешло и в монастырь.

Но и после введения вышеозначенного порядка по церкви старец постоянно наблюдал за поддержанием одного, никогда не оставляя без замечания, в отношении церковного устава, чтения и пения, не только важной ошибки, но и малейшего опущения: разделить ли канонарх не на месте с нарушением смысла церковную стихиру, ошибутся ли в чем-нибудь певчие на клиросе, чтец суточного круга служб или канона, – старец не оставлял их без вразумления. Если нужно поправить тон или напомнить забытый напев, сам запевае ирмос или указывает чтецу, где он ошибся, и как надобно поправиться; а канонарха, по окончании стихир, зовет к себе с книгою и указывает, как надобно правильно разделить ту или другую стихиру; и все это – с любовью, кротко, тихо, вразумительно. Вместо всяких оправданий, сделавший ошибку обыкновенно говорил: «простите, батюшка»! На это старец отвечал: «Бог простит»! – и благословением оканчивалось дело.

По заведенному порядку в двенадесятые праздники скитские братия ходили на церковную службу ко всеобщему бдению и литургии в монастырь. На второй же день великих годовых праздников, каковы: Рождество Христово и Светлое Христово Воскресенье, в скитской церкви бывала своя служба, продолжавшаяся в первый праздник всю неделю, а во вторую два дня; также чествовались службою все дни, посвященные памяти св. великого Иоанна Предтечи Господня, имени которого

посвящен скит, праздники в честь некоторых Богородичных явленных икон, дни преподобных, просиявших в иноческом житии восточных и российских, дни тезоименитства некоторых духовных лиц, каковы, например: 1 декабря – Филарета милостивого – в честь достоуважаемого старца-митрополита, преподобных Моисея Мурина, Антония Великого и Макария Великого, тезоименных трем старцам обители. Ко всем этим праздникам скитская церковь убиралась с особым тщанием; во время всенощного бдения, на величание возжигались люстра и все лампы, и предстоящим раздавались зажженные свечи.

В скитский храмовый праздник 29 августа, на второй день Пасхи и Рождества Христова, по обычаю, служил в скитской церкви сам настоятель обители, о. архимандрит Моисей, или брат его о. игумен Антоний. Сам старец, с переходом из Площанской в Оптину пустынь, отказался от священнослужения, частью по физическому недостатку – косноязычию, а более по чувству крайнего смирения. Первые годы своего пребывания здесь, он участвовал в соборном служении на первый день Пасхи; также облачался иногда на погребение некоторых из братьев, или почему либо особенно чтимых им лиц; так последний раз видели его в облачении накануне его предсмертной болезни, 25 августа, на погребении скончавшейся в его присутствии блаженною кончиною матери ученика его, боярыни Марии К-ой.

В Великий Четверг сам певал посреди церкви песнь: «чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный...» и как певал? Казалось, что слово *вижду* имело в устах его прямое значение, и что пение выражало лишь то, что в самом деле видели его душевные очи. Старческий голос дрожал от волнения чувств, слезы катились по бледным ланитам, и сердца слушающих проникались умилением. Невольно приходило каждому на мысль: «тебе ли, земной Ангел, человек небесный, облеченному в одежду смирения, вопият ко Господу: *одежды не имам, да вниду в он*»?

Влияние старца на богособранное в скиту малое стадо, главным образом, основывалось на том, что все словесные овцы оного имели к старцу, как своему духовному пастырю и отцу, сердечную веру и сыновнюю любовь, свидетельствуемые

искренним к нему, по преданию св. отец, *откровением совести*, состоящим в частом, если возможно, и ежедневном и, вместе, чистом исповедании пред старцем – не только всех дел и поступков, но и тончайших помыслов и умственных приражений с получением от него советов и наставлений. В силу такого отношения старца к его ученикам, двери его сердца и кельи были отверсты для них во всякое время; каждый из них мог входить к нему свободно без всякого другого доклада, кроме Иисусовой молитвы, и не опасаясь прийти не во время, или беспокоить старца своим приходом. Келейник, живший при нем 20 лет, свидетельствовал, что он не видал ни разу, чтобы старец прогневался на кого-нибудь из братии за несвоевременный приход, не исключая и того часа, который он посвящал на краткий отдых, после трапезы.

Как чадолюбивый отец, он беспокоился лишь одним, – если долго не видел у себя кого-либо из относившихся к нему постоянно. По званию начальника скита, старец, как сам строго соблюдал, так и поддерживал силою своего влияния во вверенном ему братстве, соблюдение скитских правил: сам всегда присутствовал в церкви и трапезе, сам с искусством, приобретенным долговременным опытом, распределял частные послушания и назначал келейные занятия, по силе, способностям и и устроению каждого; сам входил во все обстоятельства дела, решал возникавшие, при прохождении того или другого послушания, недоумения, неприятные встречи, смущения, вразумлял, наставлял, поощрял, вспооществуя учением и делом одним словом – каждый послушник знал и чувствовал, что бремя его страдательно разделять с ним любвеобильный отец и мудрый наставник, – отчего и трудное послушание казалось легким.

Как духовный наставник каждому относившемуся к нему, старец вменял в существенную обязанность: к пояснению и подтверждению духовных советов, от него получаемых заниматься в кельи, в свободное время, чтением свято-отеческих книг, назначая оное по мере духовного возраста каждого. Новоначальным же преимущественно назначал читать книгу св. аввы Дорофея, называя ее «монашескою азбукою», без

которой нельзя положить твердого основания иноческого пути. Затем получал и наблюдал, чтобы никто и никогда не был праздным; и для сего внушал, чтобы каждый, сверх своего частного послушания, ради уныния, занимался каким либо рукодельем, которое у св. отцов обычно называется «*поделье*», указывая притом на отеческое слово, что монах, занятый рукоделием, борется только с одним бесом, а праздный со многими. Он завел в скиту и поддерживал личным участием и поощрением рукоделия: токарное, переплетное, футлярное и ложечное; три первые старец знал сам.

Искусные в краснописании занимались списыванием по уставу отеческих книг, – в чем старец также был сведущ. Изделия свои (материалом желавших трудиться обычно снабжал старец) братия приносили старцу, а от него получали в поощрение так называемое по-монастырски *утешение* – осьмушку или четверку чаю и фунт или два сахара, иной раз платочек, четочки, книгу или что-либо подобное. Чтобы понять значение слова «утешение», присоединенного к столь мало важным по-видимому предметам, надобно было видеть, как высоко ценились эти дары даже и седовласыми младенцами о Христе, как знак отеческой любви и милостивого внимания любимого и любвеобильного старца! Старец же дарил братские изделия благодетелям обители, а также подносил их почетным посетителям скита – духовным и светским особам.

В нравственном отношении старец всемерно старался поддерживать во вверенном его управлению скитском братстве мир, любовь и единомыслие.

Одного не любил старец, как вождь духовный, в поручавших себя его духовному руководству: желания поступать по своей воле и соединенного с ним прекословия. Он оставлял таковых ходить по воле сердца своего, до накажет их самое отступление их.

По смирению старец скрывал свою прозорливость, но в ней не могли сомневаться имевшие к нему близкое отношение, будучи удостоверены в том личными опытами. «Делай как знаешь», говаривал иному старец: «но смотри, как бы не

случилось с тобою вот того-то...», – и событие удостоверяло невнимательного в том, что старец предостерегал его не даром.

Долготерпеливый ко временно уклонявшимся, по действию вражью, от пути откровения, старец мудро выжидал, когда постигнет такового какое-либо искушение внешнее или внутреннее; и тогда, вразумив и утешив пришедшего, присоединял и кроткое обличение, говоря: «вот это постигло тебя за то, что ты уклонился на шее. Ах, брате, брате! Рассуди, мне ли нужно твое откровение? – Врагу не нравится этот путь, как верный и кратчайший ко спасению. Он по свидетельству св. отцов: аввы Дорофея, Феодора Едесского и многих других, не только не любить откровения помыслов, но даже терпеть не может и самого голоса, которым оно произносится: вот почему он и старается всячески тебя отвлечь от сего. Хотя я грешен, неразумен и немощен душевно и телесно, но не отрекаюсь – тем, кто ищет с верою утешения или пользы душевной, сказать, что Бог подают омраченному моему уму, к их пользе, и быть в сем орудием милосердного Его отеческого Промысла, аще и недостойн. Если с верою будешь искать и принимать мои слова, то и через грешника получишь пользу; а если – без веры или с сомнением и испытанием, разбором слов и действий, то хотя бы и праведен был, пользы быть не может: это знаешь и от Отеческих писаний, и на деле испытал. Говорю сие не упрекая тебя, но утверждая на предняя».

Сими и подобными словами старец так утешит и ободрит, что виновный выйдет из его кельи, сам себя не помня от радости. Старец и сам по временам посещал кельи своих учеников и, как замечено ими, приходил всегда благовременно, всегда имел цель духовную: утешить одного, ободрит другого, поддерживать сего, вразумит оно; а потому посещения эти проливали в душу посещаемого успокоение и веселие: казалось, что, по уходе такого вождьленного гостя, и самая келья исполнялась благоуханием смирения, которым были запечатлены все дела и слова сего, поистине, дивного мужа.

Отношения покойного старца о. Макария к монастырю обуславливались главным образом многотрудною обязанностью духовника и наставника; обязанность эта была возложена на

него в 1836 году. Одаренный духовным рассуждением и имея твердую память, старец наставлял своих учеников словами св. Писания и отеческих учений, глубоко вкоренившихся в чистоте его ума и сердца. Доколе позволяли ему силы, он старался первее всего поддерживать в монастырском братстве, так же как и в скитском, заведенное его предшественником старцем о. Леонидом, откровение помыслов, от которого проистекает *хранение совести* справедливо признавая сие делание основанием внутреннего благоустройства и порядка, а следовательно и процветания обители.

Мужчин старец принимал в своей келье во всякое время дня, от раннего утра до замкнутия скитских врат, женский пол – за вратами скита или во внешней келье, у врат одного устроенной; кроме того, после трапезы, отдохнув с полчасца на своей узкой, как был узок путь его жизни, кровати, почти ежедневно, кроме крайней немощи, он ходил, или изредка и ездил на монастырскую гостиницу. Там по скитской дорожке, у ворот и в гостиных кельях ожидали его нередко целые сотни народа всех сословий обоих полов и всех возрастов из разных городов и селений. Кому случалось пройти с старцем, хотя однажды, путь от скитских врат до деревянной гостиницы, тот конечно, не в силах забыть благих впечатлений этих минут. Всмотримся поближе в картину, которая хорошо впечатлелась в нашей памяти, ибо нередко случалось иметь ее перед глазами. Старец среднего роста, одетый летом в мухояровой поношенной ряске и башмаках, зимой в весьма поношенной, крытой темно-зеленым драдедамом шубке, с костылем в одной и четками в другой руке. Лицо – ничем не поражающее с первого взгляда, вовсе некрасивое по обыкновенным понятиям о красоте физической, даже несколько неправильное, по недостатку в глазах, с печатью постоянного углубления в себя, следовательно на вид более строгое, нежели ласковое; но такова сила благодати, что лицо это, служа зеркалом чистой, любвеобильной и смиренной души, сияло какою-то неземною красотой, отражая в себе то или другое из свойств внутреннего человека, плодов духа, исчисленных Апостолом. Вообще в нем было редкое

соединение детской простоты, тихости и смирения, делавшее его приступным всем и каждому.

В пояснение сего надобно заметить, что страждущим разными, не всегда понятными, болезнями, старец, кроме духовных советов к исцелению необходимо состраждающей телу и души, давал освященный елей от неугасимой лампы, горевшей в его кельи, пред особенно чтимой им иконой Владимирской Божией Матери, единой Свидетельницы сокровенных подвигов раба Своего. И рассказы об исцелении истекавших от сего простого действия, немалочисленны.

Для окружавших старца было очевидно, что Промысл Божий, направлял к нему истинно нуждающихся в духовной помощи, указывал к нему и на ближайšie средства получить действительную помощь от мудрого старца.

Стечение народа в обители было особенно велико в посты и преимущественно в Успенский, когда духовники едва успевали исповедывать, и каждодневно причащалось по несколько сот человек. Жители города Болхова и Мценска, известные своим благочестием, во множестве посещали Оптину пустынь в течение сего поста: они имели особенное расположение как к обители вообще, так и лично к старцу, на которого и соименный ему Болховский архимандрит отец Макарий указывал им как на своего преемника в их родной обители. После кончины приснопамятного отца архимандрита Макария⁹, депутация болховских граждан прибыла в Оптину пустынь с тем, чтобы просить старца дать свое согласие на занятие настоятельской должности в Болховском Оптином монастыре, а о. игумена, – чтобы он отпустил его к ним. Но смиренномудрый старец решительно отказался от этой чести; узнав же, что о сем уже сделано, помимо его, представление высшему духовному начальству, поспешил отклонить оное чрез некоторых благотворителей обители, при посредстве одной высшей духовной особы.

Из девичьих иноческих обителей ближе других к нему был монастырь Севский.

В последнее десятилетие равным же расположением старца пользовались и сопредельная девичья обитель Белевская, с тех

пор, как была назначена в начальницы оной одна из преданнейших учениц старца о. Леонида, а по нем и о. Макария – монахиня Павлина, а казначей ее сестра по духу мать Магдолина.

Кроме сих обителей, духовным руководством и наставлениями старца пользовались также некоторые внимательные к себе сестры монастырей: 1) Великолуцкого, игуменья которого мать П-ия была одною из преданнейших учениц старца, 2) Борисовской Тихвинской пустыни, 3) Вяземского Аркадиевского, в который недавно назначена настоятельницею одна из учениц старца мать А-ия, 4) Казанского девичьего монастыря игуменья мать Д-ея, бывшая еще ученицею старца о. Леонида, 5) Курского монастыря игуменья мать А-на и некоторые из сестер оногo, 6) Серпуховского, 7) Калужского, 8) Елецкого, 9) Брянского, Осташковского, 11) Золотоношского, 12) Смоленского и некоторых других. Инокинии приезжали, по временам, нарочито для свидания с старцем, чтобы подкрепясь духовно его советами, продолжали потом поддерживать себя его письменными наставлениями. Современные о. Макарию иноки более общежительных монастырей и пустынь, а также некоторые из духовенства, зная о духовных дарованиях старца, приходили к нему издалека «пользы ради и совета духовного»; другие, не имея на сие возможности или времени, обращались за советами письменно. Из обителей своей епархии он посещал по временам общежительные монастыри: Малоярославецкий, издавна имевший настоятелей из Оптиной пустыни, коим по жизни старца управляли преемственно игумены: о. Антоний и о. Никодим, ныне в сане архимандрита, и Мещевский Георгиевский, пока в оном был настоятелем вышеупомянутый о. Никодим. Но особенно любил пустынную обитель преподобного Тихона, которая обязана началом своего нынешнего благоустройства отеческим попечением о ней старца о. Леонида; – в последние же годы жизни старца о. Макария был назначен для управления ею один из преданных учеников его, иеромонах Моисей. Сердечно утешался старец внешним и внутренним благоустройством обители.

Первое место между дарованиями, данными старцу на пользу общую, как мужу избранному и вызванному на великий подвиг служения духовным нуждам различно немоществующих, занимает, бесспорно, *дар духовного рассуждения*.

Другие душевные свойства, отличавшие старца, были смирение и любовь. Смирение выражалось в словах и делах, а равно и во всей внешности: виде, одежде, в каждом движении; не преувеличим, если скажем, что блаженный старец был живой образец смирения. Оно было альфой и омегой его учения, что можно видеть из его писем.

Исполненный истинной любви старец проливал обильно милость свою на духовных детей своих, объемля их всех душою своею и не тесно вмещая в сердце своем; по примеру милосердного нашего Создателя и Икупителя, он не отвращался ни от кого, приходящего к нему и требующего милости душевной или телесной, и никого не отпускал от себя, не оказав, чем мог, внимания к его нужде.

Долготерпение и кротость также были украшением старца, ибо никто из иноков не видел в нем гнева или смущения за что-либо, разве за преступление заповеди Божией; но, напротив, кротость и терпение его были разумны с тихостью, наставлял и получал с любовью, миловал и долготерпел с надеждою исправления согрешающих. Незлобие и простота в нем были, поистине, младенческие. Оканчивая сим исчисление дарований и свойств старца, надеюсь, что недоказанное мною пояснять сугубо его письма, в которых вполне отразилось его чистое сердце и благопросвещенный разум.

Лице его было бело и светло, как лице Ангела Божия. Взор тих. Слово смиренно и чуждо дерзновения. Ум же его, как делателя умной молитвы, всегда был соединен с Богом, от какового делания лицо его цвело духовною радостью и сияло любовью к ближнему.

Причащаясь св. Христовых Таин каждый месяц в алтаре, он всегда принимал их с глубоким и трогательным умилением.

Одежда его была самая скромная и простая, в кельи ходил он обычно в белом холщевом или канифасном балахончике-подряснике, который переменял не часто, имея на голове

черную вязанную шапочку; для молитвенных келейных правил употреблял краткую мантию; для письма и чтения надевал очки в стальной оправе старой формы.

Выходя из дома надевал, летом, сверх легкого черного коленкорového подрясника, черную же мухояровую по чину пустынной обители ряску, а зимою – поверх рясы надевал весьма поношенную, крытую темно-зеленым драдедамом, легкую шубку, опираясь притом на старческий посох или костыль, с четками в руках, из коих любимые были перламутровые, подаренные ему в бытность его в 1852 году в Москве, досточтимым старцем-митрополитом.

До самой кончины старец сохранил врожденную живость характера, делавшую его крайне подвижным и на всякое благое дело скоро уготованным; живость эта проявлялась во всех его действиях, даже в некоторых телодвижениях. С переходом в Оптинский скит. Старец отказался служить; ибо по косноязычию и страдая в то же время занятием духа, не мог ясно выговаривать возгласы, тем менее произнести целую ектенью или должное поминовение на великом выходе. По той же живости характера старец не любил излишней медленности и вялости, долгих сборов и т.п.; так, например, если случалось ехать с ним в дорогу, надобно было собраться спешно или заранее, иначе, – едва лишь поданы лошади, старец уже готов и идет садиться. В делах послушания также любил, чтобы делалось все скоро, – знак усердия, но отнюдь не небрежно, например: если кто, взяв в руки книгу, положит ее без внимания нижней стороной вверх, старец не приминет заметить: – «ты положил книгу небрежно, – это нехорошо!» – и сам поправит. Память у него была изумительная и очевидно промыслительно дарованная для вспоможения в деле служения ближним. Если раз кто был у него на исповеди или откровении, он помнил все главные обстоятельства до него касающиеся. Можно себе представить радость какой-нибудь бедной старухи, которая, придя всего другой раз в жизни к старцу, бывала, встречаема от него приветствием в роде следующего: «а, здравствуй, Дарья! Что детки, здоровы ли? Как Иринушка твоя поживает, ведь она, кажется, у тебя уж года три будет, как отдана замуж?»... И вот,

изумленная таким неожиданным вниманием и памятованием о ней святого отца, старушка уже и забыла вполонину то горе, которое привело ее в обитель, а вместе исчезла робость с которой она шла к старцу, раздумывая: «как то я, грешница, покажусь ему, как расскажу ему, что есть на душе», – и она легко и свободно высказывает ему свою душу. Черпая утешение в словах богоглаголивых уст его.

Во всех телесных добродетелях и деланиях старец держался среднего непадательного, так называемого святыми отцами, царского пути, удаляясь всемерно крайностей, которые они же называют бесовскими. Прикрывая воздержание смирением, старец касался всего предложенного на трапезе; но кто пожелал бы заметить. Сколько он вкусил пищи за один раз, то взглянув, например, на оставшийся на его приборе хлеб, мог удостовериться, что старец не съел и одной трети обыкновенной порции. Принимая по вечерам братий скитских и монастырских, приходивших на откровение помыслов, старец не всегда имел время участвовать своевременно за вечернею трапезою: тогда приносили ему пищу в келью обычно в двух небольших глиняных горшочках, которые ставили до времени в печь. Окончив прием братии, продолжавшийся час и более, утомленный старец подкреплялся разогретою пищею, запросто, из тех же самых горшочков. Замечательно, что, подобно о. Афанасию, и о. Макарий показывал большую сострадательность к бессловесной твари. Так зимою, сожалея об остающихся в это время года в нашем климате птичках, старец имел обычай сыпать им ежедневно на приделанную извне к окну его кельи полочку – коноплю; и довольно число синичек, коноплянок и маленьких серых дятлов слеталось пользоваться благодеянием старца. Заметив же, что сойки обижают мелких птичек, поедая зараз то, что им становится на целый день, старец, пища, сам подымался по временам со стула, чтобы, стуком в окно, прогонять хищников, но видя, что это не помогает, велел сыпать зерна в банку, из которой синицы могли легко доставать их, влетая в оную, сойкам же стало неудобно обижать их. Такое же щадение старец оказывал и ко всем домашним животным. Получив однажды жалобу от монастырского эконома, что посланный на

послушание брат сильно утомил лошадей скорою ездой, он сделал виновному строгий выговор, объясняя все неприличное для инок, ради удовлетворения своей личной прихоти, или из тщеславия, обижать бессловесных животных. Вопреки Писанию, которое называет блаженным милующего и скотов.

Старец, по званию скитоначальника, занимал корпус келий, расположенный по левую сторону св. скитских врат; как и все прочие корпуса скитских келий, он состоит из небольшого деревянного домика, извне с 1858 года обложенного кирпичом, выбеленного и покрытого железом, а изнутри разделенного теплым коридором на две половины: одну занимал сам старец, а другую два его келейника.

Половина, занимаемая старцем, состояла из двух комнат с переднею, также перегороженною надвое. И с выходами из обеих в коридор. Первая передняя вела в *приемную комнату*; стены этой комнаты, кроме восточного угла, занятого иконами, были обвешаны видами русских иноческих обителей и портретами известнейших наших архипастырей и мужей, просиявших подвигами благочестия. На западной стороне, над диваном, находились живописные портреты преосвященных: Астраханского Никифора Феотоки, Пензенского Иннокентия, Черниговского Лазаря Барановича; литографированные изображения: Александрийского патриарха Иерофоя и Всероссийского Никона; высокопреосвященных митрополитов: Филарета Московского, Филарета Киевского, Никанора, Григория и Исидора Новгородских и С.-Петербургских, архиепископов Белгородского Иоасафа Горленки и Калужского Григория; старцев: 1) Иллариона Нефедовича, подвизавшегося в посте и молитве в селе Троекурове, при церкви св. Димитрия Солунского более 30 лет; окончил свою подвижническую жизнь 1853 года ноября 5 дня, будучи 95 лет от роду, 2) Иоанна затворника Селезневского, 3) Серафима Саровского 4) Киево-Печерской лавры иеросхимонаха Парфения – духовника высокопреосвященного Филарета, митрополита Алтайского миссионера, а потом настоятеля Болховского Оптиного монастыря, скончавшегося в 1847 году, 6) основателя Белобережской пустыни схимонаха Симеона. 7) игумена

Валаамского монастыря отца Назария, 8) Саровского иеромонаха Иллариона, 9) Задонского затворника Георгия Машурина, 10) Оптинского старца иеросхимонаха Иоанна, известного своими сочинениями против раскольников, 11) Оптинского старца иеросхимонаха Леонида, 12) Саровского схимонаха Макария, 13) Задонского схимонаха Митрофана; сверх того портреты мирских особ: Ивана Васильевича Киреевского, лежащего во гробе, и Ивана Акимовича Мальцова.

Рядом с этою приемною комнатою, которая служила старцу лишь для приема почетных гостей, была, собственно так называемая, келья старца, в которой он провел 20 лет своей сокровенной со Христом в Боге жизни. Это небольшая продолговатая комната в 6 аршин длины и 4 ½ ширины. С одним окном на юг – на дорожку, ведущую от скитских врат к церкви. Под окном, завешенным зеленою шторкою, стоял простой деревянный стол, окрашенный белую масляною краской; в боковых ящиках его внизу хранились письма и письменные материалы, также образки, крестики, четки и пояски для раздачи проходящим. На столе, обитом старою клеенкой, стоял письменный прибор: на деревянном поддоне простая стеклянная чернильница и деревянная песочница, выточенная пуками самого старца; против прибора на середине стола, сверху других бумаг, лежало всегда начатое письмо; по сторонам его – кучи писем, разделенные на требующие скорейшего ответа и терпящие отсрочку, читанные и еще нечитанные по недосугу. Ближе к окну: вновь полученные духовные журналы или какая-либо вновь полученная книга, которые просматриваются урывками, большею частью взамен послеобеденного отдыха... и наконец, одна или две из книг святоотеческих, в чтении которых старец полагал свою «жизнь и дыхание». – У письменного стола стояло кресло обитое зеленым драдедамом, с овальной спинкой, на кресле лежала небольшая шитая подушка. Внизу под столом стоял медный подсвечник, с жестяным зеленым зонтом.

Юго-восточный угол и большая часть южной стены над окном была убрана святыми иконами. В числе их была особенно чтима старцем икона Владимирской Божией Матери, перед

которой теплилась неугасимая лампадка; окрест различные иконы, Богородичная и святых угодников Божиих, присланная старцу из разных обителей и святых мест восточных и русских, иконы разных величин, окладные и неокладные, писанные на досках, на стекле, на финифти и перламутровые. Кресты разной величины, некоторые со святыми мощами, деревянные живописные, резные из кипариса, перламутра и единороговой и слоновой кости. Под иконами, в том же углу, деревянный угольник – для чтения обычных келейных правил. На середине на особом наложнице лежала Следованная Псалтырь, по сторонам Евангелие, Апостол, Каноник Богородичный Киевского издания, в коем помещаются дневные каноны Богородичны всех 8 гласов, исповедная книжица и т.д. Вдоль западной стены изголовьем к окну стояло узкое ложе, над изголовьем Распятие, выше его – образ Спасителя, взявшего на рамо погибшее овца. Западная стена над ложем была убрана портретами: в середине два живописных изображения отца архимандрита Моисея и брата его по плоти и по духу отца игумена Антония; вокруг их фотографические портреты некоторых из учеников старца и живописный покойного Ф.А. Голубинского. Над дверью, на северной стороне, ряд живописных портретов нескольких приснопамятных и близких сердцу покойного старца мужей: 1) святителя Тихона, епископа Воронежского, 2) схимонаха Симеона – основателя Белобережской пустыни, 3) Московского Новоспасского монастыря иеромонаха Филарета, 4) Пловчанской пустыни схимонаха Афанасия, ученика старца Паисия, 5) Пловчанской пустыни иеросхимонаха Иосифа, 6) схимонаха Феодора, ученика старца Паисия, 7) ученика Феодорова Оптинского же скита столетнего старца монаха Иллариона.

Вот та тесная келья, в которой возносил старец свои молитвы ко Господу, в которой в течение 20 лет начертано столько душеполезных писаний в разрешение многоразличных духовных нужд, вопросов, неумений, где ежедневно с утра и до вечера открывались от многих сердец – помышления их, еженедельно священнодействовалось таинство покаяния, проливались обильно спасительные слезы умиления и раскаяния, слагались обеты к исправлению жизни, разрешались

сомнения, упразднялись недоумения; откуда входившие печальными выходили радующимися, скорбящие – утешенными, отчаянные – воздвигнутыми тещи путь, – в надежде покаяния, самонадеянные – смиренными. Но говоря о пользе, которую получили здесь другие, кто возможет исчислить те труды и болезни, которые подъял здесь сам блаженный старец, ревнуя о духовном преспеянии. Кто исчислит, столько потребно было для сего печали и воздыханий, недоумений и горьких слез, со смирением и припаданием пред Богом?

Старец еженедельно вставал на утреннее правило по звону монастырского колокола, то есть в два часа, а если с вечера дольше обыкновенного просидит за письмами, или чувствует себя нездоровым, ибо с детства страдал бессонницею, то не позже трех часов, и сам. Выходя в коридор, будил на правило своих келейников. – Утреннее правило его состояло из чтения утренних молитв, 12 псалмов первого часа дневного Богородичного канона по гласу недели и акафиста Божией матери; причем ирмосы пел сам; затем келейники уходили. И старец оставался один с Богом.

В 6 часов старец призывал опять келейников для чтения «часов и изобразительных». После сего выпивал чашек или две и никогда не более трех чая и принимался за письмо или книгу. С этого времени келья его была открыта для всех, имевших до него какую-либо вещественную или духовную нужду. Дверь, ведущая из коридора в переднюю, беспрестанно скрипела на своих ржавых петлях, предупреждая старца о входящих. Кончилась ранняя монастырская обедня, начинает от времени до времени раздаваться звон привратного колокольчика. – В 11 часов, после поздней монастырской обедни, ударяют к трапезе, – старец идет в оную вместе с другими. После трапезы запирается на полчаса, много на час, и это единственное, в течение целого дня, свободное его время для отдыха, ничем неразвлекаемого чтения, письма, мысли... Но лишь только скрипнула в передней дверь, старец выходит или вопрошает: «кто там»? и снова начинается та же деятельность. Спустя час или два, идет на гостиницу. Где уже ждут его многие десятки, а по большим праздникам и постам – и целые сотни народа,

каждый с своими нуждами духовными и житейскими, и всех с равною любовью и срдоболием принимал любвеобильный старец, всех высушивал с изумительным, поистине, терпением и кротостью: одних вразумлял, других укреплял, тех воздвигал от рова отчаяния, от тины греховной; и это – каждый день, и не один год, а в течение слишком 20 лет указывая всем правый путь спасения.

Измученный, усталый, едва переводя дыхание, бессильный не только говорит, но и произнести внятно одно слово, – возвращался старец домой с своего ежедневного подвига.

Возвратившись с гостиницы, старец вместо отдыха – слушал краткое правило, состоящее из 9-го часа, кафизм с молитвами и канона Ангелу-хранителю. Потом до вечерней трапезы, а иногда и во время оной, принимал монастырскую и скитскую братию, если кто из последних не успел побывать днем, приходившую на ежедневное исповедание помыслов; окончив прием, подкреплялся пищей, потом слушал вечернее правило, на которое, кроме келейников, приходили еще один или два раза из ближних учеников. Правило состояло из малого повечерия, молитв на сон грядущим, 2-х глав Апостола, одной Евангелия. Конец вечерних молитв: *Владыко человеколюбче, неужели мне одр сей гроб будет... Ненавидящих и обидящих нас прости... Исповедаю Тебе Господу Богу моему и Творцу, – краткое исповедание и отпуст, после коего ученики, получив благословение старца, расходились по своим кельям, а старец оставался один на краткий отдых, предваряемый молитвенным подвигом, и когда огни в скитских кельях давно уже погасли, окно его кельи еще было освещено светом свечи, горевшей на его письменном столе или вскрай ложа. Но вот погас и этот свет. И только слабое мерцание неугасимой лампы пред иконою Неусыпающей в молитвах за всех нас... освещало окно молитвенного покоя.*

Старец приобщался Св. Таин ежемесячно, и в те дни, когда готовился к сему, усугублял пост, употребляя пищу без масла, а иногда ограничиваясь сухоядением. Молитва же была непрестанная. Страдая бессонницею, старец иногда не знал сна вовсе или часто пробуждался от оногo, при чем замечено, что

едва пробудится, тотчас прибежал к благодарению и славословию имени Божия, пока забудется снова.

По временам старец приходил в состояние духовного восторга, особенно при размышлении и беседе о неизреченных судьбах Промысла Божия, Его великой и присносущной силе и Божестве; тогда запевал одну из своих любимых церковных песней, как, например: *покрываяй водами превыспренняя своя, полагаяй морю предел песок* (Ирм. На Рож. Бог. Гл8), или песнь, в которой с такою глубокою силою и вместе краткостью выражено таинство святой Троицы: *Приидите, людие, Трипостасному Божеству поклонимся... слава в стихирах ко Пресвятому Духу*, или один из догматиков, в коих воспевается неизреченное и недоуменное таинство воплощения и послужившая оному чистая Матерь Еммануилова, как например: *кто Тебе не ублажит, Пресвятая Дево,... Царь Небесный...* и проч. А иногда, выйдя из кельи с костылем в руках, прохаживался по скитским дорожкам и, переходя от цветка к цветку, молча погружался в созерцание премудрости Творца от творений познаваемого.

Давно уже преданные старцу особы уговаривали его съездить в Москву посоветоваться насчет состояния своего здоровья к тамошним врачам, но старец на их неоднократные просьбы отвечал: «пусть будет, что Богу угодно!» или чаще отмалчивался; но, письмо, которым почтил покойного старца, в начале 1825 года, Его Высокопреосвященство старец-митрополит Московский, понудило его уступить общему желанию.

Старец съездил в Москву. По словам архипастыря, Московские чудотворцы и преподобный Сергей точно не оставили без благословения трудов путешествия немощного старца. Воспользовавшись и советами врачей, он поддержал свое драгоценное для многих здоровье еще на несколько лет.

Желая устранить от себя хозяйственные хлопоты, сопряженные с званием начальника скита, в котором пробыл уже 14 лет, чтобы иметь более свободы для занятий духовных, старец неоднократно представлял о сем отцу архимандриту, но, по просьбе его и братии, отсрочивал свое намерение. Так

продолжал до 1853 года, в котором он, с согласия настоятеля, передал звание начальника скита старшему иеромонаху оного – о. Пафнутию. Это было 30 ноября, в тот самый день, в который, 14 лет тому назад, принял начальство. Собрав скитскую братию в церковь, старец объявил, что он, по соизволению отца архимандрита Моисея, слагает с себя звание скитоначальника, после чего был отслужен молебен Божией Матери и св. Иоанну Предтече господню, с помощниками на оном о здравии и спасении поименно всей скитской братии; затем старец земным поклонением испросил у всех прощение, и братия взаимно прощались с ним, принимая благословение у нового скитоначальника.

Духовная деятельность старца расширялась год от году, через умножающееся стечение к нему народа и увеличение числа писем. Но за то здоровье видимо ослабевало, и силы умалялись, «дух был бодр, но плоть немощна». Старец часто страдал запятием духа, внезапным упадком сил, вследствие геморроидальных припадков.

В следующем году, по представлению настоятеля (1853 г. декаб. 19-го) и ходатайству преосвященного Григория, епископа Калужского и Боровского, о. Макарий был награжден от Святейшего Синода, за пастырские труды свои по званию духовника обители, золотым наперсным крестом. Преосвященный Григорий, получа оный, вызвал о. Макария в Калугу и пригласил его к сослужению с собою, во время коего возложил на давно уже украшенного седидами духовной мудрости, 66-ти летнего старца золотой наперсный крест, – в 1854 году (тогда же по желанию его он был уволен на покой).

Такой видимый знак внимания высшего духовного начальника к общелюбимому и почитаемому старцу много утешил как братию обители, так и многочисленных его почитателей из лиц всех сословий.

В 1857 году к этому кресту присоединился другой – в память последней войны, в событиях которой старец – патриот в душе, принимал самое сострадательное участие. Несмотря на свои постоянные недосуги, среди находя время удовлетворять потребностям духа (ежедневным чтением отеческих писаний),

тем не менее, во время осады Севастополя, он просил прочитывать себе известия о ходе ее из Московских Ведомостей, и при каждой радостной или подающей надежды вести славил Бога и радовался как дитя, а при вести о неудаче скорбел и тужил молитвенно. Когда же была получена роковая весть об оставлении Севастополя, старец зарыдал; упав на колена пред образом Богоматери, он долго молился без слов, как отец, потерявший единородного сына. Так же глубоко тронуло его чувствительное сердце и неожиданная весть о кончине в Бозе почившего Государя Императора Николая Павловича. При этом вообще надо заметить, что одаренный духовным разумом старец, прикасаясь, так сказать, осязательно к ранам общественной совести, по ежедневному сношению своему с людьми всех сословий, зрело понимал их действительные нужды и глубоко сочувствовал современным вопросам, касающимся улучшения народного быта, грамотности, воспитания и т.п. Духовно-практический взгляд старца на эти вопросы виден частью из некоторых его писем.

23 августа 1860 года старец присутствовал на монастырской гостинице при блаженной кончине одной из духовно преданных ему боголюбивых жен, боярыни Марии, матери одного ученика его; прослезившись, старец назвал эту тихую, на подобие, угашенной свечи, кончину «преподобническою», промолвив: «я считаю себя счастливым, что Бог сподобил меня видеть кончину праведную!»

25-го августа, накануне празднования явления чудотворной иконы Владимирской Божией Матери, старец, который особенно чтит эту икону, как и его духовный друг и сопостник иеросхимонах Леонид, по ежегодному своему обычаю, отправил в честь ее в своей кельи с несколькими из приближенных учеников, всенощное бдение и отошел ко сну в здоровом состоянии духа и тела, преподав обычное благословение ученикам, которые разошлись с миром по своим кельям, не имея по-видимому никаких причин ожидать той скорби, которую породил им находящийся день.

26-го, в пятницу, собираясь к обедне, старец вдруг почувствовал припадки болезни, называемой на медицинском

языке Ischuria, и ее последствия, на которую впрочем, жаловался по временам и прежде; в обители в это время случился городской белевский врач г. Базелев, который, будучи приглашен к больному, тотчас оказал ему первоначальное пособие, но, к сожалению, не мог остаться на некоторое время в обители для наблюдения за действием данного лекарства. К вечеру больной стал чувствовать себя хуже, и началась его предсмертная болезнь.

6-го сентября, с наступлением утра появилось запятие духа, прежняя постоянная болезнь старца. что само по себе составляло уже худой признак. После поздней обедни старец причастился Св. Таин. Поутру же приехали еще два медика, привезенные настоятелем Малоярославского Черноострожского монастыря, архимандритом Никодимом, по его собственному усердию, но уже было поздно. Им выпало на долю, расспросив о ходе болезни, лишь подивиться доблестному терпению воина Христова, который памятью страданий мучеников укреплял себя, ограждаясь крестным знамением, принимал самые горькие врачества, страдал и молчал или тихо стонал, и вместе молился...

К вечеру больному сделалось значительно хуже, и потому он желал вторично приобщиться Св. Таин, что и исполнил в 8 часов, сидя в креслах, после чего страдания несколько уменьшились. Около полуночи потребовал своего духовника, и после получасовой беседы с ним, получив его напутственное разрешение, просил прочесть отходную, которую слушал сидя. Затем, по собственному желанию и просьбе больного, были прочитаны с вечера канон и акафист Божией Матери, а во время утрени канон и акафист Иисусу Сладчайшему, причем замечено, что, во время чтения, страдания не только уменьшались, но и совершенно успокаивались: больной часто обращал слезящиеся, умиленные взоры, то на стоявшую против его ложа столике икону Спасителя в терновом венце, восклицая: «Слава тебе, Царю мой и Боже мой!» то на особенно чтимую икону Владимирской Божией Матери, говоря: «Мати Божия! Помози мне!» или, наконец, безмолвно простирая руки к Царице неба и земли, молился о скорейшем разрешении от телесных уз.

Страдания от запятия духа продолжались через всю ночь: больной то подымался, то ложился, при помощи ходивших за ним братьев, то просил их посадить себя на кресла, но в духе был совершенно спокоен и тих, как дитя, выражая благодарность за попечения о нем окружавших его, то нежноотеческими взглядами, то благословениями, то безмолвным пожатием руки и слезами. Так наступило утро того дня, в который Господь благоволил поять к Себе душу верного раба Своего: то было 7 число сентября, день предпразднества Рождества Его Пречистой Матери, к Которой старец, как и все православные подвижники, питал глубокую сердечную веру, выражая ее постоянно призыванием Ее всесвятого имени, чествованием Богородичных праздников, келейными всенощными бдениями в честь некоторых Богородичных икон, наконец, неопустительным, через всю 50-летнюю иноческую жизнь, чтением в честь ее ежедневно канонов, и в положенные дни – акафиста. В 6 часов утра в последний раз старец удостоился приобщиться Св. Таин Тела и Крови Христовых, которые на сей раз принял уже от телесного изнеможения лежа, но в полной памяти и с глубоким чувством умиления. Почти ровно через час после сего, в 7 часов, при окончании чтения канона на разлучение души от тела, на 9-й песни оно, старец предал свою праведную душу в руке Божии, – тихо и безболезненно, окруженный сонмом своих ближних учеников и других преданных ему особ¹⁰.

Оптинский схимонах Вассиан

(Память 7 сентября)

Надпись на памятнике, составленная покойным Оптинским настоятелем архимандритом Моисеем, кратко обнимает всю жизнь этого замечательного старца-подвижника. Она гласит: «Под сим памятником погребено тело скитского старца, схимонаха отца Вассиана, скончавшегося с упованием на Божие милосердие, *сентября 7 дня, 1857 года*, девяноста семи лет от рождения своего».

Сей блаженный старец-схимонах Вассиан, родом был Жиздринского уезда, из крестьян; в монастырь вступил в 1812 году, в монашество пострижен 1818 года; а потом в 1820 году в схиму был пострижен он преосвященным Филаретом Калужским. – И с самого вступления своего в монашество проводил жизнь более подвижническую: носил на теле своем вериги, пищу всегда употреблял он постную, не вкушая молочного и рыбы, кроме самых великих праздников св. Пасхи и Рождества Христова, а вина и чаю во всю иноческую жизнь свою не употреблял никогда. К церковному богослужению был весьма усерден, притом и келейным правилом занимался почти непрерывно, прочитывая ежедневно Псалтырь и акафисты, со многими земными поклонами. Каждую неделю приобщался Св. Таин Христовых. В Великий пост – первую и последнюю седмицу проводил без пищи; а в 1818 году, будучи в силах, поревновал древним отцам испытать себя в чрезвычайном посте Бога ради, не вкушая пищи во весь Рождественский пост. Также и во всю Четыредесятницу великого поста. Притом выдерживал многие искушения козней бесовских силою веры и любви ко Господу.

Был неутомимо трудолюбив; любил крайнюю нищету – не имея в кельи ничего, кроме икон святых, и по кончине его ничего не осталось, кроме изношенной и ни к чему негодной одежды – и тем подал для всей братии весьма назидательный пример подвижнической зело жизни.

За все таковые подвиги да упокоит Господь Бог душу раба Своего со святыми в небесном царстве Своем¹¹.

Монах Памфил Соловецкий

(Память 8 сентября)

Старец Герасим воспитал в своем ученике Памфиле инок, превосшедшего даже своего учителя духовным преуспеянием. Памфил. По занятию своему в монастыре, был бочар и колесник. Вверив себя в безусловное послушание своему старцу, он во всю жизнь свято исполнял завет послушания и ничего, до малейшей вещи. Не делал без благословения своего наставника. Но преткновения и погрешности неизбежны в жизни каждого человека. Однажды он получил из рухольной палаты для опоясывания ремень с железной пряжкой, не взяв на то позволения у старца. Старец оскорбился самоволием ученика и, заметив в нем довольство и радость о приобретенной вещи, взял у него ремень. А для опоясывания дал ему толстую веревку; послушный ученик опоясывался веревкой до самой смерти, лет 20-ть. Многие годы Памфил прожил с Герасимом в пустыне, занимаясь деланием боченков, и, если когда не успевал исполнить назначенного старцем урока, то лишаем был в тот день и обеда. Велики были его молитвенные подвиги. Просветив молитвою мысленные очи, он и телесными очами сподобился видеть сверхъестественные явления. Неоднократно он видел явление церкви на том месте, где ныне поставлена церковь Живоносного Источника, и сообщал о том тогда же своему старцу. Иногда в темную ночь он видел необыкновенный свет, озарявший окрестность их пустыни. Но ему запрещали обращать внимание на такие явления, чтобы не подпасть обольщению духовной гордости. Не напрасны были эти мудрые предостережения. В одну ночь, стоя на молитве, он поражен был страшным видением и, от насилия ли бесовского, или от одного страха, лишился чувств, и на утро найден был бесчувственно лежащим на полу. «Я видел тогда», говорил Памфил впоследствии: «стоящего пред окном человека с огненными глазами, дышащего пламенем; он просился на ночлег; потом вдруг вся келья наполнилась черными воронами, которые с громким карканьем летали и кружились вокруг меня». С этого

времени у него закрылся один глаз, и искривилось лицо. Оставив пустыню, Памфил теперь большею частью жил в монастыре, занимаясь обычным рукоделием; в слезных молитвах он проводил иногда целые ночи, рыданиями пробуждая близ живущих; в полночь отправлялся в братскую трапезу и там продолжал молиться до утрени пред образом Тихвинской Божией Матери. Всегда молчаливый и молитвенно сосредоточенный, Памфил имел расположение духовное и почтение к одной юродивой женщине, по имени Христина, которая часто посещала монастырь. В одно время он пошел на пристань, сказывая встречавшимся на пути: «Христина едет, иду ее встречать». Но и Христина, находясь еще далеко от монастыря, объявила соплавателям, что навстречу им вышел монах. С взаимным уважением встретились друзья на берегу и лобзали друг друга в рамена. До самой своей кончины он не переставал обращаться к своему старцу. Поверяя ему тайные своей совести и прося наставлений в затруднительных случаях. Вся его жизнь была непрерывным подвигом молитвы и труда, от которого он успокоился сном смерти, прежде старца своего, в 1845 году. 8 сентября. По смерти лицо его совершенно исправилось от искривления. И в удивление всем сделалось благообразным и радостным¹².

Монахиня Кашинского Сретенского женского монастыря Елисавета

(Память 10 сентября)

В Кашинском Сретенском женском монастыре, около придельного алтаря теплой церкви святителя и чудотворца Николая, находится скромная могила, покрытая плитой; на плите начертана следующая надпись: «здесь похоронена монахиня Елисавета из рода Головачевых; жития ее была 58 лет; в обители была 35 лет; скончалась сентября 10-го 1822 года.

Монахиня Елисавета родилась в 1764 году и наречена была Екатериною. Отец ее был отставной бригадир Алексей Иванович Головачев, мать Параскева Васильевна; – жили они в своем поместье, в Ржевском уезде, в пределах нынешней Тверской губернии.

Едва достигла она совершенных лет, как выдана была в замужество за поручика Голофьева в Курскую губернию, – в далекую Украину, как тогда говорили, – судя по дурным и дальним путям сообщения. Участвовало ли ее собственное сердце при выборе супруга, или это была только с ее стороны одна покорность воле родителей, – неизвестно; известно только то, что она не наслаждалась семейным счастьем в супружестве. Правда у них родилась дочь; и она, как мать, сосредоточена на ней всю свою любовь и нежность; но вскоре и муж ее, и любимая дочь померли; господь видимо разрывал ей мирские узы и призывал ее к подвигам уединения. Екатерина Алексеевна, уже овдовевшая и возвратившаяся на родину. – поехала однажды в Москву, чтобы там поразсеяться; и вдруг застигает ее на дороге страшная вьюга. Измучившись в борьбе с этою вьюгою, она решила добраться как-нибудь до усадьбы Чудиново к своим родственникам, отличавшимся верою и благочестием. Родственники с радостью приняли ее и приютили от непогоды. Имея обычай что-нибудь почитать на сон грядущий, Екатерина Алексеевна спросила у них какой-нибудь книжки. В

доме были книги большею частью духовного содержания; и вот дали ей книгу: *путь к царству небесному*. Она стала читать и так увлеклась книгою, что читала всю ночь; она в слезах упала пред святыми иконами: долго молилась, – и поутру объявила родственникам своим, что она не поедет в Москву, а вернется назад, что ей не веселиться следует, а молится – и молиться. Она возвратилась домой и вскоре, именно в 1788 г., поступила в Кашинский Сретенский монастырь, 23 лет от роду.

В 1794 г., Екатерина Алексеевна была пострижена в инокини с именем Елисавета¹³. Еще будучи послушницей, она обращала на себя внимание всех в обители своею строгой жизнью; теперь иноческие подвиги ее усилились; и чрез два года монашеской жизни она могла считаться одною из двух кандидаток на звание игуменьи обители. Но она, по смирению своему, никогда не желала и не искала себе столь высокого звания; не для того шла она и в обитель, чтобы в ней начальствовать над другими: и потому она мудро уклонилась от этого звания, и дала другой инокине, сестре бывшей игуменьи Назареты, монахине Александре, одновременно с ней постриженной, полную свободу занять место игуменьи. Незадолго до времени избрания отпросилась на богомолье в Киев; дорогою заболела и перепросилась сначала в Орловский, а потом в Курский женский монастырь; и только по прошествии двух лет, когда узнала, что в Кашинском Сретенском монастыре избрана уже игуменья Александра (Непейцына), стала проситься опять в Кашин, в прежний свой монастырь. По словам хорошо знавшей ее схимонахини Надежды, «она избегала всякой известности и славы мира сего, и, имевши случай быть настоятельницею, сумела избежать его». Впоследствии в письме своем к новой игуменье, она «всенижайше просила ее приложить милостивое старание о переводе ее в Кашинский монастырь, где она дала обет Богу проводить иноческую жизнь».

В монастыре повела она, по-прежнему, самую строгую подвижническую жизнь. Об этой жизни ее сохранила для нас драгоценные сведения одна страница¹⁴, в молодости бывшая келейницею у нее; вот эти сведения:

«Келья матушки Елисаветы была рядом с нашей» (на юго-западной стороне монастыря), и я часто удостоивалась водить ее из церкви; она, бывало, и потешит меня, – пожалует мне денежку, и скажет: «помолишься ли ты за меня?» А я тогда была еще так мала, что едва до руки ее доставала, чтобы ее поддерживать; когда она скончалась, мне было 20 лет».

«Матушка Елисавета была роста среднего и, несмотря на свои еще нестарые годы, была уже согбенна; лицо ее было как бы восковое; стояла она в церкви подле матушки игуменьи (тогда Палладии Волковой) и всегда плакала. Часто матушка Елисавета читала акафист во время *правила*; и слезы у нее лились как бы само собой; а читала она так, что, казалось, она видит перед собою Спасителя. Чтением своим она возбуждала сердечное умиление во всех, так что очень многие сестры плакали. А моя должность была припевать к акафисту; и я припевала, бывши тогда лет 12-ти, стоя на клиросе. Старицы монахини утешали меня и, возвращаясь из церкви, милостиво ласкали, и поощряли меня; а матушка Елисавета жаловала мне частенько серебряный пяточок, который на этот раз всегда был у нее готов для меня. И теперь, когда я читаю акафист, я всегда вспоминаю матушку Елисавету, и представляю себе, как она его читала и как она стояла в церкви; вид ее в это время был как бы неземной».

«Хорошо помню, говорила бывало дальше старица Александра, – когда я в первый раз читала *правило* в церкви и очень торопилась (а мне казалось, что так лучше), матушка Елисавета по окончании правила подозвала меня к себе и сказала: «ты очень твердо читала; только уже очень скоро, никогда так не торопись, а читай со страхом Божиим; помни, что все молятся». Когда стала я постарше, матушка Елисавета стала присылать за мною, и приказывала мне петь вместе с ее келейной, которая была клиросная; иногда посылала она и еще за одной старицей клиросной, и заставляла нас втроем петь канты: «*Иисусу мой прелюбезный, сердце сладосте*"... «*О, горе мне грешнику сущу*".

«Вот смерти вестник новый
Явился предо мной;

Я вижу гроб готовый».

и т.п., а сама слушала и все плакала».

«Матушка Елисавета особенно дорожила крестным знаменем и пользовалась им при всяком возможном случае. Взирая на нее, многие старались подражать ей. Благочестивым своим видом, благоговейным стоянием во храме, крестным знаменем, поклонами, слезами и она невольно внушала страх Божий, который от нее не отступал никогда. Раз. Когда келейная ее громко рассмеялась, она подошла к ней, перекрестила ее и сказала: «Христос с тобою, Аннушка; нехорошо, друг мой, так смеяться, да и нездорово».

«Матушка Елисавета, – продолжала также старица Александра, была очень благодетельна и ко всем милостива, кротка и смиренна, никого она не отпускала от себя без утешения и своих милостей. Когда приходилось мне провожать ее из церкви, она всегда говорила мне что-нибудь полезное и назидательное. Скажет бывало: «Саша, любишь ли ты Господа Иисуса Христа?» Люблю, матушка. «Как же ты молишься Ему?» Я отвечаю: «Иисусе сладчайший, спаси мя». А она скажет: «Ты вот как молишь: «Иисусе сладчайший, помилуй мя! Да помилуй же меня!» – показывая этим, что для получения спасения необходима усиленная молитва к Господу Иисусу Христу о помиловании.

В пищу принимала матушка Елисавета все, что не возбраняется уставом иночества монахиням, но имела всегдашнее воздержание и самоукорение.

У матушки Елисаветы была по иночеству духовная дочь – монахиня Анастасия Бешенцева, которая часто страдала тоской; матушка Елисавета посещала ее и старалась возбудить в ней бодрость духовную и разгонять тоску ее. «Тоска означает то, что душа желает беседовать с Господом», – говорила ей матушка Елисавета; и обе долго затворялись во внутренней кельи, и долго молились. Ольга Петровна Давыдова (впоследствии игуменья Кашинского Сретенского монастыря – Назарета) также молилась с ними.

Богоугодная жизнь монахини Елисаветы привлекла на нее благоволение Божие; и она, исполненная силы Божией, нередко

проявляла разительные действия, особенно для тех, чье сердце отверсто было к зрению чудес Божиих.

Жила монахиня Елисавета в совершенной нестяжательности; ничего себе не приобретала и не сберегала; а довольствовалась только тем, что родственники ее, по усердию своему, присылали ей; даже и присланное часто раздавала она, и почти ничего своего не имела. Однажды случилось так, что провизия ее вся истощилась; денег не было ни копейки; приготовить пищу было не из чего. Келейная скорбели; а матушка Елисавета успокаивала их и говорила, что Господь пошлет им; и в мирном настроении духа, с полным упованием на Господа пошла в церковь к Божественной литургии. Господь действительно послал ей милость Свою: в отсутствие ее принесли присланный ей пакет с деньгами.

Был и более поразительный случай: однажды она приехала в Петербург к родственникам своим и вошла в дом. Дети, в отсутствии старших, резвились и играли в зале; но когда увидели незнакомое монашествующее лицо, то все разбежались; остался один больной ребенок, усаженный в особое креслице и издававший жалобные стоны. Матушка Елисавета подошла к нему, приласкала его, отерла его слезы своим платком, оградила его со всех сторон крестным знамением, и ребенок успокоился. Она отошла и вскоре была встречена хозяевами дома; но сверх своего обыкновения недолго побеседовала с ними и поспешила уехать. Между тем ребенок, которого няня перенесла на кровать, крепко спал, и только утром проснулся совершенно здоровым. Тогда все догадались, почему матушка Елисавета не осталась у них.

Крестная дочь матушки Елисаветы рассказывала еще следующие замечательные случаи: «Из монастыря матушка Елисавета иногда ездила в Ильино к своим родственникам Нестеровым. Однажды, бывши в Ильине, она вместе с Нестеровым посетила больного отца своей крестницы – священника Иоанна Степановича и предсказала ему близкую его кончину».

Другой случай: однажды потребовала она себе воды, и когда ей подали, она открыла окно и стала плескать воду за окно. Ее

спросили: зачем она это делает? И она ответила: «я заливаю Казино». Это была деревня в Кашинском уезде, принадлежавшая Головачевым; деревня эта действительно в то время горела, и пожар прекратился сам собою и именно в те самые минуты, когда монахиня Елисавета лила воду за окно, как доказала наведенная тогда справка.

Проводя земную жизнь свою во страхе божием. Монахиня Елисавета сохраняла всегда в сердце и в памяти своей мысль о смерти и тем облегчала себе переход из временной жизни в вечную. Тридцать пять лет она усиленно трудилась ради Господа, и господь облегчал ее труды Своею всесильною благодатью; *иго* Его делалось для подвижницы *благим* и *бремя* Его *легким*. Наконец, настало время переселиться подвижнице в вечность; последняя предсмертная болезнь ее была – головная чахотка и притом столь сильная, что задолго до смерти больная не могла уже принимать не только пищи, но и воды. Но и в эти минуты живая вера в Господа подкрепляла ее, и твердое упование на милосердие Его не оставляло ее. Ей пламенно хотелось пред смертью приобщиться Св. Таин, и Господь Премилосердый явил ей эту милость: она сподобилась принять Св. Таин, что многих чрезвычайно удивило и обрадовало; и она без страха переселилась в вечность, по слову Давида: *еще пойду и посреди сени смертных, не убоюсь зла, яко Ты со мною еси* (Пс. 22,4). Тело ее оставалось непогребенным девять дней, и не только не разлагалось и не изменялось, но делалось все лучше и благолепнее и лежало как бы восковое¹⁵.

**О. Мельхиседек, иеромонах Мценского
Петропавловского монастыря (Орловской
губ.), и юродивый Иван Коробочкин**

(Память 11 сентября)

Иеромонахъ Мельхиседекъ

Иеромонах Мельхиседек, до поступления своего в монашество, назывался Михаилом. Отец его был причетником села Козинок, Орловской губернии и уезда, имя ему было Филипп Орнаутов, а матери – Мария Афанасьевна; у них кроме Мельхиседека, было еще три дочери и сын Павел. Жизнь этого бедного, но добродетельного семейства, текла тихо и спокойно. Мельхиседек утешал своих родителей отличными успехами и скромным поведением в училище, за что, как способный и достойный, был переведен в семинарию. К немалой скорби всего семейства, отец Мельхиседеков скончался, оставив после себя сиротам в наследство бедность и честное имя. Смерть отца едва не вынудила Мельхиседека заступить его место, для пропитания сиротствующего семейства; на семинарское начальство, в уважение сиротства и отличных успехов, приняло его на казенное содержание, чем дало ему возможность продолжать учение, а для пропитания семейства был впоследствии принят к одной из его сестер зять.

Семинарская жизнь Мельхиседека не представляла ничего особенного. Он в кругу товарищества был резв и весел; так что, смотря на него, никто не мог когда-либо стать о. Мельхиседеком. На последнем году богословского курса жизнь его начала носить печать особенности и какой-то таинственности: прежде резвый и веселый, он, к удивлению сотоварищей, становиться тихим и кротким, не принимает никакого участия в общих шутках и забавах; на разговор его можно было вызвать только предметами серьезными. Все свободное время от классных занятий время, днем и ночью, поздно легши и рано вставши, а иногда всю ночь без сна проводил Мельхиседек в чтении библии; слово Божие сделалось пищей для его ума. За чтением слова Божия часто видели его горько плачущим, а иногда в подобные минуты он, орошаемый слезами, поспешно вставал с скамейки, снимал икону, с тихим рыданием плакал над нею и с необыкновенным чувством горячности лобзал ее. Неопытная юность сверстников не увидала и конечно не признавала в таких поступках Мельхиседека благодатного настроения его души и сердечного покаянного умиления. Многие и нередко издевались

над ним, называя его святошей; а некоторые полагали, что он от постоянного напряженного чтения Библии начал повреждаться умственными способностями. В последней мысли некоторые еще более утвердились и других уверяли, когда он однажды, ночью порою, во время чтения и молитвы, вдруг приостановился, чем то необыкновенно встревоженный и ограждая себя крестным знамением, поспешно взволнованным голосом произнес: отступите! Вон! Вон!... Между тем, никто никого и ничего не видел, а потому никто и не понимал, к кому относились эти слова; только впоследствии для некоторых сделалось известным, что Мельхиседек так силою креста прогонял от себя соблазнительные мысли и желания.

По окончании курса, Мельхиседек вышел из семинарии в числе первых учеников по успехам и поведению. Успешное окончание семинарского учения Мельхиседеком было радостным событием для всего его семейства: особенно радовалась мать, льстясь при этом надеждою, что он, прииславши для себя священническое место. Успокоить ее старость и облегчить участь прочих сирот. Но не таково было намерение сына. Смерть отца, оставившего по себе значительное семейство. Которое проводило жизнь не без горя, имела сильное влияние на Мельхиседека. Размышляя о непостоянстве всего мирского и о том. Что человек в мире странник и пришелец, он возымел сильное влечение к иноческой жизни и решился поступить в какой-либо монастырь. Заявление его о поступлении в монастырь мать приняла сначала с недоумением и недоверием. Убедясь же в непреклонности намерения сына, эта благочестивая женщина, несмотря на свою крайнюю нужду, не стала прекословить его желанию: служение Богу она всегда поставляла выше житейских интересов и потому, по усердной молитве. Со слезами благословила Мельхиседека на новую жизнь и благополучный путь.

Рассказы о Белобережской пустыни, находящейся в уединении среди окружающих ее дремучих лесов, о продолжительном богослужении и строгой суровой жизни тамошних монашествующих, как вполне согласовавшиеся с настроением души Мельхиседека, возбудили в нем желание

определился в число братства сей обители. По его приходе туда, бывший в то время строитель пустыни Моисей, сначала благосклонно принял его в своей келье, но потом, рассмотрев аттестат Мельхиседека, сказал, что он не может принять его в число братства: «нет для него места». Что было причиною к такому решительному отказу, – неизвестно. На обратном пути домой, Мельхиседек зашел в Карачаевский Одрин монастырь с целью определиться сюда в число монашествующих, но и здесь так же, как в Белобережской пустыни. Ему было отказано. Эти неудачи болезненно отзывались в душе Мельхиседека, и хотя не поколебали его намерения, но повели к разным размышлениям и недоумениям: «верно. – думал он, – нет благословения Божия на мое предприятие». Для разъяснения своих недоумений, он отправился к ректору семинарии архимандриту Клименту, любившему его за успехи и благонравие. Архимандрит Климент, отобравши от Мельхиседека сведения. Что он желал и желает поступить в монастырь, только нигде его не принимают, с охотою предложил ему причислиться в число братии Мценского Петропавловского монастыря, над которым он значился настоятелем; на сделанное ему предложение, как на указание Самого Промысла Божия, Мельхиседек выразил свое полное согласие.

Мельхиседек поступил в Мценский Петропавловский монастырь в 1839 г., 14 октября; во время искуса, Мельхиседек проходил все монастырские послушания. Всякое послушание, на него возлагаемое, какого рода оно ни было, не считал для себя низким и обременительным, а принимал с кротостью и смирением, и проходил с особенным усердием и терпением, что немало удивляло прочих. «Новичок-то наш не спесив, от дела не прочь, что-то будет дальше», говорили братия, и такой разговор часто слышался в кругу монашествующих. По окончании послушания, тогда как некоторые предавались покою, он занимался чтением слова Божия, читал творения св. отцов, но с особенным усердием и любовью читал беседы Иоанна Златоуста: глубина мыслей св. отца питала ум и увлекала его сердце. Усердное чтение, разумное понимание и сердечная приемлемость прочитанного доставили ему тот богатый

материал христианского нравоучения, которым он впоследствии с таким удивительным искусством воспользовался, при назидании других. В житиях св. отцов и древних подвижников он почерпал побуждение к молитве и посту и соревнование к подражанию им. В храм на молитву он являлся неопустительно по первому удару колокола. Чтобы по немощи не проспать лишнее, он ложился на голую кровать, сделанную зубцами, в виде рубеля, употребляемого обыкновенно при катанье белья. В пище наблюдал строгую умеренность и воздержанность. Причиняемые ему порою огорчения он переносил великодушно, и никогда не противоречил обидчикам. Поэтому в монастыре все любили и уважали его, а многие с особенным удовольствием и не без пользы для души проводили с ним время в назидательных беседах. Его быстрые и меткие ответы вопрошающим, его оживленная речь невольно заставляли некоторых вопрошать самих себя: «что-то из него будет»? Таким образом, в юных летах и к тому же по недавнем поступлении в монастырь, Мельхиседек вел жизнь, подобно испытанному старцу, мудрому в деле и слове. Находясь на послушании, он начал делаться известным и вне монастыря по своей строгой, трудолюбивой и благоговейной жизни.

За короткую жизнь Мельхиседек был посвящен в иеродиакона, а потом в иеромонаха. По обязанности пастыря, Мельхиседек с научным знанием христианских истин, при сердечном детском убеждении в них, вышел на дело назидания ближним. Он говорил и поучал с кафедры церковной, говорил и поучал во всякое время и во всяком месте, где только представлялся случай. И Мельхиседек был силен в слове. Отсюда понятно, почему скоро пронеслась молва о Мельхиседеке, как о мудром наставнике и строгом подвижнике. Толпы народа из города и соседних селений – пешие и в экипажах – часто стекались в монастырский храм: кто -слушать беседы Мельхиседека в храме, кто – получить от него благословение, кто – испросить советов на пользу души, – словом, многие и многие из приходящих обращались к нему с своими духовными нуждами. У юного по летам, но зрелого по уму жизни, часто и старость, убеленная сединами, искала

советов и наставлений. Многие из всех званий и состояний, по живому убеждению в благоговейно-назидательной жизни Мельхиседека, с особенным желанием старались иметь его своим духовным отцом. И это были люди не одни простые, но и принадлежавшие по своему значению к высшим слоям общества. Нельзя при этом умолчать о неограниченной любви к Мельхиседеку г. Шеншиных, землевладельцев Мценского уезда. Они следовали советам его как послушные дети; научаемые нестяжательности в надежде вечных благ на небе, они щедрою рукою благодарили нуждающимся, подавали значительные пожертвования для украшения храмов, каковых пожертвований не чужд и монастырский храм. Бывает в храме монастырском г. г. Шеншины считали необходимою для себя потребностью; несмотря на то, что имение их отстояла от монастыря верстах в шести, они не опускали ни одного дня, мало того, ни одного богослужения, начиная с раннего и до вечернего: ни весенний разлив воды, ни летние дожди и лучи палящего солнца, ни осенняя грязь, ни зимний холод и метели, – ни что не могла задержать их в доме; они всегда бывали в храме, и часто приходили сюда раньше многих монашествующих; здесь они молились и, слушая беседы Мельхиседека, иногда забывали о пище. Самый домашний строй их жизни, после знакомства с о. Мельхиседеком. Во многом изменился; при своем значительном состоянии и удобствах к жизни, они имели весьма умеренный стол, а некоторые из семьи их, совершенно оставив мясные яства, довольствовались неизысканною постною пищею, и намерены были посвятить себя иноческому житию.

Благоговейная жизнь Мельхиседека имела влияние и на присных его по плоти. Меньший его брат Павел, по окончании курса в семинарии со степенью студента, не пожелал священнического места, а, следуя примеру его, вступил в этот же монастырь в число послушников, был впоследствии иеромонахом, с именем Палладия, и по смерти Мельхиседека управлял несколько лет монастырем. Братии и всему градскому духовенству о. Палладий известен, как искусный ученый ответчик всем совопросником. Престарелая шестидесятилетняя мать, пожелав видеть своими очами, как живут и спасаются о

Господе ее дети, сопровождаемая двумя дочерьми, прибыла также в монастырь. Жизнь Мельхиседека пленила старицу: она радовалась и умилялась сердцем. Оставив дом, в котором так долго жила, в котором испытала и много радости, и много горя, она решила провести остаток дней своих на глазах сына и быть погребенной его руками. Г.г. Шеншины, ознакомься с нею, предлагали ей свои услуги ходатайствовать об определении на места дочерей ее – девиц, при ней находившихся. Но как мать, так и дочери ее с благодарностью отклонили от себя это предложение, сознавшись при этом, что они не могут расстаться с Мельхиседеком, – они не разлучились бы с ним и по смерть свою, только стесняются в средствах для приобретения постоянной квартиры. Г.г. Шеншишы, как по своему человеколюбию, так и особенно по искреннему и глубокому уважению к о. Мельхиседеку, и приобрели покупкой близ монастыря небольшой домик для старицы, матери о. Мельхиседека. Но желание престарелой матери быть погребенной сыном не исполнилось: О. Мельхиседек скончался гораздо прежде ее, – и она остаток печальных дней своих провела в постоянной церковной и домашней молитве. По смерти она погребена в ограде монастырской; быв неразлучно душой с сыном, она не разлучалась с ним и своими бренными останками. Две сестры Мельхиседека – девицы и потом еще жили в означенном домике.

За просвещенный ум и христианские добродетели многие духовные, авторитетные лица уважали и почитали Мельхиседека. Мценский протоиерей, маститый старец о. Илия Соколов, уважаемый за свою ученость и строгую жизнь, часто приезжал к Мельхиседеку и проводил по несколько в назидательных разговорах. Сам покойный архиепископ Смарагд, как по отзывам других, так и по собственному архипастырскому наблюдению, видел в нем человека жизни благодатной и поучительной. Мельхиседек, по должности казначея, часто бывал у архиепископа Смарагда, – и он удостоивал его особенного внимания, проводил продолжительное время в разговорах с ним, и всегда оставался им довольным. Когда в Елецком монастыре произошла какая-то неурядица, и не

оказывалось из братии достойного и способного на должность казначея, владыка указом консистории перевел Мельхиседека в тот монастырь на эту должность, по уверенности, что он своим словом и жизнью восстановит мир и тишину. Что успел там Мельхиседек к восстановлению порядка, при исполнении им должности казначея, мы не знаем: знаем только, что пребывание его в Елецком монастыре было непродолжительно. Граждане г. Мценска, как только узнали о перемещении Мельхиседека в Елецкий монастырь, пришли в крайнее огорчение; разлука с ним для них казалась невыносимой. А потому многие представительные и влиятельные лица, во главе коих находились г.г. Шеншины, лично подали владыке прошение о возвращении Мельхиседека, выражая при этом, что без отца, и что разлука с ним есть живое разлучение с жизнью, которою они дышали о Христе. Владыка дал слово уважить просителей в непродолжительном времени; а между тем затребовал от настоятеля монастыря, архимандрита Флавиана, сведения об образе жизни Мельхиседека. Архимандрит Флавиан в донесении своем засвидетельствовал благоговейную иноческую жизнь его. Посему Мельхиседек был перемещен обратно в Мценский монастырь на ту же должность казначея, к немалому утешению братии и всех его духовных питомцев.

Мельхиседек со всеми обращался кротко и ласково; для него все были братья о Христе; но, по замечанию других, особою его расположенностью пользовался житель г. Мценска Иван Коробочкин, который Христа ради юродствовал и между жителями всегда назывался: «Иванушка дурачок», или «Иванушка-юродивый». Для многих он был предметом разных насмешек, которые он переносил терпеливо; укорительные и бранные слова как бы не касались его слуха, даже нередко получаемые им толчки принимал с незлобием. Но – люди благочестивые. По своим наблюдениям, заметили, что под странною наружностью Коробочкина скрывается особая благодать Божия, содействующая ему переносить всякого рода озлобления, и потому уважали его, с особым радушием принимали его, когда он заходил в их дома, и предлагали ему всякого рода услуги, которые он, с обычною причудливостью,

или отвергал. Или оставлял без внимания. Он часто посещал монастырь, бывал в кельях у некоторых из монашествующих, и по неоднократном свидании и разговоре с Мельхиседеком, эти два лица – Мельхиседек и Коробочкин – поняли друг друга, поняли и тот путь, коим каждый из них стремился благоугождать Богу. Между ними установилась та возвышенная любовь, по которой они готовы были положить друг за друга живот свой, если бы этого только требовала польза и спасение души. Посещение Мельхиседека Коробочкиным было частое. Если же Коробочкин в продолжение нескольких дней не приходил к нему, то последний, особенно когда был свободен от посетителей, скучал и бывшим при нем говорил: «Иванушка к нам что-то долго нейдет; верно за что-нибудь обиделся». Бывая у Мельхиседека, Коробочкин, при сторонних, вел себя странно, говорил загадочно и, по-видимому, без всякого смысла. И иногда грубо. По удалении же сторонних, он, как некоторым случалось помечать, оставлял свою причудливость, – и они проводили время в душеспасительных разговорах, и беседа их часто растворялась обильными слезами; появлялись сторонние, и Коробочкин опять становился Иванушкой. Для многих эта дружба тогда казалась странною и смешною.

Круг деятельности о. Мельхиседека не ограничивался только словом назидания других. Замечательная черта из его душевных свойств была любовь к нищим. Раздавая милостыню, он не взирал не лица и количества подаваемого: один получал больше, другой меньше, и, по наблюдению других, такое по-видимому случайное различие в раздавании соответствовало нуждам и нравственным качествам просящих. От щедрого посильного подаяния милостыни рука Мельхиседека не оскудевала. Многие достопочтенные христолюбцы, зная сострадание его к бедным, приносили ему значительные пожертвования, – одни явно, другие тайно, – для раздачи бедным, прося его молитв о здравии или упокоении своих родственников; с усердием это они делали в том убеждении, что поданная ими милостыня чрез его руки будет иметь более значения пред очами Божиими. Самое раздавание милостыни иногда представляло зрелище довольно трогательное. Едва

только о. Мельхиседек выходил из храма, тотчас окружали его угнетенные бедностью, смиренно кланяясь и простирая к нему свои руки, а он, пробираясь среди них и низводя на них своею десницею благословение Божие, уделял от избытков своих каждому на его потребу, и, останавливаясь почти с каждым, с сердечным участием вступал в разговор и применительно положению каждого, одному давал советы, другого укреплял надеждою на помощь Божию, иного взоры обращал к жилищу небесному, где нет печали и вздыхания. Находясь между ними, как отец между детьми, он утолял голод телесный, и душевный.

«В темнице бых, и приидосте ко Мне». Твердо помнил Мельхиседек и эти слова Спасителя. А потому в светлый день Воскресения Христова он с первым поздравлением отправлялся к заключенным в тюрьму преступникам, со всеми ими христосовался и давал каждому, что мог, с словами утешения и надежды на исправление и лучшую жизнь.

Подобным образом поступал и в праздник Рождества Христова и в других случаях. В подобном случае, по недостаточности своих средств, он сам не раз обращался к известным ему благотворителям, которые, по его внушению и просьбе, давали ему возможность облегчить участь несчастных, одному ему известных.

В отношении образа своей жизни Мельхиседек во всем наблюдал строгую умеренность и простоту. Поставляя достоинство человека не во внешнем мишурном блеске, а в душе, сияющей добродетелями, Мельхиседек, несмотря на то, что был казначеем и исправляющим должность настоятеля монастыря, носил одежду очень простую. Некоторые из его приближенных достаточных людей, полагая, что он по случаю своей нестяжательности и нищелюбия не имел возможности иметь у себя хорошей одежды, жертвовали ему довольно ценные рясы и подрясники; он же, чтобы не оскорбить чувство любви своих благотворителей, принимал, но никогда таковых не одевал, а отдавал их другим. В отношении пищи Мельхиседек соблюдал строгую умеренность и был постник; он употреблял самую простую, приносимую ему из трапезы, пищу в незначительном количестве, и то не каждый день. Восходя от

воздержания к воздержанию, он дошел до такого бесстрастия к пище, что довольствовался в день одною просфорою. Посещая, по приглашению, дома некоторых благочестивых граждан, он предлагаемое вкушал в незначительном количестве только для одной видимости, – для сокрытия своих подвигов. Соблюдая сам строгий пост, Мельхиседек. По обязанности казначея и впоследствии правящего должность настоятеля монастыря, заботился, чтобы по имевшимся средствам, для братии приготавливалась пища достаточная и доброкачественная. Мельхиседек по несколько ночей проводил без сна; для одного вида в кельи имел постель, но никогда на нее не ложился; несколько лет не спал на боку; если же нужно было уступить требованиям природы – смежить очи сном на краткое время, обыкновенно садился на стул, причем надевал на свою голову шапку, скованную из железа на подобие венца, толщиной более полувершка.

Богослужение, особенно литургию, о. Мельхиседек всегда совершал с особенным благоволением, которое выражалось даже во внешних его действиях, во взорах, в поступи и во всех телодвижениях; а о внутреннем настроении его духа свидетельствовали обильные слезы. Один из келейных Мельхиседека рассказывал, что он вставал иногда ночью с намерением узнать, что делает Мельхиседек и, подсматривая сквозь щелку перегородки, отделявшей его комнату от келейной, с удивлением смотрел, как этот человек при слабом свете лампы стоит на коленях в молитвенном положении, не мог выждать, когда его учитель ляжет спать. Однажды, когда этот келейник захотел еще посмотреть на молящегося ночью Мельхиседек, то последний, не видя келейника глазами, сказал ему: «зачем встал; ложись спать»! С тех пор келейник прекратил свои наблюдения.

Изнурия плоть свою со всеми ее страстями и похотями бдением, молитвою и постом, Мельхиседек все свои подвиги считал ничтожными и несовершенными. Он еще возложил на себя тяжелые железные цепи, весящие около 30 фунтов, и опоясывался железным поясом, запаяв связь наглухо, и, вместо

рубашки, надевал на себя черную стальную кольчугу. Об этих веригах знали только 2–3 особенно близких к нему лица.

При таком крестоношении, Мельхиседек не оставлял обычных своих занятий. По смерти настоятеля обители, архимандрита Стефана, с 9 мая 1846 года, управляя монастырем, он с особенным рвением занимался делами монастырскими, и постоянно находился при производимых постройках; сам вел всю отчетность по управлению; принимал посетителей; неопустительно бывал в храме и совершал богослужение; словом, – он жил и действовал как всякий обыкновенный хороший настоятель.

«Дух бодр, плоть же немощна». Мельхиседек почувствовал себя больным; телесные силы его начали ослабевать; приключившаяся болезнь более и более развивалась в нем от напряженных подвигов и трудов. Но еще прежде заболел друг его юродивый Коробочкин. Лежа на смертном одре им чувствуя приближение своей кончины, Коробочкин пожелал, чтобы Мельхиседек напутствовал его в загробную жизнь Святыми Тайнами Тела и Крови Христовой и чтобы, при совершении над ним елеосвящения, он занимал первое место между другими священниками. По совершении христианского обряда над Коробочкиным, Мельхиседек, по случаю предстоящей разлуки, с умилением и душевным прискорбием смотрел на своего друга. Сочувствуя слезам и скорби своего духовного отца и друга, и желая утешить Мельхиседека в предстоящей разлуке, Коробочкин в присутствии окружавших его одр, с обычной причудливостью и как бы грозно сказал ему, чтобы он и сам готовился: он увидится с ним через шесть недель. Мельхиседек ясно понял, и сказанное сложил в сердце своем. Коробочкин скончался. Мельхиседек находился при погребении и предании праха его земле. При погребении Коробочкина удивительная была картина. За гробом Коробочкина шли целые сотни народа, никем не званного; на пути к храму и могиле гроб был постоянно останавливаем усердствующими отслужить об усопшем панихиду; у многих на глазах были непритворные слезы. Впоследствии городское общество, по единодушному усердию, воздвигло над могилою юродивого памятник.

Мельхиседек с каждым днем более и более ослабевал; это хорошо видели сторонние, видевшие его, и предлагали ему, для восстановления здоровья, прибегнуть к медицинским средствам; но он не внимал этому. При всем своем изнеможении не оставлял посещать храм Божий, сам служил и приносил бескровную жертву; и только за три дня до смерти своей он не мог удовлетворить влечению горящего любовью сердца в дому Божию: три эти он провел в келье.

День шестинедельного срока, по смерти юродивого Коробочкина, наставал. Мельхиседек, по крайнему своему изнеможению, не мог удовлетворить своему желанию почтить память друга своего присутствием на сорокадневном поминовении его. Он послал родного брата своего иеромонаха Палладия в Харлампиевскую кладбищенскую церковь, отслужить литургию за упокой юродивого Иоанна. За три дня до смерти снял он вериги. В 40-же день друга, сам без всякой посторонней помощи переменял на себе всю одежду, начиная от сорочки до сапог, и одевшись, как бы собираясь в какой-либо путь, пожелал выйти из кельи. Стоя на крыльце, он взоры свои в слезах обращал то на храм, то на келью, то на небо. Потом, положив три земных поклона, возвратился в келью и, севши на стул, сказал предстоящим: «сегодня шесть недель; не обманул-ли нас Иванушка»; и начал петь на любимый им напев: Милость мира, – Достойно есть, – Тебе поем, – но, не успев допеть последнее, стал кончаться. И еще брат его Палладий не успел окончить раннюю литургию, как о. Мельхиседек, сидя на стуле, тихо и безболезненно предал дух свой 10 сентября 1846 года.

Звон колокола, раздавшийся в обители, возвестил о кончине Мельхиседека. Все монашествующие поспешили в келью почившего; одни, взирая на него, плакали, другие молчали, и только их бледные лица и неподвижный взор красноречиво свидетельствовал о том, как мрачно и пусто было в их душе, и какая тяжкая скорбь угнетала их сердце.

Весть о кончине Мельхиседека скоро пронеслась по городу, – чрез несколько часов вся обитель наполнилась народом, а ко дню погребения его такое было стечение народа, что не только в храме, но и в самой ограде с большим трудом можно было

добраться до желаемого места. Тело Мельхиседека лежало в гробу три дня; в продолжении всего этого времени, начиная с раннего утра до поздней ночи, служение панихид об упокоении почившего, по желанию усердствующих, не прекращалось ни на одну минуту. Многострадальное тело Мельхиседека было предано земле 14 сентября 1846 года за алтарем Александро-Невского придела соборно-монастырской Покровской церкви. Искреннее усердие г.г. Шеншиных не охладело к Мельхиседеку и по смерти его: они оградили могилу его чугунною решеткой, и по их желанию, пока они находились в своем имении Мценского уезда, в продолжение двадцать лет совершалось в храме монастырском поминовение об упокоении его. В редком помяннике городских жителей не значится имени Мельхиседека. Прошло со времени кончины Мельхиседека уже много лет, а могила его часто посещается богомольцами, и память о нем у жителей города и окружных селений жива и переходит из рода в род.

Жизнь Мельхиседека была непродолжительна: он жил около 28 лет, монашествовал только 7 лет¹⁶.

Мценский Петропавловский монастырь

**Екатеринославский архиепископ Амвросий
(Серебренников), местоблюститель Молдо-
Влахийской экзархии"Бессарабия».
Историческое описание И.Н. Батюшкова.
С.-Петербург. 1892 года.**

(Память 13 сентября)

Архиепископ Амвросий, около трех лет заведовавший делами церковного управления Румынских княжеств, в качестве местоблюстителя Молдо-Влахийской экзархи, в жизни своей прославился строгим благочестивым и подвижничеством, а после своей смерти – нетлением своих останков.

Екатеринославскій архієпископъ Амеросій

Происходя из богатой крестьянской семьи села Отчина, Вятской губернии, архиепископ Амвросий родился в 1745 г. и в мире назывался Антонием Серебренниковым. Грамоте он научился в доме отца и с малолетства любил читать и петь в церкви. Своею набожностью и хорошим голосом он обратил на себя внимание местного приходского священника, который, видя дарование мальчика, начал уговаривать родителей отдать своего сына в школу. После долгих убеждений, родители согласились на это, и Антоний на 11 году от роду поступил в Вятское духовное училище. Последовательно он прошел курс в этом училище и затем в духовной семинарии, откуда он поступил в Московскую славяно-греко-латинскую академию. Блистательно окончив в 1768 году курс академии, Антоний Серебренников был назначен преподавателем Вифанской семинарии. Вскоре после того он принял монашество с именем Амвросия и вслед затем был посвящен в иеромонахи. В 1778 году назначен префектом славяно-греко-латинской академии. Своими педагогическими способностями, тщательным исполнением лежавших на нем обязанностей и учеными сочинениями иеромонах Амвросий привлек к себе внимание Московского митрополита Платона (Левшина), который определил его в 1782 году ректором Новгородской духовной семинарии. 26 декабря 1783 г. ректор Амвросий был хиротонисан в сан епископа, с назначением викарием Олонецкой епархии. Здесь мерами благочестия и кротости епископ Амвросий водворил мир и любовь и многих раскольников обратил в православие. Возведенный 28 ноября 1786 г. в сан архиепископа Екатеринославского, Амвросий поселился в Полтавском Крестовоздвиженском монастыре. В то время Новороссийский край заселялся колонистами и старообрядцами и требовал духовно-нравственного попечения и руководства. Со всею энергией архиепископ Амвросий принял на себя новый миссионерский труд и многих старообрядцев возвратил в лоно Православной Церкви. Вместе с тем он заботился о правильном воспитании духовного юношества, о благоустройстве церквей, о возвышении нравственного уровня священников и устранении беспорядков и

злоупотреблений в церковном управлении. При нем были учреждены Николаевская пустынь, близ г. Новомосковска, и Корсунский мужской монастырь.

Когда, после взятия князем Потемкиным-Таврическим, в 1788 году, Очакова, Русско-турецкая война распространилась на румынские княжества, управление церковными делами в них было вверено архиепископу Амвросию, который был вызван для этого 22 декабря 1789 г. в г. Яссы. В качестве местоблюстителя Молдо-Влахийской экзархии архипастырь много потрудился здесь над приведением в порядок крайне расстроенного положения дел Церкви, находившейся под мусульманским игом. А своим милосердием, благотворительностью и готовностью оказать всякому помощь привлекал под свою защиту единоверцев из Греции, Сербии и других православных земель, оставшихся во владении Турции. Потемкин-Таврический был очень расположен к Амвросию и любил его умную беседу. Когда, со вступлением русских войск, в 1790 г., в Молдавию, Амвросий прибыл в Яссы, то он, наслышавшись о блаженной жизни старца Паисия Величковского, посетил Нямец и во время литургии возвел о. Паисия в архимандриты.

Архиепископ Амвросий Серебренников пользуется известностью и в духовно-русской литературе. Кроме печатных проповедей и приветствий. А также трех речей, произнесенных над гробом кн. Потемкина, литературная деятельность его выразилась в переводе (с французского перевода) «Потерянного рая» Мильтона, в участии в составлении словаря Российской академии (в которой он состоял членом) и проч. Некоторые не изданные рукописи его сохраняются в Синодальной библиотеке и Петербургской духовной академии.

В июне 1792 г., окончив возложенное на него поручение, архиепископ Амвросий возвратился в Екатеринославскую епархию и в том же году, *13 сентября*, скончался. Тело его погребено в г. Полтаве, в Крестовоздвиженском монастыре, в усыпальнице главного храма. Останки архипастыря доселе остаются нетленными, и над ними благочестивые почитатели его совершают панихиды¹⁷.

Сезеновская игуменья Серафима, в схиме Евфимия

(Память 14 сентября)

В селе Нижне-Ломовом, в 7 верстах от уездного города Раненбурга, Рязанской губернии, жил государственный крестьянин Ефим Семенов Моргачев, семейство коего состояло из жены Прасковьи Петровой, трех сыновей: Алексея, Андрея, Игната, и двух дочерей: Авдотьи и Евфимии.

Ефим Семенович по состоянию своему, а равно по ласковому обхождению, считался одним из лучших в селе. Он не отказывался помочь бедным, приходившим к нему за помощью. И за это его любил приходской священник, который нередко посещал Ефима и уделял с ним время на беседы. А в былые времена, если кого любит и отличает от других приходской священник, тот считался в общественном мнении за человека благочестивого и добродетельной жизни.

Сезеновский Иоанно-Казанский монастырь

В день Воздвижения Креста Господня, 14 сентября 1806 г. у Ефима Семеновича родилась дочь, названная во св. Крещении Евфимией. Во время повивания новорожденной Евфимии, у повивальной бабки спустился с шеи крест и коснулся ребенка. Ребенок вдруг ухватился ручонками за крест и сильно прижал его к груди, что продолжалось несколько минут, так что должны были разнять ручонки, чтобы освободить крест. Это событие, небывалое еще у бабки, повивавшей более ста детей, передавалось ею, как особое чудо, родным ее и знакомым. Сделалось известным и приходскому священнику отцу Василию. Тот сделал отсюда такое заключение: «младенец родился в день, когда православный мир празднует Воздвижение Креста Господня, на коем был распят Господь. В этот же день младенец, только что родившись, слабыми своими ручонками схватил крест и прижал к груди. Этот крест был из рук взят силою. Следовательно, родившаяся возлюбит Господа и до

последнего издыхания, не оставит предназначенного ей свыше крестного пути».

Евфимия в детстве своем отличалась от сверстниц смирением, кротостью, незлобием, уступчивостью и убегала детских игр. Вместо этого она, с 12 лет, стала нянчить родного брата, грудного ребенка Игната. Ухаживать за малюткой угадывать его желания Евфимии доставляло такое удовольствие, что она на предложение матери и родной бабки старица Марьи Васильевой поиграть в праздничные дни с детьми, всегда отклоняла, с детской невинною любовью отказываясь, что она лучше займется с братом Игнатом, которого Евфимия любила более всех за его кроткий нрав.

Сезеновская игуменія Серафима

За Евфимию на 18 году ее возраста сватались женихи, но она от замужней жизни отказалась. Желая служить одному Богу. Родители ей не препятствовали.

Сватанье это было осенью. Евфимия после отказа начала в течение наставшей зимы более уединяться и в свободное время отдаваться молитве. Весною она отправилась вместе с другими для богомолья в Киев.

На пути зашла она в Сезеново к затворнику Иоанну, попросить его благословения на дорогу. Иоанн, зная, что Евфимию будут оставлять в Киеве и то, что ей предназначено жить для жизни умной, деятельной на месте его молитвы благословил ее идти на богомолье, но советовал ей не оставаться в Киеве, даже если будут просить, говоря, что скоро разведутся индейки, куры, будут цыплятки и она с палкой должна будет их караулить, чтобы не разбежались и не разорвали их. Это предсказание затворника сбылось впоследствии, когда Евфимия назначена была настоятельницею Сезеновской обители.

В Киеве Евфимия обошла монастыри и зашла в женский монастырь. Настоятельница, отличив ее от других богомолков, пригласила к себе и предлагала остаться в их монастыре. Евфимия вспомнила совет затворника Иоанна и со смирением отказалась от предложения настоятельницы.

По возвращении домой Евфимия пожелал выучиться грамоте, для чего она отправилась в село Юсово, Раненбургского уезда, за 8 верст от своего села в проживавшей там чернице Дарье Харламповой, у которой, прожив целую зиму, выучилась читать книги церковной печати. И с тех пор она каждую свободную минуту занималась чтением книг Священного Писания, в особенности Псалтыри, не оставляя вместе с этим забот о брате Игнате.

Евфимия с годами мужалась в духе веры и любви к Богу. Она не оставляя обычных крестьянских работ, свободное от них время употребляла на чтение книг духовного содержания и на душеполезные размышления. Она находила душевное утешение в доме своего духовного отца, приходского священника о. Петра,

любившего ее. Он своими духовными наставлениями более и более укреплял ее в жизни духовной, приучал ее к терпению, смирению, послушанию и тем избавлял ее от всех козней дьявольских. Также часто прибегала она за советами и к Сезеновскому затворнику Иоанну.

Родители Евфимии, люди благочестивой жизни, сердцем своим чувствовали, что их дочь назначена для жизни не мирской, а духовной. Следуя совету приходского священника, они не мешали ей заниматься молитвою и чтением; еще способствовало такому отношению чудное исцеление ее от болезни неизвестным человеком. Собаки искушали девушке ноги, и она до того разболелась, что родители уже не надеялись на ее выздоровление. А Евфимия была у них единственной дочерью, так как старшая дочь, выданная замуж умерла. В одно время, в рабочую пору, семейные Евфимии были все в поле; Евфимия оставалась в доме одна и изнуренная болезнью лежала в амбаре. Вдруг явился неизвестный человек, сказал, чтобы она выздоравливала от болезни и тут же скрылся. Евфимия тотчас же почувствовала облегчение, силы возвратились так, что когда к вечеру семейные ее пришли домой они нашли Евфимию уже ходившую и не жаловавшуюся на прежнюю боль ног.

В 1825 году, когда односельцы Ефима Моргачева задумали выселиться на новые места в Самарскую губернию, записался с ними и Ефим, имея в числе записавшихся много родных и близких. Вместе с Ефимом Моргачевым должна было отправляться и дочь их Евфимия; но для нее это отправление было не по сердцу. Здесь привыкла она к уединенной жизни, сроднились с лучшими собеседниками о путях к спасению: приходским священником отцом Петром и Сезеновским затворником Иоанном. Чтобы решить остаться на родине или ехать с семьей, Евфимия ночью пришла к затворнику Иоанну, открыла свою скорбь и просила указания, на что ей решиться. «Идти мне не хочется», говорила Евфимия: «но и оставаться боюсь; быть может, я буду грустить, плакать и тянуться к родным». На это затворник ей отвечал: «не ходи, оставайся здесь на родине, а там и без нас много. Скучать ты здесь не

будешь, ты нужна здесь. Найдутся люди, дадут тебе приют, и здесь проживешь».

После этого она решила остаться на родине. Ни просьбы, ни слезы, ни самые угрозы родителей не могли заставить Евфимию переменить своего намерения: наконец, хотели взять ее силою, не для того, чтобы мешать ей предаваться, но по чувству родительскому, которое никак не могло решиться оставить свою дочь еще в молодых летах, неопытную в жизни, одну, без приюта, без своей помощи. Осталась последняя решительная минута. И в эту-то роковую минуту Евфимия обратилась с молитвою к Создателю всяческих в соседственной горнице. Ее слезная молитва услышана: неведомый голос возвестил ей три раза: «не бойся», и в то же время пришел в дом отца Евфимия приходской священник отец Петр, который отслужил напутственный молебен, пожелал отправлявшимся всех благ, а Евфимию посоветовал оставить на родине и предоставить ее водительству Промыслителя благ.

Родители Евфимии, хотя не без слез, не без сердечной грусти, однако послушались совета своего духовного пастыря. Они благословили Евфимию на неведомый для них, для самой Евфимии путь, но на путь благочестия, и решились оставить ее одну, бесприютную, неопытную в жизни единственно под особым покровительством Божиим.

Настала минута разлуки, минута самая горькая для чувств родственных. Слезы, рыдания отправлявшихся в далекий путь, остававшейся на родине, благопожелания путникам родных их, знакомых, сменялись одно другим. Много и очень много в эту тягостную минуту успели перенести сердца путников и юной Евфимии оставшейся без крова, без опоры.

Евфимия решила любимых своих отца и мать, братьев проводить до Козлова.

В Козлове наконец они расстались. Отец с женою и тремя сыновьями отправились в путь, а Евфимия, молодая девица, осталась одна в чужом городе, никем не знаемая. Много и очень много горьких слез она пролила, расставшись с родною семьей, быть может, навсегда, не зная даже, где они должны поселиться. Много и очень много она переживала: разные мысли

сменялись одна другою, и все кончалось тем, что она одна без крова на чужбине. Здесь никто не старался отереть ее горькие слезы, никто не вняв ее воплю и никто не приютил под своим кровом от осенней стужи.

Евфимия, занятая мыслями о вечной разлуке с теми, кому обязана жизнью, с которыми жила неразлучно 20 лет – безутешная, одинокая, отправилась из Козлова, не заходя даже домой, в Сезеново к затворнику Иоанну высказать ему всю скорбь души и выпросить благословение его на путь новой жизни, какую он укажет. Иоанн встретил ее не с сетованием, а с радостью, и восклицал: «наша взяла»; укрепив ее в вере, приказал ей отправиться жить в родное ее село.

Она, безропотно повинувшись велению затворника, возвратилась на родину, где встретила то же одиночество; сердце ее предалось еще большей горести, видя владельцами родного дома ее чуждых для нее, не имея крова, а между тем наступила глубокая осень.

В эту осень крестьяне рубили свой общественный лес. Одни из них, соболезнуя о горькой доле Евфимии, дали ей леску на келью, другие из этого лесу, хотя и сырого, срубили ей келейку. И поставили около приходской церкви. Эта келейка была маленькая, 4-х аршин; оставалось покрыть и сложить печь. Евфимия собственными своими руками покрыла своей жилище кое-как дерном и с радостью переселилась в новый свой дом, несмотря на то, что печи не было и даже по какому-то случаю невозможно было ее сложить в эту зиму. И Евфимия целую зиму прожила в своей келье без печи, согреваемая благодатью Божией, по молитвам затворника. С наступлением весны келья ее была покрыта соломою, и в ней сделали печь.

Евфимия в своей келье, казалось, заживо похоронили себя и оставляла ее лишь в крайних случаях: в церковь для молитвы во время божественной службы, в Сезеново к затворнику Иоанну для духовных бесед, где случится покойник, для чтения по нем Псалтыри, а в келью к себе, по заповеди затворника Иоанн, не принимала. Пропитывалась большею частью трудами своими: пряла и вязала своим односельцам, не требуя никакого вознаграждения, а брала, что дадут. Порою помогал ей и о. Петр,

любивший ее, и другие, которые приносимую пищу ставили на окно кельи и давали знать о том стуком в стену.

В рабочую пору нередко односельцы, скудные рабочими руками, приходя утром на работу, находили, что на пашне их кто-то жал, и сжатый хлеб в копнах стоял здесь же. Стали следить, кто это тайный бескорыстный помощник и застали на пашне за работою Евфимию. Хотя и просила она об этом молчать, но тайный работник был открыт в селении. Это возбудило к ней общую любовь и уважение односельцев.

Евфимия. Уединив себя так, желала принять на себя самый трудный подвиг – юродства Христа ради, но затворник не дал ей на этот подвиг своего благословения. А заповедовал ей держаться уединения, почему она, уединив себя еще более так, что никого к себе в келью не принимала и думала было провести всю свою жизнь в маленькой келье, которая ей была по сердцу; но Провидение готовило ее не для одинокой келейной жизни. Евфимия. Оставшись на родине одна и уединив себя в маленькой келье, очень часто хаживала к затворнику Иоанну для своих духовных бесед; в 1827 г. в праздник Вознесения господня сверх обыкновения она пришла довольно рано и стала под дубком, ожидая с свойственным ей смирением той минуты, когда затворник будет свободен, а котомочку сняла и положила около себя на пеньке.

В этот день Иоанн занимался рассаживанием около своей кельи Деревьев и, увидев стоявшую около дубка Евфимию в простой крестьянской одежде. Сказал пророчески: «пусть она стоит, больше вырастит, вырастет с дубком, и тем снова предрек ее будущее служение.

В этот день там. Приглашенные Бирюковым, по приказанию затворника, 16 человек из села Троекурова рассаживали около кельи затворника деревья; в числе рассаживающих была и сестра Бирюкова, Марфа. Она, увидев Евфимию, сказала брату Ивану, что какая-то женщина стоит у дубка. Двое посланных Бирюковым не могли узнать от Евфимии подробно, откуда она и зачем пришла, наконец, он сам, узнав от нее о ее имени, звании и о цели прихода, посоветовал ей подождать несколько. Потому что затворник был занят в келье с купцом Кузьмою Абрамовым

Ангеловым. А сам отправился к келье затворника. Чтобы передать ему о Евфимии. Лишь только он дошел до кельи, затворник вышел из оной с Ангеловым и, приказав чрез Бирюкова бывшим для поливки дерев женщинам спрятаться, чтобы не видали лица затворника, и как бы не замечая стоявшей Моргачевой и осматривая посаженные деревья, обратился с вопросом к Ангелову: «хорошо ли они посажены?» Ангелов отвечал: «хорошо, да поздно, не примутся; деревья обыкновенно сажают или раннею весною. Или позднюю осенью».

Иоанн на это отвечал: «если не примутся, то вместо их мы с Иванушкой (это Бирюков) насажаем новых». Затем, взглянув к дубу. У коего стояла Евфимия Моргачева, в простой крестьянской одежде и, увидев ее, Иоанн спросил, обращаясь к Бирюкову: «а это кто такая?» Бирюков отвечал, что это Евфимия Ефимова, девица из Раненбургского уезда и притом добавил, что он, пришед на заре, стоит на одном месте. «Кузьма, пусть она стоит», сказал тогда Иоанн, обращаясь к Ангелову, и прибавил: «больше вырастет, велика Афимья вырастет, с дубок».

Затворник, чтобы или испытать, насколько послушница его, Евфимия, крепка. К исполнению его заповедей, или, быть может, поощрить ее к более трудным подвигам, каковые она должна выполнить впоследствии, пришел однажды к келье Евфимии в виде странника с закрытым лицом и в страннической одежде и измененным голосом просил ее, чтобы она впустила его. Евфимия, не подозревая в этом страннике затворника, никак не хотела его впустить в свою келью. «Мне, говорила, она, ни отец мой духовный – священник, ни отец Иоанн не благословили никого впускать в келью». Странник неотступно просил, и Евфимия, не находя отговорки, должна была впустить его. Затворник вошел, стараясь не показывать своего лица и, отведав неочищенного картофеля, вышел из кельи. Проходя голосом запел: «О, вспетая Мати» и проч. Евфимия, вышедши проводить бывшего у нее странника, услышала пение и только тут по голосу узнала, что это сам затворник, что тот самый, который запрещал пускать к себе в келью посторонних, который руководил ее в духовную жизни. «Ах, батюшка», воскликнула Евфимия, и с этим словом побежала за ним, оставив и келью

незапертою, и дверь растворенною. Как на крыльях летел затворник. Сначала слышался его голос и сам был виден ею, а потом не стало голоса слышно, и сам скрылся. Не заметила Евфимия, как и сама уже прибежала в Сезеново, и когда старица Дарья сказала затворнику, что Евфимия пришла, он и слышать не хотел об ней. Только после неотступной просьбы, позволил ей подойти к своей кельи. Едва только приблизилась она, как затворник стал ей высказывать ее же слова, произнесенные ею в то время, когда она не пускала его в свою келью, и после других советов и назиданий высказанных ей, сказал: «так и надо; так и держи себя, – таковую и пробудь до конца жизни».

Евфимия, пользуясь советами затворника Иоанна, прожила в своей келье до 1833 года. В этом году она, вместо старой кельи, выстроила другую более обширную, и пригласила к себе в сотоварищество старушку, с которой и прожила до 1840 г.

Келейные ее занятия заключались в постоянной молитве, трудах для пропитания себя и борьбе с исконным врагом.

Затворник Иоанн 8 сентября 1838 года заложил в Сезенове семипрестольный храм в честь Казанской иконы божией Матери, избрал помощницами в начатом им деле старицу Дарью и Евфимию. Дарья оставалась в Сезенове помогать в трудах затворнику, Евфимию же он назначил с сборною книгою, на строящийся храм, для чего исходатайствована была на ее имя книга в 1839 году.

Евфимия безропотно приняла на себя возложенную обязанность; пока она ходила с сборною книгою, спутниками ее были молитва на устах и посох в руках.

14 декабря того же 1839 года скончался затворник Иоанн; Евфимия горько оплакала кончину своего наставника.

Заботы о постройке храма затворник Иоанн возложил на старицу Дарью, которая с усердием принялась за выполнение порученного; но эта ее деятельность была прервана на некоторое время; по недоброжелательству она была от постройки устранена, и дело это поручили другим. Дарья из Сезенова выехала в Белгородскую женскую пустынь, а Евфимия, сдав сборную

Книгу и деньги новым строителям, возвратилась в свою келью. Но когда Дарья вернулась к делу, Евфимия осенью 1840 года снова оставила свою келью и переселилась в Сезеново, где и поместилась в маленькой кельи, выстроенного из плохого осинового леса с такими же сенями, крытыми соломой. Евфимия поселилась в Сезенове пятая.

Евфимия испытала келейную сначала одинокую, потом вдвоем, жизнь, и на 34 году ее жизни для нее открылся новый путь труженический и страннический. Она, испросив у общества увольнение для поступления в монашество, в 1840 же году отправилась с сборною книгою для устройства храма.

Прикрывая свой труд покровом юродства, Евфимия перебивалась во многих городах и селениях Росси, и большею частью пешком. Собирая там на храм, она бывала и в хижинах бедняков, и в чертогах знатных вельмож. У коих успела заслужить такое уважение, что ее желание, было для них закон. Это очень способствовало к быстрому устройству обители.

Евфимия за свою простоту, прямодушие, ласковое обхождение со всеми, не обращая внимания ни на звание, состояние, возраст. Была величаема простым названием «наша Фимушка!» Она всеми знакомыми ее была причисляема к числу своих; но и Евфимия некоторых особенно любила и называла своими и им то иногда иносказательно, а иногда и прямо рассказывала о том, что должно случиться. Подобных случаев рассказывали много; один же был весьма знаменательный. Это было так. Евфимия, в 1841–1842 г., находилась с сборною книгою в г. Козлове. Здесь очень часто бывала в доме богатой вдовы купца Придорогиной; у купчихи была дочь девица, лет 20, Анна Николаевна. Евфимия полюбила ее за ее кроткий нрав и, как бы предсказывая ей ее будущность, называла своею «казаначейшею». Евфимия по обыкновению мешочек с сборными деньгами держала на шнурке у крючка палки, с которым постоянно хаживала. По приходе в дом Придорогиной Евфимия мешочек с деньгами и с палкой всегда отдавала Анне Николаевне, поручая ей сосчитать деньги и спрятать, говоря: «на милая моя казначейша. Сочти деньги и спрячь». Прошло после того лет 13.

В 1855 году Анна Николаевна поступила в Сезеновский монастырь; при пострижении в монашество названа Анфисою, и во все время управления ею монастырем была при покойной казначею. (Впоследствии настоятельница Троекуровского монастыря).

Любовь к Евфимии была у многих прямо таки безгранична. Даже высокопоставленные личности считали за особое удовольствие выполнять ее просьбу. Губернский секретарь Феодор Дмитриевич Муравьев, известный своим усердием к Сезеновскому монастырю почти с самого начала устройства храма, в 1848 году имел дело, по которому нужно было хлопотать в Петербурге; знакомых у него там никого не было. Старица Дарья посоветовала ему обратиться в Петербурге к Евфимии, к которой дала от себя письмо и сообщила г. Муравьеву адрес Евфимии. По приезде Муравьева в Петербург он передал письмо Евфимии, которую прежде не знал и передал ей, в чем заключается дело. Евфимия назначила ему время, когда прибыть к ней, обещаясь между тем. С кем нужно переговорить. Г. Муравьев явился в назначенное время, а вскоре за ним приехал князь Голицын. Статс-секретарь Его Величества по принятию прошений, которому Евфимия начала жаловаться на свое здоровье. Князь предлагал ей к услугам своего домашнего доктора. Евфимия, отказываясь от такого предложения, сказала. Что она будет здорова, когда он примет участие помочь г. Муравьеву. Князь расспросил г. Муравьева о его деле и обещал исполнить просьбу Евфимии. Что и исполнил в самое непродолжительное время, и тогда Евфимия сказала князю, что она теперь выздоровела.

В 1826 году Евфимия проводила свою родную семью в Самарскую губернию, не зная, удастся ли еще когда их видеть. И что же? В 1843–1844 г., Евфимия была с сборною книгою в Самарской губернии и, собирая на храм в том селении, где поселился отец Евфимии, зашла в один дом и там встретила свою родную семью. Объятия, слезы, спросы, рассказы, – все это слилось в одно. Последствием этого свидания было то, что любимый Евфимию брат Игнат, еще неженатый, отказался от брачной жизни и отправился странствовать по святым местам. В

1853 году был он при открытии в Сезенове монастыря и сам поступил в Петропавловскую пустынь близ Раненбурга, Рязанской губернии (притом иеромонах Дмитриевского мужского монастыря Скопинского уезда, Рязанской губернии).

Евфимия первые четыре года находилась с сборною книгою в разных городах, и последние восемь лет почти без выезда находилась в Петербурге, откуда высылалось ею собираемое на храм в Сезеново.

Она в 1845 году подала в Синод прошение об учреждении в Сезенове женского монастыря, возлагая надежду на молитвенную благодатную помощь покойного затворника Иоанна. Предприятие Евфимии сначала не увенчалось успехом, но она не смутилась и дела не бросила. Переменив план, она в 1846 году просила св. Синод открыть в Сезенове общину, объяснив при этом, что строительница каменной приходской церкви Дарья Кутукова приобрела 25 десятин земли для устройства на ней келий, ограды и нужных зданий. По этому прошению собирались требуемые Синодом справки. А между тем старица Дарья желала, чтобы иконы главного иконостаса строившегося в Сезенове церкви были писаны лучшими художниками, выполнение чего возложила на Евфимию. Евфимия при получении письма, имея в сборе только 30 руб. на ассигн. Денег, с несомненною надеждою на помощь Божию, усердно принялась на исполнение возложенного на нее поручения и в короткое время выслала в Сезеново до 70 образов большого размера, писанных художественно; ими украсили иконостас и другие видные места главного храма. Из этих икон более замечательные в алтаре: на горнем месте снятие со креста Спасителя, над жертвенником моление о чаше в иконостасе Рождество Спасителя. Рождество богородицы; изображение Антония и Феодосия и многие другие; на стене явление Воскресшего Спасителя Марии Магдалине. Затем церковная утварь, священные одежды и прочее было выслано из Петербурга в какие-нибудь три года.

По Высочайшему соизволению ходатайство Евфимии об открытии в Сезенове общины уважено, и община открыта 10 октября 1849 года.

В быстром устройстве храма видимо помогал Сам Господь за молитвы затворника Иоанна. Много рассказывала покойная случаев явного покровительства: так нужно было приобрести в Сезеново Евангелие, крест, сосуды, ковчег и прочее. «Я, говорила покойная, зашла в магазин, отобрала, какие мне более понравились, сторговалась и попросила отложить, обещаясь принести деньги, когда наберу следующее количество, а в сборе денег не было. Случилось мне на другой же деньги идти мимо того магазина. Хозяин попросил меня войти и предложил получить отобранные мною вещи. Я отказывалась их взять, говоря, что еще денег не уплатила. На это хозяин утвердительно сказал, что вслед за мною был у них какой-то господин немолодых лет и отдал за все деньги, почему я, благодаря неведомого благодетеля, взяла все». Еще рассказывала она такой случай. «Не помню, – говорила она – в каком именно году обменивали старые государственные билеты в пять и десять рублей на новые. Срок обмена прошел, старые бумажки перестали уже ходить, и их не велено было принимать. В это время неизвестный мне человек, идя со мною по улице и узнав о цели моего пребывания, дал целую кипу связанных бумажек со словами: «на, вот тебе, быть может, пригодятся». Мы долго шли с ним вместе и, отставая понемногу, я не заметила, куда скрылся мой благодетель. Кто он такой, не знаю и нигде более не встречала. Обрадованная, я обратилась к моим благодетелям и по их ходатайству обменяла данную мне кипу старых бумажек на ходячие, коих выдали 3000 руб. серебром.

По открытии в Сезенове общины оставалось исполнить последнюю мысль и желание покойного Иоанна: утвердить на прочных основаниях устроившееся общежитие, открыть монастырь. По ходатайству той же старицы Евфимии 11 апреля 1853 года по высочайшему соизволению Сезеновская община переименована в заштатный третьеклассный монастырь под именем Иоанно-Казанского.

12 июля 1853 года последовало открытие монастыря благочинным игуменом Лебединского Троицкого монастыря Сергием, скончавшимся на покое по принятии схимы в том же монастыре.

По окончании торжества открытия монастыря было приступлено к избранию настоятельницы. Начальница общины, старица Дарья от предложения сестер быть начальницею обители отказалась, ссылаясь на старость своих лет, почему по общему желанию старицы Дарии и сестер обители жребий пал быть начальницею на Евфимию.

С этого времени для Евфимии открылся новый подвиг, подвиг начальственный, сопряженный тоже с немалыми трудами.

На новую настоятельницу монастыря, уже старицу около 50 лет, не бывшую никогда в монастыре, возложена была великая обязанность. Она должна была устраивать храмы вещественные, украшать их извне и внутри, устраивать кельи для приходящих насельниц обители, устраивать сердечные их храмы для жизни новой духовной, установить правила монастырские. С которыми насельницы. Как не жившие в монастырях. А приходившие прямо из мира, совершенно не были знакомы. Поселить между сестрами обители, собравшимися из разных сословий, стран, любовь и послушание.

Евфимия в новом своем звании, 20 декабря 1853 года была пострижена в монашество с именем серафимы, 22 ноября 1855 года утверждена игуменью, а 14 мая 1860 года Всемилоостивейше ей был пожалован наперсный крест.

В новом звании она неослабно прилагала к трудам труды: устроила ограду с восточной стороны, отнеся монастырь с этой стороны далее (с остальных трех сторон была устроена старицею Дарьею).

Храм во имя Рождества Христова пяти-престольный, начатый постройкой в 1849 году старицею Дарьею. Серафима отдала в изящном вкусе, иконы в нем написаны в С.-Петербурге лучшими художниками, в нем освящены два престола: по правую сторону главного престола придельный, во имя Сретения Господня, 26 сентября 1859 года, бывшим архимандритом Козловского Троицкого монастыря серафимом; антиминс на этом престоле освящен бывшим преосвященным Тамбовским Феофаном. Главный же престол во имя Рождества

Христова был освящен самим преосвященным Феофаном 3-го июня 1860 года. Храм этот, для большого удобства монашествующих и приходящих богомольцев в зимнее время, устроен теплый, а в избежание тесноты во время стечения народа, несмотря на обширность его, устроены кругом хоры.

В 1864 году игуменья заложила новый шести-престольный храм в два этажа, мерою в длину его 13 и ширину 11 ½ сажень в имя Св. Троицы, вместо начатого старицею Дарьею и отделанного Серафимою в 1853 году, который она разобрала.

При закладке нового храма оказалось, что над колодезем, устроенным старанием старицы Дарьи, в 1854 году, должен быть левый алтарь, поэтому над колодезем устроены с арками своды и арки украшены приличествующими изображениями: с правой стороны исцеление водою расслабленного, а с левой беседа Иисуса Христа с Самарянкою при колодезе; в середине же надпись: «в 1854 году вырыт сей колодезь благословением затворника Иоанна, трудами старицы Дарии и по предсказанию затворника Иоанна, что сей колодезь будет целительным и действительно оказалось проречение его так»; а в 1864 году при строении нового храма возобновлен сей источник иждивением игуменьи Серафимы.

Храм этот отделан совершенно.

В нижнем этаже этого храма, называемого пещерным, в склепах погребены блаженные устроители: по левую сторону алтаря затворник Иоанн, а по правую старица Дарья.

Вообще внутреннее украшение всех трех храмов самое стройно-художественное и дорогое; несмотря на то, что иконы без окладов, они ценны сами по себе. Здесь в храмах хранятся частицы мощей многих св. угодников Божиих.

К этому нужно присовокупить, что нижний этаж Троицкого храма, называемый пещерным, как углубленный в землю по окна, темен, и освещают его три неугасимые лампы, горящие над останками строителей обители.

Храмы окружают кельи монахинь, построенные симметрично, трапезная, сиротский приют. За оградю устроены две большие двухэтажные гостиницы для отдохновения приходящих богомольцев.

Благосостояние монахинь, коих обычно с послушницами около 400, игуменья обеспечила приобретением земли, которой теперь принадлежит монастырю до 700 десятин. На этой земле устроила сельское хозяйство и каменную ветряную мельницу лучшей механики.

Серафима посильными своими трудами выполнила заповедь затворника Иоанна: открыла, устроила монастырь и теперь он стоит на ряду с лучшими монастырями России.

Для серафимы и этого не доставало. Она до самой блаженной кончины своей, несмотря на болезненное состояние, заботилась единственно об устройстве монастыря и о благе сестер обители, в приеме коих не отказывала.

Она желала построить колокольню, с кельями под ней.

Насельницы обители вообще устраивали для себя кельи на свой счет и по своему вкусу; некоторым менее достаточным игуменья оказывала помощь чрез своих благодетелей, которые по просьбе покойной жертвовали нуждающимся материалом или деньгами; а некоторые размещены ею в монастырских зданиях.

Принимала она в насельницы не только взрослых, но и малолетних, которые или жили в кельях у своих родных, или у нее в доме. И эти-то малолетние по достижении возраста делались постоянными насельницами.

Для круглых же сирот устроила детский приют, и дети воспитывались на монастырские средства. Их обучали Закону Божию. Русскому языку. Вообще по курсу уездного училища трех классов, вместе с этим обучали и разным работам.

Выше было сказано, что покойная, бывши еще сама ребенком, находила удовольствие ухаживать за малюткой-братом своим Игнатом. Сделавшись начальницею обители, Серафима с той же любовью, можно сказать непогрешимо, детски-невинною, обращалась и с насельницами. Она своею кротостью умела приучить всех к должному послушанию, так что каждая данное ею послушание выполняла не только без ропота, но с видимым удовольствием.

Серафима была внимательна и выражала свою любовь не только насельницам обители, но и всем. Она горе каждого сама

оплакивала, старалась всегда плачущего утешить, в нуждах бедняку помочь.

Однако этот многотрудный подвиг свой старица проходила не без искушений со стороны лукавого и, кроме молитвы наедине, в часы искушений, она находила большое утешение в чтении Псалтири. За этим упражнением заставляли ее иногда самые приближенные ее. Те. Коим она поверяла свою духовную борьбу с дьяволом. И рассказывала про этот свой подвиг.

Постнические труды несла игуменья Серафима не для всех доступные, и они нередко доводили ее до изнурения, что было особенно заметно в посты. Постничество же ее было тайное, так что посторонние и не подозревали этого, и иногда физическое расслабление доходило до того, что она не могла уже ходить, и тогда, прикрываясь христианским смирением, говорила: «со мною недуг приключился». Да и самая пища ее была более растительная, не очень-то ласкающая вкус. Капуста была ее любимая пища, любила также неочищенный картофель.

С говеньем покойная игуменья соединяла и молитву. Умная молитва Иисусова и к Пресвятой Деве Богородице не выходила почти из уст ее. С четками никогда не разлучалась и что всего поразительнее: заведет, бывало, разговор при сестрах или при посторонних о чем-нибудь, как бы прося совета в своих предприятиях, а сама, углубляясь в умную молитву, уже не внимала никаким советам и говору. С 6-ти часов вечера ей постоянно читали жития святых. Это чтение продолжалось до полуночи и что всего труднее, это то, что читать нужно было громко и внятно. С 12-ти часов начинали читать правило, а когда она не бывала в церкви, то вычитывали ей вечерню. Затем она оставалась одна и молилась Богу, часто по целым ночам, даже и зимою, а нередко ходила в пещерную церковь и там предавалась молитвенному воздыханию у гробов затворника Иоанна и старицы Дарьи – подле которых нашла и себе место вечного покоя.

Серафима росту была среднего, лицо имела хотя и покрытое морщинами, но выразительное, ясное; глаза выражали кротость, смирение, мудрость и любовь.

Здоровье игуменьи Серафимы видимо начало ослабевать лет 6. Она хотя и лечилась, но медицинские пособия мало действовали. С осени 1876 года она очень часто жаловалась на расстроенное здоровье. Последний раз она была в храме 23 ноября и с тех пор не выходила совершенно никуда. В течение зимы она несколько раз приобщилась Св. Таин Христовых. Чувствуя приближавшуюся кончину. Она в субботу на сырной неделе пожелала принять таинство св. Елеосвящения, для чего были приглашены два приходских священника и иеромонах Владимир. К которому покойная питала особое уважение.

С половины 1-й недели поста монахини уже потеряли надежду на выздоровление Серафимы. Они готовились к разлуке с дорогой своею матерью.

Серафима в субботу приобщилась Св. Таин после ранней обедни, приобщилась и в воскресенье после ранней обедни. Все плакали и всякому хотелось еще хоть раз взглянуть на отходящую труженицу, которая с глубоким чувством благоговения выслушивала поемый канон на исход души и молитвы. По окончании она попросила священника, отца Георгия Тихонравова, читавшего канон, остаться, говоря: «зачем ты уходишь? Кто же останется тут? Ведь сейчас я отойду, кто же отслужит панихиду? Кто помолится вместе с моими сестрами и детьми в минуту моего отхода от мира сего»?

После канона было совершено над нею пострижение в схиму, с именем Евфимии. В продолжение всего пострижения Серафима была в здравом уме. На все вопросы отвечала внятно лишь на последний вопрос не могла уже отвечать внятно. Ее быстрый взгляд начал изменяться. Поблагодарив постригавшего, она попросила чего-нибудь съесть. Отведав едва заметно поданного апельсина, как бы для того, чтобы возблагодарить небесного Отца за все земное, ниспосланное ей в жизни, она стала приходить в забвение.

Окружавшая умирающую толпа сестер и народ никак не хотели расстаться с своею матерью несмотря ни на какие просьбы отступить и не беспокоить больную и самим не беспокоиться. Каждой хотелось еще раз взглянуть на умирающую, еще раз встретить ласковый привет. Но она,

полулежа на диване с закрытыми глазами, сделала два наклона головою, и душа ее отлетела на небо.

Серафима скончалась в 12 часов дня 13 февраля 1877 г., прожив 70 лет и 5 месяцев¹⁸.

Арсений, иеромонах Московского Златоустова монастыря

(Память 16 сентября)

В селе Новопавшинская слобода (ныне Новое Павшино), находящемся в Алексинском уезде Тульской губернии, в последней половине XVIII века был священник Иван Поликарпович; того же прихода пономарь Иван Иванов, сын (второй) священника, жил с родителем в одном доме, с своею женой Натальею Семеновной. У них родился в 1784 году, 17 октября третий сын Андрей, так названный в честь празднуемого в этот день св. преподобного мученика Андрея Критского. Над младенцем в самый день его рождения, совершено дедом – священником таинство крещения. На шестом году жизни Андрей лишился матери. Пономарь, отец его через несколько времени вступил снова в брак, и от второй жены, Марфы Петровны, имел детей – шесть человек (четыре сына, из коих один глухонемой, и две дочери). Какую же бедность терпел Андрей в детстве! Неудивительно, что в тогдашнее время, скудное просвещением, он не получил вовсе школьного образования; впрочем, родитель или кто-нибудь другой обучил его не только чтению и письму, но еще церковному уставу. В 1779 году, на 16-м году от рождения он определен был причетником к Успенской церкви – в селе Расине, Одоевского уезда. Тогда же посвящен и в стихарь преосвященных Мефодием. Епископом Коломенским и Тульским, жившим в Коломне, которая в то время еще не была причислена к Московской епархии. В бытность свою в Коломне, Андрей Иванович гостил в доме родственника – соборного диакона, впоследствии протоиерея, Михаила Федоровича Дроздова, родителя Филарета, митрополита Московского. На новом месте жительства, т.е. в селе Расине, бедность не отставала от него. Но трудолюбием и бережливостью он отчасти вознаграждал недостаток материальных средств в жизни. Чрез несколько лет одиночества он вступил в брак, но жена его недолго жила, оставив ему четырех детей. Вдовец, покорный

воле Божией, один нес на себе всю тягость заботы о воспитании сирот, сам шил сорочки детям, зимой ходил с бельем на речку. В 1826 ему удалось, по милости преосвященного Дамаскина, отличительную черту которого составляло сострадание к бедным, в особенности к сиротам, пристроить двух дочерей за причетников, из которых одному сдал свое дьяческое место, другой же сделан пономарем в том же селе. Пристроив дочерей, Андрей Иванович, согласно давнему желанию, решился поступить в монастырь, чтоб дети, особенно сыновья, не стали скорбеть о нем или он о детях; и благословил ему быть в числе послушников тульского архиерейского дома.

Послушание в архиерейском доме благочестивый муж начал проходить 7-го февраля того же года 1826 года. С той поры он не употреблял мясной пищи, и вообще не отказывался от строгостей монашеских, несмотря на то, что не принадлежал ни к какой обители; он жил в мире, но не был от мира. Преосв. Дамаскин обратил внимание на его многолетнюю опытность в хозяйстве и назначил его смотрителем рабочих при загородном архиерейском доме (в трех верстах от города), наделенном небольшим участком земли. Послушание свое Андрей И-ч проходил с успехом, доверие к нему преосвященного возросло, и ему поручено было, 13 июня 1829 года, управление Тульским подворьем, принадлежавшим архиерейскому дому и находящимся в Москве, возле Златоустова монастыря. Но эта должность, соединенная со многими житейскими заботами, в частности, самая поддержка большого дома, сдача в наем квартир и т.п., – не ослабила в нем наклонности к жизни духовной. Каждодневно в соседней обители и за всякой церковной службой он молился, пел и читал; он имел звучный, приятный голос. 19-го июля 1833 года, в домово́й Тульской архиерейской церкви он пострижен был в монашество с именем Арсения (в честь Арсения Великого); в том же году 20 июля рукоположен преосв. Дамаскиным во иеродиакона, а 22-го числа во иеромонаха. По возвращении в столицу, с благословения митрополита Филарета, которое было испрошено архимандритом Златоустова монастыря Даниилом, о. Арсений исправлял в этом монастыре чередное священнослужение. За

что пользовался братским доходом и столом, а жить продолжать в Тульском же подворье. В малой келье с одним окном. Раз вот что случилось с ним. В зимний праздник св. Николая Чудотворца. Послышал он где-то на стороне благовест к утренней службе и тотчас пошел в Златоустов. Но ворота монастырские были заперты; Арсений с полчаса стоял на улице, пока их не отперли перед благовестом в монастырский колокол, и очень озяб. Черета была его, надобно было служить. На литии он почувствовал себя нехорошо а на девятой пени канона у него открылись в ногах сильные судороги. На его месте другой иеромонах в ту же бы минуту разоблачился, но великую веру имел о. Арсений! Он спросил пономаря: «где елей, ныне освященный» (вместе с хлебами). Узнав, что елей вылит в лампадку, возженную пред образом празднуемого Святителя, он, хотя с трудом. Подошел к св. образу, достал рукой несколько капель масла, смешанного с благословенным елеем, и, незаметно для посторонних, отер свои ноги. Непосредственно затем ощутил на теле обильный пот и внезапно облегчение, так что мог спокойно окончить службу и возвратиться в подворье, без посторонней поддержки, как будто с ним ничего не приключилось. 13 августа 1839 года за постоянную исправность в управлении подворьем и доброе поведение награжден (в Туле) набедренником.

Тульское подворье с 1-го декабря 1845 года отдано было в аренду. Арсений стал свободен от смотрения за подворьем, почему и просил Московского митрополита определить его в число братства Златоустова монастыря. К увольнению его из Тульской епархии в Московскую препятствий не оказалось, и он принят был в этот монастырь, 24 апреля 1846 года, в настоятельство архимандрита Филофея. В следующем году, 28 ноября, ему поручено было исправлять должность казначея. Вперед до усмотрения, а 30-го июня 1851 года Его Высокопреосвященством было предписано: «считать иеромонаха Арсения действительным казначеем со времени поручения ему должности». Способный к послушанию, на него возложенному, опытный по части хозяйственной, Арсений был в то же время отлично честен. Бережливость его, которую легко

понять, как скоро припомним его первоначальный быт, простиралось до того, что он почти всегда ходил пешком по улицам города, не тратя денег монастырских на наем извозчика. Неудивительно, что иной раз он неохотно открывал в монастыре работы или постройки, казавшиеся на его простой взгляд излишними. Отношения его к архимандриту были самые миролюбивые и благонамеренные: у архимандрита Евстафия келейную должность несколько времени исправлял послушник Иона, родственник казначея. Последний строго наказывал ничего не передавать ему о настоятеле. «Если и обо мне что-нибудь будет говорить отец архимандрит, – не хочу слышать от тебя», внушал благоразумный старец.

За братией монастыря о. Арсений имел ближайший нравственный надзор, особенно в отсутствие настоятелей. Ректоров Вифанской семинарии, впоследствии преосвященных, Евгения и Леонида. Замечая в ком-нибудь леность к церковной молитве или рассеянность среди богослужения, казначей, в назидание брата, говорил: «Богу молиться, всегда пригодиться». Один из монашествующих, поздно пришедший в церковь, после утренней службы извинился перед ним. Старец снисходительно отвечал: «ну, хоть сзади, но все в том же стаде». Без уважительной надобности он никого не отпускал из монастыря и на короткое время, и о себе говорил: «я во всю жизнь только три раза был в гостях». Когда кто-либо обнаруживал тщеславное желание преждевременно получить какой-нибудь знак отличия монастырского – он произносил: «не спеши ездой сзади будешь». Не терпел старец, чтобы в присутствии его осуждали брата или ближнего, и как скоро слышал подобную речь – прерывая ее, замечал: «мы сами хуже всех!» За общей трапезой никто не смел произнести праздного слова: в противном случае он повелительно требовал замолчать и внимать предлагаемому за трапезою чтению. Арсений, обыкновенно пил чай с кем-нибудь из братии и в это время, по большей части, вел разговор о предметах монашеской жизни или об угодниках Божиих и неленостном подражании им. В 1852 году, по собственному прошению, перемещен в Тихвин монастырь Златоустовский иеродиакон Дмитрий. Прощаясь с ним, казначей говорил: «жаль

мне с тобою расстаться, но и там ты нужен будешь». Помолчав немного, присовокупил: «ты как уже надевал (примеривал) архимандричью шапку, то и носить будешь ее». Действительно, названный иеродиакон был потом возведен в сан архимандрита в один из третьеклассных монастырей Новгородской епархии.

По назначению Его Высокопреосвященства, Арсений был духовником (с 1849 года) инокинь Рождественского и Страстного монастырей, и наставлял их простым, но опытно-мудрым словом.

Он внушал им христианское смирение, говоря: «смерть всех сравнивает».

Умиротворяя враждующих, напоминал им: «в одну церковь ходите. Вместе молитесь». Сестры всегда относительно к нему с искренним уважением и особенно доверчивостью. Из московских граждан некоторые имели его отцом духовным, иные приходили к нему за советом или утешением, – и не напрасно. Расскажем один случай. Купец С. М. Г-н скорбел по причине недостатка в деньгах, нужных для устройства сына и дочери, уже пришедших в возраст. Арсений, которому он открыл свою скорбь, в утешение его прочитал несколько строк из жития святителя Тихона Задонского; потом сказал: «теперь помолимся», и, надевши на себя епитрахиль, прочел вслух трогательную молитву к Пресвятой Богородице, надежной Помощнице христиан. Успокоенный и ободренный купец возвратился домой; здесь ожидал его человек одного с ним звания, только более его зажиточный. «Вы ко мне по какому-нибудь делу?» спросил хозяин дома. Тот отвечал: «не пожелаете ли взять мой товар за умеренную цену, а деньги я готов подождать». Предложение было принято с глубокой благодарностью: от товара, взятого в распродажу, выручено прибыли полторы тысячи р. сер., и все нужды были справлены!

Благочестие старца о. Арсения проявлялось в различных видах. Ревностный к богослужению, он нередко и немощный шел в церковь; и в будничные дни вызывался служить св. литургию, вместо очередного иеромонаха. Петь или читать во храме так любил, что этого не оставлял вовсе и будучи казначеем. В понедельник Страстной седмицы, один прочитывал на часах все

Евангелие от Матфея. По его настоянию введено в каждую пятницу, во время малого повечерия, пение акафиста в честь Богоматери пред Ее Знаменской иконой, прославленной (с 1848 года) в Златоустове монастыре многими чудесами. Уже в бытность его казначеем. Его келейное молитвенное правило состояла из акафиста с канонам Спасителю и Успению Божией Матери (последнее чтение в память того, что был причетником Успенской церкви); к этому он присоединил еще одну главу из Евангелия. Имея острое зрение, при котором не было надобности и в очках, он прилежно посвящал свободные часы занятию книгами духовного содержания; в особенности любил читать Добротолюбие, творение св. Ефрема Сирина и Тихона Задонского. Любя воздержание, он всегда довольствовался простою монашеской пищей в малом количестве и ради собственного угощения ни к кому не ходил. На первой неделе Великого поста вкушал немного растительной пищи и то раза два (обыкновенно в среду и субботу) – не более; пить чай не позволял себе до самой субботы. Подобно этому проводил он и Страстную седмицу, вкушая немного в четверток и субботу. Бережно соблюдавший монастырские деньги, он не жалел своих на помощь родным.

В марте месяце 1853 года Арсений сделался не здоров и недели две не выходил из кельи. В это время он возымел решительное намерение снять с себя казначейскую должность. «Надо, батюшка, и о душе подумать», говорил он архимандриту Евстафию. На прошение его митрополит 4-го мая написал: «советуется казначею по возможности продолжить служение в сей должности, по крайней мере до совершения некоторых дел, которые настоятель вместе с ним начал и в которых вместе с ним должен дать отчет». Начальству тогда не был еще представлен отчет по делу о возобновлении внутренности соборной церкви, на сумму 10313 р. Но и после сдачи отчета, Арсений продолжал быть казначеем. Благочинный монастырей, архимандрит Платон, сказал ему: «Златоуст прогневается, если оставишь свою службу».

15-го июля 1856 года, ровно за два месяца до кончины, старец снова заболел (геморроидальная болезнь), и после

краткого облегчения 1-го числа августа слег в постель, с которой редко сходил. Приглашен был врач; но, не видя пользы от лекарств (пиявок), старец сказал: «верно, Господь к Себе зовет меня», и перестал лечиться. Так как положение его, действительно, было довольно безнадежное, то посоветовали ему отказаться от должности казначея. Передавая настоятелю монастырские деньги, бережливый старец сказал: «возьмите от меня этих червей, чтоб не беспокоили меня». К замещению вакантной должности настоятель признавал способным иеромонахов М-на и А-ия. Затрудняясь, кому из этих лиц отдать преимущество, архимандрит пожелал слышать от старца отзыв о них. О первом Арсений сказал, что он возгордится, если будет казначеем; касательно другого выразился, что он спутается. Так и случилось с последним по слову старца. Некоторые из преданных ему духовных детей исповедались у него в келье (был Успенский пост). Помышляя о загробной жизни, больной и сам исповедался, и причастился св. Христовых Таин. 13-го августа, настоятель с братией совершил над ним таинство елеосвящения. По окончании соборования, Арсений смиренно просил у всех прощения и подал архимандриту свое духовное завещание, составленное во время болезни, которое и было подписано отцом духовным и двумя иеромонахами. Любвеобильный, он старался, по возможности, наградить не только родных своих, но и братию монастыря и нищих.

В завещании ничего, однакож, не назначено для выдачи старшему сыну Арсения (сельскому диакону). Как скоро жена младшего сына (причетника сел.), вызванная к больному по его приказанию, напомнила о Герасиме, старец отвечал: «ему не надобно». Непонятные тогда слова, получили совершенную ясность 3-го числа сентября, когда в Златоустов было доставлено письмо, извещавшее о кончине Герасима, последовавшей 29-го августа. Прозорливый Арсений предвидел его близкую смерть. В доме младшего сына он советовал поместить старшую дочь – бездетную вдову. Как прежде, так особенно во время болезни, послужил старцу родственник ему рясофорный монах Иона. Каждодневно он читал больному обычное его молитвенное правило; в это время Арсений или

сидел на кровати, или, когда мог, стоял на коленях. К общественному богослужению старец отпускал келейника в церковь и оставался один. В какой-то день, после ранней обедни, говорит Ионе: «убери келью получше, ко мне гость будет». И точно, в 12 часов дня, без всякого предварительного извещения, посетил благочестивого подвижника преосвященный Филофей. Преосвященный, еще будучи настоятелем Златоустова мон. (с 15-го января 1846 по 8-го июня 1847 года), глубоко уважал Арсения; когда же был епископом Дмитровским, викарием Московским, имел его своим духовником. Умиравшего старца, согласно его желанию, святитель благословил постричься в схиму; но благое намерение, неизвестно почему, осталось без исполнения. В продолжение болезни, он три раза исповедался и всякую неделю с благоговением принимал Св. тайны. Кроткий и благодушный, он но однажды не поскорбел, не пожаловался никому на свой продолжительный недуг, на постоянное беспокойство от пролежней, и спокойно почивал он на ложе. 15-го сентября, в 11 или 12-м часу ночи, у одра болезненного Арсения был прочитан канон на разлучение души от тела. Арсений был в то время при полном сознании и твердой памяти, но крайне изнемогал. Он предал чистую свою душу Богу 16-го сентября 1856 года. Никто не был свидетелем последних минут его жизни. Всего жития его было 72 года и три месяца; в монашестве провел 23 года и два месяца.

В кельи казначея Златоустова монастыря есть портрет (поколенный) Арсения, снятый в последний год его жизни и писанный красками. Старец представлен идущим, с палкой в руке; он высокого роста, седой (прежде имел светло-русые волосы), худощав и довольно сутуловат (сгорблен). Лице его приятное, имеет белизну и какую-то моложавость, нос печатью постоянного углубления в себя, следовательно, на вид более строгое, нежели ласковое. В положении тела есть что-то очень напоминающее преподобного Серафима Саровского¹⁹.

Вера – молчальница

(Память 17 сентября)

Много поучительного представляет жизнь спасавшейся в окрестностях Новгорода, в Сырковском монастыре, молчальницы Веры Александровны.

Происхождение ее осталось неизвестным. Есть предание, что она императрица Елизавета Алексеевна, супруга Александра Благословенного, но по сему случаю следует сказать, что было ранее сказано о старце Феодоре Кузьмиче. В 1834 году она пришла в Тихвин под видом странницы и прожила три года у одной благочестивой женщины, занимаясь молитвою, чтением Св. Писания и ежедневно посещая церковь. Затем целый год прожила она в Олонецкой губернии, где прислуживала недвижимой, скорченной от недуга, жене дьячка. Всякий пост она говела, и однажды, когда она приобщалась, смотревший из алтаря на приступивших к св. чаше помещик М. видел ее озаренною особым светом.

Так как слухи о благочестии Веры Александровны привлекли к ней общее уважение, – она по смирению решила оставить Тихвин. По дороге в Валдай остановилась она в погосте «Березовый рядок», и ей так понравился порядок службы в местном храме, что она согласилась на просьбу одной крестьянской семьи погостить у них, поучить их жить по-христиански. Раба Божия поселилась в особой избушке, выходила только в церковь и принимала к себе одних малолетних детей. Она учила их крестному знаменю, молитвам, грамоте, рисовала для них изображения Спасителя и Божией Матери.

Вѣра-молчальница

Становой пристав потребовал от нее паспорт, которого у нее не было, и ее засадили в острог. Никакими допросами не могли у нее вынудить признание, кто она, и последнее ее слово следователю было: «если судить по небесному, то я прах земли; а, если судить по земному, то я выше тебя!»

Продержав полтора года в Новгородском остроге, Веру Александровну отправили в дом умалишенных. Наконец, по ходатайству графини Анна Александровны Орловой-Чесменской, известной своею безграничною благотворительностью делу церковному и сочувствием к Божиим людям – она была помещена в Сырков девичий монастырь, в 6 верстах от Новгорода. Как же переносила она свою тяжкую долю? Она благославляла Бога за страдания, и потом так вспоминала об этом времени: «мне хорошо там было; я блаженствовала там; благодарю Бога, что Он удостоил меня пожить с заключенными и убогими. Господь не то еще терпел за нас грешных!»

Когда Вере Александровне объявили об определении ее в монастырь, она сделала несколько земных поклонов перед иконою Спасителя; потом пала в ноги настоятельнице. Но лицо ее оставалось неизменно: соблюдая молчание, она не допускала до себя ни одной улыбки радости, ни до слезы горя. В монастыре Вера Александровна вся, всеми мыслями, отдалась Богу. Любовь к Нему до того переполняла ее душу, что иногда от избытка сердца она писала в своих келейных записочках: «Ты ми еси, Боже дражайший, желательнейший. Люблю Тя паче неба и земли и всего, яже на них!»

Из кельи Вера Александровна выходила лишь в церковь, к себе же никого не принимала. Иногда летом уходила из монастыря и укрывалась в кустарнике. Ее часто находили там читавшей книгу, или стоящею на коленях в горячей молитве. Ежегодно в Пасху, если Пасха была теплая, молчальница выходила из ограды монастыря на место, с которого открывается вид на Новгород, на его храмы, и откуда виден тот острог, в котором она некогда была заключена. Здесь она оставалась подолгу на молитве, и потом в глубокой думе тихими шагами возвращалась в свою келью.

Смиряла свое тело молчальница безмерно. Раз в день ей приносили из трапезной самую малую долю пищи и хлеба и ставили в окошко. Но из этого незначительного количества она большую часть уделяла нищим. Если же нищих не было, она вечером выходила в садик и кормила слетавшихся к ней птичек.

Если кто приносил подвижнице деньги, она немедленно раздавала их бедным сестрам монастыря, странникам, убогим. Одеждою ее служило белое коленкоровое платье с таким же чепцом. В церковь она надевала черный салоп и черную коленкоровую шапочку. В кельи ее не было ничего лишнего: несколько икон, шкаф с книгами, аналойчик для чтения, два простых стула, маленький самоварчик, убогая кровать. При скудости обстановки, Вера Александровна соблюдала во всем величайшую чистоту. Занятия ее состояли в молитве и в чтении Божественных книг. Сну она предавалась самое короткое время. По бокам кровати ее лежали поленья дров, – вероятно, как напоминание о гробе, а под подушками кирпич. Далеко за

полночь из оконца кельи ее чрез ветхие занавески светился огонь, и видно было молчальницу, стоявшую на молитве на коленях, или читавшую у аналая. В часы отдыха она вязала четки из гаруса или клеила из бумаги коробочки, которые раздавала с кусочками сухарей на память богомольцам. Большую любовь она выказывала к странникам, нищим, убогим и особенно к детям.

В воскресенья и праздники она принимала и посетителей. Сделав несколько поклонов иконою Спасителя, она низко кланялась входившему и сажала его. Если кто просил ее молитв, она вставала и долго молилась. Если просили советов, то им знаками показывала, что им делать или подавала раскрытую книгу, или давала раскрыть ее посетителю и всегда открывались места, дававшие ответить на вопрос. Эта безмолвная беседа охватила душу, укрепляла веру в Бога, утешала в скорби; часто при этом открывалась прозорливость молчальницы. Так одна полковница привезла ей больного малолетнего сына. Она долго молилась, поцеловала ребенка в голову, затем правою рукою указала на Спасителя, а левою на землю. Через месяц ребенок скончался.

Новгородский Сырковъ Девичій монастырь

К службе приходила она раньше всех, прикладывалась к иконам, ставя перед ними свечи. А затем становилась на свое место, в дальнем углу храма. Еженедельно она исповедовалась, принося духовнику исповедь, написанную на бумаге, и приобщалась св. Христовых Таин.

Время смерти своей она знала заранее, о чем и написала духовнику пред последнею исповедью. В начале 1861 года, выйдя, как делала всякий год, взглянуть на Новгород, Вера долго сидела, смотря на город.

На Фоминой неделе она окончательно ослабела. После последнего причастия ее, в ту минуту, как келейница в соседней комнате просила священника приобщить ее на следующий день, – она вдруг явилась на пороге и, сложив руки, показала на иконы и на землю. Все поняли, что завтра ее не станет. Пред кончиною ее лицо осветила радостная улыбка, какой никогда не видали у нее при жизни²⁰.

Архимандрит Иннокентий, настоятель Глинской пустыни

(Память 17 сентября)

Архимандритъ Иннокентій

Архимандрит Иннокентий, в мире дворянин Старооскольского уезда, Курской губернии, Яков Фирсович Степанов, поступил в Глинскую пустынь в 1845 году и был под духовным руководством известных высокою жизнью Глинских старцев. По своим блестящим способностям, тихому нраву и усердию к благочестию, он обратил на себя внимание монастырского начальства и скоро занял должности письмоводителя и библиотекаря обители. Имея под руками обильный источник свято-отеческой мудрости, он сумел почерпнуть оттуда *воду живую* и ее потом во имя любви обильно напоять приходящих к нему. Этому много способствовала отличная память. В должности письмоводителя и поверенного монастыря, отец Иннокентий был правою рукою трех настоятелей Глинской пустыни: Евстратия († 1855), Авксентия († 1857), и Иоасафа († 1862), и прекрасно ознакомился с многотрудными и разнообразными обязанностями аввы большого общежительного монастыря. Ему в 1862 году вручен был настоятельский посох. В должности настоятеля первую и главную заботу о. Иннокентия был соборный храм, начатый перестройкою еще при игумене Евстратии. Обширный храм, почти весь заново переделанный, требовал внутренней отделки. При неусыпных заботах о. Иннокентия она была закончена в два года, и храм освящен в сентябре 1864 года и сделан целый ряд новых построек и хозяйственных улучшений.

Время принятия настоятельства о. Иннокентием совпало с последними годами жизни его старца-руководителя иеросхимонаха Макария († 1864), слава которого постепенно переходила к достойному ученику его. Братия удивлялись мудрому управлению о. Иннокентия, посторонние славил его за любовь, приветливость, милосердие, прозорливость и исцеления. Монах Г., много лет бывший под мудрым начальством о. Иннокентия, говорил про своего незабвенного авву: «Отец Иннокентий свои подвиги скрывал. Это был великий старец, выше всех других, хотя его считали за обыкновенного. Принесут ему молока, только попробует; пищу часто брали назад нетронутой. В трапезе тоже вкушал очень мало, только показывал вид, что ел.

Утром отец Иннокентий долго молился. Велика была забота духовного отца и пастыря о великом семействе Глинского братства, которое надобно было не только пропитать, но еще держать в мире, любви, богоугождении, по возможности всех представить Богу достойными Его милосердия на страшном суде. Приходилось мирит ссорящихся, покорять непокорных, поддерживать слабых и изнемогающих, возбуждать к ревности охладевших, распорядиться во всех отраслях большого хозяйства... Все желалось совершить по воле Божией. Приходилось от посторонних выслушивать раздирающие душу скорби, несчастья, несправедливости; всем хотелось дать добрый совет, помощь и проч... Почерпнув в теплой молитве силу и крепость к перенесению всего находившего, отец Иннокентий выходил как бы на брань вооруженный и на все готовый.

Вот входит молодая барыня, хочет что-то сказать,— не может, — слишком взволнована; целует благословляющую руку о. Иннокентия и, тронутая его ласкою, с истерическим рыданием падает на диван. От мужа и родных она давно не видала такой ласки!... Прошла минута, слезы облегчили горе и дали возможность объяснить цель своего прихода. — Молодой муж днем на службе, вечер и ночь в клубе за картами, а она должна сидеть дома. Молодая жизнь, полная сил и здоровья, — проходит напрасно. Выходя замуж, она ожидала деятельности, жизни, свободы; но, обманутая ожиданием, приходит в отчаяние, не знает, что делать... Отец Иннокентий советует все переносить терпеливо, молится Матери Божией с упованием, что все изменится к лучшему. Хорошо зная, что позднее время есть первый пособник скуки и уныния, батюшка умудренный опытом иноческой жизни, велит употреблять свободные часы на чтение духовно-нравственных книг, на прогулки с целью помочь бедным и т.д. Получив в благословение икону и книгу, барыня уходит вполне успокоенная. На место ее является простая старушка. Как увидела батюшку, сейчас и повалилась ему в ноги. — «Встань, бабушка: кланяться в ноги надо Богу, а не мне грешному». Старушка встает; отец Иннокентий ее благословляет. «Садись, да скажи, какое у тебя горе». — «Три было сына: одного

в солдаты отдали, другой умер, а младший обижать стал: пьет, ругается... Больно мне, батюшка»!... И слезы ручьем полились из потухших глаз бедной старушки. «Потерпи, матушка, – все пройдет. Жени сына, невестку к себе возьми, и заживешь припеваючи. Молись Богу, Господь все ко благу нашему делает. Сперва накажет нас, а потом и помилует». Старуха радостная пошла от батюшки и также в благословение от него получила иконочку Царицы небесной. – Входит мужичок, истово крестится на иконы и также кланяется в ноги. У него жена-работница при смерти, дети малые, как он без хозяйки в доме останется, или как к детям другую возьмет. Горе невыносимое!...

Старец посоветовал отслужить молебен матери Божией с припевом целителю Пантелеимону, взять от Глинской чудотворной иконы маслица. «Помаж больные места, и Царица Небесная воздвигнет с одра болезни жену твою. Не отчаивайся, надейся, будет здорова"... Крестьянин вышел от батюшки с надеждою в непреложность исполнения слов прозорливца. Приходили другие, с верою и упованием говорили старцу все наболевшее у них на сердце. При виде этих слез, этой раздирающей душу картины, что чувствовала добрая, впечатлительная душа о. Иннокентия?!... Много надо было силы все перенести. Все выслушать, не теряя присутствия духа! После таких приемов, о. Иннокентий делал перерывы, – ему необходимо было самому успокоиться, чтобы быть готовым опять выслушивать всякое человеческое горе. Во время перерыва батюшка оставался один, молился о всех этих несчастных; он их любил, жалел, готов был им все отдать!... В эти минуты сам утешающий, искал утешения свыше – от Св. Духа, Утешителя плачущих, скорбящих, болящих...

Управляя многочисленным и разнохарактерным братством, принимая множество посетителей всех званий, о. Иннокентий немало имел поводов к огорчению. В первые годы своего управления о. Иннокентию приходилось немало бороться с пылкостью своего характера, ревновавшего о спасении подчиненных. Ревность эта брала перевес над любовью и снисхождением к немощам немощных братьев, пока, мало-помалу, истинный дух Христов совершенно не возобладал им.

Всякий порыв раздражительности и гнева о. Иннокентий научался подавлять молитвою. Как только был повод к гневу, он начинал усиленно перебирать четками, творя молитву Иисусову, и именем Победителя смерти и ада разрушал козни духа злобы. Когда гнев не унимался, отец Иннокентий молчал, иногда удалялся в свою спальню для молитвы, пока господь не водворял в нем тишины и кротости. Иногда батюшка утомлялся приемом до полного изнеможения, язык его уже не мог говорить, – он прекращал прием. Но, видя массу народа, жаждущего его благословения и наставления, чрез несколько минут опять начинал принимать. Однако, удовлетворить всех было невозможно, и подвижник об этом немало скорбел. Поэтому со всеми, желавшими видеть или слышать его, принять благословение, он отправлялся на прогулку и дорогой вел душеспасительную беседу. Все назидались, все были довольны. С некоторыми говорил отдельно.

Ежедневно с утра до полуночи о. Иннокентий отдавал себя на служение ближним.

Вечером, отпустив от себя всех посетителей, о. Иннокентий иногда оставлял у себя кого-либо одного из братьев, с кем намерен был продолжать беседу о молитве и кто по внутреннему своему устроению и усердию мог заняться непрестанным внутренним трезвением от посторонних помыслов. Благодатная речь его лилась непрерывно, неудержимо; время незаметно переходило за полночь. Покойный батюшка говорил: «надо молиться, без молитвы нельзя ничего начинать. О всяком деле прежде помолись и успех его предай Богу»

Когда о. Иннокентий не вел вечерней беседы о молитве, то сам молился и бдел за спящих братьев. Вратарь, приходящий в полночь просить благословения будить братского будильщика, всегда заставлял о. Иннокентия одетым и бодрствующим. Окончив бдение за братьев, которые должны сейчас встать на утреннее молитвенное славословие, архимандрит Иннокентий отправлялся в лес, и там в ночной тишине, на лоне природы, бдел за себя, подкреплялся молитвою на дневной подвиг. Душа подвижника жаждала уединения, но не могла его нигде найти,

кроме леса и только в ночное время. Днем он нигде не мог укрыться от ни, о. Иннокентий широко пользовался данным ему от Бога даром прозрения или, как говорит Священное Писание, «проявлением духа на пользу» (I Кор. 12,7). Приведем здесь несколько таких случаев. Купчиха В. К-ова говорила нам: «отец Иннокентий, увидев меня в первый раз, до мельчайших подробности рассказал мою жизнь, – лучше, чем я сама могла рассказать, и напоминал давно забытое; мне приходилось только соглашаться и подтверждать слова батюшки».

Пелагея Р-ть немало скорбела, что имеет мужа лютеранина. Однажды в 1873 г. она видит во сне: будто за веревочку тянет своего мужа в Глинскую пустынь. Сон этот ей показался замечательным: она рассказала его о. Иннокентию. Батюшка на это сказал: «перед смертью ваш муж в Глинской пустыне примет православие». Ровно чрез двадцать лет предсказание о. Иннокентия исполнилось. Муж Пелагеи Р-ть приехал в Глинскую пустынь, ходил в храм на все Богослужения и слушал православное учение. Убедившись в истине его, присоединился к православию и чрез несколько лет скончался смертью праведника.

Однажды о. Иннокентий был в г. Сумах. В толпе пришедших просить благословения была гимназистка. «Подите сюда, – сказал ей, – пропустите ее». она подошла. Он, благословляя, спрашивает: «на экзамен готовитесь»? – «Да, батюшка, прошу помолиться о благополучии». – «Дайте книжечку». – Она подает. Он открывает и читает ей вслух, а затем говорит: «это хорошо выучите, это у вас спросят на экзамене, вы получите пять». Цифру «пять» написал на лбу девочки. Все случилось в полнейшей точности. Об этом в то время много говорили в г. Сумах.

По дару прозрения многие обращались к о. Иннокентию. Кажется ни один молодой человек, желающий жениться, ни одна невеста, имеющая жениха, ни их родители, знавшие или слышавшие про батюшку, не решались на брак без благословения Глинского настоятеля. И замечательно, что кого он благословляя, те жили счастливо, кого не благословлял, те всегда каялись, что не послушали прозорливого старца. Так

одной госпоже о. Иннокентий советовал погодить годик до брака дочери, но мать не послушалась. Дочь ее умерла в страшных муках первой беременности.

Напрасно отца Иннокентия называли «благоутробным, чадолюбивым, сострадательным, милосердным». Качества сии в нем выражались разнообразно. Милостыню батюшка выдавал, не считая, явно и тайно; никто не уходил без помощи.

Однажды после обеда у о. Иннокентия была одна игуменья. В это время батюшка, как и всегда, раздавал бедным свою помощь. Кроме того келейник приходил несколько раз и тоже просил денег для раздачи. Отец Иннокентий давал серебро, не считая. – Видя такую щедрость, игуменья говорит: «я думаю, что вы раздали рублей пятнадцать». – «Более, – отвечает ей о. Иннокентий, – роздано восемнадцать рублей». – «Можно ли так»? – «На них, матушка, нам сам Бог посылает. В этом я убежден и опытом. И словом Божиим». В это время подают пришедшую почту. Там было две повестки на 700 рублей. О. Иннокентий, показывая их матушке, говорит: «вот вам доказательство». Иногда нуждающимся о. Иннокентий отдавал свой подрясник, сапоги или рубашку.

По тому же состраданию к ближним, он помогал больным. Преимущественно исцелял помазанием маслом из лампы от Глинской чудотворной иконы. Это знают почти все иноки Глинского братства, жившие при отце Иннокентии. Келейник батюшки монах Илиодор говорил: «однажды отцу Иннокентию пришли две женщины, одна из них была с девочкой на руках и объяснила, что дочь ее один год видела глазами, а два года совсем не открывает глаз, постоянно стонет, кивает головой, точно расслабленная, и потому она пришла просить помолиться о болящей. На это архимандрит сказал: «я ничего не могу, а вот только помажу глаза маслом из лампы Царицы Небесной, а ты иди в скит и молись Богородице, потом приходи ко мне». Сказав это, отец Иннокентий благословил девочку, помазал ей глаза крестообразно маслом. В ту же минуту она перестала кивать головою. Батюшка сказал: «вот уже и головой кивать перестала». После обеда женщины снова пришли, девочка была совершенно здорова, весело смотрела глазами и улыбалась. На

благодарность матери исцелившейся девочки, о. Иннокентий сказал: «это дела милосердия Матери Божией.

Болящий иеродиакон Иоанникий, рассказывая про бывшие с ним исцеления по молитвам отца Иннокентия до и после смерти незабвенного покойного аввы, в заключение сказал нам: «при батюшке мы мало болели. Как только увидит, сейчас же узнает болезнь. Э, брат, – обыкновенно говорил о. Иннокентий, – на, помажь, или выпей, и пройдет. Даст или маслица, или травки. Болезнь действительно проходила». Выдаваемую траву материнку, мяту и другие о. Иннокентий называл «успокоительными травками». По молитве благодатного старца травки действительно оказывали благотворное действие на душу и тело. Головные боли о. Иннокентий исцелял прикосновением или сжатием руками головы. Монахиня Знаменского монастыря Валерия между прочим говорила про о. Иннокентия: «однажды батюшка был на Покровском хуторе. Я с другою матушкою и Марьей Д-овной отправилась к нему. Во время чая батюшке докладывают об ожидаемом народе. О. Иннокентия достал из саквояжа баночку лекарства, дает мне и говорит: «иди – помажь». Я была в недоумении, народ верил батюшке, а не мне, но, не желая ослушаться, пошла. Ко мне подходит одна женщина с страшною гнойною ранюю за ухом. Я не могла смотреть. Вернулась и сказала о. Иннокентию: «не могу исполнить вашего поручения». Батюшка пошел сам. Помазал за ухом, потом стал осматривать других и мазал больные места. У больных ногами о. Иннокентий своими руками разматывал онучи (пришедшие были обуты в лапти), ноги натирал мазью, снова помогал обуться и говорил: теперь иди с Богом. Такая любовь, такое внимание батюшки к страждущим беднякам, – кого не тронет?! Все были ему благодарны и уходили с молитвою на устах».

Но исцеляя других, сам о. Иннокентий не принимал никаких лекарств, и при слабом телосложении почти всегда был болен. Болезни переносил благодушно, с благодарностью Господу, в болезнях тела видел здоровье души. За 8–10 лет до кончины, он взял на себя особый подвиг никогда не отворять ставней у своей спальни и днем находился там с огнем. 21 июля 1888 г., после

выноса в Глухов Глинской чудотворной иконы, о. Иннокентий заболел предсмертною болезнью, страшно страдал, но никому не подавал виду. За месяц до смерти, о. Иннокентий принял к себе благодетельницу М.Ф. П. Она вошла, остановилась, всплеснула руками и сказала: «Батюшка! Я к вам»!... Лицо ее как-то особенно изменилось. Потом госпожа П. говорила гостиннику приблизительно следующее: «как только я вошла, увидела вокруг головы батюшки золотой венец, и лицо его было как у Ангела; я вся изменилась и трепетала от страха. Прощаясь, я хотела сказать о своем видении и только упомянула: – я видела... О. Иннокентий, улыбаясь. Перебил меня словами: «молись и ты то же получить можешь».

17-го сентября 1888 г. вечером в субботу, когда на бдении пели: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко», о. Иннокентий на 64 году своей жизни тихо, блаженно скончался, напутствованный таинствами елеосвящения, исповеди и причащения. Тело его не изменялось не предавалось тлению, окоченелости и не издавало никакого запаха. Народ массами стекался к одру почившего, каждый спешил отдать ему последний долг уважения. Рыдания не прекращались и нарушали тихое чтение Святого Евангелия. 20 сентября, во время литургии, плач народа усилился. При отпевании плакал первоприсутствующий архимандрит Иоасаф, плакал весь многочисленный сонм священнослужащих, никто не мог удержаться от слез. Это была последняя дань любви всех любящему отцу архимандриту. Погребенный телом, он жив бессмертною душою, и многим являлся во сне, утешал скорбящих, исцелял болящих и давал наставления. Видевшие его действительно переставали скорбеть, болезни недугующих проходили, и исполнившие его советы имели в делах своих успех. Об этом в обители записано много заявлений. Гроб о. Иннокентия находится в усыпальнице под теплым храмом Глинской пустыни. Почитатели его служат панихиды²¹.

Иеросхимонах Агапит Задонский

(Память 17 сентября)

Агапитъ Задонскій

Иеросхимонах Агапит был учеником и сподвижником старца Митрофана. Он родился в 1750 г. в с. Борках Задонского уезда,

при крещении был назван Алексеем. Отец его, священник Феодор Болховитинов, впоследствии скончался в Задонском монастыре иеромонахом с именем Феофана. Юный Алексей первоначальное образование получил в доме отца своего, а затем обучался в Воронежской семинарии и поступил в Задонский монастырь, куда еще в детстве хаживал с родителями и где потом некоторое время был келейником у святителя Тихона, а затем жил в келье схимонаха Митрофана. После определенного времени искуса он было пострижен в монашество с именем Аввакума и вскоре был рукоположен в иеродиакона, а затем в иеромонаха.

Отец Митрофан искренно любил о. Аввакума за благоразумную строгость к себе и горячее усердие к Богу. Однажды будучи в духе озарения духовного, о. Митрофан, возложив на главу Аввакума обе руки свои, благословляя его, сказал: «да почиет на тебе Божие благословение и мое схимонашеское... Тецы, брат, о Господе – да постигнеши небесное отечество, которое Бог обещал любящим Его! Доброе дело от доброго конца познается». Не просто схим. Митрофан совершил крестное знамение над главою о. Аввакума: последствия показали, что знаменательное действие это пророчески указывало тогда на грядущие скорби и тесноту жизни, возводящей истинного инока на высшую степень духовного совершенства. По возникшему от братии гонению, он вынужден был оставить Задонск и поступил в Алексеевский Акатов монастырь (в Воронеж), и впоследствии перешел в Предтечев – Трегуляев (близ Тамбова), где принял схиму с именем Агапита. Но жить и умереть в Задонском монастыре, где положил начало своему иночеству, было всегдашним желанием Агапита, и в 1817 г. исполнилось его желание: он переселился в Задонскую обитель.

Принял же он схиму по особенному Божию призванию, о чем впоследствии, при искреннем собеседовании, поведал следующее: «любил я взирать на схимников, на их ангельскую жизнь, уединенную и высокую, и на их ангельское облачение, а сам воспрять на себя схиму и думать не смел, считая себя недостойным и неспособным к сему трудному подвигу; впрочем,

молился усердно, да будет со мною и в сем по воле Господней. Что же однажды во сне вижу? Благолепнейшую и величественную Деву и слышу от Нее: «схима (такому-то) готова, да он не дождется ее, ты же прими ее». А в это время, нужно сказать, представлен был к схиме некоторый иеромонах Трегуляевского монастыря, который, действительно, еще до разрешения на пострижение епархиального начальства, скончался. Между тем, благословение архипастырское последовало и настоятель рассуждал с братию: кого посвятим в схиму? К удивлению моему, братия указала на меня. Когда объявили мне это, я с благоговением покорился воле Богоматери, изреченной устами настоятеля, и начал готовиться к принятию великого ангельского чина. Помолившись и приняв благословение настоятеля, определил я себе сорокадневное говение. Двадцать дней провел без тягости – в молитве, без сна и пищи, но ослабел и, по совету настоятеля скушав гривенную просфору, около фунта весом, и испив чашу воду, продолжил говение, которое только с помощью Божией совершил. Предпоследние дни были чрезвычайно тяжки: я весь горел, изнеможение одолело, я впал, так сказать, в забытие тонкого сна, и вижу опять оную Деву, Которая, напомнив мне о немощи моей, приказала с опасением и надеждою не на себя, а на Господа Бога, приниматься за особенные подвиги, и произнесла: «крепись и надейся на меня». Затем благословила подкрепиться пищею и питием. Подкрепленный таковым духовным утешением Богоматери и пищею, я уже бодрственно совершил говение. Так Богоматерь приветливо возвала и благословила меня недостойного к подвигам жизни ангелоподобной. Это благодатное видение ободрило мой дух, укрепило во мне телесные упавшие силы, и я в радостном трепете пал тогда пред иконою Богоматери и излил горячую благодарственную молитву мою благой Утешительнице и Покровительнице всех христиан».

По внешнему виду старец казался строгим; но главные черты его характера были незлобие и простота евангельская. «Простосердечие» же, по изъяснению Иоанна Златоуста, «есть превеликая добродетель души"... Рост имел высокий, железные вериги, кои носил он на себе до самой кончины, опоясывали его

на подобие диаконского препоясания орарем пред св. причастием, и сжимали плеча, поясницу, но об этом ведал только один Всеведец – Бог. Бывало, старец станет на молитву и, несмотря на трудность своего положения, совершает частые земные поклоны с изумительной и для молодого человека неподражаемой легкостью. И всегда почти молитва его орошалась обильными слезами сокрушения, умиления и той крепкой веры, которая во всяких душевных состояниях, припадая к Спасителю своему, держится края ризы Его и вопиет: Господи, хочу или не хочу, спаси мя!

Воздержание о. Агапита была разумно-строгое. В среды и пятки он ничего не вкушал, а в дни св. Четыредесятницы говел и по целым неделям. Сам упражнясь в воздержании, боголюбивый старец требовал того и от келейника своего и всем советовал, по крайней мере, не вкушать рано; ибо начало дня, говорил старец, должно быть сретаемо по долгу христианскому молитвенным возношением к Богу. Однажды придя из церкви в свою келью, он взял просфору в левую руку и, прикрыв ее правою, сказал, обратившись к келейнику: «кто предварил день молитвою и не завтракал, тот будет кушать благословенный хлеб» Келейник смутился при сих словах, но, желая оправдаться скрытностью, возразил: «а кто же завтракал»? и стал заператься... «Лжешь, не так глядишь!» отвечал о. Агапит. Когда виновный искренно признался в своей неводержанности, он простил его и снова, во избежание своеволия, повторил ему заповедь свою, смиренно умоляя: – «Господа ради не ешь рано до литургии, от сего ум будет светлее и тело здоровее... Скоты рано едят... Старца же не обманывай! Тогда благословение Божие пребудет с тобою во всю жизнь. Божественный дух истины, присовокупил он, влечет нас в рай – вечное блаженство, а преисподний дух лжи влечет в ад – вечную муку».

О. Агапит обладал даром прозорливости. Так однажды пришел к нему какой-то чиновник, очень растолстевший, и едва мог пройти в узкую дверь кельи. Келейник, проводив его сказал с улыбкою: «Экий толстый!»! но старец иначе рассудил: «толстый! Да; ибо горячей любви полный. Едва в келью зашел и зарыдал, слушает, вспоминает о жизни и льет обильные слезы, а мы с

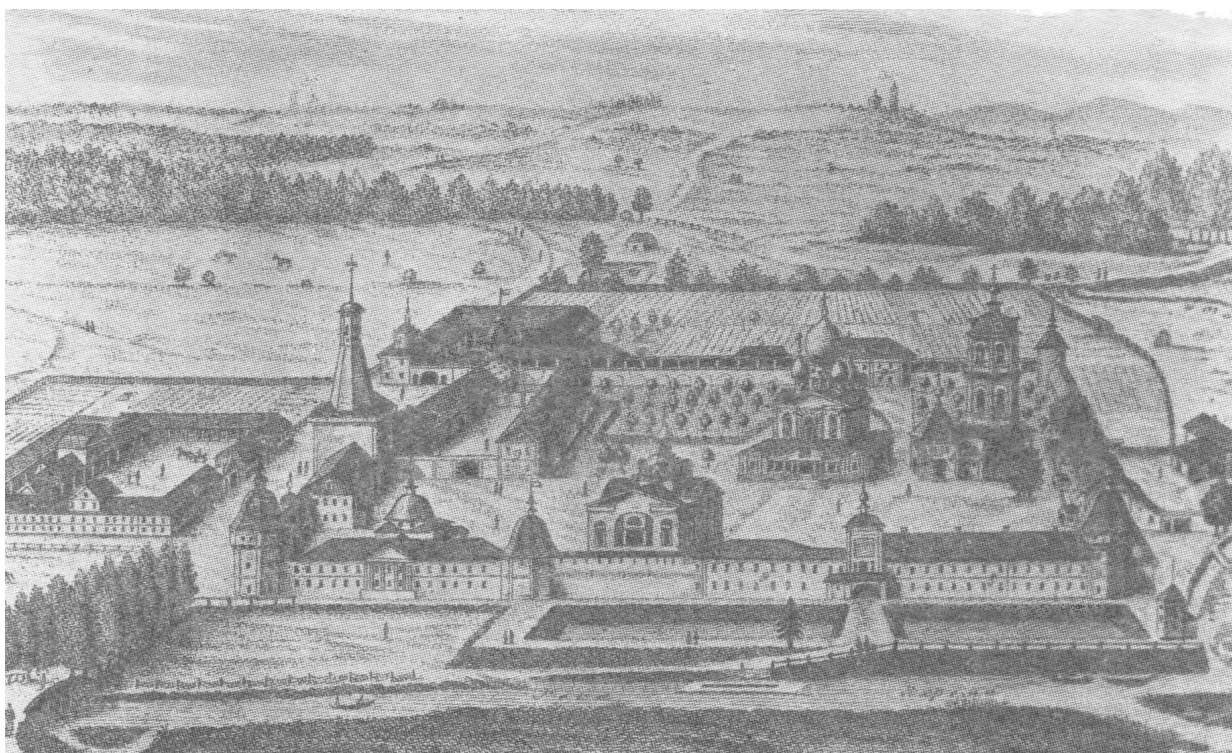
тобою тонкие, сухие, перепостились и нет слез о грехах. Никогда не суди по взгляду о ближнем, присовокупил старец. Не лучше ли каждому следить за своим и учиться познавать ближе самого себя»?!!

Добродетельная и подвижническая жизнь о. Агапита, несмотря на всю его скромность, была известна многим. При посещении Задонского монастыря, Благочестивые поклонники долго считали видеть о. Агапита, принять от него благословение и насладиться душеспасительными его наставлениями. За 8 лет до кончины Агапит затворился в кельи по любви к уединению; впрочем, допускал к себе искавших его благословения.

Некто о. Иоанн, благочестивый священник г. Ельца, Преображенской церкви, хорошо знал о. Агапита, знал его истинное благочестие и сокровенную подвижническую. Это подтверждается следующим фактом. В 1818 году пришел сюда Георгий Алексеевич Машурин, прошедший жизнь свою в затворе до конца. Но как дело спасения без искушений не бывает, то то же самое случилось и с Георгием. Однажды смутился он духом и пожелал переменить монастырь, что нередко бывает с новоначальными, с каковою мыслью отправился в Елец за советом к дивному по жизни вышеупомянутому священнику о. Иоанну, благочестивая жизнь которого была известна многим, и который, дабы скрыть свои добродетели, между прочим, представлялся юродивым. Особенность его в этом отношении была та, что он нередко служивал молебны с звоном, иногда и в ночное время; жил в чулане, ночевал в притворе церковном. И вот, к этому то человеку направил свой путь Георгий; но едва успел подойти к дому о. Иоанна, как тот выбежал к нему на крыльцо и, никогда прежде его не видев и не зная, встретил следующими словами: «а я, брат, сейчас только отслужил молебен со звоном Пресвятой Богородице. Она не велит монахам давать наставлений особенно смущенным и хотящим оставить свой монастырь. Ступай-ка, брат, ступая! У вас есть схимник Агапит, он тебе скажет, что делать». Поразила Георгия эта прозорливость о. Иоанна, и он, возблагодарив Бога за полученное желаемое наставление, возвратился снова в

Задонский монастырь. На этот раз познакомившись ближе с о. Агапитом, Георгий Алексеевич действительно нашел в нем себе ангела-утешителя и, после откровенной сердечной беседы, признав свои мысли за искушение от диавола, не смел более думать об оставлении монастыря Задонского.

Однажды братия, разговаривая между собою в присутствии иеросхимонаха Агапита о высокой жизни о. Иоанна Елецкого, услышали в нем следующий отзыв о. Агапита: «Великий столб в мире сияет; благодарите, братие, Господа! Живет в мире, а как подвизается! Есть еще просвещение ходящим во тьме, но жаждущим света».

Николаевский Пьсношский монастырь

Схимонахъ Стефанъ

Старецъ тщательно искавший царствія Божія, наконецъ приблизился къ рубежу вечности. Онъ таялъ, какъ свѣча; дыханіе его все болѣе и болѣе стеснялось; – онъ все видимо слабѣлъ теломъ... «Кончина о. Агапита, какъ человека отдающаго свой долгъ закону природы, по словамъ Георгія затворника, была не безболѣзненна и очень томительна, но непостыдна, мирна, какъ смерть истиннаго христіанина». Чувствуя приближеніе смертнаго часа, онъ благословилъ келейника своею иконою Божіей Матери съ обѣтованіемъ, что Она не оставитъ его ни въ сей, ни въ будущей жизни, только бы молился и жилъ богоугодно, и велѣлъ попросить къ себѣ любимаго своего духовника о. Димитрія.

О. А. Агапитъ скончался 76 лѣтъ, 17 сентября, 1825 года. Погребенъ въ усыпальницѣ. Надъ его гробомъ усердіемъ Над. М.

Тиньковой устроен катафалк с начертанием на верхней доске его изображения²².

Схимонах Стефан

(Память 17 сентября)

В 1808 г. о. Стефан был пострижен в монашество в Песношском монастыре и в том же году впал в расслабление. Принял великую схиму и двадцать два года безропотно нес крест тяжелого недуга, служа братии примером терпения. Скончался 17 сентября 1830 г. на 82 году жизни.

Иерей Евмений

(Память 18 сентября)

Священник заштатного гор. Коропа о. Евмений Якубовский скончался 77 лет и в самые последние годы, опираясь на посох, едва двигаясь ногами, он почти каждый день совершал литургию с живою ревностью. Смиренный и кроткий, он с ласковою любовью вразумлял грешников, и в короткую предсмертную болезнь, сидя на постели, преподавал он советы, как надобно жить и готовиться к доброй жизни. Скончался тихо в 1814 г.²³

Блаженная Ирина Зеленогорская

(Память 18 сентября)

Спасо-Зеленогорский общежительный монастырь находится при селе Зеленые Горы, Нижегородского уезда, близ речки Пасмуровки, в 35 верстах от г. Арзамаса. На месте, где теперь женская обитель, первоначально был мужской Спасо-Белогорский монастырь, основанный в половине XVII столетия иноком Ионою. После введения штатов, упразднен. Но, по милости Божией, с 1800 года на месте бывшего монастыря зачалась и постепенно образовалась женская община. Восстановление древней обители близко связано с именем преподобного Серафима Саровского. В годы монастырского послушания преподобный Серафим почти ежегодно посещал Зеленогорскую ярмарку для закупки меду, воску, овчин и других необходимых для Саровской пустыни предметов. Бывая там, он не мог не заметить полуразрушенной монастырской ограды с ветхим деревянным храмом, оставшимся от упраздненной обители. Не раз он обходил это место и скорбел о запустении его... Однажды во время такого посещения преподобный Серафим заметил в углу монастырской ограды небольшую келью, в которой некто уединился для спасения души. Радостно приветствовал Преподобный поселившихся здесь подвижниц и благословил их. Он прозревал уже грядущее возрождение древней обители, которое мало-помалу и осуществилось, при его помощи, трудами новых насельниц этого зарождавшегося гнезда отшельниц. С 1800 года здесь стали жить пять женщин-вдов и девиц, полюбивших уединение и богомыслие, преданных молитве и труду. Жизнь этих первых насельниц, по сказанию современников, отличалась необыкновенную простотою и слагалась по укладу келейной монастырской жизни. Не имея собственных средств, убогие сестры первоначально жили подаяниями Христа ради. Саровский старец, преп. Серафим содействовал им своими благодатными молитвами, советами, наставлениями, материальною и иною разного рода помощью до самой блаженной кончины своей. Руководимая и

вспомоществуемая преп. Серафимом с первых дней своего существования, юная богадельная общинка на Зеленых Горах скоро скрепла, стала расти и устроиться в иноческую женскую обитель. Число насельниц увеличилось в ограде монастырской стали вырастать и другие кельи. В 1893 году Зеленогорская община преобразована в общежительный монастырь 3-го класса. Таким образом, на месте древнего мужского монастыря возникла женская обитель. В монастырской же ограде, близ храма, находится и могила одной выдающейся по своей духовной жизни сестры Зеленогорской обители Ирины Лазаревой, возлюбленной духовной дочери преподобного Серафима Саровского.

Блаженная Ирина Зеленогорская

Местное предание сохраняет память о ней, как о замечательной по своей святой жизни старице. Из хранящегося в монастыре рукописного жизнеописания старицы Ирины Лазаревой известно, что она – дочь крестьянина деревни Муратовки, Сергачевского уезда Нижегородской губернии и родилась в первых годах XIX ст. На втором году от рождения она лишилась матери, которая была убита грозой в Ильин день, и поступила на попечение мачехи, женщины сварливого характера, а спустя еще некоторое время потеряла и отца. С этого времени началась для Ирины тяжелая жизнь. Мачеха сильно не взлюбила свою падчерицу и всячески старалась выразить ей свое нерасположение... Двенадцати лет от роду Ирина вступила в брак с сыном одного крестьянина своей деревни, но тотчас же после брака удалилась в лес, где и скрывалась до поступления ее мужа в рекруты. Выходя только тайно на работу в помощь любимой свекрови. Начало своих иноческих подвигов она полагала в Киеве, при мощах святых угодников, поступив в число сестер Фроловского женского монастыря. Там она трудилась девять лет, неся разного рода налагаемые на нее послушания: носила воду, караулила сады, пекла и продавала просфоры и т.д. По истечении девяти лет, Ирина перешла в Дивеевскую женскую общину, в Ардатовском уезде, находившуюся тогда под непосредственным покровительством и руководством Саровского старца, преподобного Серафима. Своим беспрекословным повиновением и точнейшим выполнением налагаемых на нее послушаний она обратила на себя особенное внимание блаженного Старца, который называл ее единственной своею духовной дочерью... После шестилетнего пребывания в Серафимо-Дивеевской обители Ирина, по благословению отца Серафима, перешла в Зеленогорскую общину, где и подвизалась до своей кончины в особой убогой кельи. Бесперывно находясь в труде, она глубочайшим смирением и своим неизменно веселым настроением, с каким исполняла все возлагавшиеся на нее работы, воодушевляла к трудам и прочих сестер обители, мирян же особенно увещевала быть милостивыми. Кроме келейных и общественных молитв,

Ирина, неся крест юродства, целые ночи в летнее и зимнее время посвящала молитвенному подвигу, находя неизъяснимую усладу в непрестанной сокровенной молитве и располагая к ней инокинь: ее видели на молитве и в башне, и в колодце, и под церковью, и в других потаенных местах. Благодетельная старица Ирина, перенесла немало горя от неразумных на своем веку, тихо скончалась за молитвою, будучи почти ста лет от роду²⁴.

**Первоначальницы Мензелинского
Пророко-Ильинского женского монастыря
игумении Евгения и Филарета**

Игуменія Евгенія

(Память 21 сентября)

В 1905 году исполнилось 50 лет со времени официального открытия Мензелинской Пророко-Ильинской женской общины (в 1855 году). За этот период времени настоятельницами и руководительницами обители состояли: игуменья Евгения, в мире Евфросиния Феодорова Собина, и игуменья Филарета, в мире Домника Александрова Реутова, трудами и заботами, которых и создана и благоустроена эта обитель.

Деятельность этих двух тружениц по устройению обители так тесно связана, что говоря об одной из них, нельзя умолчать и о другой. Они проходили свой жизненный путь рука об руку; совершали свое дело совместно, так что трудно даже определить, которая из них понесла больше или меньше трудов по созиданию обители. Несомненно, что первой принадлежала инициатива, а созидание было общим делом.

Игуменія Филарета

Начало обители положено в 1836 году мещанской девицей г. Мензелинска Евфросинией Феодоровой Собиной. Эта избранница Божия трех лет лишилась отца, и мать ее вступила во второй брак с крестьянином деревни Юртовой. Но недолго она пользовалась любовью и ласками и матери. Последняя, будучи обременена большим семейством второго мужа, 8-летнюю Евфросинию отдала на воспитание своей сестре. В дом тетки любознательной и трудолюбивой Евфросинии удалось научиться грамоте, что в то отдаленное время было величайшей роскошью не только для деревенской девочке, но и для мальчика. Известно, что тогда как самое обучение, так и дальнейшее развитие грамотея, было строго религиозным. Учились по Часослову и Псалтири, читали больше слово Божие и книги религиозного содержания. Божественное семя пало на добрую почву и принесло обильный плод. Свет божественного учения проник в душу юной Евфросинии и зародил в ней стремление ко спасению, к жизни для Бога. Живя еще в миру, она старалась удалиться мира и дала обет девства. В годы первой и цветущей еще молодости она неоднократно предпринимала паломничество ко святым местам. Не раз побывала в Киеве, Сарове и Соловецком монастыре. Во время этих путешествий в душе ее созрела и окрепла мысль оставить мир и воспринять благое иго Христово. В 1831 году, 30 лет от роду, она, будучи в Сарове, была по благословению у старца Серафима, который, провидя будущее, благословил ее на собирание обители. И вот, в 1831 г. следуя завету старца Серафима, девица Евфросиния на свои средства приобретает в г. Мензелинске дом – келью и начинает собирать около себя девиц, желающих посвятить себя иноческому житию. Эта келья с ее первыми насельницами и была подготовительным рассадником настоящего монастыря.

В 1843 году под руководством Евфросинии поступает будущая ее сотрудница – 14 летняя мещанская девица г. Мензелинска, Домника Александрова Реутова²⁵. В первые же годы даровитая и трудолюбивая Домника обращает на себя внимание как руководительницы, так и других сестер. Все скоро

горячо и искренно полюбили ее и тщательно занялись ее воспитанием в духе иночества. Будучи религиозно настроена с детства, Домника, приходя в возраст, с кротостью и терпением проходила все послушания и удивляла сестер силою своего характера в трудах и подвигах иноческих. Она безропотно исполняла самые трудные и часто непосильные работы.

Строгое исполнение иноческих правил в келье, каждодневное посещение богослужения в соборе, чтение и пение при богослужении и приготовление просфор составляли их главные труды и занятия. С тою же целью – беспрепятственного, постоянного служения Господу, стали присоединяться к ним и другие женщины и девушки, так что число их достигло 12-ти. Первоначальная келья оказалась уже тесною и неудобною, и нужно было приискать новое помещение и, в виду возрастающего количества желающих присоединиться к трудам отшельниц, необходимо было устроить иноческую общину и упрочить законное существование ее.

В 1855 году Правительством духовным и гражданским, разрешена была к открытию в городе Мензелинске, на отведенном городом месте, иноческая Пророко-Ильинская община, под управлением самой основательницы этой общины инокини Евгении, впоследствии игуменьи. С этого времени, сколько горя, сколько забот и трудов выпало на долю игуменьи, так и ее ближайшей сотрудницы, почившей инокини Филареты. Нужно было обнести оградю отведенное общине место, устроить кельи, создать храм Божий, испросить священника для постоянного совершения богослужения; на все это нужны были средства, а их-то всегда и недоставало юной общине. Но отшельницы не падали духом; они усердно молились и еще усерднее трудились. А трудились они едва ли не более всякого рабочего крестьянина: они сами рубили дрова, возили бревна, кирпич, воду и все необходимое для постройки и содержания начинающейся обители. Обладая физической силою, молодая монахиня Филарета всегда была первою работницею, первою трудницею. В этом не всегда посильном для женщины труде, – при неблагоприятных условиях, при дожде и холоде, кроется причина того тяжкого недуга, которым усопшая страдала всю

свою жизнь и который, осложнившись другими старческими немощами, свел ее в могилу. И мы видим, что труды и деятельность ее были оценены достойным образом. Так, по открытии общины, в 1855 г., когда инокиня Евфросиния была избрана и утверждена настоятельницей, Домника Александрова в возрасте 24–25 лет, призывается на должность казначеи. В следующем 1856 году утверждается в этой должности и состояла в оной до 1878 года, а с 1878 года, т.е. еще при жизни игуменьи Евгении, до дня смерти состояла в должности настоятельницы. Созидание монастыря началось с 1855 года, т.е. с того времени, когда приобретен был первый участок земли около Ильинской кладбищенской церкви и эта церковь передана в собственность общины. С этого момента деятельность общины, руководимая Собиной, под непосредственным наблюдением и при живом участии во всех трудах Домники Реутовой, приняла самый живой и кипучий характер. Строились храмы, дома и службы. Настоящий свой вид монастырь принял в последнее десятилетие. Последними капитальными постройками были дома причта. Таким образом, вступила на путь иночества игуменья Филарета в убогую келью, а по смерти своей оставила вполне благоустроенный монастырь, в котором 4 довольно благолепных храма, где совершают свое спасение до 350 сестер и к которому принадлежат четыре земельных дачи (всего до 800 десятин земли).

Когда игуменья Евгения, вследствие своего болезненного состояния, устранилась от управления монастырем, и монахиня Филарета, как ближайшая его сотрудница, заняла ее место, физические труды уже не обременяли ее, но зато тяжким бременем легли на нее труды нравственные по управлению обителью. И сколько забот, хлопот и огорчений выпало на ее долю! Количество сестер все умножалось, расходы по содержанию их и монастыря все увеличивались. Нужно было изыскивать средства и на пропитание этих 350 монастырских жилищ, и поддерживать в приличном виде храмы, кельи и другие монастырские здания. Если требования заботы о материальном, экономическом состоянии обители, то еще больших забот и попечений требовало нравственное, душевное состояние

насельниц обители. Нужно было каждой из них дать дело, чтобы никто из них не жил праздно, чтобы все они были полезны себе и обители; нужно было следить за точным исполнением иноческого устава; нужно было принять меры и против искушений и падений, которые везде возможны и всегда были. Такие разнообразные, трудные обязанности, принятые инокинею Филаретой по званию игуменьи, особенно при существовании долголетнего тяжкого недуга, осложнявшегося в старости другими немощами, все более и более расшатывали подорванное здоровье и, наконец, свели в могилу. Прикованная к болезненному ложу, усопшая, как истинная инокиня, прямо смотрела в глаза смерти и постоянно готовилась к ней. Многократно, в течение своей болезни, приобщалась она Св. Таин Тела и Крови Христовых, освятилась таинством св. Елеосвящения и мирно и тихо предала дух свой Господу.

С 1868 года при монастыре существует женская церковно-приходская школа, в которой обучаются дети горожан. С 1899 года школа помещается в особом здании и всецело содержится на средства монастыря. За свою неутомимую деятельность игуменья Филарета была награждена в 1879 году благословением Св. Синода с выдачею грамоты; в 1880 года возведена в сан игуменьи; в 1885 г. наперсным крестом; в 1898 году – медалью в память Императора Александра III-го; в 1898 же году был поднесен ей сестрами и почитателями наперсный крест с украшениями и в 1899 году награждена Библию, от Св. Синода выдаваемою. Все это само собою говорит о многоплодной деятельности почившей. Скончалась м. Филарета на 76 г. жизни 14 апреля, в 2 часа пополудни.

14-го и 15 апреля по почившей игуменьи Филарете совершались панихиды всем градо-Мензелинским духовенством во главе с протоиереем В.В. Уводским. 15 апреля, в 6 часов вечера, был совершен вынос тела почившей из настоятельских покоев в Вознесенский храм, где 16 апреля после литургии при громадном стечении горожан и жителей ближайших селений отпевание всем составом градо-Мензелинского духовенства. При отпевании сказаны речи и поучения: протоиереем В.В. Уводским и священниками Ф.В. Комаровым и В.И. Веселицким.

Погребена игуменья Филарета на южной стороне ограды Вознесенского храма. А игуменья Евгения почила на 82 г. жизни 21 сентября 1881 г. Память этих тружениц-первоначальниц благоговейно читится признательною обителью²⁶.

Межигорский Спасо-Преображенский монастырь

Архимандрит Иона (схимонах Петр)

Архимандритъ Іона

(Память 22 января)

Архимандрит Иона, в схимонасах Петр, основатель и благоустроитель Киевского Свято-Троицкого монастыря, бывший настоятель его, происходил из мещан посада Крюкова Полтавской губернии. Время рождения его с точностью неизвестно, день ангела 22-го сентября. Несомненно, что старец почил в глубокой старости, около 100 лет. В раннем возрасте почивший оставил родительский кров и удалился в Саровскую обитель, где в течение нескольких лет оставался в качестве келейника и послушника у преподобного Серафима Саровского. Окрепнув духом, под руководством строго подвижника, и утвердившись в решении отречься от мира, Иоанн Мирошниченко (мирское имя и звание почившего) в 1836 году уволился из мещанского общества и поступил в Брянскую Белобережскую пустынь (Орловской губернии) послушником, где оставался около 15 лет и где удостоился пострижения в монашество (1843 г. 19 декабря) и рукоположения во иеродиаконы (1845 г. 26 июля).

В 1851 г. о. Иона переселился в Киев, который с того времени стал местом постоянной подвижнической жизни его. Около десяти лет о. Иона пребывал в Киевских монастырях: Пустынно-Никольском (1851–1856 г.), Братском (1856–1857 г.), Греческом Екатеринославском (1857–1860 г.), где 29-го июля 1858 года был посвящен и во иеромонаха, наконец, в Киево-Выдубицком (1860–1866 г.).

Еще со времени пребывания почившего старца в Киево-Выдубицком монастыре начинается новый период в его жизни. Он задумывает и затем начинает постепенно подготавливаться к устройению своего общежительного монастыря. Местом для новой обители он избрал участок земли, который был расположен рядом, несколько выше Выдубицкого монастыря, и который был приобретен почившим, при содействии и на средства духовной дочери старца кн. Е.А. Васильчиковой. В 1864 году старец положил начало будущему монастырю устройством небольшой деревянной церкви во имя Пресвятой Троицы и малой кельи для себя при ней. Подвижническая жизнь старца

привлекла к нему учеников, из которых и образовалась, на началах строго общежития, малая обитель, утвержденная в 1866 г. Строителем обители тогда же был назначен ее основатель, который и оставался ее настоятелем до 1889 г., будучи удостоен звания игумена в 1872 г. и архимандрита – в 1886 г.

Во все это время продолжалась непрерывная и неутомимая работа старца над благоустройством основанной им обители: в 1871 был сооружен новый обширный (сравнительно с прежним, оказавшимся слишком тесным и для обители, и для посещавших ее богомольцев) каменный храм во имя Пресв. Троицы; в 1897 году этот храм был еще более расширен пристройкою боковых приделов. Вместе с тем почивший старец неутомимо трудился над обеспечением будущности своего духовного детища посредством увеличения недвижимой собственности монастыря, в чем усердно помогали его многочисленные почитатели и духовные дети. Заботами старца были устроены в обители больница для лечения иноков и богомольцев, а также школа для обучения детей окрестного бедного населения. Рядом с этим шли еще более важные, хотя незримые для мира, заботы старца о внутреннем благоустройстве созданной им обители. Старец в последние годы своей жизни имел утешение видеть свою обитель совершенно благоустроенной с внешней и внутренней стороны: обеспеченною недвижимою, довольно значительно, собственностью, украшенною благолепным храмом и удобными помещениями для братии, наполненною многочисленною братиею ревностно трудившеюся, под руководством своего старца, в служении Богу и созидании спасения своего и других привлекавшею к себе богомольцев со всей России, которые стремились сюда затем, чтобы видеть старца-подвижника, получить его благословение, спросить совета в затруднительных обстоятельствах жизни, а также видеть его обитель с ее благоговейным, истовым, уставным совершением богослужения.

Почивший старец, кроме того, немало потрудился над восстановлением и благоустройством Межигорского Спасо-Преображенского монастыря, настоятелем которого он состоял в течение 1886–1896 г.

В последние годы почивший старец стал болеть особенно ногами, и силы его начали заметно ослабевать. Обнаружившаяся в последнее время водянка предвещала близкий конец земной жизни его. В последние дни больной почувствовал приближение смерти, перестал принимать пищу и только ежедневно причащался Св. Таин. 8 января 1902 г. покойный принимал своих ближайших сотрудников из числа братии, а также и посторонних лиц, желавших получить от него благословение, затем попросил одеть его в одежды схимника, чтобы, как он выразился, быть готовым, и в полном сознании ночью на 9 января тихо скончался среди глубоко опечаленной братии монастыря. В отслужена первая панихида над почившим, совершенная архимандр. Выдубицкого монастыря Евлогием. На другой день панихиды были совершены, между прочим, преосвящ. Сильвестром, епископом Канаевским, и преосв. Димитрием, епископом Чигиринским, в сослужении архим. Платона, инспектора Киевской духовной академии, управляющего монастырем иером. Мельхиседека и монастырской братии. 10-го января гроб с телом почившего был перенесен из его кельи в соборный храм, причем вечером того же дня парастас и 11 января заупокойная литургия были совершены архим. Платоном, инспектором Киевской духовной академии.

Погребение почившего совершилось, по особо составленному церемониалу, 12 января. Всю ночь под этот день совершалось заупокойное богослужение в храме, где стоял гроб с телом почившего. 12 января в 9 ½ часов утра началась торжественная заупокойная литургия и отпевание, которое и продолжалось около 5 часов. После отпевания гроб с телом почившего был обнесен, в сопровождении крестного хода, вокруг храма, и затем состоялось предание тела земле. Могила почившего старца находится в соборном храме, под арками, отделяющими среднюю часть храма от правого бокового его корабля. Могила представляет обширный склеп, к которому ведут ступеньки.

В дополнении к жизнеописанию о. Ионы нужно сказать. Что об основании Св.-Троицкого Ионовского монастыря еще за много

лет предсказал блаженный иеросхимонах Феофил. Дело было так.

Жила в Китаевской пустыни (на Самургском хуторе) послушница Пелагея. Питая к старцу искреннее благоговение и почтительную любовь, она беспрекословно исполняла все то, что блаженный ей приказывал: велит вымыть рубаху, – вымоет, велит запретить быков, – идет запрягать, пошлет на Днепр вымыть «чоботы» (сапоги), – исполняет и это. За такие постоянные услуги и безотчетное послушание – любил Пелагею и старец и не раз ограждал ее от разных искушений и бед. Пришел однажды в лавру из Афона некий старец – иеросхимонах и предложил Пелагею и трем другим послушницам хутора постричься тайно в монашество. Не желая принимать сего заманчивого предложения без благословения старца Феофила, послушницы отправились к нему на совет. Блаженный, ни слова не говоря, вынес им булку без мякиша и сказал: «ваши мысли так же пусты, как этот хлеб», и запретил Пелагею смущаться тщеславными помыслами... В другой раз призывает ее старец к себе и дает бутылку: «иди купи себе меду, ладану да свечей, – говорит он, – да помни 12-е число». Пелагея купила и принесла. Старец встретил ее на гребне, окруженный множеством народа и спрашивает: «ну что, купила?» – «Купила, батюшка», – отвечает Пелагея. «Ну так начинай молиться за моего отца, а я буду сейчас молиться за твоего батьку». И стал посреди улицы поклоны выбивать. Пелагею стыдно: кругом народ стоит, словно на диво смотрит. Но, поборов смущение, стала выбивать поклоны и она... Прошло несколько дней. Вдруг получает Пелагея с родины письмо, что 12-го числа того же месяца – отец ее от болезни скончался...

Но возвратимся к цели нашего рассказа. Встречает однажды старец Феофил Пелагею на дороге и приказывает ей взять бычка на веревку и вести его к Лавре, а сам повернулся на телеге к востоку и принялся за обычное чтение Псалтири. Когда они проезжали за Зверинцем, по той местности, где ныне находится Св.-Троицкий Ионовский монастырь, блаженный остановил бычка и велел своей спутнице дать ему сена, затем подозвал ее к себе и говорит:

– Пелагея!... Если бы ты забросила на глубину Днепра большой невод, то что вытащила бы им?

– Да все, батюшка, – отвечала, подумав, Пелагея, – и больших рыб и малюсеньких... Были бы в нем и щуки, и караси, и плотва... Были бы в нем и ракушки, и лягушки...

– Ну так вот, знай... На сем месте скоро воссияет благодать Божия и на нем выстроят большой монастырь. И как в сети ловителя – рыбака попадаетея всякая всячина, так и в сей юной обители не все будут одинаковы по своему духовному росту... Будут появляться в ней и «щуки» высокой подвижнической жизни, станут прокрадываться в нее и ничтожные «раковины», мало пекущиеся о чистоте души.

И возрев глазами на небо, старец благословил сие место на все четыре стороны и, помолившись здесь с полчаса, продолжал свой путь в лавру.

И вот ныне, когда предречение блаженного старца сбылось во всей точности, и, вместо сыпучих песков, перед нашими глазами красуется цветущий, благоустроенный монастырь, невольно приходят на память пророческие слова: Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая и расцветет как нарцисс. Великолепно будет цвести и радоваться... и увидит славу господа, величие Бога нашего... ²⁷.

Иеросхимонах Иероним Соловецкий

(Память 23 сентября)

О. Иероним, в мире Иерофей Лукин, сначала состоял в гражданской службе с 1782 по 1795 год; потом поступил в Новгородский Хутын монастырь, где в 1799 году пострижен в монашество. В иеромонаха он рукоположен в 1808 году в Московском Новоспасском монастыре, после чего служил при Московском синодальном доме. Во время нашествия французов Иероним трудился при отправлении из Москвы патриаршей ризницы и, выехав с нею, не имел времени сохранить свое имущество. По окончании войны он перешел в Черноморскую Николаевскую пустынь Екатеринославской епархии, а через четыре года переместился в Новгородскую епархию. Будучи близко знаком с Фотием, впоследствии Юрьевским архимандритом, а в то время законоучителем кадетского корпуса, Иероним узнал от него о распространении в обществе масонства и противных православию учений, и решился донести и правительству. За это донесение он послан был в Петропавловскую крепость, из которой в 1830 году переведен под строгий надзор в Соловецкую обитель. Иероним со слезами принял объявление о выводе его из Петропавловского каземата. «О чем плачешь»? спросил его комендант. «Поверьте», отвечал узник: «я не нашел лучше место для иноческого подвига». Хотя Иероним не учился в школах, но, при обширном уме, он сам образовал себя духовным чтением и беседами с духовными старцами, с которыми приходилось ему встречаться на жизненном пути. Он имел увлекательный дар слова и редкую силу убедительности; советы его были особенно полезны для боримых помыслами и смущаемых совестью. Наставления его, основанные на опыте, были истинным врачевством духовным. Вот что говорил он о современных монахах строгой жизни:

«Не мни кто-либо, чтобы ныне не было сподобившихся дара умной молитвы. В Гороховском Николаевском монастыре жил монах о. Амвросий, бывший ученик Паисия Молдавского. Амвросий, недалеко от монастыря, в селении, имел друга,

художеством иконописца, именем Афанасия. Однажды Амвросий ночевал у Афанасия, расположившись для сна во дворе. Афанасий ночью, выйдя на двор, увидел Амвросия стоящим на коленях и молящимся, и лице его сияло необыкновенным светом. Афанасий ужаснулся; когда же заметил это Амвросий, закричал: «не верь, не верь: это прелесть»; потом не велел сказывать виденного никому. Это слышал я от самого Афанасия. У Амвросия в том же монастыре был также сподвижник и ученик Паисиев, имевший не меньшую благодать, именем Афанасий.

Излишним считаю говорить о богоугодной жизни схимонаха Василиска Валаамского. Василиск был представлен митрополиту Гавриилу, желавшему видеть его.

Я знал в Москве простого мужа Гр. Фед-ча, по прозванию Гончара. Он был знаком митрополиту Платону и пользовался его расположением. Однажды между разговорами о спасении, Гончар, начал творить молитву и потом просил у Платона дальнейших наставлений. Владыка послал его в Песношский монастырь к иеромонаху Самуилу. Пошел к нему Гончар, посоветовался и возвратился домой в крайнем молчании; оставил всю домашнюю заботу; устроил себе в доме укромный чуланец; поставил в оном образ с лампадкою и начал безмолвствовать. В церковь же ходил всегда и был до смерти церковным старостою. За смирение и милосердие к нищим, Бог явил ему его кончину.

В Оптинском Новгородском монастыре был известный мне обитель безмолвия и сердечного трезвения, монах Патермуфий. Он жил в Отне, пока народу ходило туда новую широкую дорогу от Новгорода, Патермуфий бежал и начал жизнь юродственную. Митрополит Гавриил, уважая его, позволил пребывать, где захочет. И жил он в Новгороде и Петербурге, где попало, и часто по ночам при церквях молился. Ходил, в чем попало; я видал его сидящим на распутиях с несколькими в руках копейками, как бы милостынею; но, что ему давали, все раздавал нищим. Иногда видал в Хутынском Ореховском саду, сидящего суток трое и сильно искусанного комарами. Он тридцать лет ни с кем не говорил. Все Священное и отеческое Писание знал вполне; имел дар прозорливости и рассуждения. Кто с верою спрашивал

о чем, отвечал минами и верно. Скончался и погребен в Невской лавре.

Знаю и ныне богоугодных подвижников, в трезвении сердечном занимающихся Иисусовой молитвою; но Испытующий сердца и утробы и Исчитаяй множество звезд, знает и видит их лучше меня».

Иеросхимонах Иероним почил с миром о Господе в Анзерском скиту 1847 года, сентября 23 дня, 82 лет²⁸.

Игуменья Евпраксия

(Память 23 сентября)

Староладожский Успенский женский монастырь С.-П.-Бургск. Епархии – один из древнейших монастырей епархии – много пережил в течение своей более чем пятивековой жизни и видел немало горестных событий, но бывали и радостные дни в его судьбе, являлись личности, которые своею жизнью и деятельностью надолго оставляли по себе светлый след, вызывали по себе благодатную память, светлые воспоминания.

Такою светлою личностью и была в недавние времена игуменья Евпраксия, скончавшаяся 23 сентября 1823 года, о которой мы и скажем здесь несколько слов.

Игуменья Евпраксия в мире называлась Евдокиєю; она родилась в 1734 году. Родители ее были: отец – купец, а мать из священнического рода, жившие в С.-Петербурге, где ее дядя был придворным протоиереем, а сестра и племянницы были в замужестве за дворянами. Рано оставшись сиротою, Евдокия, желая избежать супружества, удалилась из дома дяди в г. Арзамасе, где десять лет прожила в Алексеевском женском монастыре в трудах и молитвенных подвигах. Не сразу далась легко юной подвижнице иноческая жизнь. Крепкого здоровья она не имела, и первое время скудная монастырская трапеза вредно отозвалась на ее здоровье. Евдокия заболела расслаблением и горько плача, просила у Божией Матери помощи и восстановления сил. И дивная помощь скоро явилась. Однажды, во время праздничной всенощной, когда больная лежала в изнеможении, вдруг она услышала стройное пение и увидела, как ее келья вдруг открылась, и в нее вошли два светлых мужа, неся икону Успения и поя тропарь этого праздника. Больная молитвенно устремила свой взор к иконе. Лик Пречистой на иконе ожил, Богоматерь поднялась с ложа и сказала болящей: восстань и укрепляйся, ты должна послужить Мне еще много. Евдокия тотчас стала здоровою, видение скрылось. Когда пришли сестры и увидели Евдокию здоровою, умилились и прославили Бога. К концу десятого года жизни в Арзамасе Евдокии, стало ее

пребывание известно ее дяде, который и потребовал выслать племянницу в С.-Петербург. Возвратилась Евдокия к дяде, но ненадолго. Скоро она удалилась в Староладожский монастырь, а с провожавшим верным слугою наказала дяде, что она в миру жить не будет, сколько бы ее к этому ни склоняли. Тогда и дядя оставил ее в покое, и жизнь ее потекла по возлюбленному пути...

Игуменья Евфимия приняла Евдокию благосклонно и отвела ей отдельную келью, где Евдокия и проводила дни свои в строгом воздержании, питаясь только хлебом и квасом, который раз в неделю приносила ей одна Ладожская женщина. Особым послушанием Евдокии в эти годы было чтение Псалтири по усопшим. Будучи тверда духом, она одна ходила по покойникам и, несколько более должного полагаясь на свои силы, пренебрегала осторожностью и получила вразумление. Однажды она в церкви, глухою осеннею ночью читала над покойником из мирян, который, как ей показалось, вдруг поднялся и, ужасный видом бросился на нее. Испуганная Евдокия бросилась в келью и замертво упала на ее порог. На утро нашли ее в глубоком обмороке. С тех пор она уже на полагалась слишком на свои силы. В декабре 1777 года Евдокия была пострижена с именем Евпраксии, а 2 февраля 1779 года была преосвященным владыкою С.-П.Б. Гавриилом возведена, в лаврской Благовещенской церкви, в сан игуменьи Староладожского монастыря. С этого времени в жизни подвижницы наступил новый и самый трудный период, когда она подвиг пустынножительства дивно сумела сочетать с подвигом управления обителью.

Как игуменья, блаженная Евпраксия была дивно-мудрою. Главное внимание она обратила на благолепие храмов и истовое и благолепное совершение богослужения. В частности она любила и всячески заботилась, чтобы во время службы храм всегда был обильно освещен. На храмовые праздники в ее игуменство всегда приезжали архимандриты из Лавры, которых игуменья всегда встречала звоном церковных колоколов, сама всходя на колокольню; в другие праздники собиралось окрестное духовенство. Она много потрудились над благоустройством и

украшением храмов ограда и колокольни. И благодатная помощь свыше не раз являлась ей в минуты затруднения. Однажды, во время постройки колокольни не хватало для продолжения дела средств. Блаженная весьма скорбела, – и вот ей в сонном видении явилась св. великомученица Варвара и обещала помощи свыше. И на другой же день от помещицы Желтухиной явилась посыльная женщина и принесла конверт с потребною суммою. В другой раз, когда везли колокол из С.-П.-Б-га и настигла их буря, Евпраксия, не оставив колокола, в холоде усердно молилась Богу, прося дать конец буре, а ее спутники были в деревне. Евпраксии явились преподобные Сергей и Герман Валаамские и Александр Свирский и утешили: колокол скоро был привезен, и сама Евпраксия, на блоках поднявшись с крестом, водрузила его над колокольнею. Строя монастырской жизни она не изменяла на общежительный, но всячески заботилась о благополучии жизни сестер, принимала же их с большою. Осторожностью и иногда их строго испытывала. Так, когда пришла к ней ее впоследствии любимая ученица Елпидифора, Евпраксия сначала ее не приняла и даже строго приказала уйти, но потом, когда непреклонность Елпидифоры явно обнаружилась, приняла с радостью. В жизни от монахинь игуменья требовала строго исполнения правил иноческой жизни. И неудивительно, если в ее время жизнь монахинь стояла на редкой высоте. Пересудам, зависти, лени не было места. Сама игуменья подавала высокий пример воздержания и трудолюбия. Многие были истинными подвижницами. Но особенно любовь Евпраксии выражалась к сестрам во время их болезни, когда блаженная сама ухаживала за ними и всячески облегчала их страдания. Так, когда была опасно больна Елпидифора, и ей в видении было показано, что получит исцеление после посещения часовни на Абрамовщине, игуменья, только что туда сходявшая, опять, несмотря на непогоду, сходила и там помолилась о болящей, и та скоро поправилась, умывшись водою из колодца при той часовне. Когда ею овладевал дух раздражения, и блаженная не могла сдержаться, по миновании его, она первая просила прощения и умоляла потерпеть. Так, когда враг возмущал долгое время дух

раздражения против Елпифидоры, Евпраксия всегда первая потом коленопреклоненно искала примирения и умоляла усерднее молиться. И по слезной молитве дух раздражения оставил ее, и благодатный мир водворился между ними. Игуменью всегда и глубоко уважали и такие люди, как С.-Петербургские Владыки, подвижники благочестия: Феофан Новоозерский, Феодор Санаксарский, Назарий Валаамский и другие. Ее хотели назначить начальницею Смольного монастыря, но она отказалась, предпочитая быть лучше в бедной обители. Для обители она средств просьбами, хождениями, разыскиванием благодетелей – не изыскивала, но молилась, и по своей молитве скоро получала потребное. Нередко рыбаки, закидывая мрежу на счастье Евпраксии, получали обильный улов; было много и других подобных случаев. Но в то же время Евпраксия отличалась великим смирением. Когда ей хотели дать наперсный крест, она отказалась и от сей награды. В то же время она отличалась и крайним нестяжанием, и когда умирала какая-либо из монахинь, блаженная Евпраксия, раздавая сестрам именице покойной, себе ничего не брала. Ходила она скромно одетою. Однажды привелось ей быть в приемной митрополита, когда там дожидались приема две знатные игуменьи. Они спросили важно Евпраксию: зачем она тут, а когда услышали. Что есть дело к Владыке, сухо заметили, что ее не примет, за болезнью, а только их. Каково же было их смущение, когда секретарь объявил, что митрополит примет только одну Евпраксию. Так смиренных Сам Господь превозносит, несмотря на их видимое унижение. Самый вид благолепной старицы, сиявшей красотою внутреннего благообразия, сила и сладость кроткого ее слова, – все возбуждало неизъяснимое влечение к старице. Деятельная, распорядительная, блаженная старица Евпраксия управляла монастырем 43 года (1779–1822 г.) и 22 июля 1822 года испросила увольнения на покой.

Одновременно с подвигом управления обителью она, как сказано выше, несла еще подвиг пустынный. Устроив в трех почти верстах от обители часовенку, крест, перенесенный из обители после падения с Успенской церкви, колодезь в Абрамовском леску, Евпраксия часто утром удалялась туда на

молитву до позднего вечера и там усердно молилась. В дождь, ветры, снега, бури, распутицу, темною ночью – ходила туда Божия избранница и ничего не боялась. Истерзанная терниями, комарами, мошками, зноем, холодом она возвращалась в нетопленную комнату и опять молилась. Не раз в пути ей сопутствовал дивный свет, волки бегали с нею, что ручные собачки, галки привели ее к дереву, около которого блаженная обронила свой ковчежец с св. мощами, дивный столп огненный спас ее от ножа беглого солдата, который ее молитвами потом, принеся покаяние, вновь был принят на службу и зажил прекрасно. Придя с сломанною рукою на Абрамовщину, Евпраксия получила после молитвы полное исцеление. Вода из колодца на Абрамовщине и по смерти блаженной источает исцеления: так исцелились две девицы от расслабления. За несколько времени до смерти блаженная приняла в Великий Четверг елеопомазание и узрела над собою распростертую десницу, в другой же раз она видела спасителя на облаках, и предсказала скорое возвращение с отечественной войны одного помещика слегка раненным. Так еще при жизни раба Божия верная труженица была свыше прославлена самим Господом. Оставив бремя правления, Евпраксия остаток дней своих проводила в строгом затворе, не вмешиваясь в дела и только изредка смиренно ходатайствуя за сестер и смиренно перенося суровое обращение новой игуменьи. В дни немощи она вкушала также умеренно, принимая и чай или кофе. Незадолго до смерти, Евпраксия удостоилась предуказания времени кончины. Среди многих видений, каких удостаивалась блаженная, она часто видела древнюю инокиню Акилину, возобновительницу обители после смутного времени. Блаженная древняя старица, являясь в мантии и с посохом, обходила ночью монастырь и всегда скрывалась в стене соборной церкви, где под крайним окном, как полагала или знала по откровению Евпраксия – находятся мощи ее. Эта то избранница Божия, явившись Евпраксии, постоянной молитвеннице за нее, сказала: готовься, ты скоро соединишься со мною. И, действительно, приняв Св. Тайны, блаженная почил 23 сентября 1823 г. По смерти ее оказалось, что она была пострижена в схиму; эта схима и была положена с нею в

гроб. Когда омывали тело почившей, оное дивно само собою оказалось в сидячем положении. Погребли ее на пятый день по преставлении, но и тогда не было заметно тления, а исходило некое благоухание. Погребена блаженнопочившая Евпраксия за окном главного Успенского алтаря. На ее могиле плита с иссеченною собственноручно почившею надписью. Многие с верою притекают к могиле почившей старицы и молятся об упокоении ее сердобольной, благоговейной души в вечных райских селениях. Годы быстро несутся, и приближается грозный суд Христов. Но память подвижницы благочестия не умирает, и ее величавый образ всегда жив в сердцах ревнителей благочестия. Вид старицы был таков: невыского роста, тонкого телосложения, в шапочке, мантии и с жезлом в руках.

Ей, глаголет дух: блажени мертвии, умирающие о. Господе: почиют от трудов своих²⁹.

Киево-Печерский затворник Досифей

(Память 25 сентября)

В 1721 году, в богатой и знатной семье Рязанских дворян Тяпкиных родилась дочь. Младенец был крещен, и наречено было имя ему Дарья. Незадолго до появления на свет, бабушка ее, желая посвятить остаток дней своей жизни на служение Богу, отправилась по обещанию в Московский Вознесенский монастырь и там постриглась в монахини с именем Порфирии. Монастырь этот первоначально построен великою княгиней Евдокией, супругою Дмитрия Донского, а сама княгиня, во инокинях Евфросиния, нетленно почивает в главном храме воздвигнутого ею монастыря. Монахиня Порфирия не пожелала никуда более удалиться на покой, как только под кров и заступничество той, от мужа которой ее давнишние предки, за свою верную и честную службу, получили большое богатство и высокую знатность рода.

Когда малютке Дарье исполнилось два года, благочестивые родители ее решили отправиться в Сергиевскую лавру на богомолье. Не желая оставлять Дарью на попечение слуг, они взяли ее с собою. По пути они заехали в Москву и, поклонившись Кремлевским святыням, остановились в Вознесенском монастыре. Чтобы погостить несколько дней у старицы Порфирии. Когда бабушка в первый раз увидела свою внучку, то до того привязалась к ней всей душой, что ни за какие блага не пожелала расстаться с маленькой Дарьей.

«Нет, – сказала она. – я ни за что не отпущу ее! Пуская эта малютка будет для меня здесь светлым ангелом, покоящим исход моей старости... Я отдам ее на попечение блаженной княгине Евфросинии, и она, своими святыми молитвами и материнским хотением, поведет ее благим путем жизни».

Долго нее решались родители расстаться с маленькой Дарьей, но, видя неотступные просьбы богобоязненной старицы Порфирии, с глубоким сожалением оставили Дарью в Москве.

С этого времени маленькая Дарья поселилась у бабушки в келье. Изредка только, когда бабушка Порфирия праздновала

день своего ангела, собирались к ней с поздравлением почтенные старицы-монахини. Да и то ненадолго. Бабушка со внучкою почти все время бывали в келье одни.

Дарья от природы была девочка кроткая, вдумчивая, памятливая, умная. Каждое движение бабушки не ускользало от внимания ее пытливых очей. Каждое мудрое слово и ласковый совет глубоко западал в ее чуткое сердце.

Кієво-Китаєвская пустынь

Кієво-Печерський затворникъ Досифей

Рано приучила бабушка Дарью к послушанию и порядку. Чуть только солнышко заглянет, Дарья словно трудолюбивая пчелка с постельки поднимается, помолится и скорее за работу.

Все образа от пыли насухо перетрет, лампадки перед ними заправит, постельку бабушке приберет, келейку подмоет; всюду чистоту да порядок наведет. И любили они друг друга; все вместе. Не раз бывало, проснувшись ночью, и не видя в постели близ себя любимой бабушки, Дарья подымала с тревогой голову и спрашивала: «Бабушка, где ты?» А в это время бабушка безмолвствовала. Углубившись в молитву, она стояла на коленях в углу и, ежеминутно осеняя себя широким крестом, полагала перед образами бесчисленные поклоны.

«Бабушка, да где же ты?» – снова беспокоилась Дарья. – «Мне страшно бабушка... Я боюсь одна"... «Спи, мое дитячко... Спи, родимое... Милость Господня с тобой», – отвечала ей, услышав ее голос, бабушка и успокоив малютку, снова углубилась в молитву. Но Дарья не спала, внимательно следила она за движениями бабушки. Большие разноцветные лампы ярко теплились перед дорогими образами, едва освещая окружающие предметы и распространяли по келье приятный полусвет. Кругом была мертвая тишина. Только изредка слышно было, как старческие губы богобоязненной Порфирии шепотом твердили святые слова вдохновенной молитвы. Добрым семенем запали они в детское сердце ее внучки.

Монахиня Порфирия давно видела благие стремления понятливой внучки и со всем рвением многоопытной души спешила посвятить маленькую Дарью в тайну величия Божия.

С глубоким вниманием слушала маленькая Дарья мудрые наставления бабушки Порфирии. Детское сердце ее, объятые огнем божественной любви, от всей чистоты своей возлюбило Распятого господа. Храм Божий сделался для нее с этих пор самым излюбленным местопребыванием.

Дарья росла и крепла телесно, развивалась и совершенствовалась духовно. Грамоте Дарья научилась в монастыре и к 7 годам знала наизусть много молитв. Много

труда и мудрости употребила бабушка, чтобы воспитать ее в страхе Божием. Увидала, например, однажды, что Дарья по нерадению не подала милостыню бедняку, тотчас позвала его в келью и заставила внуку служить ему за столом.

Бабушка приучала ее к бережливости и труду.

Когда Дарье исполнилось 9 лет, родители порешили взять ее из монастыря. Не по сердцу пришлась такая весть благонравной юнице. Честь дворянского рода, к которому принадлежала Дарья, требовала от нее светского воспитания и разностороннего образования в науках. Об этом-то больше всего и беспокоились ее родители, для этой цели они и приехали за нею в Москву. Кроме того, бабушка Порфирия, чувствуя ослабление сил и приближение смерти, возымела ревностное желание облечься в великий ангельский образ – схиму. Благословив внуку маленьким образком, старица Порфирия рассталась с нею навсегда. Прошло недели 2–3, и юная подвижница Дарья переступила порог родительского дома!

Жутко показалось Дарье на первых порах ее новой, неизведанной жизни. Дарья вышла из монастыря совершенно монахиней. В среду и пятницу она не принимала ровно никакой пищи. Да и в прочие дни ни мяса, ни молока, ни яиц совсем не вкушала. Как истая христианка, Дарья была смиренна и незлобива: кроткая поступь, кроткое сидение, кроткий взгляд, кроткое слово. С высшими и низшими по званию была одинаково равна, никому не противоречила и никого не оскорбляла ни словом, ни делом. Только и старалась об одном, чтобы не досадить чем-нибудь ближнему своему. Даже крепостная девушка, приставленная к Дарье для комнатных услуг, получала от нее одну лишь сердечную усладу и большое душевное утешение. Несмотря на окружавшую ее роскошь и богатство, Дарья не искала земной пышности, славы и блеска. Она и теперь старалась быть утешительницею печальных: вводила бедняков в свою комнату и разделяла с ними хлеб и питание.

Постелью служила ей узкая доска, а изголовьем подушка из сена.

Много натерпелась юная подвижница. Много тайных слез пролила она. Уж очень не нравилось ей жить с родными дома в

семье. Слишком шумно да весело было там. Ей было в то время 15 лет. И хотя тело ее было измождено суровым постом и молитвою, однако это не могло лишить ее природной красоты. А родные только того и ждали, чтобы поскорее ее отдать замуж. Она же ждала только удобного случая, чтобы покинуть навсегда родительский дом и мир.

Наступил 1736 год. Стоял май, когда, оставив родительский дом тайно, Дарья направилась к Москве. С трепетом вся преисполненная духовной жажды молилась она там. Оставалась избрать место для начала иноческих подвигов. Дарья направилась было в Вознесенский монастырь. Войдя в церковь, она увидела бабушку, которая спокойно молилась перед образом Богородицы. Посмотрев на старицу, Дарья вышла из монастыря, остригла волосы, приобрела на базаре мужское крестьянское платье и, переодевшись в него, направилась в Троице-Сергиевскую лавру.

Трудно было признать в Дарье девушку, да еще благородного, знатного рода. Бледное, исхудалое лицо, загорелое от солнца и долговременного путешествия. Изменило, нежные очертания красивого девичьего лица и сделало их более грубыми и мужественными. Низкий голос и степенная равномерная походка также не могли вызвать никакого подозрения. Монастырское начальство приняло Дарью весьма благосклонно. Но, проведав о том, что Досифей – таким именем назвалась Дарья. По прибытии в лавру, не кто иной, как беглый юноша-крестьянин, отказалось наотрез постричь его в иноческий образ. Долго рассуждали старцы об этом и наконец разрешили Досифею пребывать в Лавре тайно, на послушании.

Оставаясь непрестанно на страже внимания, Досифей, – так будем называть ее, – хранил глаза и уши свои, чтобы не услышать чего-либо могущего осквернить душу. Наблюдая чрезвычайную скромность и строжайшую умеренность, уклонялся от непутных, даже самых необходимых разговоров с мужским полом и, чувствуя себя совершенно беспомощным находиться без присутствия благодати Божией, непрестанно молил Господа о неоставлении и помиловании его.

Прошло три года. Изнемогшие от горя родители, испытав все способы к отысканию пропавшей дочери, потеряли всякую надежду на ее возвращение и, наконец, решили попытать счастья: лично приехали искать Дарью по Москве. На вопросы их у схимницы Порфирии, – старица, конечно, не могла дать никакого ответа. Тогда в большом отчаянии и сердечной тревоге родные отправились в Лавру преподобного Сергия и там усердно просили Бога и святых угодников Его, дабы им был открыт след пропавшей дочери. Молитва родителей была услышана. Когда мать со своей старшею дочерью стояли в церкви около солеи, мнимый послушник Досифей часто проходил около них, зажигая и погашая пред иконами свечи. Долго и внимательно разглядывала его родная сестра и, приковавшись вниманием, заметила в лице его удивительное сходство со своею пропавшею сестрою, о чем и сказала матери.

В это самое время Досифей оглянулся на толпу. С глубоким вниманием устремила мать свой пытливый взор в родное детище, и какое-то внутренне чутье тотчас подтвердило ей предположение старшей дочери.

Вблизи проходил знакомый иеромонах. Старшая сестра тотчас остановила его и, указывая глазами на Досифея, попросила привести его к ним на гостиницу. Иеромонах утвердительно кивнул головой и, не расспрашивал о причине этого желания, пошел дальше.

Когда обедня окончилась, и люди стали выходить из церкви, иеромонах подошел к Досифею и, указывая перстом на шедших в толпе народа мать и сестру его, ничего не подозревая, передал их приглашение.

Досифей же мгновенно угадал, что это были за люди.

Наскоро, зайдя в келью и собрав свои вещи и накинув на плечи котомку, Досифей немедленно вышел за монастырские ворота и направился в Киево-Печерскую лавру.

Тяжел и долог был его путь. Но, наконец, путник достиг Киева. С великою радостью вошел Досифей под кров обители и, поклонившись св. мощам угодников Божиих, направился к настоятелю Лавры архимандриту Иллариону. Представ перед ним, Досифей сказал:

«Отче, святой! Я крестьянин некоего из великороссийских бояр. Зовут меня Досифей. С юных лет возымел я желание быть монахом и решил посвятить себя на служение Распятому Христу. Не оставь моей скудости. Прими меня под кров Небесной Владычицы. Верь, что я буду трудиться здесь до последнего издыхания и ни единым жестом не посмею осквернить благодатной святыни».

Настоятель осмотрел Досифея и, не решаясь лично приютить беглеца, доложил об этом митрополиту Рафаилу.

Благочестивый архипастырь тотчас призвал Досифея к себе и, видя пред собою благообразного юношу-крестьянина, удивился его начитанности и обширному уму. Долго беседовал он с удивительным беглецом и, хотя принял его благосклонно, однако тоже отказался исполнить его заветное желание.

Рассудив обо всем, Досифей решился на последнее средство. По примеру начальника русского иночества преп. Антония, он избрал себе древний вид отшельничества – пещерное житие. Досифей стал обходить Киевские обители, ища себе подходящего убежища. Но, не найдя ничего в самом Киеве, отправился за город, в Китаевскую пустынь, и там, обходя окрестные горы и леса, нашел большую высокую гору «Китай». Гора эта, окруженная с юга и севера лесами, находится на две с половиной версты от Днепра, и с вершины ее видна окрестность на большое расстояние, даже до Триполя...Осмотрев ее с разных сторон, Досифей нашел на Китай-горе много пещер, по которым видно было, что киевские подвижники издавна приходили сюда на подвиг уединения. Не желая пользоваться плодами чужих трудов, Досифей собственноручно вырыл у вершины горы небольшую пещерку и тайно поселился в ней.

Никто не обратил на него внимания. Никто не преследовал его здесь.

Несколько лет прожил Досифей в пещере, проводя строгую, суровую жизнь. Всю посвященную подвигам само испытания. Очищения сердца и устремления ума к Господу Богу и вечному блаженству. Питался он только хлебом да водою, которую приносил ему один инок Китаевской пустыни. Когда же наступал Великий пост, Досифей затворялся наглухо и выходил только по

ночам, чтобы набрать мху и корней, которые служили для него тогда постоянной пищей. Вещественным огнем Досифей также не согревался в пещере. Когда его спрашивали об этом, Досифей со вздохом отвечал:

– «Господи, Господи! Во свете лица твоего узрим свет. Бедные мы грешники. Укрываясь от глаз человеческих темнотой ночи, мы все думаем, что нас не замечает никто. А Бог? Не на всяком ли месте очи Господни смотрят злые и благия? Ибо даже ад и пагуба явны пред Господом: како не и сердца человеков? Итак, око Божие видит все. Ангел-хранитель да человеческая совесть суть свидетели всякого рода мыслей и дел. Сознывая сие, для меня все равно: – горит ли огонь в моем жилище или нет, я всегда могу лицезреть своим умом Вышнего, Который стоит близ меня и внимает моим словам».

Другим Досифей говорил:

– «Не говори о пище, жилище и других маловажных вещах, а со страхом и трепетом проходи житие свое. Как райскую птичку береги страх сей, чтобы не улетел. Улетит – не поймает. А для сего затвори двери своей кельи, собери мысли и свяжи чувства вниманием. Утехи минуты, а добродетель бессмертна. Коли ты обладаешь разумом, – выбирай любое».

И дабы сохранить слезы умиления и любви ко Христу, он разными способами умерщвлял свою плоть, ни давая ей ни отдыха, ни покоя. И чем больше Досифей побеждал себя, тем скорее приобретал мир.

Однако, недолго скрывался любитель безмолвия от взоров человеческих. Как ни избегал Досифей человеческой славы, как ни затворялся наглухо от любопытства людей, – стал прославляться среди окрестностей Киева; по времени он сделался известен и самому Царствующему Дому.

В 1744 году Киев посетила императрица Елисавета Петровна с наследником престола Петром Феодоровичем и его невестой Екатериной Алексеевной.

В продолжение всего своего пребывания в Киеве, Государыня неоднократно посещала Ближние и Дальние пещеры, бывала в Софийском соборе, Михайловском и

Фроловском монастырях, также и в других Киевских храмах и святых местах.

Наслышавшись из рассказов окружавших ее лиц о живописной местности Киево-Китаевской пустыни, она видимо заинтересовалась ею и пожелала немедленно посетить ее.

Прибыв туда со многими духовными и светскими особами и поклонившись святому месту, где жил некогда предок ее, великий князь Андрей Боголюбский, Государыня услышала о богоугодно жившем на Китаевской горе пещернике Досифее и пожелала видеть его.

С изумлением открыл Досифей отверстие своего пещерного жилища и, выйдя не свет, увидал пред собою царицу. Сознывая, что перед ним стоит сама императрица, окруженная блестящею свитой, Досифей поклонился ей до земли и низко потупил свой взор.

– Давно-ли спасаться стал, раб Божий?– ласково спросила его Елисавета Петровна.

О многом расспрашивала императрица Досифея и, после долгих разговоров узнав, наконец, что Досифей до сего времени не пострижен и о причине этого, повелела немедленно постричь его в рясофор и даже сама, на другой день, присутствовала при обряде пострижения. Имя Досифей пожелал оставить прежнее, без изменения.

Расставаясь с Досифеем, Государыня вручила ему кошелек, наполненный золотом. Но затворник, проводя Императрицу, золота в пещеру не внес, а положил его в глиняном черепке у дверей, пока по его совету знакомый крестьянин не отнес кошелек в Киево-Печерскую лавру, где и представил Духовному Собору.

С общего совета Соборных старцев и с согласия монаха Досифея, решено было на эти деньги выстроить в селении Пирогове церковь, что и было сделано.

Долгое время, после пострижения в рясофор, прожил Досифей в пещере, проводя время в алчбе и жажде, терпеливо перенося тесноту, холод и различные страхования от бесов.

Одаренный от природы светлым и обширным умом и имея в себе великую духовную опытность, Досифей привлекал к себе

сердца многих православных; всякого рода нищие духом и больные сердцем являлись к нему целыми толпами за советом и утешением. Досифей никуда не выходил из своего убежища и никто не принимал к себе. Желавшие получить от него благословение и наставление, могли беседовать с ним только через маленькое окошечко.

Советы его были мудры; он обладал даром прозрения и читал в сердцах людей.

– «Батюшка, – сказал раз Досифею один знатный Киевский вельможа, – помогите!... У меня случилось большое несчастье... Видно Бог оставил и не слушает меня».

– «А ты зачем затыкаешь уши свои от речей, коими умоляют тебя нуждающиеся? – возразил ему затворник. Вот потому то не слушает и тебя Господь. «Иже затыкает ушеса своя еже не послушати немощного: и той призовет и не будет услышан"... Но ты не скорби... Это не беда еще... А будет горе, если Господь не послушает тебя, когда станешь молиться Ему об отпущении грехов».

Досифей утверждал всех в христианских добродетелях и умел применять свою речь к положению, званию и состоянию каждого человека. Со старцами говорил о молитвенном упражнении и постоянном богомыслии, с молодыми – об опасности страстей и прихотей, с отцами – о воспитании детей, с детьми – о страхе Божиим и проч. Он обличал тайные прегрешения, возбуждал к покаянию и предостерегал от будущих бед и искушений. Замечали, что когда Досифей давал просфору или жезл, то этим означалось выздоровление и благоденствие, а когда ладан, то этим предвещалась смерть...

В это то самое время, как раз в полный расцвет Досифеевой славы, стал приуготовляться Богом к возжению новый светильник земли Русской преп. Серафим Саровский. И от этого великого затворника он получил совет решивший всю его дальнейшую жизнь.

Поиспедавшись и приобщившись Святых Таин, узнал Прохор о замечательном подвижнике старце Досифее и с великою радостью направился к нему.

Последний, видя пред собою юношу, с вполне определившимся духовным складом, и с распаляемою божественным желанием, чистою, рвавшеюся к Богу душою, одобрил намерение Прохора быть иноком и указал ему на Саров.

– Гряди, чадо Божие, в саровскую обитель и пребудь там. Место сие будет тебе во спасение. С помощью Божиею скончаешь там свое земное странствование. Только старайся стяжать о Боге непрестанную память и постоянно призывай имя Его тако: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного"... В том да будет все твое внимание и обучение. Ходя и сидя и стоя в церкви да будет сие непрестанное твое во устах и в сердце. С ним найдешь покой и приобретешь душевную и телесную чистоту. И тогда вселится в тебя дух святой, и управишь жизнь свою во всяком благочестии и чистоте...

Отпуская его старец прибавил:

– Там, в Сарове, настоятелем о. Пахомий, он богоугодной жизни и последователь преп. отец наших Антония и Феодосия...

Этому совету и последовал Саровский чудотворец.

Спустя двадцать лет со дня удаления Досифея в затвор, он вторично увидел пред собою родную сестру. Родители Досифея давно уже скончались. А удрученная тоскливым одиночеством сестра его решила посетить Киев. Помолившись здесь Богу, она пришла к затворнику Досифею и стала рассказывать ему о семейных несчастьях и о безвестно пропавшей сестре, которая не разыскана до сего дня. Она не узнала его, ибо, беседуя с родною сестрою, старец Досифей не показал своего лица. Прощаясь с нею, он дал совет не допытываться, если кто-либо из родных скрылся из дому ради Господа.

Когда же последовал указ, чтобы «отшельника не быть нигде», по причине последовавших на Руси некоторых злоупотреблений, лаврские старцы, не желая быть нарушителями Царского указа, предложили Досифею переселиться в Лавру. По прибытии сюда, старец избрал себе место на дальних пещерах и, не изменяя своих обычаев и жизненных правил, продолжал жить там уединенно – затворником. Пищу он получал по желанию от Лавры, которую

ему приносил один послушник тогда, когда подвижник считал нужную к употреблению

Имя келейнику старца Досифея было Феофан. Много душевной пользы принесло Феофану сближение со старцем Досифеем и под влиянием этого вскоре у Феофана возгорелось желание посетить св. места Иерусалима. Придя к Досифею, он стал просить у него благословения на дальний путь. Но прозорливый старец так отвечал:

– Нет тебе пути ни в Иерусалим, ни в святую Гору. Тебе предстоит в свое время другой путь... А теперь, если желаешь, отправляйся в Молдавию... Это путешествие тебе будет на пользу. Ступай сейчас на Подол, там найдешь двух молдавских иноков, которых и приведи сюда.

Феофан беспрекословно повиновался, Пришедши на Подол, он действительно нашел там двух иноков, которые пришли в Киев из Молдавии. Один из них, по имени Софроний, оказался не кто иной, как друг и спостник Великого Паисия, и был впоследствии архимандритом. Феофан стал усиленно звать к старцу Досифею. Пришедши к Досифею и услышав от него просьбу взять с собою Феофана, иноки охотно согласились на это, и все трое немедленно отправились в путь. Во все время длинного путешествия Феофан прислуживал им.

По сердцу пришлась Феофану эта жизнь, и он стал упрашивать Паисия оставить его в Молдавии. Но старец ему сказал:

– Иди в Россию и еще немного послужи своему старцу, имеющему скоро скончаться. А потом, по благословению его, иди спасаться, куда он тебе укажет.

Снабженный на дорогу всем потребным, Феофан возвратился в Киев и снова стал там прислуживать своему старцу Досифею.

Однажды Досифей послал Феофана к пономарю Великой церкви и велел принести ему херувимского ладану. Ученик исполнил приказание. Тогда Досифей положил ладан у себя на окне и стал раздавать его по кусочку каждому из проходящих к нему за благословением киевлян.

– На, возьми, – говорил он. – да покури хорошенько у себя на дворе... Скоро будет страшное несчастье... Люди станут падать на дороге и умирать, как мухи... Но вы не унывайте. Не падайте духом, дети... А молитесь, молитесь...

И что же вышло? В конце 1770 года действительно появилась в Малороссии моровая язва. Которая, быстро приближаясь к Киеву, окончательно появилась в нем 3-го сентября. Язва свирепствовала день ото дня все с большей силой. Особенно страдали дома, где было много жильцов. Пострадала от нее и Киево-Печерская лавра, ибо немало вымерло в ней тогда иноков и пришлых людей. Что же творилось с теми людьми, которые получили накануне от Досифея ладан? Говорили, что они остались невредимыми, и страшная болезнь миновала их дома.

Прошло с тех пор 4 года. Неудобно стало жить Досифею на Дальних пещерах. Уж слишком одолевал его простой народ, громадными толпами окружавший его келью и постоянно теснившийся у окна. Желая остаток дней своих посвятить исключительно молитве и воздержанию, Досифей в 1775 году, стал просить настоятеля Лавры архимандрита Зосиму о перемещении его снова в Китаевскую пустынь. Существует предание, что Досифей, в последнее время своего пребывания в Лавре, состоял лекарем и когда ему стали предлагать сан иеродиакона, отказался, и чтобы насильно не посвятили, восприняв на себя подвиг юродства, начал бегать по городским улицам и обличать народ, почему Лаврское начальство и предложило ему переселиться снова в Китаевскую пустынь. А потому, вскоре, с благословения митрополита Киевского Гавриила поселился там в уединенной келейке, при пруде. Целый год провел там старец Досифей в великом воздержании, молитве и посте.

Чувствуя ослабление сил и приближение смерти, Досифей вышел из затвора и, опираясь на палку, пошел по всем кельям прощаться с братией. Немало удивились иноки Китаевской пустыни, видя, что их любимый старец появлялся у каждого из них внутри кельи и отворив дверь, со смирением падал на колени.

Обойдя всех, о. Досифей возвратился в свою келейку и снова затворился. До самого утра пел Досифей псалмы и, в ожидании предсмертного исхода, читал каноны – и, так, с молитвою на устах, предал, на рассвете, свой дух в руце Божию.

На утро Феофан пришел к нему, чтобы спросить о чем-то, но старец не откликнулся... Когда отворили дверь, то глазам всех представилась умильная картина: перед образом, перед которым теплилась лампада, стоял на коленях Досифей и, казалось, будто весь застыл на молитве. В левой руке своей он держал длинную записку, на которой были слова: «Тело мое приготовлено к напутствованию вечной жизни; молю вас, братия, не касаясь предать его обычному погребению». Феофан подошел к Досифею поближе и дотронулся до руки, но рука старца похолодела. Все поняли тогда, что душа любимого подвижника воспарила к Богу.

Завещание Досифея было исполнено в точности: никто не стал обмывать его многотрудное тело, никто не посмел прикоснуться к нему; с благоговением предали останки его погребению.

Только по смерти Досифея, когда сестра его во второй раз приехала в Киев и, не застав старца в живых, стала осведомляться о его жизни и взглянула на его портрет, – всем стало известно, что затворник Киево-Печерской лавры Досифей был не монах, а девица Дарья из рода Рязанских дворян Тяпкиных.

Скончался Досифей 25 сентября 1776 года на 56 году своей жизни и погребен в ограде Киево-Китаевской пустыни, близ свято-Троицкой церкви, на соборной стороне³⁰.

Иеросхимонах Матфей Соловецкий

(Память 25 сентября)

Матфей был из купцов города Вологды и родился в 1777 году. Сорока пяти лет он поступил в Соловецкий монастырь. Но, еще живя в миру, он проводил благочестивую жизнь, хранил себя в девстве и целомудрии, любил принимать странников и с любопытством расспрашивал их о св. обителях и монастырском подвижничестве. Занимаясь торговлею, он не пропускал ни одной службы церковной; с первым ударом колокола запирая свою лавку, отправлялся в церковь. О честности его, чуждой малейшего лихоимства, знали даже отдаленные деревенские жители, и с терпением ожидали его выхода из церкви для покупки у него необходимых предметов. «Вот придет Матфей из церкви, и у него купим сходнее и без обману», – говорили простолюдины.

Много лет он состоял церковным старостою и в это время изучил в совершенстве церковный устав, так что каждую службу по Постной и Цветной Триодям твердо знал на память. По вступлении в монастырь сперва проходил должность пономаря, потом, как опытный в торговых делах, был сделан закупщиком. А по принятии священства был определен в должность казначея, которую и проходил 10 лет. От юности приучив себя к воздержанию он во всю жизнь не употреблял вина и чаю, не мылся в бане и вкушал пищу однажды в день, и всегда в трапезе. Никогда не случалось, чтобы он опустил какую-либо и малую церковную службу, даже и в преклонной старости; приходил в церковь всегда к началу и никогда не выходил до окончания; во время чтения кафизм никогда не садился, несмотря на монастырский обычай. От продолжительных стояний церковных и келейных ноги его опухали, и раны на них не заживлялись. По этой причине он не мог носить и сапогов, а ходил в широких башмаках; но никогда не лечил своих ног и никому не говорил о своей болезни. В келье своей постоянно занимался душеспасительным чтением и списыванием того, что казалось достойным внимания и памяти. Многие десятки книг

аскетического содержания, в то время еще не изданные в печать, он списал своею рукою и полууставным почерком. Этими книгами и после его смерти пользовались ищущие спасения. Исполняя в точности келейное правило, он имел обычай полунощное время посвящать на чтение Евангелия. Постоянно проникнутый благочестивыми чувствами, он имел умиленный вид, стоял при церковных службах с поникшей головою, внимая чтению и пению.

Матфей был строгим ревнителем церковных законоположений и убеждал поющих и читающих совершать службы со всею точностью и должным благоприличием.

Все настоятели обращались к нему с уважением и пользовались его опытностью и благоразумием; а братия смотрели на него, как на образец подвижничества. В 1849 году он постригся в схиму, и с того времени оставил священнослужение; причащался Св. Таин в ряду с прочей братией, пред алтарем; даже не благословлял никого посвященнически. Любя протяжное столповое пение, он ходил на службы в собор, не тяготясь, но радуясь их продолжительности. За несколько лет до кончины у него закрылся один глаз, вследствие чего, не имея возможности заниматься списыванием книг, во избежание праздности, стал вязать шерстяные четки для братии и богомольцев. Во всю жизнь не пользуясь братскими услугами, он молил Бога, чтобы и при кончине своей не беспокоить кого либо, и желание его исполнилось. За два дня до смерти, он был еще на утреннем пении в соборе, но от крайнего изнеможения вышел из церкви до окончания службы. На другой день братия пришли в келью для совершения над ним таинства Елеопомазания. «Меня уже соборовали», сказал старец, видя в келье приготовление к Елеопомазанию. «Кто же тебя соборовал?» – «Вот недавно приходили из собора иеромонахи молодые и благообразные и меня соборовали». – «И мы соборует; ведь это таинство повторяется», возражали ему братия, и совершили над ним Елеопомазание. Старец мог еще стоять на ногах. Приготовляясь на утро к принятию Св. Таин, он не допустил ученику своему, монаху Палладию, остаться на ночь в его келье, желая сам. И без свидетелей, прочесть

последование ко Св. Причащению; но утром найден лежащим в епитрахили пред аналоем. С благоговением стоя на ногах, он причастился Божественных Таин и чрез несколько часов почил с миром о Господе, в 1857 году, 25 сентября, имея от рождения свыше 82 лет³¹.

Соловецкий Преображенский монастырь

Старица Параскева

(Память 25 сентября)

Блаженной памяти старица Параскева Ивановна Ковригина родилась в октябре 1816 года, в семье крестьянина небольшого села Тушевина, Костромской губернии; дни детства ее и юность протекли в обычной сельской обстановке, где детям приходится немного видеть красных дней беззаботной жизни, но часто еще с неокрепшими силами знакомиться уже с работами по дому и в поле. Такая доля выпала и Ковригиной: ей пришлось рано взять на себя и вести домашнее хозяйство. Все тяжелые работы по дому многочисленной крестьянской семьи.

Старица Параскева

В 13 лет она развилась в чудную девушку, редкой красоты. С добрым мягким характером. С симпатичным светлым взором, и ей уже начали приискивать жениха, ибо в крестьянской среде выходят замуж и женятся рано. Да, к тому же, за выдачею замуж Параскевы, в дом можно было взять другую работницу, женив одного из сыновей, а эта последняя, конечно принесет с собою что либо в дом – увеличить хозяйство, увеличить достаток, но, к общему удивлению, молодая Ковригина отказалась от замужества, говоря, что она и не помышляла даже о нем.

И это было истинно... Сердце ее горело любовью не к брачной жизни, но любовью к «селениям горним», к небесному Жениху-Христу.

Еще маленькою девочкою она в глазах родных казалась какою-то странною, «не от мира сего», удалялась игр, стараясь уйти куда-нибудь в лес, поле или на берег сельского ручья и там одиноко предавалась своим думам. О чем – Бог весты!

Ставши уже девушкою взрослою и научившись грамоте, она пристрастилась к чтению духовно-нравственных книг, которые ухитрялась как-то доставать и которым отдавала все свободное время. Особенно увлекалась она житиями святых, стараясь подражать им своею жизнью.

По-прежнему не вела особенного знакомства с подругами, не любила их веселых собраний, предпочитая им беседы с монахинями и странниками, с которыми она делилась часто последним, чем могла.

Рассказы посетившего село паломника ей были дороже хороводов и посиделок, с неизбежными песнями и смехом.

Единственным ее развлечением было посещение храма. Она не пропускала ни одного праздничного дня, чтобы не побывать на литургии, и не могла ее удержать от этого ни ненастная погода, ни хозяйственные заботы и труды, ни недовольный ропот в родной семье.

Тебе-бы только из дому или дома с книжками да нищими возится!

Обед ее составлял – остатки... Платье долго не знало обновления... Отдых и летом и зимою – тесный уголок у дверей избы...

Но молча переносила все Ковригина, называя невзгоды эти – крестом своим, и наболевшая душа ее отдыхала только в церкви да тогда, когда она уходила на богомолье к местным святыням.

Так протекла добрая половина ее жизни. Особенно часто любила посещать Ковригина Решминскую пустынь, где подвизался тогда известный строгою благочестивою жизнью старец иеромонах Илларион, любимый ученик Серафима Саровского.

Беседы с Илларионом имели громадное влияние на Ковригину. Подвижник, видя ее стремление, к возвышенному, немирскому, к спасению души, объяснил ей многое не вполне усвоенное и понятное ею из священного Писания, познакомил с творениями учителей Церкви.

После беседы со старцем, Ковригина как-бы обновлялась духом; «суета сует мира сего» ей казалась еще пагубнее. Она с радостью-бы покинула мир и посвятила себя иночеству, но тяжелая доля ее в семье не позволяла осуществить этого желания.

Со слезами рассказывала она Иллариону, как тяжело ей дома, как нерадостно сложилась ее жизнь и как-бы желала она уйти от нее навсегда в тихую обитель.

«Потерпи, дочь моя, – утешал ее подвижник, – неси безропотно крест свой. Ты и не в монастыре найдешь спасение для своей души, да и для многих».

Недоумевала Ковригина словам старца, но не пыталась расспрашивать его о их значении, а, между тем, слова эти были пророческими: они исполнились впоследствии над Ковригиной всецело.

Недолго наслаждалась Ковригина духовными наставлениями подвижника: обремененный годами и болезнью он угасал. Незадолго до смерти, беседуя с нею, он как-бы осененный даром прозорливости, сказал.

– «Пришло время тебе идти на путь добра, оставив дом свой. Иди в Кронштадт, там возсияло новое светило Церкви Христовой – о. Иоанн! Иди и служи ему! – мое благословение да будет с тобою»!...

Скоро Илларион отошел в вечность, и Ковригина свято исполнила волю своего духовного наставника. Оставив родину, она поспешила в далекий, незнакомый ей город.

Тогда еще начиналась многоплодная, многотрудная пастырская деятельность о. Иоанна, в которой многие видели только что-то новое, резко бьющее, на первый взгляд, в глаза, чего не встречалось еще среди священно-служителей. Удивлялась его бескорыстию, его отзывчивости на горе бедняка, его неустанной энергии.

Тогда не оценили еще вполне, вернее, не понимали этого выдающегося труженика на ниве духовной.

Но как радостно забилося сердце у Ковригиной, когда она увидела впервые этого дивного пастыря за вечернею службою в Андреевском соборе, когда встретила его строгий, но вместе с тем и ласково ободряющий взгляд.

С каким-то особенным религиозно-восторженным чувством слушала Ковригина вечерню, казалось, никогда не молилась она так пламенно, так искренно, как теперь, забыв о мире, о его тревоблениях.

Отрывистые, но громкие и ясные возгласы о. Иоанна каждый раз вызывали в ее душе непонятный трепет.

После вечерни, Ковригина, подходя под благословение о. Иоанна, просила принять ее на исповедь и уделить время для духовной беседы. Никому не отказывающий в просьбах ради душевной пользы, о. Иоанн не отказал и ей.

Этот беседу и затем последующими началось ее знакомство с о. Иоанном.

Однако недолго прожила Ковригина на этот раз в Кронштадте, всего шесть недель... Родные настойчиво звали ее на родину, и как ни жаль ей было уезжать, но было надо, ибо все же она зависела во многом от родной семьи, от родного крова.

С грустью покидая Кронштадт, Ковригина решила в душе, что едет на родину в последний раз, ненадолго, а затем уже навсегда вернется сюда – служить батюшке о. Иоанну.

– Не пришлось теперь, думала она, исполнить завещание о. Иллариона, зато, когда вернусь, буду исполнять его до конца дней моих.

Но не скоро пришлось вернуться Ковригиной в Кронштадт. Прошло 3 года, когда она вновь оказалась вблизи любимого батюшки.

Сопровождая, как мы уже видели о. Иоанна повсюду, она привлекла на себя внимание Кронштадтцев и в разговорах с ними все более и более знакомила их со светлой личностью пастыря, рассказывая о его деятельности среди больных, среди заключенных, среди обездоленной нищеты; рассказывая, как нередко с большим трудом рассказывал он в трущобах какого-нибудь несчастного, опустившегося до нравственного падения, до того, что самому и не подняться бы было, если бы сердобольный батюшка не пришел к нему сам со словом всепрощающей любви и материальной помощью...

Знал об этих рассказах о. Иоанн, и не нравилось ему это, ибо он всегда избегал известности и старался делать добро тайно, как поступал он всегда и раньше, и никто, до приезда Ковригиной, не знал его высоких христианских дел, кроме лиц благодетельствованных им.

Не раз пытался отстранить от себя Ковригину, уговаривал ее даже вернуться на родину, но она только отмалчивалась и как тень следовала за ним.

Разыскивая, в свою очередь, тех, кто нуждался в совете или помощи о. Иоанна, или стеснялся, или по болезни, а иногда и за невозможностью выбрать свободный день, не мог посетить пастыря, она говорила о них о. Иоанну, и он или назначал время, или шел сам по ее указанию.

Находила Ковригина и таких, которые с ненавистью смотрели на доброго пастыря, но, убежденные ее словами, сами шли к нему и делались ревностнейшими его почитателями.

Немало переносила Ковригина неприятностей и насмешек от тех людей, которые рады каждого или осмеять, или обругать, хотя-бы и напрасно, но и их нередко приводила она кроткими овцами в собор, помолится и получить наставление и благословение о. Иоанна.

Знакомясь постепенно с жителями Кронштадта, Ковригина была принимаема, как дорогая гостья, во многих домах, а особенно, где витали болезнь, горе или семейные распри;

соболезнуя, она указывала на «скорого помощника и молитвенника» о. Иоанна, и его приглашали, и он являлся ангелом-утешителем скорбящих, примирителем враждующих и облегчителем страждущих.

Ковригина не останавливалась однако только на подобном «служении батюшке», она, жаждая, чтобы неоскудевающее благодатью слово о. Иоанна раздавалось не только под сводами соборного храма или у ложа скорбящего, убедила его устроить духовные беседы в частных домах, и беседы открылись, привлекая народные массы.

Почти десять лет пробыла Ковригина в Кронштадте, исполняя завет Иллариона, но неутомимая старушка не удовольствовалась «сиянием светоча в своем только граде», – как говорила она, – а решилась побывать в Петербурге, «дабы и там скорбные и нуждающиеся узнали о любвеобильном помощнике».

В столице она скоро нашла и именно этих «скорбных», и людей с отзывчивою душою к церкви и с твердою верою, но «нуждающихся» в назидательном совете и помощи духовной.

Имя о. Иоанна стало чаще и чаще произноситься среди столичных обывателей, и Кронштадт увидал немало Петербуржцев приехавших помолиться получить благословение о. Иоанна, послушать его беседы, просить его молитвенной помощи, пригласить к болящим.

«Удаляясь славы, он не избег ее», говоритесь в жизнеописании одного подвижника; так и скромный Кронштадтский пастырь не мог сокрыть в тайне служение свое милосердию, не мог посвятить себя только своей пастве, но должен был спешить и к другим «обремененным невзгодами и болезнями».

Скоро в Петербурге заговорили о многих благодатных исцелениях «по молитве о. Иоанна Кронштадтского», о его щедрой помощи и материальной, и духовной неимущим, обделенным судьбой, разбитым суровостью жизни.

Об одном из этих исцелений, о котором долго говорили в Петербурге, приведен рассказ земляка Ковригиной, обязанного, благодаря именно ей, о. Иоанну многим в своей семейной жизни.

«Это было в 1883 г. У моего собрата по занятиям Т., жена болела ногами более четырех лет, не находя себе исцеления от помощи медиков. Болезнь перешла в страдания. Несчастные были полны отчаяния. Но, прослыша про силу молитв о. Иоанна, Т. возымел искреннее желание пригласить сего доброго пастыря к себе на квартиру, и только не знал; как приступить к выполнению своего благого желания. Однако, нашлись добрые люди, посоветовавшись предварительно повидаться с Ковригиной, которая вскоре же и посетила их, одобрила это намерение, вызвалась сама посодействовать скорому приезду о. Иоанна и в то же время предупредила, чтобы они внимательно относились ко всем советам протоиерея, который в тот же день и приехал. Помолившись об их исцелении и побеседовав в духе назидания и спасения души, о. Иоанн предложил болящим приехать в Кронштадт, на что они с радостью изъявили свое согласие. Но, почувствовав облегчение, каждый раз откладывали поездку, то задерживаемые своими делами, то чем-либо другим. Болезнь все же не прекращалась. Опять они вспомнили об обещании быть в Кронштадте, у о. Иоанна, но порешили, что и в Петербурге есть священники... Об этом узнала Ковригина и, придя к Т., настояла, чтобы они немедленно ехали в Кронштадт. «Если хотят исцеления, то сдержали бы данное батюшке слово». Т. отправились. Каково же было их удивление, когда они, подойдя к благословию о. Иоанна, были кротко обличены им в сомнении, нерадении и невнимательности к себе и к обещанию! Т. поспешили раскаяться и, получив прощение и наставление о. Иоанна, сподобились приобщиться св. Христовых Таин. После этого, напутствуемые благословением пастыря, они возвратились в Петербург уже совершенно исцеленными от недуга. Болезнь, мучившая их четыре года, внезапно прекратилась».

Весьма яркую характеристику Ковригиной в последние годы ее жизни делают два лица, близко стоявшие при ее жизни к ней и свидетели ее трудов.

«Неоднократно, говорил один, посещая меня по своим богоугодным делам, Ковригина с первого же раза буквально приковала мое к ней внимание, и надо было иметь ослепленные

душевные очи и окаменелое сердце, чтобы не ощутить чего-то особенного, возвышенного, всмотревшись в эту почтенную старицу. Я с величайшим и радостным удовольствием жертвовал ей несколько, хотя и занятых, часов, дабы продлить ее присутствие у меня и побеседовать с ней попросту, по душе, раскрывая свои сердечные, больные язвы и ожидая от нее бесхитростных, но преисполненных духовности советов врачевания.

Да и нельзя было не прилепиться всем сердцем к этой благочестивой старушке, – с какой стороны ни рассматривать ее.

Так, например, во всех ее движениях, манерах, походке – замечалось невозмутимое спокойствие и степенность. Все существо ее проникнуто было глубоким, нелицемерным смирением, но без малейшей тени ханжества, старческое благообразное лицо, лицо девственницы, резко бросалось в глаза даже и неопытного наблюдателя своим отпечатком долголетних, нравственно-душевных и сердечных страданий, великого горя и житейских невзгод. Взор выражал полнейшую покорность и преданность своей судьбы воле Бога. Речь самая безыскусственная, простая, но плавная, ровная, проникнутая духом любви, смирения и терпения, и в то же время пронизывающая глубину души, надолго оставляла в собеседнике благотворное, сладостное и невыразимое во многом настроение духа.

Жизнь старицы была трудна, и полезна, и горька, и благочестива, и преисполнена любви к ближним.

Только Ковригина и могла, кажется, послужить путеводным указателем такого великого светила в духовном мире, каков глубокоуважаемый о. Иоанн Ильич Сергеев».

«Но, особенное внимание, пишет другой, привлекал к Ковригиной несомненно имевшийся в ней дар прозорливости, благодаря которому весьма часто предупреждалось и вовсе устранялись разные несчастья, или же имели успех такие предприятия. Какие на первый раз казались буквально несбыточными. В иных случаях эта прозорливость отличалась загадочностью, которая разъяснялась только впоследствии. Вообще, прозорливость старицы была неразлучно с верою,

которой она обязательно требовала и от обращавшихся к ее посредничеству. Большинству фактов ее прозорливости послужили к прославлению деятельности о. Иоанна.

В октябре 1884 года исполнилось тридцатилетие служения о. Иоанна в священном сане. День этот был днем духовного торжества для Кронштадтского пастыря.

«Тысячи посетителей его» от сильных мира до обездоленного бедняка собрались в Кронштадте вознести молитву за «пастыря доброго».

Торжествовала и Ковригина; она дождалась того дня, когда тот, кому она посвятила остатки дней своих, был почтен сердечною любовью и «славою духовною» от всего словесного стада.

Но это были последние дни ее для земного радования, – уже настало время ее отшествия в «другой, лучший мир».

Несмотря на частые недомогания, Ковригина не оставляла своего «служения», но старчески силы и грустно прожитая, полная труда жизнь в семье – приковали старицу к постели.

С полным спокойствием ждала она смерти, чисто было ее сердце перед Богом и перед людьми; давши обет девства, она отходила в вечность -невестою Христа, прощая всем обиды и зло. Принявши подвиг «служения батюшке», – она довела его до конца, ничто в мире не удерживало ее. Бедною пришла она в Кронштадт, такую же осталась и на смертном ложе.

Последние дни своей жизни она проводила или в беседе с любимым своим «батюшкою», посещавшим ее ежедневно, или в чтении Священного Писания, за которым тихо, с молитвою и скончалась, приобщенная о. Иоанном Св. Таин.

27 сентября 1886 г., в день похорон Ковригиной, Кронштадт был полон богомольцами, пришедшими дать «последнее целование» той, которая научила их любить св. Церковь, ее пастырей и только к ним прибегать в дни печали и у них искать благодатной помощи.

Отпевание Ковригиной состоялось в церкви при «Кронштадтском Доме Трудолюбия» О. Иоанн простился со старицею глубокопрочувствованною речью.

«Не только жизнь твоя, говорил, между прочим, досточтимый пастырь, но и смерть твоя для всех, знавших тебя, весьма назидательна и поучительна. Ты своим словом и примером многих привлекла к святой Церкви и благочестивому житию: многих научила чаще исповедоваться и приобщаться Святых Таин для укрепления в христианской жизни. И скончалась ты мирно и назидательно с молитвою на устах и в твердом уповании на милость Божию к тебе и по смерти. Ты не боялась смерти: ты торжествующим духом встретила ее, как благовестницу Божию».

«Оставивши давно свои житейские попечения, – сказал в надгробном слове другой из выдающихся столичных проповедников, глубокоуважавший почившую, – она, измлада прилепившись к Господу, узнала в смиренном деятеле Христовом раба Божия, сильного перед Богом, и стала среди верующих и не верующих, но страждущих указывать на этого служителя Божия, по молитвам которого Господь видимо помогает лицам всякого положения, с верою приемлющим молитвенное участие благоговейного пастыря. И вот мы видим: больные исцеляются; грешные каются; верующие радуются силе Божией, в мире являющейся, и укрепляются; маловерные вразумляются; неверующие поражаются видимыми чудесными знамениями, смиряются, зажимают уста свои и задумываются о своем лжеучении, а иные из них и прямо приходят в послушание вере Христовой.

«Да, усопшая девственная старица Параскева была не знатна, скромна, тиха, но возгрела веру в тысячах. Не будь Параскевы Ивановны, в городе сем, быть может, долго бы горел здешний светильник под спудом; многие, очень многие не познали бы Христа не пришли бы в покаяние не обновились бы духом»

Такова была жизнь приснопамятной старицы Параскевы Ковригиной: труд для семьи в первые годы и служение для пользы ближним в последние годы жизни³².

Священник Симбирского Спасского монастыря о. Василий Архангельский

(Память 25 сентября)

Благоговейно чтимый и незабвенный для многих, о. Василий Архангельский родился 29 декабря 1815 года в Симбирске от священника Симбирской Вознесенской церкви о. Иакова Архангельского. Младенчество его ознаменовано было особенным благоволением Божиим, которого нельзя было не видеть в чудесном исцелении его от каменной и не уступавшей искусству очень опытных врачей болезни.

С самого юного возраста, при всей живости характера и резвости, заметна была в нем набожность. Когда доктор, при виде отчаянного положения больного родителя его, отказался однажды лечить его, а мать неутешно рыдала; то о. Василий, будучи 3– лет, встал на колени подле одра больного родителя и молился пред иконами до тех пор, пока не заснул; потом, пробудившись, вдруг вскрикнул: «мама! Мама! – жив будет тятя: мне приказал кто-то сказать тебе об этом, чтобы ты не плакала». И, к общей радости семьи, отец его действительно вскоре выздоровел.

Кончив курс в Симбирском училище с успехом, он отправлен был в Казанскую семинарию, где, не взирая на глазную болезнь, которую страдал очень часто, шел в числе первых и был любим начальством. Пред окончанием семинарского курса он было желал поступить в университет; но оставшаяся с многочисленным семейством и возлагавшая на него всю надежду – мать настоятельно требовала, чтобы он был кормильцем родной семьи... Поэтому он, по окончании курса в 1834 г., был определен учителем высшего отделения Симбирского духовного училища. В том же году декабря 9-го рукоположен, согласно прошению, Анатолием, архиепископом Симбирским и Сызранским, во священника к домовою церкви генерала Ивашева. В 1836 г. 19 сентября Казанским семинарским правлением определен помощником инспектора

Симбирских училищ; и 17 января 1837 г. неожиданно переведен был к Симбирской Вознесенской церкви, лучшей тогда по доходам в городе. В сем же году, 1 февраля, Казанским семинарским правлением от должностей по Симбирскому училищу, согласно прошению, уволен; а марта 10-го возложена на него должность депутата по всем присутственным местам города Симбирска...

Богослужение в храме, как и все церковные требы, о. Василий отправлял благоговейно. Нередко сам певал на клиросе, читывал каноны и шестопсалмие, – к истинному удовольствию и усладе богомольцев. В 1837 г. одна благочестивая жена, Ал. П. Андр., призванная на путь спасения чудом святителя Митрофана, прибыла из своего поместья с мужем в Симбирск для излечения, и в первую же ночь видит во сне какого-то священника, и слышит голос: «вот твой руководитель!» Пробудившись, пошла она помолиться в приходскую церковь и, во время великого выхода, нечаянного взоры ее встретились с о. Василием, в коем и узнала она показанного ей руководителя. Поэтому о. Василий вскоре должен был познакомиться с нею, и в ответ на вопрос ее при этом: «не странно ли ему видеть ее при встрече в слезах?» – отвечал: «нет! Нисколько это не удивляет меня: Сам господь ублажает плачущих. Да и как не плакать нам, утопающим в грехах?» И А. П., припавши к стопам его, как посланника Божия, просила его, с согласия мужа, быть руководителем ее на трудном пути спасения...

Кроме А. П., вскоре с ним сблизилась жившая в Вознесенском же приходе – сестры Андреевы. Раз они пригласили его отслужить молебен на дому и вызвали его на духовную беседу. О впечатлении, какое произвела на них эта беседа о. Василия, одна из сестер сообщила нам следующее: «повязка самообольщения, скрывавшая доселе путь спасения, спала с глаз наших, и мы увидели, что живем очень худо и идем широким путем человекоугодия – к гибели вечной! Весь этот незабвенный вечер пролетел для нас, и мы нехотя расстались с благовестником мира, радости и спасения уже в 1-м часу ночи, умоляя его посещать нас грешных; затем единодушно решились

мы, несмотря ни на какие препятствия, говеть на первой же седмице Великого поста...» После причастия Св. Таин он советовал сестрам Андреевым – продолжать посещать храм Господень; а когда это показалось им неудобноисполнимым, потому что пешком они почти никогда, или мало, хаживали, а беспокоить людей не хотели, о чем и сказали ему тут же: то, выслушав эту отговорку, он как бы со властью, данную ему свыше, сказал им: «да я вам не советую беспокоить людей; всего лучше, вставши пораньше, тихонько собраться и идти пешечком в храм Божий». Они же однажды говорят ему, что ездили с визитами и очень рады, что нигде их не приняли. «Радость о том, что не приняли вас», ответил о. Василий: «доказывает, что вы поневоле ездили бедные! А я все думал, что *господа* вы во всей силе сего слова; а теперь вижу противное: вы рабы мира и обычаев его». Несмотря, однако, на такие и подобные сему речи, знакомые любили его и дорожили его советами.

В июле 1839 г., о. Василий, с супругой своей, в сопровождении сестер Андреевых отправился для поклонения мощам св. Митрофана в Воронеж. Вставши рано утром, пока закладывали экипажи, уходил он с ними вперед, и прочитывал вслух утреню и часы. В экипажах же сидя, молились каждый особо, по данной им заповеди. Случалось и то, что, во время остановок, оправившись от дороги, в какой-либо светелке или порожнем амбаре, затеплив свечку пред дорожной иконой Спасителя или Богоматери, молились все вместе при чтении им акафиста; когда же спутницы его садились за работу, он читал вслух Евангелие или из Четьи-Минеи, с приличным нравственным приложением.

По прибытии 28 июля 1839 г. В Воронеж, о. Василий тотчас же отправился в монастырь и в храм к Святителю. «Признавая все величие и обилие благодати, осеняющей нетленные останки Святителя, я», пишет он в дневнике своем: «молился ему, чтобы сподобил нас всех облобызать эти святые останки, проникнутые благодатью, и призрев с высоты небесной на лежащего близ них, недостойного священника, – дал душе моей силы противоустоять умершвляющим ее страстям и соблазнам от

мира. По окончании вечерни, я решился нечистыми устами прикоснуться к сущему сосуду благодати – к нетленным мощам святителя, и отслужить ему молебен».

Однажды, в свободное от службы церковной время, о. Василий ходил с спутницами своими к одной, юродствовавшей тогда, рабыне Божией Ксении. Юродивая, выглянув из окошка, закричала: «зачем пастух пришел сюда? Некого здесь пасти: иди с Богом!»

«Не пасти, а сам упасть пришел я», отвечал смиренно слуга Божий: «и не отойду от дверей твоих, пока не отпнешь их». Услышавши ответ этот, Ксения отперла калитку, пригласила к себе пришедших гостей и назвала по имени супругу его, и, усадив всех по старшинству на лавочке, много утешительно говорила о. Василию. На желание же, им заявленное, иметь от нее четки – сказала, с указанием на пришедших с ним духовных детей: «вот твои четки! – других тебе не нужно; не поскучай только теми, которые Сам Господь дарует тебе. Со всех сторон побегут к тебе овечки, так что и не перечесть их... мужайся только и крепись!»

При выезде из города 10 августа, о. Василий с спутницами остановился около собора, из коего выносили икону Скорбящей Божией Матери. В это время подбежал к экипажам его спутник юродивый Иван Андреевич и, заглядывая в тарантас, сказал: «хорошо, что вы так путешествуете: царская фамилия всегда с духовником ездит», и тотчас же скрылся.

Во время сего путешествия, одна из спутниц о. Василия была нездорова; на пути же в Задонск сделались с ней судороги в руках и ногах, а в груди воспаление, от коего едва она переводила дух. О. Василий, по приезде 12 августа в Задонск, отслужил панихиду на гробе святителя Тихона, приобрел икону и стал осенять ею болящую, дав при этом и святой воды с чайной ложечки. С больной сделалась сильная испарина, и часа через два она уже не чувствовала боли.

По состраданию доброй души своей к страждущим о. Василий нередко брался отчитывать бесноватых. Одной из таких личностей была жена квартального надзирателя, страдавшая до 15-ти лет и никогда не приходившая в себя. О.

Василий целые ночи проводил в храме, и отчитывал ее в приделе св. великомученика Иоанна Воина у Вознесенья.

22 октября, пред обедней, пришел из Воронежа странник, за год пред сим приведенный туда слепым из Оренбурга одною боголюбивою старицею, и, прикладываясь в первый раз к многоцелебным мощам угодника Божия, почувствовал, что как бы песок высыпался из глаз его, и – он прозрел. Возвращаясь на родину, нес он с собою икону св. Митрофана, рукавички с шапочками от многоцелебных мощей его и крест животворящий. Все эти вещи. Во время служения молебнов, давал о. Василий надевать страждущим. Которые, по вере к святыне, исцелялись. Однажды о. Василий пригласил странника до утрени съездить к отчитываемой им больной, не предварив ни страждущую, ни живших с нею. И, однакож, бесноватая кричала: «отворяйте ворота, отворяйте ворота! Святитель Митрофан едет!» А когда о. Василий возложил на нее воздух с мощей св. Митрофана, то в болящей открылась сильная рвота и ужасные судороги, после коих страдальца осталась едва дышущею; но вскоре как бы оживилась и просила напоить ее чаем. Муж, дети и все домашние окружили ее. И она, пришедши в полное сознание, обрадовалась им, как бы после долговременной разлуки. О. Василий немедленно возвратился домой с странником, не говоря никому о случившемся ни слова. Но вскоре тайна эта сделалась явною, и вот каким образом. О. Василий служил раз всенощную с благодарственным молебном в квартире означенной выше А.П. Андр. Квартальный, обрадованный исцелением жены, явился сюда же и со слезами изъявлял благодарность свою за чудесное исцеление от беснования своей страдальцы. Это неожиданное заявление о совершившемся чуде всех взволновало. Всякий желал узнать: о каком чудотворении он говорит так торжественно? Услыхав же от простодушного бедняка, в чем было дело, все присутствовавшие здесь дамы на другой же день утром отправились в дом квартального целым поездом. Взошедши в маленькие комнатки. С трудом пробрались до одра торжествующей страдальцы, которая, хотя была в совершенной памяти. За всем тем походила более на ожившего мертвеца или на скелет, обтянутый кожей, и – от слабости

лежала почти недвижима; увидевши же в числе других посетителей и благодетеля своего о. Василия, она просила со слезами поблагодарила его за благодеяния и просила отслужить молебен святителю Митрофану. Молебен был отслужен для утешения страждущей, и – она с миром отошла ко Господу.

Вскоре, после сего, служивший с о. Василием диакон, без всякой видимой причины, до того возмущился против него, что не давал молиться ему, насмехался над ним, когда тот стоял у престола и воздевал свои руки, -вырывал у него Св. Евангелие, – называл фарисеем и другими неподобными словами. Мало сего: по совету недоброжелателей о. Василия диакон сделал донос на о. В., как на опасного сектанта. Но Господь не попустил торжествовать злобе: о. Василий оправдался, а рывший ему яму диакон вскоре попал сам в нее: его перевели в село, и он спился там с круга, и все семейство довел до крайней нищеты. О. Василий как за него, так и за прочих своих недоброжелателей молился, по заповеди Господней, и всегда благодушный, на всякого, смотря по недругу души, изливал бальзам утешения. И за это старый и малый из знавших его любили и уважали. Где преподавал он уроки по закону Божию, там как праздника ожидали его класса – дети: при чем не скучали сидеть и старшие, даже самые матери их. Многие из симбирской знати избрали его духовником. Но, так как смуты, возбужденные врагом спасения против него, время от времени вновь восставали, то о. Василий не прочь был, уступая обстоятельствам, перейти уже в другую епархию, и просил совета и благословения на это у преосвященного архиепископа Воронежского Антония. Но последний не советовал ему уклоняться от возлагаемого на него Господом креста, и писал ему терпеть до последней крайности. Некоторые из преданных о. Василию при встрече однажды с юродивым Иваном Андреевичем, просили его помолиться за терпящего напасти, боголюбивого пастыря... Юродивый, плюнув им в глаза, сказал: «все за вас дураков». Потом, назвав о. Василия, неизвестного ему по имени, присовокупил: «зачем вы за него только одного молитесь? Молитесь и за творящих напасть ему». В заключение советовал вынимать за них части, ставить свечи ученику любви

св. Иоанну Богослову и отслужить молебен первомуч. Архидиакону Стефану. Все это в точности было исполнено на другой же день со стороны любящих о. Василия, и они вскоре. К удивлению своему, узнали, что молитва веры послужила как бы громоотводом от собравшейся было и едва не разразившейся беды над главою духовного отца их и благодетеля...

О. Василий, несмотря на слабое здоровье, проводил иногда целые ночи без сна, чтобы или приуготовить поучение для прихожан, или утешить стекавшихся к нему из сел для назидания, или, наконец, напутствовать Св. Тайнами отчаянно болящих, коих, по бедности их, не хотели иногда посещать приходские священники. Так однажды пришел за ним ночью один бедняк из-под горы, и просил к умирающей жене своей, находящейся в ужасном страховании от приближающейся смерти. Хотя о. Василий и сам был не здоров в это время, однако немедленно отправился к люто страждущей рабу Божией Екатерине, которая, держа его за руку, умоляла дождаться исхода души ее. И он провел у одра ее всю ночь – до самой кончины ее.

Со вступления на епархию Симбирскую преосвященного Феодотия прекратились видимые гонения на о. Василия; но тайные козни против него не прекращались, а это еще тяжелее было для о. В., связанного таким образом во всех своих действиях. По временам отпрашивался он, особенно в летнее время, для свидания с престарелым своим дедом, заменившим ему по любви – родителя; а по дороге к нему заезжал в известные ему и руководимые им общины в селах.

Ничто так не крушило его сердце, как раздоры чад его, не в любви пребывающих, а в соревновании взаимном, или пристрастии в своей личности.

В сентябре 1844 года епархиальным начальством о. Василий определен был катихизатором в своей приходской церкви на год. И эту должность проходил он с обычною ему ревностью и словом назидания многих трогал до глубины души.

В этом же году Вознесенская церковь переименована городским собором, с переводом сюда из Спасского монастыря и главного протоиерея А. В. – О. Василий ездил в это время в

Казань, откуда, между прочим, писал: «как-то красуется наш собор с новым настоятелем и братством? Между ними не скоро заметите меня; разве крайняя уже необходимость заставить меня посреди их. Клирос, аналой с книгами, хоры, – вот мое убежище, где я буду чаять Бога спасающего мя от малодушия собственного и от бури внешней – посторонней!...»

Впрочем, опасения о. Василия были напрасны: о. протоиерей А. Степанович, узнав покороше о. Василия, нашел в нем самого усердного сотрудника, который притом исполнял за него все требы по приходу и служил нередко даже в его чередные недели. Тронувшись смирением труженика божия, А. Степанович смирился, и при всем причте в храме поклонился однажды ему в ноги, сознавшись притом, что много виноват пред ним. Вслед за сим и отношение прочих сослужителей к нему изменилось почти до подобострастия: один, например, бросался снимать с него шубу, другой – калоши, а иной брал трость, чтоб поставить ее на место. Но, служитель Божий, уклоняясь от такого внимания, просил их об одном лишь, чтоб они исполняли с должным благоговением свои обязанности в храме...

20 дня. 1846 г., определен он законоучителем Симбирского батальона военных кантонистов; а 21 числа, того же месяца и года, перемещен, по просьбе игуменьи Серафимы, в Спасский девичий монастырь. При чем он немало тужил о разлуке своей с любящими его прихожанами и даже с самым храмом, где отдыхала душа его от всех бурь и напастей – во дни печали, которые как бы миновали уже по благодати Божией.

С мая и до октября месяца 1864 г., по указу духовной консистории, он находился при комиссии. Учрежденной для исследования о покраже из симбирского уездного казначейства денег и документов. Того же года, для беспрепятственного прохождения должности законоучителя кантонистов, от должностей – депутата и увещателя, по собственному прошению, уволен. Проходя должность законоучителя кантонистов. Он просветил крещением до 47 кантонистов из евреев, и 13 апреля 1864 г. Высочайше награжден фиолетовою скуфьею.

Часто о. Василий здесь, как и в Вознесенской церкви, любил проповедовать. И слово его всегда было полно жизни и силы. Так что многие забывали о пище, желая слушать его и не наслушаться. Особенно же трогательны были поучения его о покаянии. Которые он иногда писывал на первом попавшемся в руки лоскутке бумаги, как в приходском прежде храме, так и здесь во святой обители Спасской.

Предчувствуя. Видно, близкий конец жизни своей, он спешил все делать, и ничто. По-видимому, не радовало сердца его, которое рвалось в небесное отечество. При всей молодости своей казался он старец – не числом лет, а разумом и самособранностью.

О событиях предсмертной жизни о. Василия и о последних днях его вот что приходилось слышать:

Более чем за год до кончины своей видел он, к изумлению своему, как бы себя самого в снях, при выходе из дома, и хотя был твердого духа всегда, однако на первых порах испугался сего необычайного явления, и принял его за предвестие близкой кончины.

29 августа 1847 г. святитель Христов Николай. К которому питал он особенное благоговение и веру, оказал ему неожиданно благовременную помощь. «По случаю перестройки обветшавшего дома и постройки флигеля, надобно мне было», говорил он близким ему: «сходить на ярмарку и посмотреть лесу; а между тем на покупку его не имел я достаточной суммы. Увидев же на торжище стоящую икону св. Николая, помолился усердно пред нею, и положил, по ошибке, в кружку, стоящую подле него, вместо маленькой лепты, находящейся в кармане, – последний полтинник.

«Сначала, как бы пожалел я об этой ошибке; но потом, укорив себя и перекрестившись, со слезами на глазах сказал: «о, милостивый святитель Христов! не отринь того, что отдано тебе, хотя нехотя мною. Не жалею я о том более, – веруя, что ты не оставишь меня – грешника в нужде моей"... И что же? Не успел он сделать несколько шагов, как встретился с одним помещиком г. Тепловым, который говорит ему: «батюшка! Вы, кажется,

застроили новый флигель, и дом перестраиваете; так не угодно ли у меня взять лесу: я жертвую вам без денег 170 бревен».

Нужно ли говорить, что удивленный такой неожиданностью, о. Василий со слезами благодарил скорого помощника в бедах, великого чудотворца Николая, сторицею воздавшему ему за убогую лепту?

5 сентября того же 1847 г., о. Василий пришел посетить одну близкую ему именинницу, и рассказал при этом виденный им сон накануне. «Мне представилось», говорил он: «что меня готовят к постригу монашескому в большом храме обители, и уже привели и поставили пред царскими дверями; недоставало только ножниц, чтобы постричь. Около меня, будто, стояли моему сердцу – чада духовные, их коих никто не соглашался на то, чтоб постригли меня, и слышалось мне отовсюду одно лишь: «не надо, не надо!» Особенно же противились сему супруга моя, которую видел я впереди всех стоящую и в невыразимой тоске». Хотя не был он суеверен, но сон этот принял за предвестие близкой своей кончине. И с сей поры он не на шутку стал собираться *домой*. Только и речей у него было к почитавшим его: не забудьте меня, друзья мои, и молитесь об упокоении души моей».

Однажды же, раздав им по грошику, сказал: «ведь за милостыньку-то молятся: так и вы за меня помолитесь».

На обязанности, между прочим, о. Василия лежало назидать престарелых инвалидов, – что и исполнял он, во славу Божию, с радостью, уделяя на это занятие всякую свободную минуту от службы. Уж как хотите сердитесь на меня», говаривал он своим друзьям: «а я не могу оставлять для вас сытых вверенные попечению моему голодные души. Посмотрели бы вы, как эти престарелые младенцы, при появлении моем, сбегаются, обступают меня со всех сторон, и, сняв фуражки, глотают слова мои со слезами!»

14 сентября, вечером, отслуживши молебен животворящему Кресту в келейке монахини Паисии, и томимый предчувствием, просил списать раздаваемые предписания насчет предосторожностей против холеры и послать друзьям павловским, жившим в деревне...

Одна из сестер подала ему тогда выписку из проповеди митрополита Московского Филарета с словами: прочитайте батюшка, – это портрет ваш. «Для успеха в духовном послушании», пишет святитель Филарет: «поколику можешь, поколику внутренно чувствуешь особенную нужду, избери себе особенного наставника, сведущего и опытного в сей науке. Благословенного на сие служение, которого слово сильно жизнью, светло молитвою, охранено от заблуждения смирением. Покори ему свою волю ради Бога: и воля Бога небесного сойдет к тебе на землю, и твое простое, земное послушание будет достигать до неба, по реченному к истинным и законным наставникам от Дающего пастырей и учителей: *слушай вас, Мене слушает*".

Но о. В., прочитавши выписку эту, поник долу и, прослезившись, просил молиться за него далекого от такого образца, по грехам своим, и, благословивши всех, спешил уйти.

Обычным приветом его было всегда, когда он посещал кого-либо из близких его сердцу, животворное слово Спасителя: *мир вам!* После каждой литургии подавал милостыню нищей братии, которая и называла его отцом родным.

После 17 сентября ездил он с преосвященным Феодотием на освящение храма в с. Подъячевке; а оттуда, с его благословения, прибыл к родному брату, и схоронил за него до 15-ти человек, умерших холерой. В среду, вечером, 24 сентября возвратился он домой, и едва успел оправиться и переодеться, как прислал к нему г. Мещеринов отслужить всенощную и принести Иверскую икону из Спасской обители; поэтому, не взирая на чувствуемую уже боль, 25 сентября о. Василий выходил прочитать канон преподобному Сергию, и так твердо и внятно выговаривал слова. Что нельзя было заметить, что нездоров он... После утрени и молебна в кельях игумены он готовился служить и позднюю; но во время ранней сказал, что не может служить от ужасных внутренних страданий. Через несколько времени, по уходе его из церкви. застали его дома в судорогах. И он говорил не без скорби: «боюсь, что не готов я», и, обращаясь к одной посетительнице, сказал: «пошлите скорее за духовником; а если умру, то положите меня с родителем».

Долго исповедовался. И затем, прерывающимся от страданий голосом, приглашал близких его сердцу возблагодарить с ним Господа премилосердного, сподобившего его в последний час причаститься Св. Таин, – и просил их остаться с ним. «Как хорошо мне с вами», говорил страдалец: «вы с ангелами пришли утешить меня. И впредь не забывайте меня, Бога ради, а молитесь о душе моей». Вскоре подошла к нему одна духовная его дочь, причинявшая много горя ему, и первая стала просить благословения его последнего. «Благословляю тебя», сказал он, собравши последние свои силы; и, осенив ее крестным знамением, присовокупил: «живи хорошенько и помни, что за всякую мысль и слово ответишь пред Богом. Молись за меня и прости!"...

Через несколько минут, собравшись с силами, начал и других из присутствующих благословлять каждую особу. И благодарил за утешения в жизни сей; при чем воспоминал по именам близких сердцу отсутствующих чад своих, особенно Павловских, говоря: «передайте им мое последнее благословение, а А. Андреевичу – родителю их – скажите: «много я любил его в жизни сей. И в вечности не хотелось бы расстаться с ним; потому и молю его присоединиться к нашей православной Церкви чрез таинство миропомазания: это последняя моя просьба пред смертью, которую жду всякую минуту. Вас же молю, други мои, творите поминовение о душе моей, и всякий день воспоминайте». Тут подошла супруга его, и, заливаясь слезами, сказала: «и меня с детьми благослови в последний раз, друг мой!"... «Хорошо, и тебя благословлю», отвечал страдалец. «А у детей уж не будет отца», продолжала она с рыданием! – «Нет; у них останется отцом – Отец небесный», отвечал бодрый духом и верою страдалец; затем присовокупил: «я поручаю тебя Самой Заступнице и покойно оставляю вас только молитесь о душе моей!»

Скоро пришел духовник его с братством, и началось соборование умиленное; все обливались теплыми слезами, даже и священнослужители, слушая, как прерывающимся голосом, но с воплем крепким, молился страдалец Божий, несмотря на то, что руки, и ноги ломало судорогами: «о, Господи

милостивый!» – громко взывал он. «Я знаю, что Ты не хочешь смерти грешника, Спаситель мой! Итак, хотя еще на лето едино остави мя, как смоковницу! обаче не моя, но твоя да будет воля». Многие множество приходило к нему во весь этот день из чад духовных за последним благословением. К вечеру ему становилось все хуже и хуже: судороги в боку прерывали дыхание так, что без тяжкого вздоха не мог он и дух перевести.

26 числа. В пятницу. Пред утренней, когда ему с 3-го часа ночи стало легче, он пожелал. Чтоб принесли ему из Спасского монастыря икону Иверской Божией Матери. С небесной радостью встретил он лик Ее; но привстать не мог уже от слабости. Во время молебна едва слышным голосом и лежа, припевал он со слезами: «Пресвятая Богородице, спаси нас!» По окончании и молебна, поднесли икону к страдальцу; он обнял ее, и долго-долго не сводил глаз с изображения Заступницы... Вскоре затем сделалось с ним сильная икота, которая, час от часу усиливалась, совершенно изнурила его. Прихожане, молча уже, кланялись ему до земли, видя, что от упадка сил он лежал, не открывая глаз, и, приложившись к плечу его со слезами уходили.

Сестра его, у коей в хижинке лежал о. Василий, рассказывала, что за неделю пред сим, когда собирался он с преосвященным Феодотием на освящение храма, пришел к ней проститься, и прилеги на этом самом месте, где теперь лежал, сказал ей, как бы шутя: «Ах, сестрица! Как ведь коротко мне будет лежать на вашей постельке, ежели придется мне умереть у вас в хижине! Ведь по смерти вытянусь еще». Затем, пропел стих – «со святыми упокой», ушел.

Незадолго до кончины, устремив взоры на свет Божий, о. Василий сказал: «блажен путь, в онъже идеши, душе христианская!» и пожелал еще приобщиться. Его одели в чистое белье, и белым покрывалом покрыли. Потом... он подал руку рыдающей супруге и сказал: «блажен, кто терпит все на земле Бога ради!»

Наконец, в 1-м часу принесли Св. Дары; и надо было видеть его в эту самую минуту: казалось он, весь был в небе, и все предстоящие плакали от умиления... Духовник спросил

болящего: «не припомнилось ли еще что-либо ему, чтоб исповедать? И больной привстал сам, сел на постели, и громко, вслух всех, с трудом выговорил: «согрешил – словом, делом и помышлением, во дни и нощи!» Потом с воплем крепким и со слезами воззвал: «Господи, в последний час с разбойником помяни мя во царствии твоём!» Причастившись же св. Таин, благодарил священнослужителей и прощался с ними, прося творить поминовение о душе его. После сего подошла к нему старушка-мать и осенила его крестным знамением с сими словами: «да благословит тебя Сама Пресвятая Богородица – Матерь Божия за доброту твою, друг мой! – Христос с тобою!» Он целовал руки ее, а старушка-мать целовала его руки, – что всех умилило до слез.

Часу в 6-м вечера приехала навестить больного крестная мать его и привезла страдальцу, коего любила, икону св. Митрофана, с золотым венцом, в благословение... Это еще ободрило его на минутку: он прикладывался к иконе Святителя с слезами; обнял добрую старицу и, целуя, благодарил ее.

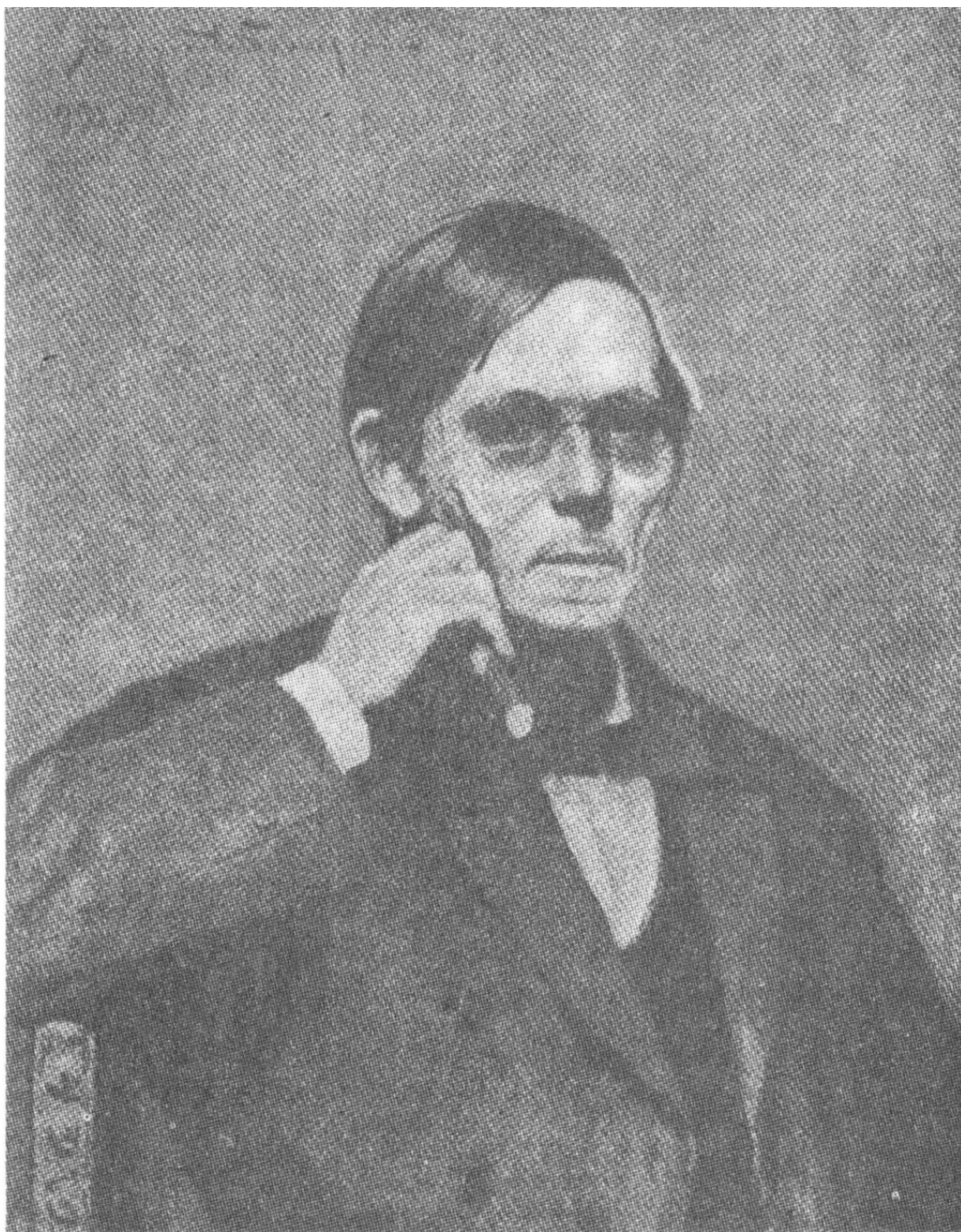
В 1-м часу ночи прекратилось с ним икота, и – он успокоился совершенно. Потом, собравшись с силами, чистым голосом, не произнося слов, пропел Херувимскую песнь, и тихо духом ко Господу...

Пред исходом души иерея Божия Василия видел его во сне диакон Спасского монастыря П. А. начинающим божественную литургию и что едва будто успел он сказать: «благословенно царство отца и Сына и Св. Духа», как три удара в колокол разбудили сновидца, и он, перекрестившись, сказал: «ах, верно, батюшка скончался?!. Царство ему Небесное!»³³.

Сергей Александрович Рачинский

(Память 25 сентября)

Сергей Александрович родился в 1833 году и по родственным связям и отношениям принадлежал к знатному дворянству. Между прочим, он приходился родным племянником известному поэту Е. А. Баратынскому. Окончив в 1853 году Московский университет по естественному факультету, он избрал своею специальностью изучение ботаники. Вскоре затем он был удостоен степени магистра за сочинение: «О движении высших растений» и занял в университете кафедру ботаники. Как профессор, он заявил себя учеными трудами, каковы: «О некоторых химических превращениях растительных тканей» (докторская диссертация), «Цветы и насекомые», а также перевел на русский язык известное сочинение Дарвина: «О происхождении видов» и Шлейдена «Жизнь растений». Но, погружаясь в изучение своей науки, Сергей Александрович не сделался односторонним специалистом. Напротив, он живо интересовался вопросами литературы и философии, был прекрасным классиком и знатоком искусств, в особенности живописи и музыки. По своим убеждениям, он принадлежал к славянофилам и был человек искренно религиозный.

Сергѣй Александровичъ Рачинскій

В начале семидесятых годов, Сергей Александрович оставил профессорскую кафедру и перенес свою просветительскую деятельность в деревню, в среду сельского населения, поселясь, почти безвыездно в своем родовом «Татеве».

Здесь он основал образцовую, в полном смысле этого слова, «Татевскую» школу, в которой преподавал целую четверть века, в которой многие годы безотлучно жил, разделяя с учениками ее стол и весь образ жизни.

Впоследствии вокруг Татевской школы, и по образцу ее, возникла целая сеть других школ, основанных Сергеем Александровичем или при его ближайшем участии. Таковы – Глуховская школа, построенная на средства, предоставленная Сергеем Александровичем, две – мужская и женская – школы в с. Меженинках, в имении близких родственниц Сергея Александровича, школа Покровская, Новосельская, при стекольном заводе Ю.С. Нечаева-Мальцева, а также школы в селах Тархове, Верховье, Сопоти, в д. Вязовах и Михееве. В последние годы, при содействии Сергея Александровича, открыты второклассные школы в селах Дунаеве и Большеве. Наконец, Сергеем Александровичем была вызвана к жизни целая сеть школ грамоты. В большинстве этих школ учительствовали и учительствуют ученики и питомцы Сергея Александровича. Всем этим школам Сергей Александрович помогал, по мере, или лучше сказать, выше меры своих средств. В былые годы, когда позволяли ему силы, он нередко посещал эти школы, наблюдал за их постановкой, давал ценные советы и указания.

Как педагог, Сергей Александрович не придавал особенного значения методам или техническим приемам, преподавания, а обращал главное внимание на характер или внутренний строй школы. Он начал и кончил свою педагогическую деятельность с твердым убеждением, что русская школа всем своим существованием, всем укладом входит в жизнь народа, которому она принадлежит: а так как русский народ есть народ православный, воспитанный в заветах Церкви, то такова должна

быть и его школа. Эта школа, по его глубокому и искреннему убеждению, должна стоять под руководством Церкви православной и в ее духе воспитывать подрастающие поколения. В такую именно тесную связь с Церковью и с добрыми воспитательными началами древне-русской церковной школы поставил он Татевскую и другие созданные им школы. Татевскую школу нельзя и представить без Церкви, как трудно, с другой стороны, представить и Татевскую церковь без ближайшего участия Татевской школы. Во главе с ее основателем, в ее службах и заботах об ее благолепии. «Я как сейчас вижу перед собою Татевскую школу, пишет в «Московских Ведомостях» один из знакомых С. А. Рачинского – Павлов. Просторная, светлая. С широким террасой-крыльцом, она расположена как раз против церкви, от которой ее отделяет широкая улица. Над входом в школу икона благословляющего детей Христа. Внизу школьного здания просторные классы и помещение для учеников, нередко живущих при школе; наверху – две крохотные комнатки Сергея Александровича, заставленные книжными шкафами, завешанные картами и картинами. Ход в них через школу. Великолепная Татевская усадьба, со всеми удобствами просвещенной богатой жизни, всего в какой-нибудь версте и даже меньше от школы, – и Сергей Александрович, конечно, мог бы жить здесь, в фамильном доме Рачинских, пользуясь привычным от рождения комфортом. Но он не пожелал жить отдельно, хотя бы и вне классов, жизнью от своего детища – школы и предпочел ее две убогие комнатки роскошным покоем Татевского дома. Мало того, живя под одной кровлей со своими милыми школьниками, он, – по крайней мере в мое время, – разделял с ними и их скромный стол, довольствуясь той простою пищей, которую приготавливала на всю школьную «артель» баба-стряпуха. Совершая утреннюю прогулку, он нередко собирал щавель для обихода школьной кухни.

Сергей Александрович при первой встрече просто поражал своею скромною внешностью. Видеть на нем одежду заштопанную и зашитую, быть может, руками той же стряпухи-бабы, единственной школьной прислуги, было далеко не

редкостью. Но за то этого человека и нельзя было поразить и подкупить какою бы то ни было блестящею внешностью. В оболочке он прежде всего искал содержания».

А вот как описывает другой почитатель и последователь Сергея Александровича, г. Горбов, внутренний строй Татевской школы. «Вставали школьники в 6 часов. После молитвы, до классных занятий, дети рубили дрова. Возили с реки воду, убирали школу. В 9 часов начинались классы и продолжались до 12 часов, в 12 часов обед и до 2 часов перерыв. В эти часы школьники играли на дворе или занимались какими-либо легкими физическими работами. От 2 до 4 уроки. В 4 часа за стол (полдничанье). С 6 часов новые занятия; часто вечер проходил в спевках, в которых принимали участие не только мальчики, но и девочки, составлявшие прекрасный церковный хор. В 8 ужин и молитва на сон грядущий. Один из учеников возглашал начальные молитвы, потом пели «Отче наш» и затем учитель читал одну из вечерних молитв. Но впоследствии ученики упростили прочитывать все вечерние молитвы. Все заканчивалось пением тропаря «Кресту». Это, говорит г. Горбов, – выходило довольно продолжительно, но не замечалось никакого утомления, никакого рассеяния. Серьезно и сосредоточено стояли дети пред иконою с теплящеюся лампадою, после целого дня усиленных и разнообразных занятий. И как хороши, как милы были они в это время».

Так же поставлены были и другие школы, основанные Сергеем Александровичем. Во всех этих школах летом занятия прекращались, но они продолжались в Татевской школе. Сергей Александрович занимался летом с лучшими учениками, приготавливая их к учительству или к поступлению в другие – более высшие школы. Кроме того, к нему съезжались на лето бывшие его ученики – учителя основанных им школ. Это были своего рода учительские курсы, на которых происходил обмен мыслей и впечатлений и обсуждались разные вопросы. Субботние беседы обычно завершались спевкой к обеду и чтением воскресного Евангелия. Читал сам Сергей Александрович, и его чтение и беседы производили глубокое впечатление на слушателей.

Кроме широты образования и горячей веры в свое дело, Сергей Александрович внес в свою педагогическую деятельность самую теплую, самую преданную любовь к детям. Он был для своих учеников не учителем только, – этот редкий по душевной чистоте и мягкости любвеобильного сердца человек был для своих питомцев скорее любящею матерью, жившей одними с ними радостями и горевавшею их неудачами и печальями. Школа – была его домом, школьники – его семьей, для которой он работал, не покладая своих рук. И как радовался он, какою радостью светились его добрые глаза, когда из его «детей» выходил прок, когда они, с его ближайшею духовною и материальною помощью, выбивались на торную дорогу. С каким вниманием следил Сергей Александрович за индивидуальными наклонностями и способностями своих учеников! Каждого из них он знал так, как в наше время редкий отец знает своего единственного сына. И стоило только мальчику обнаружить хотя какой-нибудь талант, чтобы чуткий отец-учитель сейчас же пришел на помощь его развитию.

Сергей Александрович «выводил» многих крестьянских юношей в учителя, священники, художники и пр. Один из его учеников известный ныне художник Н.П. Богданов-Бельский и все его школьные жанры, столь известные, происходят именно в Татевской школе, все действующие в них лица – портреты с членов Татевского школьного мира; на двух картинах («Умственный счет» и «Воскресное чтение») является и сам Сергей Александрович.

Сергей Александрович обладал необычайным даром привлекал людей и был окружен целым рядом лиц – духовных и светских, горевших огнем, от него полученным, идущих беззаветно за учителем. И это не только в непосредственной близости. Трудно представить себе, говорит г. Горбов, какую громадную переписку (тщательно им хранившуюся) вел он со всеми концами России; отовсюду, и знакомые, и незнакомые, обращались к нему за советом, указанием, поддержкой. И всем он находил время отвечать, всем сказать полное любви слово. Образцом такой переписки может служить печатный сборник его писем о трезвости к студентам одной из духовных академий.

Говоря о Сергее Александровиче Рачинском, нельзя умолчать о его литературно-педагогической деятельности. Сборник его педагогических статей – «Сельская Школа» выдержал 4 издания. В них, в художественной форме, Сергей Александрович излагает свои заветные мысли о значении и характере русской народной школы. Статьи его написаны горячо, искренно, с несомненным литературным талантом. Приведем из этой интересной книги краткий отрывок, где Сергей Александрович говорит о преимуществах школы приходской и именно церковной. «Наша школа, сделавшись приходскою», пишет он: «тем самым приобретет характер церковной в широком смысле этого слова, станет делом всех церковных элементов сельского населения, духовных и светских, без различия состояния и сословия. Прежде всего, она станет делом самих священников. Они уже имеют пред собою слишком редкие до сих пор примеры школ, возникших в селах исключительно по почину их священников, живущих их неусыпными попечениями, пользу и важность которого они не могут не понять. Между тем, уже теперь всякий сельский священник, действуя с терпением, бескорыстием и энергиею, может собрать в своем приходе средства, необходимые для содержания школы. Но не все одинаково одарены этими свойствами. Помощь в большинстве случаев необходима.

«Распространение у нас приходских школ, – продолжает Сергей Александрович, – будет истинным благодеянием для нашего духовенства. Жизнь наших сельских батюшек пуста. Лето их кое-как наполняется хозяйственными заботами. Но зимою самое добросовестное исполнение служб и треб оставляет широкие пробелы, поневоле наполняющиеся разъездами по гостям, игрою в карты, пошлыми общественными развлечениями... Пора вытянуть их из болота, затягивающего их.

«Искренним, деятельным участием священника в школе разрешается и вопрос о контроле за преподаванием, о том ежедневном доброжелательном контроле, который ей нужен. Право на этот контроль принадлежит всему приходу, но им во многих отношениях не могут пользоваться родители учеников, за недостатком времени и сведений. Оно на деле, по

необходимости, переносится на компетентного человека, пользующегося доверием прихода, а таковым... является священник, стоящий на высоте своего призвания...

«Наконец, мы должны предвидеть те случаи, в которых приходская школа станет слишком тесною для всех, желающих в ней учиться, и потребует себе в помощь содействие подготовительных деревенских школ. Единственным человеком, который может в этих мелких школах придать учению желательное направление, кто может служить связующим звеном между ними и школою приходскою, опять-таки является священник. Придаю этому соображению особую важность. Не вытеснить нашу самородную деревенскую школу призваны возникающие у нас школы более совершенные, но поднять ее, устроить и дополнить».

Вопросам школьной методики Сергей Александрович не придавал особенного значения. Но и в этой области он оставил после себя ценный памятник. Разумею составленный им учебник: «1001 задача для умственного счета». Им же издана «Псалтирь» с объяснениями некоторых выражений.

В Высочайшем рескрипте, от 14-го мая 1899 года, данном на имя почетного попечителя церковно-приходских школ IV благочиннического округа, Бельского уезда, Смоленской губернии, С.А. Рачинского, отмечена многолетняя деятельность его по устройству обучения и воспитания крестьянских детей в неразрывной связи с церковью и приходом, т.е., – выражаясь другими словами, – деятельность на поприще воспитания и обучения подрастающих поколений в православно-русском направлении. Но та же цель, те же основы указаны и для наших церковно-приходских школ. Педагогические воззрения Сергея Александровича были таковы: школа всем своим существованием, всем своим укладом должна входить в жизнь народа, своего народа; а так как русский народ есть народ православно-церковный, то и школа должна быть таковой же. Тех же воззрений держаться сторонники и поборники церковно-приходских школ. Было бы крупным заблуждением думать, что, оставляя профессорскую кафедру в Московском университете для того, чтобы всецело отдать себя делу народного

просвещения, Сергей Александрович имел в виду создать какой-нибудь новый тип школы, доселе не бывший. Да, тип школы С.А. Рачинского был для своего времени нов, но лишь потому, что был хорошо позабыт. В действительности же, школы Сергея Александровича были старыми школами. Эти школы существовали на Руси от времен равноапостольного князя Владимира и если были заброшены, так совсем не потому, что не имели в себе жизненной силы, или были непригодны духу и складу русского народа, а единственно потому, что сильное, чрезмерное увлечение Западом, заставлявшее нас отбрасывать все непригодное для исторического роста русского народа, вместе с тем долгое время мешало нам разобраться и по достоинству оценить и то хорошее, что оставила нам допетровская Русь. В области народного просвещения С.А. Рачинский был первым человеком, освободившимся от гнета западноевропейской народной педагогики. Его светлый ум, европейски, как говорят, просвещенный, но чуждый одностороннего увлечения иноземным, не захотел призывать инославных и иностранных учителей, да княжат и володеют умами и характерами подрастающих поколений русского народа; он обратился к историческому прошлому родного народа и там нашел тот тип школ, который ныне известен под именем школ Рачинского. И как те допетровские школы были православно-русскими церковными школами, так и школы Сергея Александровича, возникшие задолго до того времени, когда в нашем официальном языке появилось название «церковная школа», хотя в начале своего существования и не носили этого наименования, но по духу, методам преподавания, по всему своему складу были православными церковно-приходскими школами. В том и заключается особенная заслуга С.А. Рачинского, что он первый выступил решительным сторонником воспитания и обучения народа в неразрывной связи с Церковью и приходом, и затем личным примером, на своих действительно образцовых школах, показал и возможность и неоценимую пользу такого воспитания и обучения. Школы С.А. Рачинского, скажем словами Высочайшего рескрипта, состоя в числе церковно-приходских, стали рассадником в том же духе

воспитанных деятелей, училищем труда, трезвости и добрых нравов и живым образцом для всех подобных учреждений. И какая глубокая вера, какое могучее непоколебимо твердое убеждение в жизненности церковно-приходской школы в ее полной приспособленности и полезности для русского народа должно было руководить и, действительно, руководило Сергеем Александровичем, когда он решился променять блестящую профессию на скромное учительство в сельской церковной школе! Та же вера побудила его всей своей чистой, искренней, православно-русской душой примкнуть к деятелям церковно-приходской школы, когда последняя, во время необычайного подъема русского самосознания при в Бозе почившем Государе Императоре Александре III, получила государственное значение. Сергей Александрович, можно сказать, жил жизнью этой школы, радовался ее успехам и огорчался ее неудачами. Так вот то дело, которому посвятил свою чудную душу, весь богатейший запас своих дарований почивший С.А. Рачинский: это – церковно-приходская школа.

Удалившись из шумной Москвы в благодатную тишь родного Татова, С.А. Рачинский жил там совершенным отшельником: изредка бывал в Москве, еще реже в Петербурге. Большая часть нашей печати, по выходе его из Московского университета, о нем молчала, сам Сергей Александрович решительно уклонялся заявлять о себе и особенно в той шумной, трескучей форме, которая так нравится и заставляет говорить толпу. И выходило так, как будто никому нет дела до того, как живет и что делает в своем сельском уединении бывший Московский профессор. Другим, знавшим, какому делу посвятил себя С.А. Рачинский, отшельничество его давало повод думать, что его не понимают, что он, положивший душу свою за народное образование в духе веры и Церкви, стоит одиноко на избранном им пути и что в силу такого постыдного равнодушия общества святое дело Сергея Александровича обречено на умирание. Но отшельничество С.А. Рачинского не было отшельничеством строго затворника, раз навсегда порвавшего связь с миром и всецело сосредоточившегося на личном усовершенствовании, на личном спасении. Нет, уединение Сергея Александровича скорее

напоминало отшельничество тех сильных духом мужей, которые, удаляясь для укрепления своих духовных сил в пустыню, чистотою своею нравственной личности и высокими подвигами самоотвержения собирали вокруг себя множество учеников, разносивших затем славные заветы своих учителей во все концы земли. Такой именно ожившей пустыней было село Татевое за время жизни в нем С.А. Рачинского. Не было здесь ученых профессоров-сотоварищей, не было слушателей-студентов; были здесь одни крестьянские ребятишки, делившие со своим учителем и трудности обучения, и скудное пропитание. Тесная дружба, горячая любовь связывали воспитателя с воспитанниками. Сергей Александрович любил своих малышей, как своих детей. «Вы для меня и отец, и мать, и семья и все», – задумчиво и со слезами на глазах говаривал он им. Не понимали этих слов малыши, но чутким детским сердцем чувствовали, что горячая любовь говорит им эти слова, и на любовь отвечали любовью же: слова и заветы учителя глубоко врезывались в сердца, внутренняя связь учителя и учеников с каждым днем росла и крепла и не прерывалась затем уже на всю жизнь. Основанные Сергеем Александровичем школы выпустили целые сотни деятелей по народному образованию: сельских учителей и пастырей Церкви, ревностных учеников почившего и пламенных проповедников его педагогических воззрений. Эти ученики до самой смерти их отца-учителя не прекращали с ним живого духовного общения. Кроме того, беззаветная преданность и горячая любовь С.А. Рачинского к делу, мастерское умение вести его были причиною того, что в село Татевое направлялось множество учителей, не бывших учениками почившего, но желавших видеть живой пример образцового педагога, получить от него ценные советы и указания и в задушевной беседе с мудрым старцем почерпнуть новые силы для трудного служения на ниве народного образования. Но изустной, так сказать, непосредственной беседой не ограничивалось общение Сергея Александровича с его многочисленными учениками и последователями. Обширная переписка почившего с различными деятелями на поприще воспитания и обучения в том духе и направлении, представителем которых был сам Сергей

Александрович, показывает, что на его маленькое Татевое были обращены взоры церковно-школьного мира. И неудивительно. Имя С.А. Рачинского было известно и дорого деятелям церковно-приходской школы не только по тому обаянию, какое производило непосредственное общение с ним, но и по литературно-педагогическим трудам его, ставшим вскоре же по выходе их в свет достоянием церковной школы. Его записка «Об образцовых школах при духовных семинариях» в 1884 году была разослана для ознакомления всем епархиальным преосвященным. Результатом ознакомления с этой запиской, составленной на основании глубокого знания и долголетних практических опытов, было открытие с осени 1885 года образцовых начальных школ при некоторых духовных семинариях, а ныне едва ли найдется хоть одна духовная семинария или епархиальное женское училище, где бы не было образцовой школы. Та же записка была затем напечатана в повременном сборнике «Церковная Школа» (1887 г. №2). В 1891 году издана г. Горбовым, с его предисловием, «Сельская Школа» – сборник педагогических статей С.А. Рачинского. В том же году этот сборник разослан Училищным Советом при Святейшем Синоде в епархиальные советы для безмездного снабжения образцовых и двухклассных школ. В 1898 году «Сельская школа» издана уже Училищным, при Святейшем Синоде, Советом. В 1901 году тем же Советом издана брошюра С.А. Рачинского «Школьный поход в Нилову пустынь». Для школьного употребления издан интересный задачник Сергея Александровича «1001 задача для умственного счета». Так, находясь в своем Татевском уединении, С.А. Рачинский ни на одну минуту не прерывал общения с церковно-школьным миром: до самой его смерти и он сам учил, и у него учились и словом, и делом, и литературным пером.

По выходе в отставку и до самой смерти С.А. Рачинского, как было сказано, почти безвыездно прожил в Татеве. Но сельская тишь не давала ему отдыха: все свободное время он отдавал Татевской и другим лично им основным школам и тем училищам, которых он был попечителем. Всего под его непосредственным покровительством было 12 школ. Большая

часть этих школ открыта С.А. Рачинского до обнародования Высочайше утвержденных правил о церковно-приходских школах 13 июня 1884 года и содержалась почти исключительно на средства Сергея Александровича. Некоторые из этих школ получали, правда, скудное вспомоществование от местного земства и числились земскими, но по духу и направлению, по всему складу своему они были строго церковно-приходскими. И сам С.А. Рачинский в последние годы своей жизни настойчиво ходатайствовал о передаче этих мнимых земских в духовное ведомство. Открытым и руководимым им школам Сергей Александрович отдавал, и весь запас своих душевных сил. Ежегодно он истрачивал на содержание школ до 5,000 рублей, не считая других расходов: на починку зданий, на возведение новых и проч. Эти случайные, но неизбежные расходы также покрывались нередко из средств Рачинского. На те же школы шла и назначенная ему пенсия, и потому он не без основания шутливо говорил, что со времени назначения ему пенсии его жизнь стала драгоценною. Не жалея материальных средств, Сергей Александрович не щадил и своих духовных сил на пользу любимых школ. Ни преклонные годы, ни обычные недомогания не могли сломить энергию старца-педагога. Он не знал усталости. С раннего утра и до поздней ночи он весь был в работе. Ученики его удивлялись, когда он отдыхает, а на предложение отдохнуть получали бладушный ответ: «вам, молодым, нужно отдыхать, а мне, старику, какой отдых...»

Но в тесных рамках попечительства о церковных школах IV благочиннического округа Бельского уезда (таково было официальное звание С.А. Рачинского) не замыкалась педагогическая деятельность почившего. Из своего тихого уголка Сергей Александрович зорко следил за всем, что совершалось в области церковно-школьного дела, был прекрасно осведомлен о всех начинаниях, касающихся воспитания и обучения подрастающих поколений в духе православной Церкви, и принимал самое живое и деятельное участие идеи такого воспитания и обучения чрез устройство церковно-приходских школ. Не было ни одного более или менее важного мероприятия, касающегося этих школ, которое было бы задумано и проведено

в жизнь без совета и одобрения С.А. Рачинского. Вот почему и настоящее, и будущее церковных школ тесно связано с именем Сергея Александровича, не только как первого восстановителя древне-русской системы воспитания и обучения народа в неразрывной связи с церковью и приходом, но и как деятельнейшего сотрудника и мудрейшего советника в правильном устройстве церковной школы. По этой стороне деятельности, – можно, не преувеличивая, сказать, – скромный попечитель церковно-приходских школ IV благочиннического округа Бельского уезда, Смоленской губернии, вырастает в попечителя церковных школ всей России. Время надлежащей оценки жизни и деятельности С.А. Рачинского еще не наступило. Богатейшие материалы для его характеристики, рассеянные в многочисленнейших письмах почившего к деятелям церковной школы, ученикам и почитателям, еще не собраны. Было бы весьма желательно, чтобы ни один из этих ценных листков, написанных рукою Сергея Александровича, не был утерян для потомства. Было бы желательно, чтобы живые свидетели его жизни и дел, ученики его, поведали нам о том, что сохранила их благодарная память об отце-учителе.

И как неожиданно подошла к нему смерть. Еще за два дня видели его по обычаю деятельным; по обыкновению шли к нему посетители, преимущественно из учебного сельского мира, по-прежнему вел он свою обширную переписку, – и вдруг внезапная весть о кончине! 2-го мая в 9 часов утра С.А. не стало.

Едва огласилась печальная весть о смерти С.А., как отовсюду двинулись в Татеве многочисленные питомцы его и народные массы. Все желали еще раз видеть дорогие черты незабвенного учителя и поклониться его праху. Панихиды сменялись панихидами; ученики Татевской и других школ читали Псалтирь день и ночь. В Татевском храме ежедневно совершалась литургия. Ко времени погребения прибыли и дальние почитатели С.А.: директор придворной певческой капеллы С.В. Смоленский, бывший воспитанник С.А. – художник Н.П. Богданов-Бельский, священник Кресто-Воздвиженской общины сестер милосердия А.П. Васильев, командированные для погребения преосвященным владыкою Петром – ректор

Смоленской духовной семинарии архимандрит Алипий и епархиальный наблюдатель церковных школ, родственники почившего и другие лица. Дровнинская учительская школа прислала два металлических венка художественной работы от учителей и учащихся.

Накануне отпевания при гробе о. ректором семинарии в сослужении всего прибывшего духовенства, в числе 8 священников, совершена была заупокойная всенощная. В виду совпадения службы с навечерием воскресного дня и продолжающимся празднованием Пятидесятницы, в богослужении внесены были: воскресное Евангелие, пасхальная стихира «Воскресение Христово видевши» и пасхальный канон. Пел хор из учителей Татевской и соседних школ. «Вчера спогребохся Тебе, Христе, совостаю днесь воскресшу Тебе, сраспинахся Тебе вчера: Сам мя прослави, Спасе, во царстии Твоем». После всенощной, уже поздним вечером, прибывшими ученицами Тарховской земской школы, которая также считает С.А. своим основателем, с участием окрестных учителей, совершена была последняя панихида. Прекрасное пение девочек, тихая, сосредоточенная молитва и вся вообще обстановка, полная торжественности, производили на всех глубокое впечатление.

На следующий день с раннего утра началось необычное движение. Массы народа подходили больше и больше, и все направлялись к знакомому дому. В половине девятого раздался благовест. Из храма проследовал крестный ход. Собравшееся духовенство, во главе с о. ректором, совершило в доме литию, останки почившего были переложены в гроб и началось печальное шествие. Гроб подняли священники и несли большую часть пути. При выходе из дома, из пределов усадьбы и на местах, где особенно любил останавливаться для отдыха среди бесед с посетителями покойный С.А. совершались литии: во все остальное время – неумолкаемая песнь «Святый Боже». Поравнявшись с церковью, крестный ход повернул к школе, находящейся против нее. Вслед за крестом внесен в школу и гроб. Классная комната, где столько лет трудился С.А., снова встретила своего учителя, чтобы отдать ему последний

прощальный привет. «Дорогой и незабвенный отец!» – с такими приблизительно словами обратился к нему о. Александр Васильев: «долгие годы мы жили трудом твоим и любовью, душа наша полна тобою, но что мы скажем теперь? Пораженное сердце безмолвствует, да и какое слово в состоянии выразить всю нашу любовь к тебе? Прими от нас хотя эту слабую дань благодарности», – и все присутствующие, вслед за священником, сделали земной поклон гробу.

По прибытии шествия в церковь, началась божественная литургия. Совершив ее о. ректор в сослужении епархиального наблюдателя школ и семи священников соседних сел. Народная волна плотную массу наполняла храм, приделы и хоры и широким кольцом окружала его, расходясь по погосту. Чинно и стройно совершалась божественная служба. Умилительные песнопения литургии, величественные священные действия самая обстановка богослужения, столь необычайные, невольно захватывали душу. Ни один посторонний звук, ни одно неуместное слово не нарушали священных минут тайнодействия. Одни только моления, возглашаемые священнослужителями, и одни песнопения слышались в храме; молитвенное настроение господствовало нераздельно. После причастного стиха на амвон взошел бывший воспитанник С.А., о. Александр Васильев, – и вся толпа колыхнулась.

Проповедник посвятил усопшему прекрасное, вдохновенное слово. Вложив в уста его текст из первосвященнической молитвы Господа: *дело соверших, еже дал еси Мне да сотворю* (Иоан. 17, 4), он последовательно раскрыл, какие светлые заветы истины, правды и любви были началом всей жизни усопшего и как они должны быть священны для всех, кому дорога его память. Долго и свободным потоком лилось, полное любви и благоговения к почившему, слово, и горячо воспринималось оно слушателями. Литургия кончилась. Ко времени погребения прибыли уездный наблюдатель церковных школ и еще 6 священников, которые, облачившись, также приняли участие в отпевании. Пред началом отпевания о. ректор вышел на амвон и произнес слово.

«Все мы в том твердо убеждены, – говорил о. ректор, – что в твоём лице вся наша Россия лишилась одного из доблестнейших сынов своих, наука – одного из своих представителей и подвижников, общество лишилось гражданина честности, неподкупной, энергии необъятной, стремлений высоких и идеальных, деятеля ко благу и просвещению народному, во дни переживаемой нами злобы нашей беспримерного и незаменимого.

«Как древние русские подвижники, он давно уже ушел от мира и его суеты. В молодые свои годы блестяще окончивший научное образование, профессор Московского университета в хорошее его время, уже известный в Европе ученый, он добровольно отказался от известности, почета и славы, ушел в деревню, глушь, к тому простому темному народу, который так нуждается в просвещении, но не в том, какое хотят навязать ему самозванные народолюбцы, а в просвещении истинном, в просвещении в духе православной Церкви, в постоянном ближайшем общении с которою он видел краеугольный камень воспитания русского народа. И в этом своем святом деле он нашел полное удовлетворение – десятки лет трудясь. Он погрузился в этот мир темного народа, своею истинно русской душою восчувствовал связь с его коренными мировоззрениями и стремлениями. В потемках народной жизни ему светила правда глубокой веры и любви, единение земли родной в крупную силу под властью Царя Самодержавного и святое стремление в подвигу. Он пошел навстречу этому родному общению чувств и освящал другим путем к правде всею силою знания, ума, всею благодатью своего любящего сердца; душою верующего и художественною он проник в глубины торжественной красоты церковной службы, постиг вполне святыню руководства Церкви православной, от колыбели до могилы ведущей человека к добру верою, любовью...

И как прославил Господь имена великих русских отшельников, из глуши пустыни просиявших светом своих подвигов по всей православной Руси, так же прославил он и имя отшельника-педагога Сергея Александровича Рачинского, ушедшего от славы в деревенскую глушь, но и оттуда

прославившегося своею беспримерною просветительною деятельностью не только в горячо любимой им России, но и далеко за ее пределами.

«Вознесем же нашу усердную молитву к Богу, да примет Он, небесный Домовладыка, сего представляющегося от нас раба Своего – болярина Сергия ныне в Свои обители, как *сосуд освящен и благопотребен* (2Тим. 2, 21), и да упокоит душу его, *идеже лица святых и праведницы сияют, яко светила*.

«Иди же с миром в обитель мира, бескорыстная, честная, благородная, любящая, русская душа»! После речи начался обряд отпевания. Усердно и благоговейно совершалась молитва. Священные песнопения чина, то живописующие бренность и бедствия жизни или слабость и виновность человека пред Высшею Правдою, то окрыляющие дух надеждою на милосердие Божие, невольно обращали сердце и ум к дорогому покойнику, призывая всех к горячей молитве. Как миг, проносилась в мысли светлая жизнь его, смиренная глубокая вера, любовь к тому самому храму, куда он вошел ныне в последний раз, его самоотверженный труд и неиссякаемая любовь к людям. По 6 песни канона следовала речь епархиального наблюдателя.

«Есть имена, говорил о. наблюдатель, значение которых не может быть вполне оценено современниками и определяется только впоследствии, когда точнее уясняется глубина идей и плодотворность их в жизни. К числу таких деятелей принадлежит и почивший Сергей Александрович. Большая часть его жизни прошла в деревенской тиши и чужда была громкой общественной деятельности. Но, и не занимая служебного положения, он имел громадное влияние и, оставаясь частным лицом, создал нечто великое.

«Целый ряд народных училищ считает Сергея Александровича своим основателем; для многих он был единственною опорою и верным хранителем. Его заботливое сердце входило во все духовные и материальные нужды их и всегда было готово на помощь. Не один воспитанник из более одаренных натур был поставлен им на верный жизненный путь, и ныне служат они в звании пастырей Церкви, наставников школ и других полезных деятелей.

«Сам глубоко верующий, он был убежден, что народное просвещение только тогда может быть истинно и плодотворно, когда находится под постоянным благодатным руководством Церкви Христовой. Он верил, что такая именно, а не другая, школа может быть основанием нравственной стойкости и духовного совершенствования. По такому высокому идеалу он и стал устроить жизнь школ. Все в его школе: и самая внешность, и обучение, и весь вообще внутренний строй – носило религиозно-воспитательный характер, и это придавало ей глубокое жизненное значение. Вполне отвечая духовным запросам народа, исторически-окрепшим верованиям и всему складу жизни его, она явилась действительно народной и стала прототипом других школ; им оказано высшее доверие, даны материальные средства и объявлено покровительство закона. Отныне церковная школа, взлелеянная Сергеем Александровичем, получила все залогом для дальнейшего развития. Светлый праздник любимого дела еще застал его, и надо ли говорить, с какою радостью был встречен им!... Вечная память тебе, поборник народного просвещения, и глубокий благодарный поклон от Смоленской земли, для которой прежде всего ты потрудился не жалея ни почестей ни славы ученого, ни богатых духовных талантов, ни твоего видимого достояния"...

По 9 песни канона приблизился ко гробу представитель Дровинской учительской школы, учитель В.А. Лебедев, и произнес речь.

«Лично мне выпало на долю, сказал, между прочим, проповедник, необычайное счастье: я целых полтора года был учителем в Татевской школе и учил вместе с Сергеем Александровичем. Это было счастливейшее время в моей жизни. Работы в школе было много, но она не страшила и не тяготила нас: впереди нас шел дорогой учитель. Он, уже престарелый и больной, одушевлял нас своим примером, ободрял словом, руководил в наших начинаниях и в то же время не стеснял нашей свободы. Все учителя Татевской преклонялись пред дорогим учителем. Его удивительная душевная чистота обаятельно действовала на нас; его подвижническая жизнь, свидетелями которой мы были, поражала нас и влекла к себе;

его горячая любовь к детям, его сердечная вера в Бога, в добро, в торжество правды, – трогала нас и овладевали душой...

«Молю Бога, чтобы Он дал нам, ученикам С.А., силу продолжать дело своего учителя, помог воспитать достойных делателей на той ниве, возделывать которую начал дорогой усопший. Пусть яркий образ учителя сияет в наших сердцах».

После стихир самогласных подошел ко гробу священник села Глухова о. Философ Бородовский и, обратившись к усопшему, горячо благодарил его за отеческие заботы о школах, за добрые, сердечные отношения и передал, между прочим, памятный разговор 5 июля 1901 г., когда почивший предложил своим собеседникам приискать к следующему году эпитафию на его могильную плиту и сам же разрешил затруднение, назначив для надписи слово Господа: *не о хлебе едином жив будет человек* (Мф. 4, 4).

Пред прощанием сказана была речь священником села Дунаева о. Димитрием Березкиным.

Началось целование. Тихо, бесшумно проходили народные массы, чтобы проститься с покойным, еще раз взглянуть на дорогое лицо когда-то светившееся неизменно для всех добротой и приветом, сделать последний поклон, и так же отходили, уступая место другим.

Пропели последние песнопения, прочитаны были прощальная и разрешительная молитва, и останки почившего двинулись к выходу. Фамильный склеп близ церкви. с гробами матери и старшего брата С.А., дал в себе место и новому члену семейства. После краткой литии гроб был заделан и поставлен на приготовленное место.

Вот и конец твоего земного пути, Сергей Александрович!

Почивай мирно в своем священном убежище, осеняемый святым крестом церкви, благодатною силой молитв и бескровной жертвы. В ней приносимых, до дня, когда услышишь глас Сына Божия и обновленную плотью воссоединишься с духом твоим.

После богослужения духовенство и гости были приглашены в дом к поминальной трапезе, а учащиеся направились в школу, где для них был приготовлен обед. Те же длинные столы, накрытые чистыми скатертями, какие по праздникам устроались

в былые дни Сергеем Александровичем, та же классная обстановка, те же знакомые лица, но не видно было оживления и подъема счастливого чувства, обычных спутников Сергея Александровича при посещении школы: поняли и дети, хотя еще смутно, дорогую потерю.

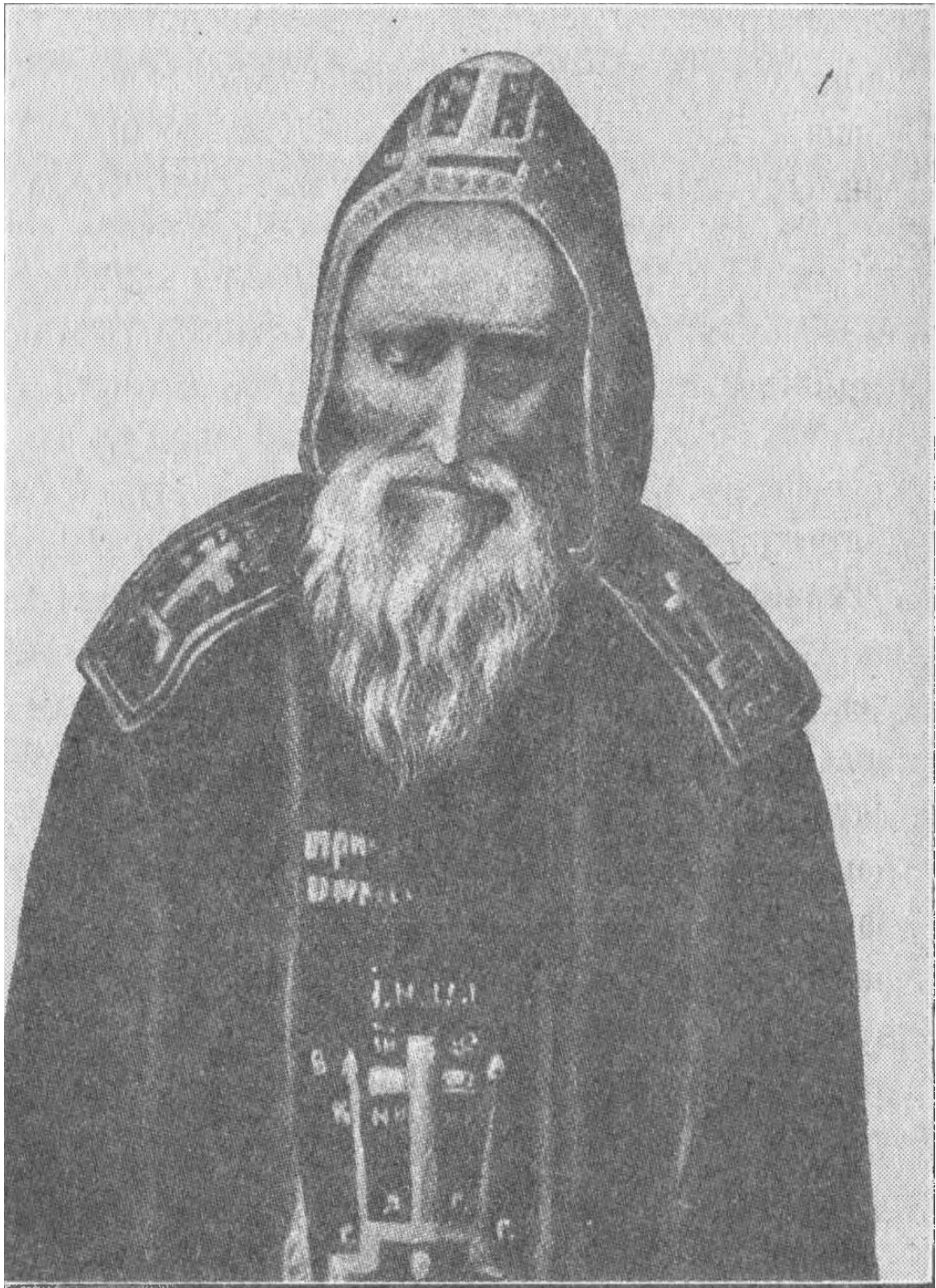
День склонялся к вечеру. Дальние гости отъезжали, народ расходился. Тише и тише становилось в Татеве. Но до позднего часа все еще были видны то отдельные лица, то небольшие группы, которые, прежде чем оставить село, направлялись к церкви и там молились над свежей могилой³⁴.

Глинский подвижник схимонах Архип

(Память 27 сентября)

При святом крещении отец Архип наречен был Афанасием. Родиной его была пригородная слобода Ездоцкая, Старооскольского уезда, Курской губернии. В родной купеческой семье его называли «Афоней». Раз – восьми лет Афоня попросил отца своего подождать продавать хлеб. Тот послушался и имел хорошую прибыль. С тех пор слова Афони в делах торговли исполнялись; не слушают – прогадают. Но, помогая советом, сам он в торговле приносил только убыток: часто, оставшись один в лавке, он отпускал бедным товар без денег; жизнью своею он выделялся и в семье: хорошо не одевался, чай пил без сахара, деньги ненавидел, спал без подушки, любил храм Божий и уединение. За такую жизнь немало нес он оскорблений.

За три года до поступления в монастырь, Афанасий перестал кушать скоромное, отрастил волосы и вообще показывал склонность к монашеству. Однажды он тайно ушел в Киев. На третий день его догнали, побили и насильно возвратили домой.

Схимонахъ Архиппъ

Мирская жизнь ему была не мила. «Целый год меня били», говорил сам старец: «и, наконец, сказали: «толку из тебя не будет».

Чтобы вынудить согласие родных на увольнение в монастырь, Афанасий четыре дня скрывался в погребе своего родственника. Старший брат искал его. «Дашь Афоне бумагу, скажу где он», говорил родственник. Согласие было дано, Афанасий вышел из своего заключения. На этот раз его уже не задерживали.

Так подготовленный скорбною жизнью к иночеству, двадцатисемилетний Афанасий Шестаков в 1852 году пришел на гостиницу Глинской пустыни с намерением поступить в монахи. Оттуда его вместе с несколькими другими богомольцами послали помогать на пекарню. Окончивши дело, все разошлись, остался один он. «Отчего ты нейдешь?» – спрашивают его. «Куда я пойду, ответил незнакомец, я пришел в монастырь. Я сюда пришел служить Богу». С тех пор он остался на пекарне и исполнял самые трудные работы.

Молча делая свое дело, смиряясь и подвергаясь унижению, брат Афанасий мало обращал на себя внимания, а если и обращал, то как юродивый. Потому он пострижен был в мантию на 18 году по поступлении в Глинскую пустынь, при чем наречен был Архипом.

По терпению своему о. Архип выделялся от многих. Об этом свидетельствует даже одно то, что на послушании в пекарне он пробыл 33 года подряд. Ему несколько раз предлагали быть старшим, но любитель смирения предпочитал лучше подчиняться, чем повелевать. «Я ничего не смыслю, простите меня неразумного, говорил он, падая в ноги, назначьте другого». Десятками лет позже его поступившие рясофорные послушники были старшими, а он, мантейный монах, покорно повиновался им, оставаясь младшим. Лишь с принятием схимы в 1885 г. он освобожден был от этого послушания и стал читать только псалтирь по благодетелям. Чтение Псалтири по очереди он нес с 1874 года. Но и после увольнения из пекарни о. Архип не переставал добровольно трудиться на прежнем послушании;

нередко его можно было видеть ночью месящим хлебы вместе с послушниками. Когда нечем было заменить отсутствующего брата, просили о. Архипа; он беспрекословно шел на послушание в пекарню. Отец Иосиф, старший на пекарне, говаривал: «однажды некому было выкладывать хлеб из дежи. Пошел я к о. Архипу и говорю ему: «Батюшка, некому хлеб выкладывать». Старец соскочил и побежал в пекарню засучил рукава и начал выкладывать тесто с особенным усердием и силою. Все ему удивились. Окончив трудную работу, молча отдохнул и пошел в свою келью».

В 1890 году о. Архипа, как высокого подвижника, назначили в ближний скит для принятия посетителей, ищущих духовного совета. Для строго аскета такое послушание было весьма тягостно, но он, привыкший во всем повиноваться, не прекословил. В скором времени о. Архипа перевели на дальнюю монастырскую пасеку, место пустынных подвигов схи-архимандрита Илиодора. Там не было храма. Отцу Архипу, привыкшему к церковным богослужениям, это было великим испытанием. Он искал также уединения, но не нашел: то братия, то посторонние приходили за советом. Отсюда о. Архип снова переселился в ближний скит, а через два года опять в пустыньку схи-архимандрита Илиодора, где был уже выстроен храм и начал основываться Спасо-Илиодоровский скит. Под руководством о. Архипа и началась скитская жизнь Глинских иноков, пока не назначен был скитоначальник-иеромонах. Но и после того да января 1896 года о. Архип оставался в скиту на покое, по болезни и старости, продолжая всегда быть примером послушания, смирения и терпения. Слово «покой» здесь разумеется только в том смысле, что старец не нес обычного монастырского послушания, но не переставал трудиться в подвигах, добродетелях и приеме посетителей. Тогда многим стал известным его дар прозрения и сила молитв. По благословению отца настоятеля старца просили на монастырскую гостиницу и возили на монастырские хутора; он повиновался, как дитя, готовый на всякое послушание. Даже видя явную опасность для своей жизни, о. Архип не отрекался быть исполнителем воли начальников. За два года до смерти он

был очень слаб. Отец настоятель думал, что лучше ему будет, когда провезет его по свежему воздуху. С этой целью он предложил о. Архипу ехать с ним в г. Путивль. О. Архип не противился. Прощаясь с келейником, он сказал: «может не увидимся». Поехали. На поворотах дорог лошади пять раз сами собою сворачивали назад, точно им кто заграждал дорогу. Кучер с большим усилием направлял на дорогу; проехав немного, лошади снова сворачивали. Усматривая в этом волю Божию, препятствующую поездке, отец игумен приказал вернуться в обитель. Там старец сказал настоятелю: «Ты бы меня не привез обратно живого».

Будучи в схиме, старец продолжал ходить в братскую трапезу, но воздерживался от насыщения, стараясь, впрочем, не показать и виду. Когда все вкушали, он весьма медленно, не торопясь, понемногу принимал пищу; хлеб кушал крошками. Отец П-ий, бывший некоторое время с о. Архипом на пекарне, рассказывал, что старец не употреблял рыбы, и для него никаких разрешений не существовало. До конца поздней осени он ничего не вкушал и иногда прямо их храма шел на трапезу. Никто не мог заставить изменить это правила, не говоря о более важном. Так подвижник тверд был в исполнении принятого обета воздержания.

Благообразие души отца Архипа невольно сказывалось в лице: оно сияло бледностью святого воздержания. В посты старец был особенно воздержен. Однажды в Петров пост в 2 часа пополудни он пришел из скита в «киновию» и признался отцу Михаилу, что еще не кушал, от чая отказался, взял небольшой кусок черного хлеба и половину огурца. С переходом в Спасо-Илиодоровский скит он усилил пост. Начал причащаться еженедельно, а если на неделе был праздник, то и чаще. Поэтому у него было всегда сухоястие, без масла. Горячую пищу подвижник употреблял по субботам и воскресеньям, а в остальное время для него пищею были: хлеб, сырая капуста, огурцы, редька, картофель. Раз на первой неделе Великого поста, видя о. Архипа сильно отощавшим, брат Леонид предложил старцу подкрепиться пищею. Строгий воздержаник побежал от него. Так боялся он нарушить пост.

Чай пил о. Архип однажды в день после обеда. В чаю он как бы не нуждался. Налитый стакан у него стоял долго; выпьет один, два глотка, выплеснет на пол и просит снова налить. Он часто заваривал особую траву или клал ее целою горстью в стакан с чаем. Самый горький травяной настой пил без сахара. Этой травой он угощал братию. За послушание старцу едва-едва выпивали один стакан. Иногда подвижник заваривал сосновые шишки, иногда сушеную жгучую крапиву и советовал другим пить: «такого чаю ни у кого нет», говорил он.

Забываясь, насколько возможно, поддерживать здоровье подвижника, отец настоятель в 1895 году благословил о. Архипу распарить больные ноги в бане. Старец, как поступил в обитель, 43 года не был в бане и, неизвестно, бывал ли когда. Другой, пожалуй, стал бы просить не ходить, и для такого старца, как он, достаточно было сказать одно слово, чтобы не нарушить своего правила, но не так сделал беспрекословный послушник: он не осмелился и одним пререкать своему пастырю. Келейник невольно высказал удивление: «Столько лет вы, батюшка, не ходили!» – «А послушание?... Отец игумен благословил», сказал отец Архип. Тут не знаешь, чему удивляться: или великому воздержанию, или беспрекословному послушанию.

При раздевании старца келейник увидел, что о. Архип туго опоясывался по белью толстой веревкой. Большой узел веревки упирал в желудок подвижника.

Отец Архип так же был крайне воздержан в зрении. На женщин он вовсе не смотрел, в их присутствии взор обращал на другие предметы или вниз. Если необходимость заставляла сидеть с женщиною, он садился далеко, голову опускал и отвечал на вопросы собеседницы, не обращая к ней лица своего.

Желая *положить хранение устом своим* и не согрешать языком, сей мудрый у Бога и безумный у людей, в начале подвигов своих, пред тем, как на пекарню собираться братии на послушание, клал в рот щепку, пока не навыв молчать или говорить только кратко одно полезное. Когда заговаривали о душеполезном, он оживлялся, при чем глаза его начинали икриться какою-то неземною радостью, и на устах появлялась улыбка.

Пустословие других старец прекращал громким произнесением молитвы Иисусовой или заставлял кого-либо читать священное Писание. Когда спрашивали у него не должное, он отвечал: «прости, Бога ради я ничего не знаю», и громко начинал повторять: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Вообще надобно сказать, что у него в словах, делах, движениях, а главное в сердечном чувстве, всегда был страх Божий.

Отец Архип еще послушником вполне оправдал священные слова, кои вышиваются на схимнических одеждах: *плещи моя вдах на раны и ланиты моя на заушение: лица же моего не отвратих от стыда заплеваний*. Такое добровольное предание себя на злоключения при незлобии на оскорбителей свойственно только совершенным, но отец Архип, как мы уже говорили, и поступил в обитель испытанным в терпении. Однажды на пекарне он стал просить новонаначального брата месить хлебы. Тот в гневе бросился на него и закричал: «как ты смеешь меня заставлять?» и бил его до тех пор, пока сам не утомился. И что же? – не бивший, а битый поклонился в ноги и просил прощения. После этого о. Архип несколько дней был болен. Другой раз тот же брат, в пылу напрасного гнева, схватил о. Архипа за бороду и вырвал у него клочок волос. Смиранный и кроткий труженик огладил бороду и, падая в ноги обидчику, сказал: «прости меня, верно я тебе не понравился». Кто-то на пекарне сильно ударил о. Архипа в висок; он четверть часа лежал без памяти на грязном, мокром каменном полу а, очнувшись, встал и молча взялся за свое дело, как будто с ним ничего не случилось. Раз его сильно побил один брат за то, что ему не понравилось пение отца Архипа на клиросе.

По поступлении в обитель о. Архип пять лет не имел у себя кельи. Спал он или на грязном каменном полу в пекарне и на угольях, лицом в уголь, или на полке под столом, при самом входе в пекарню. Иногда нарочно рассыпать муку, разливал воду или ронял тесто. Начнут его ругать, а он кланяется и у всех прощения просит. Таким образом, он заставлял выходить наружу скрывающиеся внутри страсти уничтожал их собственным смирением и уничтожением себя от других. Одежду подвижник

носил порванную, грязную. От простуды и долгого стояния в храме у него на ногах образовались отеки, обыкновенных сапог одет было невозможно. Он некоторое время носил на одной ноге сапог, на другой валенок, потом ходил в опорках, которые по виду были настолько плохими, что никто не поднял бы их на дороге. Впоследствии отец Архип ходил или в больших валенках, или в особо для него сшитых просторных сапогах. Часто старец тер лицо руками или ерошил волосы на голове. Все это подавало повод называть его юродивым, безумным, прельщенным. Он не отрицал этих названий, умея искусно ими укрыться от тех, которые не искали у него совета и не желали принести ему душевной пользы. Посему о. Архип говаривал: «лучше всего дураком быть, да надо уметь им сделаться».

Не желая по неведению вводить братию в грех осуждения и оскорбления, о. Архип поступающим на пекарню, которые чаще других относились к нему по послушанию, так характеризовал свой образ жизни: «путей спасения много, каждый идет своим путем. Наш игумен идет открытым прямым путем; Иероним идет закрытым путем смирения, а я сделал себя дураком, и дурак на самом деле. Трудны все пути, но дураком себя не всякий может сделать. Трудно не обижаться, когда оскорбляют, а надобно все терпеть. Мальчики (молодые послушники) мне говорят: Архип, ты дурак; и я говорю: дурак. Ты, говорят, не так сделал: простите, я – дурак, не понимаю».

Незлобие, прощение обид, добровольное юродство и вся жизнь о. Архипа свидетельствует о его глубоком смирении. В начале своих подвигов в обители он руководился советами братского духовника иеромонаха Анастасия, а после смерти обращался к известному старцу схи-архимандриту Илиодору, с которым некоторое время жил в одном коридоре. Старец Илиодор любил Архипа за строгую жизнь и смирение и отзывался о нем высоко. Однажды, указывая на него своему ученику, отцу И., схи-архимандрит Илиодор говорил: «вот мы видим образец живого святого». Другим монахам схи-архимандрит Илиодор, указывая на о. Архипа, не раз говорил: «это один из древних старцев живет в наше время». Недоверие к своему рассуждению о. Архип сохранил до самой смерти.

Будучи уже прославленным подвижником и старцем, руководителем в духовной жизни Глинских схимников, а также, давая другим наставления, он не переставал поверять себя вопрошанием других: «так ли я сказал?» и при этом прибавлял: «я ничего не знаю». Несмотря на все благодатные дары, старец Божий не превозносился. Когда заходил разговор про кого-либо, особенно с осуждением поступков, отец Архип обыкновенно говорил: «он выше (достоиннее) меня».

По смирению своему о. Архип не считал себя достойным уважением старцем, иногда удивлялся, зачем к нему идет народ. «Огарок догорает, смерть на носу, глаза оловянные, глупый"... Так он называл себя. Иногда он скрывался от народа, а раз в ближнем скиту вылез в окно, когда келью его окружило много народа, и келейник объявил, что старца нет в келье. Некая почитательница подвижника во что бы то ни стало хотела видеть старца, который в то время никого не принимал; уступая настойчивой просьбе, о. Архип надел на себя чугунный тяжелый крест, открыл двери кельи и говорит: «вот, как я живу, вот камень, вот, как я молюсь: раба Божия, раба Божия, раба Божия"... Старец крестился и очевидно старался показать себя безумным. Почетные посетители иногда сопровождались к о. Архипу кем-либо из братий. Это видимо стесняло смиренного подвижника. Тогда он, вместо советов, говорил разные несообразности, и многие оставались в недоумении относительно хваленного старца, который не умеет толком сказать двух-трех слов. Однажды о. Архип высказался так: «вы ученые, а я малограмотный, что скажу вам? Молитесь Богу... Хорошо, что посетили нашу обитель... Ваше имя как? Помолимся». Начинает молиться с поклонами: «Помяни, Господи, раба Твоего (имя), помяни, Господи"... Так до 10 раз. «Даруй ему, Господи, здравие и спасение... Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас; Пресвятая Богородице, спаси нас!» Опять делает несколько поклонов. С ним молились все присутствующие. Молитва старца всегда выручала. В одно время отец Архип, казалось, так много наговорил лишнего, что монах М., сопровождавший посетителей, вынужден был просить старца в будущем ничего подобного не говорить, но не помогло;

на другой раз подвижник при том же М., как бы нарочно, еще более наговорил посетителям, чего бы говорить не следовало. Отец М. скорбел и не знал, что делать. Ему не желалось, чтобы все это продолжалось далее. Придя в тот день к вечерни, он боролся с помыслами по поводу слов старца и решился так или иначе доложить отцу настоятелю. В это время отец Архип быстро соскакивает с своего места, бежит к М. и говорит ему: «прости меня, я много наговорил, не говори отцу игумену»; братски лобызается в плечи. М. стал доискиваться причины, почему отец Архип так поступает и, кажется, нашел ее. Желая выйти из неловкого положения, он доложил отцу настоятелю, что старец стесняется принимать посетителей в присутствии посторонних: ни его не могут спросить, ни он не может сказать что-либо откровенно. После этого, ищущих духовного совета отец настоятель стал посылать к о. Архипу без провожатых и даже просил не говорить ему, кем они посланы.

В обитель приехали почетные посетители. NN расхвалил им прозорливость о. Архипа и, между прочим, говорит: «он имена ваши угадает». Старец, действительно, называл некоторых по именам, не зная их и видя их в первый раз. Гости к подвижнику приехали с NN. Отец Архип обращается к одному из них и спрашивает: «Вас зовут Петр»? «Нет». – «Иван»? – «Нет». Другого также называл двумя не его именами и потом с улыбкой поворачивается в NN и спрашивает его: «а что, угадал»?.

Смиранный подвижник, бегавший всякой славы и келью имел смиренную. В ней не было никаких украшений; иконы с лампадкой пред ними, подставка с Следованною Псалтирью, стол, стул, табуретка и кровать. Все это было старое и самое простое. На кровати побитый войлок и чем-то жестко набитый толстый мешок, вместо подушки; на закоптелых стенах в беспорядке прибиты листы бумаги различной величины с молитвами и изречениями. Видно, вся забота старца была не о внешнем убранстве жилища, а о внутреннем украшении души. В последнее время келья о. Архипа имела несколько лучший вид, но только потому, что келейники ее убирали, а старец ни во что не вмешивался. Почитатели заботились о возможном упокоении немощного подвижника и посылали ему, – кто мягкое кресло, кто

коврик. Он, не желая оскорблять своим отказом, принимал все с благодарностью, но, привыкнув к простоте, видимо всем этим тяготился. Все время вне храма и послушания отец Архип проводил в молитве или чтении Священного Писания. Кто бы ни пришел к старцу из братий, он заставлял прочитывать главу – две из Апостола, Евангелия или кафизму из Псалтири. Иногда он приходил сам к кому-либо жившему с ним в одном коридоре и также просил почитать Псалтирь или Евангелие. Кроме того, любил читать или слушать акафисты и Киево-Печерский Патерик. Из последнего – преимущественно жития Марка Пещерника, Пимена Многоболезненного и Прохора Лободника. Нередко о. Архип заставлял кого-либо читать акафист св. Тихону Задонскому. Старец питал благоговение к Святителю особенно за то, что тот поклонился в ноги ударившему его юродивому. Смирению Святителя подражал о. Архип и также падал в ноги своим оскорбителям, прося у них прощения. Святителей Митрофана Воронежского и Тихона Задонского отец Архип ставил в пример подражания одному послушнику: «Ученость не спасет, говорил он, а послушание и смирение». Желая всякую минуту употребить на служение Богу, старец Божий на себя лично, для обеда, ужина, чая, старался употребить как можно менее времени. Он весьма также мало спал. Когда жил в монастыре, говорил один из учеников его, то спал большею частью, сидя на узком выступе печки, а, чтобы не упасть, протянул веревку и во время сна держался за нее. Можно представить себе, каков был сон подвижника в таком неловком положении. Иногда о. Архип спал, сидя на стуле.

В юности старец не любил денег и, будучи монахом, о. Архип остался верным обету нестяжания и, если имел при себе небольшое количество денег, присылаемых братом или подаваемых впоследствии посетителями, то не прилагал к ним сердца, употребляя их на чай для угощения братии, приходивших к нему за духовным советом, на траву, раздаваемую народу, и на нужды обители. Старец никогда не запирает денег; жившие близ него всегда знали, где находятся его деньги. Их он клал в щели стен своей кельи, по углам или на полу, и не скрывал этого, а раз положил бумажник в щель и

замазал тестом. Может быть и тут, как и во всех поступках, у него была своя нравоучительная цель. Однажды о. Архип пришел в просфорню взять булку. Просфорник удивился приходу подвижника, который прежде никогда не брал булок. Видя удивление отца Ф-а, он сказал: «брат приехал, чай придет пить, надо хотя булку взять. Все не понравилось брату у меня: живешь, говорить, небрежно, паутины много"... После отъезда брата о. Архип угощал братию чаем, сахар клал в стакан горстью и приговаривал: «пей, у меня много теперь сахару: брат голову привез». А тому же отцу Ф-ту говорил: «брат спрашивал: не надо ли денег. Я ему отвечал: на что мне деньги; чаю и сахару ты привез, хлеб, пища, одежда монастырские. Пригодятся, говорит, нужда будет. Я их у него не взял, он на столе оставил».

Зная, что страдающий плотию перестает грешить, отец Архип для сохранения блаженного бесстрастия без всякого сожаления изнурял себя разными способами, и когда был совершенно больной, лично не принимал никаких мер к излечению, напротив того, как бы еще искал случая понести большой вред своему здоровью. Но это происходило у него не от пренебрежения жизнью, а от полного упования на Бога, без воли Которого и волос с головы человека не спадет. Старец очень туго подтягивался по белью. Отец Н., келейник его, говорил: «жаль было смотреть на о. Архипа. Тело у него было очень сухое, точно скелет, обтянутый кожей».

Иногда зимою, в мороз, уже будучи в дальнем скиту прославленным старцем, о. Архип больными ногами станет на снег по колено и стоит. «Вот тебе, вот тебе!... не хочешь? стой»!... Так укорял он плоть свою, противящуюся требованиям духа.

Когда по послушанию отцу Архипу необходимо было ехать из скита в обитель, он просит запрячь лошадь, а сам идет пешком или еще побежит. Запрягут лошадь и нагонять его где-либо лежащего в снегу или в грязи, едва переводящего дух.

Иногда старец давал особые уроки труда и терпения. Раз осенью схимонах Архип пригласил отца Н помочь ему обмазать келью. Для обмазывания стен он брал не глину, а грязь, которая была тут же, у кельи; грязь не прилипала и отваливалась. Так

немало потрудились. Наконец, о. Архип говорит: «пойду самовар ставить», и ушел, а инока оставил работать. Тот и подумал: «руки зябнут, грязь не пристаёт, только напрасный труд, лучше бы старик пригласил штукатуров, – они сделали бы все, как следует». В это время о. Архип позвал его на чай и говорил: «руки зябнут, грязь не пристаёт», и повторил все, что тот думал. Потом добавил: «раб Божий, не скорби; Матерь Божия каждый шаг твой видит и запишет, ничего не пропадет». После этого уже не работали, келья осталась не обмазанной. Для старца, как видно, нужна была не обмазка кельи, а урок. В дальнем скиту старец однажды после вечерни лег на пол храма головою в угол и не вставал. Брат Иван говорит ему «Батюшка, тут жестко». «За мои грехи и этого мало», ответил подвижник.

Еще более было ревности у старца к посещению храма Божия. Все божественное он изучал не словами, а трудами, ибо хорошо понимал, что не слов, а дел потребуют от него во время исхода. До поступления в обитель он спешил в храм по первому звуку церковного колокола, – ни что не могла задержать его дома. Тем более так подвижник поступал в монастыре, если был свободен от послушания. С освобождением от обязательного послушания на пекарне, о. Архип всегда находился в церкви, пока храм был открыт. Можно сказать, что он жил более в храме, чем у себя в келье. С 12 ½ часов ночи до 3–4 часов утра он был на утрени, а в праздники на бдении с 7 часов вечера, 4–6 часов под ряд; днем старец находился там с раннего утра до обеда, пока не отслужить две литургии, акафист и не отбудут все требы; час на вечерни, час на повечерии, а иногда и более. Кажется не было случая, чтобы о. Архип проспал утреню или не выстоял ее до конца; если и могли быть исключения, то не по его вине. Последние лета жизни о. Архип особенно памятны инокам. Бывало посмотрят на него и невольно подумают: не от мира сего сей небесный человек или ангел во плоти. Не видели старца Божия разговаривающим в храме или смеющимся, но всегда внимательным; поистине он достигал спасения со страхом и трепетом. Были случаи, когда о. Архип заболел, едва мог идти, но хотя ползком, как говорил про него один почтенный старец, а все же направлялся в церковь. Эту ревность ко храму

Божью он сохранил до смерти. В последнее время жизни о. Архип был совершенно слаб, особенно ногами, вот, кажется, сейчас умрет; но – заблаговестили, он напрягал последние силы и не шел, а бежал к богослужению, показывая другим пример, как надо монаху спешить на церковную службу. «Зазвонят в церкви, – как на пожар беги», говорил он другим. Находясь в дальнем скиту, совершенно больной, он лежит и едва дышит. Но вот зазвонили к богослужению, он говорит келейнику: «веди, ведем меня!» И идет, едва передвигая ноги, поддерживаемый келейником, и еще укоряет себя за нежность. В последний год старца носили или возили в храм; стоять он не мог, а сидел или лежал, не желая оставаться в келье во время богослужений. Вообще старец Божий побуждал себя на всякое дело благое; благочестием поборок разлечение, молитвою, терпением и трудом прогонял уныние, обычное на долгом иноческом пути.

Отец Архип в отношении богослужения был строг и к своим приближенным и ученикам. Их он вел тесным путем труда, терпения и смирения. Когда ему за послушание благословлено было принимать посетителей, то ему назначили келейника. Иногда при нем жил кто-нибудь из братьев. Им он благословил делать все необходимое, не спрашивая каждый раз благословения, кроме некоторых случаев, и требовал, чтобы они всегда были чем-либо заняты. Если видел кого праздным, был недоволен и немедленно назначал какое-либо дел.

Отец Архип был старцем преимущественно Глинских схимников. Приведем здесь примеры его отношений к ученикам. Однажды о. Архип пришел в больницу к ученике своему, схимонаху Варнаве, и спрашивает его, почему не ходит в церковь. Тот отговаривается болезнью ног. «Надо принуждать себя», заметил о. Архип и показал ему свои ноги. Они, по выражению бывшего тут инока, были толстые, как бревна, багрового цвета и в ранах; страшно было смотреть на них.

Отец Архип, находясь на послушании в пекарне, более двадцати лет подчинялся монаху Луки, а, по принятии последним схимы с именем Луки, сделался его старцем. Они потом одновременно жили в ближнем и дальнем скитах и помогали друг другу идти тесным путем. Для посторонних и не

понимающих сокровенного их подвига, взаимные отношения сих старцев казались чуть-ли не враждебными, но это была своего рода духовная мудрость. Отец Архип неопустительно посещал службы, схимонах Лука, такой же ревнитель посещения храма Божия в обители, с переводом в Спасо-Илиодоровский скит, держал себя как бы в затворе и не всегда посещал храм Божий, но вычитывал все службы у себя в кельи. Отец Архип говорил: «я хожу в церковь, а Лука не ходит, посмотрим, кто из нас выгадает». Схимонах Лука находил тоже кое-что сказать про старца. Под обычными слабостями осуждения и пересуд друг друга (а не посторонних) они скрывали свои добродетели. Неопытные этим соблазнялись, высказывали нездоровое состояние своей души и уврачевались или совестью, или самими старцами. Так однажды старец увидел идущего к нему о. Луку и говорит: «глухой идет». Находящийся у старца один брат стал осуждать идущего. «Я говорю, а ты про него говорить не можешь, он выше меня», заметил брату о. Архип и заставил осуждающего класть поклоны. Другой раз о. Лука ночью пришел к своему старцу, пал ему в ноги и просил прощения, о. Архип пал в ноги ученику. Так они несколько раз падали друг другу в ноги. Келейнику, умиленному смирением старцев, они запретили об этом кому-либо говорить. Раз идут старцы мимо иконы святых Митрофана и Тихона Воронежских, находящихся с наружной стороны собора Глинской пустыни. Отец Архип говорит: «клади поклоны». Лука спрашивает: «какие»? «Земные». «Сколько»? «Три». «Батюшка, поддержите палку». Архип берет палку, а Лука при народе кладет земные поклоны за послушание своему старцу.

Молитва смиренного, говорить слово Божие, проникает облака (Сир. 35, 17). Молитва смиренного о. Архипа даже за других была действенна пред Богом. Вот несколько примеров. Юный послушник Петр просил старца помолиться, чтобы ему во сне увидеть загробную участь еще живых его родных. О. Архип ответил: «увидишь, не спи до 12 часов». Брат Петр, уснув после 12 часов, увидел отца, мать и других родных веселящимися в каком-то красивом доме, а бабушка в это время ругалась, была мрачная, черная. Сон свой послушник передал старцу. О. Архип

велел 40 дней молится за бабушку, а бабушке на 40 дней затвориться и поститься, чтобы избежать участи грешных за гробом.

Самым главным доказательством силы молитв о. Архипа и его святости надобно считать чудесное освещение дороги в 1882 или 1883 году. Это было так: Однажды иеромонах Глинской пустыни, отец N, хотел побывать в соседней Софрониевской обители. О своем желании он сказал Архипу и спросил, не желает ли он с ним ехать? «Скажи отцу игумену», ответил старец. Отец N стал проситься и сказал про Архипа. Настоятель отпустил их на 3 дня. Чтобы собраться в дорогу и проехать 35 верст требовалось немало времени также и на обратный путь; пробыть в Софрониевой пустыни пришлось немного. На третий день их задержали до вечера и просили остаться на ночь, они не согласились: отец Иннокентий не любил просрочек. Поехали ночью, желая явиться во время. Ночь была темная, дорога проходила по краю глубокого оврага. Кучер предлагал сойти. И священно-инок соглашался, но о. Архип не хотел; он сказал: «молись Богу, на Него надейся: нас сохранят Ангелы Его». С этими словами старец склонил голову на правую сторону и мысленно стал молиться. Отцу N страшно было ехать в полном мраке, при ежеминутной опасности ринуться в пропасть; он мысленно осуждал о. Архипа и хотел снова сойти. Прозревая мысли его, старец сказал: «сиди, я отвечаю; веруй, Господь не пропустит», – взял отца N за руку и держал. «Не придется отвечать, когда ринемся головой вниз, не соберешь и костей наших», помышлял отец N, но покорился. Вдруг появился какой-то луч и осветил лошадей, повозку и овраг, а все остальное окружающее пространство осталось в прежнем мраке. Отец N указал кучеру на чудесное освещение; тот молча кивнул головой, чтобы не прерывать молитвы старца, глаза которого были закрыты. Но как только миновала опасность, о. Архип открыл глаза, перекрестился и громко прославил Бога, а кучер сказал: «проехали, батюшка»! С окончанием молитвы старца луч света исчез, и воцарилась прежняя непроглядная тьма. Луны вообще не было видно всю дорогу до Глинской пустыни. Это еще

более убедило спутников богобоязненного старца в чудесном освещении им дороги по святым молитвам о. Архипа.

С даром памяти смертной несовместимы смех и пустословие. И не видели о. Архипа когда-либо смеющимся, видели же только серьезным и плачущим. Особенно он часто плакал, когда пел погребальную стихирю: «придите последнее целование дадим, братие, умершему». Пел он е довольно часто, и слезы текли по исхудалому лицу его.

С 1890 года о. Архипу за св. послушание благословлено было принимать посторонних посетителей. Тяжело было ему беседу с Богом менять на беседу с людьми, но, повинувшись воле своего аввы, старец принял возложенное послушание, как назначенное ему свыше. Для большого удобства и чтобы не стеснять братий, о. Архипа перевели в ближайший скит. Приемную составляла галерея, прилегающая к братскому корпусу. В которой по стенам были поставлены иконы, священные картины, различные таблицы и листки духовно-нравственного содержания. Несмотря на болезнь и старческие немощи, о. Архип часто выходил в приемную к народу, выдавал листки и книжки издания Глинской пустыни и траву. Тут он молился за приходящих и их сродников живых и умерших.

На богослужения подвижников ходил в обитель. Келейник его говорил: «старец в 11 часов вечера тихо встанет, оденется и пойдет на утреню в монастырь, не беспокоя меня, а, когда желал, чтобы и я шел, кричал: «погибла душа моя!» Это он, конечно, относил ко мне. Или же говорил: «я пойду в ад и ты за мною». С утрени о. Архип не возвращался в скит, а до ранней обедни находил себе успокоение где-либо в коридоре или на пекарне. Нередко ложился в углу на пол и так проводил время более в бдении, чем во сне.

Из ближнего скита старца дважды переводили на место пустынных подвигов схи-архимандрита Илиодора, где о. Архип, как преуспевший в духовной жизни, поставлен был во главе братий. Сначала подвижник занимал ту келью, которая построена была на месте сгоревшей пустынной кельи старца Илиодора. Во время жития в ней о. Архипа, она служила как бы гостиницей для приходящих. Тут временно помещались

послушники, тут пили чай, – отцу Архипу не было покоя, но не роптал он. Для неразвлеченной молитвы он уходил в лес и укрывался в какой-либо яме. Праздным старец никогда не был и не любил видеть, когда другие были без дела. При устройстве Спасо-Илиодоровского скита он сам копал колодезь, вырывал корни, кустарники и т.д. То же заставлял делать послушников, свободных от обязательных послушаний. Иногда со своими сподвижниками он ходил собирать травы или хворост. Идет и читает Иисусову молитву, показывая другим пример. Этим он многих приучал к молитве и отвлекал от празднословия. Братия, видя маститого подвижника первым на богослужении и в деле, соревновали старцу и друг другу. Все ходили по будням в скит на утреню, обедницу, вечерню и повечерие и не выходили до окончания службы. Даже несущие послушание на кухне не составляли исключения; по малому числу братства они управлялись со своим делом, не оставляя общей молитвы. Все единодушно работали, все разом шли к столу и опять на дело внешнего послушания. При управлении братией о. Архип, кроме личного примера, не употреблял никакой строгости, ничего не взыскивал, со всеми обходился отечески ласково, но все братство уважая его, боялись оскорбить чем-либо небогоугодным и его молитвами охранялось от неуместных поползновений. Впрочем, нет правил без исключения. Такое прискорбное исключение было и среди братий Спасо-Илиодоровского скита. Один брат в июне месяце обрезывал сухие ветви у плодовых деревьев скитского сада. Многократно братия, даже схимники, говорили ему, что время обрезывания прошло. Брат отвечал дерзостью. Наконец, отец Архип, как старший, сделал ему кроткое замечание. Брат грубо ответил: «ты, схимник, знай свое дело, в чужое не суйся». После этого все молчали, а непослушный брат продолжал трудиться, может быть, в уверенности, что благодаря его уходу, нынешний год яблок будет много. Во всяком случае старец прозревал его мысли и сказал: «напрасно трудишься: яблоки все осыплются». Яблоки, действительно осыпались преждевременно, и вместо сотни мерок, обыкновенно собираемых со всего сада, было

собрано не более сотни яблок. Так наказано было послушание и оскорбление начальника.

Помимо руководства братий, о. Архипу и здесь, в Спасо-Илиодоровском скиту, благословлено было принимать посетителей за скитскою оградю в особой пристройке, по обстановке похожей на часовню.

С посетителями, искренно ищущими совета и спасения, он уединился. После тайных бесед с ним, все отзывались о подвижнике высоко. Праздно любопытствующих отец Архип не любил старался от них уклоняться.

У старца был тяжелый чугунный крест, фунтов в 5, с тяжелою железною цепочкою. Иногда он его надевал на себя или на других и приговаривал: «тяжел крест, но спасителен».

Без всякого лицепрятия старец иногда обличал ближних. Обличение его приносило благотворные плоды. Еще рясофорным послушником о. Архип показал это нелицеприятие. Архимандрит Т., бывший на покое в Глинской пустыни, просил настоятеля поместить с ним в одном коридоре такого монаха, к которому бы никто не ходил. Назначен был Архип (тогда еще Афанасий). Архимандрит полюбил простого и смиренного соседа, часто ходил с ним на прогулку и был весьма разговорчив. При многословии, говорит Премудрый, не избежишь греха; так случилось и тут. Молчаливому спутнику многое казалось лишним. Раз он не утерпел и в простоте своей сказал: «не следовало бы тебе говорить этого, ты третье лицо в России: первый – митрополит, второй – архиерей, а третий – архимандрит.

Один благодетель обители, несмотря на свои старческие лета, ходил в сюртуке и носил накрахмаленную рубашку. Отец Архип говорит ему: «сюртук замени длинной свиткой и подпояшься поясом; рубашку носи простую: к чему тебе наряжаться, ты старик, – тебе надо к смерти готовиться».

Отец Архип, несмотря на свой претрудный образ жизни, не только сам всегда благодушествовал, но, движимый любовью к ближнему, то рано утром, то поздно вечером, то в одном, то в другом месте являлся утешать скорбящих и малодушных. «Чудный он у нас, говорил про него скитянин отец В., сам едва

ходит, а когда надобно утешить другого, прибежал веселый, запоем о смерти, ободрить словом; видя его, невольно сам ободрись». «Веселое сердце благотворно, как врачество, а унылый дух сушить кости». (Прит. 17, 22). Однажды того же отца В. обвинили в самовольной ловле рыбы. Дело это имел разобрать благочинный В., по малодушию своему, сильно скорбел. Вдруг к келье его – вне скита, пришел отец Архип, сел на скамейку и начал петь погребальную священную песнь: «Прийдите последнее целование дадим, братие, умершему». В. пригласил старца в келью. Вместо приветствия отец Архип просит его не скорбеть, и он успокоился. Приехал благочинный. Отец Архип спрашивает его: «говорят, меня тут за начальника поставили, могу ли я распорядиться одним человеком?» Получив утвердительный ответ, он сказал: «я благословлял В. рыбу ловить, пусть и теперь сходит; я с тобой поем рыбки». В. пошел, скоро поймал большую щуку. И для старцев была приготовлена хорошая уха. Другой раз во время богослужения в скитском храме старец подходит к монаху Г. и говорит ему: «не скорби», а потом спрашивает: «ты не скорбишь?» «Нет, батюшка, теперь особенных скорбей не имею». «Ну, так будут скорби, только ты не скорби, на свете все перевертывается и изменяется. Тебе бы лучше отказаться от старшинства». Сказав это, старец пошел на свое место и схиму, которая у него была одета наизнанку, перевернул на правую сторону. По некотором времени отца Г. сменили со старшинства и назначили на другое послушание.

Отец Архип предсказал предстоящие перемены иноков на послушаниях, предупреждая о несчастьях и вообще многим говорил будущее. Раз на пекарню пришел послушник. Отец Архип сказал: «у этого голос, как у отца Иннокентия, он будет игуменом». Тогда словам Архипа не придавали никакого значения. 17 сентября 1888 г. скончался архимандрит Иннокентий, и в настоятеля избран иеромонах Исаия, тот самый, которому старец предсказал игуменство более, чем за 20 лет.

Инок Тимофей видел во сне, будто отец Архип его исповедует. Утром, возвращаясь от ранней обедни из ближнего скита, подходит к нему старец и велит читать псалмы пред исповедью, молитвы и повседневное исповедание в грехах. В

тот же день отец Тимофей по послушанию своему пошел в темную кладовую, чрез открытый люк упал в погреб и разбился, но мог бы убиться до смерти. «Исповедными молитвами, говорил он, старец приготовил меня к смерти, и помилован я, может быть, только за его молитвы».

К одной девице сватался богатый жених. Она спрашивала о. Архипа: «выходить ли ей за богатого?» Старец сказал: «будет пить да бить. Лучше бедный, да благочестивый». Но ее уговорили выйти за того, который сватался. Он стал пить и жену бить. Тогда эта девица вспомнила слова прозорливца и горько раскаялась, что не послушалась его совета. Прошло несколько лет, она была в Глинской пустыни и об этом рассказывала отцу настоятелю.

Монах Иосиф по смерти о. Архипа говорил, что 6 лет тому назад, старец, указывая на каменный больничный корпус Глинской пустыни, говорил: «повыше больницы, где ограда, будет хорошая кухня». На том месте в 1897 году (год спустя по смерти старца) построен был новый деревянный больничный корпус. Больничная кухня помещается в конце, ближнем к каменному корпусу. Слова подвижника сбылись в точности.

Отец Архипа предсказывал время кончины отцов и братьев Глинской пустыни и посторонних. Благодаря этому, многие имели возможность заблаговременно, насколько могли, подготовиться к лучшему переходу в жизнь загробную.

В августе 1888 года старца видели лежащим и плачущим между главным и левым алтарями соборного храма. На вопрос о причине плача старец отвечал: «скоро все будете плакать». Через месяц все должны были оплакивать смерть любимого архимандрита Иннокентия. Замечательно, что почивший первоначально погребен был на том самом месте, где плакал отец Архип.

При легкой начавшейся болезни братского духовника иеромонаха Аполлония, отец Архип за 20 дней предсказал смертный исход.

Послушник Семен Викторov поступил в Глинскую пустынь в 1891 году и начал работать Господу со страхом и усердием. Это не могло нравиться врагу человеческого спасения, и вот он

употребляет свою обычную хитрость: любовью матери хотел поколебать любовь к Богу: «Похорони мать и тогда беспечно подвизайся в отречение от мира». Семен спросил отца Архипа; тот, несмотря на здоровый вид брата Семена и представительную наружность, прозревал краткость жизни вопрошающего и советовал остаться в монастыре. «Спеши, не медли, говорил он, куй железо, пока горячо, после будет поздно». Семен послушался старца и приложил особенное усердие к прохождению иноческого жития. Прошло 4 года; Семен заболел и на другой год, постриженный в мантию с именем Смарагда, блаженно скончался, вполне подготовленный к переходу в жизнь вечную.

Много было случаев, доказывающих, что о. Архип познавал чужие помыслы. Однажды к нему в дальний скит шли четыре инокини. Одна из них говорит: у меня голос перерывается, хорошо попросить у старца травки пить. Только подошли к скиту, выходит отец Архип подает ей траву: «вот тебе травка, пей». Ее спутницам дал по сухарику и всех оделил книжечками. «Святой батюшка, сказала получившая траву, сейчас узнал, что я говорила».

Послушник-живописец летом расписывал внутри теплую церковь. Входит туда о. Архип. Послушник подумал: «хорошо бы, если бы старец сказал что-либо на пользу». Прозорливец подошел к нему и говорит: «мы не можем подвизаться и поститься, как древние: будем есть, трудиться и смиряться, и Бог помилует нас».

Благочестивая девица N, желая более угождать Богу, отказалась от должности учительницы и хотела спросить: хорошо ли она поступила? Старец, как только вышел к ней, не дожидаясь вопроса, говорит: «дома лучше, себя учи, а потом в монастырь», и дал ей один из Глинских листков. Та читает и говорит: «хорошо, что я пошла к старцу: этот листок открыл всю мою душу».

Однажды, во время богослужения отец Архип подошел к одному брату и, отвечая на его мысли, говорит: «да, иди в N-скую пустынь, там тебя ждут, там лучше».

Кроме духовной мудрости и других благодатных даров, о коих мы уже упомянули, отец Архип имел еще дар целения. В подтверждение этого укажем некоторые случаи.

Инок Михаил выздоровел по молитвам схимонаха Архипа 20 марта 1894 года и тогда же на память записал следующее: «Около месяца я постоянно чувствовал слабость во всех членах, ломоту рук, ног, спины и бол в груди. Несколько дней лежал в больнице. Стало легче, поторопился выписаться, чтобы не запускать дел своих по послушанию, но недели через две болезнь возобновилась. Последние четыре дня (с 16 марта) меня стало тошнить: я не мог принимать никакой пищи, кроме булки и киселя, в саомо малом количестве. От этого слабость моя еще более усилилась: при малейшем движении меня бросало в пот. Голова страшно болела, а ноги, одетые в две пары теплых чулок и под теплым одеялом, не согревались, несмотря на высокую температуру в кельи. Вечером в субботу, 19 марта, я совершенно ослабел и не мог идти на воскресную крестопоклонную утреню. После обеда мой сподвижник по послушанию брат Димитрий просил благословения пойти в дальний скит к о. Архипу. Давая позволение, я сказал ему: «кланяйтесь старцу и попросите его помолиться за меня. Скажите, что я болен». В 4 часа дня я сразу почувствовал облегчение: озноб в ногах совершенно прекратился. «Верно о. Архип помолился за меня», подумалось мне. Это было действительно так. В 7 часов вечера я почувствовал себя настолько здоровым, что вышел подышать чистым воздухом и прошелся вперед и назад сажень 30. По окончании повечерия брат Димитрий пришел из церкви и передал мне: «перед вечерней отец Архип надел схиму и стал класть поклоны, мне с братом Иваном велел также молиться. Потом говорит: «будет здоров». Значит, Господь послал мне облегчение во время молитвы старца, желая показать, что исцеляет не ради меня, но ради ходатайства Своего угодника. Теперь 8 часов вечера. Я радуюсь облегчению болезни и, благодаря Бога, описываю свое исцеление».

У брата Петра развилась в сильной степени чахотка; дни его были сочтены; он сам готовился к смерти. В одно время отец

Архип подозвал его к себе и говорит: «поправишься и поживешь еще». В скором времени по молитвам старца он стал поправляться.

С переходом старца о. Архипа в дальний скит в 1894 году в ближнем скиту (где старец ранее жил) перестали выдавать народу траву. По некотором времени отец Архип говорил отцу Н.: «надо сказать раздающему листки (в ближнем скиту), чтобы он раздавал траву: чрез нее исцеления бывают, потому что она дается по благословию и с молитвою. Она (траву) для меня, как хлеб, напьюсь, и есть не хочется. Другие говорят, она горькая, а мне она сладкой кажется. Пусть также выдают сухари или хлеб. В хлебе тоже молитва и благословение. Многие мне говорили, что наш хлеб недорог, что значит раздать по кусочку 2–3 пуда»? О себе отец Архип не думал, хотя хлеб и трава имели целебное свойство для других по его же молитве. В состав травы. Раздаваемой старцем, входила небольшая часть мяты, Богородицкой травы, более же всего материнка и смородинный лист. От малой щепотки травы, положенной в чайный стакан, настой делался очень горьким, а отец Архип для себя клал в стакан целую горсть или же заваривал траву в чайнике. Настой получался густой, и пить его для непривычного было невозможно.

Отец Архип считал себя великим грешником, а исцеления приписывал благодати Божией; иногда некоторым он простодушно рассказывал, что и как у него случилось.

Однажды говорил он нам: «на днях была одна женщина, взяла меня за схиму и говорит: «ах, батюшка, я от вас исцелилась, рукой владеть не могла, а теперь владею». «По вере подал ей Господь» кротко прибавил старец.

Исцеляя других, сам отец Архип, как видно, не молил Бога о своем исцелении. Напротив, будучи больной, он не жалел своего здоровья, знал, что, если Бог не даст смерти, то и больной не умрет, а если пошлет смерть, то и крепкое здоровье не воспрепятствует ей. От долгих стояний в храме в течение многих лет, ноги старца, наконец, совершенно отказались служить. Это стало особенно заметно года за два до смерти подвижника. Не желая упасть, он, как дитя, перебегал от одного места к другому,

где ему можно было за что-либо задержаться, или же шел при помощи посторонних. Часто его беспокоили посетители; для них он жертвовал малым своим отдыхом и, несмотря на полное изнеможение, ради св. послушания выходил к ним.

Однажды, с целью узнать, где отец Архип изберет место своего погребения, келейник водил старца по скиту и вокруг скита, прося указать, где будет скитское кладбище. Много мест было указано, и ни одного подвижник не назначил для кладбища. А потому предположили, что о. Архип не умрет в скиту. Так и случилось. Силы отца Архипа постепенно слабели. С 10 декабря 1895 года он особенно начал готовиться к смерти, пожелал пособороваться и говорил: «скоро умру». Пред праздником Рождества Христова старец был очень слаб; желудок его уже не мог переваривать сухой, грубой пищи. Для большого ухода за старцем и большого его успокоения отец игумен благословил о. Архипу перейти в монастырь. Перед выездом в обитель старца соборовали. Он едва стоял, но не хотел ложиться; от внутренних страданий у него не раз невольно выходил болезненный стон.

13 января 1896 года подвижник перешел в монастырь и был помещен в угловой кельи иеромонашеского корпуса. Здесь старец несколько оправился. Опять начали водить или, правильнее, носить его в церковь, где он более сидел. Вставая только в важные моменты богослужения. В церкви оставался по-прежнему все время, пока совершалось богослужение с раннего утра до обеда. В дни причащения о. Архип после утрени оставался в храме до утра, пока не заблаговестят утром к акафисту. В это время старец обыкновенно выполнял свое келейное правило. Сном подкреплялся подвижник два – три часа вечером. В феврале о. Архип занемог еще сильнее и по несколько дней не вставал с постели. В конце апреля, по совету доктора, старца поместили в киновии среди соснового леса. Тут старцу легче, и он даже принимал посетителей.

В сентябре о. Архипу сделалось хуже. Однажды вечером его посетил о. настоятель; утешая, он между прочим спросил: «в чем еще он нуждается и просить у Бога»? О. Архип, показав на звездное небо, ответил: «хочу звездочки», и потом прибавил:

«Бог нам всем приготовил звездочки, а получить их от нас зависит». Под звездочкой о. Архип разумел райские обители святых. Чувствуя себя весьма слабым, он часто стал посылать келейника за духовником. Приходилось 1 ½ версты идти ночью лесом и в монастыре многих беспокоить не в урочное время. От этого замедлялось приобщение. В виду такого неудобства, о. Архип пожелал перейти в обитель. Об этом он 18 сентября просил одного инока передать о. игумену, но тот просьбу его передал на другой день, а ночью старец во сне явился о. игумену и просил его перевести в монастырь. Утром 19-го числа старец уже занимал прежнюю свою келью, где жил до «киновии». Отрадно было видеть старца, который на исходе из видимого мира спокойно взирал на неизбежную для всех смерть: она не страшна была ему, а радостна. 21, 23, 24 и 25 сентября старца причащали Св. Таин. 22-го числа отец Архип сказал келейнику: «умру в пятницу. В пятницу меня особоруйте». Таким образом, он за пять дней точно предсказал день своей кончины.

Но вот наступила пятница 27-го сентября 1896 года. Начали хлопотать о соборовании. Старец в этот день утром ходил и говорил; никто не думал, что сегодня предсказание его исполнится. Накануне этого дня келейник о. А. думал: «старец умрет; надо попросить у него благословения». Сказать этого однако не осмелился. Ночью видит во сне: будто о. Архип благословил его иконой Божией Матери «Умягчение злых сердец» и говорит: «ну вот я тебя благословил» Утром отец А. не упоминая о сне, сказал: «Батюшка, благословите меня». Старец отвечает: «вот икона, я благословил». При этом указал на ту икону, которую во сне благословлял просящего.

В 11 часов утра подвижника особоровали. Задолго до смерти старца настоятель приказал келейнику дать знать когда будет умирать отец Архип. Тот просил подвижника сказать о времени смерти. И вот 27-го сентября после соборования о. Архип велел идти и сказать о. игумену, что он умирает, а сам лег и уже не открывал уст своих для какого-либо слова, только на вопрос о причащении тихо ответил: «причастить». Сейчас же были принесены Св. Дары, и его причастили за полчаса до перехода в жизнь вечную. Одр умирающего окружили отец

настоятель и многие из братии. Принесена была явленно-чудотворная икона Пресвятой богородицы; ею настоятель осенил крестообразно подвижника, потом читали акафист св. великомученице Варваре и пели отходную. Во время отходной дыхание старца становилось все реже и тише, наконец, он без всякой агонии, тихо, едва заметно испустил дух, точно заснул, в 3 ½ часа пополудни.

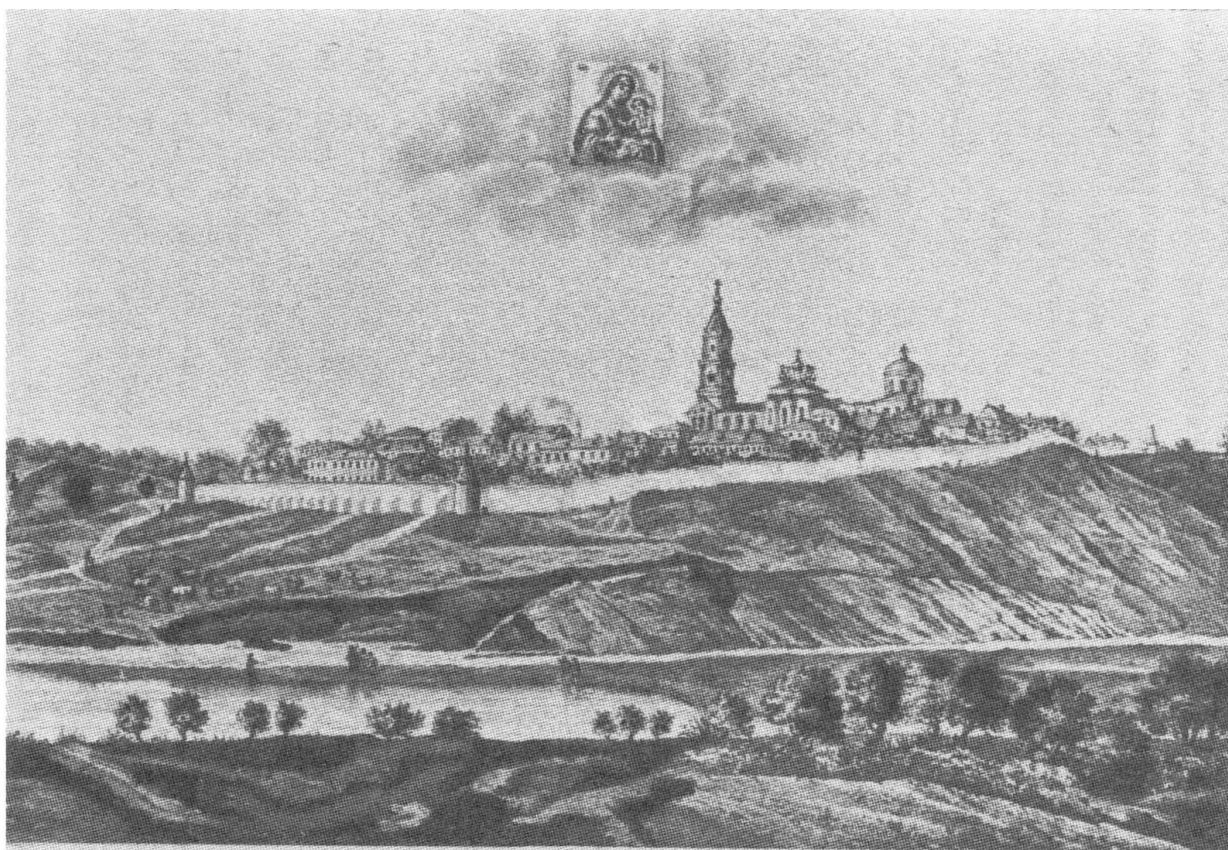
Еще при жизни старца один благочестивый инок видел во сне о. Архипа стоящего на молитве в светлой и прекрасной обители без окон и дверей. По смерти отца Архипа некоторые из братии видели почившего старца или восставшим из гроба, или живым и радостным, или вдруг явившимся, святящимся и благообразным. Монах Маркелл при погребении отца Архипа усомнился в его угодности Богу, хотя хорошо знал подвижническую жизнь старца. За несколько дней до сороковой памяти почившего он видит сон, будто отец Архип лежит в гробу посреди белой большой залы; многие шли туда, в число других и Маркелл. Отец Архип сел; подзвал его к себе. Лицо его было белое, благообразное, «как у святого». Подойдя к ожившему, Маркелл поцеловал гроб и подумал: «удивительно, нет никакого запаха». На эти мысли старец сказал: «обо мне ничего не думай, не сомневайся, давай поцелуемся». Несколько раз они поцеловались. На сердце отца Маркелла стало отрадно. «Потерпи немного, тебе будет хорошо, а обо мне не думай, не думай, что я грешник», еще подтвердил отец Архип. Монах Маркелл проснулся с чувством особенной радости и стал верить в святость почившего старца. Отец А., бывший келейник старца, чувствовал боль в груди; ему во сне явился отец Архип с сияющим лицом и сказал: «ничего не употребляй, кроме масла от лампадки Царицы Небесной». Когда боль усилилась, отец А. помазал грудь деревянным маслом от явленно-чудотворной иконы Божией Матери, и боль прошла.

29 сентября, в воскресенье, после литургии отпевание в Бозе почившего схимонаха Архипа совершал отец настоятель и собор священников. По ночам на могиле отца Архипа, как «звездочка» горит лампадка и напоминает о старце, который живя на земле, подобно звездочке горел любовью к Богу. Светом

своим лампадка возбуждает братию молиться о почившем подвижнике и самим, подобно ему, желать в небесах получить «звездочку»³⁵. h2 Основатель Борисовской пустыни генерал-фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметьев и его дочь княгиня Наталия Долгорукая

(Память 27 сентября)

При Петре Великом мыслящее русское общество делилось на две части: одна безусловно отстаивала необходимость и пользу всех нововведений, от ремесел художеств, наук до законов и обычаев иноземных; другая, принимая охотно все полезное в ремеслах, художествах, науках, не желала перемен в порядке русской законности и добрых обычаях народных. Сильный, миротворный ум Петра умел мирить эти противоположности и неуклонно шел к своей цели: иноземная сторона при нем не обнаруживала явно своего торжества; Русская сторона, из беспредельной любви и уважения к Государю, молча и терпеливо следовала за ним по пути его быстрых преобразований; с готовностью и послушанием усваивала себе полезные, вещественные и научные заимствования и подражания, заботливо устраняясь в то же время от заблуждений иноземных обычаев, образа жизни и философии, которые со времени Петра начали посягать на обладание умом и сердцем русского человека.

Тихвинская Борисовская пустынь

Графъ Борисъ Петровичъ Шереметьевъ

К числу главным представителем Русской стороны принадлежал и Борис Петрович Шереметьев. Старший сын боярина Петра Большого Васильевича Шереметьева (р. 25 апреля, 1652), возведенный царевною Софьею на степень боярина 1688 года, а Петром Великим в звание генерал-фельдмаршала и кавалера Св. Апостола Андрея 1702 года, за сражение при Эррестофере 1-го января, в котором он первый из русских одержал верх над Шведами, и в графское достоинство 1706 года; первый российский граф (ибо Головин и Меншиков получили в 1702 году графский титул от римского императора), Борис Петрович Шереметьев, сочетав все добродетели гражданина с дарованиями великого полководца, и тонкость дипломата с мудростью мужа думного, был одним из образованнейших Россиян своего века, советником и другом Великого Петра, и пользовался его неизменным благоволением до самой своей кончины.

Оставляя в стороне обозрение его общеизвестных заслуг на военном поприще, обратим внимание на его личные свойства, как человека и христианина. Сделав имя свое известным в России на поприще военном, Борис Петрович в 1697 году испросил у государя позволение отправиться в чужие края, с разумною целью обогатить свой ум новыми сведениями, в особенности по части военной. Возвратясь на родину в 1699 году, Борис Петрович явился к государю в немецком платье, с мальтийским командорским крестом, полученным от гротмейстера, и с драгоценною шпагою, подаренной ему от императора Леопольда, и был принят с восторгом юным монархом.

Но, отложив из угождения царю русский кафтан и бороду, и обогатив свой ум положительными сведениями, в особенности по части военного искусства Борис Петрович не увлекался ложным блеском иностранного просвещения и до конца своей жизни остался истым русским боярином, по уму и сердцу. Воздавая кесарева кесареви, а Божия Богови, он, с пламенной любовью к царю и отечеству, соединил любовь к Православной Церкви и ее уставам, и уважение к добрым обычаям предков; был благочестив, милостив, щедр и великодушен. Обозревая

военное поприще Бориса Петровича, исполненное ряда самых блестящих успехов, становится очевидным, что рука Божия была с ним, и фельдмаршал благодарно признавал это в своих действиях: основание Борисовской Тихвинской пустыни, которую он устроил в кивот досточтимый им иконе Богоматери, своей заступнице и пособнице, богатые, сереброкованные царские врата, принесенные им в дар любимой им Киево-Печерской лавре, суть благодарности Победодавцу. За оказанные Им милости и вместе незыблемое свидетельство праотеческого благочестия фельдмаршала.

Вот какие сохранились сведения об основании им Борисовской обители.

Предание повествует, что когда, по предложению фельдмаршала, государь решился дать Шведам генеральное сражение под Полтавой, то назначил оное на 26 июня, то есть в день, посвященный Церковью празднованию явления чудотворной иконы Тихвинской Божией Матери, а благочестивый фельдмаршал, имея особенную веру и усердие к сей богородичной иконе, сопровождавшей его во всех походах, упросил государя отсрочить битву на один день, желая почтить оный приличным празднованием Божией Матери, дабы накануне решительной борьбы, который должна была решиться судьба двух царств, испросить себе и вверенному ему воинству молитвенный покров и заступление Царицы Небесной.

Упование не постыдило благочестивого военачальника: предводительствуя в достославный день Полтавской битвы центром Российской армии, находившейся под личным наблюдением самого монарха, Борис Петрович отличился примерною храбростью, являлся в самых опасных местах и испытал над собою очевидный знак небесного заступления, ибо, находясь в жесточайшем огне, остался невредим, даже и тогда, как пуля, пробив латы и платье, задела рубашку, выказавшуюся из-под расстегнутого камзола. У государя также в сей достопамятный день была пробита пулею шляпа.

Обрадованные богодарованной победою и относя как ее, так и чудесное сохранение своей жизни, заступление Божией матери, «осенившей над главою их в день брани», монарх и его

полководец молебно праздновали день сей, «восписуя благодарственная Единой, имущей державу непобедимую». По свидетельству того же местного предания, на обширном пути из под Полтавы, монарх посетил своего полководца в любимый им Борисовке, которая в то время, как новоустроенная, была еще невелика и небогата постройкой. Державному гостю имела честь послужить для отдыха небольшая горница сельского (с дубовым столом и лавками) домика, благоговейно сохраняемого и доньше владельцами Борисовки, в память высокого посетителя.

Здесь-то Борис Петрович объявил Монарху сердечный обет, данный им перед битвой Полтавской матери Божией, если останется победителем, основать в Борисовке, в честь чудотворной Тихвинской иконы иноческую девическую обитель. Государь, одоблив сию благочестивую мысль своего полководца, сам избрал место для построения обители. Он, как утверждает предание, обозревая, вместе с фельдмаршалом, живописные окрестности Борисовки, обратил особое свое внимание на ту гору, которую занимает ныне обитель и, повелев сделать большой деревянный крест, собственноручно водрузил оный на вершине горы, назначая тем место то для церкви, во имя любимого им праздника – Преображения Господня, что по времени и было исполнено построением в ней теплого храма сего наименования; главная же церковь, согласно первоначальному намерению графа Бориса Петровича, была устроена в честь Тихвинской Богоматери; отчего и самая обитель получила наименование Борисовской-Тихвинской.

Всякий, кто посещал Борисовскую обитель, неоспоримо должен сознаться, что выбор для нее места делает честь вкусу государя, указавшего оное.

Гора эта, будучи выше других, стоит отвесно над рекою, возвышаясь над нею, как неприступная скала: она почти отделена от цепи проходящих здесь холмов: с юго-востока обтекает ее река Ворскла, живая свидетельница славной битвы Полтавской; на противоположном берегу ее привольно раскинута Борисовская слобода; на юге, под горою расстилаются на дальнее пространство живописные луга, прорезанные ручьями. С запада горы и дебри, покрытые густым лесом; лишь с севера

гора эта соединяется небольшим перешейком с грядою холмов, также покрытых лесом.

Началом обители послужила, по словам того же предания, деревянная часовня, построенная, как полагают в 1711 году, в которую граф Борис Петрович тогда же пожертвовал копию с принадлежащей ему иконы Тихвинской Богоматери, в сребропозлащенном окладе; часовня эта по времени была обращена в церковь в честь Тихвинской Божией Матери. Когда именно это случилось, неизвестно; но в завете, писанном рукою самого фельдмаршала 1 января, 1714 года, где обитель Тихвинская называется новопостроенной, упоминается о церкви, и повелено «неотменно» в течение 1714 года пристроить к ней небольшую деревянную колокольню, по данному для сего чертежу. Теплая церковь в честь Преображения господня, вероятно, построена в то же время, или несколько после (не позже 1719 г.); о ней упоминается впервые в надписи на напестольном Евангелии.

Первое письменное сведение о Борисовской пустыни составляет, так называемый, Завет, писанный собственною рукою генерал-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметьева. Этот драгоценный для обители акт есть безмолвный, но красноречивый, памятник христианской любви и попечения о ней ее приснопамятного основателя и замечателен в биографическом отношении, потому что служить выражением нравственного характера одного из замечательнейших лиц нашей переходной поры (см. Краткую биографию графа Бориса Петровича в приложениях к «Историч. Описанию Борисовской Тихвинской пустыни»).

«1714 года января 1-го дня. Завет блаженныя памяти Генерал-Фельдмаршала Графа Бориса Петровича Шереметьева о содержании монастыря девического, Тихвинской Пресвятой Владычицы Богородицы, на каковом основании оному быть и какую ругу производить, Его Высокографского Сиятельства властною рукою надписан, и много своею рукою изволил писать. Который в Архиве слободы Борисовки между прочими делами. По листочкам в разных местах, едва собран, для бережи, чтоб от небрежения и совсем не утратился, отдан на сохранение в сей

Богоматери монастырь, для вечного соблюдения потомству, который хранить за печатью в ризнице, на вечное поминовение имени Его Сиятельства».

«Января 1-го дня. Завет, или артикул, как содержать новопостроенную обитель в слободе Борисовке, нарицаемую Пресвятые Богородицы Тихвинская.

Иметь в той обители двенадцать сестер, третьюнадесять Игуменью, и все б старицы умели грамоте, кроме старухи, которая принята с крылошанкою, а прочие, которые иные обретаются в Борисовке, а крылоса править не умеют, тем отказать; а как зберутца все старицы, и им велел меж себя выбрать в Игуменьи, ково Дух Святый изберет, и бить челом Архиерею, чтобы ее посвятил; ехать тот час неотлагательно к Архиерею, и бить челом о Священнике-монахе, которому быть у них Духовником, и сделать ему келью в монастыре у святых ворот с каморою и огородец малый, а у того Священника быть келейнику старому человеку и ведомому, доброго жития, а иным никаким мужчинам в монастыре отнюдь не быть, и мушине кроме Воскресных дней. К литургии не пускать; а кроме обедни, ни к вечерни, ни к заутрени, ни в какие дни отнюдь не пускать, и к свойственницам к черничкам и свойственных людей, кроме обедни, не пускать.

1714 года. Также в Пономарях, ни в Дьячках, ни на крылось мужчинам не быть, а отправлять пономарство и на крылосах стоять черничкам. И таких прибирать, чтоб все умели читать и вспевать; также бы старочки не держали при себе хлопцев в кельях для учения грамоты. А кто похочет держать у себя в кельях девчин, для услуг и для учения. И быть той Святой обители общине, и по все дни сходится за трапезу. А не по кельям есть; также из монастыря не только что куда отъехать, или пойтить. Ни на рынок отнюдь не ходить без благословения духовника и Игуменьи; ходить куда с благословением для покупок монастырских, или для каких нужд с благословения по две. С старою молодая. И нигде не ночевать и не в потребные дома и в шинки не входить отнюдь; а которые будут ходить без благословения, таковых смирать: класть под порог и шелепами бить и из обители вон высылать, а таковых отнюдь не держать, и

другим соблазна не чинить, и регулу не нарушать; только быть в обители святой воротнику одному, пастуху, водовозу, и всего того смотреть Шафару (ключнику) и выбрать Шафара миром, доброва и смиреннова, набожнова, изо всех слобожан, и довольствовать ему. как положено в инструкции ниже сего. Как содержать игуменью с сестрами в каком довольстве, а что надобно, имать у Комендантов, кто будет в Борисовке, а ему, Коменданту, по сему моему Указу, не ожидая и иного указа и не описывая ко мне, исполнять без всякой волокиты, и не чинить им ни малых впоны (препятствия).

Реестр, что надлежит по сему моему предложению им, законницам, давать денежной руги, и какову иметь трапезу с предбудущего 1714 года.

Игуменьи на год по три рубли. Крылошанкам и Пономарю и всем 12 человекам по два рубли. Да в четвертый год давать по десять овчин неделаных. Трапеза поставляется в Воскресные дни: по два полумеска рыбы, какая случится; в скоромные дни: каша с маслом, пироги с сыром, борщ с забелю. Или какая ярина, квас всегда с перемешкою; в посты во все четыре и в мясоед в понедельник. В среду. В пяток, отнюдь не ставить никакой рыбы, но только борщ и ярина. А в протчие дни во все с алеем по три стравы, чтоб были довольны; а в праздник на Живоносное Христово Воскресенье и на всю неделю рыба, и яйца, и масло, по четыре стравы. пива и меду давать по порции, а вина отнюдь не только давать, ни в кельях не держать и в монастырь не вносить, а кто внесет, на таких имать штраф и бить нещадно.

Да им же в монастырь (дать) пять коров, двенадцать овец, да барана, две лошади. А воротнику, и пастуху, и келейнику Духовникову давать на свиты по рублю, да в третий год по шубе, а питатца им тем же, что и старицы, а на все выше писанные расходы держать Прикащику деньги из моих наличных доходов; а хлеб и протчее, какой мой хлеб собирается, выдавать по вся года без задержания; только тово ему, Коменданту, смотреть накрепко, чтоб лишнево не шло на сторону и прихожим моим не делился, только б сами довольствовались, и доверить ему,

Коменданту, что будет хлеба на день расходитца и на квас. И что в год с рыбою, с медом и с пивом в указанные дни изойдет.

На две лошади, кои им даны, давать по вся годы на шесть месяцев овса по пяти четвертей, и смотреть того, чтоб давано было тем лошадям по расположению, чтоб им стало та пять четвертей на шесть месяцев, с Октября по апрель месяц, а в иные месяцы летние не давать;; а пяти коровам и тринадцати овцам и вышеописанным лошадям чтоб было без нужды, отвести пожню и косить миром. А в монастырь привезти вдруг миром же и скласть хорошенько, чтоб не погноить. Сделать две коляски, и отдать им, ежели куда понадобится ехать Духовнику, или Игумени, или куда пошлет старицу Игуменья, и два хомута дать ременные не гнусные и возжи воровенничие, чтоб не гнусно было ехать. Также в зиму выше писанной скотине сколько по потребу будет надобно соломы, собирать с громады и отдавать безволокитно. Кухарку и кому хлебы печь и прачку выбрать из тех же из двенадцати стариц. Ково они изберут; им же дать три скатерти на стол, за которым могут все усестца, да пятнадцать полумерок каменных, двадцать тарелок деревянных, две солонки оловянных, горшков давать с потрубе, три жбана, в чем носят квас, шесть стаканов склянных, чем пить; а ножи и ложки, шалфетки иметь свои, квашню и чем покрывать, и чашу, в чем хлебы мешать, дать же, а хлебы печь такие, чтоб хлеб четверем сестрам был. А не большие, соли давать с потребу.

А сходитца всем за тарпезу в одну келью, докуля будет особливая келья построена; и построить келью на весну неотлагательно с пекарнею и кухнею, где место назначено и каков чертеж дан, также построить колокольню небольшую, каков дан образ ниже сего, сделать било по обычаю монастырскому, и выбрать будильницу, и смотреть тово на крепко Коменданту и Шафару, чтоб чин был монастырской и всякое благочиние и смирение; а паче же, чтоб из монастыря без благословения и смирение; а паче же, чтоб из монастыря без благословения не выходили отнюдь; а если кто из них явитца дерзкая, и таких, не описавшись ко мне, с наказанием выслать вон с нечестью, чтоб иным неповадно было; а которые будут высланы. В то место принимать грамотных которые бы могли

крылось держать и читать; и принимать известных, а неведомых не принимать, также и рукодельных искать, чтоб тем обитель святая расширялась. По вся воскресные дни и по Господским праздникам и Богородичным ходить по церкви и собирать, кто что даст, и те сборные деньги собирать целый год; как год минет и Шафару с Комендантом при Игуменьи те деньги вынуть и держать на монастырские потребности и на выше писанные скатерти и всякую столовую посуду и на кухню, чтоб теми деньгами удовольствоватца. А не из казны имать; а будет же сбору больши, то употреблять на свечи, на ладонь и на церковное всякое украшение. А будет кто станет молебны петь, и на сорокусты давать или на монастырь милостыню также собирать в ящик погодно, и как минет, по тому же распечатывать, и Коменданту с Шафаром и с Игуменью разделить половину всего сбора Духовнику, а из другой половины третью часть Игуменьи, а достальныя крылошанкам с прибавкою и Пономарю, а другим по чему достанетца, чтоб никто из них обижен не был.

Духовнику на платье на год давать денег по пяти рублев. А пища, что будут сестры есть; да сверх пяти рублев давать ему в день Пресвятой Богородицы Тихвинской восемь алтын две деньги, на праздник Ангела моего Бориса и Глеба, три алтын две деньги; на Ангел жены моей, тако же сына Михаила, сына Петра, дочери Анны Борисовны, по три алтына по две деньги. На праздник светлого Христова Воскресенья и Рождества Христова же по две гривны; и того четыре гривны. Две субботы вселенская бывають в год по восемь алтын две деньги на панихиду, и петь панихиду большую, а по вся субботы, чтоб были панихиды малые, а в прочие дни, когда будет служба, были бы литии. Сделать книги, что всегда будет расходитца денег, хлеба, и положить, что всего надобить по цене.

Чтобы в Воскресенье дни и субботу, в пятницу и в среду были литургии; будет не может во всю неделю, по вся субботы были б, меж утрени и литургии. Акафисты Пресвятые Богородицы. На литургии поминать за упокой: Боярина Василия, иноку схимницу Евпраксию. Боярина Петра, Боярыню Анну, Боярина Василия, Боярыню Параскеву, Боярыню Евдокию и чад ее, Боярина Петра и Грипену. Воскресные дни петь молебны о

здравии: Боярина Бориса, Боярыни Анны, Михаила, Евдокии и чад их; младенца Петра, Анны и чад ее, Боярыни Марфы и чад ее, Князя Иакова, Александра, Князя Петра, Луки, Василия, и всех Православных Христиан».

Подлинная со склейками была подписана (в начале): Января 1-го дня 1714 года"... (в конце): «рукою властною Борис Шереметьев».

Приписка: Еще в пополнение штата писанным пунктам, когда будет праздник Пресвятой Богородицы Тихвинская, праздновать и петь всенощные и ходить со всеми Священники с процессию и соборно молебствовать, и кто будет приходящих молебщиков, уготовать им трапезу и кормить в трапезе с медом и с пивом довольно: водки бы отнюдь не было; стариц выпускать из монастыря славить на Рождество Христово, на Воскресенье Христово, на утрия Тихвинской Богородицы со святынею, и что дадут мирские люди деньгами, наделять им по рукам, а что хлебова, или что иное, то имать в общину, а по рукам не давать.

Сделать по четыре ризы с четырьмя подризниками с отделкой обыкновенною, белые шитые; поручи шитые, красный шелк золотом.

Подвоскресные ризы шить одним шелком; по две дневные выбойчатые белые: под панихидные черные, белые же с черным шелком. Дать в монастырь три топора».

Завет сей служить лучшим подтверждением справедливо вышеописанного предания о начале обители; ибо из него легко можно усмотреть, что основание обители не было делом случайным, или говоря языком светских писателей, фантазию, прихотью богатого и щедрого вельможи. Нет, прочтите внимательно сей Завет и вы убедитесь, что для того, кто писал его, это было дело глубоко обдуманного сердечного совета возданием Божию – Богови, по данному обету. Кроме уважения к предпринимаемому делу, здесь видны заботливое внимание и любовь, от которых не ускользнули и малейшие подробности быта тех, кого позовет Господь на служение в создаваемую обитель. По христианскому смирению, считая себя лишь орудием Промысла Божия, благочестивый основатель не взял на

себя даже права избрать начальницу для основанной им обители: «а как сберутся все старицы, пишет он в своем Завете, и им велеть меж себя выбрать в Игуменьи, ково Дух Святой изберет, и бить челом Архиеерею, чтоб ее посвятил». Какой замечательный урок нынешним благотворителям, которые иногда, пожертвовав бога ради небольшую сумму на какую-либо монастырскую потребу, домогаются, чтобы она была исполнена непременно по их указанию, плану или проекту, считая всякое благое в нем изменение за личную себе обиду.

Зато и начинание, основанием которому послужило столь любимое Господом чувство, было утверждено благословением свыше, и по слову Псаломпевца: «Пустыня процвела яко крин». Завет сей, мы видим, что к 1 января, 1714 года, Борисовская обитель находилась в следующем виде: монастырь, занимая небольшое пространство, в длину и ширину не более сажень, кругом был обнесен деревянною оградю. В нем было две церкви: одна летняя, холодная, в честь Тихвинской Божией Матери, в которой помещался и список с сей чудотворной иконы в сребропозлащенной ризе, пожертвованной основателем обители на благословение и утверждение ее, вскоре и сия икона, по усмотрению Божию, прославилась знамением благодати Божией, и в монастырской описи 1799 года она уже прямо именуется «чудотворною», и исчисляется до 50-ти привесов к ней, в память различных исцелений.

Вторая церковь в честь Преображения Господня, тоже деревянная, теплая. О существовании сей церкви в самые первые годы обители видно из собственноручной надписи графа Бориса Петровича на напрестольном Евангелии (см. ниже при описании ризницы); в том же 1714 году велено было, по данному самим графом чертежу, «неотлагательно» построить небольшую колокольню и трапезную келью с пекарнею и кузнею.

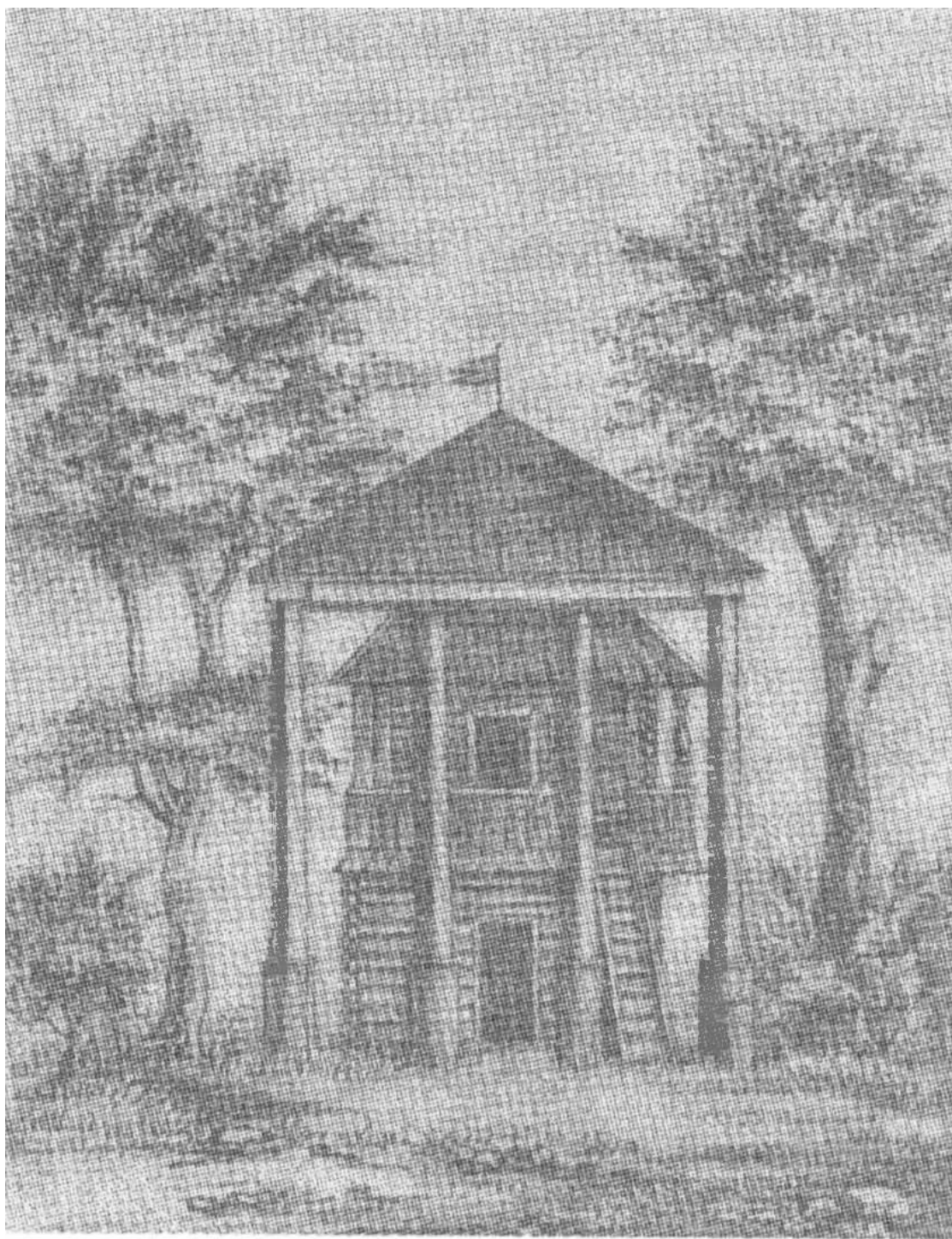
Но, выражая в своем Завете желание, чтобы новоустроенная св. обитель «расширялась», благочестивый основатель, конечно, не мог тогда предвидеть, что сам же он положил препятствие такому расширению учреждением общей трапезы с ограничением оной строгим запрещением не только отдельно не готовить, но и не держать по кельям никакой пищи. Это

запрещение хотя и не могла быть исполняемо в точности, но пока учреждение общины имело силу закона в глазах содержателей обители, оно было главным препятствием ее расширению; ибо при общей трапезе, поставляемой лишь на 13 человек, и при выше упомянутом запрещении, нельзя было принимать на искус желающих, ни на общее монастырское, ни на собственное свое содержание, и чрез то обитель была лишена одного из существенных условий для своего расширения и процветания: не имела возможности постепенно возвращать и воспитывать духовно у себя и для себя будущих чад своих. Мы еще должны будем возвратиться к сему предмету, а теперь продолжим рассказ наш. Устное предание называет первую настоятельницею обители в сане игуменском старицу Иустину в просторечии Устинью; вторую – Иулианию Данилевскую. На сколько времени продолжилось настоятельство каждой, и чем особенно ознаменовано было, сведений о сем нет. Общежитие, как мы уже видели, по воле основателя, состояло из 12 стариц, кроме игуменьи. Имена первых насельниц обители, к сожалению, неизвестны. Первым духовником был иеромонах, который, после кончины его, последовавшей в 1719 году, по распоряжению местного архиерея, был заменен белым священником.

В декабре 1714 года фельдмаршал, будучи позван Государем в Петербург, сам того не зная, простился навсегда с Украиной и с своей любимой Борисовкой, где он провел самые тихие годы своей жизни, отдыхая в своей семье на свежих еще лаврах, будучи любим и почитаем от всех, его окружающих и подвластных за благодеяния, щедро им излитые на Украину, в пределах которой, как замечает его жизнеописатель, граф «с юных лет обращался и оказывал всегда Малороссиянам в справедливых их требованиях благосклонное приятие».

В следующем 1715 году граф получил приказание ехать к армии и, прибыв к полкам, поспешить с ними в Померанию, куда, по обстоятельствам, прибыли они не прежде весны 1716, зазимовав в Польше. 8-го апреля, 1716 года было совершено бракосочетание Государыни Цесаревны Екатерины Иоанновны с Герцогом Мекленбургским, при котором присутствовал и фельдмаршал со всем генералитетом. Мы упомянули здесь о

сем обстоятельстве лишь потому, что с ним имеет связь последнее известное нам распоряжение графа, относящееся к основанной им Борисовской Тихвинской пустыни. Приводим здесь в подлиннике этот любопытный документ, отысканный в Борисовском Вотчинном Правлении.

*Домикъ Петра I-го въ Борисовскѣ,
въ которомъ онъ останавливался
послѣ Полтавской битвы въ 1709 г.*

«От графа и Кавалера Генерал-Фельдмаршала Бориса Петровича Шереметьева. Указ мой, собственной руки моей, в слободу мою Борисовку, Коменданту моему Степану Перяшнику и Громаде и всей Старшине: Как сей мой Указ получишь, и Ее Величества государыни Цесаревны и Великой Княгини Екатерины Ивановны Горнея Ее Францимирка, девица Марья Федоровна, Шведка, прибудет в Борисовку, прими ее с честью великою и с удовольствием великим. А она, девица, от Ее величества отпущена с милостью, по желанию ее пострица, и будет она пожелает в монастырь Тихвинской Богородицы пострица, призови Архимандрита с благословения Архиерейского, Митрополита Белгородского и Обоянского, и постригите ее, с обыкновенною церемониею, и кто будет на пострижении, каких властей и Священников, всем уготов трапезу со всяким удовольствием, моим коштом, со всякою довольностью и с почтением, и сыщи ей келейницу добрую и звычайную и грамотную, также чего не будет у тебя требовать, каких припасов для своего довольствуй, чтобы ни чем не была скудна; а которой драгун с нею послан в провожатых, вели ему быть в Борисовке до Указа, и дать ему хлеб и жалования из моей суммы, чтоб он не был по препорции своей и окладу скуден. А ежели она, девица, пожелает ехать к Москве, отпустите ее с честью, и того драгуна с нею, и удовольствуй на дорогу всем, что потребно будет, со всяким довольством; а ежели она пострижется в том Тихвинском монастыре, попроси Игуменью и наместницы и уставщицы, чтобы к ней имели снисхождение и почтение и удовольствие перед других сестер; а будет же Андрей Семенович Бахрастов с тою девицею прибудет в Борисовку, особливую ему учини честь и довольство; ибо он zostает в милости Государыни Цесаревны и мне друг добрый, и как он похочет ехать к Москве, проводи его сам до Белгорода, и дай ему подводку, на чем надо быть до Белгорода, и что ему будет в дорогу потребно. Также я послал письмо Преосвященному Митрополиту о пострижении выше именованной девицы, и то мое письмо вручи ему, Архиерею Божию; пиши и мне, что по

семь учинится, и о тамошнем состоянии, как моя состоит слобода хранима Богом и Пресв. Бож. Мат.»

Новоустроенной обители уже не суждено было более видеть своего знаменитого основателя: он скончался мирною христианскою кончиною 17-го февраля, 1719 года, от водяной болезни, проведя последний год своей жизни в Москве, приготавливаясь к переходу в вечность подвигами христианского милосердия, прославившими имя его еще более, нежели известные всему свету его военные доблести. Судя по словам жизнеописателя фельдмаршала. Что он в завещании своем «наипаче щедрым показал себя подаянием в монастыри и церкви», надобно полагать, что при этом граф, конечно, не забыл и о Борисовской пустыни. Хотя нам и неизвестно, что именно сказано о ней в его духовном завещании, но, судя по вниманию, которое оказывал обители наследник графа и владелец Борисовки, сын его, граф Петр Борисович, надобно предполагать, что фельдмаршал. В лице его обязал своих потомков поддерживать и снабжать основанную им обитель.

Несметное достояние, ему принадлежащее, было приобретено самым доблестным образом: можно сказать, что не было пяди земли, ему пожалованной, которой бы не заслужил он усердием и кровью, но по духу благочестия, памятуя, что «всякое даяние благо и всяк дар совершен, свыше есть нисходяй от Отца светов» он был Евангельски щедр и милостив к бедным, как благий и верный раб ущедрившего его Домовладыки небесного. Особенно последние годы жизни своей, проживая в Москве вне службы, он, как бы искупая время, посвятил исключительно благотворительности: бедные семейства толпились вокруг палат его. Вдовы с детьми, лишенные надежды на пропитание, и слабые старцы, потерявшие зрение, получали от него всевозможное пособие. Герой был отец сирот, принимал их под свое покровительство и по способностям определял к местам. Все эти высокие черты милосердия и увлекательная общительность его характера, делавшая его доступным всем и каждому, доставили ему ту нелицемерную любовь народную, о которой между прочим упоминает дочь его Наталья Борисовна в своих записках, как о

вещи общеизвестной его современникам. «Вы довольно известны, я надеюсь, пишет она, что отец мой очень был любим народом, и до днесь его помнят». Приветливость его в обращении простиралась до того, что часто разъезжая по Москве, окруженный множеством скороходов и домовыми войсками, останавливался он на улице и выходил из кареты, чтобы подать руку старому сослуживцу или оказать помощь просящему. Дом графа был прибежищем для всех неимущих: с одной стороны угождая желанию любимого им монарха, с другой свято чтя наследственную от предков добродетель хлебосольства, фельдмаршал жил открыто. Но открыто именно по христиански, то есть, для всех и преимущественно для неимущих чем воздать за стол его, на котором не ставилось менее 50 приборов даже в походное время, садился всякий, званый и незваный и незнакомый, только с условием, чтоб не чиниться пред хозяином. Обеды его, приготовленные лучшим образом, не обращались, из подражания иноземцам и по их примеру. В шумные пиры, но имели характер семейной простоты и вместе чинности, основанной на той благочестивой мысли, что пища есть дар Божий, и потому вкушение ее должно сопровождаться не глумлением, а благочестивым настроением души. Фельдмаршал ненавидел излишества и не любил бесед, в то время обыкновенных, в которых кубки с вином играли главную роль. Сам Петр столько уважал его, что никогда не принуждал пить, и во время праздников государевых Шереметьев освобожден был от наказания осушать кубок большого орла. Будучи другом и советником царя, Борис Петрович любил его прямо русскою душою, без лести и рабского страха. Он мужественно перенес гнев государя, но осуждения царевичу Алексею Петровичу все таки не подписал. Великий умел ценить эти редкие свойства своего полководца и чрезвычайно уважал его, называя своим Боярдом и Тюренем, и между прочим всегда встречал и провожал до двери своего кабинета – отличие, которого никому иному не оказывал.

Борис Петрович Шереметьев скончался 17 февраля 1719 года от водянки на 67 году от рождения. Смерть его горько оплакана была и Петром, и всеми русскими воинами, коих

Шереметьев так долго и так постоянно водил к победе, и всеми бедными и нищими обеих столиц, для коих был он отцом милосердным. Огорченный монарх, известясь о чувствительной для него и России потере, приказал перевезти тело Шереметьева в С.-Петербург, несмотря на завещание усопшего, чтобы его похоронили в Киево-Печерской лавре. Оно было предано земле со всеми почестями высшего звания 10 апреля, в Лазаревой церкви Александро-Невской лавры, в присутствии монарха и всего двора, иностранных министров и генералитета. Фельдмаршал граф Борис Петрович женат был два раза. От первой супруги Евдокии Алексеевны Чириковой имел он сына графа Михаила, родоначальника старшей ветви графов Шереметьевых, имеющей ныне пребывание в Москве, и двух дочерей Софью и Анну. От второго брака со вдовою родного дяди Петра Великого, боярина Льва Кирилловича Нарышкина, Анною Петровною Салтыковою, фельдмаршал имел двух сыновей: графа Петра, родоначальника младшей ветви, владеющей огромным Шереметьевским достоянием, и графа Сергея, род коего пресекся, и трех дочерей: Наталью, Веру и Екатерину. Средняя его дочь княгиня Наталья Борисовна Долгорукая, родившаяся 17 января, 1714 года, и была одною из самых замечательных русских женщин своей поры, женщина, память которой вечно будет служить образцом христианских добродетелей, и в особенности самоотвержения, твердости духа, испытанной, по воле Божией, многообразными искушениями, в коих она, по собственному признанию, подобно Иову, ни разу не дала безумия Богу ропотом на свою судьбу.

Она оставила по себе трогательные записки о претерпенных ею скорбях, писанные ею для сына и невестки. Эти записки напечатаны были впервые внуком ее, князем Иваном Михайловичем Долгоруким в журнале «Друг юношества», 1810 года, потом в сказании о роде князей Долгоруких, кн. П.В. Долгорукого (С.-П.-Б., 1840), и наконец в «Русском Архиве» (1867 г., кн. I). Проследив по ним и по другим правительственным материалам жизнь этой незабвенной для сердца русского страдальцы, архимандрит Леонид в своем очерке Борисовской обители говорит: «считаю ее в особенности

поучительною для тех, которые, посвятив себя жизни иноческой, почему-бы то ни было еще не вполне отрешились от мирских пристрастий и обманчивости земных надежд и счастья, и потому могут иногда увлекаться помыслами о них. Следующее место этих записок вполне обозначает христианские чувства писательницы и показывает цель, которую она имела при описании своей скорбной жизни. «Господи! Дай силы, говорит Наталья Борисовна, изъяснить мои беды, чтобы я могла их описать для знания желающих и для утешения печальным, чтобы, помня меня, утешались. И я была человек, вся дни живота своего проводила в бедах, и все опробовала: гонения, странствия, нищету, разлучение с милым, все, что кто может вздумать. Я не хвалюсь своим терпением, но о милости Божией похваюсь, что Он мне дал столько силы, что я перенесла, и по сие время несу; невозможно бы человеку смертному такие удары понести, когда бы не свыше сила Господня подкрепляла. Возьмите в рассуждение мое воспитание и нынешнее мое состояние». Надеюсь, что выписка сего места из записок Натальи Борисовны достаточно оправдывает нас в том, что мы нашли уместным приложить краткую биографию этой добродетельной женщины к истории девичьей обители, основанной ее знаменитым родителем».

Оставшись по смерти своего отца пяти лет, Наталья Борисовна воспитывалась под крылом милостивой, как она ее называет, матери, которая усердно старалась о нравственном воспитании ее и употребила все возможное к умножению ее природных достоинств. Однако, пишет она, «все мое благополучие кончилось, смерть меня с нею разлучила, я осталась после милостивой своей матери четырнадцати лет. Это первая беда меня встретила. Сколько я ни плакала, только еще все недоставало, кажется, против любви ее ко мне». Дорожа паче всего добрым именем, молодая графиня решилась вести жизнь уединенную в доме брата своего, отказавшись от всяких удовольствий. Замечая причину этого, она говорит: «правда, что в тогдашнее время (в первой половине XVIII столетия) не такое было обхождение в свете; очень примечали поступки молодых, или знатных, девушек; тогда не можно было так мыкаться, как

нынешний век» (писано между 1757–1771 годами). «Я свою молодость пленила, продолжает она, разумом, удерживая на время свои желания, заранее приучила себя к скуке. И так я жила после матери своей два года». Многие ли девушки нашего времени, нередко посмеивающиеся старине, так рассуждают и столько заботятся о самовоспитании в пятнадцатилетнем возрасте!

Вскоре лучший по-видимому жребий представился для Натальи Борисовны: князь Иван Алексеевич Долгорукий, любимец Императора Петра II, родной брат его невесты, обер-камергер Высочайшего двора, майор лейб-гвардии Преображенского полка, кавалер ордена св. Андрея Первозванного, 22 летний юноша красивой наружности, ума пылкого, ловкий, вкрадчивый, начал искать руки и сердца княжны Натальи и получил желаемое. Рассказывая об этом, она замечает: «и я ему ответствовала, любила его очень, хотя и никакого знакомства не имела с ним прежде, нежели он моим женихом стал: но истинная и чистосердечная его любовь ко мне на то склонила». Императорская фамилия, иностранные министры, придворные чины, весь генералитет присутствовали при обручении их, которое совершал архиепископ Феофан Прокопович, 24 декабря 1729 года. Перстень жениха был в 12000 рублей, невесты в 6000. Родственники Долгорукого осыпали Наталью Борисовну богатыми дарами. «Мне казалось, пишет она, по моему малодушию, что все это прочно и на целый мой век станет, а того не знала, что в здешнем свете нет ничего прочного, а все на час... Это мое благополучие не более продолжалось, как от декабря 24 дня по 18 день января. Тут моя обманчивая надежда кончилась; со мною так случилось, как с сыном царя Давида, Ионафаном: лизнул медку, и за то пришло было умереть; так и я: за двадцать шесть дней благополучных или сказать радостных, сорок лет по сей день стражду; за каждый день по два года придется без малого»! 18 января, 1730 года, скончался от оспы Император Петр II в цвете лет, когда начинал жить для себя и для России. Лишь только горестная весть сделалась известною Наталье Борисовне, сердце ее замерло, она упала без чувств, и когда опомнилась, повторяла

только: «ах пропала, пропала!» как будто предвидя плачевную участь свою. Тщетно окружающие старались ее утешить, некоторые даже советовали: «можно де, этому жениху отказать, когда ему будет худо». «Предложение это так мне тяжело было, пишет Наталья Борисовна в своих записках, что я ничего не могла на то ответствовать. Войдите в рассуждение: какая мне это радость, и честная ли совесть, когда он был велик, так я с удовольствием за него шла, а когда он стал несчастлив, отказать ему? Я такому совету согласия дать не могла; и так положила свое намерение, отдав одному сердце, жить, или умереть, вместе, а другому уже нет участия в моей любви. Я не имела, прибавляет к сему, такой привычки чтоб сегодня любить одного, а завтра другого; в нынешний век такая мода, а я доказала свету, что я в любви верна. Во всех злополучиях я была своему мужу товарищ, и теперь скажу самую правду, что, будучи во всех бедах, никогда не раскаивалась, для чего я за него пошла, и не дала в том безумия Богу. Он тому свидетель: все, любя мужа моего, сносила можно мне было, еще и его подкрепляла». Так-то высоки и чисты были понятия древней русской женщины о своих семейных обязанностях! Но продолжим рассказ о дальнейшей судьбе Наталье Борисовны. Вечером в тот плачевный день, когда скончался Император, приехал Долгорукий к невесте своей и проливал вместе с нею слезы о кончине своего благодетеля. Тогда же жених и невеста поклялись взаимно: «быть неразлучными до самой смерти своей». Предчувствия Натальи Борисовны не обманули ее: «куда девались искатели, друзья? Все спрятались, «и ближние отдалече мене стаща», говорит она, все нас оставили в угодность новым фаворитам». В сие время совершалось погребение Государя. Наталья Борисовна смотрела на погребальное шествие из окна своего дома, обливаясь слезами. Вскоре Императрица Анна Ивановна имела торжественный въезд в Москву при громе орудий и с колокольным звоном во всех церквях. Наталья Борисовна желал взглянуть на преемницу Петрову, в руках которой находилась участь ее, и когда Монархиня шествовала в собор, дочь Шереметьева, стоя у одного окна во дворце, в последний раз видела Долгорукого на лошади, пред Преображенским полком

отдававшего честь Государыне. Радостные восклицания народа, военная музыка, беглый огонь из ружей, живо напомнили Наталье о погребении Императора, за несколько дней пред тем совершенным о сетовании того же самого народа. Она поспешила в дом свой, и на дороге, проезжая мимо солдат, стоявших в строю, слышала утешительные отголоски: «Матушка наша! Лишились мы своего Государя!» Но другие кричали: «прошло ваше время, теперь не старя пора!» Слыша это, Наталья, как изъясняется сама, «не взвидела тогда света, и не знала от стыда, куда ее везут и где она?». Долгорукие имели множество врагов, да и какой любимец счастья не имеет их? Но главный враг дома Долгоруких был немец Бирон, любимец Императрицы, которого приезду в Россию сопротивлялись они, человек жестокий, мстительный. С прибытием его из Митавы возникли разного рода преследования против Долгоруких. «Бирон публично говаривал, пишет Наталья, дома той фамилии не оставляю», что он не напрасно говорил, но и в дело произвел». Сперва старался он узнавать ласками от бывших друзей опальных царедворцев, не причинили ли Долгорукие кому обид, не брали ли взятки? Потом велел объявить Указом, чтобы всякий без опасения подавал самой Государыне челобитные на Долгоруких. Разнеслась тогда молва, что их сошлют в ссылку, лишат звания, чинов и орденов. Описывая свои нравственные томления по поводу этих слухов и событий, Наталья Борисовна красноречиво замечает о страшной и не для нее одной поре: «куда какое это злое время было! Мне кажется, при Антихристе не тошнее того будет; кажется, в те дни и солнце не светило...» Но посмотрим, на что решилась в этих смутных обстоятельствах доблестная Наталья. Верная своей клятве, она поспешила соединить участь свою с несчастливцем, несмотря на злобу, его преследовавшую, на гибельные предвещения. Брат ее Петр Борисович Шереметьева был болен; из многочисленных родственников только две свойственницы Натальи, престарелые вдовы, приняли участие в горестном положении ее, согласились проводить дочь Шереметьева в подмосковную Долгоруких, где все семейство их имело в то время пребывание. Она приехала в одной карете, как «бедная сирота». Их обвенчали в сельской

церкви. На третий день после свадьбы, молодые намеревались ехать в город к родственникам «рекомендовать себя в их милость»; вдруг объявляют, что прибыл обер-секретарь сенатский к князю Алексею Григорьевичу. Сбылось горестное ожидание: Высочайшим Указом велено им чрез три дня отправиться в дальние деревни. Они выехали из Москвы на собственных лошадях в апреле месяце. Во время самой распутицы, когда все луга были потоплены водою, маленькие разливы казались озерами. Одна только бывшая гувернантка Натальи Борисовны доказала свою привязанность к своей воспитаннице, вызвавшись сопутствовать ей в место ссылки, удаленное от столицы на 800 верст. Не успели они отъехать 90 верст. Как настиг их капитан гвардии (Петр Воейков), имевший повеление отбрать у Долгоруких ордена (по манифесту 14-го апреля, 1730 г.). После трехнедельных странствий, исполненных разных неприятностей и опасностей, наконец они приехали в свою деревню, находившуюся на половине дороги к месту их назначения (селище в 6 верстах от Касимова, на дороге в Елатьму). Три недели они прожили здесь и уже готовились отправиться в дальнейший путь, как прискакал к ним офицер гвардии (капитан-поручик Артемий Макшеев), сопровождаемый 24 солдатами, и тотчас у всех выходов поставил часовых с примкнутыми штыками. Нежная Наталья, не ведая, что с ними последует, опасалась одного только: «чтобы не разлучили ее с супругом, ухватила за него, не отпускала от себя». В тот же день (24-го июня) выехали они в своих экипажах из деревни, сопровождаемые офицером и солдатами; в дороге узнала Наталья от князя Ивана, что велено их отправить в Березов, за 4000 верст от столицы, и там содержать под строжайшим караулом; не дозволено никуда ходить, исключая церкви, никого к себе не принимать, переписки ни с кем не иметь, бумаги и чернил нам не давать. «Вот любовь до чего довела, пишет Наталья в своих записках: все оставила, и честь, и богатство, и сродников; стражду с ним и скитаюсь: этому причина – все непорочная любовь, которой я не постыжусь ни перед Богом, ни перед целым светом, потому что он один был в моем сердце; мне казалось, что он для меня родился, и я для него, и нам друг

без друга жить нельзя. Я по сей час в одном рассуждении, и не тужу, что мой век пропал; но благодарю Бога моего, что Он мне дал знать такого человека, который того стоил, чтоб мне за любовь жизнью своею заплатить, целый век странствовать и всякие беды сносить, могу сказать беспримерные беды». Записки Натальи Борисовны, к сожалению, прекращаются с приездом ее в Березов (на остров между рек Сосвою и Вогулкою), по прибытии в который (24 сентября) несчастное семейство помещено было, по распоряжению Бирона, в остроге: княгине Наталье с супругом отведен был пустой амбар (по другим сведениям, в просторном невысоком, деревянном доме, близ каменной церкви Рождества Богородицы, в острове), где дочь фельдмаршала графа Шереметьева, 16-летняя женщина, взросшая среди всех благ мира сего, прожила 11 лет! Что она там перенесла, можно себе вообразить, но описать трудно. Там прижила с Долгоруким несколько детей, из коих пережили младший возраст только два сына: Михаил и Дмитрий. После 8-летнего заключения, когда Долгорукие начали думать, что враги уже забыли об их существовании, вдруг неожиданно новый удар поразил чету, достойную сожаления! В 1739 году князь Иван Алексеевич схвачен был неожиданно ночью, по приказанию мстительного Бирона, который считал необходимым стереть его с лица земли, как опасного для кровожадной власти его. Быстро помчали несчастного из хладной Сибири, где забытый людьми, вкушал он жизнь безмятежную, приобретенную изнурительными испытаниями. Не свобода, не милосердие, но тягчайшие оковы, смерть лютейшая, ожидали его в Новгороде, куда он был перевезен: молодой князь умер подобно св. Иакову Персянину. Когда отрубили ему правую руку, страдалец сказал: «благодарю Тебя, Господи»; отсеки левую ногу, и он продолжал: «яко сподобил мя еси»; с отсечением левой руки окончил: «познать Тебя, Владыко».

Три года несчастная Наталья оплакивала мужа, не зная участи, его постигшей. Императрица Елисавета Петровна возвратила ей свободу и прежнее звание, но не могла возвратить счастья: Долгорукого не было уже на свете! Узнав об его мученической кончине, неутешная супруга соорудила над

могилою его, вне города, на крови, каменную церковь в честь Рождества Христова.

По возвращении из Сибири, Наталья Борисовна проживала постоянно в Петербурге. В доме своего брата графа Петра Борисовича. Тщетно Государыня, для рассеяния скорби неутешной вдовы, приглашала ее к своему двору, принуждая разделять увеселения оного. Наталья, верная памяти своего супруга, казалось еще более несчастною среди радостей и забав, чуждых ее сердцу. Когда же и младший сын ее подрос и пришло время выпустить его в свет, она сама свет покинула, удалилась в Киев (март 20), и там, во Фроловской девичьей обители, приняла Ангельский образ под именем нектарии (27 сентября 1753 г., на 45 году жизни своей). Повествуют, что накануне пострижения. Взойдя на высокий берег широкого Днепра, она сняла с руки своей обручальное кольцо и бросила его в быстрые волны Днепровские. И в монастыре предлагались ей почести: Нектария смиренно их отвергла. Через десять лет, испытывать себя в подвигах иноческих, монахиня Нектария пожелала принять схиму 18 марта 1767 года, и в ней провела остаток дней своих, приготовляя себя сугубыми трудами постничества к переходу в тот мир, где нет печали, ни воздыхания. Когда Екатерина Великая вступила на престол, и для России начался новый век, старица Нектария из сени уединения приветствовала новую Монархиню письмом, и получила в ответ, от 26 июня 1763 г. следующий рескрипт: «Честная мать! Письмо ваше, от 12-го июня, я получила, за которое и за присланную при сем икону Пресвятой Богоматери, также за усердные желания ваши, много вам благодарна. О сыновьях ваших будьте уверены, что по справедливости милостью и покровительством Моим оставлены не будут. Впрочем, поручаю себя молитвам вашим и пребуду вам всегда благосклонна. Екатерина».

Наконец, и Нектария достигла общего предела нашего бытия. Кончина ее, последовавшая 3-го июля 1771 г., была тиха и величественна, как заря прекрасного летнего дня. В заключение приведем здесь последнее письмо ее к сыну и невестке, писанное в предсмертной болезни: оно ясно

свидетельствует о добром душевном устроении монахини Нектарии, при конечном истощении физических сил: «не хотелось мне, пишет она, пропустить почты, не дав вам знать об себе, что я еще жива. Благодаря Бога, хотя в слабости однако все с радостью принимаю и вас Богом прошу не тужить обо мне. Бог властен из мертвых воскресить – вить, когда же нибудь надо умирать! Надо во всем повиноваться власти Божией – только б Бог грехи мои отпустил. Великую нужду терплю в питье: все сиропы сладкие опротивели; когда б можно достать, хотя лимонов пять прислать. Тоже моя беда, что кашлю нечем помочь: теплого нельзя мне пить.

Препоручаю вас Богу, оставляю мир и благословение.

Жизнь ее продолжалась 56 лет и была образцом всего, что может добродетель, основанная на религии, против гонений человеческих. Прах незабвенной страдальницы покоится в Киево-Печерской лавре, при самом входе в собор: таким образом она заняла для смертного покоя то место, которое было предназначил себе в завещании ее благочестивый родитель. Думал ли он об этом, когда писал свое завещание? Мог ли также предполагать, основывая в своей любимой Борисовке обитель для успокоения посвятивших себя на служение Богу стариц, что, спустя несколько десятков лет, блестящая умом и красотою дочь его также найдется вынужденною прибегнуть под кров иноческой обители, чтоб сокрыть в ней неразлучную спутницу своей жизни – печаль, и окончить многострадальную жизнь свою под именем схимонахини Нектарии! Но кто уразумев ум Господень, или кто советник Ему бысть? Мы знаем и веруем, что вси путие Его – милость и живот взыскующим завета Его и хранящим заповеди Его, а жизнь Натальи Борисовны доказывает, что она была из числа тех, которые веру свою засвидетельствовали благими делами, за что и «уготовася им, по слову Писания, венец живота»³⁶.

Памяти матери Нектарии (княгиня Наталья Борисовна Долгорукая)

Из стихов И.И. Козлова

Часть первая

I

Большой Владимирской дорогой,
В одежде сельской и убогой,
С грудным младенцем на руках,
Шла тихо путница младая;
В усталом взоре тайный страх.
«Как быть? Москва в семи верстах;
Дорога меж холмов лесная;
А в поле дымном тень ночная
Уж скоро ляжет; и луна
Лишь в полночь на небе видна».

II

Она идет, и сердце бьется;
Поляна с рощей тропинка вьется:
Она туда дойдет скорей;
Ночлег радушный там найдется.
Уже, пылая между туч,
Зари багровой гаснет луч;
Уже пред ночью, к буре склонной,
Поднялся ветер, бор шумит;
Ее младенец полусонной
Озяб, и плачет. И дрожит.
Она спешит в приют укромный,
Подходит скоро к роще темной,
Но чем-то вдруг поражена,
Стоит уныла и бледна.
В ее очах недоуменье,
Ей будто страшно то селение;
Нейдет в него нейдет назад,
Кругом обводит робкий взгляд.
«О, если там!... А мне таиться

Велит судьба... быть может... нет!
Кому узнать!.. и сколько лет!
Забыто все; но вечер тмиться,
Пора!» И к роще с быстротой
Приблизилась, остановилась,
Подумала, перекрестилась,
Потом пошла, махнув рукой, –
И скрылась в тени густой.

III

За рощей темною в долине,
При зеркальной пруда равнине,
Вельможи знатного село
Красой приветною цвело;
Высоких лип в тени зеленой
Хоромы барские стоят;
Они вид древности хранят;
В гербе под графскою короной
Щит красный в поле золотом
Лавровым окружен венком
С двумя блестящими крестами,
А в поле светлом меч с копьем
И полумесяц вверх рогами.
Но сад, и воды, и мосты,
И роз душистые кусты
В забвенье долгом сиротели.
Хозяин, честь страны родной,
Давно лежит в земле сырой;
Его хоромы опустели,
Широкий двор зарос травой.
Простясь с родимою Москвою,
В столице пышной над Невою
Живет наследник молодой;
А здесь одни воспоминания
Во мраке сельской тишины,
И рода знатного преданья...
Священный отзыв старины.

IV

У церкви сельской за оградой,
В уютном домике своем,
В кругу семьи, пред тихим сном,
Дыша вечернею прохладой,
Священник у окна сидел;
Он в думе набожной смотрел,
Как на закате догорая,
Багряный блеск сменялся тьмой:
Так ясно жизнь его святая
Так ясно жизнь его святая
Клонила к сени гробовой.
Давно украшен сединою,
Небесный житель на земле,
У Шереметьева в селе,
Он сердцем, словом и делами,
Творцу и ближнему служил;
Ум здоровый с детской простотою
Был светел праведной душою;
Покойный граф его любил;
И прах владельца незабвенной
Был свят душе его смиренной;
Для старца граф не умирал.
Он часто, часто поминал
Его богатство, знатность рода,
Как он со шведами воевал,
И, после шумного похода,
В тиши села у них живал.

У

Но, полон важности старинной,
Святого старца кроток вид;
На нем подрясник обьяринной,
И катаур широкий шит
Узорно яркими шелками,
И на груди его висит
Из кипариса крест с мощами,
Хранитель верный с давних пор:
Один монах с афонских гор

Тот крест принес. Его обитель
Была убога и скромна
И, как ее радушный житель,
Какой-то святости полна;
В углу, в серебряном окладе
Икона Спасова блестит,
И перед ней огонь горит
В хрустальной на цепях лампаде;
На полке ряд церковных книг,
Бумага, перья подле них;
У зеркала часы стенные,
Портрет, задернутый тафтой,
Две канарейки выписные,
И полотенце с бахромой
Висит на вербе восковой.

VI

Уже готов идти молиться,
Да снидет тих грядущий сон,
Беседы Златоуста он
Хотел закрыть; но вдруг стучится
Легонько кто-то у ворот,
И кто-то на крыльцо идет,
А дверь шатнулась: у порога
С младенцем путница стоит.
И голос жалобный дрожит,
Прося ночлега ради Бога.

VII

«Войдя под мой убогий кров»,
Сказал он ей: «пора ночная,
Кругом все лес, ночлег готов,
И есть у нас хлеб-соль простая;
Переночуй, ты с новым днем
Пойдешь опять своим путем».
И старец мать благословляет,
Младенца сонного крестит,
И к огоньку ее сажает,
И с ней приветно говорит;

Но, и бледна, и боязлива,
Она сидела молчалива,
На речь приветную его
Полусловами отвечала,
И лишь младенца своего
Со вздохом к сердцу прижимала;
Украдкою бросая взгляд
На барский дом, на темный сад,
Как будто узнавала что-то,
Как бы искала там кого-то;
И вдруг, то пламень на щеках,
То слезы крупные в очах,

VIII

Души встревоженной волненье,
Порывы томные страстей,
Ее печаль, ее смятение
Заметил он, – и старца в ней
Дивило все. «Не та осанка,
Не те ухватки в деревнях;
Видна не грубая крестьянка
В ее застенчивых речах;
В ней горесть тихая приятна,
И хоть бедна, но как опрятна
Одежда путницы простой!
На пальце перстень золотой...
Куда-ж теперь не в час урочный
Одна дорогою большой?...
Ах, нет, как ангел непорочный
Она глядит, и за нее
Порукой сердце мне мое!»

IX

И чувствам тяжким и мятежным
Он мнил преграду положить,
И с горем, в жизни неизбежным,
Ее невольно помирить,
Он, как родной, ее ласкает,
И веселит, и начинает

Рассказ любимой старины;
Но сердце, полное волнений,
Чуждалось новых впечатлений.
И думы, грустью стеснены,
Далеко мрачные летали
И меж сомнений замирали.
Священник речь свою прервал,
И вдруг, с душой отца во взоре,
Вздыхнувши сам, он ей сказал:
«Что так задумалась? Ты в горе?»
Путница. – Я, мой отец?...
Священн. «Твоя тоска,
Поверь, к душе моей близка;
В том нужды нет, что я не знаю,
Кто ты; мой долг того любить,
Кто в горе».
Путница. – Ах, мне тяжело жить!
Я день без радости встречаю,
Я плачу ночь.
Священн. «Лукавый свет
Обманчив, друг!»
Путница. – И сколько бед
Уже сбылось, и сколько снова
Должна я ждать, и как сурова...
Священн. «Так Бог велел; пред Ним смирись,
Прими с любовью крест тяжелый,
Терпи, надейся и молись;
Он Сам носил венец терновый;
Не унывай, не смей роптать,
Терпи – в страдания благодать!»
Путница. Отец ты мой! В ужасной доле
Кто ропот слышал от меня?
Теперь дрожу не за себя,
И слезы льются поневоле.
Священн. «Не бойся волю дать слезам;
Но только, слезы проливая,
Стреми взор грустный к Небесам;

Кто плачет здесь, утешен там,
Сказал Господь».

Путница. – О, речь святая!
Отраднa ты.

Священн. «И где же тот,
Кто жизнь без горя проживет!
Твои, мой друг, молодые годы
Не расцвели от непогоды;
Но ты, как видно, рождена
В семье безвестной; ты бледна:
Тебя судьба не баловала,
К веселой участи она
Ничем тебя не приучала;
А часто гибельный удар
Надежды знатных разрушает...
О нашем графе кто не знает?
Он был – боярин меж бояр,
Петровой правою рукою,
И прямо русскою душою
Отчизну и царя любил;
Был славен, в золоте ходил,
И что же? Дочь его родная
Не знает радости земной,
И гибнет в буре роковой,
Как гибнет травка полевая...
Суди-ж, дивна-ль судьба твоя?
Она была не ты».

Путница. – Не я!

Священн. «Давно от нас она уж скрылась;
Но все живет в душе моей.
Я расскажу тебе о ней:
Почти при мне она родилась,
Я на руках ее носил,
Ребенком грамоте учил,
И здесь куда, мой друг, ни взглянешь,
Везде о ней, везде помянешь.
Вот там, в тени густых берез,

Ты видишь куст махровых роз:
Она сама его садила;
Они цветут... ее одну
Печаль так рано сокрушила:
Она одна свою весну
От них далеко погубила.
Теперь я вижу, есть у нас
Какой-то в сердце вещий глас:
Она, забавы убегая,
В шуму роскошного села
Тиха, задумчива росла,
Как будто горя ожидая,
Покорна будущей судьбе.
Могу-ль я выразить тебе
Весь жар усердия святого
Сыскать, утешить нищету?
В слезах ли видите сироту;
Родная бедствия чужого,
Она отдать готова ей
Свои сережки из ушей,
И, сверх подарка дорогого,
Бывало, плачет вместе с ней.
С невинной, нежною тоскою
В ее пленительных чертах
Сливался непонятный страх,
И что-то схожее с тобою
В ней было: так, лицо твое
Напоминает мне ее;
Ресницы, как у ней, густые,
И очи темно-голубые,
И цвет каштановых волос.
Она была тебя стройнее
И воска ярого белее;
Не диво: солнце и мороз
Ее в полях не заставляли,
Полоть и жать не посылали,
И одевал красивый стан

Не твой кумачный сарафан».
Х
И дружно путнице смятенной
Священник руку протянул,
И ярко взор его блеснул,
Воспоминаньем оживленной.
Он рассказал о той поре,
Когда ей радость ложно снилась.
И как звездою при Дворе
В семнадцать лет она явилась.
Тогда чинами и красой,
Невесты царской брат родной,
Сиял надменный долгорукой;
Он меж бояр и меж князей
Ее очам был всех милей.
С ним брак надежною порукой
Казался всем, что вечно ей
Не знать ни слез, ни скорбных дней.
Невольню старец вздох тяжелой
Стеснил, и с важностью веселой
Завел он речь про их сговор,
Как духовенство, пышный Двор
Бояр вельможных посетили,
Как царь приехал, как при нем
Чету младую обручили,
И как восточным жемчугом
Невесту милую дарили;
Меж тем, прелестная, она
Стыдливо с женихом сидела,
И, тихой радости полна,
То улыбалась, то краснела;
А друг веселости живой,
Кругом шел кубок золотой,
В беседе шумной и приветной,
И щит зажегся разноцветной,
И хор гремел, и до утра
Народ, толпясь, кричал: ура!

XI

«И кто бы, кто подумал прежде»,
Так продолжал вздохнувши, он:
«Что радость изменить надежде,
Что счастье их – минутный сон!
Неумолимая гробница
Схватило юного царя

От двух венцов, от алтаря;

Напрасно блещет багряница
И ждет княжна: всему конец!...
Жених и царь уже мертвец!
Затмились вдруг мечты златые,
И долгорукого семья
Погибла с ним; чины, друзья
Исчезли, степи ледяные,
Изгнанья горестный предел,
Любимца падшего удел;
Но, жизни узнавая цену,
Когда во всем он зрел измену,
Невеста юная одна
Ему осталась верна;
Его подругою, душою
С ним в ссылке целых восемь лет
Она жила; но и с женою
Он разлучен...»
Путница. – И слуха нет
О нем?
Священн. «Я помню, как родные
Тогда давали ей совет
Расторгнуть узы роковые,
Покинуть друга своего.
И при Дворе не трудно-б снова
Найти ей жениха другого.
Нет, не покину я его,
Она в слезах им говорила;

Я счастливым его любила,
Он и в несчастьи все мне мил:
Сам Бог меня с ним обручил.
Но ты, я вижу, улыбнулась;
Так верь, не верь: ни вечных слез,
Ни гордой мести, ни угроз
Ее любовь не ужаснулась:
На все с ним вместе решена,
И в даль, и хлад...»
Путница. – Она любила!
Не ссылка бедную убила;
Была разлука ей страшна!...
Скажи, где он?
Священн. «Как ты бледна!
Ты плачешь?»
Путница. – Плачу!... Ах, она
О том лишь Небо умоляла,
Чтоб в нищете, в глуши степной,
Но вместе жизнь из протекала,
Чтоб счастье их!»
Священн. «О, сон пустой!
Им счастье, там?»
Путница. – Отец святой,
Нестрашно с другом заточенье:
С ним есть и в горе наслажденье.
Священн. «В степях лишь тот привыкнет жить,
Кому здесь не о чем тужить;
Но ей, взлелеянной на радость,
Откинуть светлые мечты,
Губить красу свою и младость,
Под кровом душевной нищеты!
Ей счастье?... Нет»!
Путница. – Чем жертва боле,
Тем пламенной душе милей
Сердечный спутник грустных дней:
И меж снегов, и в низкой доле,
Когда в их юрте кедр пылал,

И друг ей молча руку жал,
Когда детей она ласкала,
От их младенческой игры,
Когда душа в ней расцветала,
Ужель она не забывала
Москву и царские пиры
И всех забав очарованья?
Священн. «Тебе как знать?»
Путница. – Где он? Что с ним?
Иль ждать за гробом ей свиданья,
И в небесах назвать своим?
Священн. «Мы здесь в тиши уединенья
И за нее, и за него
Льем к небу жаркие моленья,
Но мы не знаем ничего».
Путница. – И не нашлося никого,
Кто-б защитил?
Священн. «Где правый сильный,
Кто-б за несчастье грудью стал?
О, если-б сон прервав могильный,
Боярин Шереметьев встал!
Он злобу с хитрой клеветой
Сразил бы истиной святою;
Он мог изгнаннику помочь,
Он спас бы гибнущую дочь.
Но знай, и ты, ему чужая,
И ты, о, путница молодая,
Когда-б он был еще в живых,
Недаром здесь бы ночевала;
Поверь, горючих слез твоих
При нем бы ты не проливала,
И в путь не нищею пошла
Из Шереметьева села!»

XII

Он говорил, она дрожала,
Сказала что-то, замолчала,
Во взоре тмился Божий свет,

Но старец кажет на портрет,
Который в раме золоченой
Задернут был тафтой зеленой.
Он снял тафту и молвил ей:
«Вот он, взгляни и пожалуй!»
Написан кистью мастерскою,
За шпагу ухватясь рукою,
В мундире, в ленте голубой,
Фельдмаршал смотрит, как живой.
Ей мнится, давняя могила
Подпору бедной возвратила;
В смятеньи робком перед ним
Она колена преклоняет,
Зовет его отцом своим,
К нему младенца поднимает;
Казалось, взор ее молил,
Чтоб сына он благословил,
Ей мнится, будто к ней несется
Привет любви издалека.
Но вдруг мятежная тоска
С порывом новым в душу льется.
Волнуясь грозною мечтой,
Она свой перстень золотой
К устам, рыдая, прижимала,
И распущенною косою
Лазурны очи отирала;
Невольный трепет, дикий взгляд
О чем то страшном говорят.
Безмолвно старец изумленный
Молил Творца о сокрушенной;
Он понял, что единый Бог
Ее печаль утешить мог;
И старца важное молчанье,
Его встревоженный покой,
И незнакомки молодой
Неукротимое страданье,
Гласило все о черных днях,

О днях отравленных бедою,
И безнадежностью земною
В священный приводило страх.
Один, тревогам непричастный,
Младенец тихий и прекрасный,
Не зная, что и жизнь, и рок,
Грозой нетронутый цветок,
С улыбкой, с ясными очами,
На грудь родимую припал,
И влажными от слез кудрями,
Беспечный, весело играл.

XIII

Но скоро стон ее мятежной
Умолк, и грустью безнадежной
Залег в сердечной глубине;
И, при печальной тишине,
Уже невольно час полночи
Сомкнул у всех усталы очи.
Младая путница одна
Рассвета ждет, не зная сна;
Стремится думою далеко:
Но что готовит рок жестокий?
Какую весть она найдет
Нет силы ждать; она встает,
Младенца будит поцелуем:
«Когда б ты знал, где мы ночуем,
Дитя мое!... И в томну грудь
Желанье новое тесниться,
И перед тем, как удалиться,
Еще ей хочется взглянуть
На то село, где ночевала,
Село... И тихо, тихо встала,
И начала собираться в путь:
Иконе Спаса помолилась
И низко старцу поклонилась,
Который долго не смыкал
И сам очей, но пред зарею

Склоняся на плечо главою,
В широких креслах почивал;
И вот стопою торопливой
В тенистый сад она спешит,
И взор ее нетерпеливый
Живее, пламенный горит.

XIV

Чуть видная меж облаками,
Луна последними лучами
Светила с пасмурных высот;
Березы над прудом дремали,
И тени шаткие дрожали
На зыбком лоне сонных вод.
О, как у бедной сердце билось!
В каких терялося мечтах!
Но хоть страданьем утомилось,
Хоть очи грустные в слезах
А все улыбка на устах.
Казалось, будто ей знакомы
Пустые мрачные хоромы,
Что этот луг, что этот сад
Не в первый раз встречает взгляд;
С прудом, деревьями, цветами,
Минувшим вдруг оживлена;
Как с незабытыми друзьями,
Опять увиделась она;
Хоть все печальней, все небрежней,
Но дышит все порою прежней,
Здесь все к себе ее манит;
Привет немой во всем находит;
Родную тень лесок наводит,
Ручей знакомое журчит.
На барский двор она бежит
И на крыльцо легонько входит,
В покои темные глядит.
Они стоят давно пустые;
Но лишь в окно луна блеснет,

И там как будто что мелькнет, —
То, мнится ей, в часы ночные
Там бродят призраки родные,
Там дышит то, чего уж нет:
И все, чем сердце расцветало,
И что сбылось, и что пропало,
Что обещал и не дал свет,
Что было, есть, любовь, страданья,
Безвестность, ужас ожиданья, —
Все разом гибельной стрелой
В душевные раны проникает,
И жжет, и холод гробовой
В убитом сердце разливает.
Без сил, к столбу прислонена,
Уж не тоскуя, не мечтая,
Сама в себе погребена,
Она стоит полуживая...
Но святость горя и любви
Сильнее бедствия земного:
Струя румяная вдали,
Предтеча утра молодого,
Уже зажглась, и с нею вновь
Решимость, горе и любовь
В душе томящейся проснулись;
Все думы разом вострепнулись.
«Пора, пора! Идем, идем!
Я там проведу о нем».
И, за дубовые перила
Хватаясь трепетной рукой,
В тенистый сад она сходила;
Уже тропинкой луговой
Бежит, влекомая мечтой;
В порывах быстрого движенья
Заметны тайные волненья:
Садовник, спящий у ворот,
Ее спросонья окликает;
Она ответа не дает,

Прощальный взор назад бросает
И в поле темное спешит,
Где путь проселочный лежит
К Москве и страшной, и желанной,
И уже теряется в кустах
С младенцем милым на руках,
И не видна в дали туманной.
Но долго быть о ней молве
У Шереметьева в селе...

Часть вторая

I

Восток алея пламенеет,
И день заботливый светлеет;
Проснулись пташки; в тихий бор
Уж дровосек несет топор;
Колосья в поле под серпами
Ложатся желтыми рядами;
Заутрень сельских дальний звон
По роще ветром разнесен;
Скрипит под сеном воз тяжелый,
И заиграл рожок веселый.
О, если б ты, прекрасный день,
Гнал мрачные души волнения,
Как гонишь ты ночную тень
И снов обманчивых виденья!
Зачем ты в блеске молодом
Лелеешь каждую зарю
И вишню солнечным лучом,
И ландыш утренней росой, –
Но сердца, полного тоской,
Не освежишь своей красой?

II

Клубятся в полдень черны тучи
По раскаленным небесам,
И вихрь несет песок горючий
С дороги пыльной по холмам;
В томленье душном жнец ленивый

Лежит в тени, оставя нивы;
Пастух со стадом в лес бежит;
Бор темный шепчет и дрожит;
Сожженный лист о стебель бьется;
Все притаилось, все молчит:
И вдруг огонь по тучам вьется,
Грохочет гром, с ним дождь и град
В полях встревоженных шумят.

III

В приюте сторожа лесного
С младенцем путница ждала,
Чтоб туча бурная прошла.
Теперь до города родного
Уж недалеко; путь свершен:
Там всех увидит, все узнает;
Но сердце больше замирает.
Теперь ей снится грозный сон.
Но как-то и надежда снится;
А завтра... завтра все рушится;
Быть – может, завтра будет ей
День страшный, всех страшнее дней:
Быть – может, завтра в наслажденье
Ей было-б мрачное сомненье.

IV

Утихла буря; свод небес
Меж дымных туч уже синее,
И ароматом дышит лес.
И как свежо с поляны веет!
Цветы, омытые дождем,
Блестят под влажным жемчугом,
И солнце вечера спокойно
Бросает ярко луч незнойный.
Одна дорогою большой,
В прекрасном мире сиротой,
Молитвой ужас отгоняя,
Идет страдальца младая;
Почти ей жаль, что кончен путь;

К ней в душу страшно заглянуть:
Прошла пора искать, как прежде,
Минутной радости в надежде;
Зияет рок... Но вот она
Стоит, дрожит: Москва видна...
«Хранитель-Ангел, дай мне силу!
Веди меня... не на могилу»;
И вне себя она глядит,
А перед нею боле, боле
Москва видна в широком поле,
И уж вдали заметен вид
Стрелецкой башни полудикой,
Уже в очах Иван-Великой,
Как жар, венец его горит;
Глядит, – и в сердце онемели
Тоска и страх: чему нет слов,
Что дышит тайностью гробов,
Напевом детской колыбели, –
Прокралась в грудь, и трижды в прах
Перед Москвой она склонилась,
И с мрачным пламенем в очах
К заставе близко торопилась;
Но уже опять в душе у ней
Волненье прежнее страстей.
Взгляните, как она уныло
То чуть ступает, то бежит,
И сколько в грусти боязливой
Неизъяснимого таит!
Нет, гордый ум не разгадает,
Что сердце робкое мечтает:
Любовью созданный в бедах,
Ее волнует новый страх.
Чья жизнь в других, тот поневоле
Приметам верить в темной доле:
Она боится, чтоб монах
Ей не был встречей печальной,
Чтоб черный гроб в дыму свечей,

При звуках песни погребальной,
Не испугал ее очей;
И голос милый, но прощальный,
Везде во всем несется к ней.

V

Заря давно уж догорела,
Когда, печальных дум полна,
В родимый Кремль вошла она;
Кругом лишь в сумраке белела
Его зубчатая стена
И крест на башне Годуновой
Сиял во тьме звездою новой.
Идет... и в сердце, и в мечтах
Нетленных раки, царский прах;
Уже встречают томны взоры
И златоглавые соборы,
И древний княжеский дворец:
Здесь, друг Петра, ее отец
Делил с ним мудрые беседы,
И праздновал свои победы;
Там мать ее, в тиши ночей,
За дочь молилась у мощей;
А там, невестой молодою,
Была она Двора красою;
Тогда жених... И вдруг у ней
Ручьями слезы из очей.

VI

Безмолвно бедная молилась,
Душой вверяясь небесам:
И теплой верой оживилась,
Спешить в заветный Спасов храм:
Нерукотворная икона
От бед страдальца оборона...
Шагами робкими идет
Чрез темный звучный переход,
За ту решетку золотую,
Где при заботливых отцах

Таили жизнь свою младую
Царевны в светлых теремах;
И вот повергнулись в слезах
Перед иконою чудесной:
«Спаси его, Отец небесный,
Спаси его, а мне дай знать,
Что с ним и как искать!»
И мнилось: ангелы внимали
Ее таинственной печали.

VII

В Кремле святая тишина;
В Москве на стогах сон глубокий;
Уже над башнею высокой,
В дыму, туманна и красна,
Взошла полночная луна;
Но алый пар пред ней редет
На темно-синей высоте;
Луна полночная светлеет
Во всей обычной красоте;
Сиянье томное трепещет
На белокаменных стенах,
И на соборах, на дворцах
Струями пламенными блещет;
Оно серебристой пеленой
Лежит на гладкой мостовой.
Бросает в стекла искры злата,
И Грановитая Палата,
Как бы, внутри освещена,
Чего-то дивного полна;
И ярко светятся лампы
Сквозь окна узкие церквей,
И чуть заметно вдоль ограды
Мерцанье тусклых фонарей.
Все тихо, все святыней дышит;
Травую воздух не колышет,
Лишь одинокий часовой
Прохожих глухо окликает,

И только меди вещий бой
Молчанье ночи прерывает;
Но мир ее не возмущен:
Он свят, как праведников сон.
VIII
Уныло путница младая,
Младенца к персям прижимая,
Сходила с Красного крыльца,
Дрожала, плакала, бледнела,
И робкая на камень села
У озаренного дворца.
Невольню душу волновали
И блеск минутный юных дней,
И те святые дни печали,
Которых память нам милей...
В грозе, ничем не отразимой,
Темницу друга разделять,
С ним вместе плакать, с ним страдать
Ее надеждою любимой!
Но сердце, сжатое тоской,
Тонуло в думе роковой:
Навек-ли небо омрачилось?
Где он? что с ним? Ужель свершилось?
И, в нем забыв людей и свет,
С душой, усталою от бед,
Она сидела, чуть дышала,
Одну мечту другой сменяла...
Томятся в смутной тишине
Не на яву и не во сне...
К ней что-то льнет, к ней что-то вьется.
Она вздрогнула; сердце бьется,
По жилам холод пробежал;
Сквозь сон младенец закричал;
И что-то, будто бы, мелькнуло,
Пошевелилось и вздохнуло...
«Ты здесь? Творец!... какой судьбой?
О! ты-ли, друг, опять со мной?»

И прежних дней товарищ милой
Пред ней, встревоженный, унылой,
На светлой площади стоит;
Он к ней нейдет, не говорит,
И зорко на нее глядит;
Он завернулся в плащ широкий;
Он в думе мрачной и глубокой,
И чуден блеск его очей,
И бледен лик и вид смущенной
И кольца черные кудрей
Не выются к шее обнаженной.
Сковал ее внезапный страх;
Встает: нет сил, – на камень пала
И вне себя ему в слезах
Младенца сонного казала.
Как будто содрогнулся он,
Как будто непонятный стон
В устах сомкнутых раздавался;
Недвижим, к ней он приближался,
Ужасным чем-то омрачен.
Она глядит, дохнуть не смеет;
А полная луна светлеет:
И плащ откинулся слегка,
Выходит медленно рука;
Грудь обнажилась, кровь чернеет
Рубашки белой на краю;
Он тихо стал перед женою
И, волосы собрав рукою,
С плеч поднял голову свою:
И, ярко озарен луною,
На шее, призрак роковой,
Темнел багровой полосой.

IX

Творец судил: навек страданье
Ее уделом, розно с ним;
Ее земное упование
Навек под камнем гробовым.

С несчастным страшною разлукой
Печальной жизни цвет убит;
Один удар их двух мертвит:
И слез Натальи Долгорукой
Никто ничем не усладит.
Одна ужасная подруга
И в темну ночь, и в ясный день
Его страдальческая тень,
Тень мрачная молодого друга,
Неотразимая в очах:
В ней жизнь и смерть, любовь и страх.
И слух ее тревожат звуки
Прощальных стонов, вопли муки,
И ужасают томный взор
Оковы, плаха и топор;
Его кровавая могила,
Страша, к себе ее манила;
И долг святой велит терпеть;
Нельзя ни жить, ни умереть:
Она окована судьбою
Меж мертвецов и сиротою.
Х

Промчались годы; но они
Душевной скорби не умчали,
И в горе чувств замирали.
Ах, есть еще страшнее дни
Дней первых пламенной печали!
Мятежной горести полна,
Как бы сражаясь с судьбою,
Душа, терзанью предана,
Живет утратою самою;
Но есть пора: в томленье бед
Ни сил, ни дум, ни чувства нет;
Без слез крушить воспоминанье,
Без пламя едкого страданья
Лишь раны сердца все хранят
Свой тайный, свой холодный яд.

Но долг заветный совершился;
Младенец взрос, свободна мать.
Что делать ей? Как доживать
Печальный век, который тмился
Суровой мглой? И где искать
Приюта в скорби одинокой!
Один есть путь... Она летит.
Внушеньем веры. В град далекий,
Где под Печерской Днепр широкий
Волной священной шумит;
Там, горе жизни вероломной
Стеснив трудами и мольбой,
Она запрется в келье темной
До мирной сени гробовой.

XI

Чей скорбный дух воспрянет к Богу,
Кто веры пламенник зажжет
И бездны скользкую дорогу
С Крестом Спасителя пройдет;
В пучине зол тот не погибнет.
Но, ах, когда в груди у ней
Когда остынет пыл страстей, Гроза сердечная утихнет!
То робкой думы в небесах,
То, лишь отраду зря в слезах,
Она, в борьбе сама с собою,
Дрожит пред клятвою святою.
Она у волн в раздумье села,
Склонила на руку лицо,
На Днепр вздохнувши посмотрела,
Сняла венчальное кольцо.
«Свершилось все, навек свершилось!
И страшной клятвой, с новым днем,
Я поклянусь пред алтарем
Забыть все то, чем сердце билось.
Кольцо мое... залог живой
Меж праха милого и мной,
Тебя ждала моя могила!

В тебе страдальца и любила,
И Небесам (Творец прости)
Кольца печали и любви
В безумстве я-б не уступила;
Но он, он сам в чудесном сне,
Он в эту ночь являлся мне;
Он мне сказал: «покинь земное!
В любви есть тайное, святое:
Ей нет конца; и там я твой!»
То был не сон». И томны очи
Искали неба в мрак ночи
С надеждой, страхом и тоской.
И было все покрыто мглой.
Но вдруг из облака густого
Над рощей месяц засиял;
Нестрашен ей терновый путь;
Ей страшно небо обмануть,
Где светлый мир без разрушения;
Там живо все, там нет забвенья:
Душа на вечность создана!
Любовь бессмертна, как она.
Дух полон веры; он стремится
До гроба сердце умертвить:
Земной ли жертвы ей страшиться!
Но как ей друга позабыть?

XII

Настала ночь. Горой крутою
Кто легкой тенью меж кустов,
Кто сходит поздней порою
На склон несчастных берегов?
Она... Зачем ей одинокой
Идти на Днепр в ночи глубокой?
Бушуют волны на реке;
Зарница блещет вдалеке,
И тучи месяц застилают,
И на туманных небесах,
Как бы забыты в облаках,

Две только звездочки мелькают.
Увы! Душа ее мрачней
Осенних бурь и мглы ночей!
Он так светил, он так играл,
Как радость сердца молодого;
И мрак ночной пред ним исчез,
И на краю родных небес
Опять две звездочки мелькнули
И в ярком свете утонули.
«О, так и мы, душа с душой,
Утонем в радости святой!»
И верой грудь ее дышала,
И жертва тайная в мечтах...
Она кольцо к устам прижала,
Оно блестит, оно в волнах...
В волнах! Но что-ж? рукой дрожащей
В порывах сердца своего
Она из-под волны шумящей
Хотела выхватить его;
Уже рука меж вод скользила,
Но руку тихо заструясь,
Волна холодная отбила,
И, может-быть, в последний раз,
Но слезы хлынули из глаз...
И меж кустов тропинкой мшистой
Она пошла к горе крутой,
И скрылась вдруг в дали тенистой,
Как некий призрак гробовой.

XIII

Звон громкий, ветром разносимый,
Сзывает Киевлян во храм:
Навек сегодня в жертве зримой
Земное горе честной схимой
Передается небесам.
И стар и млад с душой смятенной;
Все разом набожной толпой
Теснятся в монастырь святой.

Как на стенах его высоких,
На мхом подернутых рубчах,
На переходах, на столбах
Видна печать времен далеких:
Века исчезли, храм стоит,
Стоит незыблемый, огромный,
И сам, как вечность, тайный, темный!
Граненый ряд чугунных плит,
Под коим тлеет прах могильный;
Старинной живописи вид,
И тусклый свет паникадильный
Во мраке сводов вековых,
И будто теней гробовых
В одежде черной хор умиленный
Поющих инокинь святых:
Во всем понятен глас пророчий
Последний нашей длинной ночи.
Одни как в радужных лучах
Иконы светлые с мощами:
Их ризы блещут жемчугами,
Алмазы, яхонты в венцах,
И, сыпля жар, скользит струями
Огонь лампад сквозь тонкий дым
По их окладам золотым.
Но уже возносится моление:
Начнется скоро пострижение;
Владыка здесь, готово все;
Уже во храме ведут ее;
Уже звучит по мертвым пенье;
В кадилах пышет аромат;
Ведут... и в храме на налое
Крест и Евангелие святое
Перед иконою лежат,
Под ними ножницами блестят.
XIV
Одета длинной власяницей,
И лик под черной пеленой,

Она вошла; уже гробницей
Взята от прелести мирской,
Стремясь к жертве невозвратно,
Посту, трудам обречена,
Перед наложником троекратно
Распростиралась она.
Но, искушая страшной долей,
Ее спросил святой отец,
Стяжает волей иль неволей
Суровый инокинь венец.
Он рек, да сердца правотою
Отвергнет яд лукавых стрел,
Что вечный огонь ей будет мздою
Иль светлый ангельский удел,
И за нее святые девы
Молитвы теплые творят;
Уже раскаянья напевы
К Судье доступному летят,
Что я? Кто я? – изгнанник рая,
В греховной бездне утопая.
Что жизнь, и разум, и краса?
Цветок увядший, дым, роса.
Но Он Своей щедроты бездной,
Он милосердный Царь надзвездной,
Услышит вопль мой: Он меня
Спасет от вечного огня.
Но вот и ножницы блеснули,
Невольню в храме все вздрогнули;
И старец их пред ней держал:
«Возьми и даждь ми», он сказал.
Она свой взор на них склонила,
Взяла и старцу возвратила,
В другой раз тоже, в третий раз...
Вдруг стон... и в храме раздалась
Толпа, – и отрок неизвестный,
Дрожащий, как она прелестный
Не смея воли дать словам,

Бежит... упал к ее ногам.
Целует, облил их слезами...
Увы, что с ней! Кто зрит сердца,
То видел все; она очами
Искала образа; с лица
Холодный пот, как град катился:
Но взор на образ устремился:
Безмолвно отрока она,
Душой молясь, благословляет,
И старцу ножницы вручает,
Он взял – и жертва свершена,
И кудри темные, густые
Летят на плиты гробовые;
И пояс крепкой правоты,
И риза дивная нетления,
И покрывало чистоты,
И знак блестящий искупления,
Ей все дано; она вняла,
Что мудрость вечная рекла:
«Кто хочет царствия Христова,
Блаженства отрекись земного,
И чрез долину слез и бед
С крестом гряди Ему во след!»
Сей путь ее: и, ангел новый,
На небеса уже готовый,
Она стоит пред алтарем
В руке с таинственным крестом
В житейском море зря волнение,
От бури гибельных страстей
Я притекла искать спасенья
У тихой пристани Твоей.
И Ты, о, свет незаходимый,
Божественный, непостижимый,
Отрада чистая сердец,
Небесный страждущих Отец!
Привлек Ты к пристани надежной
Разбитый челн грозой мятежной:

Ты отдал жизнь, Ты усладил,
Мечтанье правдой озарил.
И днесь, в восторге упоенья
Благословляя дни мученья,
К блаженству расцветая вновь,
Она уж там, где нет страданья,
Где брошен якорь упованья,
Где Ты, и вечность, и любовь!

XV

Летая думой вдохновенной
В заветный мрак минувших дней,
Опять узнал мой дух смятенный
Тревогу томную страстей.
Хоть светлый призрак жизни юной
Печаль и годы унесли,
Но сердце, но мечты. Но струны,
Они во мне, со мной, мои.
Я вспомнил ночь, когда томимый
Тоской ничем не отразимой,
В Печерской лавре я сидел
Над той спокойною могилой,
Надеждам страшной, сердцу милой,
В которой прах священный тлел;
Она душа была порукой
Неверной радости земной,—
И тень Натальи Долгорукой
Во тьме носилась надо мной.

Свияжская схи-игуменья Анна

(Память 28 сентября)

Игуменья Апфия, в миру Анна Константиновна Юмина, родилась в 1846 году в селе Юськах, Сарапульского уезда, Вятской губернии. Отец ее Константин Андреевич был скромным сельским священником. Мать Марья Ивановна недолго разделяла нелегкую долю своего мужа. В 1854 году о. Константин скончался, оставив без всяких средств к существованию матушку Марью с малолетними детьми, из которых дочери Анне было только 8 лет. Таким образом, сиротка Анна с детства разделяла тяжелое горе матери и своих малолетних сестер и брата Василия, состоящего ныне псаломщиком в с. Никулицком, Вятской епархии, а сестры Елизавета и Вера живут в с. Шаранге, занимаясь просфоропечением.

Жизнь матери во вдовстве до глубокой старости (сконч. 1892 г.) и сестер в сиротстве было нелегким подвигом и испытанием. Сирота Анюта избрала себе добровольный подвиг – иноческий. Выучившись в доме родителей читать и писать, с самого детства она лелеяла мысль поступить в монастырь, где можно свободнее молиться и духовно развиваться. Но любящая мать не соглашалась отпустить от себя малолетнюю дочь и держала ее при себе, не препятствуя, однако, развиваться в ней наклонностям к иноческой жизни. Только, когда дочери Анне исполнилось 21 год, и мать заметила, что у дочери вполне сложились убеждения, благословила ее сходить в Киев и др. русские святы места помолиться. Это было в 1868 году.

Во время путешествия по святым местам у девушки Анны явилась окончательная решимость поступить в монастырь, но в какой, того она сама не знала и оставалась в глубоком раздумье. На обратном пути юная паломница вместе с товарками по путешествию зашла в Макарьевскую пустынь близ г. Свияжска. Здесь она встретила с начавшим (1862 г.) свой иноческий подвиг Николаем Васильевичем Хрисогоновым, в иночестве Нилом, строгим подвижником и разумным советником. Ему девица Анна поведала свое искреннее желание поступить в

монастырь и просила указать этот монастырь. Николай Васильевич указал ей ближайший Свяижский Иоанно-Предтеченский монастырь, в котором она поместилась в 1868 году и оставалась до своей кончины.

Николай Васильевич, принявший пострижение в Макарьевской пустыни в 1876 году 18 декабря с именем Нила, был постоянным руководителем и наставником послушницы Анны; он, как любящий отец, не только руководил ею, но и материально помогал бедной сироте, не имевшей копейки денег. Умея различать людей, покойный о. Нил сразу заметил искреннюю настроенность и природные дарования новой послушницы и постарался развить их на благо ее самой и той обители, в которую она поступила. Послушница Анна оказалась достойной ученицей достойнейшего учителя. Воспроизведя духовный образ покойной, нельзя, хотя кратко, не вспомнить ее духовного отца.

О. Нил, в мире Н.В. Хрисогонов, сын священника Казанской епархии, по выходе из первых классов семинарии, поступил на службу в Казанскую Казенную Палату; оставаясь холостым, он вел уединенную и воздержанную жизнь: будучи бескорыстным, но экономным, он слыл на лучшем счету у начальства, но оставил службу совсем нестарым – 35 лет от роду.

Оставив службу, Н.В. повел совершенно уединенную жизнь, пока не надумал путешествовать по святым местам, сначала по Росси, а затем побывал в Иерусалиме. Италии и Афоне, который так ему понравился, что он намеревался навсегда остаться там, но Афонская братия внушила ему подвиг – собирать пожертвования на Афон. Много тысяч прошло через руки Николая Васильевича на Афон. Поступив в Макарьевскую пустынь, напоминавшую собой Св. Афон, он начал сбор пожертвований на достройку каменного храма в обители; затем его благотворительный подвиг был направлен на сбор пожертвований в пользу бедных монастырей и особенно в пользу бедных вдов и сирот духовного звания, призреваемых Казанским попечительством. В подвиге благотворительных сборов протекла вся жизнь бескорыстного иеромонаха Нила почти до самой кончины в 1896 г. 3 июня, 73 лет от роду. Не

десятки, а сотни тысяч благотворительных денег прошло чрез руки о. Нила, лично остававшегося «нищетою богатым». К этому бедняку, неизменно ходившему в позеленевшей от солнца и непогоды дешевой шерстяной ряске, прикрывавшей зимой ватное полукафтаные, обращались за помощью нуждающиеся жители Казани, Свияжска, крестьяне окрестных сел и др. Он давал только убедившись в действительной нищете просителей: одним помогал единовременно, другим ежегодно. О. Нила знали в Москве, Астрахани, Уфе, Симбирске и др. местах. Тысячи имен благотворителей были записаны в памятных книжках о. Нила ходившего в последнее время и по селам, где в праздничные дни говорил поучения в храмах. О. Нил всюду был желанным гостем и не потому только, что шел собирать не доброе дело и давал нуждающимся людям, а прежде всего потому, что в лице скромного и доброго инока скрывалась великая нравственная сила. Он был строгий постник, страннолюбив, благочестив, кроток, обходителен, услужлив, благотворителен и учителен. Его келью в Макарьевской обители посещали люди различных сословий и состояний и некоторые из них после первого посещения о. Нила навсегда оставались его друзьями. Речь о. Нила была тихая, мерная, убедительная, постоянно основанная и подкрепляемая текстами Св. Писания, изречениями из творений св. отцов и примерами из житий святых. Он то ободрял упавшим духом, то примерял ссорящихся, то делил горе ближнего, часто становясь на колени вместе с ним пред образом и присоединяя свою теплую молитву к молитве обездоленного и кающегося. Предметами его наставления были самые разнообразные вопросы. Особенно он любил беседовать о мире в семье, милосердии к ближним и уповании на Бога. Все свободное время о. Нил посвящал молитве, чтению свящ. Писания, святоотеческих творений, житий святых, назидательных книг и т.п.

Таков был наставник в духовной и житейской мудрости сначала послушницы Анны, а затем монахини Апфии.

Двадцать два года девица Анна прожила в Свияжской обители в качестве послушницы, проходя различные послушания и состоя клиросной певчей со времени поступления

в монастырь по 1889 год, когда была назначена казначеей монастыря. Предоставление такой высокой монастырской должности послушнице Анне до пострижения и в сравнительно молодых годах всецело объясняется выдающимися способностями и достоинствами ее. Прослужив около года казначеей, 6 октября, 1890 года она, с именем Апфии, была *пострижена* настоятелем Свияжского Успенского монастыря архимандритом Вениамином. Чрез три года, в 1893 г., она была избрана настоятельницей Иоанно-Предтеченского монастыря. А в следующем 1894 году 1 мая возведена в сан игуменьи.

Игуменья Апфия была выдающейся начальницей и настоятельницей старинной обители, которой она посвятила все свои способности и мысли и которая, в свою очередь, сделалась для нее второй родиной и приютила ее – сироту навеки.

Двадцати пяти лет, прожитых покойной в Свияжской обители до определения в настоятельницы, было слишком достаточно для того, чтобы ей сжиться с монастырем, узнать внешнюю и внутреннюю жизнь обители и понять все ее нужды. Поняв эти нужды, она употребила все усилия, чтобы удовлетворить им.

В бытность казначеей матушка Апфия потрудились при капитальном ремонте двухэтажных корпусов настоятельского и общежительного, из которых первый был расширен и обложен кирпичом в 1899 году, а второй обложен кирпичом в 1892 г.; в 1890 г. усердием баронессы А.Н. Жомини на юго-восточной стороне монастыря выстроено двухэтажное каменное здание для трапезы. При трапезе устроена хлебня, просфорня и отведено помещение для нескольких келий, вследствие тесноты общежительных корпусов. Казначей Апфия положительно не знала себе отдыха при этой работе, которая являлась удовлетворением существеннейшей потребности обители.

С принятием настоятельства в монастыре для покойной наступила пора самой разносторонней и кипучей деятельности. Матушка-игуменья не только знала. Но и не мечтала об отдыхе, и, как будто, для нее не существовало естественного утомления: она всюду была сама и все знала непосредственно. Настоятельство ее в монастыре можно назвать самым трудным временем для самой покойной, но счастливым для обители.

Строительная деятельность матушки Апфии прекратилась вместе с ее жизнью. Заботами ее в 1896 году в северо-западной стороне монастыря построен новый двухэтажный деревянный общежительных корпус с каменным подвалом; в юго-западном углу, близ скотного двора, в 1897 году построен деревянный флигель для скотниц, в ее же настоятельство построено еще три небольших флигеля для сестер, число которых с каждым годом увеличивалось.

С увеличением числа сестер все более и более чувствовалась нужда в «доме Божиим», где бы монашествующие и миряне могли едиными усты и единым сердцем славить Бога. Два тесных монастырских храма в великие праздники, особенно при стечении богомольцев, далеко не вмещали всех желающих помолиться за богослужением. Все, начиная с матушки-игуменьи и кончая младшей послушницей-белицей, мечтали о просторном храме. Недостаток материальных средств и неотложные нужды монастыря заставляли год за годом откладывать трудное дело. Приступать к великому делу без определенных и достаточных средств было опасно. Только покойная игуменья Апфия, надеясь на помощь Божию, препод. Сергия, древний чудотворный образ которого находится в обители, и на добрых людей, решилась на трудное и святое предприятие. Имея в распоряжении совсем незначительную сумму, она в 1897 г. испросила у покойного архиепископа Владимира благословение на постройку нового трехпрестольного каменного храма в честь Божией Матери «Всех скорбящих Радости». Быстро началась заготовка материала и предварительные работы при самом живейшем участии игуменьи-строительницы. 17 мая 1898 г. храм был заложен, а чрез три года вчерне был уже готов.

Надежды на помощь свыше и добрых людей не посрамили игуменьи-строительницы: поступали и крупные, и мелкие пожертвования на постройку храма. Ныне остается поставить только иконостас, иконы для которой уже почти написаны, по заказу покойной. По внешнему изяществу новый монастырский храм может быть назван одним из лучших, если не самым лучшим храмом всего Поволжья. Расходы по постройке его в настоящее время приближаются к 100,000 рублям.

Но неисповедимы пути Промысла Божия... Основательнице и строительнице храма, который, можно сказать, был целью ее жизни, не суждено помолиться в нем вместе с своими сотрудницами и благотворителями. За то воздвигнутый храм, в точном смысле слова, явился памятником над его строительницей, погребенной в склепе под ним. О ней первой, хотя и за упокой, начали уже возноситься молитвы в новом храме, сделавшемся священным для обители ранее освящения, так как под ним нашла себе «вечный покой» та которая не знала покоя на земле в трудах и заботах об обители не только матушкой, но и матерью.

Покойная игуменья Апфия, подобно своему наставнику о. Нилу, умела находить благотворителей для обители. В 1896 г. А.И. Куликов пожертвовал монастырю постройки с усадьбой, находящейся против св. врат, вне монастырской стены. В этом помещении покойная устроила странноприимный дом, где бы могли найти себе приют богомольцы и странники. Случается, что тут по неделям живут больные и расслабленные, приезжающие в обитель поклониться чудотворному образу препод. Сергия, находя самый внимательный уход со стороны сестер обители.

В 1902 году благотворительница, дочь коллежского ассесора, Н.И. Иванова, пожертвовала монастырю двухэтажный дом с надворными постройками, находящийся на Университетской улице в г. Казани. В пожертвованном доме покойная матушка устроила монастырское подворье и тем самым избавила себя и сестер от печальной необходимости скитаться по городу и искать отдыха и ночлега в домах добрых людей или даже в гостиницах и на постоялых дворах во время приезда в Казань по монастырским делам. На новом монастырском подворье течет трудовая жизнь: тут устроена просфорня.

Получая щедрые и скромные жертвы на нужды обители, матушка Апфия тотчас употребляла их на дело. Каждая жертва у нее имела свое назначение и не тратилась на другое дело. Она, подобно своему наставнику, не обременяла жертвователей просьбами, напротив, когда видела нужду у своего прежнего благодетеля, сама, чем могла, помогала ему. Всегда ласковая и

спокойная, она была желанной посетительницей многих семейств в г. Казани. Она очень радовалась, когда находила новых добровольных жертвователей, и, нужно прибавить, она умела располагать жертвователей тем, что в скромных ее разговорах о нуждах обители слышалось только одна правда, без всяких жалоб на людскую несправедливость: у нее все люди были добрыми. Она не знала, что такое собственная нужда и обогащение. Получив в личный дар, несла подарок туда, где он нужнее; частые подарки, в виде конфеток и пирожных, она несла туда, где есть дети. Покойная не отказывалась от добровольных жертв, в каком бы виде они ни поступали, и всегда находила им место, весьма часто вне монастыря; многое она отдавала на нужды приходских сельских церквей. Покойная записывала в особые памятные тетради имена всех своих жертвователей, иногда и всех ближайших их родственников, с указанием места жительства, звания, семейного положения, рода занятий и краткой биографии. Эти тетради и записи служили матушке личным помянником жертвователей, о которых молились не только в монастырском храме, но о которых молилась и сама покойная, проводя целые ночи в келейной молитве. В случае надобности по этим записям, она знала, к кому обратиться за советом в своей разнообразной деятельности.

Принимая жертвы, покойная всегда оплачивала личный труд каждого, часто повторяя: «трудивыйся, да ясть», и что «достоин делатель мзды своея». Эти великие – Евангельское и апостольское – правила покойная настоятельница старалась проводить в монастырском общежитии и неуклонно проводила их в жизнь и деятельность сестер. Она принимала все меры к тому, чтобы управляемая ею обитель, сохраняя характер строго общежития, являлась вместе с тем приютом и домом трудолюбия для всех обездоленных и одиноких. К своему утешению, она вполне достигла этого в своем самом многолюдном из всех казанских женских монастырей (до 400 сестер). Все способные к труду знали свое дело, а сама матушка знала, кому поручить какое дело, или, послушание. В самой обители, на подворье в Казани, а летом на огородах, скотных

дворах и монастырских полях шла трудовая жизнь сестер, исполнявших самые трудные работы.

Вся многочисленные жилые и нежилые монастырские постройки и помещения, внутри и вне монастырской стены, тщательно охранялись заботливой рукой покойной матушки. Вместе с трудящимися сестрами. Нечего говорить о храмах: в них, несмотря на тесноту и ветхость зданий, соблюдалась образцовая чистота, да и самый монастырский двор, несмотря на постоянные постройки и ремонты. Содержался в порядке, так как всюду заглядывал глаз самой настоятельницы, бывшей для всех образцом порядка и аккуратности.

Труженица матушка при постоянных хлопотах заботилась не об одной пище телесной, но также и о пище, пребывающей в жизнь вечную (Иоан. 6, 27). Того же требовала она от своих духовных сестер и дочерей; она требовала, чтобы все они в молитве, послушании и труде содействовали свое спасение. Покойная сама тверда помнила и другим напоминала, что молитва и труд, успокоивая душу, отгоняют все дурные помыслы. Кто близко жил с матушкой, тот хорошо знает, как сама она трудилась и молилась до полнейшего утомления: день она проводила в труде, поездках и беседах с посетителями, а ночь – в молитве. Ее настоятельские кельи редко были свободны от посетителей. Случалось, что во всех настоятельских комнатах сидели посетители из широкого круга ее знакомых, благотворителей и людей, явившихся по делу. Одновременно она успевала всех принять и со всеми побеседовать: с подрядчиками и мастерами она вела деловые разговоры, других ободряла в несчастьях и давала советы, третьих принимала, как знакомых. Покойная не любила многословия; советы и наставления ее были кратки, но разумны, а главное жизненны. Наставления ее учителя о. Нила, опыт лично пережитого и наблюдения над людьми разных званий, состояний, занятий и возрастов умудрили покойную и подсказывали ей то, что нужно сразу сказать каждому и про каждого. Пред гробом ее свящ. Села Моркваш о. Сергей Милонов в трогательной речи прерывающимся от слез голосом, вспомянув заботы усопшей о благоустройстве приходской церкви в с. Морквашах, благодарил

ее за тот богатый опыт духовной жизни, которым матушка делилась с ним. Земным поклоном пред гробом ее благодарил о. Сергей почившую за ее благодеяния. Эти поклоны и голос благодарного священника можно назвать общими от лица весьма многих, с которыми матушка делилась опытом своей духовной жизни.

Небольшая ростом, с умными и живыми глазами, вдумчивым и приветливым лицом, с кротким взором, с задушевной, спокойной, краткой, сдержанной и простою речью, с чистым, совсем не старческим, голосом, простая в обращении и одежде, с медленной, но твердой походкой. Покойная матушка-игуменья не отличалась цветущим физическим здоровьем; напротив, она высматривала несколько утомленной, особенно в последние годы своей кипучей деятельности в качестве настоятельницы. Но как и не утомиться женщине, отличавшейся трудолюбием, не знавшей полного отдыха при строгом воздержании в отношении пищи и сна! Питалась она всегда слишком умеренно и тем самым. Кажется, окончательно надломил свое здоровье. Краткий, нередко беспокойный, сон под напором глубоких дум и молитвенного настроения, мало ободрял истомленное тело. Многие, знавшие покойную и принимавшие ее у себя на домах. Вероятно. Имели возможность видеть, как она после беседы или даже во время разговора, как бы забывалась, закрыв глаза, не будучи в состоянии перенести естественного физического переутомления.

Но в слабом теле всегда жил великий и бодрый дух настоятельницы, обладавшей выдающимися административными способностями. Строгая к себе, она требовала. Чтобы все сестры несли безропотно тот крест и иноческий подвиг, которые сами добровольно избрали. Поступки сестер, несогласные с правилами монашеской жизни и монастырского общежития, всегда глубоко печалили матушку. Но она была счастлива тем, что сестры не позволяли себе в этом отношении огорчать своей матушки. Которая, зная немощи человеческой природы, умела снисходить к немощам инокинь и относилась к сестрам милостиво – по-матерински. При больных она была первой посетительницей и утешительницей. За то все

сестры любили ее и оплакивали ее кончину, как кончину родной и дорогой матери.

Еще задолго до смерти матушки было пролито много слез сестрами. Покойная почувствовала болезнь с января месяца 1906 года. Болезнь, на первых порах не внушала опасения, но с июня среди сестер стали распространяться слухи. Что матушка опасно больна, а затем все заговорили, что она больна безнадежно. Всем друзьям и почитателям больной матушки все же не верилось, что развязка близка. Меньше всего это беспокоило опасно больную. Она продолжала молиться и работать на пользу обители. Совершенно забывая свои немощи, даже тогда, когда ей необходим был полон покой. Тяжелая болезнь – рак желудка – совершенно истощила ее, но не убила бодрости духа до самого последнего вздоха. Медицина положительно отказалась помогать больной, но она и не думала лечить тело, а лечила душу, причащаясь Св. Таин очень часто, а затем даже ежедневно. Для брэнного тела она давно искала место покоя; но таила в себе мысль и заветное желание найти и устроить это место упокоения близ памятника, который успела поставить себе в ограде обители, в которой подвизалась 37 лет, возглавив крестом величественный собор. По своей всегдашней скромности, матушка не осмеливалась высказать своих заветных желаний. Но за нее их высказали другие.

Во время своего пребывания в г. Свияжске (21–24 июля) Высокопреосвя. Димитрий посетил и Свияжский женский Иоанно-Предтеченский монастырь. Величественный монастырский каменный трехпрестольный храм, составляющий красу всего г. Свияжска, поразил архипастыря. Узнав, что храм с первого камня воздвигнут стараниями достопочтенной игуменьи Апфии, владыка раскрыл заветные мечты строительницы, указав посохом место, где было-бы пристойно сложить ей свои кости. Живо забилося горячее, но уже больное сердце строительницы. Лучшей награды для нее не могло быть. Теперь для нее было все ясно и, можно сказать, кончено. Ее тяжелые думы облегчены; она знала, что и впредь там. За гробом, ей не суждено разлучаться с своим памятником.

Устройство могилы-склепа под новым каменным храмом, при личном наблюдении больной, свидетельствовало о полнейшем спокойствии ее в ожидании часа смертного. Она сама заказала себе гроб и надгробную плиту. Пример матушки был поучителен для сестер, все еще не веривших в близость разлуки с ней. Между тем сама матушка давно примирилась с неизбежностью близкого конца, но все же трудилась для нового храма: вела переговоры с подрядчиками, справлялась о ходе иконостасных работ, делала расчеты, пока работала ее мысль и не подкосились ноги, как будто, никогда не знавшие устали. Полнейшее истощение сил от невозможности принять даже каплю пищи, наконец, приковало ее к смертному одру.

Больная без всяких жалоб на свою судьбу доживала последние дни и только повторяла, что, видно, Богом не суждено ей дожить до освящения нового храма, от которого никак не могла оторваться мысль строительницы. Заботы о недоконченном храме еще удерживали ее от мысли все порвать с миром. Но, готовясь к новой жизни, она решилась и на это, приняв 19 сентября схиму, с именем Анны.

Чрез два дня, 21 сентября, она пригласила в свою келью певчих сестер и просила их пропеть погребение. Глубокое содержание песнопений, трогательные мотивы до слез растрогали всех. Только сама матушка с каждым новым песнопением как то особенно оживала.

Выслушав погребальные песнопения, больная совершенно ободрилась и даже воодушевилась, а затем обратилась к сестрам с последним словом материнского назидания... Она просила всех молиться о ней, не переставать молиться и обо всех, трудиться и жить в любви и согласии, возлагая все надежды на Бога... Она, как будто, была уверена, что там, за гробом, она снова встретиться с своими сестрами, а поэтому говорила и о своей скорби, если узнает, что оставляемые ею сестры не окажутся на высоте своего иноческого и монастырского послушания... В то время, как слезы душили всех присутствующих, сама матушка становилась бодрее, а голос ее усиливался... Это, поистине, был предсмертный горячий наказ

матери своим детям. Матери стоящей на краю могилы, желающей им только одного добра.

28 сентября в 5 часов вечера шесть ударов большого монастырского колокола возвестили обители и всему г. Свяжску о великом монастырском горе: матушка схи-игуменья скончалась. Неподдельные слезы полились у всех сестер, и рыданиями наполнилась не только келья покойной, но и вся многолюдная обитель.

На телеграфное извещение о смерти игуменьи Апфии, архиепископ, опечаленный безвременной утратой достопочтеннейшей настоятельницы. Немедленно телеграфировал о своем желании быть в монастыре и участвовать в ее погребении. Это было выражением того уважения к заслугам покойной, которое пожелал оказать ей владыка, хорошо понявший, какую утрату понес Иоанно-Предтеченский монастырь в лице усопшей игуменьи Апфии, а вместе с монастырем и он. как начальник епархии. После первого посещения Свяжского Иоанно-Предтеченского женского монастыря, в июне месяце, когда матушка уже серьезно была больна, владыка сразу понял, что во главе обители стоит далеко незаурядная настоятельница, и личное участие его в погребении было только последний земной наградой достойнейшей инокине и игуменье, трудившейся на спасение души и общую пользу обители.

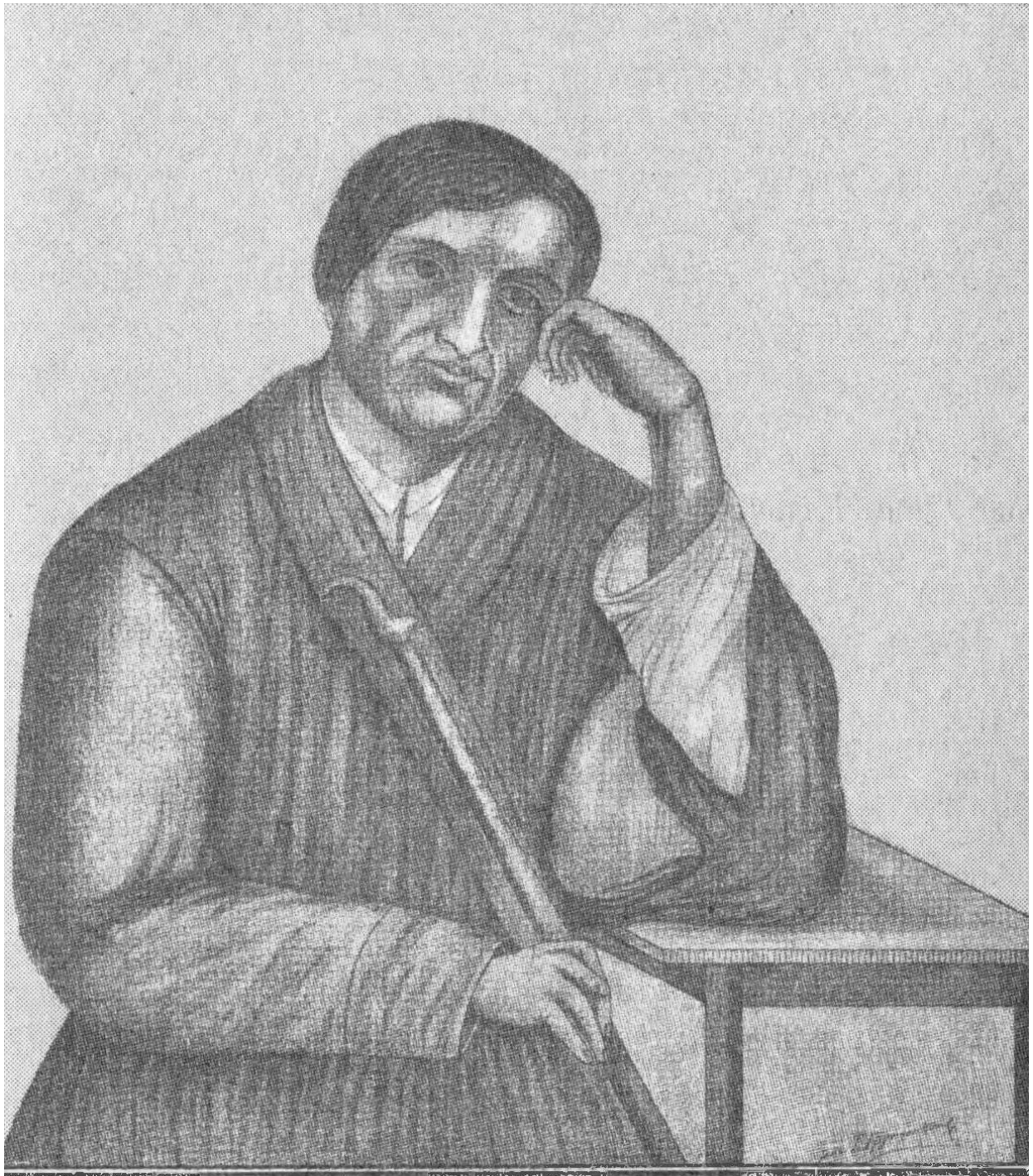
Трудясь для обители и сестер, как мать для детей, она, как будто, забыла кровных родных. Она помнила только обитель и сестер вела постоянную переписку только с благодетелями монастыря. Передав своими руками более 100,000 руб. на обитель, покойная из личного жалованья сберегла лишь самое необходимое для самого скромного погребения, чтобы и по смерти не обременять обители.

Внешними наградами ей за труды были медаль в память Царствования Императора Александра II и синодальный наперсный крест и тот крест, который она почти пред кончиной успела поставить на выстроенном ею величественном соборе. Но последней наградой ей были те искренние слезы, которые пролили сестры при гробе матушки, и те молитвы, которые

непрерывно в храме, в могиле-склепе и кельях возносятся о упокоении души схи-игуменьи Анны сестрами обители и всеми знавшими покойную игуменью Апфию³⁷.

Золотой Гриц – юродивый

(Память 30 сентября)

Золотой Гриць — юродивый

Григорий Акиндинович Мирошников, или «золотой Гриць», как его называли, родился в селе Кучиновке Городнянского уезда, Черниговской губернии, от казенных крестьян Акиндина и

Матрены Мирошниковых 30 сентября 1821 года. Родители его были люди весьма бедные; жили в убогой избушке, при которой был огородчик величиною в четверть десятины. Кроме Григория у Мирошниковых была еще дочь Евдокия, моложе Григория на 2 года. Тяжело и безотраднo было детство Григория: когда он был еще ребенком, целый ряд бедствий обрушился на его семью. Сначала заболела какою-то болезнью его мать, и хоть поправилась, но от болезни потеряла зрение; потом, когда Григорию было 6 лет, умирает его отец, а затем и сестра. С малолетним сыном слепая мать поневоле избирает единственно доступный ей способ существования – нищенство, – и вот Григорий делается «поводырем» матери в хождении по селу за «кусочками хлеба». В десять лет от роду Григорий теряет мать и остается круглым сиротою. После смерти матери Григорий несколько лет жил и нищенствовал исключительно в Кучиновке; при чем постоянного места пристанища не имел, а ночевал летом под плетнями, а зимою – у кого случалось. В эти годы уже определились в нем те черты характера, которые впоследствии, развившись, прославили его, как юродивого. Собранным от подаяний деньгами Григорий неизменно давал одно назначение: бросал их в воду, приговаривая: «ешьте, карасики, мои копеечки». Часто во время его странствия по селу его рвали собаки, после чего он всегда являлся к тетке и, указывая на раны и сочившуюся из них кровь, говорил: «посмотри, – цюцики поделали мне кринички и вода з них дюже капле», и тетка, из сожаления, перевязывала ему раны. Еще Кучиновские старожилы помнили одну особенность мальчика Гриця, отличавшую его от сверстников, именно ту, что он, видя нарисованный на земле крестьянскими мальчиками крест, всегда останавливался предним, клал земной поклон, целовал его и осторожно обходил кругом, чтобы не ступить на него ногою.

Жители Кучиновки считали мальчика Гриця только «простаком» (малоумным) и смотрели на него как на шута. Особенно досаждали ему уличные мальчишки, но он сам ни с кем не бранился, никого не преследовал, только в минуты сильнейшего огорчения становился к забору и бился о него головою.

В 1834 г. 13 лет от роду, Гриц пошел нищенствовать в другие села, пристал к нищим за «поводыря» и пришел с ними в местечко Седнев. Вероятно, красивая местность Седнева понравилась Грицю, и он избрал его постоянным местом своего жительства.

Сначала Гриц, как бесприютный, поселился на жительство под колокольню Покровской церкви, где прожил лето и зиму. Жил он здесь в обществе собак, которых любил и кормил: они ходили за ним неотлучно; они и согревали его в холодное зимнее время. Потом он переселился внутрь местечка, под торговые лавочки, где также проводил время в обществе собак. Когда же ближе познакомился с жителями Седнева, то избрал постоянным своим пристанищем дом Седневской казачки Анастасии Шудрихи, у которой он жил на чердаке сарая. Здесь он устроил себе конурку, которую называл своим «кабинетом». Кабинет его имел довольно странный вид: тут лежали разные вещи, которые сносил сюда Гриц из разных мест, как-то: чучела, деревянные и железные молоты, различные палки, камни, железные обручи, оловянный крест весом в 10 фунтов и т.п. Особенно много бывало у него разных книжечек с описанием жизни святых и молитвами в честь Богородицы, которые он имел обыкновение раздавать встречным.

Внешний вид Гриця был необычный, сразу останавливавший на себе внимание каждого: среднего роста, худощавый, с продолговатым, бритым лицом, русыми волосами, глубокими, задумчивыми глазами, ходил он обыкновенно босой или в цветных сапогах, с палкою в руках, иногда в меховой еврейской шапке, одетый в дырявый нанковый халат накинутый на плечи. Но это был не единственный костюм, в котором можно было видеть Гриця. Однажды он пришел в кучиновку в одежде из разноцветных лоскутков и на недоумение по этому поводу родственников сказал им, что один пан сшил ему много разных костюмов, но Гриц роздал их «по людям»; тогда пан спросил его, какой костюм нужно сшить, чтобы он, Гриц, сам носил его. На это Гриц ответил: «поший мне платье из разноцветных лоскутков, щоб я був царь лоскутников»; желание было исполнено и «от я, заключил рассказ Гриц, – як бачите, теперь царь лоскутников». И

дорогие одежды, но он их никогда не носил, а отдавал беднякам; равно как никогда не носил он и зимней одежды. В самые лютые морозы (при 20 град. И более) он часто ходил босой и выстаивал в холодной каменной церкви иногда по несколько часов.

Характер у Гриця был редкий: под личиной внешней грубости таилась кроткая, любящая, незлобивая детская душа. Ко всем он относился с любовью: богатый ли то был или бедный. Где была скорбь, туда являлся обыкновенно и Гриц и своим присутствием, словом, а иногда и делом облегчал ее перенесение. Седневский помещик Л. Рассказывал, что он постоянно приглашал к себе Гриця обедать, но тот никогда не являлся; только один раз Гриц приходит и сам просит дать ему пообедать. Когда обед ему подан, он забрал его и отнес на конец села к бедной больной вдове, и так делал ежедневно до ее выздоровления. Незлобие Гриця было поразительное. Он не только сам никогда никого не обидел, но и не отвечал на обиды, а в минуты сильного огорчения, причиненного ему кем-либо, начинал биться лбом о стену, как и в детстве это делал. Не раз ему доставалось от базарных торговцев-евреев за то, что он иногда сбрасывал с их столов деньги, но на эти побои Гриц отвечал обыкновенно только смехом, приговаривая: «эх, болят кулаки жидовские»! Было раз, что Гриц бросил песком в глаза двум крестьянам и вот за что: были они на базаре; видят, два Кучиновских мужика стали бить бродившего по базару Гриця за то, что он не живет в Кучиновке и за него приходится им платить подати. Те заступились за Гриця и стали бить их. Тогда Гриц схватил рукою песок и бросил его защитникам в глаза. Но этот поступок Гриця был, без сомнения не обидою защитников, а имел у него свой глубокий внутренний смысл.

За то и любили же Гриця все, знавшие его; он был свой человек в каждом Седневском доме: богатый ли то был или бедный. Окруженный общею любовью и уважением Гриц не возгордился, а, напротив, развил в себе высокое христианское смирение. Он не любил решительно никаких похвал, огорчался ими и, если замечал, что ему где-нибудь дают предпочтение пред другими, не выносил этого и убегал. Чтобы отклонить уважение, с которым к нему все относились, он часто позволял

себе проделки, каких от него не ожидали, например: брал трубку с табаком в рот, папиросы, нюхал табак, иногда даже в постные дни, которые очень чтит, позволял себе есть скоромное, но делал это при таких только случаях, когда находил нужным остановить чей-либо грязный поступок или злоязычность; «грех не в молоке, а на языке», – приговаривал он.

Желая всем добра, Гриц иногда указывал, с целью исправления, тем или другим лицам на их порочную жизнь или дурные поступки, но делал это обыкновенно прикровенно, иногда как бы в шуточной форме. Раз был такой случай. Ночевал Гриц, по дороге в Киев, на постоялом дворе с одним знакомым. Гриц уже улегся спать, а последний перед сном стал молиться Богу, при чем пересчитывал свои добрые дела, какие когда-либо сделал; Гриц, желая, вероятно, показать непристойность его молитвы, заметил ему шутливо с постели: «лохмотьев то моих не заberi».

Юродствуя Христа ради и желая быть Христовым, Гриц «распинал плоть свою со страстями и похотями». Он вел строго-воздержанную жизнь не употреблял мясной пищи и не пил вина. Кроме этого он прибегал еще и к другим средствам. Так, бывая в Киеве, он избирал такой род самоунижения. Проходя по киевским улицам и встречая кого-нибудь из прохожих, кто казался ему человеком сердитым и жестоким, он, скрежеща зубами и сверкая глазами, делал вид, будто хочет ударить его; прохожий иногда бил его, издевался над ним или же отводил его в часть, где Гриця запирали вместе с арестованными, морили голодом по несколько дней и часто секли розгами очень жестоко за его притворную грубость и безвредные шутки, которые он там допускал. Вставая после таких побоев, Гриц благодарил своих истязателей и с особенной похвалой отзывался о более жестоких из них. Предавал он себя так истязаниям иногда по несколько раз в день, пока, наконец, не стали догадываться, что он верно раб Божий, и перестали бить его за его шутки и оскорблять словами.

Кроме этого рода самоунижения и изнеможения Гриц на колене постоянно поддерживал рану, неизвестно, вследствие каких причин открывшуюся у него. Чтобы рана не заживала, он

постоянно растравлял ее известью, источенным стеклом, золою и другими едкими веществами. Эта рана причиняла ему большие страдания, что ясно отражалось на лице его, но он тщательно скрывал это от всех, даже от хозяйки своей квартиры. Только в глубокую ночь, когда все спало, он иногда позволял себе стонать, но, когда раз хозяйка спросила его, почему он стонал ночью, он ответил: «я не стонал», и с тех пор удерживался от стонов. Эта рана была у него тайной, которую он скрывал ото всех. Только один раз, случайно, в минуту откровенности, он сказал одному из знакомых, что эта рана для него очень дорога: «дороже миллиона». И унес эту тайну Гриц с собою в могилу, никому не сказал, – зачем он это делал поддерживал рану: распинал ли свою плоть сор старостью и похотями, чтобы не мог в ней появиться и развиться какой-либо плотской грех; отвлекал ли чувством боли свое сознание от каких-либо нехороших мыслей и чувств, появлявшихся в его уме и сердце и смущавших его чистую совесть: или этим отражал какое либо из искушений дьявола, – все это осталось скрытым. Жизнь вел Гриц простую, скромную, детскую; определенных занятий не имел, хотя всегда чем-то был занят. Любимейшим удовольствием его было посещение храма Божия, где он пред образом ставил много свечей, на покупку которых собирал деньги, говоря: «позычь (дай взаймы) на золото». Из трех приходских церквей он постоянно ходил в каменную Воскресenskую, где ставил пред образами много свечей – фунтов по десяти и более, особенно в большие праздники. В базарные дни Гриц обыкновенно ходил по базару, раздавал поселянам крестики, говорил многим из них знаменательные изречения, имевшие отношение к их жизни. Так, обратясь к одному селянину, вместе с другими окружившему Гриця на базаре, он сказал: «тебе сегодня коза брыкне», что вызвало смех окружающих и самого селянина; но что же? – этот селянин, не доехав до дому, умер от удара.

Иногда посещал Гриц и свою родину, село Кучиновку. Являясь к родственникам, он обыкновенно заявлял, что пришел к ним в гости и при этом прибавлял, чтобы угощали его «яичком и молочком». И здесь он раздавал крестьянским детям крестики,

а, бывая в церкви, ставил пред образами свечи. Нередко посещал он и Киев. Бывая в Киеве, он предавался подвигам самоунижения или раздавал богомольцам крестики и образки, а нищим деньги и вещи, приобретенные им подаянием. Киевские нищие и дали ему, как думают, название «золотого Гриця» за его любовь к ним и щедрую милостыню.

Слывший долгое время за глупца, Гриц в действительности был очень умен, сметлив и дальновиден. Взгляд на вещи он имел здравый, суждения высказывал верные, только обыкновенно в такой форме, в которой трудно было сразу понять их. Хотя грамоты он не знал, но умел чертить кой-какие предметы, цифры и даже подписывать кое-как свое имя. Письма, которые ему приходилось посылать в разные места, писали ему другие, и в этих письмах был виден тот же загадочный Гриц: верные мысли заключались в пустых, по-видимому, фразах, ясный смысл которых был понимаем только теми, кто получал их.

Встречаясь с каждым, кто бы он ни был, – знакомый или незнакомый, Гриц обыкновенно подавал руку, только подавал не всегда одинаково: иногда всю, иногда два только пальца, иногда один, а иногда протягивал только руку и сейчас же отводил ее назад.

Все, кому приходилось слышать о Грице, искали его знакомства, иногда в надежде узнать от него какую-либо тайну, но он принимал у себя не всякого; например: одна знатная дама простояла у его хижины около двух часов, прося дозволения поговорить с ним, а он отвечал одно: «некогда мне». Принимали Гриця у себя Черниговский епископ Павел и Киевский митрополит Филарет; оба оказывали ему особенное внимание, удостаивали своей беседы и дарили ему свои подрясники, которые Гриц также отдавал бедным.

Гриц видел во многих, иногда совершенно неизвестных ему лицах, внутренний их мир и сообразно с ним поступал. Придя однажды к горничной седневского помещика Л., Гриц попросил «воды с духом», т.е. чаю; та про себя подумала: «эх, некогда мне, – не во время пришел», однако заварила чай и подала

Грицю, но он пить не стал, говоря: «некогда мне, – не во время пришел», и с этими словами вышел из комнаты.

Подвигами самоотречения и любви душа Гриця возвысилась до прозрения будущего. В Седневе не было почти человека, которому Гриц не предсказал бы чего-нибудь знаменательного в его жизни, что не исполнилось бы впоследствии, хотя обыкновенно свои предсказания прикрывал таинственностью, и ясный смысл их открывался уже после их исполнения. Если же кто не довольствовался его загадочными словами и просил пояснения, он отвечал: «почем я знаю: чи я цыган, чи я жид?»

В 1852 году, когда о Крымской войне не было еще и речи, Гриц убрал двор при своей квартире разными предметами, которые изображали у него воинские снаряды. Он развесил разного рода флаги: красные, белые и синие с красным, якори, шары разные, молотки железные и деревянные, булавы, головы человеческие, выделанные из дерева, петуха, сделанного из листового железа и т.п. По временам он делал перемены в расстановке этих вещей. Кроме того, на двор из навозной земли сделал курган на подобие могилы и усыпал его цветами. Все это для жителей Седнева долго казалось странным и загадочным, пока, наконец, не приехал в Седнев курьер молодой офицер. Заметив странный вид двора Гриця (квартира его была вблизи большой дороги) офицер завернул к домику и, встретив хозяйку его, спросил у нее, – «что это за выставка?» Хозяйка ответила, что это шалости или забава одного дурачка, у нее живущего. Офицер, рассмотрев все пристально, сказал ей: «нет это не шалости и не забава, а дело серьезное. Человек известный у вас за дурачка, – не дурачок: это указания на войну, которая затевается с турками. Я везу об этом вести». И, действительно, война с Турцией в скором времени была объявлена.

Незадолго до смерти Императора Николая I-го, несмотря на то, что и слухов об его болезни не было, Гриц неоднократно спрашивал: «чи здоров наш Государь?» В скором времени получена была весть о кончине Императора.

Из имевшихся у Гриця портретов защитников Севастополя, он однажды снял портрет Корнилова, бросил его на землю и разбил вдребезги. На вопрос: «зачем он это сделал?» ответил:

«ненужен он больше». И что же? Спустя несколько дней получено было известие, что адмирал Корнилов убит.

Особенно часто, как сказано выше, Гриц делал предсказания жителям местечка Седнева. Так один купец А.С. собирался ехать в южные губернии покупать скот; в это время пришел к нему Гриц и стал уговаривать не ездить за покупкой скота и совсем оставить эту торговлю. Купец не послушался Гриця, поехал, купил много скота с тем, чтобы отправить его для продажи в Петербург. Опять явился к нему Гриц и убеждал не гонять скота в Петербург, а продать лучше здесь, предсказывая, что он продаст его в Петербурге по 35 руб. за штуку. Это так смутило и рассердило купца, что он прогнал Гриця. Но что же случилось? Отправленный в Петербург скот на дороге заболел, много его околело, а остальной так был худ, что с трудом был продан за бесценок и в общем каждая штука обошлась не больше 35 руб., как и предсказывал Гриц. Купец совсем разорился; тогда Гриц стал утешать его, удерживать от ропота, предостерегать от отчаяния. Желая доказать, что все с нами случающееся бывает по соизволению Божию, он говорил скорбящему купцу: «ну подавай жалобу на Бога, а когда видишь сам, что это невозможно, лучше молись Ему почаще и поусерднее, Он не оставит тебя и даст тебе утешение в детях». Смотря на детей, Гриц говорил: «вот этот младший сын будет умен и богат, будет жить под зеленой крышей; средний будет ездить на одном возу с поповичами, а третий будет купчик-перекупчик». Все это так и исполнилось над детьми купца: два из них, по окончании курса в гимназии, поступили в университет и ездили на каникулы на одном возе с поповичем, тоже учившимся в университете. По окончании курса в университете младший получил место с казенною квартирой и действительно жил под зеленой крышей; средний поступил на государственную службу в Чернигов, а старший занялся торговлей, но торговлей самой мелочной и на чужой капитал.

Одной девушке Гриц также предсказал, что она выйдет замуж в такой приход, где колокольня без верха. Это показалось тогда очень странным и несбыточным, так как вблизи не было недостроенной колокольни, а вдаль отдавать невесту не было

тогда в обычае. Но вот случайно приезжает в это село купец из Козлова, человек холостой, увидел эту девушку, познакомился с нею и женился на ней. Когда она приехала в Козлов, то увидела, что там колокольня, поврежденная бурей, стояла без верха. Мог ли это предвидеть обыкновенный простой человек?

Зная прозорливость Гриця, некоторые прибегали к нему за помощью в трудных обстоятельствах своей жизни. Так, у одного казака местечка Седнева К. были украдены деньги, спрятанные им в погребе. Он решился обратиться к Грицю с просьбою указать вора, только не знал как завести речь об этом, так как Гриц не любил подобных расспросов. Наступил праздник. Гриц, имевший обыкновение собирать от присутствующих в церкви деньги на покупку свечей, подошел к К. и сказал: «Савка! Давай копейки на золото», т.е. на свечи. Тот с грустью ответил, что у него нет денег. «Разве у тебя пропало 100 рублей? – сказал Гриц, – не беспокойся, ты получишь их». К., после обедни зашел в дом своего знакомого П. попросить, чтобы тот расспросил у Гриця, бывшего воспитанником детей П., кто именно украл его деньги. П. обещал это сделать и обратился к Грицю с просьбою указать вора; Гриц, почесывая голову, сначала сказал, по обыкновению: «чи я цыган, чи я жид», но потом добавил: «чертик маленького человечка научил, он и взял деньги». К., придя домой, стал допрашивать трех учившихся у него портняжеству мальчиков, – не брал ли кто из них его денег, и один сознался, что, пряча свое ружье в погребе, в том месте, где были кирпичом накрыты деньги, взял их и зарыл в землю в саду, – и деньги были найдены.

Иногда предсказывал Гриц будущие события посредством рисунков. Так, придя раз в дом своей хозяйки, казачки Шудрихи, Гриц схватил уголь нарисовал на стене, только что выбеленной, пожарную каланчу и тотчас ушел. Вслед за ним, через несколько часов загорелась в трубе сажа и с трудом была погашена. Когда хозяйка на другой день на него прикрикнула, почему он, зная о предстоящей опасности, не предупредил ее, он, свою очередь, стал на нее кричать: «почему я знаю будущее? Чи я цыган, чи я жид? Не люблю я, что ты все за мною примечаешь»! Другой раз, придя в один седневский дом, Гриц нарисовал на столе четыре

гроба: три маленьких, один большой. На вопрос хозяйки: «что ты, Гриц делаешь»? ответил: «так будет», и ушел. И что же? Спустя несколько времени помешанная сестра хозяйки дома утопила троих своих детей, – одного дома в кадке, а двух в кринице, и сама утопилась.

Предвидел Гриц и день своей кончины, о которой сделал предсказание при следующих обстоятельствах.

В одном доме собралась седневская молодежь. Пришел сюда и Гриц; схватил с головы одной девушки А.К. платок, а с парня К. шапку, смял их вместе, бросил и тотчас же ушел. Что же случилось? К. вскоре умер во время эпидемии, а девушка А.К. скончалась при следующих обстоятельствах: когда она сговорена за одного из молодых людей, в дом ее родителей пришел Гриц и стал убеждать их не отдавать дочь замуж. «Когда невесте исполнится 20 лет»? спросил он у матери; та ответила, что 20 лет ей будет 18 марта. «Вот увидишь, сказал на это Гриц, мы отдадим ее тогда за великого генерала». Слова эти приняла мать за шутку, но все таки сватовство почему то расстроилось. Спустя немного времени, на первой неделе Великого поста, Гриц, встретившись с той же девицею в церкви, взял ее за руку, крепко сжал ее и сказал: «кажется, Саша, нам сей год Пасха будет не в моде». И, действительно, эта девица 18 марта, в тот день, как исполнилось ей 20 лет, заболела и вскоре умерла. Да и сам Гриц не дождался Пасхи: он скончался на третьей неделе Великого поста, прежде означенной девицы. Незадолго до своей кончины он более точно, хотя также прикровенно, определил время своей кончины, говоря: «я скоро покачусь и на третьей версте опухну» (по словам других «умру»): в этих словах видели потом указание на третью неделю Великого поста, на которой умер Гриц.

Скончался Гриц 22 февраля 1855 года, а погребение его происходило 24 февраля. Редко в скромном сельском храме бывало такое стечение народа, как в день его погребения. Массы народа пришли отдать последний долг своему любимцу. Все провожали его со вздохами сердечными, прощались с ним, как с родным, хотя ни одного родного ему здесь не было.

О том глубоком уважении, которое имели к человеку Божию знавшие его, говорят не только те толпы народа, которые пришли проводить его в могилу, но и то место, где он похоронен, – не погосте Воскресенской церкви, и та приличная плита, которая положена на его могиле любящею рукою, и та надпись, какая сделана на этой плите: «здесь покоится прах доброго человека Григория Мирошникова, умершего 1855 года февраля 22 дня. Блажени нищи духом, яко тех есть царствие небесное»³⁸

Старцы: о. Паисий Величковский и о. Макарий Оптинский и их литературно-аскетическая деятельность

Великий старец о. Паисий Величковский и о. Макарий Оптинский своею литературно-аскетическою деятельностью оказали могучее влияние на развитие и подъем иночества в нашем отечестве в XIX столетии. Жизнеописание о. Макария нами помещено в этой книжке, а житие о. Паисия будет в ноябрьской книге. Чтобы еще более осветить эту сторону в жизнедеятельности великих старцев мы и предлагаем здесь благосклонному вниманию наших читателей свое исследование по данному вопросу.

А.Н.

I

Старец Паисий и его литературно-аскетические труды; о. Макарий Оптинский и его отношение к этим трудам

Старец Паисий был родом из г. Полтавы. Он родился в 1772 г. Его отец протоиерей Иоанн Величковский служил при городской соборной церкви в честь Успения Пресвятой Богородицы и скончался, когда его младшему сыну Петру, – впоследствии о. Паисий, было еще около 4 лет только. Воспитанный благочестивою матерью Ириною, мальчик Петр Величковский на 14 году был определен в Киевское училище. Но проучился здесь только 4 года. В жажде иноческих подвигов он тайно оставил школу и поселился в Любичком монастыре, откуда в скором времени перешел в Николо-Медведовский монастырь, где и был пострижен в монашество с именем Платона на 19 году своей жизни. Однако ревнитель иноческой жизни встретил в обителях далеко не то, чего искала его идеально-настроенная душа. Вспоминая об этом впоследствии, старец писал одному из своих учеников: «Когда вышел я из мира с невыразимою ревностью, что и сам ты знаешь, чтобы усердно трудиться в монашестве для Бога (Бог ведает, Отче, что не лгу), не сподобился я в юности своей и в начале монашествования видеть ни от кого даже следа здорового и правильного

рассуждения, совета и научения по учению святых отцов, чтобы новоначальный и неопытный я мог бы начать свое бедное монашествование и каким разумением. Вначале я вошел в некоторый пустынный монастырь. Там по неизреченному Божьему благоутробию удостоился я и принять начало монашеского чина. Но даже следа здравого наставления от кого-либо не сподобился видеть или уразуметь: что если послушание, и в какой силе и разумении совершается, и какую иметь ползу сокровенную в себе и приносить послушнику. Ни сам игумен, ни восприемный старец мой не дали мне в этом никакого наставления. Постригли меня без всякого необходимого для новоначального искуса, который выражается в отсечении своей воли и рассуждения. Они оставили меня жить без всякого духовного окормления. Мой восприемный отец по моем пострижении прожил в обители только одну неделю. Потом ушел, но куда, это неизвестно мне и поныне. Он сказал мне только это: брате, ты еси письменный, яко тебе Бог научить, тако и живи».

И это нисколько не удивительно при обстоятельствах того времени. Настоятелями монастырей были ученые иноки. Они далеко стояли от братии. Богословская литература, которой они пользовались, почти вся была на латинском языке, который был к тому же и языком школьного преподавания, и простым инокам она конечно была недоступна. Славяно-русская литература была скудна, да и то по большей части устарелая. Притом ученое монашество по большей части была направления практического и привыкла заниматься только делами церковно-общественного служения. Нравственно-аскетическая деятельность не была у них в особенном внимании. И такие личности, как св. Димитрий Ростовский, св. Феодосий Черниговский, Лазарь Баранович, Иоанн Максимович, Иоасаф Горленко и некоторые другие были только единицами и, хотя отрадными, но исключениями. Понятно, что при таких условиях настоятели монастыря – ученые иноки – не могли быть и не были настоящими руководителями монашествующих. И неудивительно, что монашество все более и более приходило в упадок.

Убедившись в печальной действительности, о. Паисий, как натура могучая, однако не упал духом и не опустил, как то случилось со многими, но тем настойчивее стал добиваться своей цели.

«Итак, я, оставшись, как овца без пастыря, никем не окормляемый, начал скитаться, продолжает он далее, и туда, и сюда, ища найти пользы своей душе, покоя и окормления и не находил пока не достиг тихого и небурного пристанища в святой горе, в надежде: не найду ли хотя там некоторую отраду душе своей?»

«Но и там, когда я пришел, братий из нашего русского народа и знающих Священное писание, т.е. грамотных, оказалось мало. Итак желательно для своей души окормления не удостоился получить. Сел я в некоторой келье, в мнимом уединении, на некоторое время и, положившись на Божие промышление о моей бедной душе, начал перечитывать отечески книги, доставая их от своих о Боге благодетелей из Сербской и Болгарской обители и читал внимательно»³⁹. Скоро около него собрался кружок и других ревнителей иноческих добродетелей, вместе с коими он и подвизался. В это-то время старец Паисий и пришел к сознанию о необходимости для правильного течения иноческого руководства, так и соответствующего задачам монашества духовно-аскетического просвещения, почему и стал собирать святоотеческую аскетическую литературу. Об этом он пишет:

«Когда я жил еще на святой горе Афонской, с малым числом братий, я твердо знал из учения и заповедей наших богоносных отцов, что тому, кто имеет в своем окормлении⁴⁰ братию, не должно учить и наставлять по своему разумению и соображению. А следовало учить так, как следовало бы согласно с истинным и правильным пониманием Священного Писания, так, как учат получившие просвещение от Святого Духа, по благодати, божественные вселенские отцы и учителя, равно и учителя и наставники монашеской жизни. Знал еще и о своем скудоумии и боялся и трепетал: как бы, как слепцу в яму погибели не пасть мне самому, из-за моей неопытности, и не ввергнуть бы и тех, кто мне следовал. Поэтому в основание

непоколебимое для истинного и неуклонного и чуждого обольщения наставления в истинном пути для своей бедной души и для братии я положил божественное писание Ветхого Завета и толкование его по благодати Пресвятого Духа истинное, т.е. учение богоносных наших отцов вселенских учителей и наставников в иноческом житии, святых соборы, и все соборные, Апостольские и святых отец правила, которые принимает Святая, Соборная и Апостольская Церковь, и все ее заповеди и чинопоследования. Все это, как уже сказал, я принял для наставления себе и святой братии. Так поступил я, чтобы как я, так и живущая со мною братия, будучи наставляемы ими, при содействии и вразумлении Божией благодати, не уклонились бы от правильного и соборного понимания святой Церкви православной. И в первых я усердно стал, при помощи Божией, но с большим трудом и расходом, приобретать отеческие книги о послушании и трезвении, внимании и молитве.

То сам своею рукою переписывал, то покупал и за деньги. Что выручали мы трудами рук своих на необходимые нужды. Из-за этого много раз терпели даже добровольно скудость в пище и одежде. На эти средства мы покупали вышеупомянутые книги на славянском языке: и считали их за небесное сокровище, которое давалось нам незаслуженно от Бога». Но и здесь для старца не обошлось без неожиданных и глубоко прискорбных препятствий. И текст имевшихся переводов был очень неисправен, а многих книг и совсем не было. «Когда же в течение нескольких лет я прочитывал, говорит старец, их с прилежанием, то нашел во многих местах поразительную неясность, нашел также и то, что во многих местах не было даже грамматического смысла. Много раз и с невыразимым трудом и напряжением я перечитывал и тем не менее не находил искомого смысла. Один Бог знает, какой печалью была полна моя душа. Я был в недоумении: что делать»? Это и привело его к сознанию необходимости исправления переводов, а также и к переводу заново. «Подумал, что славянские отеческие книги можно хотя малость поисправить с других славянских книг. И стал я своею рукою писать по четырем спискам книги Св. Исихия, пресвитера Иерусалимского, и святого Филофея

Синаита, святого Феодора Эдесского, в надежде, что, сопоставив текст четырех списков, увижу в них грамматический смысл. Но напрасен был весь мой труд. И таким путем сопоставления четырех списков не нашел полного смысла. Шесть недель день и ночь исправлял я книгу святого Исаака Сирина по другой такой книге, которая по засвидетельствованию одного лица, во всем точна с греческого, но и – этот труд мой был напрасен. По времени я убедился, что свой лучший список я испортил по той худшей. Когда же так много раз я потерпел, тогда понял я, что напрасно тружусь в воображаемом исправлении книг славянских с славянских же. И стал я допытываться старательно: откуда такая неясность в книгах и потеря смысла. И старанием своего немощного ума я постиг, что две причины этого явления. Первою причиною была неопытность переводчиков книг с еллино-греческого на славянский язык. Вторая причина – неосведомленность и нерадение неопытных переписчиков. Тогда я уже совершенно отчаялся увидеть в славянских отеческих книгах правильный истинный смысл, какой находится в подобных книгах еллино-греческих. За время своего многолетнего пребывания на Святой Горе я отчасти научился разговаривать на простом греческом языке.

Тогда я принял самое усердное, с болезнью сердца, намерение искать еллино-греческих отеческих книг, в надежде по ним сделать исправление славянских. И во многих местах и не один раз искал, и не мог найти. Пошел также в великий скит лавры святой Анны, и в Капсокаливу, и в скит Ватопедский, св. Димитрия, и в другие лавры и монастыри, и всюду спрашивал образованных лиц, и опытных и престарелых духовников, и честных иноков, о книгах отеческих поименно, но нигде не сподобился найти таких книг. Зато от всех я получил единодушно такой ответ: таких книг мы не только не знали до сего времени, но даже и имен таких святых не слыхивали. Получив такой ответ, Бог ведает, в какое пришел я недоумение, уяснив, что даже и в таком святом месте и избранном от Бога для тихого и безмолвного пребывания иноков, где многие и великие и совершенные святые пожилы, не только не удостоился найти столь желательных мне святых тех книг, но даже не

услышал и самых имен тех святых от кого-либо! Вследствие сего я впал в немалую печаль об этом. Однако всю свою надежду об отыскании таковых книг возложил на Бога и молил Его неизреченное милосердие, да и ими же весть судьбами удостоить меня, как Всесильный и Всемогущий, найти эти книги. Премилосердый же Бог не презрел усердного моего желания достать отеческих книг не еллино-греческом языке и по неизреченному Своему Промыслу сподобил меня найти такие книги, и некоторую часть их приобрести следующим образом. Шел я раз с двумя братьями от святой великой лавры святого Афанасия Афонского к великому лаврскому скиту св. Анны. На пути находился превысокий холм св. пророка Илии, который по высоте – третья часть святого самого высокого Афона. Под этим холмом, со стороны моря, на весьма высоком месте, есть один скит св. Василия Великого. Он устроен в недавнее время пришедшими из Кесарии Каппадокийской иноками. На прежестокоем месте не имеется ни потока, ни источников живой воды. Потому скит тот не имеет ни винограда, ни масличных деревьев, ни иного какого-либо утешения мира сего. Одна только дождевая вода служит необходимым нуждам братии. И пришло нам желание зайти в этот скит, частью чтобы помолиться, а отчасти и самое место то посмотреть, тем более, что еще там не бывали. Когда же мы зашли в этот скит и сели у церкви, увидал нас один благоговейный инок. Когда мы поклонились святым иконам в той церкви и вышли из нее, он позвал нас с любовью в свою келью и вышел, чтобы приготовить нам пищу и успокоить нас от утомления с пути. Когда я взглянул на столик, что был у окна, увидел одну открытую книгу, которая лежала на нем и с которой он переписывал другую. Он был по занятию краснописец. Когда я посмотрел на книгу, то увидал, что то была книга св. Петра Дамаскина. Не могу сказать, какой неизъяснимой духовной радости я исполнился, когда увидал ее. Я думал, что на земле вижу небесное сокровище. Когда же брат возвратился в келью, стал я его спрашивать с большой радостью и неопишуемым удивлением: откуда такая здесь книга у святыни твоей сверх ожидания моего оказалась? Он сказал мне, что есть еще и другая книга этого же святого, заключающая

24 слова по алфавиту. Когда я спрашивал: нет ли у вас других таких книг, он ответил, что есть такие: св. Антония Великого, св. Григория Синаита, но не вся, св. Филофея, св. Исхия, св. Диодоха, св. Фалассия, св. Симеона, Нового Богослова, слово о молитве, книга св. Исаии, и другие такие книги, святого же Никиты Стифата только 22 главы, а целой у нас, сказал не находится разве только есть в библиотеках великих монастырей. Я спросил его: «почему это я, столь долгое время с болью сердца ища этих книг, не находил, и усердно многих честных лиц спрашивал, и не услышал?» Отвечая мне он сказал, что, по его мнению, причина этому та, что книги эти написаны на самом чистом еллино-греческом языке, который кроме ученых, ныне и из греков мало кто и отчасти понимает. Большинство же и совсем не разумеют. Почему такие книги чуть же и совсем не разумеют. Почему такие книги чуть не совсем забыты. Потому-то, сказал, и ты не сподобился, спрашивая о таких книгах, даже и слышать что-либо о них. Живущие же в этом скиту иноки, живя еще в своей стране, в Кесарии Каппадокийской, довольно были наслышаны об этих книгах, и, придя в Святую Гору, по многом труде и времени и по расходе от заработка своим рукоделием, приобретали и, платя образованным лицам, научились не только простому и самому еллино-греческому языку. И с Божией помощью, найдя в некоторых обителях такие книги, переписывают, читают, извлекают пользу, и по силе своей принуждают себя на подвиг по наставлению их. Слыша это, я порадовался весьма радостью невыразимую о находке такого небесного на земле сокровища. Начал усердно его умолять, чтобы ради Божией любви переписал бы и мне такие книги, обещая за труды его дать ту цену, какую бы он захотел.

Он же, в виду множества переписки, отказался и повел меня к другому краснописцу, который жил в том же скиту. Этого я также умолял с большим усердием о переписке отеческих книг, обещая дать ему за труд тройную плату. Инок же, ради Божьей любви, видя мое большое старание о приобретении книг, от тройной платы отказался. Хотя и много сам имел письма, однако обещался переписывать мне некоторую часть этих книг, насколько сможет и сколько подаст ему руку помощи Господь.

Итак, за два с небольшим года до нашего выхода с Святой Горы краснописец этот, начав переписку, сколько помог ему Господь, переписал мне часть столь желательных книг. Их с радостью, как с неба посланный дар, взявши, мы вышли из Святой Горы Афонской для более удобного окормления нашему собранию в этих странах в необходимых нуждах». Таким образом были собраны старцем святоотеческие аскетические творения, которые так были ему нужны, потому что в этих то книгах и заключается отеческое учение: о молитве, старчестве, общежитии, обетах монашества и их основание – что также нужно было о. Паисию. «Когда мы, пишет он далее, поселились в святой Драгомирнской обители, я стал со всем прилежанием заботиться и думать: каким образом смог я начать дело исправления отеческих славянских переводов или нового перевода с еллино-греческого. И встретились тому большие препятствия, по некоторым извинительным причинам. Первое: переводчик книг должен быть вполне ученым и не только должно ему быть в совершенстве знающим обоих свойства языков, не только что грамматику и правописание, но и самую высшую науку: пиитику и риторику, и философию, и быть не перстом только коснувшимся богословия. Я же, хотя в юности моей и пробыв четы но научился было только отчасти грамматике латинского языка, а коснуться высшего учения не допустило желание иночествования. Но и те малые знания, после прошествия стольких лет, чуть было совсем не перезабыл. Так и боялся и трепетал начинать столь великое дело. Вторую причиною было отсутствие у меня искусства в орфографии, т.е. правописании. А кто неискусен если в правописании и решается переписывать святыя книги, по моему мнению, тот сердцем верует в правду, устами исповедует во спасение, а тот рукою своею по причине своего неискусства подвергает их хулению в вечное себе осуждение, хотя бы в устном произношении и не сознавал своего хуления книг, какому он их подверг. Потому и я, быв тогда еще неопытным в правописании, боялся, ужасался начинать такое дело. Третьею причиною было то, что не имел лексиконов для этого дела кроме лексикона Варина, но и тот в келье брата Макария почти никогда не находился, в виду

перевода книг на молдавский язык. Перевод же книг без лексиконов таков же был бы, как дело произведение художника, выполненное без приборов. Четвертая, что едва некоторую часть знал, да и то самую малую, из слов еллино-греческих, относительно же всякого языка находился чуть не в полнейшем незнании. Пятая: еллино-греческий язык превосходит все языки вселенной мудростью, красотой, глубиной и невыразимым богатством слов и оборотов, глубину которого и сами природные греки, в совершенстве люди ученые, только лишь отчасти могут достигать. Это меня приводило в немалый страх: как я решился бы с самого мудреного языка начинать дело перевода книг? Шестая: я боялся начинать это дело, зная только самую малую часть изречений, и не зная всего славянского языка. А он – самый наш славянский, славный язык, как мне думается, несравнимо превосходит многие языки по своей красоте, глубине и изобилию оборотов, а также и поразительно близостью к греческому языку. Эти поименованные причины и еще иные большие сих, имея в мысли, то от бесчисленных духовных телесных нужд, то несвободность от забот по внутренним делам обители, то по внешним обстоятельствам, едва я не отчаялся до того, чтобы и не начинать это дело, как самое неудобоисполнимое. Но, видя глад слова Божия в нашем собрании, от которого души братьев вместе с моею душою вконец истаявали, всю свою надежду возложил на Господа, Который умудряет слепцов; за молитвами святых братьев я и решился на это дело, безусловно превосходящее меру сил моих – начать его с таким намерением, соображением и, таким образом. Сознвая меру свою, я, что по причине вышеизложенных обстоятельств невозможно будет мне это дело, т.е. исправление или и перевод вновь славянских отеческих книг с еллино-греческого мною начатое разом исполнить с таким совершенством. Чтобы к ряду же были пригодны для пребывающих в прочих обителях братьям, к переписке ли или печатанью, и при том так, что не потребовался бы новый пересмотр или исправление и видя как бы в зеркале, что не однажды, но еще много раз, по изыскании лексиконов и по лучшем, хотя и малом усвоении еллино-греческого языка и славянского, и познании правописания и искусстве в

наблюдении свойств и грамматически-художественного строения последует нужда крайняя опять их по прилежном пересмотре мне самому или, если Бог продолжит мою жизнь, или по моей смерти искусными братьями их исправлять. Поэтому то, но не завидуя, как думают некоторые, хотящим спасения, но надеясь, что хотя и по многом времени имеет быть многожеланное исправление этих книг полное, я положил в душе непоколебимым такой завет: пусть этот труд мой по исправлению или переводу отеческих книг, как в семь храмлющий и несовершенный, останется в нашем собрании ни под каким видом не выходящим, доколе Божьею помощью не будет исправлен. И не придет пока в должное совершенство». (Житие и писания Молдавского старца Паисия Величковского», изд. Опт. Пустыни, 1847 г., 241–250 стр. «от письма Старца Паисия еже писа к старцу Феодосию»).

В частности старцу Паисию особенно было желательно достать списки творений Варсануфия В. И Иоанна Пророка и Исаака Сирина. Но, наконец, и эти книги ему удалось найти. История их нахождения и перевод также не лишены глубокого интереса.

В напечатанном Оптиною пустынью перевод книги св. Исаака Сирина с еллино-греческого на славянский язык краткое изъяснение» о. Паисия. О. Паисий пишет. Когда я находился на святой горе Афонской, еще с малочисленною братьею, в скиту святых равноапостольных царей Константина и Елены, что близ Пандократорского монастыря, я имел одну книгу святого Исаака Сирина. Часть ее я списал еще в Киеве, в лавре, в дни своей юности. Закончил же ее мне уже на Святой Горе, по моей просьбе, один ревнитель своею рукою. Она и доньше у меня находится. Эту книгу на Святой Горе я перечитывал много раз и с вниманием. Но в многих местах, где не было грамматического смысла, никак не мог уразуметь. Там, на полях, я и делал отметки некоторые, надеясь исправить, если бы нашлась лучшая. По некотором времени нашлось у одного иеромонаха такая книга. Он утверждал, что его рукопись во всем сходна с одною болгарскою, которой, как она писана, более уже четырехсот лет. Болгарская же сходна с греческою. Я поверил

этому засвидетельствованию. Желая свою исправить по ней, я выпросил у инока его книгу, и в течение шести недель производил воображаемое исправление, с трудом немалым, день и ночь работая. Но места, мною отмеченные, не получили исправления. Точно так же оказалось написанным в той книге, как и в моей. Такой же труд и усердное старание прилагал я ради других отеческих книг, какие у меня находились, исправляя их с болгарских. Но, по времени и при том весьма значительном, я увидел, что и весь труд мой, на это положенный, и все воображаемое исправление, оказались напрасными и без всякой пользы. Тогда то я и понял вполне, что отеческие мои книги славянские, какие находились у меня, не иначе могли бы получить исправление, как только одним способом: только от первоисточников, с которых сделаны были, т.е. с книг еллино-греческих, с которых и были в древности переведены на славянский язык. Уразумев это, я и приложил все старание к тому – чтобы, с Божией помощью, хотя отчасти узнать осмысленно еллино-греческий язык и приобрести отеческие книги на этом языке писанные или печатные, в целях исправления. Более же всего я имел желания приобрести писанную книгу святого Исаака Сирина, еллино-греческую. А увидеть печатную я и надежды в жизни своей не имел. И желание мое это оставалось неудовлетворенным и в святой Афонской Горе, и по выходе с Святой Горы в Молдовлахию, где находился я в святой обители Сошества Святого Духа, что называется Драмирнскою, в течение двадцати лет.

По истечении же стольких лет, когда я стал приходить уже к оставлению надежды приобрести эту книгу на еллино-греческом, всемогущий Бог, по благодати Своей, подвиг святейшего Иерусалимского патриарха кир Ефрема издать в свет напечатанием ее, для пользы всех иноков, кто желал бы из нее научиться истинному безмолвию, по внутреннему человеку. Труд же и хлопоты по этому делу он упростила принять на себя образованнейшего иеродидаסקала кир Никифора, ныне преосвященнейшего архиепископа Астраханского, который был тогда в Царь-град. Тогда же был в Царь-град и один из нашего братства. Последний, узнав об этом, стал умолять святейшего

патриарха кир Ефрема и иеродидаскала кир Никифора, чтобы, когда эта книга будет издана в печати, чтобы соблаговолили бы прислать мне, в Молдовлахийский монастырь Драгомирнский. Он рассказал и о том. Как давно я желаю уже приобрести эту книгу. С благосклонного согласия святейшего патриарха кир Ефрема, иеродидаскал кир Никифор сообщил нашему брату, что, когда, при Божией помощи, за молитвами святейшего патриарха, лишь эти книги выйдут из печати, то, как сказал он: в знак моей любви к вашему старцу, в первых же пришлю в дар ему столь для него желательную книгу святого Исаака. Это было в 1768 г. Большую радость доставил мне тот брат, когда возвратился и рассказал про это. И стал я ждать с доброю надеждою осуществления этого начинания. Еще же прежде получения этого известия, я поручил одному брату переписать свою книгу, чтобы она была готовою и приспособленною для исправления. В посту пред Рождеством Христовым 1770 года, иеродидаскал кир Никифор, исполняя свое обещание, прислать мне бесценный дар – книгу святого Исаака Сирина греческую печатную. Ее, как дар божественный, ниспосланный с небес от Бога, принял я с неопишуемой радостью, и со слезами благодарил Бога, Который изволил столь многолетнее об этой книге желание. Немедленно, без какого-либо замедления, при содействии благодати Божией, стал я прочитывать для того приготовленную славянскую свою книгу, пословно сопоставляя с еллино-греческою, с тем намерением, чтобы сделать некоторое исправление в славянской и чтобы те места, что были отмечены, где не было грамматического смысла. Получили бы должное разъяснение, а не с тем, чтобы сделать новый перевод. Тогда еще, частью, незначительные познания я имел в еллино-греческом языке, частью, не было у меня нужных для этого книг, т.е. словарей, кроме одного только Верина. Потому то тогдашний мой труд и нельзя назвать переводом, – это было лишь некоторое исправление. Когда же эта книга была переведена с еллино-греческого на молдавский язык, тогда я и этот перевод внимательно прочитал в сопоставлении с славянским. И где увидел нужным, в славянском тексте еще сделал исправления. Так как при этом оказалось в славянском тексте более

изречений, чем в греческом, то я по своему заключению, нашел, что это – изречения истинно самого святого Исаака, то и оставил их в славянском без исключения, только отметив несколько их. Этот мой труд, начатый по исправлению книги в Драгомирнском монастыре в 1770 г., был окончен в 1771 г.».

По некотором же времени был найден греческий список этой книги.

(Святого отца нашего Исаака Сирина епископа бывшего Ниневийского, слова духовно-подвижнические, переведенные с греческого старцем Паисием Величковским, изд. Коз. Введ. Опт. П. 1854 г., VI-X стр. предисл.).

Об этом о. Паисий пишет: «Сообщаю о том, как с еллино-греческого языка эта книга была вновь переведена, по печатной и рукописной еллино-греческой. В 1786 году принесли мне рукописную еллино-греческую книгу св. Исаака с святой горы Афонской, так как и там было известно давнее мое желание приобрести эту книгу и усердная просьба к ревнителям ее перевода. К тому же и братья из нашего собрания побуждали меня к этому своими смиренными просьбами. Я же, с одной стороны, имел в виду свою старость и крайнюю телесную слабость, также и величину книгу, и трудность этого дела, превосходящую меру сил, и неизвестность часа исхода моего от этой жизни, и потому было отлагал намерение свое о переводе на несколько месяцев. Но, с другой стороны, видел я и неисповедимый Божий Промысел, сподобивший меня увидеть и еллино-греческую книгу святого Исаака рукописную, принесенную с святой горы Афонской исключительно для перевода, столь желательную для меня; еще же принимал во внимание и то, что и в еллино-греческом языке чрез столько лет я приобрел и большие познания. К тому же незадолго до принесения книги приобрел и книги необходимые к производству перевода. Т.е. лексиконы, и имел лексиконы на ветхий и новый завет; к тому же, когда эта книга была принесена, в душе моей зародилось непонятное какое-то влечение к переводу вновь книги святого Исаака Сирина. Этого я не мог не видеть. Истинно говорю, что и мысли я совсем не имел о новом переводе книги этого Святого, если бы не пробудила этого желания вновь

принесенная книга. Видел же и то, что и ревнители и братия нашего собрания усердно просили меня об этом и побуждали к этому. Поэтому, возложив всю свою надежду на Божию помощь, я начал новый перевод книги святого Исаака Сирина в том же 1786 году в пост пред Рождеством Христовым.

«По обстоятельствам рассмотрения обеих книг, в основание перевода я положил еллино-греческую печатную, а рукописную имел при переводе в помощь. И, поистине, большую помощь имел я при переводе от нее. Без нее и при печатной мой перевод, при всем старании, какое прилагал бы я, чтобы перевести, в немалом хромал бы. Во многих местах, как славянской, так и рукописной греческой находятся такие некоторые изречения, каких недостает в печатной. Отсюда можно догадываться, что при славянском древнем переводе была в употреблении подобная греческая рукопись. Переводя эту святую книгу, в основании имел греческую печатную, но слово в слово просматривал и греческую рукописную, и давнюю славянскую, и исправленную в Драгомирне. Со вниманием рассматривал по силе своей имена и глаголы по лексиконам, наблюдая, сколько было возможно, и за свойствами обоих языков еллино-греческого и славянского. Я исполнял этот многожеланный для моей души труд, со всею духовною радостью, оставляя без внимания всю болезненность свою внутреннюю и внешнюю моего грешного тела. Итак, по Божией благодати и по всемогущим молитвам Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Присно-Девы Марии, и многомощными молитвами преподобного отца нашего Исаака Сирина, истинного учителя, действующей в сердце чрез ум, молитвы и безмолвия был закончен этот перевод мой в 1787 году.

Об обстоятельствах же нахождения книги Варсануфия и Иоанна сообщают уже ученики о. Паисия.

«Наш блаженной памяти старец Паисий, писали они, имея неусыпное попечение в собирании и подавании нам благовоспитательной душевной пищи, прочитав в известной книге Никона Черногорца, на славяно-сербском языке, немногие ответы этих богоносных отцов Варсануфия и спостника его аввы Иоанна, удивился их боговдохновенному и превосходящему

понимание их разуму в постническом обучении, и возымел большое желание: как бы еще при своей жизни найти полную книгу святого Варсануфия и перевести бы ее на славянский и молдавский языки, ради душевной пользы для нас, своих детей. Часто и с умилением напоминал он и нам, говоря, что тем, кто усердствует течь проводить свою жизнь путем добродетельного постничества неуклонно и верноцелая книга святого Варсануфия содержит великое сокровище духовного разума. Возлагая всю надежду об отыскании ее, он, наш блаженный отец, на Бога, исполняющего все прошения по благому совету сердца, получил эту книгу из святой горы Афонской, старанием бывшего тогда там в древнейшей лавре, называемой Ватопедской, преосвященного архиепископа Коринфского Макария. Макарий же, испросив увольнение от престола, остальное время своей жизни проводил в желательном для него безмолвии в той лавре. В которой была и библиотека богатейшая, сравнительно с другими библиотеками монастырей, отеческими книгами. Этот Коринфский архиепископ, от схимонаха Григория, который случился у него из-за переписки разных еллино-греческих книг. А был он из нашей обители и зашел на Афонскую гору по благословению нашего покойного отца и по обещанию для поклонения и ознакомления с тамошним афонским монашеским житием, и услышал о великом желании нашего блаженного старца и о поручении ему схимонаху всевозможно постараться отыскать эту книгу святого Варсануфия. Это он принял как указание услужить нашему покойному старцу отысканием и доставлением ее. Тем более, что он слышал там, что многие духовные отцы, постники и начальствующие в управлении церковью имели в пользу для своей души и бывшее на Афонской горе житие блаженного нашего отца Паисия и его духовные беседы. Ради этого он со всем старанием искал этой книги и нашел: одну в той Ватопедской библиотеке, другую же особо в скиту святой Анны. Они были писанные на пергаменте. В них по древности письма многие во многих местах слова и целые выражения излагались, и дал их для переписки тому схимонаху. Из них тот схимонах, всматриваясь в вытершиеся места, старательно переписал, а где некоторые строки,

немногие, в обеих рукописях не оказались, оставил незаполненными, почему и в переводе этой книги остались пустые места. Переписав он в усердный дар от того архиепископа Макария принес в нашу обитель блаженному нашему старцу Паисию. Старец же, приняв эту книгу, возблагодарил Бога за такое духовно-дорогое самое сокровище и отдал снова переписать на еллино-греческий и молдавский языки для нашей обители. На славянский же язык он, по желанию и просьбе всей братии. Сам блаженный старец пожелал перевести ее, так как был опытен и в славяно-русс. и еллино-греческом языках. Но уже крайнее изнеможение его телесных сил попрпятствовало ему приступить к этому переводу. Поэтому он, блаженный старец, чрезвычайно одолеваемый братиею касательно перевода книги, поручил это дело честному иеромонаху Дорофею, который, если и был немощным по телу, но, поистине, привычен был в послушании. За благословением старца. в надежде на Божью помощь, он взялся за дело для пользы своей братии, и если и часто бывал одержим болезнями, хоть и не скоро, но перевел книгу в славу Христа Спасителя. Но исправить ему ее блаженный старец мог только до половины, разъясняя ему сущность еллино-греческих слов в отношении к свойствам славяно-русского языка. Окончил же этот иеромонах Дорофей перевод книги, любовно убеждаемый ныне начальствующих у нас старцем Софронием.

(Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников, изд. Коз. Введ. Опт. Пустыни, 1852 г., Москва, III-VI стр.).

Переводя отеческие книги о. Паисия глубоко постиг свойства, как славянского и греческого языков и те наблюдения, какие он сделал, и те приемы, каких он держался, он записал для памяти. С ними по его запискам мы и познакомимся здесь.

Старец по этому поводу писал так.

а) «После того, как я долго потрудился над исправлением отеческих книг на славянском языке, в древности переведенных с еллино-греческих, равно и в переводе вновь тех, которые, как я полагаю, еще не были переведены, и доныне, и при переводе

этой книги я, после опыта и старания, усмотрел, что все книги на еллино-греческом языке несравненно яснее обрисовывают грамматический смысл, чем переведенные с него славянские. Это потому, что еллино-греческий язык имеет и предшествует и последующие «арфы»⁴¹, которыми грамматический смысл очень много выясняется. Наш же славянский, если и по неисповедимым невыразимую красотой и чрезвычайным богатством и разнообразием оборотов и превосходит многие языки, и самый ближайший к еллино-греческому по сочетанию имен и глаголов и по строю и свойствам более других, тем не менее не имеет не малой доли арфоров.

Хотя эти местоимения: который, тот, этот, сей в славянском языке и служат вместо арфоров, еще имеет и естественные арфы, коими превосходит и еллино-греческий которые находятся только в именах прилагательных и причастиях, тем не менее все вышеозначенное только отчасти в славянском языке заменяют арфы, и не могут быть прилагаемы ко всем оборотам и падежам, как в еллино-греческом, кроме звательного, и при переводе не могут быть употребляемы во многих местах, как в еллино-греческом, чтобы делать более ясным смысл. Но выражается речь несравненно темнее. (Там же XII стр.).

б) «Рассмотрев подробно это и подобное, и желая, чтобы и в этой книге святого Исаака, и в других моего перевода была бы некоторая ясность, приближающаяся, насколько возможно, к ясности, какая есть в еллино-греческих книгах, я усмотрел, что и в книгах этого премудрейшего и преглубочайшего еллино-греческого языка старательно со всей основательностью и положительностью во всех именах правописания. Хотя этот язык и имеет весьма много слов, которые и в единственном и множественном числе произносятся одинаково, тем не менее, как это ясно знающим его учение, этим одинаковым произношением не удовлетворяются, но всякое слово еще отмечается соответствующим правописанием. Усмотрев это и отсюда взяв прием, при переводе этой книги и прочих, для достижения желательной ясности взял за основание, первым долгом: старательно во всех словах единственного и множественного числа сохранять надлежащим образом

правописание, не оставляя ни одного слова без правописания, разве по ошибке или забвению. Уверяю читателей, что в моем переводе слова, помещенные в единственном числе, должно и разумеет без всякого сомнения в единственном числе, а что во множественном – с полным утверждением. Такое старательное соблюдение правописания слов сделалось в этом переводе славянском чистом причиною наибольшей ясности.

в) В переводе этой книги и в других моих трудах подобных, всегда пользуюсь тем видом перевода, который именуется дословным. Этим способом переведены с греческого на славянский Божественное Писание и все церковные и другие книги. Этот вид перевода, как надежнейший повелел употреблять и царь Юстиниан Великий Греческий. Этим способом, весьма мне любимым, переводя эту книгу, насколько было можно, я соблюдал свойства старательно обоих языков, как общих, так и нужных для изъяснения, употребляя в славянском языке глаголы: я есть, и бываю, и вместо арфоров эти местоимения: он, тот, сей; это же все, употребляемое по нужде в славянском переводе, придает глазам нужную для смысла ясность в переводе.

Естественные же, свойственные же славянскому языку арфры, о чем упомянули выше, которых нет в греческом, оказывающиеся в произношении имен прилагательных и причастий, так бывают узнаваемы. Имена прилагательные, когда произносятся естественно удлинненными, тогда проявляют свои арфры, например: благословенный, святой. Когда же короче, тогда без арфры, т.е. благословен, свят. Также и причастия, произносимые удлинненными, проявляют свои естественные арфры, например: творящий, сокращенно же излагая: творя, или творящ, бывают без арфров. Помещаемы по сочетанию с греческим языком с арфрами и без них дают переводу немалую ясность.

г) Еще. В еллино-греческом⁴² языке чуть не все слова мужеского и женского рода, поставляемые с арфрами или без арфров, в именительном и винительном падежах имеют различное произношение, чем весьма ясным делается смысл. В славянском же языке, слова мужеского рода неодушевленные)

оканчивающиеся на и ъ, и женского рода неодушевленные, оканчивающиеся на ъ, в именительном и винительном падежах имеют одинаковое произношение. Поэтому много темнее, чем в еллино-греческом обнаруживается смысл.

Также, в еллино-греческом и славянском языках, если и все имена среднего рода в именительном, винительном и звательном падежах, и в единственном и множественном числе, имеют одно и то же произношение. Но так как в еллино-греческом языке многие имена женского рода в славянском языке бывают мало не все рода среднего, поэтому то, из-за однообразного произношения в именительном и винительном падежах, также смысл делается неясным.

д) Следует знать и о том, что в моем переводе этой книги и других, в словах из Священного Писания я следую тому, как изложены в греческом подлиннике, никак не дерзая изменять, полагаю же так: как в Святом писании находятся, опасаясь обвинения в самочинии, но чтобы был перевод мой верным, как нахожу в греческой книге, так и излагаю.

И в заключение прибавляет:

«Все это, что о моем переводе этой книги, по силе своего немощного ума изложил и если где в ней мне, как человеку, случилось погрешить, прошу всеусердно прощения и умоляю исправить то с любовью и духом кротости. Трудивыйся в этом переводе Свято-Вознесенского Нямецкого и Предтечева Секульского Молдвлахийских монастырей архимандрит Паисий Величковский, родимец Полтавский».

Сколько и каких аскетических писаний перевел старец Паисий, также еще сказать нельзя: по недостатку для того научных данных. На основании вышеприведенных выписок из автобиографических записок старца Паисия, из состава «Добротолюбия», изд. 1793 и 1822 гг., из предисловий и по некоторым изданиям Оптиной пустыни из жизнеописаний старца можно сделать лишь приблизительно-верные, следующие выводы. 1) Старцем Паисием то лично, то с учениками переведены аскетические писания тех 24 отцов, каковые и составили первое издание «Добротолюбия». В состав же «Добротолюбия» входят писания: Антония Великого, Григория

Синаита, Диадوخа, Илии Экдика, Исаии отшельника, Исихия Иерусалимского, Иоанна Карпафского, Петра Дамаскина, Каллиста и Игнатия, Каллиста, I. Кассиана, Марка подвижника, Максима Капсокаливита, Никиты Стифата, Никиты монаха, Нила Постника, Петра Дамаскина, Симеона Нового Богослова, Филофея Синайского, Филимона, Феолипта, Феодора Эдесского и Феофана.

Все эти писания главным образом имеют своим содержанием – «умное делание» и его приемы, – т.е. наставления об очищении души от страстей, средствах и способах к этому и в особенности и в самом заглавии издания. Первые два издания «Добротолюбия» носят название: «Добротолюбие, или словеса главизны священного трезвения, собранные от писаний святых и богодухновенных отцов, в немже нравственным по деянию и умозрению любомудрием ум очищается, просвещается и совершен бывает». К изданию есть и предисловие, в котором и разъясняется подробнее то же самое, что кратко выражено в только что приведенном заглавии.

К этой группе примыкают и те еще переводы старца о молитве, которые изданы Оптиною пустынью в «Восторгнутых Классах».

II) Старцем Паисием еще сделан ряд переводов таких аскетических творений, кои охватывают и весь строй иноческой жизни в монастыре, говорят о старческом окормлении, добродетелях общежития вообще. А особенно о смирении, его порядках и строе и о конечных целях этого рода жизни. Так им были переведены: Варсануфия и Иоанна вопросы и ответы, Аввы Дорофея, Исаака Сирина, Иоанна Лествичника, Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова, Аввы Фалассия и Феодора Студита.

Этот последний отдел переводов знаменитого старца остался без издания при его жизни. Издательницею этих трудов и явилась Оптина пустынь, в которой скоплено и много списков старческих переводов, и нашлись люди и средства для этого святого дела.

И если по всей справедливости старцу Паисию принадлежит честь обновителя русской иноческой жизни и первого русского

инока – наставника и руководителя в аскетическом чтении, то и Оптиной пустыни следует приписать ту великую заслугу, что она явилась лучшею и единственною в России продолжательницею дела Паисиева. И ее литературно-издательская деятельность – прямое продолжение переводческих трудов старца Паисия. За полу столетие в этом отношении Оптина пустынь сделала так много, что оставить эту деятельность без внимания было бы большою несправедливостью. Эта деятельность настолько содержательна, научно-интересна и практически-жизненно полезна, что на довольно таки тусклом фоне монастырского просвещения XIX века является светлым и отрадным исключением.

Началась эта литературно-издательская деятельность спустя 50 лет по смерти о. Паисия, когда его ученики воспитали целый сонм новых русских подвижников и чрез них распространили списки переводов старцевых по всей России.

Когда сам старец Паисий пришел на Афон, там в разных монастырях он застал уже многих выходцев из России. Некоторые из них (как, например, Василий Поляномерульский. Мисаил, Онуфрий, Феодосий и др.) уже не малое время там подвизались и славились, как опытные духовные старцы. В конце 50-х годов у Паисия на Афоне собралось братство из 64 человек, большею частью русских. По введении же штатов 1764 г., так число выходцев из России стало сильно увеличиваться, так что в то время от Св. Синода были бесчисленные публикации об отыскании скрывавшихся. Впоследствии в монастырях архимандрита Паисия Величковского, по свидетельству Феофана, арх. Новоезерского, бывшего в Валахии в 1778 г., собралось братий из всех наций до 1000 человек, в числе которых особенно много было русских. Притом должно заметить, что Паисиевское братство отличалось не одною численностью, но и нравственными достоинствами; видно, что в то время из России удалялись не кое-какие, а многие из лучших иноков и мирских людей, замечательных по высоте и чистоте своих духовных стремлений. Многие из этих выходцев окончили свою жизнь вдали от своего отечества; а некоторые Промыслом Божиим возвращены были в Россию, одни в 1779 г. (после Кучук-

Кайнарджийского мира), другие в 1787 г., а больше всего – в 1801 г., вследствие всемилостивейшего манифеста, изданного императором Александром I по вступлении своем на престол. И эти иноки, возвратившиеся в Россию из Афонских и Молдавских монастырей и усовершенствовавшиеся там в монашеской жизни под руководством опытных наставников, возобновили и восстановили многие русские обители и вдохнули новую жизнь в замиравшее до того русское иночество «по штатам». Кроме общих церковно-политических обстоятельств того времени, приведших монашество к упадку, этому во многом содействовала и та скудость в России религиозно-нравственной и аскетической литературы, какая была в то время. Этому же во многом причиной были стеснительные указа Св. Синода.

Со времен Петра I печатание книг, относящихся к вере и духовной жизни, по силе духовного регламента, предоставлено было усмотрению Св. Синода. Это подтверждено было Высочайшими указами 27 июля 1787 г. и 9 февраля 1808 г. В цензурном же уставе, Высочайше утвержденном 9 июля 1804 г., книги духовного содержания могли быть печатаемы только в духовных типографиях.

Одна только, как уже говорили, аскетическая книга «Добротолюбие» в первый раз напечатана была по распоряжению Св. Синода на славянском языке в 1793 году, и то по особому расположению к этому м. Гавриила.

Свято-отеческие аскетические писания в то время распространялись между любителями духовного просвещения в рукописных экземплярах. Это были труды монашествующих и ценились очень дорого. Так, например, один экземпляр книги Исаака Сирина в славянском переводе можно было с трудом достать за 30 рублей (нынешних, а по тогдашнему счету 100 руб.).

Книги Священного Писания из-за границы русской и славянской печати, без изъятия в отношении содержания сочинений, воспрещены были к ввозу в Россию именным указом 27 июля 1787 года. Напечатанные о. Паисием Величковским в Молдавском Нямецком монастыре в 1812 г. экземпляры книги

Исаака Сирина, случайно попавшие в Россию, продавались также недешево: рублей по 15 за экземпляр.

Переписка же, не говоря о медленности, была очень дорога. В этом отношении интересны письма, находящиеся в архиве Оптиной пустыни, рисующие картину как того, как совершалась эта переписка и что стоили экземпляры переписанных книг.

Между тем, жизнь передовых сословий России текла по проложенному Петром I руслу.

Под влиянием запада Европы печать в России породила громадное количество литературных произведений, действовавшая на читателей от неотразимых вопросов духа человеческого, или решающих оные поскольку неверно, по стольку и дерзко, о том: откуда и кто – мы, отчего несчастны, где спасение, что должно делать, чтобы быть мудрыми в своей жизни и достигнуть счастья, и что ждет нас впереди? Ответов на эти вопросы ни одна наука дать не в силах; между тем как на все эти запросы, присущие каждой человеческой душе, уже дан ответ свыше Создателем всего мира в Откровении, и вера с достаточною ясностью и убедительностью разрешает эти вопросы. Кто сам на себе испытал животворные действия Божественной благодати, у того уже исчезает всякое сомнение в цели жизни.

Итак, с одной стороны – светская литература своим количеством и содержанием свободно подавляла и пленяла мысли людей; – враги православия и христианства свободно печатали свои книги, напр. В 1806, 1813, 1817 годах и позже, с дозволения гражданской цензуры («Сионский Вестник», «Таинство креста» и пр.); с другой стороны – даже готовые переводы старца Паисия Величковского лежали под спудом более 50 лет.

Вся заслуга в деле выпуска в свете этих переводов принадлежит о. Макарию. Пришло благоприятное время, и явились у о. Макария ученые помощники, сотрудники и покровители.

Осуществление мысли о. Макария имеет свою историю.

Наталья Петровна Киреевская, супруга философа Ивана Васильевича Киреевского, проживавшая в с. Долбине в 40

верстах от Пустыни, познакомилась в 1836 году со старцами ее и избрала себе в духовники о. Макария.

В 1845 году Иван Васильевич издавал в Москве учено-литературный журнал «Москвитянин», и чрез свою супругу предложил о. Макарию помещать в этом журнале статьи духовного содержания. Старец ответил, что предполагал бы поместить в журнале описание жизни старца Паисия Величковского. Иван Васильевич, разделяя мнение о. Макария об услугах, оказанных старцем Паисием всему православному русскому иночеству и славянской литературе вообще, с удовольствием согласился на предложение украсить эту статью страницы издаваемого им журнала, читаем мы в жизнеописании о. Макария.

Статья сия была напечатана в 12 книге «Москвитянина» на 1845 год и украшена портретом старца Паисия.

В следующем 1846 году, в бытность свою в гостях у вышеупомянутых гг. Киреевских в их имении, селе Долбине, недалеко от Оптиной, старец в радушной и искренней беседе с гостеприимными хозяевами, говоря о разных духовных предметах, коснулся о недостатке духовных книг, руководствующих к деятельной христианской жизни, и в заключение беседы упомянул, что у него есть довольно рукописей творений святых отцов подвижников перевода старца Паисия, исполненных духовного разума и пользы. Оказалось, что и у Н.П., которая была прежде духовною дочерью Филарета Новоспасского, сохранилось также несколько подобных рукописей, доставшихся ей в наследство от упомянутого блаженного старца (смотри о сем старце в предисловии к книге «Жизнь и писания старца Паисия»). О том, как достал эти переводы о. Макарий. Мы будем говорить ниже, при образе Оптинских изданий. Со стороны И.В. и его супруги возник вопрос: «что мешает явить миру эти духовные сокровища?» Старец с обычным своим смирением отвечал, что он считает себя к тому недостаточным, никогда этим не занимался и не дерзает просить о напечатании, что видно на это еще нет воли Божией и т.п. – И.В. и Н.П. сказали, что они попробуют просить о сем владыку-митрополита и, если не будет удачи, тогда уже и

они готовы признать, что нет воли Божией на сие благое дело. А для того, чтобы начать оное, тогда же положено в общем совете, что нужно прежде всего написать хотя бы краткое предисловие. Принесена бумага и прочее, помолились Богу, хозяева оставили старца одного в комнате; через час он позвал их к себе: первая страница была написана и прочтена. Н.П. и И.В. К-ие, как лично и близко знавшие покойного старца о. Филарета Новоспасского, присоединили сведения о его жизни. О. Макарий взял этот листок с собою для показания о. игумену Моисею, который также присоединил рассказ о старце архимандрите Александре, и потом начали переписывать имеющиеся у старца и у г-жи К-ой рукописи для приготовления их к печати, начиная с писаний самого старца Паисия. К-ие написали в Москву к профессору Московского университета С.П. Шевыреву, прося, чтобы он испросил от них благословение высокопреосвященнейшего владыки-митрополита на напечатание переводов старца Паисия; владыка был столько милостив, что, вместе с благословением, обещал и свое покровительство этому благому делу. Переписанные набело рукописи были посланы на цензуру к Ф.А. Голубинскому, и до приезда гг. К-их в Москву в сентябре 1846 года напечатано С.П. Шевыревым 8 листов книги жизни и писаний старца Паисия, которая вышла в свет в начале 1847 года, – под следующим заглавием: *Житие и Писания Молдавского старца Паисия Величковского* (с портретом старца), с прибавлением против напечатанного в «Московитянине»: а) предисловия, заключающего в себе краткое сказание о жизни и иноческих подвигах учеников старца Паисия и некоторых современных ему старцев духовной жизни. С которыми он был в духовном единомысленном общении и б) всех известных писаний старца Паисия.

Таково было малое начало дела, продолжавшегося почти до самой кончины старца, – дела, на которое старец смотрел очами веры, названная оное всегда «делом Божиим» и почитая его таковым в чувстве души своей. В доказательство приведем здесь один из многократных его отзывов в ответе на не менее многочисленные благодарения и похвалы, коими понимающие дело ублажали старца за издание свято-отеческих писаний. «Вы

одобряете наши издания, отвечал старец (в письме от 5 января 1857 года, к одному ученому духовному лицу, с которым старец находился в постоянном духовном письменном общении, несмотря на дальность разделявшего их пространства): отеческих книг, а паче в русском переводе. Но тут нашего ничего нет, а все Божиим благоволением для пользы желающих и ищущих душевной пользы совершилось! Как бы мы могли приступить к столь важному и необычному для нас делу? Но Бог воздвиг людей благомыслящих к содействию в деле сем; а более всего благоволение и благословение милостивого архипастыря послужило к изданию лежавших под спудом в рукописях блаженного старца Паисия Молдавского переводов; а св. аввы Дорофея книга также скрывалась под спудом в конце книги св. Ефрема Сирина и по древности славянского языка недоступна была многим, но, благодарение господу. И оные теперь стоит на свещнице. Дай Бог, чтобы чтущие и слушающие обрели душевную пользу»!...

О покровительстве сему делу высокого покровителя духовного просвещения в отечестве нашем мы уже упомянули выше. Благомыслящие люди, которых по вышеприведенному отзыву старца, воздвиг Сам Господь для содействия сему полезному делу, были: во-первых, покойный Ф.А. Голубинский, цензор и профессор Московской духовной академии, который, по любви своей к духовному просвещению и по личной неисчерпаемой доброте своего сердца, оказал незабвенные и всегда искренно ценимые старцем услуги святому делу (см. в приложении его переписку со старцем и гг. Киреевскими); ему помогал временно бывший ректор Московской духовной семинарии о. архимандрит Леонид (после епископ, викарий Московской епархии). Подобно Ф.А. Г-му, бывший о. инспектор Московской академии архимандрит Сергей (пот. епископ Курский) также усердно содействовал успешному ходу изданий. Гг. Киреевские, и в особенности Н.П., приняли на себя заботу о всей материальной стороне издания, и за услугу, оказанную ими обоими в этом деле, силен воздать лишь Тот, Кто, обещая не оставит без мзды и чашу холодной воды, поданной ближнему во

имя Его, тем паче не забудет труда, любви, усердия и терпения, явленных в этом общепольном деле достойной четой.

Где же, спросят, взяли издатели сумму, потребную на издание такого числа книг (всего 15 отдельных изданий)? Не обвиняясь отвечаем словами старца: «Бог послал на благое дело через добрых людей» Ибо, кто. Как не Он, внушал людям достаточным, получа душевную пользу от одной книги, посылать помогать изданию другой. Во время самых занятий (изданием и переводом трудов старца Паисия) многие сочувствовавшие этому делу спрашивали: «скоро ли будет готов начатый труд?» – и стоило лишь старцу сказать, что вот, слава Богу, оканчивается, – недостатка в усердствующих помочь его изданию, по милости Божией, не было. Из переписки о. Макария с Н.П. Киреевскою, между прочим, видно, что на это дело жертвовали и иноки, вышедшие из Оптиной, но не порывавшие с нею связи. Так игумен Алексей Бочков (Черемнецк. – настоятель руководитель игумены Феофании С.-П.-Б. монастыря и ее сестер) пожертвовал 100 р. Достаточно будет заметить, что старец, просмотрев при конце изданий счет денежным издержкам, за все время оных, сам пришел в удивление; как совершилось все сие. и откуда собралась израсходованная за все время немалая сумма? – и мог только выразить свои чувства слезами благодарности к Щедродавцу, воскликнув: «дивные дела Твои, Господи!»...

Всеми занятиями, как по приготовлению к печатанию славянских переводов старца Паисия (с подстрочными пояснительными примечаниями неудобопонятных слов и выражений), так и при переводе некоторых из них на русское наречие, – руководил непосредственно сам старец, а помогали ему в оном ученики его из скитской братии: иеромонах о. Амвросий, монахи: (манатейный) о. Ювеналий, Половцев, (рясофорные) о. Леонид Кавелин и о. Аникита. Для сих занятий все вышеупомянутые лица ежедневно собирались в келье (в приемной комнате) старца, которой, не прекращая своих обычных занятий с братией и приходскими, посещая в определенное время и гостиницу, тем не менее принимал самое деятельное участие в сих занятиях: можно утвердительно

сказать, что ни одно выражение, ни одно слово не было вписано в отсылаемую в цензуру рукопись без его личного утверждения... Деятельность его в этом отношении была поистине, изумительна: старец одаренный от природы живым энергическим характером. В этих занятиях точно забывал себя, почасту жертвуя для них и тем кратким отдыхом, который был очевидно необходимым его утружденному и немоществующему телу. Хотя и у всех участвующих в сих трудах не было недостатка в усердии, но нельзя не сознаться, что, если кто чувствовал по временам изнеможение от усиленных занятий то отнюдь не старец, – он был неутомим. Но зато, как щедро были награждены мы за малые труды наши! Кто из внимающих себе не отдал бы нескольких лет жизни, чтобы слышать то, что слышали уши наши: это объяснения старца на такие места писаний отеческих о которых, не будь этих занятий, никто из нас не посмел бы и спросить его, а если бы и дерзнул на сие, то несомненно получил бы смиренный ответ: «я не знаю сего, это не моей меры, может быть ты достиг ее, а я знаю лишь: даруй ми, Господи, зрети моя прегрешения! Очисти сердце – тогда и поймешь!» Кто из нас в состоянии будет забыт, с снисходительностью высушивал он, ущедренный от Господа даром духовного рассуждения, наши детские немотствования и делал уступки, в желании изящнее или яснее выразить мысль, там, где не видел нарушения духовного смысла, прикрывая оные приличной отеческой шуткой, например: «пусть будет так, я новейший литературы не знаю, а ведь вы народ ученый!» Если возникало разногласие в понимании старец немедленно устранял оное, или предлагал на среду свое собственное мнение, или, смиряясь и смиряя нас, оставлял такое место вовсе без пояснения, говоря: «это не нашей меры. Кто будет делать, тот поймет, а то как бы не поставить наше гнилое, вместо его высокого духовного понимания».

При переводах, т.е. проверке и дополнениях в трудах старца Паисия Величковского соблюдалась особенная осмотрительность и не раз из-за одного слова долго вели рассуждения о пересмотре. Установление точной аскетической терминологии было поставлено здесь на первое место. В этом

отношении есть одно очень интересное место из писем И.В. Киреевского. Он пишет о. Макарию: «позвольте мне сказать мое мнение о двух словах в вашем переводе: »*созерцание*" и "*доброе*«. Для чего предпочитаете Вы *созерцание* слову *видение, зрение*? Первое – новое, любимое западными мыслителями, и имеет смысл более *рассматривания*, чем *видения*. Потому нельзя, например, сказать, что ум от состояния молитвы возвышается к *степени рассматривания*. Если же один раз необходимо греческое слово Феория перевести видение, то не худо бы, кажется, и всегда одному слову усвоить один смысл. Таким образом, может у нас составиться верный философский язык, согласный с духовным языком словенских и греческих духовных писателей. Второе слово: *доброе*, которое на словенском языке, кажется, значит то же, что и на русском *прекрасное*, Вы везде изволите и на русском языке переводить словом: *доброе*. От этого, мне кажется, в некоторых местах выходит неполный смысл. Например, в конце 27 слова Исаак Сирин, кажется, приписывает второму чину разума совершение и *доброе* (по естеству) и изящного. По словенски первое название *благое*, а второе *доброе*. Поэтому, всю деятельность изящных искусств можно отнести к области разума этой степени. Если же слово *изящное*, или *прекрасное*, заменить словом *доброе*, то весь этот смысл пропадает».

Митрополит Филарет не только вообще сочувствовал этому делу (по его настоянию Св. Синодом в 1822 году вторично было издано и Добротолубие) и содействовал как могучий администратор того времени. Нет, он нес и сам кропотливый труд проверки рукописей. Об этих подробностях есть интересное в месте переписки Киреевских. Так Н.П. Киреевская писала однажды: «вот беседа со мною владыки (митрополита Московского). Он принес листок написанный и сказал: «читал я наш академический перевод книги Св. Исаака; нет, перевод еще темнее, не хорошо, не хорошо. Я написал к ректору, чтобы он прислал мне греческий текст: он прислал, я сличал их вместе (да, греческий перевод не очень хорош: вероятно, переводчик не был из ученых, т.е. не знал грамматических правил, и потому мешал слова и вместо должного выражения ставил неправильно

и темные слова, да и от переписчика быть может вкрались ошибки и невероятности) и так сличая 18-ю главу, нашел перевод темнее подлинника, и подлинник неясным. Я попробовал сам перевести немного, вот перевод мой, а списать его не нашел кому, опасаясь, разберут ли мой почерк старцы? И прошу Вас: перешлите старцу, мне желательно слышать, как они найдут мой перевод; попросите, чтобы старец сличил его и с славянским и с перевода академическим и сказали бы свое мнение».

Да и вообще во всех лучших русских людях первой половины XIX века издательская деятельность Оптиной пустыни встретила полное одобрение. Труды духовных питомцев о. Паисия Величковского во главе с о. Макарием и славянофилов Киреевских были верно понятны и оценены еще современники.

В начале 1847 года была напечатана 1-я книга: «Житие и Писания Молдавского старца Паисия Величковского».

По выходе в свет этой книги, издатель Петербургского журнала «Маяк» С. Бурачек написал о. Макарию 7 апреля 1847 года следующее: «я тысячекратно благословляю Господа внушившему разумному о. Голубинскому пропустить эту книгу. Здешняя цензура запретила бы, как мечтание и мистицизм. С тех пор, как покойный митрополит Серафим, о. Фотий, Аракчеев и Шишков свергли Голицына (и по делу) за размножение лжемистических книг западных, по академиям и семинариям, все наши св. отцы подвижники обречены в лжемистики и мечтатели. И умная сердечная молитва уничижена и осмеяна, как зараза и пагуба. В семинариях и академиях не только ей не учат, но еще сызмала предостерегают и отвращают. Вот только год, как в здешней академии надумались читать аскетику, т.е. правила подвижничества, и поручили весьма подвижному отцу иеромонаху Феофану⁴³, да укрепит его Господь вашими святыми молитвами. Выход (книги) отца Паисия знамение величайшей милости Божией, и произведет перелом в наших обителях и семинариях».

Известный духовный писатель и паломник Андрей Васильевич Муравьев писал в Оптину.

«Хорошо подвизается пустынь ваша в издании душеспасительных книг и оставит по себе благую память в иноческом мире. Одно мне жаль, что язык о Паисия не во всем удобопонятен, особенно в ответах Варсануфия, несмотря на то, что я привык к духовным письмам, хотя и не столь глубоким мыслями; есть места, где невольно останавливаюсь и доискиваюсь уразуметь, а это затрудняет чтение.

Отклонить этот труд легко. Впрочем, если уже нельзя на русском. То великое сокровище и на славянском, хотя и немногим доступно, особенно из мирских. Скоро ли составите вы патерик Русский – жития учеников Паисиевых, – много бы утешили всех нас.

Простите, Поручая себя св. молитвам вашим, остаюсь с душевным уважением ваш покорн. Слуга А.М.

О. Макарию со всею скитскою братией поклон и приветствие».

Успеху этого дела также много содействовала редкая отзывчивость на это и всегдашняя готовность, когда чем можно. Помощь со стороны самого настоятеля о. игумена Моисея.

Искренний и великий любитель духовного чтения о. архимандрит Моисей любил и приобретать преимущественно нравственного содержания. Бывая в Калуге, старался и на базар, и в лавках, и где только мог, приобретать полезные книги и во множестве привозил их в обитель. Во время его настоятельства выписывались в Оптиной пустыни все выходившие тогда духовные журналы, все замечательные книги духовного содержания. Все это он старался прочитать сам и потом уже сдавал в монастырскую библиотеку, которая основана была им же в 1854 году. А к концу его настоятельства содержала около 5000 экземпляров (из коих более половины поступило в нее из келейной библиотеки о. игумена Антония, включает в себе более 7000 номеров. Едва ли в каком либо из русских общежительных монастырей найдется такая обширная библиотека, как Оптинская; но и она, как все почти примечательное в Оптиной пустыни, обязана своим существованием о. архимандриту Моисею. Книгами из нее пользовались и еще пользуются для чтения не только

монастырские братия, но богомольцы и все желающие из соседней обители.

Владыка Московский Филарет благосклонно содействовал этим изданиям и весьма интересовался ими. Средства для издания были пожертвованы различными благодетелями. О. Моисей. При всем искреннем, полнейшем сочувствии этому делу, не мог на него уделить из доходов обители. потому что обитель сама нуждалась на каждом шагу. Ему оставалось только радоваться и благодарить Бога зато, что книги, которые он некогда с великим трудом собственноручно переписывал и которые составляли доселе такую драгоценную редкость, печатаются теперь в большом числе экземпляров и будут доступны многим жаждущим духовной пользы. Но так только множество этих экземпляров. Привезенных из типографии. Поступало в распоряжение о. архимандрита Моисея, он немедленно пользовался ими для духовной милостыни и, с согласия старца о. Макария, рассылал по почте целые тюки этих книг в виде пожертвований в рассадники будущих пастырей и учителей и многим частным лицам. Так разослано было о. Моисеем по одному экземпляру всех Оптиных изданий в дар: 1) во все библиотеки как духовных академий, так и семинарий, 2) почти всем епархиальным преосвященным, ректорам и инспекторам духовных академий и семинарий, 3) в лавры и во все общежительные русские обители, 4) на Афонскую гору в монастыри: Русский Св. Пантелеймона, Болгарский Заграф; в скиты: Св. Пророка Илии, Св. Андрея Первозванного и Болгарский скит Пресвятой Богородицы (Ксилургу). Сверх того, во многие приходские церкви. в местностях, зараженных расколом, разосланы были безмездно изданные в обличение раскольнических заблуждений сочинения вышеупомянутого иеросхимонаха Иоанна. Также и посетителям Оптиной пустыни, всем знакомым, в разных ближних и дальних городах, раздавались и рассылались Оптиные издания. И кто мог подумать, что обитель, из которой так много книг рассылалось щедрою рукою безмездно во все концы России, сама далеко не была обеспечена и часто очень затруднялась в средствах к существованию.

Кроме письменных изъявлений благодарности от многих архипастырей, о. о. ректоров и инспекторов, о. архимандрит Моисей, по представлению семинарских начальств, удостоился в 1857 году получить за эти приношения благословение Св. Синода. Не сомневайся, что и от Господа Бога о. Моисей получил великую награду зато, что материальные заботы не подавляли его духа, не заставляли его вещественную пользу обители и свою лично предпочитать духовной пользе ближних. От всюду извлекать и приносить последнюю, – было его главной заботой и первую целью всей его деятельности. «Когда-нибудь, кто-нибудь прочтет ту или другую книгу, говаривал старец, и душевная польза одного человека вознаградит все наши труды. Наше дело – сеять: Бог даст, когда-нибудь будут и плоды». И плоды получились обильные.

Если обратимся к рассмотрению всех Оптиных изданий, то увидим, что они распадаются на три отдельные группы: издания из свято-отеческой аскетической литературы, издания – из русск. аскетической литературы и – церковно-исторические издания. По этим трем отделам мы и будем рассматривать полувековую издательскую деятельность Оптиной пустыни.

II

Переводные аскетические издания Оптиной пустыни

Почти все свято-отеческие аскетические издания Оптиной пустыней были сделаны при старце о. Макарии. Эти издания представляют из себя по большей части те переводы старца Паисия, которые не вошли в состав «Добротолюбия». Вообще же относительно свято-отеческих аскетических изданий Оптиной пустыни нельзя не заметить того, что Оптиные старцы, издавая их руководились как тою целью, чтобы напечатать переводы о. Паисия, так и тем еще, чтобы дать по всем областям иноческой жизни нужные руководства. А потому там, где не было соответствующего в переводах о. Паисия. Делали сами новые переводы. Как, напр., аввы Фалассия и Орсисия. Всех аскетических изданий из свято-отеческой литературы было сделано 14. Рассмотрим кратко каждое в отдельности.

1) «Преподобных отцов Варсануфия Великого (сконч. в 563 г.) и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на

вопрошения учеников» имеется в четвертом издании Тузова 1905 г. в русском переводе. Первое же издание этой книги, издание Оптиной Козельской Введенской пустыни, было сделано в 1852 году (издано в Москве в Университетской типографии), на славяно-русском наречии. В этом первом издании, кроме самого текста книги, были помещены еще: сказание о жизни старцев Варсануфия Великого, Иоанна и Никодима Святогорца, указатель, каковые помещены и в последнем издании 1905 года, и, что в последнем издании уже опущено, особое предисловие. Это предисловие очень интересно в библиографическом отношении, почему кратко его здесь и передадим. Старец о. Паисий Величковский. Ознакомившись с книгою Варсануфия и Иоанна, в кратких выдержках у Никона Черногорца, очень желал иметь полный текст этой книги, но долго не находил и скорбел и молился. Но вот, когда один из его учеников схимонах Григорий пришел на Афон и там, при случае, сообщил о задушевном желании своего учителя пребывавшему на покое в Ватопеде Коринфскому архиепископу Макарию библиофилу, тот занялся разысканием нужной книги и скоро нашел два пергаментных списка этой книги. Старец Григорий сделал копи и отнес к старцу Паисию. Тот с радостью принял находку, но сам переводить был уже на в силах и поручил это сделать ученику своему иеромонаху Дорофею и успел в его труде исправить только половину. Вторую половину книги иеромонах Дорофей перевел уже при приемнике о. Паисия старце Софронии. Начата была книга переводам 15 ноября 1792 года, а окончена 24 ноября 1795 г. Этот перевод был сделан сначала о. Паисием, а потом оптинцами был проверен и исправлен по греческой рукописи. Оптинский же русский перевод и первое в этом переводе издание было сделано в 1855 году.

Сам митрополит Филарет, принимавший столь близкое и деятельное участие в оптинском издательстве, особенно высоко ценил книгу Варсануфия и Иоанна и высказывал не раз в свое время желание, чтобы оптинские иноки лучше остановили на время дело издания других книг, только бы поспешили в эту. Об этом Н.П. Киреевская писала, в июле 1849 г. о. Макарию следующее: «Еще скажу вам, отец мой, что я переписала четко

том переводов всех представленных в цензуру нами от вас рукописей и привезла его к Владыке на рассмотрение; сделала отметки, что напечатано, что печатается, что считаем нужным теперь печатать. 1-е окончить том переводов старца Паисия, должно быть листов 22–25, а теперь его еще 9-й лист в печати. Потом Феодор Студит. Особою книгою печатать теперь ничто не возбраняет и усердно желаем приступить за печатание книги Варсануфия Великого, как нужнейшей. Вот ответ владыки на это. «Окончание тома хорошо, только не люблю я, что будет и первый и второй, и далее. Не нужно бы это, каждая книга должна быть отдельною, независящею от другой». Я просила, чтобы владыка приказал сделать заглавие, какое ему будет угодно, так как оно делается после всего. Он продолжал: «Феодор Студит книга не столько важная, ее и погодить можно бы. А мнение мое прежде всего начать печатать Варсануфия Великого, вот это бы лучше.» Я, конечно, согласилась с мнением владыки, и тут был довольно длинный разговор, окончившийся тем. Что владыка взял на себя старание и попечение в отсутствие наше о напечатание книги Варсануфия, (слава Богу) и сделать отметку на моем реестре о сем себе для памяти, спросив наперед: «вы хотите у меня реестр оставить?» Я сказала, что затем его и привезла. Потом я показала владыке книгу последнюю Каллиста Антиликуды г-на Кал. Тил. Он просмотрел ее и сказал: «эту покуда погодите посылать в цензуру: мы займемся ею. Ее бы лучше погодить теперь, а теперь Варсануфия». Иван Васильевич поручил спросить у владыки: нельзя ли Каллиста издать вместе с Катафигиотом? Он отвечал: «кажется, будет можно, я поищу греческое Добротолубие. И надобно будет этим заняться, так теперь погодите», и вторично обещал приложить попечение о Варсануфии». (Рук. Сб. опт. Пуст. «Копия писем Н.П. Киреевской по изданию 1849 г.», л. обор. 12–13). В письме от 19 сентября она писала: «Теперь о Варсануфии владыка сказал мне грешной: о книге св. Варсануфия, бывши в лавре, я занялся. Нашел и греческий подлинник. И древний славянский мы отыскали. И что странно: славянский гораздо ближе и вернее греческого. Мы положим так: перевод старца Паисия печатать так, как он есть,

но как есть в нем в некоторых местах пропущенные речи и места, то все и тому подобное из древле-славянского и частью сверясь с греческою, будем выставлять внизу в примечаниях, как то сделано и в книге св. Нила». Выслушав сии радостные слова, я поклонилась владыке в ноги с глубочайшей признательностью и благодарением"... Я еще прибавила несколько слов о том, что боялась отвлекать Ф.А. теперь иным занятием от книги св. Варсануфия. Владыка сказал: «да, я ему приказал исключительно ею заняться». (Там же, об. 22–23 об.).

Издание этой книги у оптинцев одною из первых, как и старание в свое время о. Паисия ее отыскать и перевести, станет для нас вполне понятным, если мы обратим внимание на характер этой книги. Книга Варсануфия и Иоанна по своему существу есть не что иное, как *дневник старческий*, подневная запись старческого окормления. Это и составляет отличие данной книги от Лествицы, Сирина, Дорофея, Студита. Там: систематическое изложение учения об общежитии (Студит), послушании и старческих (Дорофей) главных обетах иночества и о покаянии (Лествичник и Сирин); здесь ответы *старцев* ученикам, по мере «вопрошения». Отсюда отсутствие стройности и порядка. Но зато масса мелочей и подробностей. В Добротолубии еп. Феофана (II, 555. Там же в предисловии есть и оценка этой книги), эта вопросо-ответная форма уничтожена, а в оптинском издании сохранена. И это сделано не без цели. Даже самая мелочность многих вопросов, их постановка и ответы поучительны для всех старческих учеников в том отношении, что дают понять, что в духовной жизни важны и все мелочи и что ничего не следует утаивать от старца такого. Что так или иначе. Но волнует душу инока и нарушает ее мир и покой: так было прежде, так должно быть и теперь. Хороша эта книга для чтения или по указателю по мере надобности, или по малым частям ежедневно, или по указанию старца-руководителя.

Издавая эту книгу в переводе старца Паисия, Оптиная пустынь давала для старческой практики: для старцев пособие в старчестве, для окормляемых же руководство к вопрошению. Епископ Феофан в своих письмах об этой книге

дает такой отзыв: «Для умножения вашего ведения о духовных делах читайте Варсануфия и Иоанна ответы. Это лучшая руководительная книга» (III вып. пис. 126 стр.). «Книга Варсануфия и Иоанна очень потребна для духовников и руководителей, чаще читайте» (V вып. 200 стр.).

2) В 1849 году была издана книга под заглавием: «Восторгнутые Классы в пищу души», т.е. несколько переводов из святых отцов старца Паисия Величковского издание Козельской, Введенской, Оптиной пустыни. Здесь вначале помещено шесть слов святого Иоанна Златоустого о молитве. О молитве Св. Григория Паламы и Марка исповедника Галатийского, и Мелетия, исповедника Галисийского. Потом следует нравственно-подвижнические слова Марка подвижника. Далее: Аввы Аммона о вещах возбраняющих ко спасению, беседы душеполезны преподобного отца нашего Зосимы.

Наконец: главы о деянии и видении святого Феогниста и преподобного и богоносного отца нашего Симеона митрополита Евхаитского послание к иноку Иоанну и затворнику. Перевод слов Марка подвижника здесь темен, а потому уже в 1858 году Оптиною пустыню был сделан новый их перевод на русский язык и издан в означенном году особо. (Москва, университет. типогр. 1858). В переводе епископа Феофана слова эти помещены в первом томе Добротолубия, стр. 467–562. В Добротолубии же можно читать и слово Григория Паламы (V, 477–482 стр.), и главы о деянии и видении святого Феогниста (III, 346–400 стр.). Поучения св. Иоанна Златоуста в собрании его творений – в издании С.-П.-Б. Академии. Аввы Аммона о вещах, возбраняющих ко спасению и беседы душеполезны преподобного отца Зосимы, в виду большой их назидательности, были изданы Оптиною отдельно: сначала в славянском же переводе, второе издание 1887 года, под заглавием: «Из книги Восторгнутые Классы в пищу души», и потом в 1905 году, под тем же заглавием, в русском переложении о. архим. Агапита.

Книга эта составлена с большим умением. Она – дополнение к изданию творений старца Паисия Величковского: содержит в себе большую часть тех святоотеческих аскетических писаний, на которые ссылался старец в учении об умной

молитве и которых не было в Добротолюбии. С другой стороны здесь и все то, что нужно к пояснению его учения о послушании старцам и смирении... И нельзя не пожелать, чтобы было сделано новое издание этой книги. С опущением слов преподобного Марка Подвижника. Эти последние можно читать и в отдельном Оптиномском переводе, и в Добротолюбии. А все остальные выдержки, что вошли в состав Восторгнутых Классов. В общей сложности. Представляют прекраснейшее наставление к молитве вообще и молитве Иисусовой в частности.

Книга эта необходима каждому. Кто вопрос о молитве считает для себя одним из главнейших жизненных вопросов. Читать же эту книгу можно и так. Но еще лучше – по прочтении тех отделов из книги писаний старца Паисия Величковского.

3) «Преподобного отца нашего аввы Дорофея († 620г.) душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов, данных на оные святыми старцами Варсануфием Великим и Иоанном пророком. Седьмое издание Козельской Введенской Оптиной пустыни 1895 г. (Калуга, тип. Михайлова)».

В начале книги помещены биографические очерки автора книги аввы Дорофея и его ученик Досифея, в конце вопросы и ответы и алфавитный указатель к книге. Душеполезные послания и поучения аввы Дорофея касаются всех сторон монашеской жизни. Так как в конце книги приложен указатель обстоятельный и подробный. То в перечисление содержания книги вдаваться не станем. Скажем только самое главное. В поучениях и посланиях Авва не оставляет без внимания ни одного монастырского послушания и рассматривает поведение инока во всех обстоятельствах монастырской его жизни. Но в то же время он умело и в мелочах оттеняет существенное, дает приемы лучшего вообще, а особенно духовному отцу. Жизнеописание же ученика Дорофеева Досифея, который в самое краткое время достиг высокого душевного устроения и умер, обрета долю со святыми, и служить примером, наглядно убеждающим в пользе послушания. Книга эта издавна называется азбукою монашескою. И это вполне справедливо. Трудно найти другую аскетическую книгу, где бы правила

иноческой жизни излагались с такою простотой и теплотой, как в этой книге. Особенно хороши здесь разные примеры из жизни монашеской, коими Авва поясняет свои советы.

В виду такого характера книги неудивительно, что опытные в духовной жизни Оптиные старцы и перевели ее одною из первых. И эта книга выдержала уже семь изданий, что особенно знаменательно при обычной нашей общей косности и равнодушии к вопросам нравственного развития и самоусовершенствования даже и в монастырях. (У преосвя. Феофана в II т. Добротолюбия. 599–642 стр.).

Первое издание в русском переводе о. Климента Зедергольма было сделано Оптиною пустынею в 1856 году. Перевод делали при пособии еще такого издания, как первопечатный славянский перевод К.-Печер. лавры 1617 года, издание же 1866 года, с которого и делаются последующие издания. Было выполнено о.о. Климентом и Анатолием.

Эта книга должна бы быть обязательно настольною, если не у каждого отдельно послушника, то, по крайней мере, в каждой послушнической келье хотя в одном экземпляре.

4) «Святого отца нашего Исаака Сирина († в конце VI в.), епископа бывшего Ниневийского слова дузовно-подвижнические, переведенные с греческого старцем Паисием Величковским» в издании Козельской Введенской Оптиной пустыни, были напечатаны в 1854 году (университ. тип.). Здесь после краткого предисловия о переводе этой книги старцем Паисием в 1887 году и «примечаний с сему изданию», о нескольких частностях касательно текста писаний Сирина, помещено самого отца Паисия большое «о переводе книги святого Исаака Сирина с еллино-греческого на словенский язык краткое изъявление». В этом изъявлении блаженный старец рассказывает, как он нашел рукопись Исаака Сирина и как переводил. Потом следует: «краткое сказание о святом Исааце». Всех слов помещено 91. Ныне их можно читать в прекрасном переводе русского епископа Феофана во II томе Добротолюбия, стр. 645–760. К тексту слов был приложен алфавитный, пространный и прекрасно составленный указатель, составленный самим о. Макарием. Издание это было сделано на

славянском наречии, но напечатано русским шрифтом. Книга была окончена русским шрифтом. Книга была окончена печатанием в марте 1854 г., и первый экземпляр издания был получен 13 апреля, в день Св. Пасхи. Радость старца и его учеников была велика, и они, видя напечатанную книгу св. Исаака Сирина, славили Бога. Радость эта станет вполне понятна, если мы припомним, что рукописные списки этой книги стоили по 100 р. и все таки были редки. А печатное издание этой книги Нямецкой обители 1812 г. цензурою не было пропускаемо в Россию. В минуты радости не забыли Оптинцы и Нямецкую обитель. Туда были посланы экземпляры нового издания. Нямецкая же обитель прислала о. Макарию за это камлотовую рясу (греческого покроя). Напечатана книга была по руководству рукописи о. Паисия, составлявшей собственность самого о. Макария. А как эта рукопись досталась о. Макарию, сообщает о. арх. Леонид в жизнеописании старца. Он пишет:

Судьба этой рукописи особенно замечательна: она была прислана от старца Паисия к высокопреосвященному митрополиту Гавриилу, с таковым в предисловии (после посвящения) собственноручным подписанием: «трудивыйся в переводе семь Святовознесенского Нямецкого и Предтечева Секульского Молдо-влахийских монастырей архимандрит Паисий Величковский, родимец Полтавский». Она писана полууставом на белой лощеной бумаге в лист, более половины рукою ближнего ученика старцева схимонаха о. Феодора, и dokonчена писанием другом его и сожителем в Молдавских и русских обителях – схимонахом о. Николаем. Будучи отослана, как выше упомянутого, высокопреосвященному митрополиту Гавриилу, рукопись эта, по кончине владыки (1801 году), перейдя, неизвестно как, в частные руки, наконец, привезена была на продажу в Валаамский монастырь, по дошедшему до владельца ее барышника слуху, что там пребывают старцы духовной жизни. Которые верно оценят такую драгоценность. Можно себе представить радость. А вкупе и удивление, о. схимонаха Феодора о обретении действительно столь драгоценной и в особенности для него – рукописи, которую он не надеялся, не только иметь, но когда либо видеть. Господь, устроивши столь

чудесное обретение рукописи, даровал смиренному и убогому старцу и средство возвратить оную из рук барышника. Это случилось между 1811–1817 годами. О. Феодор чрезвычайно дорожил изгибшим и столь нечаянно обретенным сокровищем. Надобно заметить. Что вообще он столько любил писания св. Исаака, что во время постигавших его лютых скорбей, гонимый злобою и завистью, будучи вынужден неоднократно переходить из монастыря в монастырь уносил с собою лишь одну книгу св. Исаака. После блаженной кончины о. Феодора (в 1821 году), книга сия досталась любимому ученику и спутнику всей его скорбной жизни иеросхимонаху о. Леониду (в схиме Льву). Он подарил ее еще при жизни своей ученику схимонаху Анттоху, по кончине коего она перешла к другому ученику о. Леонида, жившему тогда в Александро-Невской лавре, о. Иоанникию (в схиме Леониду). Сей отдал ее в дар благодетельнице той обители, где проживал довольное время, духовной дочери о. Леонида, старице Е. Т. Л-ой; а от нее книга эта в 1849 году перешла к иеромонаху той же обители о. Ефрему, который подарил ее духовному сыну своему монаху Авраамию, а сей последний, отъезжая в 1858 году на жительство в св. Афонскую гору, принес сию рукопись в дар покойному старцу о. иеросхимонаху Макарию, который в предсмертной своей болезни благословил ею, вместе с иконою св. Исаака Сирина, меня многогрешного.

Не менее интересна и история самого издания книги Оптинцами. Вскоре же по получении экземпляров нового издания о. Макарием была сделана памятная запись следующего содержания.

О напечатании книги св. Исаака Сирина, мы не смели надеяться предпринимать какие либо средства, но Бог судьбами Своими устроил неожиданно и даровал нам иметь духовное утешение велие-видеть ее напечатанною в 2400 экземплярах. Вот как это случилось: в 1852 году, когда я был в Москве, говоря с г.г. Киреевскими о русском переводе сей книги на славянском языке перевода старца Паисия, предложил им при случае предложить о сем высокопреосвященному митрополиту Филарету. Бывши в Троицкой лавре в то же время предложил о

сем о. наместнику архим. Антонию. По отъезде моем он улучив время, в разные времена при разговоре докладывал о сем Его П-ву. Он сказал, что и сам желает издать ее. Но находит нужным сделать пояснения на некоторые темные места и слова, и не знает. Кому поручить это сделать; да ведь, по настоящему, и не можно без Синода: да книга-то отеческая, я скажу, что я напечатал, а с меня нечего взять. О всем этом нас уведомили. Мы писали к Н.П. Кир-ой предложил владыке, не угодно ли будет Е.В. дозволить нам заняться сим делом; на это и получили его благословение и дозволение взять в Московской духовной академии греческую книгу св. Исаака Сирина. По получении оной в последнем месяце 1852 года, начали мы делать пояснения: о. Амвросий, я (отец Макарий), а Павел Ст. Покровский в греческой книге неудобовразумительные места переводил нам. Прошедши всю книгу, паки поверили с о. Иоанном Половцевым и Львом Ал. Кавелиным; переписывали набело трое: Павел Степанович, Симеон Феодорович и о. Антоний Смирнов. Надписание о безмолвии оставили, о чем в предисловии объяснено. По окончании представили оную рукопись высокопреосвященному Филарету на рассмотрение. Владыка принял оную благосклонно, и, отправившись в Троицкую лавру, – находясь там в скиту, первую неделю Великого поста занялся просматриванием наших пояснений и замечаний, некоторые поправил и своеручно о сем удостоил меня писанием от 3 марта 1853 года, и что он передал рукопись сию в цензуру для рассмотрения и дозволения печатать, которая и поручена цензору, о. инспектору академии архимандриту Сергию, который с любовью занялся рассматриванием оной, и, по окончании, того же года в июле месяце подписал дозволение печатать и доставить в Москву к г.г. Киреевским. А они, с благословения архипастыря, приступили к печатанию и продержали корректуру. Между тем, Господь помог нам сделать на оную книгу алфавитный указатель, который также утвержден цензурою к печатанию, и так сия Боговдохновенная книга, помощью Божией, напечатана благословением владыки. И первые три печатных экземпляра оной присланы к нам в обитель на светлой неделе, 13 числа, как самый приличный подарок для Светлого Праздника.

В последнем издании исторического описания Оптиной (о. Ераста) напечатана и вся почти переписка по делу издания аскетов, откуда мы и заимствовали только что приведенную памятку. В этой переписке еще более вырисовывается то участие, какое принимал в этом деле м. Филарет. Когда он узнал о намерении Оптинцев издать книгу св. Исаака Сирина отнесся с большим сочувствием и говорит: «рад буду. Если напечатают отцы Оптинские книгу Исаака Сирина на славянском, и для цензуры затруднения не предвижу. Желательно было бы, чтобы при сем на некоторые места сделаны были с подлинника пояснения, как сделано в издании Варсануфия Великого. Но если сие окажется трудным. И без сего напечатать хорошо. А с пояснениями славянский текст по мне лучше русского, потому что по свойству языка перевод ближе к подлиннику. Новым переводам я меньше верю». Когда же перевод был приготовлен, митрополит сам пересмотрел его, сделал ряд поправок, которые и были внесены в текст, и, возвращая рукопись о. Макарию, писал ему, между прочим, следующее:

Помолитесь о нас, борющихся с волнами людей и дел, да не погрязнем, но да касаемся, хотя несколько, берега тишины и свободы. Несколько месяцев прошло, доколе я нашел, наконец, время оторваться от дел неволи, чтобы заняться делом желаемым – чтением рукописи св. Исаака Сирина, приготовленный вами к печатанию: но и теперь, не кончив сего, принужден возвратиться к окружающим меня неизбежным делам должности. Около половины книги читал я непрерывно, внимая учителю и Вашим толкованиям. Далее просматривал некоторые места: но, не могши продолжать и опасаясь еще надолго остановить дело, решаюсь завтра послать рукопись в цензуру. Простите меня, что я дерзновенною рукою коснулся некоторых примечаний Ваших, не имея возможности предварительно изъяснить Вам, почему так коснулся.

Некоторые места книги темны в греческом так же, как и в славянском тексте. Вероятно, сему причиною, между прочим, греческий переводчик с сирского. Некоторые примечания на такие места показались только догадочными и недовольно соответствующими греческому тексту. В таких случаях мне

показалось лучшим – оставить темное темным, нежели подвергаться опасности дать читателю нашу мысль, вместо мысли св. Исаака Сирина.

Немалое содействие оказал митр. Филарет еще и тем, что облегчил цензурные условия. Свой взгляд по этому поводу он, между прочим, высказал в разговоре с Н.П. Киреевской. Та раз спросила митрополита о цензуре рукописей. «Да, кажется, владыко, вновь потом надобно будет отсылать ее в Синод и оттуда ожидать разрешения о напечатании»? Владыка отвечал: «нет, в Синод посылать я не буду; ведь эта книга *святого отца*, а отдам ее на рассмотрение в комитет, и если он не решится пропустить, то потребую к себе и сам подпишу: пусть делают выговор мне одному».

5) «Преподобного и богоносного отца нашего аввы Исаии, († 370 г.) отшельника Египетского, духовно-нравственные слова» в русском переводе были изданы в 1860 году, в Москве, в университетской типографии. Вначале помещено «краткое историческое сведение о преподобном отце нашем Исаии отшельнике, авве Нитрийском, и о переводе творений его», где сообщается, что данный перевод сделан с латинской рукописи, изданной Галландою, при сопоставлении с переводом старца Паисия. «При переводе, пишется в предисловии, была соблюдаема возможная точность, были удержаны более употребительные выражения, какие встречаются в писаниях отцов подвижников, напр. тайное поучение, невменяемость, пленение и пр.» В конце помещен назидательный рассказ из жизни ученика старца Исаи Елиссея, который можно читать еще в прологе под 27 февраля. В книге помещены 29 слов Аввы. Содержание их такое: много наставлений новоначальным, советы и наставления живущим в общежитии, отчасти пустынникам, о поведении монахов в пути, о смирении, послушании, помыслах и т.п. Монашеские правила и главы о духовном делании и безмолвии заканчивают книгу. В настоящее время имеется уже перевод с греческого недавно найденного текста, который сделан епископом Феофаном и помещен в первом томе русского перевода Добротолюбия (в 3-м издании 1895 г. стр. 277–466).

6) Лествица святого Иоанна Лествичника († 563 г.) теперь имеется в 7-м издании. Оптиною пустынью она была издана сначала в 1851 году на славянском языке, потом в 1862 г. на русском. Над переложением в славяно-русском стиле потрудился о. Амвросий, над русским же переводом о. Ювиналий (Пол.). Первое русское издание Оптиное носит такое заглавие: «Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе, с алфавитным указателем и примечаниями». Об личном участии отца Макария в приготовлении к изданию Лествицы о. архимандрит Леонид в жизнеописании старца писал: «с 1845 по 1860 год включительно, под руководством покойного старца издано в свет 16 книг, из коих 5 на русском наречии, 1 на славянском и русском, а остальные на славянском; те и другие напечатаны гражданскими буквами с объяснительными подстрочными примечаниями. Первое место между этими изданиями бесспорно принадлежит творению великого учителя иноческой жизни св. Исаака Сирина; затем следует книга аввы Дорофея, которую старец справедливо называл «монашескою азбукою», особенно указывая на нее всем новоначальным, желающим положить прочное начало в деятельной жизни, которая, по учению св. Иоанна Лествичника, слагается из послушания и смирения.

Старец также немало потрудился над творением другого великого учителя жизни иноческой св. Иоанна Лествичника – подвизавшегося в Синайской горе, где некогда избранный народ Божий получил заповеди чрез боговидца Моисея и откуда чрез сего тайновидца, св. Иоанна, изыде духовный закон для иноков – людей обыкновения. Старец, высоко ставя творение св. Иоанна Лествичника в ряду писаний святых отцов подвижников, изучал и сличал между собою все известные донныне печатные издания и рукописные переводы сего бессмертного творения, и потом, приняв в основание перевод старца Паисия, как мужа исполненного духовного разума, прошедшего опытом духовные советы святого отца, непостигаемые одним книжным обучением, и будучи притом и сам достойным преемником иноческих добродетелей великого старца, – приложил особое усердие, дабы пояснить упомянутый перевод старца Паисия одного с

другими рукописными позднейшими переводами (каковы, например: перевод бывшего Алтайского миссионера архимандрита Макария), печатными изданиями и греческим текстом, с тою целью, чтобы сделать его доступным не для одного лишь чтения, но особенно для общего практического руководства заключающимися в сей книге духовными наставлениями; из чего и составилась перевод Лествицы на полуславянском наречии, коим прилежно занимался сам старец, при пособии ближнего ученика своего иеромонаха А-ия. К этому переводу, по окончании его, старец сам же составлял алфавитный указатель предметам, содержащимся в творении св. Иоанна Лествичника, и собственноручно переписал оный, забывая и немощь тела, и недосуги, жертвуя для сего временем краткого отдыха».

Впоследствии с сего перевода, с благословения старца, сделано переложение Лествицы на русское наречие. В чем упражнялся, под непосредственным наблюдением старца, другой ученик его о. Иоанн П- (ныне иеромонах о. Ювиналий).

Экземпляры сих обоих переводов достаточно распространены в списках между братией как скитскою, так монастырскою, а чтение полуславянского перевода предлагается обоим братствам на церковных службах в течение Великого поста. В то же время в скиту читаются постоянно на общем келейном правиле оглашения Феодора Студита.

7) В 1853 году было издано «Преподобного отца нашего Максима исповедника († 662 г.) толкование на молитву Господню и его же Слово Постническое». Но перевод славянский был сделан Т.И. Филипповым с соблюдением и грамматической конструкции подлинника, почему и является очень тяжелым. С другой стороны преподобный толкует молитву очень сжато и местами аллегорически. Поэтому толкование на молитву в этом издании очень трудно для чтения. Несколько легче читается «Слово Постническое» (аскетическое), изложенное в виде вопросов ученика и ответов старца: о спасении, соблюдении заповедей, их единстве при видимой множественности, о смирении, трезвении, борьбе с бесами и т.д. Эту книгу хорошо давать некоторым молодым монахам для развития в них

вдумчивости при чтении аскетических писаний, предупреждений развития привычки читать быстро и поверхностно.

8) В 1849 г. сначала в «Восторгнутых Классах», а потом в 1858 г. особо были изданы «Духовно-подвижнические слова Марка Подвижника». От Марка Подвижника (в V в.) дошли: послание к иноку Николаю, представляющее очерк подвижнической жизни от начала до конца ее; наставления из слов и 426 глав, из коих 200 – о законе духовном и 226 думающих оправдаться делами. В новом переводе Добротолубия еп. Феофана эти сочинения помещены в I т., 467–563 стр.

9) «Преподобного отца нашего Орсисия, аввы Тавеннисиотского, учение об устройении монашеского жительства в русском переводе изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни (Москва 1859 г.)» представляет из себя с внешней стороны небольшую книжку в 108 стр. С внутренней же стороны эта книжка очень богата своими достоинствами. В начале издания помещено краткое сказание о преподобном Орсисии, авве Тавеннисиотском, затем самое учение об устройении монашеского жительства и, наконец, статья «св. Орсисия о шести помыслах святых». Краткое сказание очень интересно, как знакомящего несколько с бытом египетского монашества. И поучительно: жизнь св. Орсисия – пример доброго настоятеля. Наставление о шести помыслах святых подробное, в сущности, толкование изречения: помни последняя твоя и в веки не согрешиши (о: Боге, Христе Спасителе, смерти, страшном суде, аде и рае). Самое же учение о монашеском жительстве разделено на 56 глав малых. В этом учении в первых 18 главах излагаются обязанности монастырских настоятелей. В следующих до 51 главы изложение нравственных обязанностей иноков к братьям и монастырскому имуществу. Наставления аввы Орсисия есть простая, сердечная речь о том, какими мыслями и какими качествами должен сиять общежительной обители инок: будет ли он настоятель, или простой рядовой монах. Здесь освещается, с точки зрения иноческих идеалов, монастырский общежительный быт. И Оптиные иноки весьма метко оттенили то, что здесь речь идет о монашеском быте,

переводя слово греческое не словом: жизнь (вообще), а словом: житительство, указывающим на жизнь в известных местно-материальных условиях. Это наставление заканчивается приглашением братии прилежать чтению слова Божия и общим наставлением к богоугодной жизни. Наставления аввы Орсисия – это скорее предсмертное его завещание братии, на что и указывает довольно ясно заключительное обращение старца, 56 глава, где он вспоминает всю свою жизнь и приводит слова св. апостола Павла: «Аз уже жрен бываю, и время моего отшествия наста»...

Эта книжка очень полезна для чтения преимущественно настоятельствующим в обители и вообще занимающим в монастырях начальственные должности. Главное достоинство этой книги: простота, ясность и точность изложения, душевный тон и обилие мест из Священного писания как Ветхого, так и Нового Завета. Перевод был сделан о. Климентом Зедергольмом.

10) В 1874 году было сделано Оптиной пустынью издание помещенного о. Паисием в III ч. Добротолюбия труда – под заглавием: «творения преподобного и богоносного отца нашего священномученика Петра Дамаскина в русском переводе с еллино-греческого» о. архимандрита Ювеналия Половцева. В первом томе, кроме предисловия издателей и предисловия к подлиннику, с указанием сведений о жизни святого Петра, помещены в 37 отделах наставления преподобного о монашеском подвиге вообще, и приемах созидания своего спасения. А во втором томе двадцать четыре поучения о вере, надежде и любви и их разветвлениях. Наставления этого аскета-писателя помещены в греческой филокалии, т.е. Добротолюбии. В русском же переводе Добротолюбия преосвященным Феофаном они опущены, как он сам писал в предисловии в V тому, в виду наличности этой книги в переводе Оптиной пустыни. Труд преп. Петра – компилятивный свод отеческих творений по данным вопросам, но продуманный, серьезный и поясняемый размышлениями самого подвижника. О характере своего труда преподобный сам пишет так: «Написал я это напоминание бедной души моей в обличение, и поместил в нем по именам все

творения, жизнеописания и слова святых отец, которые я прочитал с тем. Чтобы это служило мне хотя отчасти воспоминанием их слов. Сам я не имел и не приобрел для себя ни одной книги, но получал их от христоролюбивых людей, так же как и все нужное для тела, ради любви Божией. Прочитывая книги те с всевозможным вниманием, я возвращал их владельцам. Это были книги: Ветхого и Нового заветов и толкования всего исчисленного. Отеческие и учительные книги все великих отцов, как-то: Дионисия, Афанасия, Василия, Богослова, Златоуста, Григория, Антония, Арсения, Макария, Нила, Ефрема, Исаака, Марка, Дамаскина, Лествичника, Максима, Дорофея, Филимона и всех святых жизнеописания и слова. И удостоился я, недостойный, перечитать все эти книги с полною свободою и со вниманием, ища начала спасения и гибели человека».

Книга эта очень хороша для чтения новоначальным инокам непосредственно после книги аввы Дорофея.

11) «Преподобного отца нашего Симеона, Нового Богослова, († в начале XI в.) игумена обители св. Маманта двенадцать слов в русском переводе с еллино-греческого, издание Козельской Введенской Оптиной пустыни – 1869 года».

Книга эта включает в себе переводов 12 слов св. Симеона, Нового Богослова, содержание которых все, главным образом, представляет изложение православно-христианского учения о покаянии, как средство спасения грешников вообще и монахов в особенности. Каждому слову предложено подробное оглавление с изложением главных предметов речи в данном слове. Строго богословского отвлеченно-умозрительного характера здесь только речь в девятом слове, – это учение о Пресвятой Троице. Главное же направление в речи – учительное. Св. Симеон особенно подробно и назидательно выясняет необходимость покаяния и указывает черты истинного покаяния, неразрывность покаяния с верою, веры же с добрыми делами, и ценность добрых дел только при внутренней доброй настроенности. Поучительная вообще, эта книга особенно полезна для монахов. Что здесь дорого и что делает выбор Оптиных старцев удачным, когда они взяли для перевода и издания эту, а не

другую книгу, так это то, что здесь много практически-учительного, необходимого для иноков. Так, в первом слове подробно описывается весь порядок монашеской жизни в течение дня, с раннего утра и до поздней ночи во всех ее мелочах. И при этом все эти мелочи и частности освещены и приведены в тесное единение с главными иноческими добродетелями, освещены с главной точки зрения иноческих идеалов. Указана необходимость и ценность монашеской дисциплины, указаны и приемы лучшего исполнения этих частных правил монашеского обихода. В шестом слове подробно указаны те уклонения, ошибки и падения, какие часто случаются с иноками, начавшими делание духовное, но ошибочное, только внешнее, и тем не менее уже считающих себя совершенными. Но еще более важно здесь то, что содержится точное и обстоятельное учение о необходимости и пользе для иноческой жизни старчества. Это учение о старчестве содержится в седьмом. Восьмом и девятом. В первом из этих слов выясняется характер истинного старческого ученика, в следующем истинного настоятеля и в последнем истинного духовника, т.е. старца. Попутно отец выясняет и немало мест священного Писания, особенно хорошо также говорится о таинствах крещения и миропомазания – собственно печати Христовой. Перевод 1869 г., новый был сделан о.о. Климентом и Анатолием.

12) «Житие же преподобного отца нашего Симеона, Нового Богослова», было издано Оптиною пустынью в 1856 г. в Москве. Глубоко интересное по своему содержанию это житие очень поучительно еще как свидетельство того, как благотельно старчество для иноков и как высоко может подняться и молодой инок при опытном старческом руководстве. Жизнь святого Симеона, Нового Богослова – это картинка из жизни восточного старчества: преподобный Симеон был учеником старца Симеона Благоговейного. В житии и описаны многие приемы руководства этого старца Симеона, Нового Богослова, Оптина пустынь, естественно, должна была издать и самое житие преподобного Симеона, которое и являлось лучшею иллюстрацией к той части его 12 слов, где идет речь о

старческом руководстве, и как бы естественным предисловием к словам.

13) Авва Фалассий (в половине VIIв.) был издан дважды, в славянском и русском переводе, при чем окончательно отредактирован этот перевод митрополитом Филаретом. Аввы Фалассия «Сотницы» в 1894 году были вновь изданы Оптиною, с приложением всей переписки по этому делу между митр. Филаретом, о. Макарием и Киреевскими, над чем потрудился о. Ераст. Переписка эта находится и при историческом описании Оптиной самого последнего времени. В Добротолубии еп. Феофан авва Фалассий помещен в III томе, стр. 289–317. Чтобы иметь некоторое представление о том, как близко принимал к сердцу издательское дело Оптиной митрополит Филарет, мы приведем здесь одну выдержку из указанной переписки. Сообщая о поднесении печатного экземпляра Варсануфия и Иоанна митрополиту Филарету, Н.П. Киреевская писала в Оптину пустынь следующее: «Владыка принял нас отечески благосклонно. Я подала ему подносный экземпляр от имени Вашего, Батюшка, благодарила от Вас с поклоном земным. Владыка с большим удовольствием принял книгу и сказал: «у старцев как все поспевает, удивительно! Очень им благодарен». Я просила Владыку обратить внимание на печать, на алфавит, и Владыка все очень, очень одобрил. Любезно говорил. Я подала Владыке (экземпляр) 3-й сотницы перевода Фалассия. Владыка спросил: «что это?» – «Остальная сотница Фалассия – самые последние главы 4-й сотницы батюшка о. Макарий не перевел, потому что боялся погрешить в изложении сих высоких предметов Богословия и оставил это на волю В.В-ва, и как Вам Господь возвестит». «напрасно, лучше бы перевели, – мне бы помогли. Погодите, сейчас», и пошел Владыка в другую комнату; тут же при нас был о. ректор и какой-то старый барин.

Владыка возвратился, держа в руках 1-ю сотницу св. Фалассия. «Вот 1-я сотница, я ее прочитал, некоторое изменил, в одном месте думал, что догадался, переправил, а как здесь в лавре нашел греческий подлинник, то увидел, что я ошибся, и изменил поправку. В другом же месте было не так, вероятно

потому, что пропущено было одно слово в подлиннике. Вот, отдайте от меня старцам и спросите, угодны ли будут им мои поправки? Я озабочивался и не знал. Как мне им переслать эту сотницу, очень рад, что Вам могу отдать ее! Я очень рад благодарила и говорила. Что Вы примите милость Владыки с глубочайшим чувством признательности, и что Ваши поправки – благодеяния. Владыка сказал: «ну, это как старцы найдут». Потом я спросила: «когда старцы перепишут, то позвольте к Вам обратно доставить?» «Можно и в цензуру отдать, – как хотите».

14) В 1853 году был издан перевод о. Паисия Величковского Огласительных поучений преп. Феодора Студита, († 826 г.), под заглавием: «Огласительные поучения Преподобного и Богоносного Отца нашего Феодора Исповедника, Игумена Обители Студийской, переведенные с греческого Старцем Паисием Величковским. Издание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. М. 1853 г.» Второе, перевод уже русский, издание было сделано в 1883 году. Над этим изданием, под руководством о. Амвросия потрудились о.о. Климент, Анатолий и Ювиналий. С него новое переиздание было сделано Оптиною в 1896 г. в Калуге. Отличительные черты наставлений преподобного Феодора Студита точно отметил епископ Феофан, когда писал следующее. «Чаете много от Преп. Феодора, но он дает немного, но зато такое, чего никто не дает. Внутренней жизни у него только общие очерки, или перечисление подвижнических добродетелей. Главное у него – порядки монастырской жизни. И у него тут все святые: и привратник, и сапожник, и хлебопек, и пахарь, и столяр. И цель у него та, чтобы все лица монастырские, исполняя послушания по виду житейские, по духу делали сие послушание путем в царствие. И он часто перечисляет всех и прихваливает. Для монахов эти поручения все – сокровище, ибо, о чем ни станет говорит, все сводит на монашеские чины, непрестанно напоминает, что надо более делать монаху. И я полагаю издать сии поучения не как поучения, а как наставление монахам, определив 4-й т. Добротолубия» (Собр. Писем святит. Феофана, изд. Пант. мон. в I, 84, в VII, 226, 227–228 стр.). У преосв. Феофана Феодору Студиту и посвящен 4-й т. Добротолубия. Разница между

изданиями преосв. Феофана и Оптинских та, что у Оптинцев заключающиеся в книге поучения напечатаны каждое сполна, а у преосв. Феофана – в выборках. У преосв. Феофана хорошо читать по пунктам, когда в чем нужда; когда же желательно в свободное время последовательно все прочесть и ознакомиться с монастырским общежитием в целом, лучше читать по Оптинскому изданию.

Предполагалось у старца о. Макария сделать и еще некоторые аскетические издания, но это не состоялось. Почему? Сказать трудно. Очень может быть, что здесь было поступлено по совету митрополита Филарета, который не находил полезным особенно большое число изданий. Об этом И.В. Киреевский так писал о. Макарию, в письме от 5 гоября 1854 г.

Многоуважаемый и искренно любимый Батюшка!

Н.П. писала к вам, что тому дней десять митрополит взял у меня для просмотра некоторые рукописи из представленных в цензуру, т.е. Сотницы аввы Фалассия и главы Каллиста Антиликуды. Вчера я был у него с Зедергольмом. Желавшим получить его благословение, и он между прочим сказал мне, что прочитал Сотницы А. Фалассия и думает, что они должны бы быть изданы особой книжкой, что в них много полезного, но что читатели вообще ленивы на духовное чтение, и большой книги испугаются, а маленькую скорее прочтут; но что в переводе есть много темного, и он желал бы, чтобы вы поступили с ним так же, как с книгой Исаака Сирина, т.е. приказали бы переписать ее четким шрифтом, и, сличив с подлинником, приложили бы краткие пояснения внизу страниц, а где найдутся явные ошибки переписчика словенской рукописи или переводчика, там поправили бы в самом тексте. Вообще он, кажется, очень доволен изданием Исаака Сирина, и желал бы, чтобы и другие книги были изданы таким же образом! Что же касается до Каллиста Антиликуды, то он еще не успел прочитать, а только начал, и, судя по началу, сомневается, полезно ли будет его напечатать, потому что он кажется ему очень труден для понимания, мысли сжаты и собраны многие в один клубок, так что не каждый распутает их. Я не знаю, прибавил он, для чего печатать много, не лучше ли ограничиться немногим, явно

полезным. Светская литература представляет нам невыгоды много печатания. Там враг человеческого рода постарался устроить так, что хорошие книги задавлены грудой бесполезных, так что до них и не доберешься. Не надобно ли остерегаться, чтобы и духовная литература не подвергалась такой же участи? Я отвечал ему, что Ваше желание преимущественно то, чтобы изданы были рукописи, переведенные ст. Паисием, как человеком, который, бывши глубоко знаком с духовною литературою, выбирал из всех книг самые полезные.

И действительно, хотя Оптиной пустынь было сделано немного, но зато капитальных изданий. Эти издания охватывают всю монастырскую жизнь. Монастырская жизнь же составляется из взаимодействия: настоятеля и братии, духовника-руководителя и его учеников – духовных детей, окормляемых и их правильной жизни в общежитии, получающей главный смысл от той цели, какую преследуют иноки: нравственное самоусовершенствование. И в изданиях Оптиной пустыни мы находим руководства: и для настоятеля – в труде аввы Орсисия, и для духовника в вопросоответах аввы Варсануфия и Иоанна, и для послушника в книгах аввы Дорофея, у аввы Исаии и Симеона, Нового Богослова. У Феодора Студита же руководство всему общежительному братству во всех его послушаниях. В творениях Иоанна Лествичника, Исаака Сирина – иноческое руководство к борьбе со страстями и возвращению добродетели.

В творениях же Петра Дамаскина – свод главнейшего из всей аскетической литературы. Славянское Добротолюбие и Оптиные издания, в их совокупности, таким образом, и составили полную аскетическую библиотеку, столь необходимую, особенно тогда, да и вообще во всякое время и каждому иноку в отдельности, и целому монастырю вообще.

Некоторые издания, как Восторгнутые Класы и Максима Исповедника, уже устарели, но большинство имеет ту цену, какую и прежде. И если бы кто пожелал даже и из мирян выписать и читать эти издания, то не напрасно потратился бы. Только читать следовало-бы эти книги в порядке постепенности. Приблизительно можно указать такой порядок для чтения: 1) Аввы Дорофея, 2) Варсануфия и Иоанна, 3) Феодора Студита, 4)

Аввы Исаии, 5) Симеона, Нового Богослова, 6) Аввы Орсисия, 7) Петра Дамаскина, 8) Иоанна Лествичника, 9) Аввы Фалассия, 10) Исаака Сирина, 11) Марка Подвижника. И потом уже Добротолубие (слав. издание).

В Оптиной пустыни есть еще целая тетрадь неизданных писем преимущественно Н.П. Киреевской, в которых содержится много интересного для истории Оптинской издательской деятельности. Вот главные места из этой переписки.

8 апреля 1849 года... «О Ниле Сорском Владыка сказал, что он представил в цензуру давно, с предложением напечатать книгу от Синода, опираясь, что она уже один раз была напечатана от Синода. Решения еще Владыка не знает.

Владыка в среду (6 ч.) приглашен был Императрицею на обед, а Император пригласил на освящение Георгиевской залы и знамени.

Это все передал мне Владыка сам».

От 2 мая 1849 года. «Начинаю письмо утешительным для меня поручением Владыки-митрополита (Филарета М.) к Вам. Владыка посылает Вам Божие благословение и просит Ваших святых молитв. И просил меня это написать к Вам. Бывши у Владыки, в пятницу, 29 апреля, я сообщила ему вашу признательность за его милостивое внимание и прочла ему несколько строк из начала и конца письма, где вы мысленно повергаетесь к стопам его и испрашиваете св. молитв и благословения. Он выслушал это с чувством и сказал: «напишите к о. Макарию, что прошу Господа и посылаю ему Божие благословение и прошу его св. молитв». «О Ниле Сорском справлялся, разрешили напечатать и не спрашивая Синода, и вскоре вы получите его книгу для печатания». Это собственные слова Владыки.

Я поблагодарила от души Владыку за сию радостную весть и сказала, что сообщу ее, как утешение, вам (о. Макарию) и о. игумену».

«Митрополит Фил. Моск. Поступил в Троицкую Семинарию в 17 лет возраста.

Пятница от 13 мая. «О надсловии к Нилу Сорскому только могу сказать, что сейчас вырезали его из первого издания книги

бл. Паисия и теперь же при письме посылаю, для цензуры, к Ф.А. Голуб. Буду просить его о поспешности, а у Владыки спрошу, где он благословит поместить: в начале или в конце книги Нила? Это его на книгу надсловие, так и будет исполнено. Грустно мне, что нашелся значительный пропуск в 7 листе, иногда оттого быть может недосмотр, что первая корректура попадет к Ив. В., у которого слабое зрение, не всю он просмотрит; все же остается она на мою работу, а я, доверяя его просмотру, правлю 2-ю и 3-ю по первой и ошибаюсь; простите Бога ради, но если бы вы знали, о. мой, как мелко, разнообразно и тяжело весь день и все дни моей жизни – разорваны, так что я не понимаю, еще как успеваю что-либо сделать, а сделанное отношу, что только по вашему св. благословию могла исполнить. Потом, как большая часть не зависит от меня, то часто встречаются неожиданные и неприятные препятствия, уводящие время и проч. Почему усердно прошу вашего снисхождения на мои недостатки, и еще прошу не останавливайтесь мне приказывать, как усердной вашей послушнице, все, что вам угодно, ваше приказание доставляет мне истинное утешение; я только прошу не другим, а мне все приказывать, иначе вы огорчите меня.

Теперь усердно прошу вашего благословения на устройство печатания, в отсутствие мое, книги Нила Сорского; а продолжение св. Марка останется до возвращения моего, ибо оригинал не скоро выручишь теперь у Ф. А. Гол. А желалось бы окончить этот том при себе.

Граф Протасов говорил, у Троицы бывши, про Ф.А. Гол., «что дело цензуры отягощает его и слишком для него ничтожно». Из сего Ф.А. заключает, что ему должно оставить Комитет, и говорит: «есть ли о оставлю его чрез полгода или год, то, во всяком случае. При себе наложу печати (т.е. Цензурного Комитета) на все рукописи Паисия и сверх того, хоть и выйду из цензуры, но этот труд на оставлю и все сам их просмотрю, если же умру, то все уже к выпуску их не будет остановки, потому что печать ко всему приложена будет». Я сердечно его благодарила за сие его доброе намерения и обещание, и обещала написать о сем к вам. А посему думаю послать максима исповедника книгу, в дополнение имеющихся у него рукописей, и тем окончить. Если

же вы имеете еще что из трудов переведенных старца Паисия, то прошу приказать оныя появственнее переписать и извольте, собрав все окончательно, доставить ко мне, для препровождения к Ф.А. Голубинскому, как заключение всего, что имеется в рукописях трудов бл. Старца Паисия. Благодарение господу покровительствующему сему делу, конечно полезнейшему, для жаждущих спасения. Рано или поздно, а с помощью Господа нашего Иисуса Христа труды Его служителя появятся на свет, для всех благочестивых».

От 14 июля. «О книге св. Нила Сорского опять искушение: отправить во вторник нельзя было в цензуру, несмотря что она печатанием окончена, но начальника типографии и его помощника не было в Москве, и потому некому сделать подпись. Что Господь даст завтрашний день; а хотелось бы мне дожидаться и привезть с собою к вам сколько-нибудь экзмп.; признаюсь, корректуру Лаврова я крайне недовольна: множество ошибок пропущено им. Это неприятно. Надеюсь у Виногр. Будет иначе».

От 16 июля, пятница. «Вчера я имела счастье быть у Владыки, но недолго; даже совестно было: всем было приказано дожидаться, чрез меня. Это меня заставило уехать и просить благословения быть у Вл. В другое время, после воскресенья, а также просила благословить детей; соизволила на все.

Вам, отец мой, посылает благословение. Спрашивал о здоровье вашем; я просила его св. молитв о вас.

Как для меня ни кратко было время, но наговорила довольно. Сказала о корректуре; объясняя все, получила благословение. О цене на книгу Нила Сорского: назначено продавать по 50 коп. серебром, и, наконец, я сказала, что получила из типографии книги, для представления в цензуру; о получении на выпуск их билета, который желала бы получить поскорей, пока мы здесь, Владыка сказал: «что же, вам угодно, чтобы я их послал в цензуру? Кажется, тут нечего задерживать, я пошлю». Книги были со мною в карете, Владыка приказал келейнику из принести, взглянул, и, конечно, для него, Голубинский поспешить поскорее».

24 июля. Воскресенье... «Разговор начался о книгах, ибо в пятницу после обеда Владыка прислал мне билет от Голуб., на выпуск книги св. Нила Сорского. Но за пропуск, на 7 стр. «Бога совершенна и человека совершенна», приказано перепечатать страницу. Это еще займет время несколько дней, о чем я и Владыке объяснила, и страницу показала, где пропущено в подносном экземпляре. Владыка сказал: «это важный пропуск», и, загнув угол страницы, спросил, кто держал корректуру? Я сказ. Лавров, вами и нами любимый; он покачал головою; я просила, чтобы ему этого не говорить, потому что он очень огорчится».

От 16 сентября... «Письмо ваше прочла, и на оное вот что доложу, что Погодин имеет несколько посланий Нила Сорского, которые он хотел напечатать, но Шевырев уверял меня, что Погодин отдаст из мне, для напечатания, как издания Оптиной пустыни, и я думала также, чтобы напечатать их особою брошюрою, как прибавление к книге Нила Сорского. Теперь нужно: по получении ваших посланий с почты, побывать Ив. В-чу у Шевырева, именно, если бы Бог благ. завтра (день именин его жены) и сличить эти послания с Погодинскими и тогда основательно, по рассмотрении тех и других, решить, и потом побывать уже у Владыки, с тем, чтобы он взял на себя и по-прежнему милостиво отправил к Голубинскому.

Вот покуда моя мысль, если ее одобрите, то и благословите начинание и успех по оной. Вчера послала к Вам 8-й печатный лист с Мамоновым, который хотел быть у вас; он дружен с Елагиным.

От 19 сентября. Первое имею утешение сообщить вам Божие благословение от владыки-митрополита. Вчера имела счастье быть у него часа два и предлагала ему о. Нила Сорского посланиях, равно и о том передала, что имеются и еще у Шевырева, которые он нам дает для напечатания; то желательно бы издать их брошюрою, в виде прибавления к книге св. Нила Сорского... Владыка сказал: «что же Вам так это хочется? Разве содержание посланий слишком замечательно, что так спешить, да ведь и разобрать то нужно хорошенько их». Я поспешила сказать: «да позвольте, Владыка, Вам их все привезти». «Вы хотите, чтоб я рассмотрел, времени то у меня ужасно мало;

впрочем, извольте. Прикажите их списать (т.е. те, которые у Шевырева), просмотрю».

Я поблагодарила от всего сердца Владыку, извинилась, что много его утруждаю, и сказала, что переписав доставлю ему все. О семь слава Богу.

От 28 июля 1849 г. Теперь позвольте с вами поговорить, посоветоваться и сказать нашу мысль об книгах. Эта мысль пришла первому Ив. В-чу вчера, а мне за нее хочется ухватиться, для исполнения, на что я прошу Вашего св. благословения на успешную помощь. Вот в чем дело: теперь отпечатывается 9-й лист слов св. Марка; остается 8-е его слово, которое переведено или переводится Ф.А. Голуб.; завтра желаю писать Голубинскому, чтобы он поспешил присылкою сего последнего слова, и по отпечатании его, благословите выпустить эту книгу в 10-ть листов. Содержание ее будет: слова Иоанна Златоустого, Мелетия, Григория Паламы о молитве, и слова св. Марка. Богатая духовным сокровищем книга, а между тем листы ее не будут мертвенно лежать в типографии и ожидать получения последующих от Голубинского, которых неизвестно когда дождутся.

Владыка желает приступить к Варсануфию, и дело будет свободнее и окончаннее, когда эту книгу мы выпустим при себе, и добрая причина, повременить отъездом для полезного.

Потом если оригиналы, для печатания, будут получаться без нас в типографии, то пусть ими начинают новую книгу и лучше переменить формат, и печатать уже все в большую 12 долю, такую, как напечатана теперь книга св. Нила. Что вы скажете на это, батюшка, а исполнение этой мысли, при помощи (Божией) вашими св. мол, просияло бы радостью у меня на сердце. Книжка такого содержания, в 10-ть листов, предостаточно, только и будет расчет в одной обертке, это дело небольшое. Благословите мне успешнее в этом действовать, авось и наши обстоятельства от этого не потерпят, а вашею св. молитвою еще в лучшее с дарованием устроятся.

Если возможно будет, благословите для сего побывать у Владыки и объяснить ему наше намерении.

Книга Нила Сорск. Оканчивается; сегодня и завтра, сколько успеется экзempl., доставится для отправки к вам, Ферапонтову, вместе с книгами (от Григоров.). Вам нужны к посту; все я это понимаю, но если один день замедлить для этого, чтобы получить вместе с книгами книга св. Нила, то верно за это на меня не прогневаются и простите; я же истинно все средства употребляю к ускорению дела, которое делается не моими руками. Если бы типография была поближе, я бы больше там жила, чем дома.

31 июля. Воскресенье, вечер. Милостивый отец мой!...

Получила его (м. Филарета) св. благословение на выпуск книги по желанию нашему; спросил Владыка о заглавии, какое думаем этой книге дать. Я попросила Владыку дать, какое он сам найдет приличным и точным. Владыка пошел за моим реестром; принес его, долго подумал, поговорил об этом, не решаясь еще; я предложила погодить, ибо еще 8-го последнего слова не получено от Ф.А., а когда оно получится, то обертка еще после всего будет печататься, почему заглавием можно не спешить. Владыка сказал: «хорошо, так доставьте мне заглавие материй, о чем именно слова св. Марка, тогда и заглавие сделаем». Я поблагодарила его от души, и завтра с помощью Божией надеюсь доставить Владыке это заглавие материй через Ив. В-ча, которому святитель назначил быть к нему в 5 час. Пополудни до 6-ти, хотя никого не принимает в эту неделю, ибо готовиться к причащению Св. Таин. Спаси его господи за его милость, опять Бог сподобил заняться с ним целый час. Слава Богу.

От 15 августа. Сейчас получила от М.П. Ваше письмецо и св. просфору. Спаси вас Господи, за милость и утешение Ваше; а сегодня у меня на сердце особенно что то грустно и мрачно, и болезнь физическая и душевная в борьбе.

У Владыки в пятницу была, он посылает вам благословение, и также благословлял мать Афанасия и Анну Ив. Василия Петровича, о котором я сказала, что он желает быть в церкви у Владыки. На это Владыка сказал: «попросите его удостоить меня своим посещением зайти ко мне», и Василий Петр., когда я ему передала, написал записки в разные места, откуда сюртук, из

другого места нижнее платье и платок прислать. И на утро оэкипировался, как должно, и был у Владыки, сидел с ним вдвоем довольно долго, до обедни, и Владыка звал его, когда угодно в другой раз зайти к нему; по возвращении к нам, очень был доволен и все говорил: «вот благодать», и меня благодарил за одолжение.

С Владыкою о книгах мы решили, чтобы выпустить, как предполагали, по окончании 8-го слова св. Марка; я предоставила Владыке настоящее замедление в страничках 8-го слова св. Марка; если же ожидать Симеона Евхаитского да Фалассия и проч., то года в три на дожждаться. Владыка смеялся и согласился, и сказал, что писать сам с Григоровым к Ф. Голубинск. о Варсануфии и, что как будет в Лавре, то опять подтвердить Голубинскому. Это все слава Богу, авось Господь поможет.

Благословите мое грешное действие, о. мой. Я слышала, что купец Попов, у которого мы покупаем бумагу, весьма набожный и делает пособия монастырям; я написала к нему письмо, прилагая все издания Оптиной пустыни, по 1 экземпляру, и предлагаю, и прошу его пожертвовать на издание бумаги, а если что и кроме ему угодно послать, то прилагаю ему ваш адрес, а к нему пишу в Рыбинск. Если Господь благословит, то слава Богу, а если так останется, то убыток будет невелик, а может и поможет.

Василий Петрович Брагузин, юродствовавший.

От 19 августа, пятница. Вчера вечером довольно поздно, чрез какую-то даму, бывшую в Лавре, наместник о. Сергей, прислал мне из скита благословенный хлеб, 2 ложечки и 3 кипарисных образочка. Письмо от Григорова, в котором видно, что Владыка говорил с Ф.А. Голубинским; следствием разговора, прислано чрез о. Иосифа окончание 8-го сл. Св. Марка, Аввы Аммона о возбраняющих вещах ко спасению, и подписано, что завтра пришлются для печатания беседы Зосимы. Вот уже слава Богу, только должно быть очень на меня неприятно Ф. Голубинскому. Я к нему писала с келейным Владыки, и верно Владыка о сем знал, и благодарение Господу, увенчалось паче надежды успехом. Рано утром послано все в типографию для

набора. Дай Бог и тут скоростью успеть сделать хорошо. Эту книгу, батюшка, нужно выпустить нам, а будущие труды будут Шевыреву под надзор; теперь он в деревне, так опять без вас дело станет, а ваша молитва сильна нам помочь во всех обстоятельствах, на нее уповаю сердцем.

От 25 августа. 10-й лист 8 слова отдан мною сегодня в печать; аввы Аммона и беседа Зосимы составляют 11-й лист еще, и корректуру обещаются принести завтрашний день; благословите – поспешное действие во всем, по сему делу, и заблаговременно извольте прислать назначение, кому сколько раздавать экземпляров этой новой книги. «Восторгнутые Класы» печатается их 1500 экз., сколько их оставить у Ферапонтова на продажу и сколько к вам доставить и кому сколько раздать, и сколько мне грешной благословите взять, ибо я тут на свою долю не припечатывала. П. А. Григоров просил на его бумаге отпечатать особой брошюрой беседы Зосимы 100 брошюр; я велела вместе тиснуть с аввою Аммоном и для всех и для себя 100. Как прикажете поступить: получить за 100 брошюр с Григорова, или от Вас их ему за комиссию пожертвовать. Он охлопотал в Лавре следующее: Феодора Студита отослал в цензуру инспектору Сергию (он тоже цензор), и тот обещал просмотреть всю книгу в новом году. Это хорошо. И потом с о. Иосифом попеременно надоедал Ф.А. Г., и это весьма похвально. Хотя нашел Голубинского во гневе, но его Владыка круто посадил за Варсануфия, уже это прекрасно, это милость Божия и Владыки нашего великая. Слава Господу Богу, поспешествующему благому делу. Господь все устроит.

(Письмо Ф.А. Голубинского).

Почтеннейшая раба Господня, Наталья Петровна. Простите меня ради Христа. Я ничего против вас не имею на душе, а только себя виню за свои неисправности. При первом случае, или по первой почте, (19 сент.) доставлю вам послание преподобн. Симеона Евхаитского. Искреннейшее почтение свидетельствую вам и Ивану Васильевичу. Преданный вам слуга, Феодор Голубинский. 16 сент. 1849 г.

(Письмо Н.П. Киреевской)

От 1 сентября 1849 года. 10-й лист сегодня поступил в печать и 11-й будет набираться. Бумаги 100 стоп купили у Попова; получила от него письмо, в котором он приказывает приказчику не брать дороже 10 р. ассигн. За стопу теперь и на будущее время, для изданий старца паисия, и пожертвовал еще на издание 20 р. сер. Я благодарила их письмом во вторник.

Приказание и назначение ваше надеюсь исполнить с помощью Божией.

От 4 сент. Отпечатанный 10-й листок и типографскую записку в доказательство их несносной лености к Вам препровождаю.

От 5 сент. Скажу вам, батюшка, что вчера к удивлению мы получили от Ф.А. Г. несколько страничек Феогноста, но без окончания, и потому, вчера же вечером отослала их в типографию для набора, а завтра думаю написать к Ф.А. и благодарность, и извинение, и просьбу прислать не мешкая окончание Феогноста, для окончания оным печатания книги; иначе ведь опять только затянется. Лучше же если он будет прислать еще, то собрав их на несколько листов издать, да и попросить лучше Ф.А. заняться без развлечения, по желанию Владыки, книгою св. Варсануфия; благословите, о. мой, написать так, чтобы умиротворить его доброе, но оскорбленное чувство.

От 12 сент. Василий Петрович (Брагузин юродивый) все у нас пребывает и бунтует порядочно, по временам. Занемог в ночь на субботу сильно, посылали за частным доктором; теперь опять слава Богу по-прежнему поживает.

От 19 сент. О нашей книге. Вчера получила окончание Феогноста и при записке соей отправила, для набора, в типографию. Письмо Ф.А. прилагаю (присланное при Феогносте). Владыка спросил и о этой книге, я доложила все, как есть, до самой малости, прибавила я обещание Ф.А. прислать Симеона Евхаитского и мое желание окончить Феогностом книгу; ибо еще по отпечатании пробудет она в Комитете. Владыка все подробно расспросил, на долго ли теперь печатание и проч. И сказал: «я завтра или после завтра поеду в Лавру, и мы вас уведомим, или пришлем остальное». Батюшка, по сердцу моему, более желать нам ничего не остается, по милости Божией наш покровитель –

сотрудник силен и милостив, спаси его господи, и воздай ему духовным утешением. Я еще прибавила несколько слов о том, что боялась отвлекать Ф.А. теперь иным занятием от книги св. Варсануфия. Владыка сказал: «да, я ему приказал исключительно ею заняться».

23 сент. Деятельность Владыки-митрополита по нашему делу изумляет меня; сейчас получила Симеона Евхаитского с предписанием, чтобы этою статьей закончить книгу, и сию же минуту отправить в типографию с обещанием благодарности денежкой за скорое окончание. А корректуры еще не присылали Феогноста. Нынешний год медленность и беспорядок в типографии пренесносный.

От 13 сент. О. Арх. словах грустно. Теперь объясняю вам кратко о милости Божьей к грешной рабе. Помог Господь окончить дело издания охлопотавши цензурные экземпляры и всеми силами их выручивши из типографии, во вторник в 10-м часу, а в 10 уже Николай был с ними и с письмом моим к Ф.А. Г. на Троицкой дороге, и вот возвратился с билетом на выпуск книги, который сейчас и отправила в типографию.. Слава Богу. Слава Милосердому Господу. Поздравляю вас с этой радостью нашею общею, милостивый о. мой. Экземпляр 200-ти сегодня вечером получить надеюсь, также и для митрополита экземпляр готов будет.

III

Русские аскетические издания Оптиной пустыни

На издании святоотеческих аскетических переводов Оптиная пустынь, однако, не остановилась: ею был сделан затем ряд прекрасных изданий из русской уже аскетической литературы. И среди этих изданий издания аскетических опытов самих Оптиных старцев занимают самое главное место. Кроме самых Оптиных аскетических изданий, изданий из русско-аскетической литературы, главнейших было сделано шесть. И – прежде всего – были изданы писания самого старца Паисия.

1) В 1847 году Оптиною пустынью было издано *«Житие и Писания Молдавского старца Паисия Величковского с привоскуплением предисловий на книги Св. Григория Синаита, Филофея Синайского, Исихия Пресвитера и Нила*

Сорского, сочиненных другом его и спостником, старцем Василием Поляномерульским об умном трезвении и молитве». И это издание, без преувеличения можно сказать, самое ценное и лучшее из всех аскетических изданий Оптиной пустыни. Оно, мы называем так, самое ценное потому, что включает оригинальные труды аскетические лучшего из русско-славянских аскетов XVIII века, старца о. Паисия, имевшего громадное значение в деле обновления нашего иночества в течение двух последних столетий. Самым же лучшим следует считать в виду той громадной практической применимости, какую, как оказалось, имела и имеет эта книга в жизни самого монашества, служа настольною книгою всякого инока-труженика и молитвенника. Громадная же ее применимость обуславливается прежде всего хорошим, особенно для первой половины XIX века, переводом, теперь, правда, когда мы избалованы прекрасными текстами даже и святоотеческих переводов, несколько ставшим темноватым трудноватым для понимания. Затем – много значит умелое распределение самого материала книги. Здесь сначала предлагается краткое предисловие. В этом предисловии выясняется значение для русского иночества деятельности старца Паисия Величковского. Деятельность эта была у старца двоякая: личный аскетический подвиг, служивший примером для подражания многим русским инокам, и его литературная деятельность, в частности перевод Добротолубия. Об этой то двоякой деятельности и говорится в предисловии: сначала указываются труды старца литературные, а потом указываются плоды его личной аскетической деятельности – как примера для подражания: перечисляются русские подвижники-ученики старца. Указав многих последователей старца, перечислив его святоотеческие переводные труды, издательница старческих творений тем самым глубоко заинтересовывает читателя и далее знакомит с жизнью и личностью уже самого старца Паисия.

Показать плоды деятельности известной личности, а потом уже знакомить с его жизнью – прием оригинальный, но в то же время и глубоко-практичный. После предисловия следует самое житие с кратким предисловием об авторе его. Житие это в настоящее время в переложении на русский современный язык,

сделанном о. архимандритом Агапитом, издано отдельною брошюркою вновь Оптиною пустынею в 1906 г. После жития о. Паисия помещен и автограф его, а в самом начале прекрасный портрет самого старца. После сего и следует уже самые «писания». Сначала помещены писания друга и спостника старца Паисия старца Василия Поляномерульского, скончавшегося в 1767 году. Это: предисловия на книги: св. Григория Синаита, блаженного Исихия Иерусалимского, Филофея Синайского и Нила Сорского. Потом следуют писания самого «старца Паисия, архимандрита Молдовлахийского Нямецкой обители». Это: толкование на Господи помилуй, изданное в переложении на современное наречие о. арх. Агапитом в виде листка в самое последнее время. «Свиток сочинения старца архимандрита отца нашего Паисия разделен на главы: «о умной молитве», и «письма старца Паисия». Издание заканчивается «письмом старца Софрония Молдавского к схимонаху Афанасию, жившему в Свенском монастыре». Все эти писания глубоко поучительны и опытно-руководственны, почему книга и стала так для русских подвижников дорога.

Начнем с писаний старца Василия. Первым помещено «предисловие или предпутие хотящим чести книгу иже во святых отца нашего Григория Синаита, и не погрешати разума, в ней лежащего». Здесь имеется в виду помещаемое в Добротолюбии творение святого Григория Синаита, известной под заглавием: «главы о заповедях и догматах, о молитве и безмолвии», помещенные в русском переводе Добротолюбия епископа Феофана, в V томе, на страницах 179–237.

Затем следуют предисловия: «на главизны блаженного Филофея Синайского (см. III т. Добротолюбия в русск. Пер. 400–420 стр.), «на книгу блаженного отца Нила Сорского» (ныне творение преподобного Нила Сорского можно читать в издании Афонского Пантелеимонова монастыря: «Преподобный и Богоносный отец наш Нил, подвижник Сорский, и устав его о скитской жизни, изложенный епископом Иустином, изд. 4., Москва. 1902 г.). Содержание всех этих предисловий общее: наставление об умной молитве Иисусовой – как необходимой и главной части иноческого подвига. Главнейшие положения, какие

развиваются здесь, такие. Псаломопение – часть молитвенного подвига первая, а главная и самая существенная – совершение молитвы Иисусовой. Для нее не нужно непременно уединение. Пример святых, кои преуспели в делании умной молитвы и не жили уединенными, удостоверяет это. Не должны удерживать от подвига умной молитвы и предстоящей – большие в этом случае, искушения и страхования бесов: будет и помощь Божия. Малое число просиявших в этой молитве не должно смущать. Нужно только воздержание, но не в ущерб силам и здоровью. Для прохождения этого подвига нужны еще терпение, непрерывность, смирение, память смертная и самоочищение. Самочиние же и высокоумие и бывают причиною, почему некоторые начинают этот подвиг, но потом повреждаются. Страсти – вот главное препятствие к должному прохождению этого молитвенного подвига. Эти предисловия – введение к дальнейшему труду об умной молитве Иисусовой самого старца Паисия. Писания старца Паисия, архимандрита Молдовлахского Нямекие обители, начинаются толкованием на Господи помилуй, каковое ныне издано Оптиной отдельным листком в переложении о. архимандрита Агапита. За этим толкованием и следует самое главное произведение. Всех глав шесть. В первой главе старец, указав, что в древние времена молитва Иисусова, как подвиг, процветала, и было много писаний о ней, далее высказывает ту мысль, что диавол, не терпя плодов этого подвига, поднял против него брань и достиг умаления и забвения этого подвига монашеством. Средствами ему послужили: нашествия сарацинов, сжегших множество отеческих писаний, и ересь Варлаамитов. И приводит ряд свято-отеческих свидетельств о молитве внутренней.

Вторая глава дает обстоятельный ответ на вопрос: откуда имеет начало эта умная молитва и какие свидетельства из Священного Писания приводят о ней Богоносные отцы? В третьей главе объясняет, что умная молитва есть духовное искусство. В следующей – о том, какое приготовление должен иметь желающий проходить подвиг умной молитвы; в пятой – о том, что есть по своему составу и в проявлении эта молитва, а в шестой старец дает правила и обучает первым приемам этого

подвига. Все изложенное богато примерами и выписками из свято-отеческой литературы и отличается тонким психологическим анализом душевных состояний и ясностью в выражении самых сложных сторон этого дела. Как предисловия, так и самый этот свиток об умной молитве есть прекрасное руководство при чтении свято-отеческих писаний об умной молитве и в самом прохождении этого труднейшего подвига.

Писем старца далее помещенных пять. Содержание их разнообразное. Первое письмо, писанное к старцу Феодосию, – интересный рассказ старца о том, как он собирал и переводил аскетические книги. Это письмо – ценнейший памятник для истории духовного просвещения и жизни монашеской в XVIII веке, интересный отрывок для биографии знаменитого старца и поучительный руководственный совет для всех, кто, так или иначе, но трудится в области научно-богословской. Второе письмо братии Поляномерульской Рождественской обители, по поводу выбора нового настоятеля, содержит изложение взглядов подвижника на настоятеля и отношение к нему братии. В третьем письме другу священноиерею Димитрию старец выясняет то, что должен делать решающийся вступить на путь иноческой жизни человек семейный, а в четвертом излагает на общежительное и уединенное монашеское житие. В пятом же, писанном к основательнице Арзамасского монастыря, Марии Петровне Протасьевой, старец учит, преимущественно, о послушании и смирении. Письмо же старца Софрония – сподвижника Паисиева к схим. Афанасию – ответ на некоторые вопросы этого последнего, но имеющие руководственный смысл и для каждого общежительного инока.

Древнее монашество процветало, пока были в силе: послушание и старчество, духовное просвещение, общежительный строй, молитва Иисусова. Об этом то и идет речь во всех творениях Величковского подвижника, великого обновителя русской иноческой жизни, отца Паисия; но речь опытно-проверенного знания, смиренная, правдивая и обстоятельная, везде подтверждаемая словом Божиим и писаниями великих древних аскетов. Эти же основы иноческой жизни и были заложены в Оптиной пустыни старцами, в ее скиту;

об этих основах лучшее, что было в литературе, и поспешила издать обитель.

Письмо Марье Петровне Протасовой, при первом издании, было напечатано еще и отдельно в количестве 50 экземпляров, которые и были отосланы в Арзамасскую Алексеевскую обитель. Свиток же об умной молитве был отдельно издан в 1847 г., тогда же отдельно было издано и толкование молитвы: «Господи помилуй». Вся же книжка Жития и Писаний старца Паисия вторым изданием была напечатана в том же 1847 году, в конце, и притом с значительными добавлениями.

Так сделаны следующие добавления: «Старца Поляномерульской обители Василия о ошаянии брашен, возбраненных монахом». В частности эта прибавка распадается на: «Предисловие, о еже коея ради вины собрашася от Священного Писания сия ответы на разрешение вопросов о ошаянии брашен, возбраненных монашескому вольному обещанию», и: «Исследование о ошаянии и невосприятии монахом мяс: откуда бысть сему начало»? (стр. 138–164). Примечание к XII странице предисловия». Это примечание занимает стр. 284–302. К этому изданию также приложены портрет старца Паисия (в начале) и его автограф (в конце). Автограф взят из поднесенной митр. Гавриилу книги Исаака Сирина след. содержания: «трудивыйся в переводе сем Свято-Вознесенского Нямецкого и Предтечева Секульского Молдовлахийских монастырей архимандрит Паисий Величковский Родимец Полтавский». И еще другой из письма старцу Феодосию: «Паисий Старец». Отдел о «ошаянии брашен» представляет из себя целое рассуждение, в вопросо-ответной форме, о том: когда, почему, для чего и кем установлено то, чтобы мясо не входило в состав монашеской пищи. Рассуждение очень интересное, а для монахов, в целях осмысленности их в своих обетах, прямо таки необходимое. Письма к Марии Петровне Протасьевой интересны, как библиографический материал. Примечание же к XII странице заключает в себе: биографические сведения о старце Александре Арзамасском, и его письма и наставления⁴⁴. Всех писем 12. Большинство писано о. Моисею, игум. Оптинскому, и его братьям: о. Антонию

Малоярославецкому и Исаии Саровскому. Им же писано и наставление. Остальные письма разным лицам. Письма поразительно умны по своему содержанию и задушевные. Содержание их учительско-аскетические, но самое разнообразие по предметам. Выражения ясны, точны, метки и картины, глубоко психологичны. Как аскетическо-учительный материал, эти письма – одни из лучших аскетических произведений русских. О. Александр находился в постоянных сношениях с учениками старца Паисия и вполне усвоил его взгляды и дух.

Таким образом, второе Оптинское издание писаний о. Паисия представляет из себя прекрасное собрание наставлений о. Паисия и его учеников, а по богатству содержания, жизненности и практичности наставлений – необходимое пособие всякому иноку, которому дороги глаголы Живота Вечного. Повторение этого издания было сделано в 1892 году.

2) В 1849 г. было отпечатано «Преподобного отца нашего Нила Сорского предание учеником своим о жителстве скитском», с подстрочными примечаниями. Потом к этому изданию было приложено и литографированное изображение преп. Нила Сорского – снимок с изображением его, присланного Нило-Сорскою обителью в знак признательности за посылку ей Оптиною экземпляров этого издания. Потом право издания этой книги было взято Св. Синодом себе. А как это произошло, о том Киреевский писал в Оптину следующее:

Н.П. Киреевская была у Митрополита и имела с ним, между прочим, следующий разговор касательно изданных Синодом: сокращенных правил монашеского жития и книги Нила Сорского. Она заметила Владыке, что батюшка очень рад, что книга эта издана в большом числе экземпляров и пущена по столь умеренной цене (15 к. ср.), имея в виду общую пользу. На это Владыка, улыбнувшись, сказал: «а знаете ли, кто подорвал ваше издание? – это я; и вот это как случилось Синод спрашивал моего мнения, намереваясь издать несколько книг для монашества, и прислал их на рассмотрение ко мне; я откровенно сказал, что думаю: книгу «сокращенные правила монашеского жития», как давно мне известную, одобрил, а про две других (которые, как оказалось, были представлены пр. Евгением

Астраханским, а написаны Илларионом, бывшим настоятелем Коневским) сказал, что вряд ли мы поступим хорошо, делая обязательным для всех то, что написано для одного места, а вместо сего предложил издать, как полезную и давно известную, книгу Русского подвижника св. Нила Сорского, перепечатав ее с Оптинского издания и с вариантами, а также отобрать необходимое и составить особую книжечку, последней заняться поручил мне».

Это Оптинское издание начинается сообщением кратких исторических сведений о преп. Ниле Сорском, за которым следуют: «Надсловие на книгу блаженного отца Нила Сорского и пристежение» – перепечатка стр. из книги «Житие и Писания старца Паисия. 1847 г.» (Все это занимает I-XLVIII стр. -введение). Самое «Предание о жительстве скитском», после братского указания чтецу, начинается предисловием преп. Нила о побуждениях, бывших у него к составлению предания, источниках для этого, и указанием некоторых как частных, так и основных особенностей скитской жизни. Затем следует выяснение необходимости внутренней сердечной самодеятельности по очищению сердца, или, что то же, об умном делании и хранении сердца.

Затем следует одиннадцать слов, в которых, скажем кратко, в виду легкости прочесть всю, сравнительно небольшую книжку и при том в русском переложении излагается отеческое аскетическое учение о борьбе с главными 8 страстями (о 8 помыслах – об этом подробнее см. 2-й т. Добротолюбия перев. еп. Феофана), о средствах и приемах этого рода деятельности.

Так как преп. Нил в свое время немало лет прожил на Афоне и там обстоятельно ознакомился с аскетической литературой и с другой стороны, если мы примем во внимание, что в «предании» много дословных выписок из этих писаний, то с вероятностью можно предположить следующее. Живя на Афоне преп. Нил сделал немало нужных аскетических выписок, которые потом и объединил в виде «предания», чем дал и нужное руководство инокам, и восполнил бывшую в то время скудость в аскетической литературе того времени в России. Книга преп. Нила очень близка по духу к творениям Паисия Величковского, и

вместе с нею должна бы быть настолько у каждого русского инокa. Обе же эти книги: о. Паисия и преп. Нила для желающих читать «Добротолубие» должны служить неременным пособием и прочитываемы как введение в Добротолубие, тем более, что в этих книгах есть и объяснение главнейшей аскетическо-литературной терминологии (у преп. Нила в 1 слове). Заканчивается «предание» завещанием о погребении и позднейшею припискою о времени смерти преп. Нила 7 мая 1508 г.

В книге говорится о молитве Иисусовой и о старчестве. В этих местах данная книга имеет особенную близость к соответствующим местам из писаний о. Паисия Величковского.

3) В 1850 году было сделано издание под заглавием: «Письма в Бозе почившего затворника Задонского Богородичного монастыря Георгия, с присовокуплением краткого известия о жизни его, сост. Из записок живших при нем келейников, собранные Козельской Введенской пустыни монахом Порфирием Григоровым, с приложением портрета и факсимиле затворника, в трех частях.

Три тома в общем составляют книгу в 1669 страниц самой убористой печати. Содержание самое разнообразное. Общее настроение автора писем духовно-поэтическое, полное смиренной преданности в волю Божию; слог изящный, чистый, легкий; изложение последовательное, обстоятельное. Много есть стихотворений затворника, не особенно удачных в художественном отношении но проникнутых теплым чувством. Письма касаются самых разнообразных предметов христианской вообще, и, в частности монашеской нравственно-практической деятельности. Много есть размышлений при чтении слова Божия, выписки из свято-отеческой литературы с размышлением самого автора, думы его и советы. Также есть интересные и ценные для его биографии сообщения. Эти последние мы здесь и приведем. Они дают понятие о самой личности затворника и его главных чертах характера. Вот что сообщает здесь блаженный затворник Георгий.

О детстве своем о. Георгий пишет:

У меня была родная сестра Надежда Алексеевна, двумя годами меня старше; мы с ней вместе начали учиться читать книги; тогда мне было четыре года; а когда она с улыбкой на устах оставила видимый сей мир, тогда мне было десять лет. На 17-м году я оставил дом и землю моего воспитания, и, будучи в объятиях сопровождавшей меня слезами матушки моей, обещался ей, к ее утешению, чрез год приехать к ней для свидания. «Нет! Не будет этого», возразила родная, улыбнувшись сквозь слезы, от сердца, преизливающегося любовью: «знай, что я с тобой прощаюсь в последний раз, и здесь тебя не увижу никогда: мы увидимся в вечной жизни: там моя надежда и ожидание тебя»! При сем слов облила меня всего горячайшими слезами, взглянула на небо и, благословив меня вторично, рассталась со мной... Бурные лошади понесли меня тогда в С.-Петербург... Предсказание родной оправдалось самым делом: походы и война далеко увлекли меня с собой; – повсюду мы говорили меж собой письмами; последнее ж письмо ее нашло меня в Крыму, над Черным морем. В этом письме еще раз получил я материнское благословение и убедительнейшее увещание к соблюдению истинной веры, право исповедуемой Восточною Греко-Российскою Церковью. При сем помянула она мне, с какою болезнью сердца пеклась о мне; с какою горячностью, – когда я был еще малолетен и часто болен, – молилась Богу и Божией Матери, чтобы я был истинный христианин, имел бы в себе страх Божий, предохраняющий от всяких грехов, и вел бы жизнь беспорочную по всем отношениям; чтобы всегда и везде, где бы ни находился, с сердечною верою ради Христа благодетельствовал нищим – в таком истинном разумении, что в лице нищего приемлет милостыню Сам Христос; и чтобы о всяком человеке хранил мысль благую, и за какое-нибудь собственно противу меня злостроение непременно воздавал бы благодеянием, чему свидетелем есть Сам Бог... Еще объявила она мне, что отходит от жизни сей, меня же совершенно поручает покровительству Богоматери, и убеждала, чтобы я усердно молился моей Владычице, пока Господь продлит жизнь мою. В заключение писала она. Что еще благословляет меня и прощается со мною до свидания в вечной

жизни. Сии слова ее души проникли все мои чувства; сердце сокрушилось во мне, и слезы пролились ручьями!!! Во блаженном успении подаждь, Господи, вечный покой усопшим рабам твоим, родителям моим: убиенному Алексию и преставльшейся Анне, и сестре моей девице Надежде, и сотвори им вечную память!

Теперь мне припомнились лета моего детства: любил я и тогда уклоняться от шума людской молвы; меня увлекала и пленяла глубокая тишина: приятно занимали меня виды Татарских гор и долин, и по ним быстро струящиеся ручьи; сладко беседовала со мною и питала все чувства мои природа, и что только я видел пленяющее меня, то всегда снимал на бумагу карандашом; и ничего не было такого, что бы оскорбляло меня. Одно только озабочивало сердце мое: строгий надзор и неусыпное попечение о мне родной моей матери, она строго наказывала мне, чтоб я страшился, без ее соизволения, отлучаться один и ходить там, где мне хотелось. Ах, куда увлекся я мыслию своею в воспоминание о моем давно прошедшем времени.

Воспоминания в частности беседы матери, подвижник пишет:

Меня еще в малолетстве спросила родная мать: «умеешь ли ты размышлять и рассуждать о вечности?... Помыслы о времени десять лет? Не мало; а еще десять, еще сто лет? Это очень долгое время. А сто тысяч лет? Какое долгое время! Миллион! сто тысяч миллионов! и далее, и еще более, и все число, сколько человеческий ум постигает, и сколько можно вообразить песчинок при крае моря! Бесчисленное множество! Что ж думаешь? Ведь это только еще начало к понятию о вечности; вечность же без конца!!! Рассуждай о муке вечной и о Царствии небесном: хорошо быть в радости и веселиться без конца; но каково будет плакать и мучиться без конца? Вот видишь: то и другое от воли твоей зависит. Чтобы избавиться от мук, нужно усерднее молиться Господу и жить по заповеди Его, как научает Евангелие кротости и смирению: – в сих приобрести душевный покой. А ежели не захочешь терпеть и жить по заповедям Господним и не будешь соблюдать учения Христова; то суди сам

себя: как же будешь и нехотящий претерпевать нестерпимое мучение без конца? Теперь ты имеешь волю избрать себе лучшее и последовать Христу до самой смерти – и будет милость Божия с тобою»!...

Пишет также и о том, как он поступил в болезни

На вопрос ваш: употреблять ли вам или нет лекарственных составов для поправления здоровья? скажу, что пользоваться пособиями врачей – нет греха; только нужно совершеннее распознавать болезнь свою; к этому ж нужно и здоровое рассуждение о терпении и вере: потому что сила спасительная и целебная даруется нам верою; делайте, как вам лучше. Скажу вам о моей немощи: и я разболелся до такой крайности, что понудился потребовать помощи лекаря; только что изъявил я это мое желание, лекарь пришел; я принял его кротким словом и просил выдернуть у меня один зуб. Он конечно желал показать свое искусство и освободить меня мгновенно от болезни; сокровенно брал орудием мой зуб и отводил мою мысль от страха, который он предполагал во мне. Уже три раза принимался он явно ломать мой зуб; мне приятно было в это время воображать о св. мученице Февронии, которой все зубы мучитель велел выломать: только она терпела с радостью за имя Христово, а я, вообразив сие, наслаждался ее терпением, укоряя себя за малодушие. Не мог выломить лекарь из самого корня зуб мой, только от трех сильных переломов мне сделалось немножко дурно; принял воды и склонился на несколько минут, потом попросил лекаря поставить мне пониже затылка мушку; это средство облегчает голову и глаза от крови. Лекарь с удовольствием это исполнил и в назначенное время готов был вновь приступить к делу, и с тем простились. Тут я начал себя укорять и бранить за малодушие, и делал себе вопрос строгий для души и сердца: в какой помощи состоит теперь моя надежда: в Божией ли, или я уже уклонился неверием от Божией помощи к человеческой. Всемогущего оставил и обратился к немогущему о себе ничтоже сотвори. Я просил прощения, каялся, что не хотел терпеть с благодарностью болезнь зубную: что же следа не стало со мною? И следа не осталось боли. Напрасно лекарь потрудился прийти в другой раз меня

пользовать: ему келейный мой сказал от меня благодарность и прославил Господа за совершенное мое выздоровление. Слава Богу о всем! Спасайтесь о Господе!

Я в случае болезни моей припоминаю себе и князя Николу Святошу: он иногда от чрезмерного воздержания и трудов разболится до смерти; искуснейший его лекарь предлагает ему принять лекарство и пойдет для составления: приносит и видит князя своего уже совершенно здоровым.

Жития святых прочитывать я нахожу удобное время тотчас после трапезы.

Хотя прикровенно, но, думается, о себе же он говорит и следующее

Скажу вам истинную повесть: некто из любомудрствующих и уклоняющихся от женского пола, путешествуя по подсолнечной стране, внезапно встретился в собрании с знаменитым полководцем и прошен был в доме его. И когда он посетил его и вошел в обстоятельные разговоры, внезапно быстрые глаза посетителя встретились с приятнейшими взорами девицы, сестры полководца. В ту минуту чрез умную проницательность успел он познать ее дарования, разум, глубокие мысли; одним словом, превосходные ее достоинства его пленили, влюбился, предложил руку, с приятностью был соответствуем. И так со временем приблизился час, который православно увенчивает взаимно предавшихся – одному для другого жить. Жених заключает себя в кабинет, погружается в глубокомыслие и говорит в себе: я люблю ее; горит к ней мое сердце; я пленился ее достоинствами и потому вдаюсь в оковы супружества. О! сколь я счастлив! Имею быть обладателем столь редких прелестей. Лишь только произнес сии слова вдруг озаряется сердце его умным светом, и картина превратностей явилась от начала мира до конца: тут тысяча смертей, разлучающих друг от друга, и оставшихся видится отчаяние. Ужасаюсь! И в этом ужасе мысль внезапно изрекает в душе моей: «несчастный! Видишь суету сего мира! Почто убиваешь свою душу страстью плотской любви? Ежели ты теперь не хочешь преодолеть и победить страсть свою, то зри тысячу смертей! Осмотрись в сию минуту! Ты еще свободен от оков, готовых заключить тебя в

суетное и тяжкое страдание. Опомнись! Ты сотворен для неба, для вечного наслаждения. Страшишься сие менять на временное. Вообрази, сколько дев любомудрствующих в чистоте и непорочности, предавшихся на служение единому Богу: и сколько радостно претерпевать Ангельский подвиг свой, чая вступить в чертог Господа славы! Стыдись слабости своей! Предпочти лучшее и решишь оному последовать в сию минуту неотложно». Сердце мое крепко билось в таком сражении. Побуждаюсь открыть книгу, лежащую на столе, помышляя в себе: что откроется мгновенно, тому последую. Открыл Августиново исповедание. Читаю: «Оженившийся печется о жене, како угодить жене. А неженившийся печется о Господе, како угодили Господеву». Виждь правоту. Какая разница! Рассуждай здраво, избери лучшее; не медли, решишь, следуй; тебе не препятствует ничто. Я решился. Сердце исполнилось неизреченного веселия. Душа в радости. И кажется ум был весь в небесном исступлении. В тот же час мне были поданы лошади. Я сел в ботик и мгновенно скрылся. И вот, заехавши к тебе, пересказал все мое приключение. Прощай! Только я его и видел, а где он ныне находится, кто его знает. Это я пересказал вам для утешения в вашей печали.

Старец в жизни пользовался большою нравственною поддержкою подвижницы Матроны Наумовны Поповой. О начале этого их сближения он пишет:

Господь любит выслушивать молящихся Ему, и не хочет, чтобы вы печалились о вещи, подлежащей тлению. Полезнее и вернее можно надумать, что нужно, после утренней молитвы... Но кто много думает, тот мало делает.

«Не того, что вам нужно?» Надобно необходимую свою нужду сознать пред Владычицей и помолбствовать пред чудотворной Ее иконой... Я сознаюсь вам: в первые дни моего прибытия сюда я был в большом смущении; со всех сторон меня бороли мысли, и, будучи в церкви, глубоко размышлял я о вере к чудотворной иконе Божией Матери Владимирской; я стоял в теплой церкви с нищими и приходил в некое мысленное исступление. Но только что помыслил, что «Царица твари видит мысленную войну мою; о когда бы милостиво решила Она мое

недоумение!» как вдруг является старица, берет меня за руку и с суровым видом решает в моем сердце глубокую и тайную мысль мою, и это было явно, а не привидением. Какая радость неизреченная тогда объяла меня всего! В тот день не мог я вкусить пищи, питаюсь пищею чрезвычайного утешения. Со временем сокровенную под дурными видами, как видят гордящиеся самомнительные, эту старицу милостью Своею Господь мне явил в ясной простоте ее сердца. И потом с тех пор я начал пользоваться правыми ее обличениями. Промысл Божий свят, и строение Его чудно! Господь о преданных воле Его сердцах промышляет, вразумляет и спасает их так, как хочет! Он всегда научает их смирению, кротости, деятельному исполнению заповедей Его и любви, которою покрывается множество грехов. Так свидетельствует св. апостол Павел: друг друга любите прилежно, горящие духом.

О характере же взаимных их отношений писал так:

Исповедаюсь сущею истиною по совести моей: верь, мой друг! Не по пристрастию, но по привязанности моей к странице Евфимии объявляю о ней мое слово. В самом начале вступления моего в монастырь, много смущался я мыслями; и однажды в время обедни тяжело обуреваем был до изнеможения. Я весь ум обратил на образ Чудотворной иконы Божией Матери, и мыслею относился со страхом к Самой Владычице мира, прося ее о решении недоумения моего. В это мгновение подошла ко мне старица с четками, взяла меня за руку и сказала: «молись по четкам, дурак! что бегаешь взад да вперед?» и ушла от меня. Меня всего объяла неизреченная радость, слезы умиления лились ручьями. Довольно времени я чувствовал радость сию. Потом в своей келье много задумывался я, впал в уныние, и скука страшная томила душу мою. В тот же час отворилась дверь кельи; входит старица, спросила меня: «чем ты занимаешься?» Я показал на книгу св. Дмитрия. «Это хорошо», сказала она: «ты не скучай, скоро все хорошо будет». И вся мрачность отошла от меня; мне стало радостно. Не продолжая слова, совестью моею свидетельствую о сей старице. Когда ни бывала она у меня в разные времена, я не видел ничего бесовского от нее ко мне. Как бы громко и сурово ни обращалась

она со мной, всегда чувствовал, как мне легко было после угроз ее, и мысли и скука убегали от меня. Я благодарил Господа и Матерь Божью, пославшую в скудости моей такого доброго сторожа. Я не осуждаю ее, хотя другие, кому что представится, заключают и говорят о ней противное. Но я внимаю совести и спасению души моей, то как мне и бывает; и еще смею сказать, что никто о ней не может свидетельствовать, чтобы она кому какое зло сделала, она только обличает тайную мысль, от диавола на сердце кому-либо нанесенную. Это многие воспользовавшиеся верою свидетельствовать могут. А что пристрастия или особой привязанности я не чувствую к ней о себе, только чувствую долг и обязанность почитать ее за духовную добродетель, как мать, и что я истину о ней пишу, и не лгу касательно меня, в том уверяю гробом моим, в который мне надлежит положиться оправдану Богом.

(«Письма в Бозе почивающего затворника Задонского... Георгия"... М. 1850г. II, 525–526; I, 257–258; III, 769–770; II, 300–302; II, 397–398 стр.)

К этому считаем не излишним прибавить еще следующее. Затворник Георгий был в близком духовном общении и с преосв. Филаретом, митр. Киевским, основателем Оптинского скита. Этот приснопамятный святитель-подвижник, друг святителей-подвижников: Антония Воронежского и Иеремии Нижегородского, посетил блаженного Георгия 23 апреля 1836 г., о чем также вспоминать блаж. Георгий в своих записках. (Подробное описание этой встречи есть в сочинении «Высокопр. Филарет в схим. Феодосий (Амфитеатров) М.К. и Г. и его время» арх. Сергия (Василевского, т. II, 1888 г. 305–324 стр.).

4) Из трудов епископа Петра Оптиною пустынью изданы: «Указание пути ко спасению» (2-е изд. М. 1885 г.), «О монашестве» и несколько малых брошюр. В настоящее время мы имеем два сочинения, посвященные указанию «Пути ко спасению», – преосвященных: Петра и Феофана. В то время, как труд еп. Феофана представляет из себя стройную систему, труд епископа Петра является просто рядом бесед на те же темы, со множеством свято-отеческих аскетических выписок, примеров и практических советов. Труд преосв. Феофана требует от

читателей большого обще нравственного развития или по меньшей мере понимания, труд же епископа Петра более доступен и простецам. По строю сочинение преосв. Петра имеет очень много общих черт и качеств с писаниями Петра Дамаскина.

Книга эта хороша для чтения всем вообще православным, желающим идти по пути спасения. В частности, книга эта более всего соответствует тому, чтобы быть настольною книгою преимущественно для мирян. Хороша она и для сельского духовенства. А то до сих пор у нас существует, и что странно – не обращает на себя внимания, такое явление: священники-руководители паствы и исповедники ее, т.е. руководители пасомых в духовной жизни, исправители уклоняющихся и врачи больных; а науку самую этого руководства, искусство врачевания недугов души или. Что то же, аскетическую литературу, обычно оставляют если не все и не совсем, то в большинстве без большого внимания. Между тем, это крайне необходимо. И такие труды, как «О пути спасения» преосв. Петра и Феофана и «Невидимая брань» должны были бы быть настольными книгами пастыря.

5) «О монашестве», сочинение епископа Петра (третье издание Козельской Введенской Оптиной пустыни – Тр.-Серг. Лавра, собств. Типогр. 1904 г.).

Книга преосвященного Петра начинается общим очерком монашества и истории его происхождения. В заключение введения говорится: «чтобы правильно понять дух монашества и достойно оценить важность его, при руководстве опытных подвижников и святых отцов, рассмотрим: 1) что такое в существе своем обеты девства, послушания и нестяжательности; какое основание для них в духе человеческого и Св. Писании. 2) Какие побуждения, цель и причины освящения обетами сих именно добродетелей. 3) Содержание, объем и предел обетов девства, нестяжательности и послушания. 4) Важность их, как средств к достижению высшего совершенства и как добродетелей. 5) Наконец, святость и ненарушимость их сохранения. По этому плану и ведется дальнейшая речь.

Первая глава – обеты в своем су3ществе. Определяет обеты епископ-составитель книги так: «обет монашества. По цели

своей, есть деятельное всецелое самоотвержение достигать высшего нравственного совершенства – возможно большого уподобления Богу и теснейшего единения с Ним и высшего блаженства». Указав основание обетов в существенных свойствах их потребностях человеческого духа и в священном Писании автор в частности в Св. Писании указывает следующие места, как основания для обетов: девства – Ев. Матфея 19 гл., 11–12 ст. и у Ап. Павла в 1Кор. 7, 7–8, 25. 40; нестяжательности – Ев. Матфея 19 гл., 21 ст. и послушания – Филип. 2 гл., 6–8 ст. и Ев. Матфея 16 гл. 24 ст. Потом в 2 главе указываются: побуждения к обетам (в страхе вечного мучения, желании достижения большого совершенства и любви к Богу), цель обетов (в распятии плоти со страстями и похотями, возвышении духа богомыслием), причина освящения бетами именно этих трех добродетелей. а не других. Далее, в 3 главе идет речь о частностях в каждом обете. Содержание, объем и предел девства, нестяжательности и послушания выясняется с особенною тщательностью, ясностью и точностью. Вот, как, напрм., объясняется понятие девства: «девство -целомудрие безбрачной жизни, а целомудрие – такая добродетель, которая, обуздывая чувственное пожелание и покоряя его разуму, хранить в чистоте душу и тело».

В 4 главе о важности обетов, как средств к достижению высшего духовного совершенства, речь особенно богата примерами из жизни аскетической. Есть также выписки и из аскетов-писателей. В этом отношении данный отдел интересен и как историческая повесть касательно осуществления обетов лучшими иноками, и как указатель того, какие на этом пути бывают сложные задачи. Очень много обстоятельно и увлекательно говорится здесь о необходимости и пользе старческого руководства в жизни иноческой. Также заслуживает большого внимания отдел, где говорится о значении монашества для мира, и христианского общества особенно. «Монашество имеет, говорит преосвященный Петр, высокую важность по своему благотворному влиянию на духовную жизнь всех членов Церкви. Иноки полезны для всех: благими советами и наставлениями, высокими примерами добродетелей и теплыми

молитвами о всем мире. Выясняя эти мысли подробнее, он говорит, приводя много примеров, в заключение: «но важность монашества со всеми его плодами строго условливается верным исполнением обетов его. В противном случае монах будет только поруганием монашества – на соблазн мирянам и на свою гибель» Последняя глава о ненарушимости обетов кратка, но выразительна: почти все изложено примерами наказания за нарушение обетов.

Книжка по объему невелика: 155 страниц. Но эта то краткость изложения есть и достоинство. В чтении этой книжки каждый, не только монах, но и каждый мирянин найдет себе много поучительного. Читающий эту книгу, прежде всего, получает ясное и правильное понимание того явления, которое называется монашеством и о котором так много говорят – так мало его знающие. В этом отношении книга епископа Петра должна бы быть необходимой принадлежностью каждой библиотеки при духовно-учебных заведениях и второклассных церковно-приходских школах. Что касается монастырей мужских и женских, то эту книгу следовало бы иметь по числу братских и послушнических келий: она даст каждому иночествующему сведения и верное понимание той жизни, на какую вступают они, и возможность разумно ответить всякому вопрошающему их об их уповании. Если книга аввы Дорофея называется по справедливости азбукою монашеской жизни, то книга преосвященного Петра вполне может быть названа катихизисом монаха. Для всех же вообще мирян эта книга поучительна и вообще своим содержанием: здесь, как ранее сказали, есть много примеров из подвижнической жизни, назидательных по содержанию. Также назидательны и выписки из аскетических и отеческих творений, напр., Златоуста о пользе посещения монастырей мирянами. Чтобы дать некоторое понятие для желающих об этой черте данной книжки, написанной притом правильным чисто-русским языком, в хорошем изложении, мы приведем, в заключение, один из этих примеров. Св. Димитрий ростовский, пишет епископ Петр, говорит, что молитвами иноков держится мир. Хотя кому и маловажны кажутся молитвы иноческие, но он весь мир укрепляют. Мир христианский в

священном Писании уподобился винограднику, как древле и Израиль. Посмотрим: на чем держится виноградная лоза? На одном сухом бесплодном коле. Отними от винограда кол, лоза упадет на землю, остается бесплодною и попирается. Отними от христианского мира иноческий чин, как от винограда сухой бесплодный кол, что с миром будет? Судите сами».

Первое же издание этой книги под заглавием: «О монашестве», сочинение инспектора Иркутской Духовной семинарии, Архимандрита Петра, было сделано в 1856 году. (Москва, в тип. Готье). А еще ранее это же сочинение, более сокращенное, было издано в 1845 г. под заглавием «О трех объектах».

6) Наконец, был издан «Царский путь креста Господня, вводящий в жизнь вечную», в русском переводе (о. Климента Зедергольма, сделанном в 1877 году), теперь этот труд есть в пятом же издании Оптинском 1904 года. Книга эта – аллегорическое толкование слов Иисуса Христа: «иже хочет по Мне идти, да отвержется себе и возьмет крест свой и по мне грядет». Распадется эта книга. Содержащая учение о несении жизненного креста, на три части: первая, из 15 глав, о вступлении на путь крестный, из 20 глав, и третья – о плодах крестоношения, из 12 глав. Подлинник этого сочинения не русского происхождения, а латинского, перевод же впервые был сделан блаженным митрополитом Сибирского Иоанном Максимовичем, но устарел, почему и сделан был вновь о. Климентом. В книге выводятся три сестры – девушки, из коих две, возлюбившие мир, не пошли по крестному пути, а пошла только одна, которая и названа Ставрофилою – крестолюбицею. Она всю жизнь несла крест под руководством и советами ангела. Беседа ангела с Ставрофилою и составляет содержание книги. Подобные аллегорические нравственно-учительные издания были в ходу в протестантском мире и весьма назидательны. Даже такой строгий ревнитель православия, как епископ Феофан-затворник не был против подобных переводов с исправлением в них вероисповедных неправильностей автора. Этот взгляд он высказал по случаю рассмотрения другой подобной книги: Джона Буньяна, «Путь в небесный Иерусалим».

Относительно этой книги он писал: «Ивана Буяна (здесь святитель шутливо слово Буньян – фамилию автора – переводить словом Буян по созвучию, а слово Джон соответствующим русским произнесением имени Иоанн Иван) я давно, давно встречал. Тогда он был потоньше, а теперь ишь как растолстел. Я пробежал наскоро. Сектаторская у него в тексте одна какая-то страничка. В объяснениях побольше. Но вообще это незаметно, и может не бросаться в глаза, без особых внушений со стороны. Потому беды большой от сей книги нельзя ожидать. Само содержание книги показалось мне несоответствующим содержанию заглавия. Путь в небесный Иерусалим не совсем верно изображен. Во время чтения книги мне приходило на ум исправить ее и выдать под заглавием: «Иван Буян, обратившийся в православие». (Собрание писем святителя Феофана, вып. 7, изд. Пант. Мон. М. 1901 г., 160–161 стр.).

В рассматриваемом же издании такие особенности автора были сглажены еще ее первым переводчиком. Митрополита Иоанном. О. Климент в предисловии к «Пути» говорит следующее:

Предлагаемая вниманию читателей книга «Царский путь креста Господня» была издана на полу-славянском и полу-малороссийском наречии в 1709 году архиепископом Черниговским Иоанном Максимовичем⁴⁵, и по назидательности своей была во множестве экземпляров распространена по всей России; но по темноте языка сделалась впоследствии для многих недоступною, так что многие выражали желание, чтобы книга эта переведена была на русский язык.. В 30-х и 40-х годах прошлого столетия несколько таких переводов «Царского пути креста Господня» было готовимо к печати; но все они не были одобрены к напечатанию. Главною причиною сего было то, что в них, соответственно с латинским подлинником. Изображен был беседующим со Ставрофилою Сам Господь Иисус Христос; вследствие чего речи, вложенные в уста Христовы автором книги, каковы бы они ни были. Получали авторитет высочайшей истины. Ныне издаваемый перевод сделан с особенным тщанием и вниманием. и по возможности устранены все

причины. По которым прежние переводы не были одобрены. Кроме того, что в этом переводе сглажены все оттенки, наложенные на подлинник римско-католическим исповеданием автора. – и непосредственная беседа Ставрофилы с Господом заменена беседою с ангелом, посланным от Господа, подобно тому, как св. Ерму, мужу Апостольских времен, послан был от Бога, для его наставления и для общей пользы Церкви, ангел покаяния. Которого св. Ерм называл своим пастырем, т.е. наставником⁴⁶. Должно, впрочем, знать, что людям обыкновенным и частным опасно доверять явлениям ангельским, как предостерегает нас от сего св. апостол Павел, говоря, что иногда *сам сатана преобразуется в ангела света* (2Кор. 11, 14) для оболъщения неопытных.

Что святитель Иоанн Максимович был муж твердо православный и истинно духовный. Это засвидетельствовано его святой жизнью, его блаженною кончиною, многими благодатными знамениями, совершившимися по его молитвам, а, наконец. и тем, что в 1826 г., чрез 111 лет после его кончины, при поправке стены Тобольского соборного храма, где погребен был святитель Иоанн, тело его найдено нетленным и благоухающим⁴⁷.

Предтечев Опти́н скит.

23 апреля 1877 года.

Внутренние достоинства книги очень высоки. Здесь множество мест из Священного Писания, святоотеческих их толкований, картинных сравнений и образов, очень поучительных для понимания отвлеченных нравственных и религиозных истин вообще. В заключение, для пояснения только что сказанного, мы позволим здесь, для примера, привести один вопрос Ставрофилы и ответ ей ангела. Ставрофила спросила: «как, объясни мне, крест и скорби – это бремя, которое человек должен нести в продолжение всей жизни своей земной, могут вознести его на небо?

На это ангел отвечал: «представляю тебе для сего ясное подобие. Птицы, пока ходят на земле, носят крылья свои на себе. А когда поднимаются на высоту. Тогда уже крылья их носят. Так и человек. Пока живет на земле, несет свой крест и скорби; а когда придет время разлучения его души с телом, тогда скорби

креста, претерпенные им в сей многотрудной жизни, с легкостью крил вознесут его в райские селения» (250 стр.).

Книга эта издавна была любима чтением иноков, особенно в южной России. Первое упоминание о ней в Оптиной пустыни относится к 1767 г. В описи имущества игумена Аристарха, среди его книг значится и «Царский путь креста иже и Ставрофила», в полдесть, Киевский печати с куницами 1 р. 50 к. («Историческое описание Коз. Введ. Опт. Пустыни» 1847 г. I, 73 стр.).

Оценку же как личных, так и переводных трудов о. Климента, можно читать в брошюре «Православный Немец» Оптинский иеромонах о. Климент (Зедергольм) К. Леонтьева. (Варш. Изд. книгопр. В. Истомина, в пользу больницы при Введ. Опт. Пуст.) 1880 г. (брошюра очень интересная).

Издано Оптиною пустыню еще немало и разных брошюрок религиозно-нравственного содержания. Так изданы следующие книги: «Учение о благих делах», «О вечных мучениях», «О вечном блаженстве праведных», «О святых постах», «О благотворении преставльшимся», «О св. Евхаристии», «Об аде и адских мучениях», «О последних событиях, имеющих совершиться в конце мира», «О покаянии», «Пред исповедью», «О Причащении», «О покаянии», «О вредных последствиях пьянства», «О препятствиях к спасению», «Наставление и утешение в болезни и в предсмертное время», «Письмо в утешение матери-вдовицы», «Беседа на шестой псалом Анастасия Синаита», «Наставление и утешение в скорби», «Четыре огласительных слова к монахине», «Слово Иоанна Дам. О страстях и добродетелях», «Три слова св. Симеона, Нового Богослова, о препятствиях к спасению», «Страдальческая жизнь Василисы», «На службе Богу – на службе ближним», «О молитве: Господи помилуй», «Пятисотница» и др.

Одни из этих изданий представляют выдержки из свято-отеческих писаний, другие – из «Камня Веры» Стефана Яворского, иные – труды епископа Петра, иные Никифора Феотоки. А книжка «О препятствиях к спасению» и толкование молитвы: «Господи помилуй» из переводов о. Паисия Величковского (первая из «Восторгнутых Класов», вторая из книги «Жизня Паисия о. Паисия Величковского»), «На службе

Богу – на службе ближним» – статья по письмам о. Анатолия. Страдальческая жизнь Василисы – из записок о. Амвросия Оптинского. Последние из упомянутых книжек очень интересны. Книжка же «4 слова огласительная к монахине» теперь имеются в 3 Оптинском издании 1896 г. на русском языке. Это перевод с греческого 4 слов Никифора Феотоки, архиеп. Астраханского. Они – прекрасное наставление монахине в день ее пострижения. Первое издание книжки было сделано в 1848 г. с перевода о. Паисия Величковского.

Так как собственно-оптинские аскетические издания в общем представляют из себя одно целое, то и скажем о них всех вместе несколько слов поподробнее.

Оптинские, великие своим духовным опытом, старцы Леонид, Макарий и Амвросий и их современники – игумен Антоний, архимандрит Моисей, духовник Иларион, скитоначальник о. Анатолий – оставили после себя целый ряд душеполезных и спасительных наставлений; как мы уже и писали в своих «Очерках русско-аскетической литературы XVIII-XIX в.». (См. Кал. Еп. Вед. 1905 г.)

О. иеросхимонах Леонид, скончавшийся 11 октября 1841 г., насадитель старчества в Оптиной пустыни, был первым Оптинским старцем. Но до нас из его наставлений дошло сравнительно очень немногие и то почерпается из книги: «Жизнеописание Оптинского старца иеромонаха Леонида, (в схиме Льва)». Издание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Одесса. Типография Е.И. Фесенко, Ришильевская улица, с. Д. №47. 1890г.

В этом жизнеописании записаны следующие изречения старца: «кому дается молитва» (стр. 17), польза старчества (стр. 47), кто дойдет из посетителей до старца (стр. 51), какова должна быть исповедь крестьян (стр. 51), правильное понятие о жизни монашеской (стр. 55), архиерейское неудовольствие (64–65), простота отношений (69), наставление игумену (стр. 72), самочинному ученику (72–73), как стяжаются духовные дарования (77–78), чтецу (79), прием старцем богомольцев (93), искание добра в душе посетителя старца (94), у настоятеля нет «моего» (97–98), посетители старца и их прием (100 стр.), ссора

новопоступившего со старым иноком (105), нет невыносимых скорбей» (131–132). И в конце, в приложении «Вопросы и ответы старца двум ученикам», о коих там же сказано. Старец отвечал на следующие 22 вопроса одного ученика:

1) Каким образом поступать, когда я, находясь в кругу братии, не могу воздержаться от слов, и когда говорю, то кого-либо обижаю словами?

2) Как поступить, когда я вижу в других вольное выражение мыслей и соблазняюсь; равно как и в тебе, отче, иногда не видя старческой кротости в обращении с другими, также оскорбляюсь?

3) Я не вижу в братии любви, и для исследования какого-либо предмета из Свящ. Писания не нахожу собеседников?

4) Почему, в течение пятилетнего жительства в пустынной здешней обители, стараясь сколько-нибудь о собственном назидании, я чувствую, напротив, что действительно сделался хуже, о чем свидетельствуют неосмотрительные мои поступки, хладность сердца и недостаток великодушия?

5) Отчего это возникло, что я к советам вашим потерял веру и благоговение, что назидания ваши перестали действовать на мое сердце, а что все кажется для исполнения неудобным?

6) Каким образом поступал тогда, когда бываю в кругу первейших обители нашей старцев, которые иногда между собою в разговорах помещают такие происшествия, что, слыша оные, трудно одержать победу над смехом?

7) Как избавиться от необыкновенно сильных ощущений сладострастия не только в собрании с женским полом, но и при одном воображении о нем?

8) Когда мой ум насильно влекут за собою помыслы сладострастия, как избавиться от нападения их?

9) Какое средство употреблять против помыслов, сильно влекущих меня к осуждению ближнего и особенно того, который меня чувствительно оскорбляет, которого поступки кажутся несообразными званию о Христе и дерзкими, и который

также очевидно других братьев оскорбляет; на что взирая и принимая участие в их неудовольствии, более раздражаюсь; не в состоянии быть мирным. Ане быть покойным в духе, значит носить душевредную тяжесть?

10) Когда никакая святая мысль и представление не действуют на сердце раздражение или предавшееся нечувствию, что должно делать, дабы умягчить себя?

11) Каким образом согревается охолодевшая душа?

12) Ощущая в себе не только склонность, но и действия тщеславия и желая одного избавиться, каким образом можно успеть в том?

13) Когда я читаю книги Св. Писания, то назидательнейшие изречения отмечаю: должно ли так делать и полезно ли?

14) Видя новонаначального брата в некоторых поступках неосмотрительным, или делающим что-либо неблагопристойно, должно ли поправить его?

15) На субботу должно ли исполнить келейное правило?

16) Если я, по случаю отлучки или какого послушания, не могу иметь другого времени для келейного правила, как самое позднее, как поступить?

17) Я весьма желаю исправить себя, но все увлекаюсь стремлением страстей; что должно делать для преодоления их?

18) Каким образом избавиться от рассеяния мыслей и в самой молитве?

19) Сильно одолевает меня лень: как избавиться от нее?

20) Как избавиться от угнетения духа уныния?

21) Услышал я о представлении в монашество некоторых братьев, особенно тех кои вступили в сию обитель после меня: я, равно желая принять ангельский образ, и не имея на сие благословения начальника, весьма о том беспокоюсь и сетую, не достигая цели. Каким образом водворить в себе потерянное чрез то спокойствие духа?

22) Должно ли верить снам, которые, по-видимому, живо представляют будущность?

И еще 14-ть вопросов другого ученика и ответы старца, именно:

1) Что такое осуждение, и почему отцы применяют осуждающего к антихристу?

2) Могу ли я на исповеди говорить о согрешившем со мною в слове или деле?

3) Могу ли я предложить брату принести покаяние старцу в соделанном вместе словесном грехе?

4) Отцы говорят, что подробное изъяснение блудных помыслов и дел напрасно, что довольно объяснить их кратким общим словом, что воспоминание о них сквернить уста и помыслы. Так ли это?

5) Поэтому злые и хульные помыслы на старца, на его жизнь и слабости, лучше умалчивать?

6) Как же узнать: какие помыслы собственно наши, какие от противного?

7) Некоторые священники-богословы требуют тончайшего исповедания для очищения души?

8) Всем ли дается умная молитва?

9) Некоторые, знаемые мною отцы имеют великую любовь к Матери Божией и хвалятся тем: мне сомнительно в них такое усердие.

10) Какие книги святых отцов лучше читать: Лествичника, Исаака Сирина или аввы Варсануфия?

11) Что скажите об акафистах, которыми иные переполняют свои правила?

12) Как легче спастись? Каким путем? Я о себе только спрашиваю.

13) Отчего я досажую на приходящих к вам, на их глупости, на их невежество, хоть и знаю, что многие пользуются вами?

14) Отчего я вас иногда так люблю, как вот теперь (при этом у меня были слезы на глазах, и голос дрожал), а иногда на вас досажую за множество к вам приходящих и стужающих вам.

15) Наставления старца отличаются особенно меткостью языка. кроме обычных достоинств хороших иноческих писателей. Письма его не изданы еще, к сожалению. Вообще же

причина сравнительной скудости назидательных трудов сего старца кроется в том обстоятельстве, что сей старец писал сообща со старцем Макарием, о котором после и поведем речь.

16) От о. архимандрита Моисея письменных назиданий и наставлений осталось очень мало и то только в сочинении: «Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея». Издание в пользу св. обители, Москва. Типо-литография «Московское товарищество». Уланский пер., д. Куманина, 1882 г., где с 199–222 стр. напечатано несколько его писем, содержащих в себе следующие наставления: о пустынном житии (стр. 200), приглашения брату оставить мир (201–202), мир и благочестие (203–204), дела и вечность (204–207), мир во зле лежит (208–209), путь из мира ко спасению (209–210), путь в горний Иерусалим (211–212), вступающему на путь иночества (212–214), общее наставление (216), брань во спасение (216), совесть (216–217), чай (217), овца (218), да будет воля Твоя! (219), послушание (219–220), и духовное завещание (220–222).

Но зато от о. игумена Антония остался уже целый том писем.

Оптинский старец игумен Антоний родился в 1795 г. 9-го марта и скончался 7-го августа 1865 года; сначала подвизавшийся в Рославльских лесах, потом в Оптиной, долгое время нес послушание настоятеля Мало-Ярославецкого Черно-Островского монастыря и скончал свое течение в Оптиной же пустыни. Это был великий страстотерпец, смиренно перенесший многолетнюю мучительную болезнь ног. Его наставления напечатаны в «Жизнеописании» в письмах. «Жизнеописание настоятеля мало-Ярославецкого Николаевского монастыря, игумена Антония», издано Оптиною пустынью в 1870 г. (Москва. Синод типогр.). А «Письма к разным лицам, игумена Антония, бывшего настоятеля Мало-Ярославецкого Николаевского монастыря» изданы тою же Оптиною пустынью в 1869 г. Всех наставлений о. игумена Антония, какие записаны в его жизнеописании, – 70. Богословского содержания в этих наставлениях, кроме упоминания о послушании ангелов (стр. 186) и о власти бесов (стр. 184), нет совсем, зато много из области нравственности полезных практических советов. Здесь

есть наставления к иноческой жизни: о пострижении (стр. 20 и 185), об отношении к старцу (77, 85, 113, 118 и 185), о келейной жизни (стр. 60–62), о воздержании и невоздержании в пище (стр. 185–186), о духовном делании (стр. 188), о трудностях служении игуменского (38–39, 40–42, 56–57, 192).

Далее следуют наставления одинаково полезные для монахов и мирян, а именно: о смирении (стр. 17, 112, 184, 189, 192), о страданиях (64, 190), о немощах своих и ближних (75, 31, 32, 98), об исповеди (78), о молитве (67, 83, 12, 184–486, 189–190), о молчании (189), нестяжении (127), самомнении (186), самочинии (187), пустых разговорах (189–190), ослушании (192, 199), празднословии (193), о богомольях (92), угощении (96), дне ангела (20), встречах (16).

Также: о надежде на спасение грешников (191), о преданности в волю Божию (186), о помощи (96), о смерти и приготовлении к ней (42, 124, 121), наконец о церковных канонах (80, 191), о мере подвигов (194) и о дуэли (185–186).

Наставления старца более изложены в его думах и записках, также даны были при разговорах с вопрошавшими. Особенность этих наставлений – ясность и практичность. Язык же поражает читателя картинностью, меткостью. Вот образчики наставлений старца:

а) «Что делать? Хоть жаль, а надо батьку на погост нести» (стр. 121, XXXV наставл.).

б) «Вот теперь то хорошо; а то скорлупку покажешь, самого же зернышка не покажешь» (стр. 78, наст. XXII).

в) «Больному надо говорить: не хочется ли тебе какой похлебки, или чего другого? А не следует говорит так: я тебе дам такую микстуру, что глаза выпучить» (стр. 75, наст XX).

г) «На молитву должно вставать поспешно, как на пожар» (стр. 67, XVIII).

Но большая часть наставлений старца находятся в его письмах.

В предисловии к этому изданию Оптиная пустынь писала: «отец игумен Антоний, коего письма к разным лицам предлагаются здесь, происходил из благочестивого купеческого семейства. На 21-м году своей жизни (в 1816 г.) он удалился из

мира и более пяти лет провел в Рославльских лесах, в трудах и подвигах сурового пустынножительства вместе с старшим братом своим о. Моисеем. Потом, опять вместе с ним же, был одним из первых основателей и тружеников Предтечева скита при Оптиной пустыни, в котором 14 лет был и начальником, прожив в нем всего лет 18-ть. Здесь постигла его страшная, мучительная болезнь в ногах, утружденных многолетним подвижничеством, болезнь продолжавшаяся около 30 лет, т.е. до самой его кончины, и причинявшая ему жестокие страдания, которые он переносил с изумительным терпением и благодушием, не оставляя притом и добровольных монашеских подвигов и трудов, и занятий по должности. В 1839 году, несмотря на болезненное его состояние, он, к великому своему прискорбию, был назначен игуменом Малоюрославецкого Николаевского монастыря, и лет 13-ть нес весьма тягостное для него бремя настоятельства. Последние 12 лет своей жизни он провел на покое в Оптиной пустыни, где почил о Господе в 1865 году в ночь на 8-е августа. С того времени еще, когда о. Антоний жил в Оптином скиту, многие лица как мирские, так и монашествующие, смотря на жизнь его, стали обращаться к нему за духовным советом. По смирению своему, о. Антоний всегда, по возможности, уклонялся от высокой обязанности духовного руководителя; но, с другой стороны, по любви к ближним, не мог презирать их просьб и душевных потребностей; а потому не отказывался, сколько позволяли силы его, подавать как словесно, так и письменно духовные свои назидания тем, кто с верою к нему прибегал. Получив в детстве недостаточное первоначальное образование (домашнее), о. Антоний впоследствии пополнил скудость оного постоянным, внимательным чтением отеческих и других общепользовных книг, долголетним опытом; притом обладал даром естественного красноречия, или даже сладкоречия. Слово его как устное, так и письменное, по свойству своему простое, мягкое, всегда было растворено духовною солью и отличалось особенною какою-то меткостью и своеобразною выразительностью и силою; и часто в простой или даже и шутливой форме содержало высокое назидание. Всеми чувствовалось, что поучения о. Антония,

устные и письменные, были плод многолетних иноческих трудов, опытного знания отеческих писаний, личной внимательной наблюдательности всякого рода людей и монашеского деятельного жития и разума. Часто как в письмах, так и в беседах он приводил в пример, в шутовском виде, себя и свои немощи; но знавшие его хорошо понимали, что, прикрывая таким образом свою строго-монашескую жизнь, он при этом имел в виду душевную пользу ближних: говоря как бы о себе, он высказывал другим полезные уроки.

«Издаваемые ныне письма о. игумена Антония, им самим, по всему вероятно, не предназначались к печати. Но, зная по опыту, как полезны и дороги в настоящее время истинное духовное ведение и искреннее слово такого подвижника, мы считаем себя не в праве скрыть в безвестности этих писем. и думаем, что, издавая их, поступаем непротивно воле почившего старца. потому что в самой жизни его видим, что он всегда готов был сделать все возможное от себя, в чем видел душевную пользу ближним, и желал благодетельствовать им даже и по смерти.

Из доставленных нам писем, при печатании их, исключено то, что относится собственно к частным обстоятельствам тех лиц, кому было писано и потому только для них имеет особенное значение; а помещается лишь то, в чем, по нашему крайнему разумению, может содержаться общее для всех духовное назидание. По переписке писем оказалось. Что некоторые приписки (Postscriptum) помещены не на своих местах; но это ничему не мешает».

В этом издании (в стр. 424) напечатано 314 писем о. Антония. Вышеприведенный отзыв обители кратко, но метко указывает отличительные качества писем старца. К этому мы можем прибавить еще следующее: в письмах о. Антония содержится наставления отчасти иночествующим, также не мало семейным, но более всего только что начинающим «делание духовное». Современные писатели часто (особенно фельетонист на брачные темы Розанов Василий) обвиняют наше монашество в холодном и даже презрительном отношении к семье. Но не то бы они заговорили, если бы прочитали собрание писем о.

Антония. Этот старец называет семью «святою семейною обителью» (стр. 134), строго порицает намерение неких супругов, при наличии маленьких детей, идти в монастырь (стр. 144), дает наставления супругам, приближающейся к родам молодой женщине (стр. 53) и, многоболея, пишет деткам о прилете птичек (135,136 стр. и др.). Наставления дышат глубоким участием и любовью к семейной жизни. Брак он ставит на ряду с иночеством. Наставления вступающим на путь спасения проникнуты глубоким знанием человеческого сердца и трогательно заботливостью как бы не огорчить того, кому он писал. Кроме того в письмах есть ценные в историческом отношении отзывы о некоторых современных событиях и лицах. Так о. Антоний описывает кончину старца Макария (стр. 164–166, 141 и 88), об юродивых Корейше (26 п.) и Артемии, о событиях 19 февраля 1861 г., о польском восстании и др. А разбирая книгу об Афоне Благовещенского, высказывает следующее правдивое суждение: «к сему и тамошние бедные иноки, посылаемые в Россию для испрошения милостыни ради Христа, обруганы зато, что они привозят с собою части святых мощей и животворящее древо Спасителя, и, по желанию благочестивых людей, служат молебны и святить воду. И за это из России вывозят тысячи золотых полуимпериалов, которые ругатель православия Благовещенский пересчитал. А о том, что иностранные музыканты, актеры и актрисы и отличные певицы приезжают в Россию, задают музыкальные вечера, разные представления и действительно вывозят многие тысячи из России, никто справедливой критики об этом не писал. Кроме чрезвычайной похвалы, что они удивили своими талантами глупую публику» (стр. 31).

Насколько жив и при шутливости безопасен юмор старца, можно судить по следующему письму: «госпожа игуменья ваша благоволила представить тебя к монашеству, с каковою милостью Божией и приношу вам поздравление мое. Приятно то, что вы усердно молились Покрову божией Матери и благоверной княгине Евфросинии, но непохвально то, что госпоже игуменье своей не поклонились вы в ножки: деревья плодовые, то есть яблони, ветвями своими с плодами приклоняются до земли, а

горькая и бесплодная осина и ель вздырается с ветвями своими кверху, так и ты, возлюбленная моя, по скудости смирения похожа немного на осину, то есть не хочешь поклониться в ножки госпоже игуменье своей; и если игуменья не поклонится, то кому уже будешь кланяться? Никому. А почему, если желаешь ты видети дни свои благи, то смирай себя пред Богом и пред людьми благоговейными, и обрящеши благодать пред всеми и спасеши» (смотри. письмо 313-е).

Всего же более осталось наставлений от о. Макария, жизнь коего подробно описана в сочинении: «Сказание о жизни и подвигах блаженные памяти старца Оптиной пустыни иеросхимонах Макария, составленное оной же пустыни I. Л.» 2-издание Введенской Оптиной пустыни. Москва. Типография М.И. Лаврова и К^о, Леонтьевский пер., собственный дом 1881 года.

Из писем Оптинского старца иеросхимонаха Макария «Собрание писем блаженные памяти Оптинского старца иеросхимонаха Макария – письма к мирским особам» (2-е изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни, с алфавитным указателем. Москва. 1880г. Типография М.И. Лаврова) есть как бы введение к остальным пяти томам его писем к монашествующим. Письма эти составляют том в 770 + XII стр. (стр. текста 748, I-XII-предисловие, с 749–770 указатель).

Писаны они к разным лицам – мирянам. Но мирянам, для которых «делание духовное» не пустой звук, а нечто родное, дорогое. Некоторые из этих лиц, – как видно из сопоставления тех же писем, – и закончили свою жизнь в монашестве.

По содержанию своему эти письма разделяются на две группы: в одной старец говорит о созидании своего спасения мирянами, в другой так и иначе отзывается на разные явления общественной жизни своего времени. Главную отличительную черту аскетических писем старца составляют постоянные ссылки и целые выписки из творений восточных аскетов.

В письмах, как и указано в предисловии, встречаются указания на следующие сочинения: 1) книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, 2) Добротолюбие Московской печати, листовое и четвертное, 3) Постнические слова преподобного отца нашего Исаака Сирина, издание Молдавского

Нямецкого монастыря 1812 года, 4) преподобного Макария Египетского 7 слов. На следующие книги изданные в разное время Оптиною пустыню:

1) «Жизнь и писания Молдавского старца Паисия Величковского». Москва, издание первое 1847 г., и второе 1848 г.

2) «Восторгнутые Класы в пищу души», то есть несколько переводов из святых отцов. старца Паисия Величковского. Москва, 1849 года.

3) «Преподобного отца нашего Нила Сорского предание ученикам своим о жительстве скитском». Москва, 1849 г.

4) «Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошение учеников», на славянском наречии гражданской печати. Москва, 1851 года.

5) «Преподобного отца нашего Симеона, Нового Богослова слова (12 слов) весьма полезные». Москва, 1852 года.

6) «Преподобного отца нашего Исаака Сирина слова духовно-подвижнические». Москва, 1854 года.

7) «Преподобного отца нашего аввы Фалассия главы о любви, воздержания и духовной жизни», в русском переводе с славянским текстом. Москва, 1855 года.

8) «Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания» в русском переводе. Москва, 1857 года.

9) «Преподобного отца нашего Марка подвижника нравственно-подвижнические слова», в русском переводе. Москва, 1858 года.

10) «Лествица». До 1850 года места из Лествицы старец приводит частью по рукописному переводу старца Паисия, а частью по печатному славянскому; а после 1850 года исключительно по рукописи, составленной самим старцем. В коей основанием служит тот же перевод старца Паисия, исправленный сличением со всеми прежними переводами; преимущественно же с переводом алтайского миссионера, архимандрита Макария, а равно и с греческим подлинником.

При извлечениях из всех вышеупомянутых сочинений старец ограничивался лишь указанием: из какого слова, или степени (в Лествице), отдела или главы взято то или другое выписываемое им из святых отцов место; или просто указывал, где и что прочесть, в подтверждение его наставлений; но желающим навести подробную справку, имея под руками вышеисчисленные книги, не составить большого труда, по сему указанию, отыскать место, на которое сделана ссылка в письмах (стр. X-XII).

На сильную зависимость своих писаний от старческих о. Макарий сам указывал в 7-м письме, говоря: «при Божией помощи, споспешествующей вере нашей, сколько могу иметь понятия о сем предмете, от чтения учения святых отцов, прошедших опытом деятельную жизнь (не смею сказать, от моего опыта или искуса), постараюсь представить вам приличные статьи к вашему устройению (стр. 29).

Притом – немало писем, общих с о. Леонидом; в некоторых старец пишет от себя и о. Леонида, в некоторых подписываются оба. Вот, к слову, что писал старец в письме 41-м: «мы сердечно радуемся, что вы успокоились и нелестно вам сие пишем. Батюшка на вас не скорбит, да он и не скорбел, а находил излишним к вам писать. Не желая льстить или более оскорбить; но теперь сие письмо примите от нас обоих, яко от единого лица. И будьте совершенно спокойны. Но я скудоумнейший мню, что вы напрасно приняли ложный страх и сами к батюшке не писали, хотя от этого и не требует, а яко чадолюбивый отец радуется и веселится о том. Что приходите в разум истины» (стр. 77). Или в 6-м: «на письмо оное вам не отвечали, потому что писать должен все я. А я это время был занят, то в сем просим простить нас. И принять сие письмо на оба ответом. В оном просите вы у батюшки прощение; он вас прощает, с желанием положить благое начало» (стр. 27.).

Когда же старцу писали о действительности его писем, – он смиренно относил это к действию Божией благодати; это полно и ясно изложено им в 124 письме, (стр. 246–247). Из общих писем обоих старцев можно указать, как на образчик их общего писания, на 50-ое письмо. Иногда же старец писал, наперед «посоветовавшись с некоторыми из наших отцов и призвав в

помощи Бога, могущего вразумить и бессловесных на пользу Его создания словесного» (стр. 726–727).

При некоторых случаях старец прямо отказывался давать советы (см. напр. п.49). Из сочинений аскетов западной Церкви о. Макарий один раз упоминает о Фоме Кемпийском (стр. 32), из русских аскетов о Филарете, митрополите Московском (стр. 32). Главное содержание аскетического писем о. Макария составляет разрешение вопросов: как можно спастись в мире. и как при этом вести «делание духовное». Наставления проникнуты глубоким пониманием жизни. Полны метких практических советов. Даже по самым мелочным обстоятельствам жизни, и согреты горячею любовью к скорбному человечеству.

К семейной жизни старец относиться с глубоким уважением и особенно любвеобилен, когда речь идет о детях (стр. 473 и др.). Особенно назидательно мнение старца о пользе изучения аскетической литературы для педагога. Он пишет: «вы жалуетесь на гнев, коим побеждаетесь при упражнении с детьми. Это, конечно, немощь ваша, что не можете стать против силы страсти залогственной от навыка. И не сопротивляетесь оной. Читая книги отеческие, где находится о гневе, старайтесь исполнять то, чему научают нас святые отцы, т.е. как и чем побеждают гнев. Равно и о прочих страстях имейте тоже тщание» (стр. 656).

«Паки жалуетесь на поползновение свое от гнева. Не должно много смущаться за сие, но познавши, что имеете в себе залог сей лютой страсти, попекитесь, при Божией помощи, об исцелении оной. Но она не может исцелиться без того, чтобы кто нам оной не показал: а вам показывают ее дети, смотрением Божиим, чтобы попеклись об исцелении оной. Смутихся и не глаголах, пишет Давид. Да надобно еще укорять себя, а когда пройдет смущение страсти, тогда можно сказать им с кротостью, что больше и на них подействует, и вам послужит в пользу» (стр. 658 и 659).

Насколько был внимателен старец к детям – показывает и его письмо гимназисткам, желавшим спастись. Этим юным ревнительницам иноческой жизни о. Макарий писал: «имея желание поступить в монашеское звание, или по вашему выражению: «быть монахами дали клятву», и просите от меня

позволения, благословения и наставления, куда поступить, и как провождать жизнь свою. Вижу из письма вашего, что вы звания благородного, и, судя по месту вашего образования, полагаю, что вы еще юные возрастом. Но не знаю родственных ваших отношений, и от кого вы зависите? Имеете желание ваше и благо, – от юности посвятить себя на служение Господу, но в этом надо иметь свободу, развязавшись с миром и со всеми, что может нас к оному привлекать и привязывать. И, во первых, надобно испросить позволение от родителей, или от кого вы зависите, и когда оное получите, тогда можете побывать в некоторых обителях, и посмотреть на монастырскую жизнь, можете ли вы понести? И тогда, с советом благоискусных и опытных отцов, приступить к исполнению сего важного вашего предприятия. А паче всего должно молиться Господу, призывая Его благословение на ваше благое намерение и помощь к исполнению оного. Вы должны знать что подвиг сей небезтрудный, ибо Господь сказал: «иже хочет по Мне идти, да отвержется себе. И в след Мене грядет, возьм крест свой» (Марк. 10, 21). Отвержение себя состоит, главное, в отвержении своей воли и разума, и покорении оных пастырю и руководителю вашему ко спасению; чрез что может человек достигнуть смирения и освободиться страстей и греховных действий, и тако помощью Божией получить спасение. Молитесь Богу, предавайтесь в Его святую волю; призывайте в помощи Божию Матерь, Заступницу нашу и Ходатаицу нашего спасения. Читайте книгу св. Иоанна Лествичника и другие отеческие, наставляющие к духовной жизни и хранению заповедей Божиих со смирением. Более я не могу вам на сей раз ничего сказать, а поручаю вас покрову, Промыслу и заступлению Божию, остаюсь желатель вашего здравия и спасения» (стр. 260–261, письмо 130-е). Подчас старец пишет очень строго (стр. 151–152), и в частности относительно нарушения постов взгляд его очень решителен (стр. 342).

Из частных, так сказать, предметов он касается в письмах: подвига юродства и современных юродивых и подвижников (стр. 72–75, 195–196, 556–557). (стран. 610–611 о Паисии Великом, о старце Леониде стр. 33–34). О Воронежских подвижниках (стр.

397, 515), Ниле Сорском (стр. 598), высказывается против лечения магнетизмом (стр. 398–399). Он проводит мысль о разумных мерах борьбы с раскольниками. Старец пишет: «желая поверить суждение некоторых лиц и собственное, ты спрашиваешь моего мнения, как лучше поступать с нашими раскольниками: строгими ли мерами, или снисходительными? Мне кажется, что строгие меры не принесут пользы, но более их ожесточат; равно и очень слабыми и снисходительными нельзя обратить их в недро православной Церкви; а надобно держаться середины и употреблять нужные, благоразумные и сильные меры к убеждению. В случае же сопротивления и буйства, не на всех простирать строгость, а на главных их учителей и наставников. Вопрос: кто же их будет убеждать? Приходским священникам неудобно, занятым своими должностями, и не всякий может иметь дар и способность к убеждению. Кажется бы надобно избрать особых людей на сие дело, в роде миссии, с прикомандированием к ним чиновника, чтобы раскольники не могли жаловаться на притеснение и принуждение. Со стороны же правительства опасно то, что иногда неблагонамеренными чиновниками, под видом веротерпимости, может быть покровительство и защита; это может принести большой вред. Преосвященный Иаков Саратовский действовал на раскольников снисхождением и любовью, – но сильным убеждением, так удачно, что, при Божией помощи, многие тысячи их обратились от раскола к Церкви (стр. 661–662). Не менее основательно судить и о католической пропаганде: «о преимуществе пропаганды римской церкви пред православною и благотворительных оной заведенных должно заметить, что, как причиною отпадения ее от православия было властолюбие и другие человеческие цели и расчеты, то и доселе все ее действия расстроены тем же недугом и теми же видами, и нет в них предприятий чистых по Бозе и по совести, как в Церкви православной. Оттого-то действия последней скромны и негромки. Загляни в историю времен Фотия, патриарха Греческого, который обратил Болгарию в христианство, и увидишь, что тогда делали паписты и для чего. И доселе продолжается то же. Паписты не заботятся обращать турок в

христианство, а стараются совращать православных греков и болгар с истинного пути. Действия их всегда основывались и основываются, большею частью, на лжи и происках (стр. 662–663).

О письмах о христианской жизни епископа Феофана пишет: книжку «Письма о христианской жизни» я знаю и ожидаю скоро оной присылки. Я ее прочитал, но еще не всю. Книга очень хороша, но о молитве в некоторых местах очень смело сказано, как то: в сердце иметь ум, и что это всякий может делать, искать в себе теплоту и прочее. Неопытные примутся за это и ничего не найдут, смутятся, а мало-мало кто ощутит, увлечется и впадет в прелесть. Святые отцы говорят, что на это требуется много времени, подвига, труда и наставника не прелестного, и что в чистую молитву один от тысячи токмо достигает; а еже по оной один от тмы. Это слова св. Исаака Сирина; он же пишет во 2-м слове, страница 13 и 14: кто прежде обучения в первой части деяния, приступает ко второй, видения, которое состоит в духовном поучении и молитве, на того гнев Божий находит; там увидите почему, и далее: «яже Божия, глаголет, сама от себе приходит, тебе не ощущающу. Ей, но аще место будет чисто, а не скверно. Аще ли зеница очесе души твоя чиста несть, да не посмеешь воззрети на округ солнца, да не лишишися и самая тоя малая зори, яже есть простая вера и смирение, и исповедание сердечное, и малые дела, яже по силе твоей, и отвержен будеши» и прочее (сл. 2, стр. 14). Молитва умная есть высшая всех деяний, по слову св. Григория Синаита, и кто беззастудне и дерзостне хотяй к Богу внити и исповедати Его чисте и стяжати Его в себе нудясь, удобь умерщвляем есть сицевый от самих бесов; аще попустится, и далее (в главах Григория Синаита о безмолвии гл.7 «о прелести»); и пишут св. отцы: кто проходит молитву и воздержание, на тех сильно и яростно нападают бесы, и если мы не имеем на них оружия – смирения, то удобно низлагают. Ныне много издано книг о сем деянии: Добротолубие и другие отеческие книги, вам известные; но надобно проходить оное с наставником. А не самочинно. Старец Паисий в письме к Софронтиевскому старцу Феодосию пишет: что он о издании отеческих книг и радостью, и страхом

одержим, а почему? Прочтите сами в житии старца Паисия к архимандриту Феодосию письмо, на странице 265 первого издания. У нас есть написана статья в предостережение от самочинного делания сего, но времени нет исправить, а хотелось бы и издать. Не думайте, чтоб я осуждал книжку оную. Я нахожу в других материях очень преполезною и исполненною истины: а как вы просили моего мнения, то я сказал откровенно, что нашел; надобно попроще: молитвою Иисусовой нужно молиться всем и отгонять помыслы, но не искать ничего, кроме помилования; а Господь, давая молитву молящемуся, даст и умную молитву. по слову Петра Дамаскина; а то у врага много подсад и подвижников обольщать под видом истины ложными действиями; впрочем, искренно желаю, чтобы во всем принесла пользу сия книжка. Спаси господи написавшего оную» (641–642 стр.).

Описывает и старческий прием в Оптиной пустыни: «только что приехал, нашел писем более 50-ти, приезжих полные гостиницы; все они или я со всеми должен был разделять время. и особенно с каждою особою заняться, а тут братия идут (уже не скажу свои), надобно с ними, с каждым заняться; где же мне было возможно писать большие письма? Ум был так расточен, а силы в изнеможении, что и краткими строками едва мог только некоторым написать. Может, кто имеет обширные дарования, а я, сознаюсь, одно, два письма напишу, и уже нахожусь в изнеможении умственных сил, и чем далее идет, тем больше чувствую и слабость телесную, и слабость зрения, перо уже трудно подчинить» (стр. 542).

В остальных 5-ти томах к монашествующим о. Макарий дает целый ряд спасительных наставлений к деланию духовному. Лучшую характеристику этих писем дает великий старец-затворник епископ Феофан, когда пишет: «пишите, что вы читаете все письма Оптинского старца Макария. Благословенные книжки его. Глубокий веет от них дух смирения и навеваает его на всякого читающего. Перечитывайте чаще. Не мешает выписки сделать, чтоб, в случае нужды, подогреть дух смирения из всех духов самонужнейший» (Собрание писем Феофана, вып. IV. Москва, 1899 г., 211 стр.).

Но особенно выдается из этих пяти томов «Собрание писем блаженные памяти Оптинского старца иеросхимонаха Макария» (изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. Москва. Типограф. В. Готье, 1862 г., 400 стр., отделение первое – письма к монахам) теперь уже библиографическая редкость.

По содержанию своему этот том сравнительно с письмами к монахиням весьма разнообразен монастырских начальственных должностей и, наконец, говорит о некоторых событиях общественной жизни своего времени. Из последнего содержания писем замечательны следующие суждения старца: о войне, освобождении крестьян, всеобщей грамотности, современных подвижниках и т.д. Об освобождении крестьян и грамотности старец писал: «в освобождении собратий наших крестьян, или просто христиан, от крепостного состояния, мы должны видеть отеческий Промысл Божий, умилосердившийся над нами; а многие из владельцев охотно сроднились с сею мыслью и ожидают переворота, не смущаясь за лишение многих доходов; а некоторые, также малое число, скорбят, помышляя, что не будут иметь средств к привычной роскошной жизни, которыми они пользовались от трудов тысячи рук людей, кои сами лишались нередко через то нужного пропитания. Роскошь, конечно, умалится, которую можно назвать оружием дьявола к гибели душ человеческих. Но что будет с свободными? И как они воспользуются оною свободою? Это еще нам неизвестно. Вы правильно рассуждаете, что может быть то и то... Но вот что неизвестно: какой принесет плод эта грамотность. Вводимая в простонародье. Мы теперь уже видим в казенных поселянах, которые научились грамоте: побудет кто из них писцом и окажется неспособным, или по какому-либо случаю лишится места. То уже он не пахарь, и отец не имеет надежды на подпору своей старости. На это возражают: если все будут грамотными, то этого не может быть. Ну, хорошо, они научатся грамоте: а что будут читать? Повесть выпустят книг: Смех и Пустозвон и подобных. Какое они могут иметь влияние на нравственность? Что будет тогда, увидим; да будет воля Господня на всех нас»! (стр. 257–25888). Или еще: «сердце обливается кровью, при рассуждении вашем о нашем любезном отечестве, России, нашей матушке;

куда она мчится, чего ищет, чего ожидает? Просвещение возвышается, но мнимое; оно обманывает себя в своей надежде; юное поколение питается не млеком учения святой нашей православной Церкви, а каким то иноземным, мутным, ядовитым заражается духом; и долго ли это продолжится? Конечно, в судьбах Промысла Божия написано то, чему должно быть. Но от нас сокрыто, по неизреченной Его премудрости. А, кажется, настанет то время, по предречению отеческому: «спасаяй да спасет свою душу»! (стр. 262). О современных ему подвижников старец пишет здесь о кончине двух из них: Севской игуменьи Магдалине и юродивом.

О первой старец говорит следующее глубоко-интересное: Севская игуменья Магдалина скончалась 25 августа в 12 часов. Обитель осиротела! Неутешный плач, стон и вопль во всей обители продолжаются; но даже и мирские все рыдают о ее лишении. Она, матушка, заслужила такую любовь простотою, смирением, терпением и незлобием. 300 сестер успокоивались под ее кротко-мудрым правлением. Несомненно, что она получит блаженную вечность: она предчувствовала свою кончину и кое как намекала о сем; в самое время кончины некоторые сестры видели венец звездный над ее келью; а Площанский отец строитель за несколько дней пред кончиною ее видел сон: будто вдруг небеса отверзаются, и о. Л-дь оттоле говорит к игумении: «Магдалина! Скоро ли ты придешь ко мне? Я давно жду тебя и построил тебе келью», а она будто отвечает: «скоро, скоро, батюшка, приду»! Вот вам, батюшка, радостно-печальные весточки; вы верно прольете слезы печали и радости о сей досточтимой матери. При трогательном чтении описания кончины ее, нельзя было никому удержаться от слез, а особливо представя пораженных скорбью чад ее духовных. Помолитесь, почтеннейший батюшка. О упокоении души ее в царствии небесном»! (стр. 65. О втором см. 226–227 стр.).

Наконец, старец передает и такое назидательное чудесное событие: «спаси вас Господи за любезное писание ваше, от 17 февраля посланное и при оном описание Тихвинской обители с изображением образа Владычицы нашей Богородицы Тихвинская и описание исцеления мещанки Боровиковой. Дивны чудеса

матери Божией и в наши убогие времена являются в заступление православных христиан. И недавнишнее чудо о исцелении Валдайского крестьянина, о коем и вы пишете, должно бы поразить сердца неверующих или маловерующих и привести к познанию истинной православной нашей веры. Да еще также недавно было исцеление пораженной параличом с младенчества девицы Черниговской губернии, Новозыбковского уезда, в селе Брахлове; правая рука и нога были сведены, и глаз поврежден. Эта девица Екатерина до 27 лет была в таком положении, и так как хатка ее была близ церкви, только чрез улицу, то она ползала на левом боку в церковь к службе. 1859 года, июня 14 числа, в воскресный день. Она не могла быть в церкви по сильной боли, молилась дома на коленях, – в это время пришла к ней Госпожа, весьма пригоже одетая, в белом, волосы на голове светло-русые; Она села на скамейку и сказала ей: «Екатерина, вот ты сегодня по болезни хотя и не в церкви. но все же в доме помолилась, зачем же других людей на литургии очень мало бывает? Все за работами, им некогда в святые дни помолиться, а что имеют они лишнего от таких неугомонных работ своих? Все бедные, ничто у них не споро; потому Бог и наказывает их неурожаем, скотским падежем, холерою и войною, но они все не каются во грехах своих. Если еще будут пренебрегать наказаниями и не покаются, то и еще больших наказаний должны ожидать; уже и Я не могу умолить Бога о помиловании их. Ползи ты к священнику и скажи ему, чтоб он увещевал людей, чтобы калялись во грехах, в праздничные дни оставили бы работы, ходили в церковь, молились, праздновали по-христиански». В эту минуту болезнь ее утихла. Екатерина, бывшая за несколько минут калека, одноглазая, не владевшая ногами и левою рукой крестившаяся, вместо правой, 19-го июня входит к священнику в комнату совершенно здоровою, на ногах, без костылей и палки, крестится правою рукою, свободно смотрит обоими глазами, читает молитву Иисусову внятно и говорит твердыми и выразительными словами. Священник, видя такое явное чудо-исцеления калеки, тотчас уведомил о сем многих соседних священников, донес о сем духовному начальству, а Екатерина после 8 июля отправилась домой в

Киев, была в Почаеве и возвратилась благополучно домой. Вот дивное чудо! Где наука? Что они могут против этого сказать? Бог является простоте и смирению, а не разуму, обуенному мирскою мудростью. Возблагодарим Бога и Пречистую Деву Богородицу, Спасительницу рода нашего»! (стр. 263–264). Старец Амвросий высоко отзывался о письмах отца Макария.

Современник и сподвижник о. Макария и о. Амвросия Оптинский духовник о. Илларион, иеросхимонах, также вел обширную назидательную переписку, но, к сожалению, в печати имеется очень немного, и то только в сочинении: «Жизнеописание старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Иллариона». (Составлено одним из учеников его. Издание в пользу св. обители. Калуга. Типография В.В. Архангельского. 1897 года. Здесь записаны следующие наставления старца: о приеме богомольцев (192–193 стр.), о дорожной молитве (196 стр.), об игумене, о сношениях с мужчинами, о тщеславии, отзывах, церковном порядке, о прелести слезной, своей воле, о сборных деньгах, поклонах, посте, о скорби от врага, о юродстве, о молитве, о правиле, о советах и гордости, о суде над игуменью, об обиде на игуменью, о подношении епископу, о тоске, о молитве неразумной, о скромной пище, о ходатайстве за сестер (197–203 стр.).

Письма о. Амвросия еще только начинают издаваться (пока вышло 2 выпуска); письма о. Анатолия тоже, а пока эти издания не закончены, то говорить подробно о них еще преждевременно. Можно сказать лишь одно: судя по изданному, письма этих старцев проникнуты тем же духом любви, мудрости и глубокой опытности, как и писания старца Макария. Наставления же старца о. Амвросия, как в свое время говорили, заключается в постепенно печатающихся его письмах и также в новой книге о. архимандрита Агапита «Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха о. Амвросия» (1900. М. 1–2 ч.). Эти труды заслуживают особенного внимания всех вообще, и пастырей Церкви в особенности. Саров в конце целого ряда великих аскетов дал России преподобного Серафима. От Сарова отчасти получила свое начало и Оптина пустынь. Заведя затем старчество, явила миру, после отцов: Моисея, Льва и Макария,

о. Амвросия. И в то время, как Саров и Оптиная вора в внешнем виде имеют много общего, а Шамордино также свято хранит все оставшиеся после о. Амвросия, как Дивеево сохранило вещи о. Серафима, оба эти величайшие русские инокы XIX века: преподобный Серафим и о. Амвросий являются и лучшими, как бы обильнейшими наставниками – друзьями русского человека. Оба они явили высокую любовь, полную невыразимого снисхождения и сострадания горю людскому, нежную, чисто материнскую заботу, молитвенники и чудотворцы еще при жизни и по смерти (XIV, XV и XVI гл. I ч. и почти вся вторая часть книги о. Агапита посвящены описанию чудесных проявлений благодати Божией чрез Амвросия). В своих же наставлениях, сохранившихся письменно, дали плоды высокой своей духовной опытности. Как все высокое и жизненное, их наставления, по видимому, очень просты. Но чем более в них вдуматься, все глубже и глубже ложатся они на сердце, и расширяется их смысл. Неудивительно поэтому и то, очень уже нередко замечаемое, явление, что по мере того, как в лучах торжественного прославления Богом и Церковью за ликом ныне уже «преподобного» чудотворца Саровского Серафима, как диск луны при восходящем солнце, все более и более бледнеет образ просто «старца-батюшки-отца» Серафима, это место как бы занимает собою, и рядом с преподобным Серафимом поднимается другой любвеобильный кроткий и величавый образ старца-батюшки о. Амвросия.

Такова литературно-аскетическая деятельность о. Паисия Величковского и его достойного в этом деле преемника и продолжателя о. Макария Оптинского и его учеников. Литературно-издательская деятельность продолжается и, дай Боже, чтобы долго-долго не прекращалась она. Но уже и то, что сделано Оптиною, представляет нечто громадное и ценное. При этом, даже при самом беглом обзоре, нельзя не заметить того, что при преемнике о. Макария о. Амвросии литературно-издательская деятельность пошла несколько по иному пути, чем было при самом о. Макарии. О. Макарий издавал свято-отеческую аскетическую литературу, а о. Амвросий стал издавать церковно-исторические труды самой Оптиной пустыни. И в этом

нельзя не видеть одного из проявлений той духовной мудрости, какую обладал этот дивный старец. Дело вот в чем. Аскетическая свято-отеческая литература – остаток лишь малый от того великого древа иноческой жизни, какая процветала в первые века иночества христианского. Но как при корне старого дуба скоро вырастает молодая зелень и из новых побегов потом вырастают и новые могучие дубы, так и около свято-отеческой литературы, воскрешенной у нас о. Паисием и о. Макарием, возрос целый сонм отечественных подвижников, давших и плоды своей жизни: святость личную, сонмы учеников-подвижников и новую чисто-русскую аскетическую литературу. Эта литература представляет из себя тоже явление уже высокой важности и глубокого интереса. На эту то область и обратил свое внимание великий старец о. Амвросий и в оптинских церковно-исторических изданиях, и изданиях русско-аскетических, и сделал богатейший вклад в эту сокровищницу русской аскетики, в подвижнических жизнеописаниях дав образы светлые святого иночества, а в собраниях писем перлы духовной мудрости этих новых по времени, но близких по духу к древним великим отцам. К числу их принадлежал и сам он, почему его преемники издали и его жизнеописание и наставления.

С другой стороны, великому старцу и надобности уже не было работать много в переводной аскетической литературе. В это время выступил на это поприще еще один великий деятель. Это – епископ затворник Феофан. Епископ Феофан в прямых соотношениях с Оптиною не находился, но духовно был близок. Одно время у него даже была и мысль: самому перебраться в Оптину и слиться с Оптинцами в деле столь близком всем им. Так он раз писал Н.В. Елагину: «убирайтесь с своими делами, да и в келью, и начнем вдвоем. Или еще сговоримся с Оптинцами, и будет целое общество. Тогда веселее будет. Один одну строчку, другой другую, глядишь книга и есть» (Из письма от 14 ноября 1868 г. см. VII вып. писем святит. Феофана, стр. 37). Правда, до этого не дошло, однако он внимательно следил за оптинскими изданиями; в его письмах встречаются упоминания об изданиях оптинских: писания старца Паисия и писем о. Макария, отзыв о последних нами приведен выше. Так вот этот то святитель-

затворник и посвятил всего себя: и время, и здоровье, и громадную ученость на то, чтобы продолжить дело о. Паисия и Макария. И это выполнил он в течение многих лет, но с редким успехом. Он закончил труды великих старцев, и теперь в изданиях Оптиной пустыни и трудах епископа Феофана, изданных Афонским Пантелеймоновским монастырем, мы имеем прекрасную, богатую и полную аскетическую свято-отеческую и отчасти русскую библиотеку иноков. О. Паисий, о. Макарий и епископ Феофан, вот те три инока-подвижника, которые навсегда дали русскому иночеству все то, что нужно для правильной иноческой жизни. А как плодотворны эти аскетические книги и как важно для духовного преуспевания истинно-иноческое образование и просвещение вообще, тому есть уже и великие примеры. Как под влиянием писаний и изданий, рукописных старца Паисия в самого о. Паисия; так и под влиянием изданий о. Макария и под его руководством возрос и засиял, скрывая в лучах своего сияния образ старца о. Макария, о. Амвросий.

Какого же пробуждения и процветания в праве мы ждать от русского иночества, если не будут забыты, а будут сделаны неперенные достоянием каждой обители положили сил великие старцы Паисий, Макарий и Феофан, воспитавшие духовно уже великий сонм подвижников в главе с святым Серафимом и батюшкою о. Амвросием.

Архимандрит Никодим

Калуга, духовная семинария.

Декабря 7-го дня, 1906 года.

Местные церковно-исторические издания Оптиной пустыни

Как только скончался о. Макарий и были по времени собраны о нем сведения, Оптина пустынь издала его жизнеописание и тем положила прочное начало новому направлению в своей издательской деятельности, – церковно-историческому. И в общей совокупности церковно-исторические издания Оптиной пустыни представляют солидный вклад в русскую церковно-историческую литературу.

Кроме жизнеописания о. Паисия при издании его писаний в 1847 г. в первые же годы литературно-издательской

деятельности Оптиной пустыни были изданы еще три книги характера отчасти церковно-исторического, отчасти характера раскольно-обличительного. Это «Дух мудрования некоторых раскольнических толков», сочинение иеросхимонаха Иоанна 1837 г. (1841 г.) «Беседа в разрешение старообрядческих сомнений о принятии благословенных священников от Православной Восточной Церкви», иеросхимонаха Иоанна (1851 г.) «Доказательство древности трехперстного сложения и святительского имянословного благословения», собранные иеросхимонахом Иоанном (1853 г.). Ныне эти книги имеют только историко-библиографическое значение, но в свое время в таком краю, как Калужский, где раскол свил такое прочное гнездо, эти книги были очень полезны, написанные притом человеком, бывшим некогда в расколе. В историко-бытовом же отношении интересна собственно первая книжка, где старцем Иоанном описывается его жизнь в расколе и те несчастья, какие ему привелось перенести от раскольников, когда он задумал перейти в общение с Православною Церковью. И если издание и составление книг расколо-обличительного характера в Оптиной пустыне не привилось, зато издание местно-церковно-исторических работ не прекращается и по настоящее время. О жизни автора этих книжек обстоятельные сведения можно найти в первом издании исторического описания Оптиной пустыни 1847 г. По имеющимся в Оптиной пустыни письмам Н. П. Киреевской видно, что иеросхимонаха о. Иоанна глубоко уважал и сам Филарет, митрополит Московский.

Местно-церковно-исторические труды Оптиной пустыни частные могут быть подразделены на три группы. Прежде всего два жизнеописания настоятелей (братьев: архимандрита Моисея и игумена Антония). Затем жизнеописания старцев: Льва, Макария и Амвросия. Наконец, труды вообще исторического содержания, во главе с историческим описанием обители.

1) «Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея» было издано «в пользу св. обители» в 1882 году (в Москве).

Жизнеописание о. игумена Моисея начинается главою о детстве и ранней молодости о. Моисея. Эта глава обнимает

период времени с 1782 г. по 1811 г. Глава интересна с одной стороны, как картинка жизни из купеческого быта той эпохи, с другой же стороны, – это ценное сообщение чисто-исторического характера. Здесь заключаются интересные сведения: о инокине Досифее – дочери Императрицы Елисаветы Петровны, княжне Таракановой, и ее духовном влиянии на будущего Оптинского игумена; сообщается о подвижниках Свенской пустыни, где некоторое время жил о. Моисей. Этот отдел дорог тем, что он устанавливает ту живую связь, в какой находился о. Моисей с учениками о. Паисия Величковского. В Москве о. Моисей был в близком духовном общении с матерью Досифеею, она же сблизила его с о. Александром и Филаретом Новоспасскими, которые находились в духовном общении с о. Паисием. Казначей же Свенской пустыни о. Серафим, у которого жил о. Моисей, был учеником старца о. Василия (Кишкина), ученика и друга о. Паисия. Там же и тогда же жили: схимонах Афанасий, Афонский постриженник, долго живший с о. Паисием, иеродиакон Анастасий – ученик старца о. Василий (Кишкина), монах Варфаламей из Паисиева Нямецкого монастыря, другой схим. Афанасий (Захаров), ученик и постриженник о. Паисия.

Во второй главе, где говорится о пребывании в Рославльских лесах, мы находим еще более интересные известия о духовной близости о. Моисея с Паисиевыми учениками и последователями, и о первых встречах всех главнейших впоследствии деятелей Оптинского старчества. Удалившись в Рославльские леса, о. Моисей в 1812 году, по случаю французского нашествия, временно выехал в Белобережскую пустынь, где настоятелем был о. Серафим, бывший Свенский казначей. Живя здесь, о. Моисей ухаживал за больным схимонахом Афанасием, учеником и постриженником о. Паисия Величковского, каковой старец Афанасий потом умер в 1823 году в Площанской обители, на руках о. Макария, впоследствии Оптинского старца. В 1816 г. когда о. Моисей жил опять в лесах, пришел его брат, впоследствии Мало-Ярославецкий игумен, Антоний. Вместе с ним в 1816 году о. Моисей ездил в Киев на богомолье, где они с любовью были приняты лаврским наместником о. Антонием, впоследствии

архиепископом Воронежским. На обратном пути были: в Софрониевой пустыни: с игуменом Варлаамом, казначеем Германом и духовником Симеоном, учениками архимандрита Софрония – ученика старца Василия Поляномерульского, у которого учеником и постриженником был и о. Паисий Величковский; в Глинской пустыни виделись снова с о. Василием Кишкиным, в Площанской пустыни познакомились с о. Макарием, Оптинским потом, а в то время бывшим иеродиаконем, в Орле с игуменом о. Филаретом Глинским; ехали же из Киева с о. иеросхимонахом Иоанном Оптинским, автором книжек против раскола. В 1819 году братья ездили в Оптину, где познакомились в духовником Иеремиею-схимонахом и еще с двумя старцами: Феофаном и Варлаамом. Схимонах Феофан был постриженник о. Паисия и жил с ним до кончины, а Варлаам, впоследствии тоже схимник – Вассиан, его ученик, был одним из первых Оптинских скитников. Заканчивается глава сообщением о переходе о. Моисея в Оптину пустынь. К этой главе в тесном соотношении находится одно из приложения к книге: о Рославльском пустынножительстве, принадлежащая перу о. Климента Зедергольма, много и вообще потрудившегося над собиранием материалов для биографии о. Моисея. Глава богата интереснейшими подробностями о подвижничестве XIX века. Но для нас особенно интересно то, что говорится здесь о значении переводов о. Паисия для пустынников, из среды коих вышли Оптинцы. О. архим. Ювеналий, автор жизнеописания, между прочим, сообщает следующее:

«В свободное от молитв время главным занятием о. Моисея было чтение и переписывание книг св. отцов подвижников. Еще в бытность свою в Свенском монастыре в 1810 году и в Белых Берегах в 1813 году он переписал полууставом с переводов Молдавского старца Паисия Величковского книгу св. Иоанна Лествичника, житие Симеона, Нового Богослова, поучительные слова его и Стишную книгу. В Рославльском лесу у старца о. Афанасия он нашел многие другие рукописи свято-отеческих книг, переведенных тем же старцем Паисием и, пользуясь этими духовными сокровищами, а также и другими книгами составил вместе с братом своим Антонием несколько рукописных

сборников – выписок из поучений св. отцов. Эти замечательные сборники хранятся в библиотеке Оптиной пустыни и содержат в себе изложенные в последовательном порядке правила христианской жизни, особенно монашеской. И свидетельствуют о том, с каким вниманием и разумением оба брата читали творения духоносных отцов. Вот заглавия этих сборников: 1) *О подвижничестве иноков*, в трех книгах. 2) *О покаянии и спасении души*, в трех книгах. 3) *Уединенное поучение*, в двух книгах и 4) *Душевная пища для всегдашнего употребления*.

До глубокой старости о. Моисей (равно как и Антоний) не оставлял чтения духовных и других общепользовных книг и потому имел обширные сведения не только о духовных предметах, но и о других отраслях человеческих знаний. Замечательно еще, что по особенному благоговению к книгам св. отцов братья – подвижники: о. Моисей и о. Антоний, живя в Рославльском лесу имели обыкновение читать и писать их стоя, и это – после продолжительного стояния на молитве.

Третья и четвертая главы посвящены описанию жизни и деятельности о. Моисея в бытность в Оптином скиту и на Оптином настоятельстве. Характер этих глав вполне верно очерчен о. архимандритом Ювеналием, который в своем предисловии в Жизнеописанию 16 июня 1881 года, в Оптиной, писал:

«Полагаю, что задачу жизнеописателя добродетельного мужа составляет не обязанность только обрисовать в общих чертах прекрасную фигуру его нравственного величия, часто недостижимого для простых смертных, а изобразить, для духовной пользы читающих, его верность в малом (Ев. Луки 16, 10), выражавшуюся в различных случаях жизни, и то, как он, при помощи Божией, чрез этот подвиг в малом, достигал постепенно духовно-великого, – той победы над страстями души и тела, того очищения сердца, которые составляют цель внутренней жизни и деятельности христианина.

Соответственно главнейшим периодом жизни покойного о. архимандрита, и биография его разделена на 4 главы. Последняя из них особенно замечательна. Это не сказание из отдаленных времен. Это картина жизни современного нам

духовного мужа, не отличавшегося по внешности великими подвигами.

Книга эта, таким образом, имеет глубокий церковно-исторический интерес. Но она же и поучительна в жизненно-практическом отношении. «Несомненно, что всякий разумно внимательный читатель, ищущий душевной пользы, найдет ее в словах и действиях покойного о. архимандрита Моисея, но особенно настоятельствующие в обителях иноческих встретят здесь, в поступках покойного вождя духовного, великий пример и образец того, как и в наше грустное время возможно вести себя духовному пастырю и с успехом пасти стадо Христово», писал о. архим. Ювеналий в заключении своего предисловия, и это сущая правда. Епископ астраханский Герасим, подвижнического настроения духовный писатель, находившийся в духовном общении с о. архим. Моисеем и Оптинцами вообще, бывший в те годы Калужским ректором и благочинным монастырей, при погребении о. Моисея говорил надгробное слово, где, между прочим, так охарактеризовал эту святую и великую в скромности своего смирения личность. Он говорил:

"Внидеши во гроб якоже пшеница созрелая во время пожатая, или якоже стоге гумна во время свезенный (Иов. 5, 26).

Сколь ни давно уже предсказана была сими словами блаженная кончина в глубокой старости многострадальному Иову, однако они и теперь могут иметь свое приложение. Вот и усопший о Господе брат наш положен во гроб, как зрелая пшеница – в житницу, или, подобно колосу, во время сжатому и сложенному в стог, скоро сокроется телом в могиле, до всеобщего воскресения. Руководимый и укрепляемый Господом, долго развился он и усовершенствовался: то в лесах Рославльских, по предварительном испытании себя в Саровской и Свенской обителях, – то здесь на ваших глазах, подобно плоду наливался, созревал и созрел, наконец, служа в преподобии и правде более 40 лет здешней обители, для благоустройства коей так много сделано им, что память о нем никогда не умрет.

Если не непоучительна жизнь и самого обыкновенного человека с его кончиной, то жизнь такого подвижника

благочестия, который *отходит к отцам своим в мире и в старости добрей* (Быт. 15, 15), особенно заключает в себе много поучительного.

В тесной связи с этим жизнеописанием стоит жизнеописание и другого брата – игумена Антония.

2) Жизнеописание другого брата – игумена о. Антония Малоярославецкого, было издано Оптиной в 1870 году, под заглавием: «Жизнеописание настоятеля Малоярославецкого Николаевского монастыря Игумена Антония». Это издание состоит из шести глав, части биографической и приложений. Частные, в состав книги входят:

Глава 1. Детство и первые годы юности; 2. Пребывание в Рославльских лесах; 3. Пребывание в скиту Оптиной пустыни; 4. Настоятельство в Малоярославецком Николаевском монастыре; 5. Пребывание на покое в Оптиной пустыни; 6. Последние годы и кончина.

Приложения: 1. Келейная Записка Игумена Антония, для памяти о минувшем своем житье-бытье младенческом и отроческом; 2. Письма Александра Путилова к брату; 3. Отрывок из дневника о. Антония 1820 и 1824 г.; 4. Отрывок из келейного календаря о. Игумена Антония; 5. Письмо о. Игумена Антония Бочкова от 24 августа 1865 года, (по получении известия о кончине о. Игумена Антония); 6. Замечательный случай, бывший по смерти о. Игумена Антония.

Здесь, как и в первых двух главах, много ценных материалов для биографии трех братьев-игуменов: Моисея Оптинского, Антония Малоярославецкого и Исаии Саровского из периода их жизни в доме родителей. Третья глава, пятая и шестая – дополняют главы из жизнеописания о. Моисея за обнимаемый ими период жизни старцев.

Глава четвертая обнимает время игуменствования о. Антония в Малоярославецком монастыре. Сравнительно с другими главами, эта глава фактическим содержанием значительно слабее. Впрочем, несколько она может быть дополнена из исторического описания Малоярославецкого монастыря в издании 1903 г. Это последнее, составленное в 60-х годах, теперь имеется в издании 1903 г. Труд о. ар. Леонида. Но

для характеристики о. архимандрита Антония, как настоятеля – старца, материалов здесь очень достаточно. Кроме того в книге много аскетического – учительного материала, главным образом заключающегося в напечатанных там письмах. Для примера мы приведем здесь хотя одну выдержку. О. архимандрита Саровский в одном из писем так определяет монастырское настоятельство: «Настоятель все равно, как сердце в человек, чрез которое кровь естественным движется и обращается. Настанет день, только и знай, распоряжай: кого куда. А способных то немного. Вот в том то и тяжек наш крест. Мне мнится: легче быть больным телом и терпеть, нежели спасать других. Претрудная есть вещь по нынешним обстоятельствам настоятельство, и не без опасности для своего спасения». В числе приложений помещено и письмо о. игумена Антония (Бочкова) от 24 августа 1865 года, писанное по получении известия о смерти о. игумена Антония. Этот старец, близкий к покойному Игумену, так характеризует светлую личность о. Антония. Он пишет:

Отец Антоний был истинный сын матери нашей – Православной Церкви, строгий исполнитель всех ее заповедей и даже советов, глубокий знаток и хранитель ее уставов и преданий. Он всю жизнь доказал, что монашество возможно и в наше время, и что заповеди Христовы тяжки не суть. Он был тот скопец по духу, который, оставивши все имение, последовал Христу, взявши крест Его, и внутренним произволением уды свои искажил царствия ради Божия и от пустынножительства, от стояний и поклонов, и частью от болезни, которая также привилась к нему от глухих и болотных лесов Смоленской губернии, ноги его превратились в одну язву, невольно напоминавшую язвы Христовы.

В юности он испытан был Господом необычайным испытанием, вложен был яко злато в горнило. Это великое горнило была Москва в 1812 году; в ней о. Антоний с немногими соотечественниками оставался, как бы преданный в жертву вместе с древнею нашею столицею, Иерусалим России. В этой Вавилонской печи девственный юноша, достойный по чистоте быть причтенным к отрокам Халдейским, укрепился верою в

Промысл Божий, изводящий возлюбленных Своих из нечаяния в желанный покой безмолвия. Он, как пленник, носил на раменах своих тяжелый параман – неприятельские ноши, и смиренно преклонял выю свою под тяжелое иго, наложенное временно десницею Вышнего на всю Россию. Потом перешел к пустынножительству, потом в ваши леса, где с братом своим они были первыми пчелами вашей скитской пасеки, собирателями и делателями того благоухающего меда и сота, который впоследствии усладил и наши иссохшие гортани. С того времени прекрасные цветы монашества возросли в обители вашей и доселе ее украшают. Потом, после краткого настоятельского послушания, перешел к страдальческому, болезненному покою, который увенчался, как пишете вы, монашескою радостною кончиною.

Покойный о. Антоний был истинный бескровный мученик послушания. Повинуясь старшему брату – старцу и настоятелю во всем, унижая себя и свою личность, будучи токмо исполнителем приказаний отца – брата, он, однако же невольно блистал и сам собою, Богом данными, и усугубленными талантами. Превосходный чтец и певец, один из лучших уставщиков всего монашества, он был первым украшением Оптинской, особенно скитской церкви, которая стала для него любимым единственным местом духовной отрады, его первою мыслью, его жизнью. Он соблюдал в ней порядок, ее священный чин, возлюбил ее красоту, чистоту; готов был устами отвеать малейшую пылинку, замеченную им на лице возлюбленного его малого храма, восходившего при нем постепенно в свое благолепие, и срубленного вначале его секирою. Служение девственного старца было истинным богослужением. Весь отдаваясь Духу Утешителю с первого воздеяния рук, он до исхода из храма не принадлежал себе, а, кажется, перерождался и соединялся с Херувимами, которых изображал втайне пламенным и стройным служением своим.

Исходя из церкви для келейной тихой жизни, он становился опять первым рабом старшего брата, безмолвником по любви и по благословению отца. Послушание заставило его противу природы своей принять на время настоятельство

Малоярославецкое. Но, вырванный из улья скитского и аскет по влечению сердца, он только томился на своем послушании (не стану говорить, сколь тяжело оно!); и потом с радостью возвратился в родной монастырь, и конечно оградил себя, как и в мое время, целыми стенами отеческих книг от всяких искушений, кроме болезни. Я не знал такого любителя чтения, как покойный о. Антоний. Беседа с почившими святыми была для него всегда препровождением того времени, которое для многих течет как то тяжело и долго. А для него. При его природной веселости, шло незаметно при однообразной скитской жизни моего времени. Скажу, что при строгости к самому себе, при внимании и хранении уст, он иногда легкою, милою шуткою изредка вызывал улыбку ближайших к нему. Она, эта шутка, как нечаянная искорка или блеск на темной монашеской мантии, тотчас потухла. При мне (назад тому 30 почти лет) учеников у него было немного. Только всею душою преданный ему Савватий был его келейником и оберегателем нестяжательного старца. Немного найдется и Савватиев по верности и преданности.

Простите, что не более воспоминаний сохранил я о кратком времени моего соседства с покойным. Что пришло в голову, то и передаю в ваше распоряжение, как высушенный и выдохшийся листок, сохраненный 30 лет между листьями позабытой книги.

Это жизнеописание составлено о. Климентом Зедергольмом.

Оба эти жизнеописания о. Моисея и о. Антония заслуживают самого серьезного внимания всех вообще, кому дороги интересы монашества. Но особенно эти книги должны бы быть дорогими и служить предметом особенного внимания для настоятелей монастырей и вообще иноков, занимающих начальственные руководящие должности. Не сделают того разного рода инструкции и правила, сколько могут сделать в этом случае эти жизнеописания. Уже давно сказано, что слова только учат, а примеры влекут в делу. Если бы эти жизнеописания стали настольными книгами наших иноков – начальников, они в сознании этих последних многое осветили бы, многому научили бы.

В 1898 г. было напечатано в «Душеполезном Чтении» и издано затем отдельно жизнеописание и третьего замечательного Оптинского настоятеля Архим. Исаакия – труд о. арх. Агапита. Жизнь этого старца имеет те же отличительные в общем черты, как и жизнь о. Моисея. Читается книжка с глубоким интересом.

Вторую группу, как мы сказали, составляют жизнеописания старцев. Таких книг несколько.

3) Три великие старца украсили Оптину пустынь: о. Лев, о. Макарий и о. Амвросий, и благодарная обитель издала их жизнеописания, в которых и сохранены навсегда светлые черты деятельности этих великих вождей православного иночества в XIX столетии. Жизнеописание первого старца о. Льва-Леонида было издано с следующим предисловием, в котором объясняется жизнеописание.

«Покойный Калужский преосвященный Николай, при жизни старца Леонида по-видимому не благоволивший к нему, по смерти его первый подал мысль составить его жизнеописание. Но вскоре, по кончине старца, не могли исполнить это предложение преосвященного, потому что не было еще в готовности многих материалов, а более потому, что принявший на себя это дело присный ученик о. Леонида иеромонах о. Антоний Бочков (впоследствии игумен Черменецкого монастыря), хотел во всей полноте описать жизнь старца, как ее видел: но затруднился, так как старец действовал и выражался очень своеобразно, и даже полуюродствовал: видеть и понимать это было можно, а выразить на словах и вполне передать другим неудобно. Поэтому о. Антоний два раза брался составлять жизнеописание старца, но оставил только некоторые записки. Сознавая это неудобство, мы предложили себе более скромную задачу, – собрать и написать об о. Леониде. Что было возможно.

При составлении настоящего жизнеописания, мы пользовались означенными записками о. Антония Бочкова⁴⁸, а кроме того, имели в виду:

1) Письма самого старца о. Леонида (неизданные), в которых он упоминает об обстоятельствах своей жизни на Валааме, в Свирском монастыре и в Оптиной пустыни.

2) Предисловие к «Житию и писаниям Молдавского старца Паисия Величковского» (Москва, 1847 г.), где на страницах VI-VIII содержится краткий перечень важнейших обстоятельств из жизни о. Леонида, составленный ближайшим его учеником и преемником, старцем о. Макарием Ивановым.

3) Собрание писем того же Оптинского старца иеросхимонаха Макария (Москва. 1862 г.), в которых он, между прочим, передает о предсмертной болезни и кончине о. Леонида.

4) Составленное бывшим Оптиным иеромонахом о. Леонидом Кавелиным, (нынешним архимандритом Воскресенского монастыря, Нового Иерусалима), «Историческое описание скита при Оптиной пустыни» (С.-Петербург. 1862 г.), в котором на страницах 93–142 помещены сведения о старце о. Леониде, какие в то время можно было о нем собрать

5) Составленное им же «Историческое описание Белевского девичьего монастыря» (С.-Петербург. 1863 г.), в котором на страницах 67–89 изложены сведения о гонении, воздвигнутом в 1839–1841 г. на Белевских учениц старца о. Леонида.

6) Письмо настоятеля Тихоновой пустыни, о. Геронтия, (неизданное), о последних днях жизни о. Леонида.

7) Рассказы о старце духовных его детей и близко знавших его лиц. Некоторые из этих рассказов переданы нам письменно, а другие сообщены устно».

Самая книга состоит из семи глав и двух приложений. Главы со второй по седьмую и приложения посвящены описанию старческой деятельности о. Льва. Здесь во всей своей нравственной величине встает перед читателем этот «един от древних», и эти главы дают прекрасное доказательство тому, как и теперь осуществимы идеалы иночества, были бы только люди всецело себя освятившие этому делу. Чтение этой книги в силах доставить всякому много светлых мыслей и душевной отрады. Так как входит в вопросы о самом старчестве не составляет задачи нашей работы, то более подробно об этом и не станем говорить здесь. Мы обратим лишь внимание на первую главу. Первая глава обнимает в себе период из жизни старца о. Льва до перехода его в Оптинский скит. Глава эта находится в ней о

сношениях о. Льва с учениками о. Паисия. О. Лев – постриженник старца Василия Кишкина, о коем говорили ранее. Когда же временно о. Лев жил в Челнском монастыре, то был в близком общении с жившим там старцем о. Феодором. О. Феодор же был учеником о. Паисия Величковского. В Белобережской же пустыни о. Лев жил еще и с о. Клеопой. А схимонах Клеопа был тоже учеником о. Паисия. В эти же годы он познакомился и с Орловским инспектором семинарии, настоятелем Свенского монастыря. Это и был тот самый Филарет, который в последующие годы был сначала епископом Калужским, а потом митрополитом Киевским, основателем, в бытность в Калуге, Оптинского скита...

4) «Сказание о жизни и подвигах блаженные памяти старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Макария», второго великого Оптинского старца, было издано в 1881 году и принадлежит перу о. архимандрита Леонида, который в предисловии к своему труду пишет:

"Паде кедр, – плачевоплествите ели (Зах. XI, 2).

7-го сентября 1860 года в 7 часов утра скончался о Господе в скиту Оптиной пустыни, на 72 году от рождения, старец иеросхимонах Макарий, один из наиболее известных русскому православному народу современных нам подвижников благочестия; имя его с благоговением повторялось в самых отдаленных краях России, и духовная деятельность его простиралась далеко за пределы той пустынной обители и тесной кельи, в которой проводил он сокровенную свою со Христом в Боге жизнь.

Приняв на себя труд, по общей просьбе многочисленных учеников и особ, пользовавшихся духовными наставлениями старца, составить очерк его богоугодной жизни, – близким свидетелем которой сподобил Господь быть и меня многогрешного, – я дерзнул на сие лишь в той надежде, что исполненные духовной мудрости письма старца, помещенные в приготовленном к печати сборнике, дополняют духовную скудость моего сказания. Неизлишним считаю заметить, что все собранные мною здесь сведения о покойном старце поверены

свидетельством ближних учеников нашего общего отца, наставника и благодетеля.

Для удобнейшего обозрения столь плодотворной, по своей духовной деятельности, жизни старца, признаем необходимым разделить наше сказание о нем на три отдела, сообразно важнейшим событиями его жизни: 1) до вступления в монастырь: лета младенчества, отрочества и юношества, от 1788 по 1810 год; 2) пребывание в Площанской пустыни от 1810 по 1833 год; 3) пребывание в Оптиной пустыни от 1833 по 1860 год.

I. Л.-

16 октября

1860 года.

Скит Оптиной пустыни».

Последний отдел во многом дополняет и сам дополняется в жизнеописании старца о. Льва, с которым о. Макарий сначала познакомился еще в Белобережской обители, а потом много лет провел в Оптином скиту. Первые же отделы для нас очень интересны потому, что содержат в себе ценные сведения о том: как о. Макарий вошел в сношения с учениками о. Паисия, стал их учеником и приобрел те Паисиевские переводы свято-отеческой аскетической литературы и собственные старца писания, которые потом и были изданы Оптиной пустынью. Живя в Площанской обители, о. Макарий в течение многих лет находился в духовно-опытном ученичестве у старца схимонаха Афанасия, который был учеником старца о. Паисия. Старец о. Афанасий особенно часто любил рассказывать своим ученикам о старце своем Паисии, архимандрите Молдаво-Влахийской Нямецкой обители, что он был муж добродетельный и премудрый в слове и разуме духовном, имел дарование слез, и когда брат придет к нему пользы ради, то он станет его утешать, сам плачет и брата приведет в слезы. Сказывал и о прочих добродетельных старцах. У него были все аскетические переводы о. Паисия. О архимандрите Леониде в жизнеописании пишет:

Занимаясь, по благословению старца Паисия, выписками из отеческих и церковных учительских книг: о молитве, смирении, терпении, послушании, любви и прочих христианских добродетелях, о стяжании которых он имел всегдашнее

попечение, старец о. Афанасий имел у себя верные списки всех письменных трудов приснопамятного своего старца Паисия: книгу высокого учителя внутренней жизни св. Исаака Сирина, исправленные старцем древние славянские переводы писаний: преподобного Макария Великого, св. Иоанна Лествичника, св. Варсануфия, Фалассия и св. Симеона, Нового Богослова (12 слов и Стишная книга) и им самим переведенные писания: Максима Исповедника слово по вопросу и ответу, огласительные слова Феодора Студита, слова Григория Паламы и некоторые другие.

По благословению старца о. Афанасия любознательный ученик его с горячим рвением принялся утолять свою духовную алчбу и жажду внимательным чтением и трудолюбною перепискою этих рукописей, выучившись нарочито для сего уставному письму. Глубоко печатлелись на чистом сердце и памяти юного инока слова писаний свято-отеческих, над которыми проводил он многие бессонные ночи. Все это, как показывало время, было промыслительно: приобретение верных списков с переводов старца Паисия послужило по времени к изданию этих переводов на пользу общую; а усвоение и сохранение восприимчивою памятью множества изречений и мыслей из отеческих писаний принесло сториичный плод, когда Промысл Божий вызвал Своего избранного на служение душевной пользе многих.

В 1819 году о. Макарий пешком ходил на богомолье в Киев, где с любовью был принят наместников Лавры архимандритом Антонием, впоследствии архиепископом Воронежским. На обратном же пути заходил в Глинскую пустынь, где вошел в близкое духовно-дружеское общение с одним из учеников о. игумена Филарета (ученика Феодосия-Паисиева сподвижника), иеродиакон Самуилом, опытным в молитве Иисусовой, в каковом молитвенном подвиге тот был под руководством своего наставника – также ученика Паисева ученика. С о. Самуилом о. Макарий провел три дня за чтением книги св. Исаака Сирина. Когда же о. Макарий, временно с епархиальным владыкою своим поживший в С.-П.-Б-ге, возвращался обратно, то в Москве гостил у старца Филарета Новоспасского, тоже сподвижника

Паисиевых учеников. Потом он водворился в Оптиной, где, среди всех своих самых разнообразных трудов и забот, воспитал себе и преемника в лице о. Амвросия. Описанию Оптинского периода жизни о. Макария и посвящено, в книге в 175 страниц, все кроме 54 первых страничек. Книга заканчивается ценным отделом – об издании переводов свято-отеческих книг, с приложением и части переписки по этому делу.

Это жизнеописание ценно еще и по находящемуся в нем списку других Оптинских подвижников, преимущественно учеников старцев Льва и Макария.

Но самым великим наставником, таким учеником был следующий старец – о. Амвросий, скончавшийся 10 окт. 1891 года.

5) В первые годы по смерти о. Амвросия спрос на его жизнеописание удовлетворялся книжкою о. архимандрита Григория, книжками г. Поселянина. Но вот в 1900 году уже было издано и самими Оптинцами жизнеописание старца о. Амвросия. Труд о. архимандрита Агапита носит название: «Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского Старца Иеросхимонаха Амвросия, с его портретом и факсимиле, в двух частях». В предисловии автор пишет: первую и главную побудительною причиною к составлению предлагаемого жизнеописания Оптинского старца, батюшки иеросхимонаха Амвросия, послужил священный долг Оптинской обители сохранить благодарную память о своем родном дорогом старце и великом благодетеле, изливавшем милости свои не только на сожительствовавших с ним отцов и братьев, но и на других очень-очень многих лиц, вдали от него живших. Во-вторых, желалось составить жизнеописание старца возможно-полное, собрав разные о нем сведения, появлявшиеся в печати в разное время и в разных духовных журналах, а также и в рукописях, и устные о нем рассказы близких к нему лиц. Наконец, в третьих, хотелось представить сведения о жизни старца тщательно проверенные; так как во всех доселе вышедших жизнеописаниях его замечаются погрешности.

Источники к составлению жизнеописания старца Амвросия следующие:

1) Устные и письменные рассказы Оптиных монахов, живших близко к старцу Амвросию, а также монахинь Шамординской общины и других женских монастырей, и некоторых мирских людей, всею душою ему преданных.

2) Скитская летопись в рукописи, хранящаяся в скитской библиотеке.

3) Некоторые сведения о старце Амвросии, извлеченные из архивов: Оптинского монастыря, Тамбовские и Калужской консисторий.

4) Письма Оптинского старца иеросхимонаха о. Амвросия, помещаемые в журнале «Душеполезное Чтение».

5) Сказание о жизни Оптинского старца, отца иеросхимонаха Амвросия, напечатанное в «Душеполезном Чтении», 1892–1894 г. – Архимандрита Григория (Борисоглебского).

6) Отец «Душеполезном Чтении» 1892 г.

7) Краткое сказание о жизни Оптинского старца иеросхимонаха о. Амвросия. С приложением избранных его поучений. Брошюра. Издание Оптинской пустыни. Москва. 1893 г.

8) Иеросхимонах Амвросий, старец Оптинской пустыни. Издание Шамординской Казанской женской общины. Москва. 1892 г.

9) Тяжелая утрата. (Оптинский старец Амвросий). Ф.П. Ч-на. Брошюра, изданная в пользу Шамординской женской общины. Москва. 1892 г.

10) Мелкие статьи об Оптином старце Амвросии, печатавшиеся в разное время и в разных журналах.

Вследствие неточности некоторых о старце Амвросии сведений в поименованных его жизнеописаниях, пришлось пользоваться ими, при составлении предлагаемого жизнеописания, с большой осторожностью.

Издаваемая теперь книга содержит в себе две части. В первой желалось, так сказать, нарисовать портрет старца Амвросия, т.е. показать, как он, мало по малу, восходя от силы в силу в жизни духовной, достиг, наконец, в мужа совершенно, в миру возраста исполнения Христова (Ефес. IV, 13). Во второй же

части – показать, или по возможности раскрыть его особенную заслугу, соделавшую его столь славным в наше слабое, маловерное, если не сказать более, время, т.е. его «старчествование», или руководство ко спасению душ, ищущих спасения, закончив последними его днями.

В сем, нелегком для малоспособности автора, порученном ему труде призывает он в помощь молитвы почившего о Господе, описываемого старца Амвросия, а вместе, по его молитвам, и благословение Божие. Архимандрит Агапит.

В первой части шестнадцать глав. Содержание самое разнообразное.

I. Рождение и воспитание Александра Михайловича Гренкова, впоследствии старца иеросхимонаха Амвросия. II. Причины, побудившие Александра Михайловича поступить в монастырь. III. Оптина пустынь к приезду Александра Михайловича; его приезд и определение в монастыре в числе братства. IV. Переход Александра Михайловича из монастыря в скит и начало его подвижнической жизни в скиту. V. Отец Александр – монах и иеромонах под крестом болезней. VI. Жительство иеромонаха Амвросия до кончины блаженной памяти старца Макария. VII. Первые годы самостоятельного старчествования иеромонаха Амвросия до кончины скитоначальника иеросхимонаха Илариона. VIII. Общий взгляд на подвиг старчествования иеросхимонаха Амвросия. А) Его внешняя обстановка и обыденная жизнь. IX. Б) Воскресные и праздничные дни, и особые случаи. X. Некоторые общие наставления старца Амвросия, записанные большею частью хибарочными посетительницами. XI. Основание старцем Амвросием Шамординской Казанской Горской женской общины. XII. Нравственный облик иеросхимонаха Амвросия, как старца. XIII. Евангельская любовь старца Амвросия, выражавшаяся, по отношению к ближним, а) вещественною помощью и б) мудрыми советами. XIV. Еще несколько случаев прозорливости старца Амвросия, по рассказам мирских лиц, и его письменные советы и наставления. XV. Любовь старца Амвросия к ближним, выражавшаяся, в) вследствие его действенной молитвы к Богу, сверхъестественною помощью и исцелением болезней телесных

и душевных. XVI. Сила слова старца Амвросия, его обращение с посетителями и наружный вид.

Вторая часть состоит из 14 глав и семи приложений.

Редко можно встретить в нашей литературе жизнеописание подвижника столь обстоятельно, талантливо, содержательно, а главное любяще-тепло написанное, как труд о. Агапита. В нем величаво обрисовывается светлая личность о. Амвросия: и в часы подвигов поста и молитвы, и в трудах самоотверженного служения ближним, и в минуты отдыха. Кроме того, есть здесь немало и вообще ценного материала из той эпохи, в которую жил этот второй наш Серафим. Для характеристики как авторских приемов о. Агапита, так и содержания книжки, мы приведем здесь выдержку, где говорится об отношениях к Оптиной пустыне замечательнейшего Калужского архипастыря Григория. О. архимандрит пишет:

«К особым случаям в жизни старца Амвросия можно отнести и посещения его Калужскими владыками, каковые посещения приходились в летнее время, когда преосвященные обыкновенно ездят для обозрения своих епархий. Для встречи своего архипастыря, старец одевался во все иеромонашеское облачение: рясу, мантию и клобук, выходил на крылечко своей кельи, при входе на которое святителя кланялся ему в ноги, принимал благословение и вводил его в залик. Здесь иногда наедине с архипастырем проводилось им несколько времени во взаимной беседе. При посещении владык старец всегда держался обычной своей детской простоты. Если во время беседы с архипастырем у него сырели ноги, отчего он всегда испытывал сильную головную боль, то он, нисколько не стесняясь, тотчас же испрашивал у святителя благословения переобуться, и тут же при нем переобувался. Особенное уважение питал старец к покойному архиепископу Григорию. Всегдашний отзыв старца о святителе был таков: «умен и свят». Потому каждое слово сего архипастыря он считал выражением воли Божией, и всегда через о. игумена Исаакия, нередко посещавшего по делам Калугу, обращался к нему за решением важнейших вопросов относительно внешней и внутренней жизни обители, если почему либо затруднялся брать это решение на

себя, советуя и самому о. игумену вопрошать в таких случаях архипастыря, как самим Богом поставленного, и поступать согласно его воле. Дивно было смирение владыки Григория. Выслушав от Оптинского настоятеля какой-либо старцев вопрос, он не сразу решал, а спрашивал: «а как смотрит на это старец?» И уже после решал вопрос, сообразуясь с мнением самого старца. В некоторых же случаях прямо говорил: «Да это уже как старец решит, – я не беру этого на себя».

Интересно здесь кстати сообщить еще и следующие подробности. О. архимандрит Агапит, некогда, как сам рассказывал нам, «пришел к о. Амвросию и просил совета: взяться ли ему за составление жизнеописания старца Илариона Троекуровского, о чем просили его монахини, или нет? Старец о. Амвросий на это с ласковою улыбочкою ответил: «возьмись, возмись, да и поучись, как надо будет писать жизнеописанию то». А сам все улыбается и улыбается... Точно он предвидел, что приведет Господь мне писать его жизнеописание», прибавил о. архимандрит.

К типу старческих житий следует отнести и жизнеописание духовника обители о. Илариона. О. Иларион был учеником о. Макария и сотоваришем о. Амвросия. И в жизнеописании его многое имеет отношение к жизни этих старцев, чрез что и является это жизнеописание как бы добавлением к старческим жизнеописаниям.

6) Жизнеописание духовника Оптинской пустыни о. Илариона состоит из обширного некролога и приложений.

Это – объемистый том в 340 страниц. Содержание его самое разнообразное. Весь труд состоит из семи глав. Главы вторая и третья имеют интерес как в отношении самого о. Илариона и его жизни, так и для биографии, архиепископа Иакова, знаменитого иерарха и аскета Нижегородского. Глава же четвертая и некоторые из приложений очень ценны для биографий о. Макария и Леонида и отчасти о. Амвросия. Более частные предметы изложения такие:

Глава 1-я: Предки старца; детство и отрочество Родиона Никитича; пребывание Род. Ник. В Москве. Переселение Род. Никит. В Саратов. Его домашняя там жизнь и занятия.

Глава 2-я: о расколе в Саратовском крае и условиях, благоприятствовавших его распространению. Родион Никитич с успехом выступает борцом против раскола; знакомство его с Климchonком. Успешные действия против раскола преосвященного Иакова, при содействии благочестивых людей всех сословий и состояний.

Глава 3-я: о некоторых неблагоприятных обстоятельствах, при которых приходилось действовать Родиону Никитичу и братству. Деятельность братства и неприятности Родиону Никитичу по открытию в Саратове секты скопцов. Поездки Родиона Никитича по монастырям и поступление в Оптиную пустынь.

Глава 4-я: пребывание о. Илариона в скиту под руководством старцев о. Леонида и о. Макария (до кончины последнего).

Глава 5-я: о построении в скитской церкви Макарьевского придела. О старческой и духовной деятельности о. Илариона (из записок монаха о. Порфирия С.). О некоторых случаях клеветы и хулы на старца о. Илариона.

Глава 6-я: о здоровье старца и его последней болезни. Отношение старца к врачам и врачеванию. Кончина старца и его погребение.

Глава 7-я. Приложения. Из писем и воспоминания о старце о. Иларионе его духовных детей. Из писем Белевской монахини, ныне игуменьи Вознесенского женского монастыря, близ г. Сердобска, Саратовской губернии, Магдалины Арсеньевой к о. казначею Флавиану. Рассказ о послушнице Глаголевой. Из записок Белевской монахини Михайлы Болотниковой. Из воспоминаний монахини И.А. Из писем Н.А. Т. к еромонаху Оп. Пуст. О. Флавиану. Рассказ отца Иеронима. Отрывки писем к Родиону Никитичу от его Саратовских знакомых – и его ответов к ним. Последние году о. игумена Моисея Миртовского. Сведения о благочестивом старце Семене Климыче. Несколько слов о старце о. Леониде. Сведения о житии казначея Оптиной пустыни о. иеросхимонаха Флавиана.

Не говоря уже о том, что книга эта ценный биографический очерк жизни одного из лучших Оптиных подвижников, учеников

о.о. Льва и Макария, она богатый вклад и для очерка всего старческого Оптинского быта. Между мелкими подробностями Оптинской скитской жизни в частности, встречаются весьма интереснейшие подробности. Так есть там очень любопытные сообщения о том, в каком сердечно-близком отношении стояли к Оптинским старцам Киреевские, епископ Петр и другие. Сообщается, между прочим, и такая, небезынтересная для нас в данном случае, подробность. Здесь сообщается, что «пред своею кончиною старец о. Макарий назначил о. Илариону в благословение от себя, особенно им ценившуюся мухояровую мантия, присланную ему из Молдавского Нямецкого монастыря в признательность за издание переводов старца Паисия Величковского, которую о. Макарий одевал, бывало, на себя, только приступая к принятию Святых Таин». Есть несколько подробностей, которыми выясняются и некоторые обстоятельства из жизни о. Макария и Льва. Относительно о. Льва здесь мы находим разъяснение того, почему о. Лев добровольно сложил с себя звание строителя Белобережской обители. Выясняется это следующим образом: «в миру о. Лев был приказчиком болховского купца Сокольников. 28-ми или 29-ти лет от роду, он в 1797 году поступил в Козельскую Оптину пустынь. Один из сыновей Сокольников Максим поступил за ним в ту же Оптину пустынь. Пробыв в Оптиной два года, о. Леонид перешел в Белые Берега в 1799 году; Максим Сокольников перешел с ним туда же. В белых Берегах о. Леонид был с 1804 по 1808 г. строителем; Сокольников, в монашестве Мельхиседек, был там с ним казначеем. В Белых Берегах проживали тогда старцы о. Клеопа и о. Феодор. Видя, что о. Мельхиседек знаком с властями и с тамошней знатью, и домогается начальства, о. Феодор посоветовал о. Леониду уступить свое начальство о. Мельхиседеку, что и не замедлил исполнить о. Леонид, добровольно сложив с себя настоятельство. Мельхиседек был назначен на его место, а после настоятельства в нескольких других обителях и, наконец, с 1821 г. в Московском Симоновом монастыре. Быв после в Москве о. Леонид у него останавливался, как у бывшего знакомого. Однажды о. Леонид поехал к преосвященному

Филарету; архимандрит взялся его представить Владыке и поехал с ним, но когда Владыке доложили, что приехал архимандрит и старец, преосвященный благословил старцу войти, а о. Мельхиседеку велел сказать, что он теперь не нужен, а если имеет нужду, то пусть приедет после. Так о. Мельхиседек и уехал, не увидав на этот раз Владыку.

Ценны в этой книге еще списки инокинь-игумений, духовных дочерей о. Илариона, бывших ранее в руководстве о. Макария. Там же ценный очерк жизни казначея обители о. Флавиана, который дополняет и дополняется очерком жизни о. Исаакия.

7) В первый раз «Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни и состоящего при ней скита св. Иоанна Предтечи» было составлено Львом Кавелиным в 1847 г., в 2-х частях: 1-я описание монастыря, 2-я описание скита. Это описание замечательно и интересно по своему содержанию тем более, что в последующих изданиях многое из него опущено. В предисловии автор отметив важное значение Оптиной пустыни для местного края и отсутствие каких бы то ни было исторических описаний ее, пишет: «род мой с незапамятных времен имеет оседлость в Козельском уезде, в близком расстоянии от Оптиной пустыни. С малых лет привык я преклоняться пред ее святынею и потом посещал и обозревал ее не раз в разные эпохи моей жизни. Предлагаемые здесь описание – плод недавнего посещения моего обители в минувшем 1845 г., да будет жертвою приносимую от меня отчизне моих предков и вместе выражением личного моего усердия к святой обители отшельника Опты. В заключение всего долгом считаю принести искреннюю мою признательность инок Оптиной пустыни Петру Александровичу Григорову (издателю известных всем любителям духовного чтения писем Задонского затворника Георгия) за его просвещенное и деятельное содействие к совершению моего настоящего труда». В первой части наиболее интересными местами являются следующие. Об основателе обители и происхождении ее названия автор пишет.

(Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни и состоящего при ней скита св. Иоанна Предтечи, составил Лев Кавелин. (Издание в пользу св. обители) часть 1.

Описание обители. С приложением вида ее Санкт-Петербург. 1847 года).

Великий князь Московский, Иоанн Данилович Калита, желая хоть сколько-нибудь воспрепятствовать опустошениям, делаемым татарами в великом княжестве Московском, укрепил засеками всю страну от Оки к Дону, и чрез Дон к Волге. Но эти же самые заповедные леса, по своей неприступности, служили иногда, особенно в украинских лесов древней Руси, станишников (разбойников); но временами они усиливались до того, что устрашали жителей Русской Украины не хуже татар и литвы. Вот почему имена некоторых атаманов, или предводителей этих шаек, и до сих пор еще живут в местных народных песнях и рассказах. Так между прочим сохранились в устных преданиях Козельцев имя Опти, сперва грозного предводителя шайки станишников (разбойников) Козельской засеки, а потом смиренного отшельника, основателя пустыни и вождя иноков.

Это предание об основании Оптиной пустыни получит для нас всю силу истины, когда вспомнить, что история первых веков христианства, начиная с разбойника на кресте, исповедавшего Господа, представляет нам немало примеров, как иные, обратившись от душегубства, провели остальную часть своей жизни в подвигах всеискренного покаяния и были спасены чудным действием благодати Божией. Довольно указать на Моисея Мурина и преподобного Давида.

Подробности благодатного обращения и последующие за сим жизни отшельника Опти, по неведомым судьбам Божиим, навсегда скрыты от нашей любознательности; однако, для любомудрствующего духовно, несомненно, что, обратясь на путь истины, он сделал и плоды достойного покаяния, ибо из предводителей шайки душегубцев Господь Бог взыскал его в вожди и наставники душ, ищущих спасения; можно предполагать и то, что он благоугодил пред Господом, ибо благословение Божие не оскудевало и не оскудевает доселе над основанной им обителью.

Не более как 70 верст разделяют Козельскую Введенскую Оптину пустынь от другой обители столько же древней и равным образом носящей имя Оптинской (Орловской епархии, города

Болхова, Опти́н Троицкий монастырь), почему с большой вероятностью можно предположить, что обе эти обители имели одного и того же основателя.

Признав же отшельника Опту за основателя обеих сих обителей известности, мы приходим к заключению, что сей пустынножитель пожил немалое время после своего благодатного обращения и, подвизаясь подвигом добрым, восходя от силы в силу, от славы в славу, успел до исхода своего в вечность, благоустроить и усовершенствовать основанные им пустыни. В которой из них преставился и погребен отшельник Опта, это, к сожалению, утаено от нас так же, как и другие подробности богоугодной его жизни, после обращения. А может быть рука Промысла с намерением скрыла от людей это обстоятельство, чтобы уменьшением внешней славы здесь, сделать блистательные подвижнический венец его в небесном царстве. Насколько это соответствует действительно, конечно, сказать трудно. Но подобные примеры бывали. Так, напр., известно из жизни преп. Адриана Ондрусовского, что преп. Киприан Сторожевский был сначала атаманом разбойников, потом покаялся и был основателем обители. (Подробнее см. Н.С. Русские святые – подвизавшиеся и чтимые в пределах нынешней СПб. епарх. СПб. 1902 г.).

О знаменитом Калужском архипастыре эпохи 1812 года и строгом подвижнике Евлампии здесь сообщается, что он «желал провести остаток дней своих в молитвенном покое в Оптиной пустыни, почему и построили для него на сей предмет особую келью» (ныне настоятельская) (94 стр.).

Глава о «святых храмах и других зданиях интересна сведениями о постройке Казанской церкви и обстоятельствах прославления местно чтимой Казанской иконы Божией Матери (122–123 стр.). Описание могилы Павла (172–174 стр.), прекрасная картинка старческого руководства о. Макарием больных иноков. Описание жизни архимандрита Мельхиседека интересно, между прочим, по некоторым подробностям, касающиеся судьбы и духовной настроенности любимой дочери Суворова »*Наташи*« (234–236 стр.). Во второй части описания скита интересны описания жизни схимников Иоанникия, Досифея

и Иоанна (из раскольников, о котором упоминали ранее). Интересен также приложенный к этой части портрет схим. Льва, относящиеся к более раннему времени, чем тот, который печатается при жизнеописании о. Льва.

Книга эта выдержала в последующее время несколько изданий. В этих изданиях кое что опускалось, кое что прибавлялось, но общее содержание оставалось то же самое, какое и в первом издании.

Новое издание исторического описания Оптиной пустыни, с значительными дополнениями и приложениями было сделано, самое последнее, в 1902 г. о. Ерастом. Содержание этого издания следующее: I. Исторические сведения о пустыни до XVII в. Местность. Церковное управление края. Время основания Оптиной пустыни. Первые отшельники и основатели пустыни. Жизнь подвижников.

II. История пустыни в XVII-XVIII в. Упадок пустыни. Упразднение пустыни. Возобновление пустыни. Строитель Амвросий.

III. Состояние пустыни при Митр. Платоне и первых Калужских архипастырях.

IV. Устройство Предтечевского скита при Оптиной пустыни. Введение Коневского устава.

V. Настоятели Оптиной пустыни и старцы (по устройении Скита). О. Моисей – настоятель Оптиной пустыни. Управление о. Моисея. О старчестве, или духовном руководстве. Отличие православного духовного руководства от инославного. Старец Леонид. Старчество о. Леонида. Сотрудник старца Леонида о. Макарий. Старчество о. Макария. О книгоиздательской деятельности Оптиной пустыни под руководством о. Макария. Служебные отношения настоятеля о. Моисея. Обзор деятельности настоятеля о. Моисея. Премник старца Макария о. Амвросий. Выбор настоятеля о. Исакия. Настоятель о. Исаакий. Хозяйственные распоряжения о. Исаакия. Старчество о. Амвросия. Книгоиздательство пустыни при старце Амвросии. Деятельность о. Амвросия. Последующие события в Оптиной пустыни. Преемник о. Амвросия старец о. Анатолий.

Приложения: Списки настоятелей Козельской Введенской Оптиной пустыни. Св. иконы старого письма. Вкладная книга. а) Царские вклады. б) Вклады частных лиц в хронологическом порядке. Выпись из Козельских писцовых книг времен Михаила Федоровича. Выпись из документов Московского Архива Министерства Юстиции. Царская дарственная грамота Оптиной пустыни Царя Феодора Алексеевича. Письма, относящиеся к изданию книг. Перевод творений аввы Фалассия, сделанный Митрополитом Филаретом. Обличительная отповедь о. игумена Моисея унаиту Флавиану Лисовскому.

Первые три главы мало интересны: это повторение того, что было и с другими обителями в XVIII веке и начале XIX-го. Что здесь интересно, так это попытка автора объяснить самое название обители Оптиною несколько иначе, чем объяснял о. Леонид. О. Ераст пишет:

Когда, после тягостных смутных времен, наступили в России, наконец, времена гражданского благоустройства, и правительство приступило к переписи земельных владений, Оптина пустынь представлялась уже собственником окружающей ее земли, с прибрежными лужками по р. Жиздре, пространством вниз по реке на одну версту поперек, в естественных границах по живым урочищам: р. Жиздра и впадающим в нее: с запада – речкою Железинкой и с востока – ручьем Липовцем, начиная с его истока.

В первом историческом описании Оптиной пустыни – автор арх. Леонид (І. Л. 1847 г.) относит основание оной в период времени 1408–1445 г. (когда Козельск перешел в род князя Владимира Андреевича Храброго), в том соображении, что об нем сказано в Лаврентьевской летописи⁴⁹: «бѣше бо любя сей князь чин монашеский и священнический», и дальше сказано, что в его время основан монастырь преп. Пафнутия Боровского (1477г.).

Но если бы Оптину пустынь строил князь или бояре, то об этом было бы записано в летописях, а, главное, даны были бы монастырю земли, удобные для пашни, и были бы возведены значительные строения на капиталы строителей...

Местное предание, довольно темное, также приводимое арх. Леонидом, сообщает, что основателем пустыни был некий разбойник «Опта», – почему она и получила название Оптиной. Но точно такое же объяснение дается и основанию Болховской Оптиной пустыни. Предание, однакоже, не может удовлетворительно объяснить, почему два монастыря одновременно основаны одним и тем же разбойником Оптою? Кроме того, монастыри обычно называются не по имени князей или бояр, строивших монастыри, а по имени святых или Господских праздников, в честь которых монастыри строились. И что это за имя «Опта», что оно значит? Из какого языка взято это слово? В русском языке такого слова нет; в монгольском – тоже нет, кроме слова «окта», – болезнь, лекарь, лекарство; на татарском еще можно допустить производство слова «Опта» от глагола «опмак». По-татарски говорят о человеке, который кого либо ставит в затруднительное положение (по-русски – притесняет): «башими опду», – отсюда по русскому произношению «опту», а затем уже «Опта». Если остановиться на этой жогадке, то слово «опта», как не собственное, а нарицательное, в таком смысле может быть отнесено к татарскому периоду времени, когда, по свидетельству истории (Ист. Русск. Ц. Фил. Арх. Черн. 2, 12), каждый баскак татарский грабил на Руси и притеснял, кого только хотел. Можно, поэтому, согласиться отчасти и с преданием в том смысле, что Оптинские монастыри основаны в татарское нашествие бывшими грабителями, обратившимися ко Христу.

Есть еще другое соображение о значении слова «Опта». Болховский монастырь прежде был общим для старцев и стариц. По этому случаю до литовского разорения он назывался «общим монастырем», что допускает и составитель истории Болховского монастыря. (До 1499 года во многих монастырях было две половины: мужская и женская, под общим управлением одного духовного отца. Определением Московского собора 1499 года такие общие монастыри воспрещены). В самом городе Козельске не было ни одного монастыря до 1670 года; только в этом году открыт был Вознесенский девичий монастырь (упраздненный в 1764 г.). Это значение может быть отнесено и к «Общей»

Макарьевой пустыни, так как она именовалась в 18-м столетии: «*Оптин монастырь Макарьевской пустыни*». А что это был прежде действительно общий монастырь, на это отчасти указывают записки в синодике умерших схимонахов и схимонахинь.

Главный интерес книги сосредоточивается, начиная с четвертой главы, где начинается речь об устройстве калужским епископом Филаретом, впоследствии митрополитом Киевским, Оптинского скита. Самый большой отдел пятый, где идет речь о старцах и настоятелях истекшего столетия, начиная с о. Моисея и Льва. Очерки кратки и сжаты, но точны и выразительны. Здесь в кратких чертах изложено все, что есть в вышеперечисленных биографиях. В этом отношении книга эта есть как бы ведение при чтении Оптинских биографий. Что здесь ценно, так это сведения об отношениях к Оптиной пустыни славянофилов: Достоевского, Толстого и др. лиц. Для примера мы приведем здесь выдержку того, что говорится о Толстом и Соловьеве. О. Ераст пишет:

Считаем долгом восстановить здесь истину, относительно отзыва о. Амвросия о Вл. С. Соловьеве. Автор «очерков жизни о. Амвросия» (1 ч. 94 стр.) пишет, что о В.С. Соловьеве старец сделал «неодобрительный отзыв», при чем сослался на январскую книгу «Душеп. Чтен.» за 1892 г. стр. 46; а там сказано, что «*Соловьев не верит в будущую жизнь*». Очевидно, слова старца, если их и сласала госпожа N от самого о. Амвросия, то не поняла смысла их.

Нам лично о. Амвросий сказал (по поводу полемики К.Н. Леонтьева с Соловьевым о сочинениях Данилевского): «спросика Соловьева, как он *думает о вечных мучениях?*» В этих словах старца исключается всякое сомнение относительно веры Соловьева в будущую жизнь. Да это видно и из последних замечательных сочинений его, Соловьева: «Оправдание добра» и «три разговора под липами».

Близок к старцам Оптиной пустыни был также Т.И. Филипов. Он был духовным сыном о. Макария; был в первый раз в оптинской пустыни 29 июля 1855 года⁵⁰. Потом в мае 1886 года приезжал из Петербурга (через Москву) вместе с К.Н. Леонтьевым

и одним сотоварищем, и, наконец, в июле 1891 года. О последнем приезде извещали письмами послушника Е: О. Амвросий, от 12 июля 1891 года... «Я теперь нахожусь в Рудневе и ко мне в Руднево (близ Шамордина) приезжал Т.И. Филиппов и очень пожалел, что тебя нет в Оптине, куда он в тот же день и отправился». А Т.И. от 16 января 1892 г. писал: «очень скорбел я, что в последнее мое посещение Оптиной пустыни не застал в ней вас. Зато успел дать последнее целование вскоре отшедшим от нас о. Амвросию и К.Н. Леонтьеву. Первого нашел я в хуторе близ Шамордина и получил от него напутствие на защиту святых Божиих церквей, о мире и благостоянии коих возносятся ежедневно во всей России молитвы, и в то же время на мир и благостояние их появляются дерзкие и преступные посягательства. Перед разлукою я попросил старца возложить на мою голову свою руку, что он и исполнил, промолвил: «да будет в этой голове всегда воля Божия"... (Эти письма приводятся здесь в опровержение утверждения Н.И. Субботина («Душ. Чтен.» апр. 1900 г.), что будто бы Оптиные старцы прекратили всякие сношения с Филипповым.

Граф Л.Н. Толстой был у о. Амвросия три раза: первый раз (до отлучения от Церкви) с Н.Н. Страховым 22 июля 1877⁵¹), второй раз был инкогнито, с конторщиком своим и учителем, 1881/2 году, а третий раз с супругою, троими детьми и родною сестрою в 1890 году. (Родная сестра графа проживала сперва в Белевском монастыре, а потом перешла в Шамординскую общину под руководство о. Амвросия, где и проживает доньне).

О втором путешествии графа в Оптину пустынь напечатано в газете «Неделя», за 1900 год, воспоминание конторщика в следующих словах: «Весною 1881 или 82 года Л.Н. пешком приходил в Оптину пустынь с сельским учителем и мною (служившим 35 лет конторщиком у графа). На пятый день (около 200 верст) пришли мы в Оптину пустынь. Был седьмой час вечера и звонили к ужину. Пошли и мы с Л.Н., при чем, так как мы были в самых простых одеждах да в лаптях, нас не пустили в первые две комнаты, которые почище, а посадили в третьей вместе с нищими. На другой день Л.Н. зашел, между прочим, в монастырскую книжную лавку. Слышит он, как какая то баба

просит Евангелие за пятак, а монах отказывает, потому, говорит, «дешевые Евангелия все вышли, остались только дорогие». Узнал Л.Н., что баба хочет купить Евангелие для сына своего, взял с прилавка евангелие, заплатил за него 1 ½ целковых и отдал бабе. «Вот возьми», говорит: «сама читай и сына своего учи, потому – Евангелие утешает нашу жизнь». Случай этот вызвал особое внимание к Л.Н.; он совсем этого не желал, но его узнали, и пришлось ему идти по приглашению к архимандриту. Потом он посетил о. Амвросия и остался очень доволен беседой с ним. Выйдя от него довольный и радостный, он сказал: «этот о. Амвросий совсем святой человек. Поговорил с ним, и как то легко и отрадно стало у меня на душе. Вот когда с таким человеком говоришь, то чувствуешь близость Бога».

В третий приезд, в 1890 году, Л.Н., остановившись в монастырской гостинице, отпустил семейство⁵² к о. Амвросию, а сам пошел в скит к родственнику, добровольному послушнику NN. Передав NN поклон от семейства, Л.Н. расспрашивал его о скитских правилах, одобряя пост и воспрещение входа в скит женщин; коснулся также вопроса о цели жизни, для чего мы живем? Послушник, слышавший за церковной службой пояснение об этом предмете, сказал, что, по воле Создателя, мы должны восполнить число падших ангелов на небе. «А кто это тебе сказал?» переспросил Л.Н. «Да я слышал это в церкви», отвечал послушник.

Пригласив, затем, N повидаться с семейством, граф прибавил: «а что, не побывать ли и мне у о. Амвросия?» N отвечал: «как хотите».

Возвратясь в гостиницу, Л.Н. встретил свою семью, возвращавшуюся от о. Амвросия с очень довольным расположением и решил побывать и сам у о. Амвросия. После свидания с о. Амвросием, Л.Н. зашел к К.Н. Леонтьеву, как старому знакомому. «Как это ты – образованный человек, сделался верующим и решился тут жить?» – сделал Л.Н. вопрос Леонтьеву. Тот отвечал: «Поживи здесь, так сам поверуешь». «Еще бы, запереть себя здесь», возразил Л.Н.: «так поневоле

поверуешь"... «Я твою философию, брат, не читаю, а только беллетристику», выразился Л.Н. «Пиши, брат, пиши в старости: и от 80-летних авторов выходили знаменитые творения». Во время чая разговор коснулся старца о. Амвросия. «Вот человек хороший! Я был у него и завтра думаю опять побывать. Он преподает Евангелие, только не совсем чистое, а вот – мое евангелие». – при этом взял из своего кармана книжку и подал Леонтьеву. В это время у Леонтьева была брошюра Елеонского, в которой доказана тождественность и неповрежденность Евангелия и отвергались противные мнения Толстого. Леонтьев подал ее Л.Н.; но он сказал: «брошюра дельная, она рекламирует и мое евангелие». Тут Леонтьев не сдержал себя, вспыхнул и сказал: «как это возможно, чтобы здесь в Пустыни быть, где такой старец, как о. Амвросий, и говорить о своем евангелии? Это можно разве в какой-нибудь глуши, в Томске что ли?» Замечание это задело гордость Л.Н. Он резко ответил: «что-ж, у тебя много знакомых, пиши в Петербург, – может быть, сошлют меня в Томск». Затем, ушел в гостиницу и уехал в Ясную Поляну, не побывав у старца (и не заплатив денег кузнецу за ковку лошадей). На другой день Леонтьев попросил Е. узнать от о. Амвросия подробности о его беседе с Толстым, но о. Амвросий одно только велел передать Леонтьеву, что Толстой был у него около часа. «При входе Толстого в мою келью, я благословил его, и он поцеловал мою руку. А когда стал прощаться, то, чтобы избежать благословения, поцеловал меня в щеку». Рассказывая это, старец едва дышал, – так сильно утомила его беседа с графом. «Горд очень», добавил о. Амвросий.

Пред выходом Толстого из кельи позван был туда к старцу Ш. и он слышал, что старец предложил Л.Н. принести печатное покаяние в своих заблуждениях. Затем, Толстой, выйдя в общую приемную (зальце), где были Леонтьев, Б. и Ш., высказался о своей беседе со старцем так: «я растроган, растроган!» и собирался еще побывать у старца на другой день.

Но самое ценное в книге – это переписка по изданию аскетических переводов. Этою то перепискою и самыми всеми изданиями Оптиной пустыни мы и пользовались при

составлении своей статьи, при чем почтенным автором исторического описания обители были нам доставлены и некоторые рукописные материалы из библиотеки обители, о коих и упоминаем в разных местах, с ссылкой: «рукоп».

При выходе в свет эта книга встретила самый серьезно-сочувственный прием. О ней были напечатаны отзывы: в Церковных Ведомостях, 1903 г. № 26, Московских Ведомостях, № 25, апреля 10, 1903 г., № 112, а г. Розанов в Новом Времени посвятил два фельетона, под заглавием: «Из житейских и литературных мелочей».

В 1905 же году неутомимый автор приготовил и краткое издание этого очерка, которое в том же году было издано под заглавием: «История Козельской Введенской Оптиной пустыни» (краткая). Здесь все подробное из полного издания опущено, оставлено только главное, назидательное, и книжка читается легко и с большим интересом. Как и полное издание, краткая история украшена портретами знаменитых старцев и настоятелей, при чем в кратком издании эти портреты помещены в самом тексте.

Все же вместе взятые церковно-исторические издания Оптиной пустыни представляют из себя ценный вклад в историческую русскую церковную литературу, особенно по истории православного монашества в XIX столетии, что и выяснено посильно в вышеизложенном отделе. Эти издания, затем, глубоко назидательны и интересны для чтения вообще, особенно духовенству, духовному юношеству и всем любителям здорового религиозно-нравственного чтения. Читать же, прибавим, следовало бы эти издания в таком порядке: 1) Жизнеописание о. Паисия Величковского (в новом издании), 2) Историческое описание Оптиной пустыни (новое издание), 3–5) Жизнеописания настоятелей: Моисея, Антония, Исаакия. 6–9) Жизнеописания старцев: Льва, Макария, Амвросия (Агапитово) и о Илариона.

Для монастырей же для каждого по несколько экзempl. каждой книги, следовало бы выписку эти Оптинских изданий сделать обязательно.

Некогда старец Паисий писал в одну из обителей, где подвизались его ученики, возбуждая их к издательской деятельности, такими словами: «И аще на создание странноприимницы каменная с покровом железным толико положили есте ижедевание, то не подобает ли несравненно большее ижедевание на стяжание предреченных книг вечные ради своя и ближнего пользы положити?» (263 стр. Опт. Изд. Жизни и Писаний о. Паисия 1847 г. 2-е изд.) И эти слова как нельзя более применимы и в данном случае.

Примечания

- ¹ - «Дш. Чт.» 1872 г.
- ² - «Странник», 1861 г.
- ³ - Из "Р. П.".
- ⁴ - Жизнь и деяния прозорливого старца отца Петра Томаницкого, заштатного священника в слободе Входа-Иерусалимской, близ города Углича. (Прот. о. Флегонта Морева). Рыбинск. Типо-Литография Фальк, 1894 г. и № 1 «Церк. Вед.» 1889 г.
- ⁵ - Его жизнеописание выше, под 3 сент.
- ⁶ - Из ист. очерка скита. Арх. Леонида.
- ⁷ - Эта икона представляет совершенную копию с той, которая находится в Воронеже над мощами святителя Митрофана, и писана она одним и тем же художником.
- ⁸ - «Русский общежительный скит святого пророка Ильи, на святой Афонской горе». Издание 3-е, дополненное и переработанное. Одесса. Типография П. Францова, Пушкинская ул., № 20. 1896 г.
- ⁹ - Отец архимандрит Макарий скончался в 1847 году.
- ¹⁰ - Взято из полного жизнеописания – издания Оптиной пустыни. Это последнее издание: полное, глубокопоучительное, ценное и в научно-историческом отношении особенно полезная книга каждому иноку и священнику, преимущественно же для духовников.
- ¹¹ - Из ист. опис. скита арх. Леонида.
- ¹² - Соловецкий Патерик.
- ¹³ - Сохраняется в Сретенской обители предание, что старинные серебряные ризы на местных иконах Спасителя и Божией Матери в главном иконостасе Сретенского храма, а также на Смоленской иконе Божией Матери, и в приделах на храмовых иконах рождения св. Иоанна Предтечи и преподобно-мученицы Анастасии Римляныни были вкладною жертвою монахини Елисаветы при ее поступлении в обитель.
- ¹⁴ _

- ¹⁵ - Из брош. «Воспоминания о монахине Кашинского Сретенского женского монастыря Елисавете». 1886 г. Тверь.
- ¹⁶ - «Странник» 1877 г. и «Мценск. Петропавл. Монастырь Орловской епархии» 1856 г. (А.Л.К.).
- ¹⁷ - Из сочинения Батюшкова «Бессарабия».
- ¹⁸ - См. кн. «Сезеновский женский монастырь Лебедянского уезда, Тамбовской губ.», в 3-х ч. М. 1897 г.
- ¹⁹ - «Душеполезное Чтение» 1867 года.
- ²⁰ - «Троицкий листок», №31.
- ²¹ - Из «Жизнеописания Арх. Иннокентия», изд. Гл.пуст.
- ²² - По книге арх. Георгия «Краткий очерк жизни почившего в Задонском Богородицком монастыре иеросхимонаха Агапита» издание 2-е.
- ²³ - Из ист. Статист. Опис. Черн. Епар.
- ²⁴ - См. «Церк. Вед.» 1904 г., 1163 стр. и «Краткое Жизнеописание Р.Б. Ирины Лазаревой и главные ее свойства. Спасо-Зеленогорского монастыря, Нижегородской губернии и уезда».
- ²⁵ - Домника Реутова родилась в 1829 году, января 7 дня.
- ²⁶ - См. «Игуменья Филарета, настоятельница Мензел. Прор.-Ильинск. Жен. Мон. Уфа». Г. тип. 1905 г.
- ²⁷ - См. Жизнеописание иеросхимон. Феофила о. Вл. Зноско.
- ²⁸ - Из Соловецкого Патерика.
- ²⁹ - Сост. по кн. «Историко-статистические сведения о С.-П.-Б. епархии», вып. 2, 1871., стр. III отд. 217–238.
- ³⁰ - См. Жизнеописание, сост. свящ. Вл.Зноско.
- ³¹ - «Солов. Патерик».
- ³² - Из "Р.П.".
- ³³ - Из запис. преосвящ. Герасима, епископа Самарского. («Странник»).
- ³⁴ - См. «Церк. Вед.» 1902 г. №№20, 24 и 32. Время составления полной биографии С.А. Рачинского еще не настало и из отд. Изданий, посвященных его памяти, наиболее интересной является книжка Н.М. Горбова «С.А. Рачинский» С.-П.-Б. 1903г. Изд. О.Р.Р.Н. Просвещения, в VIII.

³⁵ - См. Жизнеописание. Издание Глинский пуст.

³⁶ - См. «Историческое описание Борисовской Тихвинской Девичьей пустыни», составленное по монастырским документам и записям архимандритом Леонидом. Посвящается памяти незабвенного благодетеля сей обители, графа Д.Н. Шереметьева, скончавшегося о Господе 12-го сентября, 1871 года. Издание Императорского общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. Москва 1872г. .

³⁷ - Из брош. «Игуменья Апфия – в схиме Анна, наст. Свяж. I-Предтеч. Жен. Мон.» (Казань. 1906 г.).

³⁸ - См. №20 «Черн. Епарх. Изв.» 1893 г.

³⁹ - (287–289 стр. Жития и Писаний старца Паисия изд. 1847 г.).

⁴⁰ - Слово: «окормление» мы оставляем без перевода потому что русское слово, коим это слово нередко переводится: «руководство» не вполне выражает круг тех идей, какие охватываются словом: «окормление». Окормление есть такое воспитание опытным иноком инока молодого, когда старец не только исправляет, учит, предупреждает послушника, но и своею жизнью подает пример и своими наставлениями и советами как бы питает, кормит, как мать маленькое дитя, и духовно растит его. Поэтому, если уже переводить это слово, то ближе двумя словами: духовное воспитание.

⁴¹ - Арфрон то (кор. Ар. Арариско) – сустав, член Арфроо – сочленять, соединять. Арариско- ладить, прилаживать, сплачивать (греческо-русский словарь Вейсмана, 188 и 192 стр. 2 изд. С.-П.-Б. 1882) Арфра-член.

⁴² - О. Паисий язык аскетических греческих писаний называет еллино-греческим в отличие от простого разговорного греческого языка в очень многом отличающегося от того языка.

⁴³ - О коем будет речь в заключении.

⁴⁴ - Для истории того, как появилась эта прибавка, интересно следующее место из письма о. игумена Моисею о. Порфирия. Он писал: «Записку об о. архимандрите Александре передал Киреевским, что угодно извлеките в добавление. Это есть желание и Наместника, и Голубинского. Пожалуйста прибавьте о

себе, хотя не называя имени, как московский голова, когда брали увольнение, бухнулся вам в ноги, и Александр предрек быть вам игуменом. Назидательных писем его у вас довольно. Не вздумайте ли чем-нибудь поделиться с публикою. (Письмо о. Порфирия Григорова о. Моисею от 5 апреля 1847 г.).

⁴⁵ - Бывшим впоследствии митрополитом Tobольским и всея Сибири. Скончался 10 июня 1715 года.

⁴⁶ - Смотри книгу: «Пастырь Ерма», в «Писаниях мужей Апостольских» Москва. 1862. Стр. 183–346.

⁴⁷ - См. в «Душеполезном Чтении» (1873 г. Март) статью свящ. С. Путинцева: «Святыня Сибири». См. также в «Страннике» (1863 г., том II и 1864 г., том I) статьи Н. Абрамова и протоиерея Александра Сулоцкого.

⁴⁸ - Часть этих записок напечатана в описании скита Оптиной пустыни.

⁴⁹ - Др. Л. 1774 г., ч.I, 281–282.

⁵⁰ - Перевел с греческого «Толкование на молитву Отче наш» (Москва 1853 года). В 1856 году хлопотал и наблюдал за изданием Оптинских переводов.

⁵¹ - В одном черновом письме, руки о. Климента, от 22 июля 1877 года, сказано: «письмо прервано посещением неожиданных гостей: Л.Н. Толстым и Н.Н. Страховым».

⁵² - Одна дочь не пожелала идти.